DUKE
UNIVERSITY

LIBRARY

Digitized by the Internet Archive
in 2021 with funding from
Duke University Libraries

https://archive.org/details/polnoesobranieso51gork

Gorkiĭ, Maksim

М. ГОРЬКІЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ ПЯТЫЙ

ИЗДАНІЕ Т-ВА А. Ф. МАРКСЪ ▫ ПЕТРОГРАДЪ

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1918 г.

Артистическое заведеніе I-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп., № 29.

891.73
G669PL
t.5

РАЗСКАЗЪ ФИЛИППА ВАСИЛЬЕВИЧА.

„...Я сидѣлъ въ городскомъ саду на скамьѣ подъ деревьями, вѣтеръ сердито встряхивалъ черныя мокрыя вѣтви надъ моей головой и, срывая послѣдніе листья, уносилъ ихъ подъ гору, къ широкой мутной рѣкѣ, а рѣка дышала въ небо сырымъ холодомъ.

За рѣкой, въ желтомъ бархатѣ поблекшей травы, блестѣло маленькое озеро, вода печально отражала тусклое небо осени; въ небѣ таялъ блѣдный дискъ луны. Солнце давно опустилось за темную стѣну далекаго лѣса, и багровая полоса зари, среди тяжелыхъ сизыхъ тучъ, казалась огненнымъ потокомъ въ тѣснинахъ горъ.

— Послушайте... — тихо сказалъ кто-то около меня.

Я обернулся — у скамьи стоялъ высокій, плохо одѣтый молодой человѣкъ; шумъ деревьевъ заглушилъ его шаги, и я не слышалъ, когда онъ подошелъ.

— Дайте мнѣ на хлѣбъ! — продолжалъ онъ, понижая голосъ.

Голова его наклонилась, онъ отступилъ на шагъ, но шляпы не снялъ. Это понравилось мнѣ. Я молча сунулъ руку въ карманъ.

— Не много! — быстро предупредилъ онъ и гордо поднялъ голову. — Вы думаете — попрошайка? Нѣтъ... просто безъ работы... очень голоденъ... Вѣрите?

— Вѣрю, — сказалъ я.

Лицо у него было скуластое, глаза большіе, мягко-сѣрые, глубоко ушедшіе подъ высокій лобъ.

— Спасибо! — угрюмо отвѣтилъ онъ, принимая деньги длинной рукой, дрожащей отъ холода или стыда. — Спасибо... Теперь — пойду ѣсть...

Я всталъ и пошелъ рядомъ съ нимъ. Мнѣ что-то нрави-

лось въ немъ, онъ возбуждалъ мое любопытство, поэтому я спросилъ его:

— Не могу ли я быть болѣе полезнымъ для васъ?

— Найдите работу! — быстро воскликнулъ онъ. — Можете?

— Попробую...

— Я стосковался о работѣ, какъ о хлѣбѣ, — говорилъ онъ, шагая рядомъ со мной. — Мнѣ тяжело и стыдно просить... я могу работать! Но въ этомъ городѣ — людей больше, чѣмъ работы... какъ вездѣ! — И онъ усмѣхнулся...

— Какъ васъ зовутъ?

— Платонъ Багровъ... Я, видите ли, крестьянинъ, кончилъ сельскую школу, я хорошо учился, и учительница очень любила меня... Ей удалось уговорить старушку-помѣщицу отдать меня въ гимназію...

Подъ глазами у него были большія темныя пятна. Его носъ, хрящеватый, съ горбинкой, покраснѣлъ отъ холода. Юноша засунулъ руки въ карманы брюкъ, согнулъ спину и зябко передергивалъ широкими плечами. Тонкій пиджакъ застегнутый до горла, высокіе стоптанные сапоги и старая измятая шляпа дѣлали его похожимъ на шарманщика. Говорилъ онъ спокойно, безъ грусти, безъ жалобы въ голосѣ и такъ, точно онъ самъ внимательно вслушивался въ свою рѣчь и провѣрялъ ее.

— Въ гимназіи я былъ четыре года; когда я сидѣлъ въ второмъ классѣ, умерла мать — заплуталась въ полѣ и замерзла; отецъ умеръ еще раньше; а когда перешелъ въ четвертый, умерла эта помѣщица... Наслѣдники ея уже не захотѣли платить за меня, и пришлось уйти изъ гимназіи... На этомъ мое образованіе кончилось...

Какая-то дама, обогнавъ, толкнула его — онъ быстро вскинулъ голову, посмотрѣлъ на нее, поднялъ руку къ шляпѣ и глухо сказалъ:

— Извините!

Дама, не оглянувшись на него, прошла. Онъ плотно сжалъ губы и потомъ, улыбаясь, сказалъ:

— Какъ люди привыкли толкать другъ друга... как будто толкнуть—это ничего не значитъ...

Мы пришли въ трактиръ, заняли столикъ въ углу маленько комнатки, прокопченной табакомъ, я спросилъ себѣ пива, онъ, ожидая, когда ему принесутъ ѣсть, вполголоса разсказывалъ мнѣ, осматриваясь вокругъ:

— Первое время я жилъ у одного изъ сторожей гимназіи, потомъ онъ устроилъ меня въ бакалейную лавочку мальчикомъ, но мой хозяинъ оказался драчуномъ — я ушелъ отъ него.

Половой поставилъ на столъ тарелку съ хлѣбомъ. Платонъ тотчасъ же взялъ кусокъ, но рука у него странно дрогнула, онъ быстро взглянулъ на меня, положилъ хлѣбъ обратно и продолжалъ, опустивъ голову:

— Тогда мнѣ было четырнадцать лѣтъ, теперь — девятнадцать, черезъ два года надо итти въ солдаты. За пять лѣтъ я очень много видѣлъ, жилъ въ разныхъ городахъ, работалъ у водопроводчика, садовника, былъ разсыльнымъ въ редакціи одной южной газеты, ловилъ рыбу въ Азовскомъ морѣ, былъ и на Каспіѣ — много я испыталъ! Смотрѣлъ, думалъ... и — знаете — плохо устроена жизнь!

Половой принесъ миску чего-то мутнаго и крѣпко пахучаго. Платонъ глубоко и жадно потянулъ носомъ воздухъ, подвинулъ обѣими руками миску къ себѣ и, не прерывая рѣчь, сталъ наливать супъ въ тарелку.

— Я очень люблю читать, у меня правило — треть заработка тратить на книги... Прочитавъ, я, конечно, продаю книгу... это всегда жалко, но вѣдь не таскать же ихъ съ собой... Я не люблю жить на одномъ мѣстѣ долго... хочется видѣть какъ можно больше, хочется быть образованнымъ... все понимать...

— Быть образованнымъ — прекрасное желаніе, но, мнѣ кажется, для этого надо долго сидѣть на одномъ мѣстѣ. Однако вы кушайте! — сказалъ я, видя, какъ раздуваются его ноздри, обоняя запахъ пищи... Онъ улыбнулся и началъ ѣсть, безуспѣшно стараясь скрыть отъ меня голодную жадность.

Было нѣсколько странно слышать его простую рѣчь, въ которой звучалъ какой-то неуловимый ритмъ и глубокая серьезность, казалось бы, несвойственная годамъ юноши. Онъ немного рисовался своей гладкой рѣчью, и было замѣтно, что онъ торопится убѣдить меня въ своей интеллигентности... Теперь, видя, съ какой острой жадностью онъ ѣстъ, я старался не смотрѣть на него, чтобы не смутить, и осматривалъ комнату.

Въ другомъ ея углу сидѣлъ, сдвинувъ фуражку на затылокъ, какой-то телеграфистъ. Онъ тяжело навалился грудью на столъ и угрюмо разсматривалъ стоявшую предъ нимъ полубутылку водки. Надъ нимъ летали большія черныя мухи, наполняя воздухъ недовольнымъ и тревожнымъ жужжаньемъ, онѣ путались въ пыльныхъ листьяхъ цвѣтовъ на окнахъ и съ разлета тупо бились въ стекла. Въ комнатѣ стоялъ душный запахъ табаку, кислой капусты, герани и водки...

Вошелъ какой-то высокій, угреватый человѣкъ, сѣлъ за

столикъ противъ телеграфиста, молча налилъ рюмку водки, выпилъ, тщательно обсосалъ свои рыжіе усы и басомъ спросилъ:

— Какъ живешь?

Телеграфистъ откинулся на спинку стула, шлепнулъ ладонью по столу и озлобленно отвѣтилъ:

— У меня такое настроеніе — чтобы стекла бить!

— Жалуйся! — посовѣтовалъ рыжій, наливая еще водки.

— Къ чорту! Всѣ жалуются... а кто слушаетъ?

Платонъ, усмѣхнувшись, взглянулъ на меня и тихо заговорилъ:

— Я — не пью, но очень люблю сидѣть въ трактирахъ... интересно! Всегда подслушаешь какія-то особенныя слова... поймаешь мысль...

— Все это уродливо и грязно, — замѣтилъ я. — Если вы любите читать — читайте больше, вѣдь въ книгахъ вы найдете мысли болѣе цѣнныя, чѣмъ въ трактирахъ, — не такъ ли?

— Д-да, конечно, — почему-то не сразу согласился онъ и, помолчавъ, добавилъ: — хотя, знаете, иногда подумаешь и подъ уродливыми словами увидишь ту самую мысль, которую вычиталъ въ книгѣ... Тогда и книгѣ больше вѣришь, и люди кажутся лучше... умнѣе...

— У васъ были знакомые интеллигенты? — спросилъ я.

— Когда я служилъ въ редакціи — да, были... Сотрудники очень хорошо относились ко мнѣ... давали книги... и еще былъ у меня въ Ростовѣ одинъ знакомый, — онъ столяръ, но очень образованный человѣкъ, у него была цѣлая библіотека, — медленно сказалъ Платонъ.

Онъ немного опьянѣлъ отъ сытости, и, видимо, ему хотѣлось спать; глаза его помутнѣли. Я поднялся, далъ ему свой адресъ, сказалъ, чтобы онъ завтра же пришелъ ко мнѣ, и протянулъ ему руку. Онъ крѣпко пожалъ ее и, кивнувъ головой, просто сказалъ:

— Спасибо!

Я не замѣтилъ, чтобы онъ былъ тронутъ моимъ отношеніемъ къ нему, и хотя, разумѣется, не ждалъ благодарности, однако эта его сухость — или что-то другое — не очень понравилась мнѣ. Мы всѣ обязаны цѣнить взаимныя услуги другъ другу, это необходимо въ общежитіи...

Когда я вышелъ на улицу, было уже темно. Длинная вереница фонарей, сверкая, тянулась во тьму; дулъ вѣтеръ, огоньки вздрагивали...

„А ему, должно-быть, холодно въ легкомъ пиджакѣ“, — подумалъ я о Платонѣ Багровѣ...

Мнѣ удалось найти для Платона мѣсто дворника въ домѣ моего знакомаго, очень милаго старика, — нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ отказался отъ чтенія лекцій въ университетѣ и теперь скромно жилъ на покоѣ, занятый изслѣдованіемъ о какомъ-то паразитѣ пшеницы.

Домикъ у него былъ маленькій, славный; онъ стоялъ на окраинѣ города и лѣтомъ, окруженный со всѣхъ сторонъ старыми липами, окутанный густыми волнами акаціи и сирени, смотрѣлъ изъ моря зелени гостепріимнымъ, тихимъ и чистымъ островомъ.

У профессора была дочь — маленькая дѣвица съ голубыми глазами и звонкимъ смѣхомъ, веселая, балованная и безпечная. Она недурно играла на роялѣ, рисовала, читала изящную литературу и всегда носила бѣлыя платья — они шли къ ней, какъ идетъ къ березкѣ ея кора. Она всегда была окружена подругами, такими же изящными, какъ и сама, у нея часто бывали студенты, благовоспитанные юноши. Въ комнатѣ нижняго этажа каждый вечеръ было шумно и весело, играли, спорили, читали стихи, танцовали, а старый профессоръ сидѣлъ гдѣ-нибудь въ углу и, поглаживая сѣдую бороду, усмѣхался веселью молодежи. Все было просто, весело и пріятно...

Я часто бывалъ въ этомъ домѣ и каждый разъ встрѣчалъ Платона. Теперь лицо у него пополнѣло, круги подъ глазами исчезли, онъ носилъ толстую черную фуфайку, одѣтую на цвѣтную рубаху, черныя шаровары и высокіе кожаные сапоги. Этимъ не совсѣмъ обычнымъ костюмомъ онъ, должно-быть, хотѣлъ подчеркнуть себя въ глазахъ людей. Высокій и костлявый, онъ былъ угловатъ въ движеніяхъ. Его темные, короткіе волосы немного вились, глаза смотрѣли вдумчиво, спокойно, и въ скуластомъ лицѣ было что-то значительное.

Видя меня въ комнатахъ, онъ ласково и молча кивалъ мнѣ головой, — онъ былъ настолько тактиченъ, что никогда не заговаривалъ со мной при хозяевахъ, должно-быть, чувствуя, что этимъ онъ поставилъ бы меня, да и себя, въ неловкое положеніе предъ ними... Но, встрѣчая его на дворѣ, одинъ-на-одинъ, я подавалъ ему руку, и мы вступали въ бесѣду.

— Ну, какъ вамъ нравится здѣсь, Платонъ?

— Ничего! — добродушно отвѣчалъ онъ. — Свободнаго времени не такъ много, какъ я думалъ, но все-таки я могу читать... Думаю, что много хорошаго получу я въ этомъ домѣ. Много видѣть, чувствовать, работать, думать—вотъ жизнь! Вѣрно?

— Да, да! — одобрительно говорилъ я, любуясь его оживленіемъ. — И главное, читайте побольше хорошихъ книгъ... Ну, а какъ вамъ нравятся хозяева?

— Славные, должно-быть, люди... уже одно то, что они не ругаются и вообще не грубы съ прислугой, благодать! Рѣдко это встрѣтишь... Барышня забавная! Бѣгаетъ, визжитъ, дѣлаетъ гримаски... всегда чистенькая, точно холеный поросенокъ!

Мнѣ не понравился этотъ отзывъ о Лидіи Алексѣевнѣ, — отрицательное отношеніе прислуги къ хозяевамъ вполнѣ понятно, но Платонъ — человѣкъ полуинтеллигентный и долженъ понимать, что такимъ отношеніемъ къ своей хозяйкѣ онъ опускается до психологіи судомоекъ. Я ничего не сказалъ ему по этому поводу, а онъ, улыбаясь, продолжалъ:

— Она — славная все-таки! Добрая, милая и, хоть капризничаетъ, — а къ людямъ относится хорошо... иногда кричитъ на горничную, но это не обидно, это — дѣтское...

— Она только на годъ моложе васъ, — замѣтилъ я.

— Ничего не значитъ! — спокойно возразилъ онъ. — Годы бываютъ разные... время надо измѣрять количествомъ и качествомъ впечатлѣній... Что̀ она видѣла и знаетъ?

Онъ любилъ хвастнуть своимъ житейскимъ опытомъ, это тоже надоѣдало мнѣ. И я имѣлъ основаніе не вѣрить ему, я нѣсколько разъ замѣчалъ, что, когда Лидія Алексѣевна проходила мимо дворника, его рука подозрительно, торопливо взлетала къ шапкѣ, голова покорно склонялась предъ нею, и весь онъ смѣшно и угловато сгибался, точно боясь испугать дѣвушку своей длинной фигурой, подобной плохо выстроенной колокольнѣ, — онъ былъ чудовищно нескладенъ и великъ въ сравненіи со своей хозяйкой. Я не понималъ значенія этихъ поклоновъ, но Лидочка замѣтила ихъ. Это естественно: глаза врага всегда прекрасно видятъ; смѣшное въ мужчинѣ всего скорѣе доступно зрѣнію женщины...

И вотъ веселая дѣвушка обратила особенное вниманіе на дворника: она ласково улыбалась ему, иногда дарила его парой незначительныхъ словъ, а однажды, когда онъ кололъ дрова, даже спросила его — не усталъ ли онъ?

Какъ-то разъ она попросила меня снова разсказать ей мою встрѣчу съ Платономъ. Я исполнилъ ея желаніе и въ заключеніе сказалъ:

— Онъ слишкомъ самонадѣянъ... считая себя исключительной личностью, онъ, по-моему, способенъ забрать себѣ въ голову Богъ знаетъ что̀!

Она не обратила вниманія на мои слова...

— Чудакъ онъ, — сказала она, задумчиво улыбаясь. — Такой смѣшной, длинный... и все философствуетъ тамъ въ кухнѣ... а надъ нимъ смѣются за это...

Потомъ она разсказала мнѣ, что прислуга дома считаетъ Платона полоумнымъ за то, что онъ не ухаживаетъ за горничными, не сидитъ въ праздники у воротъ, истребляя сѣмена подсолнуховъ, а все только читаетъ какія-то книжки.

Все его поведеніе въ глазахъ кухарки и горничныхъ было несвойственно дворнику, говорилъ онъ много, непонятно, всѣхъ чему-то поучалъ, и его рѣчи раздражали людей въ кухнѣ.

— Нужно посовѣтовать ему сдать экзаменъ на учителя, и пусть онъ отправится въ деревню просвѣщать народъ, — сказалъ я.

— Да, — согласилась Лидія Алексѣевна, — это лучше для него... Здѣсь онъ не на мѣстѣ...

И, должно-быть, съ этого момента она усилила свое вниманіе къ Платону — не потому, конечно, что думала открыть въ немъ переодѣтаго принца сказки, а просто ей было любопытно узнать, какъ чувствуетъ и разсуждаетъ человѣкъ, который мететъ дворъ ея дома...

Наступала весна. Прилетѣли грачи. Въ старыхъ липахъ, надъ крышей дома, цѣлыми днями, не умолкая, раздавался громкій крикъ хлопотливыхъ птицъ.

Я замѣтилъ, что глаза Платона смотрятъ какъ-то странно дальше того, что̀ было передъ ними, какъ будто они упорно ищутъ нѣчто необходимо нужное ему, не находятъ и, удивленно расширяясь, улыбаются невеселой улыбкой... Онъ сталъ молчаливъ, и въ движеніяхъ его явилась какая-то растерянность... Однажды въ тихій апрѣльскій вечеръ, запирая за мной ворота, онъ негромко спросилъ:

— Можно мнѣ прійти къ вамъ завтра?

— Пожалуйста, — сказалъ я. — Между пятью и шестью вечера... До свиданія! Между пятью и шестью...

Онъ пришелъ аккуратно въ это время, пришелъ одѣтый, какъ всегда, въ свою фуфайку, смущенно улыбнулся мнѣ и тяжело сѣлъ къ столу.

Я заговорилъ о прочитанныхъ имъ книгахъ, но это, видимо, не интересовало его; онъ отвѣчалъ разсѣянно, неохотно и смотрѣлъ печальными глазами куда-то черезъ мою голову или сквозь мое лицо. Печаль не шла къ его скуластой физіономіи, и въ ней было что-то смѣшное.

— Какъ поживаете? — спросилъ я.

— Н-неважно... Неловко мнѣ стало въ этомъ домѣ... Такой вѣдь хорошій, чистый домъ... и люди умные, добрые... Думалъ — вотъ около нихъ я приведу себя въ порядокъ... научусь у нихъ многому... Однако это не выходитъ... Голова

ничего не принимаетъ... тоска какая-то... И я даже... стихи писать началъ, право!

Онъ сконфуженно взглянулъ на меня и спросилъ негромко:

— Вамъ это смѣшно?

— Нѣтъ, нисколько!—успокоилъ я его.—Прочитайте мнѣ стихи,—можно?

Онъ кивнулъ головой, усмѣхнулся невеселыми глазами, положилъ локти на столъ, опустилъ на нихъ свою лохматую голову и глухимъ голосомъ отрывисто заговорилъ:

Ночь пришла. Сижу я у окна,
Садъ уснулъ. Въ немъ—тьма и тишина.
Я смотрю въ нѣмую ночи тьму.
И душа моя кричитъ невольно:
Почему мнѣ тяжело и больно?
Почему?

Отъ его стиховъ пахло махоркой, отъ его сапогъ—дегтемъ, фуфайка на локтяхъ была протерта, у ворота она не имѣла пуговицъ, и я видѣлъ, какъ тяжело и сильно бились жилы на шеѣ Платона. Онъ неподвижно сидѣлъ и, глядя въ столъ, читалъ:

Нѣтъ нигдѣ душѣ моей отвѣта...
Душной тьмою все кругомъ одѣто...
Спитъ земля и влажный воздухъ нѣмъ...
Только мое сердце громко бьется—
О, зачѣмъ она всегда смѣется?
О, зачѣмъ?

Онъ замолчалъ, поднялъ голову, и брови его вопросительно поднялись

— Ну что?—спросилъ онъ.

Мнѣ было жалко парня, и я хотѣлъ обратить его лирику въ шутку.

— Нехорошо!—сказалъ я, усмѣхаясь.—Нужно, чтобы или оба смѣялись, или ужъ оба плакали... это было бы лучше! Есть у васъ еще стихи?

— Есть,—тихо сказалъ онъ и, снова опустивъ голову, медленно и грустно началъ читать:

Прощай! Душа—тоской полна...
Я вновь, какъ прежде, одинокъ,
И снова жизнь моя темна.
Прощай, мой ясный огонекъ!
Прощай!
Прощай! Я поднялъ паруса,
Стою печально у руля,
И рѣзвыхъ чаекъ голоса
Да бѣлой пѣны полоса—

Все, чѣмъ прощается земля
Со мной... Прощай!

Глухой голосъ его звучалъ однотонно и невольно напоминалъ мнѣ о чтеніи псалтыря надъ усопшимъ. Онъ помолчалъ, взглянулъ на меня и, дохнувъ, продолжалъ:

Даль моря мнѣ грозитъ бѣдой,
И червь тоски мнѣ душу гложетъ,
И грозно воетъ валъ сѣдой...
Но—море всей своей водой
Тебя изъ сердца смыть не можетъ!
Прощай!

Онъ замолчалъ и сидѣлъ неподвижно. Мнѣ было тяжело и неловко передъ нимъ, я боялся, что онъ, пожалуй, заплачетъ, и не зналъ, какъ помочь ему? Подумавъ, я рѣшилъ дѣйствовать, какъ хирургъ—сразу отсѣчь ненужное. Я всталъ, подошелъ къ нему и, положивъ руку на плечо его, спросилъ:

— Вы—влюбились?

— Ну да,—тихо сказалъ онъ

— Кто она? Горничная Ѳеклуша?

Онъ удивленно поднялъ брови и спокойно отвѣтилъ:

— Лидія Алексѣевна...

Разумѣется, я зналъ это, но не ожидалъ, что онъ скажетъ такъ прямо, и мнѣ не хотѣлось слышать объ этомъ изъ его устъ. Мнѣ было немного непріятно и очень смѣшно.

— Послушайте, голубчикъ, — заговорилъ я, какъ могъ серьезно и ласково,—поймите, что вѣдь это же—забавно!

— Забавно?—тихо вскричалъ онъ, и глаза его удивленно расширились.

— Ну да!—сказалъ я.—Мнѣ прямо-таки трудно говорить съ вами серьезно...

— Почему?—повторилъ онъ свой сдавленный крикъ.

— Да вы подумайте — вамъ девятнадцать лѣтъ... ну, вы, тамъ, кое-что видѣли, кое-что знаете, но—развѣ вы пара ей? Она—дѣвушка образованная, съ тонкими вкусами... ей органически враждебно все грубое... да не въ этомъ дѣло, наконецъ!—а въ полной невозможности такого сочетанія, какъ она и вы... Человѣкъ неглупый, вы сами должны чувствовать эту невозможность... ее нужно именно чувствовать!

— А я—не чувствую...—тихо, но упрямо сказалъ онъ и тѣмъ же тономъ спросилъ:—Развѣ я не человѣкъ, какъ всѣ?

Я пожалъ плечами и снова началъ говорить ему, а онъ смотрѣлъ на меня сѣрыми глазами; въ нихъ свѣтилось упрямство, и я видѣлъ, что мои слова не дѣйствуютъ на него.

— И наконецъ,—сказалъ я, отходя въ сторону отъ Платона,—я знаю, что Лидія Алексѣевна любитъ меня...

Онъ медленно всталъ со стула, плотно сжалъ губы, сгорбился и, забывъ подать мнѣ руку, ушелъ...

Я посмотрѣлъ вслѣдъ ему и почувствовалъ, что мнѣ надо серьезно вмѣшаться въ эту забавную, но непріятную исторію...

На другой же день, вечеромъ, я пришелъ къ Лидіи Алексѣевнѣ и осторожно, чтобы не очень насмѣшить ее, но въ то же время достаточно внушительно, сказалъ ей, что, пожалуй, будетъ лучше, если она перестанетъ обращать вниманіе на своего дворника.

— Почему?—удивленно спросила она.—Съ нимъ, знаете, очень интересно говорить... Иногда его разсказы, несмотря на ихъ грубость, такъ трогательны... и такъ ярко рисуютъ жизнь простыхъ людей... Почему же, деспотъ, я не должна разговаривать съ нимъ?

Тогда я сказалъ прямо, что Платонъ влюбился въ нее, и что первая любовь, какова бы она ни была, на всю жизнь формируетъ сердце мужчины... Она брезгливо вздрогнула, ея глазки сдѣлались круглыми отъ изумленія, щечки ярко вспыхнули, и она взволнованно забѣгала по комнатѣ, обиженная и смущенная.

— Какъ онъ смѣетъ!—растерянно восклицала она.—Онъ? У него же всегда потныя руки... и такія красныя... и уши тоже красныя... Но — какъ я сама не догадалась? Вотъ... смѣшной! Мнѣ и жалко его... и это такъ нехорошо... грубо! Вы говорите—сочинилъ стихи?

— Даже, кажется, недурные,—замѣтилъ я.

— Нѣтъ, какъ же это я сама не замѣтила? Право, это интересно... влюбленный демократъ... романъ! Ахъ, Боже мой! но что же теперь съ нимъ дѣлать, Филиппъ Васильевичъ? Необходимо отказать ему отъ мѣста, да?

— Отнюдь не сейчасъ! — посовѣтовалъ я. — Зачѣмъ же оскорблять человѣка, когда можно обойтись безъ этого? Отказать ему отъ мѣста, конечно, необходимо, но нужно сдѣлать это осторожно... не вдругъ... Подождите!

— Я бы хотѣла все-таки посмотрѣть его стихи,—задумчиво сказала она.

Послѣ я искренно и горько раскаялся въ томъ, что далъ такой совѣтъ, упустивши изъ вида ребяческое легкомысліе Лидочки.

На другой же день я уѣхалъ изъ города, а черезъ два-три дня уже всѣ въ домѣ знали, что дворникъ влюбленъ въ барышню. Происходили, — какъ я потомъ узналъ,—веселыя и, надо сказать правду, злыя сценки.

— Платонъ!—звала Лидочка.

Онъ являлся.

— Вы любите меня?—ласково спрашивала она.

— Да!—твердо говорилъ дворникъ.

— Очень?

— Да,—повторялъ онъ.

— И если бы я попросила васъ о чемъ-нибудь,— мечтательно разсматривая его скуластое лицо, таинственно и тихо говорила Лидочка, — вѣдь вы все сдѣлаете для меня, Платонъ?

— Все!—съ непоколебимой увѣренностью отвѣчалъ дворникъ.

— Ну, если такъ, — восторженно улыбаясь, продолжала она,—если такъ, дорогой мой Платонъ...

Лицо ея становилось печальнымъ, и, глубоко вздыхая она заканчивала:

— Поставьте самоваръ...

А въ глазахъ ея сверкала веселая улыбка.

Онъ шелъ, низко опустивъ голову, и ставилъ самоваръ, а скулы у него становились все острѣе, и глаза все глубже уходили подъ лобъ.

Иногда Лидочка, разспросивъ Платона о силѣ его любви, заставляла его вымыть ея грязныя калоши или посылала его съ запиской къ подругѣ, и ко всему, о чемъ она его просила, она всегда примѣшивала его любовь.

Вечеромъ, когда собирались гости, она звала Платона, заставляла его читать стихи, и онъ читалъ, низко опустивъ голову и не глядя ни на кого. Его хвалили, онъ кланялся, а лицо у него было неподвижно, точно каменное. Лидочка при немъ же говорила гостямъ:

— Вѣдь недурно, не правда ли? Иногда печатаются стихи хуже этихъ. Эти—неловки, но искренни... мнѣ извѣстно, что поэтъ дѣйствительно влюбленъ и — безнадежно! На пути къ его счастью стоятъ сословные предразсудки и холодное сердце той, которую онъ воспѣваетъ...

Я нахожу, что она обращалась съ юношей неосторожно и незаслуженно зло... Мнѣ кажется, что его любовь оскорбляла ея самолюбіе, и она немножко мстила за это бѣдняку... Впрочемъ, и всѣ другіе относились къ нему не лучше. Старикъ-профессоръ былъ очень добрый человѣкъ, онъ любилъ любовью мудреца всѣхъ насѣкомыхъ, но и онъ находилъ удовольствіе въ шуткахъ надъ юношей.

— Послушайте, поэтъ! — говорилъ онъ. — Убѣдительно прошу васъ, не наваливайте вы такъ много навоза на грядки

для спаржи! Я не однажды говорилъ вамъ это, а вы все забываете... и я останусь безъ спаржи, если дѣло пойдетъ такъ плохо... Я впрочемъ, не сержусь, а понимаю ваше положеніе... хе-хе! Васъ влечетъ въ Аркадію... Что̀ жъ? Законно: въ дѣтствѣ человѣкъ болѣетъ корью и скарлатиной, въ юности онъ влюбляется, пишетъ стихи и мечтаетъ о подвигахъ... трата времени не очень полезная для жизни... но все же это лучше, чѣмъ благоразуміе старости!

Профессоръ всегда говорилъ длинно, и краснорѣчіе его было скучновато, но ему оно нравилось.

Шутила и прислуга—она, конечно, шутила проще и грубѣе. И, очевидно, всѣ шутки попадали въ цѣль очень мѣтко, ибо цѣль была достаточно велика. Но изобрѣтательнѣе всѣхъ была Лидочка,—я не могу скрыть этого и не одобряю, конечно.

Вечерами, при лунѣ, она красиво и задумчиво садилась у открытаго окна и громко говорила подругамъ о томъ, что любовь не знаетъ преградъ, что для нея нѣтъ дворянъ, нѣтъ крестьянъ, а есть только мужчина, человѣкъ, любимый. А Платонъ слышалъ это.

Потомъ она звала его, смотрѣла холодно и сухо въ его лицо и заставляла что-нибудь сдѣлать для нея.

Она играла меланхолическія пьесы, нѣжно трогавшія душу влюбленнаго мягкими и ласковыми аккордами, она пѣла нѣжныя, тихія пѣсенки, въ которыхъ звучало ожиданіе ласки и тоска о миломъ, и все это она дѣлала такъ, чтобы дворникъ видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ...

Однажды онъ подошелъ къ ней въ саду и сказалъ:

— Зачѣмъ вы смѣетесь надо мной? Не смѣйтесь, не надо... что̀ смѣшного въ томъ, что я люблю васъ? Скоро я уйду изъ этого города... мнѣ хочется помнить васъ ласковой, доброй... не мучайте меня!

Лицо у него было сѣрое, брови опустились, и между ними лежала угрюмая складка. Говорилъ онъ тихо и стоялъ неподвижно, но Лидочка чего-то испугалась въ немъ и убѣжала, ни слова не сказавъ ему

А на другой день она не могла отказать себѣ въ удовольствіи еще немножко помучить его,—призвала въ комнаты и заставила читать стихи передъ двумя ея подругами. Въ стихахъ шла рѣчь о молодомъ, крѣпкомъ дубѣ,—одна изъ его вѣтокъ коснулась лица королевы, и королева приказала срубить дубъ. Стихи были неуклюжіе; барышни, слушая ихъ, улыбались...

Кончилось это тѣмъ, что однажды утромъ я получилъ телеграмму отъ Лидочки:

„Немедленно пріѣзжайте Платономъ несчастіе Лида“.

Она встрѣтила меня растерянная, блѣдная, полубольная.

— Вы знаете—онъ застрѣлился!

— Неужели?—воскликнулъ я, тяжело пораженный.

— Да, да! вотъ вамъ!—нервозно бѣгая по комнатѣ, говорила она.—И въ этомъ виноваты вы, вы!

— Я?

— Конечно! Надо было тогда же, сразу отказать ему отъ мѣста, а вы сказали — это нельзя! Вотъ теперь... Бѣдный! Мнѣ его жалко...

На глазахъ у нея сверкали слезы, видно было, что она не спала ночь и много плакала...

— Если бы я знала, что онъ такъ... серьезно... я бы не позволяла себѣ шутить, — говорила она, приложивъ платокъ къ лицу и вздрагивая.—Говорятъ, онъ еще живъ... поѣзжайте къ нему! Я не могу... я потомъ... Папа такъ разстроенъ... и всѣмъ его жалко... вѣдь онъ былъ такой оригинальный!

Дитя! Она и тутъ говорила о немъ, какъ о сломанной игрушкѣ...

Я тотчасъ же поѣхалъ въ больницу и по дорогѣ печально думалъ о Платонѣ. Онъ мнѣ казался такимъ крѣпкимъ, твердымъ—и вотъ, при первомъ же столкновеніи съ жизнью, онъ опрокинутъ и разбитъ. И этой неустойчивости, вполнѣ понятной у культурнаго человѣка, живущаго нервной жизнью, я не понималъ въ Платонѣ...

Онъ лежалъ вверхъ лицомъ, желтый, безкровный, съ морщинами на лицѣ; глаза у него потемнѣли, стали огромными и въ нихъ неподвижно застыла тоска и боль. Зубы онъ крѣпко сжалъ, и скулы у него выдавались острыми углами. Его длинная, жилистая рука безсильно свѣсилась съ койки, касаясь пальцами пола. Онъ долго смотрѣлъ мнѣ въ лицо какимъ-то большимъ, тяжелымъ взглядомъ и молчалъ... Наконецъ, сквозь зубы, скрипящимъ голосомъ, задыхаясь отъ слабости, онъ съ усиліемъ сказалъ мнѣ:

— Спросите ихъ... вотъ я—работалъ на нихъ... чтобы имъ жилось удобнѣе и чище... за что же они изувѣчили меня? Спросите ихъ...

И глаза его медленно закрылись. Я поднялъ его руку, положилъ ее на колѣни себѣ и ласково заговорилъ:

— Въ этомъ нѣтъ преступленія, мой другъ, это—ошибка, недоразумѣніе... не надо судить людей такъ строго... Вотъ—выздоровѣете вы, и — все это... разъяснится... Вѣдь вы же знаете—они хорошіе люди...

Онъ тихо потянулъ руку съ моихъ колѣнъ, и она снова

безсильно скатилась на полъ. Не открывая глазъ, онъ сказалъ:

— Тамъ у меня... остались книги... пошлите ихъ въ Ростовъ... столяру Евсѣю Скрябину... не забудьте!

— Хорошо, я пошлю!

Вынувъ записную книжку, я занесъ въ нее его порученіе и адресъ столяра, а онъ все лежалъ неподвижно. Въ груди его глухо хрипѣло, и огромныя, темныя пятна на мѣстѣ глазъ дѣлали его лицо мертвымъ.

Я смотрѣлъ на него, молчалъ, и мнѣ было неловко оставаться, неловко уйти.

Наконецъ онъ открылъ глаза и, увидавъ меня, прошепталъ:

— Уходите!

— До свиданія! — сказалъ я, снова подпявъ его руку и пожимая ее. Онъ не отвѣтилъ мнѣ ни звукомъ, ни движеніемъ руки.

Медленно, съ непріятнымъ, ѣдкимъ чувствомъ въ груди, я пошелъ изъ палаты, и когда вышелъ въ коридоръ, то услыхалъ хриплый голосъ Платона:

— Сидѣлка... не пускайте ко мнѣ... никого...

Очевидно, онъ думалъ, что придетъ Лидочка.

Ночью онъ умеръ.

...Исполняя его порученіе, я послалъ въ Ростовъ книги, оставленныя имъ—свои тетрадки со стихами онъ сжегъ въ печи, сказала мнѣ прислуга,—но среди книгъ мнѣ попался перечеркнутый листокъ почтовой бумаги, и на немъ торопливо были написаны вотъ эти строки:

„Медленно и долго поднимался я съ низу жизни къ вамъ, на вершину ея, и на все въ пути моемъ я смотрѣлъ жадными глазами соглядатая, идущаго въ землю обѣтованную...“

Я взялъ листокъ себѣ на память о Платонѣ; недавно, роясь въ столѣ, нашелъ его и вспомнилъ о юношѣ... и— вотъ разсказалъ о немъ, какъ умѣлъ...

1905.

ИСПОВѢДЬ.

(Посвящаю Ѳедору Шаляпину).

...Позвольте разсказать жизнь мою; времени повѣсть эта отниметъ у васъ немного, а знать ее—надобно вамъ.

Я — кропивникъ, подкидышъ, незаконный человѣкъ; кѣмъ рожденъ—неизвѣстно, а подброшенъ былъ въ экономію господина Лосева, въ селѣ Сокольемъ, Красноглинскаго уѣзда. Положила меня мать моя—или кто другой — въ паркъ господскій, на ступени часовенки, гдѣ схоронена была старая барыня Лосева, а найденъ я былъ Данилой Вяловымъ, садовникомъ. Пришелъ онъ рано утромъ въ паркъ и видитъ: у двери часовни дитя шевелится, въ тряпки завернуто, а вокругъ котъ дымчатый сторожко ходитъ.

У Данилы прожилъ я до четырехъ лѣтъ, но какъ онъ самъ многодѣтный былъ, то кормился я гдѣ попало, а коли пищи не найду,—попищу, попищу да голоденъ и засну.

Четырехъ лѣтъ взялъ меня къ себѣ дьячокъ Ларіонъ, человѣкъ одинокій и весьма чудесный: взялъ онъ меня для скуки своей. Былъ онъ небольшого роста, круглый, какъ пузырь, и лицо круглое; волосы рыжіе, а голосъ тонкій, подобно женскому, и сердце имѣлъ тоже какъ бы женское—до всѣхъ ласковое. Любилъ вино пить и пилъ его помногу; трезвый молчаливъ бывалъ, глаза полузакрыты всегда, и видъ имѣлъ человѣка виноватаго предъ всѣми, а выпивши—громко ирмосы и тропари пѣлъ, голову держалъ прямо и всякому улыбался.

Отъ людей въ сторонѣ стоялъ, жилъ бѣдно, надѣлъ свой попу отдалъ, а самъ зиму и лѣто рыбу ловилъ да — забавы ради — птицъ пѣвчихъ, къ чему и меня пріучилъ. Любилъ онъ птицъ, и онѣ не боялись его; умилительно вспомнить, какъ, бывало, бѣгаетъ поползень—птица очень дикая—по рыжей головѣ его и путается въ огневыхъ волосахъ. Или ся-

детъ на плечо и въ ротъ ему заглядываетъ, наклоняя умную голову свою. А то ляжетъ Ларіонъ на лавку, насыплетъ конопли въ голову и въ бороду себѣ, и вотъ слетятся чижи, щеглята, синицы, снѣгири — роются въ волосахъ дьячка, по щекамъ лазятъ, уши клюютъ, на носъ ему садятся, а онъ лежитъ и хохочетъ, жмуря глаза да ласково бесѣдуя съ ними. Завидовалъ я ему въ этомъ—меня птицы боялись.

Нѣжной души человѣкъ былъ Ларіонъ, и всѣ животныя понимали это; про людей того не скажу — не въ осужденіе имъ, а потому, что, знаю, — человѣка лаской не накормишь.

Зимою трудновато бывало ему: дровъ нѣтъ и купить не на что, деньги пропиты; въ избенкѣ, какъ въ погребѣ, холодно, только пичужки щебечутъ да поютъ, а мы съ нимъ, лежа на холодной печи, всѣмъ, чѣмъ можно, окутаемся и слушаемъ птичье пѣніе... Ларіонъ имъ подсвистываетъ—хорошо умѣлъ!— да и самъ былъ похожъ на клёста: носъ большой, крюкомъ загнутый, и красная голова. А то, бывало, скажетъ мнѣ:

— Вотъ, слушай, Мотька, — меня Матвѣемъ окрестили,— слушай!

Ляжетъ на спину, руки подъ голову, зажмуритъ глаза и заведетъ своимъ тонкимъ голосомъ что-нибудь изъ литургіи заупокойной. Птицы замолчатъ, прислушаются, да потомъ и сами вперебой пѣть начнутъ, а Ларіонъ пуще ихъ, а онѣ ярятся, особенно чижи да щеглята или дрозды и скворцы. До того онъ допоется, бывало, что сквозь вѣки изъ глазъ у него слезы текутъ, щеки ему мочатъ, и омытое слезами станетъ сѣрымъ лицо его.

Отъ такого пѣнія иной разъ жутко становилось, и однажды я сказалъ ему тихонько:

— Что̀ ты, дядя, все про смерть поешь?

Пересталъ онъ, поглядѣлъ на меня и говоритъ, смѣясь:

— А ты не бойся, глупый! Это ничего, что смерть, зато— красиво! Въ богослуженіи—самое красивое заупокойная литургія: тутъ ласка человѣку есть, жалость къ нему. У насъ, кромѣ покойниковъ, никого не умѣютъ жалѣть!

Слова эти хорошо помню, какъ и всѣ его рѣчи, но понимать ихъ въ ту пору я, конечно, не могъ. Дѣтское только передъ старостью понятно, въ самые мудрые годы человѣка.

Помню тоже, спросилъ я его: почему Богъ людямъ мало помогаетъ?

— Не Его это дѣло!—объяснилъ онъ мнѣ.—Самъ себѣ помогай, на то тебѣ разумъ данъ! Богъ—для того, чтобы умирать не страшно было, а какъ жить—это твое дѣло!

Рано забылъ я эти рѣчи его, а вспомнилъ—поздно и от-
ого много лишняго горя перенесъ.

Замѣчательный былъ человѣкъ! Всѣ люди, когда удятъ, не
ричатъ, не разговариваютъ, чтобы не пугать,—Ларіонъ поетъ
еумолчно, а то разсказываетъ мнѣ житія разныя, или о
Богѣ говоритъ, и всегда къ нему рыба валомъ шла. Птицъ
овятъ тоже съ осторожностью, а онъ все время свиститъ,
разнитъ ихъ, бесѣды съ ними ведетъ, и—ничего, идетъ птица
въ чапки и въ сѣть. Опять же насчетъ пчелъ—рои отса-
ивать или что другое,—старые пчеляки съ молитвой это дѣ-
аютъ, и то не всякъ разъ удается имъ, позовутъ дьячка—
нъ бьетъ пчелъ, давитъ ихъ, ругается матерно,—и все сдѣ-
аетъ въ лучшемъ видѣ. Не любилъ онъ пчелъ: онѣ у него
очь ослѣпили. Забралась на пчельникъ дѣвочка — три года
ыло ей,—а пчела ее въ глазъ и чикнула; разболѣлся гла-
окъ да ослѣпъ, за нимъ—другой, потомъ дѣвочка померла
гъ головной боли, а мать ея сошла съ ума...

Да, все онъ дѣлалъ не какъ люди, и ко мнѣ ласковъ былъ,
ювно мать родная; въ селѣ меня не очень жаловали: жизнь—
ѣсная, а я всѣмъ чужой, лишній человѣкъ... Вдругъ чей-
ибудь кусокъ незаконно съѣмъ...

Пріучилъ меня Ларіонъ ко храму, сталъ я помогать ему
ь службѣ, пѣлъ съ нимъ на клиросѣ, кадило зажигалъ, все
ѣлалъ, что понадобится; сторожу Власію помогалъ порядокъ
ь церкви держать и любилъ все это, особенно зимой. Цер-
овь-то каменная, топили ее хорошо, тепло было въ ней.

Всенощная служба больше утренней пріятна мнѣ была; къ
очи, трудомъ очищенные, люди отрѣшаются отъ заботъ
воихъ, стоятъ тихо, благолѣпно, и теплятся души, какъ
вѣчи восковыя, малыми огоньками: видно тогда, что хоть
ица у людей разныя, а горе—одно.

Ларіонъ любилъ службу во храмѣ: закроетъ глаза, голову
ижую кверху закинетъ, кадыкъ выпятитъ — и зальется, за-
оетъ. До того доходилъ, что и лишнее пѣвалъ, — ужъ попъ
ну изъ алтаря знаки дѣлаетъ,—куда, дескать, тебя занесло?

читалъ тоже прекрасно, нараспѣвъ, звонко, съ ласкою въ
олосѣ, съ трепетомъ и радостью. Попъ не любилъ его,
гъ попа—тоже, и не разъ, бывало, говорилъ мнѣ:

— Какой это священникъ! Онъ не попъ, а барабанъ, по
оторому нужда и привычка палками бьютъ. Былъ бы я по-
омъ, я бы такъ служилъ, что не токмо люди,—святыя иконы
пакали бы!

И это вѣрно — нехорошъ былъ попъ на своемъ мѣстѣ:
ицо курносое, черное, словно порохомъ опалено, ротъ широ-

кій, беззубый, борода трепаная, волосомъ—жидокъ, со лба-
лысина, руки длинныя. Голосъ имѣлъ хриплый и задыхалс
будто не по силѣ ношу несъ. Жаденъ былъ и всегда се
дитъ, потому — многосемейный, а село-то бѣдное, зѐмли
крестьянъ плохія, промысловъ нѣтъ никакихъ.

Лѣтомъ, когда и комаръ богатъ, мы съ Ларіономъ днюем
и ночуемъ въ лѣсу, за охотой на птицъ, или на рѣкѣ, ры
ловя. Случалось—вдругъ треба какая-нибудь, а дьячка нѣт
и гдѣ найти его—невѣдомо. Всѣхъ мальчишекъ изъ села ра
гонятъ искать его; бѣгаютъ они, какъ зайчата, и кричатъ:

— Дьячокъ! Ларивонъ! Айда домой!

Едва найдутъ... Попъ ругается, жалобой грозитъ, а м
жики—смѣются.

Былъ у него одинъ дружокъ, Савелка Мигунъ, ворище и
вѣстный и пьяница заливной, не разъ битъ бывалъ за в
ровство и даже въ острогѣ сидѣлъ, но, по всему прочем
рѣдкостный человѣкъ. Пѣсни онъ пѣлъ и сказки говорил
такъ, что невозможно вспомнить безъ удивленія.

Множество разъ я его слыхалъ, и теперь вотъ онъ пре
мною живъ стоитъ: сухонькій, юркій, бородёнка въ три в
лоса, весь оборванный, рожа маленькая, клиномъ, а ло
большой, и подъ нимъ воровскіе развеселые глаза часто м
гаютъ, какъ двѣ темныя звѣзды.

Бывало, притащитъ онъ бутылку водки, а то Ларіона з
ставитъ купить, сядутъ они другъ противъ друга за стол
и говоритъ Савелка:

— А ну-ка, дьяче, валяй „Покаяніе“!

Выпьютъ... Ларіонъ поконфузится немножко, да и запост
а Савелка сидитъ, какъ пришитый, мигаетъ, бородёнкой тр
сетъ, слезы на глазахъ у него, лобъ рукой поглаживаетъ
улыбается, сгоняя пальцами слезинки со щекъ.

Потомъ подскочитъ, какъ мячъ, кричитъ:

— Очень превосходно, Ларя! Ну, и завидую я Госпо
Богу—хорошо пѣсни сложены Ему! Человѣкъ-то, Ларя,
Каковъ есть человѣкъ, сколь онъ добръ и богатъ душой,
Ему ли ужъ не трудно передъ Богомъ ходить! А онъ—во
какъ—нà! Ты мнѣ, Господи, ничего, а я тебѣ — всю душ

— Не кощунь!—скажетъ Ларіонъ.

— Я?—кричитъ Савелка.—Нисколько! Даже и въ помы
лахъ нѣтъ! Гдѣ же я кощуню? Никакъ! Радуюсь за Бога
и больше ничего! Ну, а теперь я тебѣ спою!

Встанетъ, руку вытянетъ и начнетъ колодовать. Пѣлъ о
тихо, таинственно пѣлъ, глаза широко раскроетъ, зажге
ихъ какимъ-то особеннымъ огнемъ, и на вытянутой рукѣ е

хіе пальцы шевелятся всегда, словно ищутъ чего-то въ устотѣ. Ларіонъ къ стѣнѣ отвалится, опираясь руками о самью, откроетъ ротъ и смотритъ удивленный; я на печи ежу, а сердце у меня замираетъ печально-сладостно. Потемѣетъ весь Савелка, только мелкіе бѣлые зубы его блестятъ, а сухой языкъ шевелится, какъ у змѣи, и потъ на лбу выступитъ крупными каплями. Голосу у него—конца нѣтъ, такъ льется, такъ и свѣтится, подобно ручью въ полѣ. Кончитъ, окачивается, оботретъ лицо ладонью, выпьютъ оба и долго олчатъ. Потомъ Савелка проситъ:

— А ну-ка, Ларя,—„Волною морскою“!

И такъ они весь вечеръ другъ друга утѣшаютъ, пока не ьянятся оба; тогда Мигунъ начинаетъ похабныя сказки казывать про поповъ, помѣщиковъ, королей; дьячокъ мой охочетъ и я тоже, а Савелка безъ устали сказку за сказой вяжетъ и такъ смѣшно, что впору задохнуться со гѣху.

А еще лучше онъ по праздникамъ у кабака пѣвалъ: встаетъ предъ народомъ, зажмурится крѣпко, такъ что на висахъ морщины лягутъ, да и заведетъ; смотришь на него— словно пѣсня въ грудь ему изъ самой земли исходитъ: и ова ему земля подсказываетъ и силу голосу даетъ. Стоятъ сидятъ вокругъ мужики; кто голову спустилъ и соломинку ызетъ, иной смотритъ въ ротъ Савелкѣ и весь свѣтится, а бы даже плачутъ, слушая.

Кончитъ онъ—просятъ:

— Валяй, братъ, еще!

Выпить поднесутъ.

Былъ про Мигуна такой разсказъ: укралъ чего-то въ селѣ, поймали его мужики, поймали да и говорятъ:

— Ну, кончено твое дѣло! Теперь мы удавимъ тебя, нерпежъ намъ ты!

А онъ, будто, отвѣчаетъ:

— Бросьте, мужики, не дѣло затѣяли! Краденое вы у меня няли, стало-быть, ничего вами не потеряно, да имѣніе егда новое можно нажить, а такого человѣка, какъ я—гдѣ мъ взять? Кто васъ утѣшитъ, какъ не будетъ меня?

— Ладно,—говорятъ,—толкуй!

Повели его въ лѣсъ вѣшать, а онъ дорогой и запѣлъ. Сначала шли—торопились, потомъ перестали спѣшить, а пришли лѣсу — и готова веревка, но ждутъ, когда онъ кончитъ слѣднюю пѣсню свою, а потомъ говорятъ другъ другу:

— Пускай еще одну споетъ, это ему вмѣсто отходной бу-ть!

Спѣлъ онъ и еще, да и еще, а тутъ солнышко взошл оглянулись люди: ясный день съ востока идетъ, Мигунъ сред нихъ улыбается, ожидаетъ смерть безъ страха. Сконфузилис мужики.

— Ну его, ребята, ко всѣмъ псамъ!—говорятъ.—Удавишь- грѣха да склоки разной не оберешься.

И порѣшили не трогать Мигуна.

— За таланъ твой,—говорятъ,—мы те и въ поясъ покл нимся, а за воровство все-таки должны бока намять.

Побили его легонько да вмѣстѣ съ нимъ и пошли назад

Все это, можетъ-быть, и выдумано, да ужъ очень лест про людей говоритъ и Савелку хорошо ставитъ. А еще и подумайте: коли люди этакъ складно сказки сказывают стало-быть, не больно плохи они, а въ томъ и вся суть!

Не только пѣсни пѣли, но и о многомъ разговаривали С велка съ Ларіономъ, часто—о дьяволѣ: не въ чести онъ был у нихъ.

Помню, разъ говоритъ дьячокъ:

— Дьяволъ есть образъ злобы твоей, отраженіе духовн темноты...

— Глупость моя, значитъ?—спрашиваетъ Савелка.

— Именно она—и больше ничего!

— Должно-быть, такъ и есть!—смѣясь, говоритъ Мигунъ.- А то, кабы онъ живъ былъ, давно бы ему сцапать меня н добно!

Совсѣмъ не вѣрилъ Ларіонъ въ чертей: помню, на гумн споря съ мужиками-раскольниками, кричалъ онъ имъ:

— Не дьявольское, но—скотское! Добро и зло — въ чел вѣкѣ суть: хочете добра—и есть добро; зла хочете—и будет зло отъ васъ и вамъ! Богъ не понуждаетъ васъ на добро на зло, самовластны вы созданы волею Его и свободно тв рите какъ злое, такъ и доброе. Дьяволъ же вашъ—нужда темнота! Доброе суть воистину человѣческое, ибо оно—Б жіе, зло же ваше—не дьявольское, но скотское!

Они ему кричатъ:

— Еретикъ рыжій!

А онъ—свое.

— Оттого,—говоритъ,—дьяволъ и пишется рогатъ и козл ногъ, что онъ есть скотское начало въ человѣкѣ.

Лучше всего о Христѣ Ларіонъ говорилъ; я, бывало, пл калъ всегда, видя горькую судьбу свѣтлаго Сына Божія. Ве Онъ—отъ спора въ храмѣ съ учеными до Голгоѳы—стоял предо мною, какъ дитя чистое и прекрасное въ неизреченн любви Своей къ народу, съ доброй улыбкой всѣмъ, съ ласк

вымъ словомъ утѣшенія, — вездѣ дитя, ослѣпительное красотою своею!

— И съ мудрецами храма, — говорилъ Ларіонъ, — какъ дитя, бесѣдовалъ Христосъ, оттого и показался имъ выше ихъ въ простой мудрости Своей. Ты, Мотя, помни это и старайся сохранить въ душѣ дѣтское твое во всю жизнь, ибо въ немъ — истина!

Спрашивалъ я его:

— А скоро опять Христосъ придетъ?

— Скоро уже!—говоритъ.—Скоро,—ибо слышно, что люди снова ищутъ Его!

Вспоминая теперь Ларіоновы слова, кажется мнѣ, что видѣлъ онъ Бога великимъ мастеромъ прекраснѣйшихъ вещей и человѣка считалъ неумѣлымъ существомъ, заплутавшимся на путяхъ земныхъ, и жалѣлъ его, безталаннаго наслѣдника великихъ богатствъ, Богомъ ему отказанныхъ на сей землѣ.

У него и у Савелки одна вѣра была. Помню, икона чудесно явилась у насъ на селѣ. Однажды рано утромъ по осени пришла баба до колодца—сіяніе. Собрала она народъ, земскій явился, попъ пришелъ, Ларіонъ прибѣжалъ, спустили въ колодецъ человѣка, и поднялъ онъ оттуда образъ „Неопалимой купины". Тутъ же начали молебенъ служить, и рѣшено было часовню надъ колодцемъ поставить. Попъ кричитъ:

— Православные, жертвуйте!

Земскій то же приказываетъ и самъ трешницу далъ. Мужики развязали кошели, бабы усердно холсты тащатъ и всякое жито, по селу ликованіе пошло, и я былъ радъ, какъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Но еще во время молебна видѣлъ я, что лицо Ларіоново грустно, и не смотритъ онъ ни на кого, а Савелка, словно мышь шныряя въ толпѣ, усмѣхается. Ночью я ходилъ смотрѣть на явленную: стояла она надъ колодцемъ, источая дыму подобное голубовато-свѣтлое сіяніе, будто нѣкто невидимый ласково дышалъ на нее, грѣя свѣтомъ и тепломъ; было и жутко и пріятно мнѣ.

А пришелъ я домой, слышу — Ларіонъ грустно говоритъ:

— Нѣтъ такой Божьей Матери!

И Савелка тянетъ, смѣясь:

— Я зна-аю! Чай, Моисей-то задолго до Христа былъ! Нѣтъ, каковы жулики? Чудо, а! Ахъ, вы, чудаки!

— Въ тюрьму бы за это и земскаго и попа!—тихо-тихо говоритъ Ларіонъ. — Чтобы не убивали они, корысти своей ради, Бога въ людяхъ!

Я чувствую, — непріятенъ мнѣ этотъ разговоръ, и спрашиваю съ печи:

— Вы про что говорите, дядя Ларіонъ?

Замолчали они, шепчутся оба, видимо обезпокоились. Потомъ Савелка кричитъ:

— Ты чего? Самъ на людей жалуешься — дураки, и самъ же, безъ стыда, дурака дѣлаешь изъ Матвѣйки? Зачѣмъ?

Подскочилъ и говоритъ мнѣ:

— Гляди, Мотька, вотъ—спички! Вотъ — я ихъ растираю въ рукахъ... Видишь? Гаси огонь, Ларіонъ!

Погасили лампу, и, вижу я, въ темнотѣ двѣ Савелкины руки сіяютъ тѣмъ же дымомъ голубымъ, какъ и явленная икона. Страшно это и обидно было видѣть.

Савелка чего-то говоритъ, а я въ уголъ печи забился и уши себѣ пальцами заткнулъ, молчу. Тогда влѣзли они оба ко мнѣ, — лодку тоже взяли, — и долго, наперебой, разсказывали мнѣ объ истинныхъ чудесахъ и обманномъ надругательствѣ надъ вѣрою людей. Такъ я и заснулъ подъ ихъ рѣчи.

А черезъ два-три дня пріѣхало множество поповъ и чиновниковъ, икону арестовали, земскаго съ должности смѣнили, попа тоже настращали судомъ. Тогда и я повѣрилъ въ обманъ, хоть и трудно было мнѣ согласиться, что все это только для того сдѣлано, чтобы у бабъ холсты, у мужиковъ пятаки вытянуть.

Еще когда минуло мнѣ шесть лѣтъ, началъ Ларіонъ меня грамотѣ учить по-церковному, а черезъ двѣ зимы у насъ школу открыли, — онъ меня въ школу свелъ. Сначала я нѣсколько откачнулся отъ Ларіона. Учиться понравилось мнѣ, взялся я за книжки горячо, такъ что онъ, бывало, спроситъ урокъ у меня и, прослушавъ, скажетъ:

— Славно, Мотька!

А однажды сказалъ:

— Хорошая кровь въ тебѣ горитъ, видно, не глупъ былъ твой отецъ!

Я спрашиваю:

— А гдѣ онъ?

— Кто жъ это знаетъ!

— А онъ—мужикъ?

— Навѣрное одно можно сказать: мужчина. А насчетъ сословія—опять-таки неизвѣстно. Едва ли мужикъ, однако! По лицу твоему, да по кожѣ—кромѣ характера—изъ господскихъ, видать!

Запали эти случайныя слова его въ память мнѣ и не принесли добра. Назовутъ меня въ школѣ подкидышемъ, а я—на дыбы и кричу товарищамъ:

— Вы—мужичьи дѣти, а мой отецъ—баринъ!..

И очень я утвердился на этомъ,—надо обороняться чѣмъ-нибудь противъ насмѣшекъ, а иной обороны не было въ умѣ. Не взлюбили меня и ужъ начали зазорно звать, а я—драться сталъ. Парнишка крѣпкій былъ, дрался ловко. Пошли на меня жалобы, говорятъ дьячку люди, отцы и матери.

— Уйми своего приблуднаго!

А иные и безъ жалобъ, сами за уши драли, сколько хотѣлось.

Тогда Ларіонъ сказалъ мнѣ:

— Можетъ, ты, Матвѣй, даже генеральскій сынъ, только это не велика важность. Всѣ родятся одинаково, стало-быть, и честь одна для всякаго.

Но ужъ опоздалъ онъ, — мнѣ въ ту пору было лѣтъ двѣнадцать и обиды я чувствовалъ крѣпко. Потянуло меня въ сторону отъ людей, снова сталъ я ближе къ дьячку, цѣлую зиму мы съ нимъ по лѣсу лазили, птицъ ловили, а учиться я хуже сталъ.

Кончилъ я школу на тринадцатомъ году, задумался Ларіонъ, что̀ ему дальше дѣлать со мной. Бывало, плывемъ мы съ нимъ въ лодкѣ, я—на веслахъ, а онъ—на рулѣ, и водитъ онъ меня въ мысляхъ своихъ по всѣмъ тропамъ судьбы человѣческой, разсказываетъ разные планы жизни.

И попомъ онъ меня видитъ, и солдатомъ, и приказчикомъ, а вездѣ нехорошо для меня.

— Какъ же, Мотька?—спрашиваетъ.

Потомъ поглядитъ на меня и скажетъ, смѣясь:

— Ничего, не робей! Коли не сорвешься, такъ вылѣзешь! Только солдатства избѣгай, тамъ человѣку—крышка!

Въ августѣ, вскорѣ послѣ Успеньева дня, поѣхали мы съ нимъ на Любушинъ омутъ сомятъ ловить, а былъ Ларіонъ малость выпивши, да и съ собой тоже вино имѣлъ. Глотаетъ изъ бутылки понемножку, крякаетъ и поетъ на всю рѣку.

Лодка у него плохая была, маленькая и валкая, повернулся онъ въ ней рѣзко, зачерпнула она бортомъ,—и очутились мы оба въ водѣ. Не первый разъ случилось это, и не испугался я. Вынырнулъ—вижу, Ларіонъ рядомъ со мной плаваетъ, трясетъ головой и говоритъ:

— Плыви на берегъ, а я окаянное корыто буду гнать туда!

Не далеко отъ берега было, теченіе слабое, я плыву совсѣмъ спокойно, но вдругъ, словно за ноги меня дернуло или въ студеную струю попалъ, обернулся назадъ: идетъ наша лодка вверхъ дномъ, а Ларіона—нѣтъ. Нѣтъ его нигдѣ!

Словно камнемъ въ голову, ударило меня страхомъ въ сердце, передернуло судорогой, и пошелъ я ко дну.

Въ тотъ часъ ѣхалъ полемъ приказчикъ изъ экономіи, Егоръ Титовъ, видѣлъ онъ, какъ перевернулись мы, видѣлъ, какъ Ларіонъ пропалъ; когда я сталъ тонуть — Титовъ уже раздѣвался на берегу. Онъ меня и вытащилъ, а Ларіона только ночью нашли.

Погасла милая душа его, и сразу стало для меня и темно и холодно. Когда его хоронили, хворый я лежалъ и не могъ проводить на погостъ дорогого человѣка, а всталъ на ноги— первымъ дѣломъ пошелъ на могилу къ нему, сѣлъ тамъ — и даже плакать не могъ въ тоскѣ. Звенитъ въ памяти голосъ его, оживаютъ рѣчи, а человѣка, который бы ласковую руку на голову мнѣ положилъ, больше нѣтъ на землѣ. Все стало чужое, далекое... Закрылъ я глаза, сижу. Вдругъ—поднимаетъ меня кто-то: взялъ за руку и поднимаетъ. Гляжу—Титовъ.

— Нечего,—говоритъ,—тебѣ дѣлать тутъ, идемъ!

И повелъ меня. Я—иду.

Говоритъ онъ мнѣ:

— Видно, сердце у тебя, мальчонка, хорошее, добро помнитъ.

А мнѣ отъ этого не легче. Молчу. Дальше говоритъ Титовъ:

— Еще въ то время, какъ подкинули тебя, думалъ я: не взять ли ребенка-то себѣ, да не успѣлъ тогда. Ну, а видно, что Господь этого хочетъ — вотъ Онъ снова вручилъ жизнь твою въ руки мнѣ. Значитъ, будешь ты жить со мной!

Мнѣ тогда все едино было — жить, не жить и какъ жить, и съ кѣмъ... Такъ я и сталъ съ одной точки на другую незамѣтно для себя.

Черезъ нѣкоторое время оглядѣлся. Титовъ этотъ — мужчина высокій, угрюмый, стриженый, какъ солдатъ, съ большими усами и бритой бородой. Говорилъ не спѣша, какъ бы опасаясь лишнее сказать или самъ слову своему не вѣря. Руки всегда за спиной или въ карманахъ держалъ, словно стыдился ихъ. Зналъ я, что мужики на селѣ—да и во всей округѣ—не любятъ его, а два года назадъ въ деревенькѣ Малининой даже коломъ ударили. Говорили, что онъ съ пистолетомъ ходитъ всегда. Жена его, Настасья Васильевна, была женщина красивая, только болѣла всегда; худая, едва ходитъ, лицо безъ кровинки, а глаза большіе горятъ сухо и боязливо таково. Дочь у нихъ, Оля, на три года моложе меня, тоже хилая и блѣдненькая.

И все вокругъ нихъ тихо: на полу толстые половики лежатъ, шаговъ не слыхать, говорятъ люди мало, вполголоса, и даже часы на стѣнѣ осторожно постукиваютъ. Предъ иконами неугасимыя лампады горятъ, вездѣ картинки наклеены: страшный судъ, муки апостольскія, мученія св. Варвары. А

въ углу на лежанкѣ старый котъ лежитъ, толстый, дымчатый, и зелеными глазами смотритъ на все, блюдетъ тишину. Въ тишинѣ этой осторожной ни Ларіонова пѣнія ни птицъ нашихъ долго не могъ я забыть.

Свелъ меня Титовъ въ контору и началъ пріучать къ бумажному дѣлу. Живу. Вижу—слѣдитъ за мной Титовъ, присматривается, молчитъ, словно ожидаетъ чего-то отъ меня. Неловко мнѣ и тошно.

Веселымъ я никогда не былъ, а въ то время и совсѣмъ сумраченъ сталъ; говорить и не съ кѣмъ, да и не хочется. Спрашивали они меня — Титовъ и жена — про Ларіона; мнѣ не хотѣлось разсказывать о немъ, мѣшало что-то.

Тяжко и мутно было на душѣ у меня, и не нравились мнѣ Титовы подозрительной тишиной жизни своей. Сталъ я ходить въ церковь, помогать сторожу Власію да новому дьячку, — этотъ былъ молодой, красивый, изъ учителей какой-то; къ службѣ лѣнтяй, съ попомъ подхалимъ, руку ему цѣлуетъ и собачкой бѣгаетъ за нимъ по пятамъ. На меня кричитъ, а напрасно, потому что я службу зналъ не хуже его и дѣлалъ все, какъ надо.

Въ ту пору и началъ я трудную жизнь мою — Бога полюбилъ.

Поправляя однажды передъ всенощной свѣчи у иконы Богородицы, вижу — и Она и Младенецъ смотрятъ на меня серьезно и задушевно таково... Заплакалъ я и сталъ на колѣни предъ Ними, молясь о чемъ-то, за Ларіона, должно-быть. Долго ли молился — не знаю, но стало мнѣ легче, согрѣлся сердцемъ и ожилъ я.

Власій въ алтарѣ трудился, бормочетъ тамъ свои непонятныя рѣчи. Вошелъ я къ нему, взглянулъ онъ на меня, спрашиваетъ:

— Что̀ обрадовался, али копейку нашелъ?

Зналъ я, почему онъ такъ спросилъ, — часто я деньги на полу находилъ,—но теперь непріятны показались мнѣ слова его, какъ бы ущипнулъ онъ меня за сердце.

— Богу я помолился,—говорю.

— Которому? — спрашиваетъ. — Ихъ тутъ у насъ больше ста, боговъ-то! А вотъ гдѣ Онъ живой? Гдѣ, который настоящій, а не изъ дерева, да! Поищи-ка Его!

Цѣна его словъ извѣстна мнѣ была, а обидѣли они меня въ тотъ часъ. Власій—человѣкъ древній, уже едва ноги передвигалъ, въ колѣняхъ онѣ у него изогнуты, ходитъ всегда, какъ по жердочкѣ, качаясь весь, зубовъ во рту—ни одного, лицо темное и словно тряпка старая, смотрятъ изъ нея

безумные глаза. Ангелъ смерти Власія тоже древенъ былъ— не могъ поднять руку на старца, а уже разума лишался человѣкъ: за нѣкоторое время до смерти Ларіоновой овладѣлъ имъ бредъ.

— Не церкви,—говоритъ,—я сторожъ, а скоту: пастухъ я, пастухомъ родился и такъ умру! Вотъ — скоро отойду отъ церкви въ поле.

Извѣстно было, скота онъ никогда не пасъ.

— Церковь,—говоритъ, — то же кладбище, мѣсто мертвое, а я—къ живому дѣлу хочу, скотинку пасти надобно мнѣ, всѣ мои дѣды пастухами были, и я тоже до сорока двухъ лѣтъ.

Ларіонъ смѣялся надъ нимъ и однажды, смѣясь, спросилъ:

— Былъ въ древности Велесъ, скотій богъ,—не пращуръ ли твой?

Заставилъ его Власій разсказать про Велеса подробно, а выслушавъ, говоритъ:

— Такъ и есть! Я вѣдь давно знаю, кто я таковъ, да боюсь попа! Ты погоди, дьячокъ, не говори ему! Придетъ время—я самъ скажу, да...

На этомъ и остановился старикъ.

И вотъ, хотя знаю я безуміе его, а смущаетъ онъ меня.

— Смотри,—говорю,—разразитъ тебя Богъ

А онъ шамкаетъ:

— Я самъ—богъ! Да!

И вдругъ, запнувшись за подножіе, едва не упалъ, а я понялъ это, какъ знаменіе.

Съ того дня ревностно полюбилъ я церковное; со всѣмъ жаромъ сердца ребячьяго окунулся въ него, такъ, что все священно стало для меня, не только иконы да книги, а и подсвѣчники, и кадило, самые угли въ немъ — и тѣ дороги. Ко всему прикасаюсь съ трепетомъ, съ жуткой радостью, въ алтарь войду — сердце замираетъ, камни пола готовъ цѣловать. Чувствую себя въ лучѣ ока всевидящаго, и направляетъ оно шаги мои, обнимая силою нездѣшнею, грѣя свѣтомъ яркимъ, отъ котораго глаза слѣпнутъ и не видитъ уже человѣкъ ничего, кромѣ какъ только себя. Стою, бывало, одинъ во храмѣ, тьма кругомъ, а на сердцѣ—свѣтло, ибо тамъ мой Богъ, и нѣтъ мѣста ни дѣтскимъ печалямъ, ни обидамъ моимъ и ничему, что̀ вокругъ, что̀ есть жизнь человѣческая. Близость къ Богу отводитъ далеко отъ людей, но въ то время я, конечно, не могъ этого понять.

Началъ книги читать церковныя,—всѣ, что̀ были; читаю,— и наполняется сердце мое тихимъ звономъ красоты божественнаго слова; жадно пьетъ душа сладкую влагу его, и

открылся въ ней источникъ благодарныхъ слезъ. Бывало, приду въ церковь раньше всѣхъ, стану на колѣни передъ образомъ Троицы и лью слезы, легко и покорно, безъ думъ и безъ молитвы: нечего было просить мнѣ у Бога, и безкорыстно поклонялся я Ему.

Помню Ларіоновы слова:

— Иже уста твоя молятся — воздуху молятся, а не Богу; Богъ бо мыслямъ внимаетъ, а не словамъ, яко человѣки.

А у меня даже и мыслей не было: просто стою на колѣняхъ и какъ бы молча радостную пѣснь пою, радуюсь же тому, что понимаю — не одинъ я на свѣтѣ, а подъ охраной Божіей и близко Ему.

Было это время хорошо для меня, время тихо-радостнаго праздника. Любилъ я одинъ во храмѣ быть, и чтобы ни шума ни шелеста вокругъ — тогда, въ тишинѣ, пропадалъ я, какъ бы возносился на облака, и съ высоты ихъ всѣ люди незамѣтны становились для меня и человѣческое—невидимо.

Но Власій мѣшалъ мнѣ: шаркаетъ ногами по плитамъ пола, дрожитъ, какъ тѣнь дерева на вѣтрѣ, и бормочетъ беззубымъ ртомъ:

— Не къ чему мнѣ тутъ быть, развѣ это мое дѣло! Самъ я богъ, пастырь всего скота земного, да! И уйду завтра въ поле. На что загнали меня сюда, въ холодъ, въ темноту? Мое ли дѣло?

Тревожилъ онъ меня кощунствомъ своимъ, ибо — думалось мнѣ тогда — нарушаетъ онъ чистоту храма, и Богу обидно видѣть его въ домѣ Своемъ.

О ту пору замѣчено было благочестіе и рвеніе мое, такъ что попъ сталъ при встрѣчѣ какъ-то особенно носомъ сопѣть и благословлялъ меня, а я долженъ былъ руку ему цѣловать— была она всегда холодная и въ поту. Завидовалъ я его близости къ тайнамъ Божіимъ, но не любилъ и боялся.

А Титовъ все зорче смотрѣлъ на меня маленькими, тусклыми, какъ пуговицы, глазками. Всѣ они обращались со мной осторожно, словно я стеклянный былъ, а Ольгунька не разъ тихонько спрашивала меня:

— Ты будешь святой?

Робѣла она предо мною, даже когда я ласковъ съ нею бывалъ и разсказывалъ ей житія или что̀ другое, церковное. Зимою по вечерамъ я Прологъ или Минею вслухъ читалъ. За окнами вьюга безпріютная по полю мечется, въ стѣны стучитъ, стонетъ и воетъ, озябшая. Въ комнатѣ тихо, всѣ сидятъ, не шелохнутся; Титовъ голову низко опуститъ, не видать его лица, Настасья неподвижными глазами смотритъ

на меня, Ольгунька дремлетъ, ударитъ морозъ — она вздрогнетъ, оглянется и тихонько улыбнется мнѣ. Иной разъ, не понявъ какое-нибудь слово славянское, переспроситъ она — прозвенитъ мягкій голосокъ ея, и снова тихо, только вьюга крылатая жалобно поетъ, ищетъ отдыха, по полю летая.

Тѣ святые мученики, кои боролись за Господа, жизнью и смертью знаменуя силу Его, эти были всѣхъ ближе душѣ моей; милостивцы и блаженные, кои людямъ отдавали любовь свою, тоже трогали меня, тѣ же, кто Бога ради уходили отъ міра въ пустыни и пещеры, столпники и отшельники, непонятны были мнѣ: слишкомъ силенъ былъ для нихъ Сатана.

Ларіонъ отвергалъ Сатану, а надо было принять его, житія святыхъ заставили — безъ Сатаны непонятно паденіе человѣка. Ларіонъ видѣлъ Бога единымъ творцомъ міра, всесильнымъ и непобѣдимымъ,—а оттуда же тогда безобразное? По житіямъ святыхъ выходило, что мастеръ всего безобразнаго и есть Сатана. Я и принялъ его въ такой должности: Богъ создаетъ вишню, Сатана — лопухъ, Богъ — жаворонка, Сатана—сову.

Но вышло какъ-то такъ, что хоть я и призналъ Сатану, а не повѣрилъ въ него и не убоялся; служилъ онъ для меня объясненіемъ бытія зла, но въ то же время мѣшалъ мнѣ, унижая величіе Божіе. Старался я объ этомъ не думать, но Титовъ постоянно наводилъ меня на мысли о грѣхѣ и силѣ дьявола.

Читаю я, а онъ, вдругъ и не показывая глазъ, спрашиваетъ:

— Матвѣй, что̀ значитъ: камо?

Отвѣчаю:

— Куда...

Помолчавъ, онъ говоритъ:

— Камо гряду отъ лица Твоего и отъ гнѣва Твоего камо бѣгу?

Жена его глубоко вздохнетъ и еще болѣе испуганно смотритъ на меня, чего-то ожидая. И Ольга, мигая синими глазками, предлагаетъ:

— А въ лѣсъ?

— Гряду—значитъ иду?—спрашиваетъ Титовъ.

— Да.

Вынулъ онъ, помню, руки изъ кармановъ и сталъ крутить обѣими свои длинные усы, а брови на лбу у него дрожатъ. Потомъ быстро спряталъ руки и говоритъ:

— Это царь Давидъ спрашивалъ: камо бѣгу! Н-да! Царь, а боялся! Видно, дьяволъ-то много сильнѣе его былъ. Пома-

занникъ Божій, а Сатана одолѣлъ... Камо гряду? Къ чорту въ лапы грядешь—и спрашивать нечего! Вотъ оно какъ! Значитъ—намъ, холопамъ, нечего и вертѣться, коли даже цари туда поспѣваютъ.

Ходилъ онъ по этой тропѣ часто, и, хотя я рѣчей его не понималъ, непріятны онѣ мнѣ были всегда. О благочестіи моемъ все больше говорили, и вотъ Титовъ началъ внушать мнѣ:

— Молись усердно за меня и за всю мою семью, Матвѣй! Очень я тебя прошу, молись! Пусть это будетъ платой твоей за то, что пріютилъ я тебя въ теплѣ и въ ласкѣ!

А мнѣ что̀? Молитва моя безъ содержанія была, въ родѣ птичьей пѣсни солнцу—сталъ я молиться за него и за жену, а больше всего за Ольгуньку,—очень хорошая дѣвочка росла, тихая, красивая, нѣжная. Обращался я къ Богу словами псалмовъ Давидовыхъ, а также всѣми другими молитвами, какія зналъ, и было пріятно мнѣ твердить про себя складныя пѣвучія слова, но какъ только вспомню Титова, скажу:

— Помилуй, Господи, веліею милостію Твоею раба Твоего Георгія...

И вдругъ остынетъ сердце и какъ бы изсякнетъ ручей молитвословія моего, замутится ясность радости, словно стыдно мнѣ передъ Богомъ—не могу больше! И, потупя глаза, чтобы не видѣть лика на иконѣ, встаю на ноги, не то—огорченъ, не то—сконфуженъ. Безпокоило это меня, почему такъ случается? Старался понять и не могъ, а жалко было мнѣ, когда исчезала радость моя, разбиваясь объ этого человѣка.

Какъ замѣтили меня люди, то и я сталъ ихъ замѣчать.

Бывало, въ праздникъ выйду на улицу, народъ смотритъ на меня любопытно, здороваются со мной иные степенно, а иной со смѣшкомъ, но всѣ видятъ.

— Вотъ,—говорятъ,—молитвенникъ нашъ!

— Гляди, Матвѣй, святымъ будешь, пожалуй?

— А вы не смѣйтесь, ребята, онъ не попъ, не за деньги въ Бога вѣруетъ!

— Али мужиковъ во святыхъ не было?

— Отъ насъ—всякая душа, да намъ пользы ни шиша!

— Развѣ онъ мужикъ? Онъ тайный баринокъ!..

И лестно говорятъ и обидно.

Былъ у меня въ то время особый строй души, хотѣлось мнѣ со всѣми тихо жить, и чтобы ко мнѣ тоже всѣ ласковы были; старался я достигнуть этого, а насмѣшки мѣшали мнѣ.

Особенно донималъ меня Савелка Мигунъ: увидитъ, бывало, станетъ на колѣни, кланяется и причитаетъ:

— Вашей святости — земной поклонъ! Помолитесь-ка за Савелку, не будетъ ли ему отъ Бога толку? Научите, как Господу угодить, воровать мнѣ погодить, али—какъ побольше стащу—поставить пудовую свѣщу?

Народъ хохочетъ, а мнѣ и странно и досадно слышать Савелкины издѣвки.

А онъ свое:

— Православные, клапяйтесь праведнику! Онъ мужика в конторѣ обсчитаетъ—въ церкви книгу зачитаетъ, Богу и не слышно, какъ мужикъ реветъ.

Мнѣ тогда лѣтъ шестнадцать было, и могъ бы я ему рожу разбить за эти насмѣшки, но вмѣсто этого сталъ избѣгать Мигуна, а онъ это замѣтилъ и пуще мнѣ прохода не даетъ. Пѣсню сочинилъ; въ праздники ходитъ по улицѣ и поетъ, наигрывая на балалайкѣ:

Баре дѣвокъ обнимаютъ,
Дѣвки брюхо наживаютъ
Да отъ барскихъ отъ затѣй
Родятъ сукиныхъ дѣтей!
Ихъ подкидываютъ барамъ,
Да не кормятъ баре даромъ
И сажаютъ ихъ въ конторѣ
На мужицкое на горе!

Длинная пѣсня была, и всѣмъ въ ней доставалось, а Титову и мнѣ больше всѣхъ. Доводилъ меня Савелка до того, что какъ увижу я, бывало, его дрянную эту бородёнку, шапку на ухѣ и лысый лобъ—начинаю весь дрожать; такъ бы кинулся и поломалъ его на куски.

Но хоть и малъ юноша былъ я тогда, а сердце умѣлъ держать въ рукѣ крѣпко; онъ идетъ за мной, тренькаетъ, а я виду не показываю, что тяжело мнѣ, шагаю не спѣша и будто не слышу ничего.

Молиться еще больше сталъ; чувствую, что кромѣ молитвы нечѣмъ мнѣ оградить себя, но теперь явились въ молитвахъ моихъ жалобы и горькія слова:

— За что, Господи? Виноватъ ли я, что отецъ-мать мои отреклись отъ меня и подобно котенку въ кусты бросили младенца?

А другой вины не видѣлъ за собой—люди въ жизни смѣшанно стоятъ, каждый къ дѣлу своему привыкъ, привычку возвелъ въ законъ, гдѣ же сразу понять, противъ кого чужая сила направляетъ тебя?

Ну, а все-таки началъ я присматриваться, ибо все болѣе безпокойно и нестерпимо становилось мнѣ.

Баринъ нашъ, Константинъ Николаевичъ Лосевъ, богатъ

былъ и много земель имѣлъ; въ нашу экономію онъ рѣдко наѣзжалъ: считалась она несчастливой въ ихъ семействѣ, въ ней баринову мать кто-то задушилъ, дѣдъ его съ коня упалъ, разбился, и жена сбѣжала. Дважды видѣлъ я барина: человѣкъ высокій, полный, въ золотыхъ очкахъ, въ поддевкѣ и картузѣ съ краснымъ околышкомъ; говорили, что онъ важный царю слуга и весьма ученый—книги пишетъ. Титова, однако, онъ два раза матерно изругалъ и кулакъ къ носу подносилъ ему.

Въ Сокольей экономіи Титовъ былъ вся власть и сила. Имѣніе—не велико, хлѣба сѣяли сколько требовалось для хозяйства, а остальная земля мужикамъ въ аренду шла; потомъ было приказано аренду сокращать и сѣять ленъ,—неподалеку фабрика открылась.

Кромѣ меня, въ уголкѣ конторы сидѣлъ Иванъ Макаровичъ Юдинъ, человѣчекъ нѣмой души и всегда пьяненькій. Телеграфистомъ онъ былъ, да за пьянство прогнали его. Велъ онъ всѣ книги, писалъ письма, договоры съ мужиками, и молчалъ такъ много, что даже удивительно было; говорятъ ему, а онъ только головой киваетъ, хихикаетъ тихонько, иной разъ скажетъ:

— Такъ.

И тутъ—весь.

Маленькій онъ былъ, худой, а лицо круглое, отечное, глазъ почти не видно, голова вся лысая, а ходилъ на цыпочкахъ, безъ шуму и невѣрно, точно слѣпой.

Въ день Казанской опоили мужики Юдина виномъ, а какъ умеръ онъ,—остался я въ конторѣ одинъ для всего: положилъ мнѣ Титовъ жалованья сорокъ рублей въ годъ, а Ольгу заставилъ помогать.

И раньше видѣлъ я, что мужики ходятъ около конторы, какъ волки надъ капканомъ: имъ капканъ видно—да ѣсть охота, а приманка зоветъ, ну, они и попадаются.

Когда же остался я одинъ въ конторѣ, раскрылись предо мною всѣ книги, планы, то, конечно, и при маломъ разумѣ моемъ сразу увидалъ, что все въ нашей экономіи ясный грабежъ, мужики кругомъ обложены, всѣ въ долгу и работаютъ не на себя, а на Титова. Сказать, что удивился я или стыдно стало мнѣ, не могу. И хоть понялъ я, за что Савелка лается, но не счелъ его правымъ,—вѣдь не я грабежъ выдумалъ!

Вижу, что Титовъ не чистъ передъ хозяиномъ, набиваетъ онъ карманъ себѣ какъ можно туго. Держалъ я себя передъ нимъ и раньше смѣло, понимая, что нуженъ ему для чего-то,

а теперь подумалъ: для того и нуженъ, чтобы передъ Богомъ его, вора, прикрывать.

Милымъ сыномъ въ то время называлъ онъ меня и жена его тоже: одѣвали хорошо, я имъ, конечно, спасибо говорю, а душа не лежитъ къ нимъ, и сердцу отъ ласки ихъ нисколько не тепло. А съ Ольгой все крѣпче дружился; нравилась мнѣ тихая улыбка ея, ласковый голосъ и любовь къ цвѣтамъ.

Титовъ съ женой ходили передъ Богомъ, опустя головы, какъ стреноженныя лошади, и будто прятали въ покорной робости своей нѣкій грѣхъ, тяжелѣйшій воровства. Руки Титова не нравились мнѣ,—онъ все пряталъ ихъ и этимъ наводилъ на мысли нехорошія—можетъ, его руки человѣка задушили, можетъ, въ крови онѣ?

И всегда—и онъ и она—просятъ меня:

— Молись за насъ грѣшныхъ, Мотя!

Однажды я, не стерпѣвъ, сказалъ:

— Али вы сильно грѣшнѣе другихъ?

Настасья вздохнула и ушла, а самъ отвернулся въ сторону, не отвѣтивъ мнѣ.

Дома онъ всегда задумчивъ, говоритъ съ женой и дочерью мало и только о дѣлахъ. Съ мужиками никогда не ругался, но былъ высокомѣренъ—это хуже матерщины выходило у него. Никогда ни въ чемъ не уступалъ онъ имъ: какъ скажетъ, такъ и стоитъ, словно по поясъ въ землю ушелъ.

— Уступить бы имъ!—сказалъ я ему однажды.

Отвѣтилъ онъ:

— Никогда ни вершка не уступай людямъ, иначе—пропадешь!

Другой разъ,—заставляетъ онъ меня невѣрно считать,—я ему говорю:

— Такъ нельзя!

— Отчего?

— Грѣхъ.

— Не ты меня заставляешь грѣшить, а я тебя. Пиши, какъ велю, съ тебя не спросится, ты только рука моя! Праведность свою не нарушишь этимъ, не бойся! А на десять рублей въ мѣсяцъ ни я ни кто не уловчится правильно жить. Это пойми!

„Ахъ, ты,—думаю,—дрянцо съ пыльцой!“

— Вотъ что—довольно!—говорю.—Все это надо прекратить. А ежели вы не перестанете баловаться, то я каждый разъ буду обличать дѣла ваши на селѣ.

Поднялъ онъ усы къ носу, плечи до ушей, оскалилъ зубы и вытаращилъ круглые глаза свои. Мѣряемъ другъ друга, кто выше.

Тихо спрашиваетъ онъ:

— Вѣрно?

— Вѣрно!

Засмѣялся Титовъ, словно горсть двугривенныхъ на полъ швырнулъ, и говоритъ:

— Ладно, праведникъ! Оно, пожалуй, такъ и надо мнѣ— надоѣло ужъ около рублей копейки ловить. Стало ворамъ тѣсно—зажили честно!

И ушелъ, хлопнувъ дверью, такъ что даже стекла въ окнахъ заныли.

Показалось мнѣ, какъ будто сократился Титовъ съ того дня, навѣрное не знаю. Но ко мнѣ пересталъ приставать.

Былъ онъ большой скопидомъ, и хотя ни въ чемъ себѣ не отказывалъ, но цѣну копейкѣ зналъ. Въ пищѣ сластолюбивъ и до женщинъ удивительно жаденъ,—власть у него большая, отказать ему бабы не смѣютъ, а онъ и пользуется; дѣвицъ не трогалъ, видимо, боялся, а женщины навѣрное каждая хоть разъ да была наложницей его.

И меня къ этому не разъ поджигалъ:

— Чего ты,—говоритъ,—Матвѣй, стѣсняешься? Женщину поять, какъ милостыню подать! Здѣсь каждой бабѣ ласки хочется, а мужья—люди слабые, усталые, что̀ отъ нихъ возьмешь? Ты же парень сильный, красивый,—что̀ тебѣ сто̀итъ бабу приласкать? Да и самъ удовольствіе получишь...

Онъ ко всякой подлости сбоку заходилъ, низкій человѣкъ.

Однажды спрашиваетъ меня:

— Ты какъ, Матвѣй, думаешь—силенъ праведникъ у Господа?

Не любилъ я вопросы его.

— Не знаю,—говорю.

Подумалъ онъ и снова:

— Вотъ, вывелъ Богъ Лота изъ Содома и Ноя спасъ, а тысячи погибли отъ огня и воды. Однако сказано: не убій? Иногда мнѣ мерещится: оттого и погибли тысячи людей, что были между ними праведники. Видѣлъ Богъ, что и при столь строгихъ законахъ Его удается нѣкоторымъ праведная жизнь. А если бы ни одного праведника не было въ Содомѣ—видѣлъ бы Господь, что, значитъ, никому невозможно соблюдать законы Его, и, можетъ, смягчилъ бы ихъ, не губя множество людей. Говорится про Него: многомилостивъ,—а гдѣ же это видно?

Не понималъ я въ ту пору, что человѣкъ этотъ ищетъ свободы грѣха, но раздражали меня слова его.

— Кощунствуете вы!—говорю.—Боитесь Бога, а не любите Его!

Выхватилъ онъ руки изъ кармановъ, бросилъ ихъ за спину, посѣрѣлъ, видно, что озлобился.

— Такъ или нѣтъ—не знаю!—отвѣчаетъ.—Только думается мнѣ, что служите вы, богомолы, Богу вашему для мѣры чужихъ грѣховъ. Не будь васъ—смѣшался бы Господь въ оцѣнкѣ грѣха!

Долго послѣ того не замѣчалъ онъ меня, а въ душѣ моей начала расти нестерпимая вражда къ нему,—хуже Савелія сталъ онъ для меня.

Въ ночь на молитвѣ помянулъ я имя его—вспыхнула душа моя гнѣвомъ, и, можетъ-быть, въ тотъ часъ сказалъ я первую человѣческую молитву мою:

— Не хочу, Господи, милости Твоей для вора: кары прошу ему! Да не обкрадываетъ отъ нищіе безнаказанно!

И такъ горячо говорилъ я противъ Титова, что даже страшно стало мнѣ за судьбу его.

А вскорѣ послѣ того столкнулся я съ Мигуномъ—пришелъ онъ въ контору лыка просить, а я одинъ былъ въ ней.

Спрашиваю:

— Ты, Савелъ, за что издѣваешься надо мною?

Онъ показываетъ зубы свои, воткнувъ мнѣ въ лицо острые глаза.

— Мое,—говоритъ,—дѣло не велико, пришелъ просить лыка!

Ноги у меня дрожатъ, и пальцы сами собой въ кулакъ сжимаются: взявши за горло, встряхнулъ я его немножко.

— Въ чемъ я виноватъ?

Онъ не испугался, не обидѣлся, а просто взялъ мою руку и отвелъ ее отъ шеи своей, какъ будто не я его, а онъ меня сильнѣе.

— Когда,—говоритъ,—человѣка душать, ему неловко говорить. Ты меня не тронь, я уже всякіе побои видалъ—твои для меня лишни. И драться тебѣ не надо, этакъ ты всѣ заповѣди опрокинешь.

Говоритъ онъ спокойно, шутя, легко.

А кричу ему:

— Что тебѣ надо?

— Лыка.

Вижу—на словахъ мнѣ его не одолѣть, да и злость моя прошла, только обидно и холодно мнѣ предъ нимъ.

— Звѣрье,—говорю,—всѣ вы! Развѣ можно надъ человѣкомъ смѣяться за то, что его отецъ-мать бросили?

А онъ въ меня прибаутками, словно камнями, лукаетъ:

— Не притворяйся нищимъ, мы правду сыщемъ; ты ѣшь краденъ хлѣбъ не потому, что слѣпъ.

— Врешь,—молъ,—я за свой кусокъ тружусь...

— Безъ труда и курицу не украдешь, это извѣстно.

Смотритъ на меня съ бѣсовой усмѣшкой въ глазахъ и говоритъ жалостливо:

— Эхъ, Матвѣй, хорошъ ты былъ дитя! А сталъ книгочей, богоѣдъ и, какъ всѣ земли нашей воры, строишь Божій законъ на той бѣдѣ, что не всѣмъ руки даны одной длины.

Вытолкалъ я его вонъ изъ конторы. Прибаутки его не хотѣлъ я понять, потому что, считая себя вѣрнымъ слугой Бога, и мысли свои считалъ вѣрнѣйшими мыслей другихъ людей. Становилось мнѣ одиноко и тоскливо, чувствую—слабѣетъ душа моя.

Жаловаться на людей—не могъ, не допускалъ себя до этого, то ли отъ гордости, то ли потому, что хоть и былъ я глупъ человѣкъ, а фарисеемъ не былъ. Стану на колѣни передъ Знаменіемъ Абалацкой Богородицы, гляжу на ликъ Ея и на ручки, къ небесамъ подъятыя—огонекъ въ лампадѣ моей мелькаетъ, тихая тѣнь гладитъ икону, а на сердце мнѣ эта тѣнь холодомъ ложится, и встаетъ между мною и Богомъ нѣчто невидимое, неощутимое, угнетая меня. Потерялъ я радость молитвы, опечалился и даже съ Ольгой не ладенъ сталъ.

А она смотритъ на меня все ласковѣе; мнѣ въ то время восемнадцать лѣтъ минуло, парень видный, рыжеватый, бѣлолицый и кудрявый такой. И хотѣлъ я, и неловко мнѣ было ближе къ ней подойти, я тогда еще невиненъ передъ женщиной жилъ; бабы на селѣ смѣялись за это надо мной; иногда мнѣ казалось, что и Ольга нехорошо улыбается. Не разъ уже сладко думалъ про нее:

„Вотъ—жена мнѣ“.

Сидѣлъ я съ нею въ конторѣ молча цѣлые дни, спроситъ она меня что-нибудь по дѣлу, отвѣчу ей—тутъ и вся наша бесѣда.

Тонкая она, бѣлая, какъ молодая березка, глаза синіе, задумчивые, но была она красива и легка въ тихой и невѣдомой мнѣ печали своей.

И однажды спросила она:

— Что̀ ты, Матвѣй, сталъ угрюмый?

Никогда я про себя ни съ кѣмъ не говорилъ, и не думалъ, не хотѣлъ говорить, а тутъ вдругъ открылось сердце—и все предъ нею, всѣ занозы мои повыдергалъ. Про стыдъ мой за родителей и насмѣшки надо мной, про одиночество и обѣдненіе души, и про отца ея—все! Не то, чтобы жаловался я, а просто вывелъ думы изнутри наружу: много ихъ было накоплено и всѣ—дрянь. Обидно мнѣ, что дрянь.

— Лучше въ монастырь итти!—говорю.

Затуманилась она, опустила голову и ничѣмъ не отвѣтила мнѣ. Была мнѣ пріятна печаль ея, а молчаніе опечалило меня. Но дня черезъ три—тихонько говоритъ она мнѣ:

— Напрасно ты на людей столько вниманія обращаешь каждый живетъ самъ собой—видишь? Конечно, теперь ты одинъ на землѣ, а когда заведешь семью себѣ, и никого тебѣ не нужно, будешь жить, какъ всѣ, за своей стѣной, въ своемъ домѣ. А папашу моего не осуждай; всѣ его не любятъ вижу я, но чѣмъ онъ хуже другихъ, не знаю! Гдѣ любовь видно?

Утѣшаютъ меня ея слова. Я всегда все сразу дѣлаю—так и тутъ поступилъ.

— Ты бы,—говорю,—пошла замужъ за меня?

Отвернулась она, шепчетъ:

— Пошла бы...

Кончено. На другой день я сказалъ Титову: такъ и такъ молъ.

Усмѣхнулся онъ, усы расправилъ и началъ душу мнѣ скрести.

— Въ сыновья ко мнѣ—прямой путь для тебя, Матвѣй надо думать, что это Богомъ указано, я не спорю! Парень ты серьезный, скроменъ и здоровъ, богомолецъ за насъ, по всѣмъ статьямъ—кладъ, безъ лести скажу! Но, чтобы сытно жить, надо умѣть дѣла дѣлать, а наклонъ дѣловитости слабъ у тебя. Это—одно. Другое—черезъ два года въ солдаты тебя позовутъ, и долженъ ты итти. Будь у тебя деньжонки накоплены, рублей пятьсотъ, можно бы откупиться отъ солдатчины, ужъ я бы устроилъ... А безъ денегъ—уйдешь ты тогда останется Ольга ни замужней ни вдовой...

Пилитъ онъ мнѣ сердце тупыми словами своими, усы у него дрожатъ, и въ глазахъ зеленый огонекъ играетъ. Встаетъ предо мною солдатство, страшно и противно душѣ—какой я солдатъ? Уже одно то, что въ казармѣ надо жить всегда съ людьми—не для меня, а пьянство, матерщина, зуботычины! Въ этой службѣ все противъ человѣка, зналъ я. Придавили меня рѣчи Титова.

— Значитъ,—говорю,—въ монахи уйду!..

— Теперь—опоздалъ!—смѣется Титовъ. — Сразу—не постригутъ, а послушника—возьмутъ. Нѣтъ, Матвѣй, кромѣ денегъ ничѣмъ судьбу не подкупишь!

Тогда я говорю ему:

— Дайте вы денегъ, вѣдь у васъ много!

— Ага!—говоритъ.—Это ты просто надумалъ. Только хо

рошо ли для меня этакъ-то? Сообрази: я мои деньги, можетъ-быть, большимъ грѣхомъ купилъ, можетъ, я за нихъ душу чорту продалъ. Пока я въ грѣхахъ пачкался, ты праведно жилъ, да и теперь того же хочешь, но ужъ за счетъ моихъ грѣховъ? Легко праведному въ рай попасть, коли грѣшникъ его на своемъ хребтѣ везетъ,—только я не согласенъ конемъ тебѣ служить! Ужъ ты лучше самъ погрѣши, тебѣ Богъ проститъ,—чай, ты впередъ у Него заслужилъ!

Смотрю—видъ у Титова такой, словно онъ вдругъ на сажень выше меня выросъ и я гдѣ-то у ногъ его ползу. Понялъ я, что издѣвается онъ надо мной, кончилъ разговоръ, а вечеромъ передалъ Ольгѣ рѣчи ея отца. Заблестѣли слезы на глазахъ у дѣвушки, а около уха у нея задрожала какая-то малая синенькая жилка, и трепетъ этотъ жалостный откликнулся въ сердцѣ у меня. Говоритъ Ольга, улыбаясь:

— Вотъ и не выйдетъ, какъ мы хотимъ...

— Нѣтъ,—молъ,—выйдетъ!

Сказалъ не думая, но какъ бы слово этимъ далъ и ей и себѣ,—слово, отъ котораго отступить нельзя.

Съ того дня нечисто зажилъ я; началась для меня какая-то темная и пьяная полоса, заметался парень самъ въ себѣ, какъ голубь на пожарѣ въ тучѣ дымной. И Ольгу мнѣ жалко и хочется ее женой имѣть, люблю дѣвушку, а главное—вижу, что Титовъ въ чемъ-то крѣпче и устойчивѣй меня, а это было несносно для гордости моей. Презиралъ я воровскія дѣла и всю темную душу его, а вдругъ открылось, что живетъ въ этой душѣ нѣкая сила и властно смотритъ она на меня.

На селѣ стало извѣстно, что я сватался и отказано мнѣ, дѣвки усмѣхаются, бабы галдятъ, Савелка шутки шутитъ, и все это поднимаетъ меня на дыбы, замутило душу до полной тьмы.

Встану я молиться, а Титовъ словно сзади стоитъ и въ затылокъ мнѣ дышитъ, оттого молюсь я несуразно, кощунственно, не о Господѣ радуюсь, а думаю о дѣлахъ своихъ—какъ мнѣ быть?

— Помоги,—говорю,—Господи, и научи мя, да не потеряю путей Твоихъ, и да не угрязнетъ душа моя во грѣхѣ! Силенъ Ты и многомилостивъ, сохрани же раба Твоего ото зла и одари крѣпостью въ борьбѣ съ искушеніемъ, да не буду попранъ хитростію врага и да не усомнюсь въ силѣ любви Твоей къ рабу Твоему!

Такъ низвелъ я Господа съ высоты неизреченныхъ красотъ Его на должность защитника малыхъ дѣлишекъ моихъ, а Бога унизивъ, и самъ опустился до ничтожества.

Ольга же день ото дня таетъ въ печали своей, какъ восковая свѣча. Думаю, какъ она будетъ жить съ другимъ человѣкомъ, и не могу поставить рядомъ съ ней никого, кромѣ себя.

Силою любви своей человѣкъ создаетъ подобнаго себѣ, и потому думалъ я, что дѣвушка понимаетъ душу мою, видитъ мысли мои и нужна мнѣ, какъ я самъ себѣ. Мать ея стала еще болѣе унылой, смотритъ на меня со слезами и вздыхаетъ, а Титовъ прячетъ скверныя руки свои и тоже молча ходитъ вокругъ меня: вьется, какъ воронъ надъ собакой издыхающей, чтобъ въ минуту смерти вырвать ей глаза. Съ мѣсяцъ времени прошло, а я все на томъ же мѣстѣ стою, будто дошелъ до крутого оврага и не знаю, гдѣ перейти. Тяжело мнѣ было и тошно.

Однажды приходитъ Титовъ въ контору и говоритъ мнѣ потихоньку:

— Вотъ, Матвѣй, на твое счастье явился случай—хватай его, коли хочешь человѣкомъ быть!

Случай былъ такой, что мужики должны были много проиграть, экономія кое-что выиграла бы, а Титову могло попасть рублей около двухсотъ.

Разсказалъ мнѣ и спрашиваетъ:

— Что, не осмѣлишься?

Спроси иначе, можетъ, я и не пошелъ бы въ руки къ нему, а отъ этихъ словъ—взорвало меня.

— Воровать не осмѣлюсь?—говорю.—Тутъ смѣлости не нужно, только подлость одна. Давайте, будемъ воровать!

Усмѣхается онъ, мерзавецъ, спрашиваетъ:

— А грѣхъ?

— А грѣхи мои—я самъ сочту.

— Ну и ладно!—говоритъ.—Теперь—знай: что ни день, то къ свадьбѣ ближе!

Словно волка на козленка ловилъ онъ меня, дурака, въ капканъ.

И началось. Въ дѣлахъ я былъ не глупъ, а дерзость всегда большую имѣлъ. Начали мы съ нимъ грабить народъ, словно въ шашки играемъ,—онъ сдѣлаетъ ходъ, а я—еще злѣе. Оба молчимъ, только поглядываемъ другъ на друга, онъ—со смѣшкомъ зеленымъ въ глазахъ, я—со злостью. Одолѣлъ меня этотъ человѣкъ, но, и проигравши ему все, даже въ поганомъ дѣлѣ не могъ я ему уступить. Ленъ принимая, сталъ обвѣшивать, штрафы за потраву утаивалъ, всячески копейки щипалъ съ мужиковъ, но денегъ не считалъ и въ руки не бралъ,—все Титову шло: конечно, легче мнѣ отъ этого не было и мужикамъ тоже.

Словомъ сказать, былъ я въ ту пору какъ бѣшеный, въ груди тяжко, тѣсно, холодно; Бога вспомню—какъ обожжетъ меня. Но однажды все-таки упрекалъ Его:

— Почто,—молъ,—не поддержишь силою Твоею паденіе мое; почто возложилъ на меня испытаніе не по разуму мнѣ, али не видишь, Господи, погибаетъ душа моя?

Были часы, что и Ольга чужой становилась мнѣ; гляжу на нее и враждебно думаю:

„Тебя ради душой торгую, несчастная“.

А послѣ этихъ словъ станетъ мнѣ стыдно предъ нею, стану я тихъ и ласковъ съ дѣвушкой, какъ только могу.

Но, поймите, не отъ жалости къ себѣ али къ людямъ мучился я и зубами скрипѣлъ, а отъ великой той обиды, что не могъ Титова одолѣть и предалъ себя волѣ его. Вспомню, бывало, слова его о праведникахъ—оледянѣю весь. А онъ, видимо, все это понималъ.

Торжествуетъ. Говоритъ:

— Ну, святоша, надо тебѣ о келейкѣ думать, съ нами жить тѣсно будетъ для тебя съ женою, вѣдь и дѣти у васъ пойдутъ!

Святошей назвалъ. Я смолчалъ.

И все чаще сталъ онъ такъ называть меня, а дочь его все милѣе, все ласковѣе со мною: видно, понимала, какъ трудно мнѣ.

Выклянчилъ Титовъ кусокъ земли,—управляющему Лосева покланялся,—дали ему хорошее мѣстечко за экономіей; началъ онъ строить избу для насъ, а я—все нажимаю, жульничаю. Дѣло идетъ быстро, карманъ пухнетъ, домикъ строится, блеститъ на солнцѣ, какъ золотая коробочка для Ольги. Вотъ уже подъ крышу подвели его, надо печь ставить, къ осени и жить въ немъ можно бы.

Только разъ, подъ вечеръ, иду я изъ Якимовки,—скотъ у мужиковъ описывалъ за долги,—вышелъ изъ рощи къ селу, гляжу—а на солнечномъ закатѣ горитъ мой домъ, какъ свѣча горитъ.

Сначала я подумалъ, что это солнце шутитъ, обняло его красными лучами и поднимаетъ вверхъ, въ небеса къ себѣ, однако вижу—народъ суетится, слышу—огонь свиститъ, дерево потрескиваетъ.

Вспыхнуло сердце у меня, вижу Бога врагомъ себѣ, будь камень въ рукѣ у меня—метнулъ бы я его въ небо. Гляжу, какъ воровской мой трудъ дымомъ и пепломъ по землѣ идетъ, самъ весь пылаю вмѣстѣ съ нимъ и говорю:

— Хочешь ли Ты указать мнѣ, что ради праха и золы

погубилъ я душу мою, этого ли хочешь? Не вѣрю, не хочу униженія Твоего, не по Твоей волѣ горитъ, а мужики это подожгли по злобѣ на меня и на Титова! Не потому не вѣрю въ гнѣвъ Твой, что я недостоинъ его, а потому, что гнѣвъ такой не достоинъ Тебя! Не хотѣлъ Ты подать мнѣ помощи Твоей въ нужный часъ, безсильному противъ грѣха. Ты виноватъ, а не я! Я вошелъ въ грѣхъ, какъ въ темный лѣсъ, до меня онъ выросъ, и гдѣ мнѣ найти свободу отъ него?

Не то, чтобы утѣшали меня эти глупыя слова... И ничего не оправдывали они, но будили въ душѣ нѣкое злое упрямство.

Догорѣлъ мой домъ раньше, чѣмъ угасло возмущеніе мое. Я все стою на опушкѣ рощи, прислонясь къ дереву, и веду мой споръ, а бѣлое Ольгино лицо мелькаетъ передо мной въ слезахъ, въ горѣ.

Говорю я Богу дерзко, какъ равному:

— Коли Ты силенъ, то и я силенъ,—такъ должно быть по справедливости!

Погасъ пожаръ, стало тихо и темно, но во тьмѣ еще сверкаютъ языки огня; точно малый ребенокъ, уставъ плакать, тихо всхлипываетъ. Ночь была облачная, блестѣла рѣка, какъ ножъ кривой, среди поля потерянный, и хотѣлось мнѣ поднять тотъ ножъ, размахнуться имъ, чтобы свистнуло надъ землей.

Около полуночи пришелъ я въ село—у воротъ экономіи Ольга съ отцомъ стоятъ, ждутъ меня.

— Гдѣ же ты былъ?—говоритъ Титовъ.

— На горѣ стоялъ, на пожаръ глядѣлъ.

— Чего же не бѣжалъ тушить?

— Чудотворецъ я, что ли,—плюну въ огонь, а онъ погаснетъ?...

У Ольги глаза заплаканы, вся она сажей попачкана, въ дыму закоптѣла—смѣшно мнѣ видѣть это.

— Работала?—спрашиваю.

Залилась она слезами.

Титовъ угрюмо говоритъ:

— Не знаю, что̀ и дѣлать...

— Съ начала,—молъ,—надо строить!

Во мнѣ тогда такое упорство сложилось, что я своими руками сейчасъ же готовъ былъ бревна катать и вѣнцы вязать, и до конца бы всю работу сразу могъ довести, потому что хоть я волю Бога и оспаривалъ, а надо было мнѣ навѣрное знать,—Онъ это противъ меня, или нѣтъ?

И снова началось воровство. Какихъ только хитростей ни придумывалъ я! Бывало, прежде-то по ночамъ я, Богу молясь, себя не чувствовалъ, а теперь лежу и думаю, какъ бы лишній рубль въ карманъ загнать, весь въ это ушелъ, и хоть знаю,—многіе въ ту пору плакали отъ меня, у многихъ я кусокъ изъ горла вырвалъ, и малыя дѣти, можетъ-быть, голодомъ погибли отъ жадности моей,—противно и пакостно мнѣ знать это теперь, а и смѣшно—ужъ очень я глупъ и жаденъ былъ!

Лики святые смотрятъ на меня уже не печальными и добрыми глазами, какъ прежде, а будто подстерегаютъ, словно Ольгинъ отецъ. Однажды я у старосты съ конторки полтинникъ стянулъ—вотъ до какой красоты дошелъ!

И разъ выпало мнѣ что-то особенное—подошла ко мнѣ Ольга, положила руки свои легкія на плечи мои и говоритъ:

— Матвѣй, Господь съ тобой, люблю я тебя больше всего на свѣтѣ!

Удивительно просто сказала она эти свѣтлыя слова, такъ ребенокъ не скажетъ „мама“. Обогатѣлъ я силой, какъ въ сказкѣ, и стала она мнѣ съ того часа неизмѣримо дорога. Первый разъ сказала, что любитъ, первый разъ тогда обнялъ я ее и такъ поцѣловалъ, что весь исчезъ, пересталъ быть, какъ это случалось со мной во время горячей молитвы.

Къ Покрову домъ нашъ былъ готовъ—пестрый вышелъ, нѣкоторыя бревна черныя, обгорѣлыя. Вскорѣ и свадьбу справили мы; тесть мой пьянъ нализался и все время хохоталъ, какъ чортъ въ удачѣ; теща смотрѣла на насъ, плакала,—молчитъ, улыбается, а по щекамъ слезы текутъ.

Титовъ оретъ:

— Эй, не плачь! Какой у насъ зять, а? Праведникъ!

И матерно ругается.

Гости были важные,—попъ, конечно, становой, двое волостныхъ старшинъ и еще разные осетры среди судаковъ, а подъ окнами сельскій народъ собрался, и въ немъ Мигунъ отличался—до старости безсмертно-веселый человѣкъ. Балалайка его тренькаетъ.

Я у окна сидѣлъ, тонкій голосъ Савелкинъ доходитъ до меня, хоть и боится онъ громко шутить, а, слышу я, распѣваетъ:

Напились бы вы скорѣе да полопались!
А наѣлись бы вы досталь да и треснули!

Насмѣшки его понравились мнѣ тогда, хоть не до него было,—жмется ко мнѣ Ольга и шепчетъ:

— Кончилось бы скорѣе все это, ѣда и питье!

Тошно было ей глядѣть на жадность людскую, да и мнѣ противно.

Какъ познали мы съ нею другъ друга, то оба заплакали, сидимъ на постели, обнявшись, и плачемъ и смѣемся отъ великой и нечаянной нами радости супружества. До утра не спали, цѣловались все и разговаривали, какъ будемъ жить; чтобы видѣть другъ друга—свѣчу зажгли.

Говорила она мнѣ, обнимая теплыми руками:

— Будемъ жить такъ, чтобы всѣ любили насъ! Хорошо съ тобой, Матвѣй!

Оба мы были, какъ пьяные, отъ неизреченнаго счастья нашего, и сказалъ я ей:

— Пусть меня поразитъ Господь, если ты, Ольга, когда-нибудь по винѣ моей другими слезами заплачешь!

А она:

— Я,—говоритъ,—отъ тебя все приму, буду тебѣ мать и сестра, одинокій ты мой!

Зажили мы съ ней, какъ въ сладкомъ бреду. Дѣло я дѣлаю спустя рукава, ничего не вижу и видѣть не хочу, тороплюсь всегда домой, къ женѣ; по полю гуляемъ съ нею, ходимъ въ лѣсъ.

Вспомнилъ старину—птицъ завелъ, домъ у насъ свѣтлый, веселый, всюду на стѣнахъ клѣтки висятъ, птицы поютъ. Жена моя, тихая, полюбила ихъ; приду, бывало, домой, она разсказываетъ, что синица дѣлала, какъ щуръ пѣлъ.

По вечерамъ я Минею или Прологъ читалъ, а больше про дѣтство свое разсказывалъ, про Ларіона и Савелку, какъ они Богу пѣсни пѣли, что говорили о немъ, про безумнаго Власія, который въ ту пору скончался уже, про все говорилъ, что зналъ—оказалось, зналъ я много о людяхъ, о птицахъ и о рыбахъ.

Всей силы счастья моего словами не вычерпать, да и не умѣетъ человѣкъ разсказать о радостяхъ своихъ, не пріученъ къ тому,—рѣдки радости его, коротки во времени.

Ходимъ въ церковь съ женой, встанемъ рядомъ въ уголокъ и дружно молимся. Молитвы мои благодарныя обращалъ я къ Богу съ похвалой Ему, но и съ гордостью—такое было чувство у меня, словно одолѣлъ я силу Божію, противъ воли Его заставилъ Бога надѣлить меня счастьемъ; уступилъ Онъ мнѣ, а я Его и похваливаю: хорошо, молъ, Ты, Господи, сдѣлалъ, справедливо, какъ и слѣдовало!

Эхъ, язычество нищенское!

Зиму прожилъ я незамѣтно, какъ одинъ свѣтлый день: объявила мнѣ Ольга, что беременна она,—новая радость у

насъ. Тесть мой угрюмо крякаетъ, теща смотритъ на жену мою жалостливо и все что-то нашептываетъ ей. Затѣвалъ я свое дѣло начать, думалъ пчельникъ устроить, назвать его, для счастья, Ларіоновымъ, разбить огородъ и заняться птицеловствомъ—все это дѣла для людей безобидныя.

Какъ-то разъ Титовъ говоритъ мнѣ сурово таково:

— Ты, Матвѣй, больно рано обсахарился, гляди — скоро прокиснешь! Лѣтомъ ребенокъ родится у тебя — али забылъ?

Мнѣ давно хотѣлось правду сказать ему, какъ я въ то время понималъ ее, и вотъ говорю:

— Сколько надо было мнѣ грѣха сдѣлать, сдѣлалъ я, поровнялся съ вами, чего вамъ хотѣлось, — ну, а ниже васъ не буду стоять!

— Не понимаю,—говоритъ,—что ты хочешь мнѣ доказать! Я тебѣ говорю просто: семьдесятъ два рубля въ годъ для семейнаго не деньги, а дочернино приданое я тебѣ не позволю проѣдать! Думай! Мудрость же твоя—просто злость противъ меня, что я тебя умнѣе, и пользы въ ней—ни тебѣ ни мнѣ. Всякій свитъ, пока дьяволомъ не взятъ!

Трудно было, а, жалѣючи Ольгу, сдержался я, не избилъ его.

На селѣ извѣстно стало, что я съ тестемъ не въ ладу живу, сталъ народъ поласковѣе глядѣть на меня. Самъ же я отъ радостей моихъ мягче сталъ, да и Ольга добра сердцемъ была—захотѣлось мнѣ расплатиться съ мужиками по возможности. Началъ я маленько мирволить имъ: тому поможешь, этого прикроешь. А въ деревнѣ — какъ за стекломъ, каждый твой взмахъ руки виденъ всѣмъ. Злится Титовъ:

— Опять,—говоритъ,—хочешь Бога подкупить?

Рѣшилъ я бросить контору, говорю женѣ:

— Шесть рублей въ мѣсяцъ,— и больше, — я на птицахъ возьму!

Опечалилась подруга моя.

— Дѣлай, какъ знаешь, только не остаться бы нищими! Жалко,—говоритъ,—папашу: хочетъ онъ тебѣ добра и много принялъ грѣха на душу ради насъ...

„Эхъ, думаю, милая! Сѣло мнѣ его добро подъ девятое ребро!“

И на другой день сказалъ тестю, что ухожу.

Усмѣхнулся онъ, спрашиваетъ:

— Въ солдаты?

Ожегъ! Понимаю я, напакостить мнѣ—легко для него: знакомства онъ имѣетъ большія, возлѣ мужику почетъ, и по-

паду я въ солдаты, какъ въ воду камень. Дочери своей онъ не пожалѣетъ, — у него тоже большая игра съ Богомъ была.

И петля за петлей на руки мнѣ; жена тайно плакать начала, глаза у нея всегда красные. Спросишь ее:

— Ты что, Оля?

А она говоритъ:

— Нездоровится.

Помню клятву мою передъ ней: неловко, стыдно мнѣ. Одинъ бы шагъ ступить — и рѣшимость есть — жалко женщину любимую! Не будь ея, пошелъ бы я въ солдаты, только бы Титова избѣжать.

Въ концѣ іюня мальчикъ у насъ родился, и снова одурѣлъ я на время. Роды были трудные. Ольга кричитъ, а у меня со страху сердце рвется. Титовъ потемнѣлъ весь, дрожитъ, прислонился на дворѣ у крыльца, руки спряталъ, голову опустилъ и бормочетъ:

— Умретъ, вся моя жизнь ни къ чему, Господи, помилуй... Будутъ дѣти у тебя, Матвѣй, можетъ, поймешь ты горе мое и жизнь мою, перестанешь выдумывать себя на грѣхъ людямъ...

Пожалѣлъ я его въ тѣ часы. Самъ хожу по двору— думаю:

„Снова угрожаешь Ты мнѣ, Господи, опять надо мною рука Твоя! Далъ бы человѣку оправиться, помогъ бы ему отойти въ сторону! Али скупъ сталъ милостью Твоею, и не въ добротѣ сила Твоя?“

Вспоминая теперь эти рѣчи, стыжусь за глупость мою.

Родился ребенокъ, перемѣнилась жена моя; и голосъ у нея крѣпче сталъ, и тѣло все будто бы выпрямилось, а ко мнѣ она, вижу—какъ-то бокомъ стоитъ. Не то, чтобы жадна стала, а начала куски усчитывать; ужъ и милостыню рѣже подаетъ, вспоминаетъ, кто изъ мужиковъ сколько долженъ намъ. Долги—пятаки, а ей интересно. Сначала я думалъ,— пройдетъ это; я тогда уже бойко птицей торговалъ, раза два въ мѣсяцъ ѣздилъ въ городъ съ клѣтками; бывало, рублей пять и больше за поѣздку возьмешь. Корова была у насъ, съ десятокъ куръ—чего бы еще надо?

А у Ольги глаза блестятъ непріятно. Привезу ей подарокъ изъ города, жалуется:

— Зачѣмъ это? Ты бы деньги-то берегъ.

Скучно стало мнѣ, и отъ этой скуки пристрастился я къ птичьей охотѣ. Уйду въ лѣсъ, поставлю сѣть, повѣшу чапки, лягу на землю посвистываю, думаю. Въ душѣ—тихо, ничего

тебѣ не надобно. Родится мысль, задѣнетъ сердце и падетъ въ неизвѣстное, точно камешекъ въ озеро, пойдутъ круги въ душѣ—волненіе о Богѣ.

Въ эти часы Богъ для меня—небо ясное, синія дали, вышитый золотомъ осенній лѣсъ, или зимній — храмъ серебряный; рѣки, поля и холмы, звѣзды и цвѣты — все красивое божественно есть, все божественное родственно душѣ. А вспомнишь о людяхъ, встрепенется сердце, какъ птица, во снѣ испуганная, и недоумѣнно смотришь въ жизнь—не сливается воедино красота Божія съ темной, нищей жизнью человѣческой. Свѣтлый Богъ гдѣ-то далеко въ силѣ и гордости Своей, люди—тоже отдѣльно въ нудной и прискорбной жизни. Почто преданы дѣти Божіи въ жертву суетѣ и голодны, и унижены, и придавлены къ землѣ, какъ черви въ грязи; зачѣмъ это допущено Богомъ? Какая радость ему видѣть униженіе твореній Своихъ? Гдѣ есть люди, кои Бога видятъ и чувствуютъ красоту Его? Ослѣплена душа въ человѣкѣ черной нуждой дневной. Сытость числится радостью и богатство—счастіемъ, ищутъ люди свободы грѣха, а свободы отъ грѣха не имѣютъ. И гдѣ въ нихъ сила отчей любви, гдѣ Божья красота? Живъ Богъ? Гдѣ же—божеское?

Вдругъ взметнется дымомъ нѣкая догадка или намекъ, все собою покроетъ, все опустошитъ, и въ душѣ, какъ въ полѣ зимой, пусто, холодно. Тогда я не смѣлъ дотронуться словами до этой мысли, но, хотя она и не вставала предо мной, одѣтая въ слова—силу ея чувствовалъ я и боялся, какъ малый ребенокъ темнаго оврага. Вскочу на ноги, займусь дѣломъ, заторопплюсь домой, соберу снасти свои и пойду быстро да пѣсни пою, чтобы оттолкнуть себя въ сторону отъ немощнаго страха своего.

Стали люди смѣяться надо мной, — птицеловомъ не уважаютъ въ деревняхъ,—да и Ольга тяжело вздыхаетъ, видимо, ей зазорнымъ кажется занятіе мое. Тесть мнѣ притчи читаетъ, помалкиваю, жду осени; кажется мнѣ, что минуетъ меня солдатчина—эту яму я обойду.

Жена снова забеременѣла и съ тѣмъ вмѣстѣ начала грустить.

— Что ты, Ольга?

Сначала отнѣкивалась — ничего, дескать, но однажды обняла меня, заплакала.

— Умру я,—говоритъ,—родами умру!

Зналъ я, что женщины часто этакъ говорятъ, но испугался. Утѣшаю—не слушаетъ.

— Снова ты останешься одинъ, — говоритъ, — нелюбимый

никѣмъ. Неуживчивый ты, дерзкій во всемъ—прошу я тебя ради дѣтей: не гордись, всѣ Богу виноваты, и ты не правъ...

Часто стала она говорить мнѣ подобныя рѣчи, и смутился я отъ жалости къ ней, страха за нее. Съ тестемъ у меня что-то въ родѣ мира вышло, онъ сейчасъ же воспользовался этимъ по-своему: тутъ, Матвѣй, подпиши, тамъ — не пиши. Предлоги важные — солдатство на носу, второй ребенокъ близко.

А уже рекрута гулять начали, меня зовутъ: отказался— стекла побили.

Насталъ день, поѣхалъ я въ городъ жребій вынимать, жена уже боялась выходить изъ дома. Тесть меня провожалъ и всю дорогу разсказывалъ, какіе онъ труды понесъ ради меня, и сколько денегъ истратилъ, и какъ хорошо все устроено у него.

— Можетъ, напрасно вы старались, —говорю.

Такъ и вышло: жребій мой оказался изъ послѣднихъ. Титовъ даже не повѣрилъ счастью моему, а потомъ сумрачно засмѣялся.

— Видно, и вправду Богъ-то за тебя!

Я—молчу, а несказанно радъ; для меня это свобода отъ всего, что тяготило душу, а главное — отъ дорогого тестя. Дома— радость Ольгина: плачетъ и смѣется, милая, хвалитъ меня и ласкаетъ, словно я медвѣдя убилъ.

— Слава тебѣ, Господи, — говоритъ, — теперь я спокойно помру!

Посмѣиваюсь я надъ нею, а самому — жутко, ибо чувствую—вѣритъ она въ смерть свою, понимаю, что вѣра эта пагубна, уничтожаетъ она силу жизненную въ человѣкѣ.

Дня черезъ три начались у нея роды. Двое сутокъ мучилась она страшными муками, а на третій скончалась, разрѣшившись мертвенькимъ; скончалась, какъ увѣрила себя, милый мой другъ!

Похоронъ ея не помню, ибо нѣкоторое время и слѣпъ и глухъ былъ.

Разбудилъ меня Титовъ, - было это на могилѣ Ольгиной. Какъ теперь вижу—стоитъ онъ предо мной, смотритъ въ лицо мнѣ и говоритъ:

— Вотъ, Матвѣй, второй разъ сходимся мы съ тобой около мертвыхъ; здѣсь родилась наша дружба, здѣсь и снова скрѣпнуть бы ей...

Оглядываюсь, какъ будто я впервые на землю попалъ: дождь накрапываетъ, туманъ вокругъ, качаются въ немъ

голыя деревья, плывутъ и прячутся намогильные кресты, все ограблено холодомъ, одѣто тяжкой сыростью, и дышать нечѣмъ, будто дождь и туманъ весь воздухъ пожрали.

Я говорю Титову:

— Что тебѣ надо? Уйди!

— Надо мнѣ, чтобы понялъ ты горе мое. Можетъ-быть, и за тебя, за то, что помѣшалъ я тебѣ жить по волѣ твоей, наказалъ меня Господь смертью дочери...

Таетъ земля подъ ногами, обращаясь въ липкую грязь, и, чмокая, присасываетъ ноги мои.

Сгребъ я его, бросилъ на землю, словно куль отрубей, кричу:

— Будь ты проклятъ, окаянный!

И началось для меня время безумное и безсмысленное,— не могу головы своей вверхъ поднять, тоже какъ бы брошенъ на землю гнѣвною рукой, и безъ силъ распростерся на землѣ. Болитъ душа обидой на Бога, взгляну на образа и отойду прочь скорѣе: спорить я хочу, а не каяться. Знаю, что по закону долженъ смиренно покаяніе принесть, долженъ сказать:

— Такъ, Господи! Тяжела рука Твоя, а справедлива, и гнѣвъ Твой великъ, но благостенъ!

А по совѣсти моей—не могу сказать этихъ словъ, стою потерянный между разными мыслями и не нахожу себя.

Подумаю:

— Не за то ли мнѣ этотъ ударъ, что я тайно сомнѣвался въ бытіи Твоемъ?

Пугаетъ меня это, оправдываюсь:

— Вѣдь не въ бытіи, а только въ милосердіи Твоемъ сомнѣвался я, ибо кажется мнѣ, что всѣ люди брошены Тобою безъ помощи и безъ пути!

И все это не то, что тлѣетъ въ душѣ моей, тлѣетъ и нестерпимо жжетъ ее. Спать не могу, ничего не дѣлаю, по ночамъ тѣни какія-то душатъ меня, Ольгу вижу, жутко мнѣ и нѣтъ силъ жить.

Рѣшилъ удавиться.

Было это ночью, лежалъ я на постели одѣтый и маялся; въ памяти жена стоитъ, ни въ чемъ неповинная; синіе глаза ея тихими огнями теплются, зовутъ. Въ окна мѣсяцъ смотритъ, на полу свѣтлыя тропы лежатъ — на душѣ еще темнѣе отъ нихъ. Вскочилъ, взялъ веревку отъ птичьей сѣти, вбилъ гвоздь въ матицу, петлю сдѣлалъ и стулъ подставилъ. Захотѣлось мнѣ пиджакъ снять, снялъ, воротъ у рубахи порвалъ и вдругъ, вижу, на стѣнѣ тайно мелькнуло чье-то

маленькое неясное лицо. Едва не закричалъ со страха, но понялъ, что это мое лицо въ кругломъ Ольгиномъ зеркалѣ. Смотрю — видъ безумный и жалостный, волосы встрепаны, щеки провалились, носъ острый, ротъ полуоткрытъ, точно задыхается человѣкъ, а глаза смотрятъ оттуда замученно, съ великой горечью.

Жалко стало мнѣ человѣческаго лица, былой его красоты, сѣлъ я на лавку и заплакалъ надъ собою, какъ ребенокъ обиженный, а послѣ слезъ петля явилась стыднымъ дѣломъ, насмѣшкой надо мной. Обозлился я, сорвалъ ее и швырнулъ въ уголъ. Смерть — тоже загадка, а я разрѣшеніе жизни искалъ.

Что же мнѣ дѣлать? Прошли еще какіе-то дни, показалось мнѣ, что мира я хочу и надо понудить себя къ покаянію, стиснулъ зубы, къ попу пошелъ.

Въ воскресенье, подъ вечеръ, явился я къ нему. Сидитъ онъ съ попадьей за столомъ, чай пьютъ, четверо ребятъ съ ними, на черномъ лицѣ у попа потъ блеститъ, какъ рыбья чешуя. Встрѣтилъ меня благодушно.

— Садись, выпей чайку...

Въ комнатѣ тепло и свѣтло, все въ ней чисто, аккуратно; вспомнилъ я, съ какимъ пренебреженіемъ попъ этотъ во храмѣ служитъ, и думаю:

„Вотъ гдѣ его храмъ!“

Нѣтъ нужнаго смиренія во мнѣ.

— Что, Матвѣй, тоскуешь?—спрашиваетъ попъ.

— Да,—молъ,—тоскую...

— Ага!.. Сорокоустъ заказать надо. Во снѣ не является ли?

— Является,—молъ.

— Непремѣнно—сорокоустъ!

Молчу. Не могу я при попадьѣ говорить, не любилъ я ея очень; широкая она такая была, лицо большое, жирное, дышитъ женщина тяжко и зыблется вся, какъ болото. Деньги въ ростъ давала.

— Молись усердно!—поучаетъ попъ. — И не грусти — это будетъ противъ Господа, Онъ знаетъ, что дѣлаетъ..

Спрашиваю я:

— Знаетъ ли?

— А какъ же? Эй,—говоритъ,—парень, извѣстно мнѣ, что ты къ людямъ гордъ, но—не дерзай перенести гордость твою и на Господень законъ,—сто кратъ тяжеле пораженъ будешь! Ужъ не Ларіонова ли закваска бродитъ въ тебѣ? Покойникъ, по пьяному дѣлу, въ еретичество впадалъ, помни сіе!

Попадья вмѣшалась:

— Его бы, Ларіона-то, въ монастырь надо сослать, да вотъ отецъ больно ужъ добръ, не жаловался на него.

— Неправда это,—говорю,—жаловался, но не за мнѣнія его, а за небреженіе по службѣ, въ чемъ батюшка и самъ виноватъ.

Начался у насъ споръ. Сначала попъ въ дерзости меня упрекалъ, говорилъ слова, извѣстныя мнѣ не хуже его, да еще и перевиралъ ихъ, въ досадѣ на меня, а потомъ и онъ и попадья просто ругаться стали:

— И ты,—говорятъ,—и твой тесть—оба грабители, церковь обокрали: Мокрый долъ—издавна церковный покосъ, а вы его оттягали у насъ, вотъ и пристукнулъ васъ Господь...

— Это вѣрно,—говорю,—Мокрый долъ неправильно отнятъ у васъ, а вами—у мужиковъ!

Всталъ, хочу уходить.

— Стой!—кричитъ попъ.—А деньги за сорокоустъ?

— Не надо,—молъ.

И ушелъ, думая:

„Не туда ты, Матвѣй, душу принесъ!“

Дня черезъ три померъ ребенокъ мой, Саша; принялъ мышьякъ за сахаръ, полизалъ его и скончался. Это даже и не удивило меня, охладѣлъ я какъ-то ко всему, отупѣлъ.

Надумалъ итти въ городъ. Былъ тамъ протопопъ, благочестивой жизни и весьма ученый — съ раскольниками ревностно состязался о дѣлахъ вѣры и славу прозорливца имѣлъ. Объявилъ тестю, что ухожу, домъ и все принадлежащее мнѣ оставляю ему, а онъ пусть дастъ мнѣ за все сто рублей.

— Такъ, — говоритъ, — нельзя! Напиши мнѣ вексель на полгода въ триста рублей.

Написалъ, выправилъ паспортъ, ушелъ. Нарочно пѣшкомъ иду, не уляжется ли дорогой-то смятеніе души. Но хотя каяться иду, а о Богѣ не думаю,—не то боюсь, не то обидно мнѣ,—искривились всѣ мысли мои, расползаются, какъ гнилая дерюга, темны и неясны небеса для меня.

Дошелъ до протопопа съ большимъ трудомъ, не пускаютъ. Какой-то служащій принималъ посѣтителей, молодой и щупленькій красавчикъ, раза четыре онъ меня отводилъ:

— Я,—говоритъ,—секретарь, мнѣ надо три рубля дать.

— Я,—молъ,—тебѣ трехъ копеекъ не дамъ.

— А я тебя не пущу!

— Самъ пройду!

Увидалъ онъ, что не уступлю.

— Идемъ,—говоритъ,—это я шучу, ужъ очень ты смѣшной.

И привелъ меня въ маленькую комнатку, сидитъ тамъ на диванѣ въ углу сѣдой старичокъ въ зеленой рясѣ, кашляетъ, лицо измождённое, глаза строгіе и посажены глубоко подъ лобъ.

„Ну,—думаю,—этотъ мнѣ что-нибудь скажетъ!“

— Съ чѣмъ пришелъ?—спрашиваетъ онъ.

— Смутился,—молъ,—душой я, батюшка.

Секретарь этотъ, стоя сзади меня, шепчетъ:

— Говори: ваше преподобіе!

— Велите,—говорю,—уйти служащему, мнѣ при немъ стѣснительно...

Взглянулъ на меня протопопъ, пожевалъ губами, приказываетъ:

— Выдь за дверь, Алексѣй! Ну, говори, что сдѣлалъ?

— Сомнѣваюсь,—молъ,—въ милосердіи Господнемъ.

Онъ руку ко лбу приложилъ, поглядѣлъ на меня и нараспѣвъ шепчетъ:

— Что? Что-о такое, а? Ахъ, ты, дубина!

Обижаться мнѣ не время было, да и не обидно,—привычка властей нашихъ ругать людей, они вѣдь не такъ со зла, какъ по глупости.

Говорю ему:

— Послушайте меня, ваше преподобіе!

Да и присѣлъ-было на стулъ, но замахалъ старичокъ руками, кричитъ:

— Встань! Встань! На колѣни долженъ пасть предо мной, окаянный!

— Зачѣмъ же,—говорю,—на колѣни-то? Ежели я виноватъ, то не передъ вами, а передъ Богомъ!

Онъ—пуще сердится:

— А я кто? Кто я тебѣ? Кто я Богу?

Изъ-за пустяка мнѣ съ нимъ стыдно спорить. Опустился на колѣни—на вотъ! А онъ, пальцемъ мнѣ грозя, шипитъ:

— Я тебя научу священство уважать!

Пропадаетъ у меня охота бесѣдовать съ нимъ, и, покамѣстъ совсѣмъ не пропала,—началъ я говорить; началъ, да скоро и забылъ про него — первый разъ вслухъ-то говорю мысли мои, удивляюсь словамъ своимъ и весь—какъ въ огнѣ.

Вдругъ, слышу, кричитъ старичокъ:

— Молчи, несчастный!

Я—какъ объ стѣну съ разбѣга ударился. Стоитъ онъ надо мной и шепчетъ, потрясая руками:

— Понимаешь ли ты, безумное животное, слова твои? чувствуешь ли веліе окаянство твое, безобразный? Лжешь, ере-

тикъ, не на покаяніе пришелъ ты, а ради искушенія моего посланъ дьяволомъ!

Вижу я—не гнѣвъ, а страхъ на лицѣ у него. Трясется борода, и руки, простертыя ко мнѣ, мелко дрожатъ.

Я тоже испугался.

— Что вы,—говорю,—ваше преподобіе, я въ Бога вѣрую!

— Лжешь, собака заблудшая!

И началъ онъ мнѣ угрожать гнѣвомъ Божіимъ и местью Его, — началъ говорить тихимъ голосомъ; говоритъ и весь вздрагиваетъ, ряса словно ручьями точетъ съ него и дымомъ зеленымъ вьется. Встаетъ Господь предо мною грозенъ и суровъ, ликомъ—теменъ, сердцемъ—гнѣвенъ, милосердіемъ скупъ и жестокостью подобенъ Іеговѣ, Богу древлему.

Я и говорю протопопу:

— Сами вы въ ересь впадаете, — развѣ это христіанскій Богъ? Куда же вы Христа прячете? На что вмѣсто друга и помощника людямъ только судію надъ ними ставите?

Тутъ онъ меня за волосья ухватилъ, дергаетъ и шепчетъ, всхлипывая:

— Проклятый, ты кто такой, кто? Тебя надо въ полицію представить, въ острогъ, въ монастырь, въ Сибирь...

Тогда я опомнился. Ясно, что, коли человѣкъ полицію зоветъ Бога своего поддержать, стало-быть, ни самъ онъ ни Богъ его никакой силы не имѣютъ, а тѣмъ паче — красоты.

Поднимаюсь съ колѣнъ и говорю:

— Пустите-ка меня...

Отшатнулся старикъ, задыхается:

— Что хочешь дѣлать?

— Уходить хочу! Научиться,—молъ,—мнѣ у васъ нечему, рѣчи ваши мертвы, да и Бога ими умерщвляете вы!

Онъ снова началъ говорить о полиціи, ну, мнѣ это все равно: полиція больше того не отниметъ, сколько онъ хотѣлъ.

— Славѣ Божіей, — говорю ему, — служатъ ангелы, а не полиція, но ежели вы иначе вѣруете—поступайте по вѣрѣ вашей.

Наскакиваетъ онъ на меня, зеленый.

— Алексѣй,—кричитъ,—гони его вонъ

Алексѣй этотъ съ большимъ усердіемъ вытолкалъ меня на улицу.

Вечеръ былъ, часа два бесѣдовалъ я съ протопопомъ. Сумрачно на улицѣ, скверно. Народъ вездѣ гуляетъ, говоръ и смѣхъ—о ту пору праздники были, Святки. Иду разслабленно, гляжу на всѣхъ, обидно мнѣ и хочется кричать:

— Эй, народъ! Чему радуешься? Бога у тебя искажаютъ, гляди!

Иду—какъ пьяный, тоска мнѣ, куда итти — не знаю. Къ себѣ, на постоялый, — не хочется; шумъ тамъ и пьянство. Пришелъ куда-то на окраину города, стоятъ домики маленькіе, желтыми окнами въ поле глядятъ; вѣтеръ снѣгомъ поигрываетъ, заметаетъ ихъ, посвистываетъ. Пить мнѣ хочется, напиться бы пьяному, только — безъ людей. Чужой я всѣмъ и передъ всѣми виноватъ.

„А что,—думаю,—пойду вдоль по полю, куда приду?“

Вдругъ изъ воротъ женщина выскочила, въ одномъ платьѣ, едва шалью покрыта; взглянула въ лицо мнѣ, спрашиваетъ:

— Какъ зовутъ?

Понялъ, что гадаетъ она, говорю:

— Не скажу, потому—несчастливъ человѣкъ.

Она смѣется.

— На праздникахъ-то?

Мнѣ веселье не въ пору.

— А что,—спрашиваю,—есть здѣсь близко трактиръ какой-нибудь, посидѣлъ бы я тамъ, а то—холодно!

Смотритъ она на меня пристально и говоритъ ласково такъ:

— Вонъ тамъ трактиръ, а хочешь—иди ко мнѣ, чаемъ напою!

Не подумалъ и, безъ воли, пошелъ за нею. Вотъ я въ комнатѣ; на стѣнѣ лампа горитъ, въ углу, подъ образами, толстая старуха сидитъ, жуетъ что-то, на столѣ—самоваръ. Уютно, тепло. Усадила меня эта женщина за столъ; молодая, румяная она, грудь высокая. Старуха изъ угла смотритъ на меня и сопитъ. Лицо у нея большое, дряблое и словно безъ глазъ. Неловко мнѣ—зачѣмъ пришелъ? Кто такія?

Спрашиваю молодку:

— Чѣмъ занимаетесь?

— Кружева плетемъ.

Вѣрно; съ полки гроздями коклюшки висятъ.

А она вдругъ задорно улыбнулась и говоритъ прямо въ глаза мнѣ:

— А еще—гуляю я!

Старуха засмѣялась жирновато.

— Экая ты, Танька, безстыдница!

Не скажи старуха этого, я бы не понялъ Татьяниныхъ словъ, а понялъ — сконфузился. Первый разъ въ жизни гулящую дѣвицу столь близко вижу, а, конечно, скверно думаю про нихъ.

Татьяна смѣется.

— Кляди-ка, Петровна, покраснѣлъ онъ!

А меня уже и зло беретъ: вотъ такъ попалъ! Прямо съ покаянія да и влѣзъ въ окаянное!

Говорю дѣвушкѣ:

— Развѣ этакимъ дѣломъ хвастаются?

Она дерзко отвѣчаетъ:

— Я вотъ—хвастаюсь!

Старуха опять сопитъ:

— Эхъ, ты, Татьяна, Татьяна!

А я—не знаю, что̀ сказать и какъ уйти отъ пихъ, на умъ не идетъ! Сижу—молчу. Вѣтеръ въ окна постукиваетъ, самоваръ пищитъ, а Татьяна ужъ и дразнитъ меня:

— Ой, жарко мнѣ!

И кофту свою у ворота разстегнула. Лицо у нея хорошее, и хоть глаза дерзкіе—привлекаютъ они меня. Подала старуха вина на столъ, простого, бутылку да наливки.

„Вотъ, думаю, выпью я рюмку, денегъ дамъ и уйду!“

Татьяна бойко спрашиваетъ:

— О чемъ тоскуешь?

Не успѣлъ я удержаться и отвѣтилъ:

— Жена померла.

Тогда, уже тихонько, спросила она:

— Давно ли?

— Пять недѣль только.

Застегнула дѣвица кофточку свою и вся какъ-то подобралась. Очень это понравилось мнѣ; взглянулъ въ лицо ей молча, а про себя говорю: спасибо! Какъ ни тяжело было мнѣ, а вѣдь молодъ я, и уже привычка къ женщинѣ есть,—два года въ супружествѣ жилъ.

Старуха, задыхаясь, говоритъ:

— Жена умерла—ничего! Ты молодой, а отъ нашей сестры всѣ улицы пестры.

Тогда Татьяна строго приказала ей:

— Иди-ка ты, Петровна, ложись да и спи! Я сама провожу гостя и ворота запру.

А когда старуха ушла, спрашиваетъ меня серьезно и ласково:

— Родные есть у васъ?

— Никого нѣтъ.

— А товарищи?

— И товарищей нѣтъ.

— Что̀ же вы хотите дѣлать?

— А не знаю.

Подумала, встала.

— Вотъ что̀,—говоритъ,—видно, что вы очень разстроены душой, и одному вамъ итти не совѣтую. Вы на первое слово ко мнѣ зашли, этакъ-то можно туда попасть, что не выдерешься: здѣсь вѣдь городъ! Ночуйте-ка у меня, вотъ — по-

стель, ложитесь съ Богомъ. Коли даромъ неловко вамъ, заплатите Петровнѣ, сколько не жаль. А коли я вамъ тяжела, скажите, не стѣсняясь—я уйду...

Поправилась мнѣ и рѣчь ея и глаза, и не сдержалъ я нѣкоей странной радости, усмѣхнулся, да и говорю:

— Эхъ, протопопъ!

Удивилась Татьяна:

— Какой протопопъ?

Совсѣмъ бѣда мнѣ—опять сконфузился.

— Это, — молъ, — поговорка у меня такая... То-есть — не поговорка, а во снѣ иногда протопопа я вижу...

— Ну,—говоритъ,—прощайте!

— Нѣтъ ужъ,—молъ,—пожалуйста, не уходите вы, посидите, если вамъ не трудно, со мной!

Сѣла, улыбается.

— Очень рада; какой же трудъ?

Проситъ меня выпить наливки или чаю, спрашиваетъ, не хочу ли ѣсть. У меня послѣ ея серьезной ласки слезы на глазахъ, радо мое сердце, какъ ранняя птица весеннему солнцу.

— За прямое слово—простите,—говорю,—но хочется мнѣ знать: правду ль вы сказали про себя, или такъ подразнить хотѣлось вамъ меня?

Нахмурила она брови, отвѣчаетъ:

— Вѣрно. Я—изъ такихъ. А что?

— Первый разъ въ жизни вижу такую дѣвицу, совѣстно мнѣ.

— Чего же вамъ совѣститься? Я вѣдь не голая сижу!

И тихонько ласково смѣется.

— Мнѣ, — молъ, — не за васъ совѣстно, за себя, за глупость мою!

Разсказалъ ей безъ утайки мои мысли насчетъ гулящихъ дѣвицъ.

Слушаетъ она внимательно, спокойно.

— Между нами,—говоритъ,—разныя есть, найдутся и хуже вашихъ словъ. Ужъ очень вы легко людямъ вѣрите!

Странно мнѣ помириться съ тѣмъ, что такая дѣвица—продажная. Снова спрашиваю ее:

— Что же вы это—по нуждѣ?

— Сначала,—говоритъ,—одинъ красавецъ обманулъ, я же на зло ему другого завела, да такъ и заигралась... А теперь иногда и изъ-за хлѣба приходится мужчину принять.

Говоритъ просто, и жалости къ себѣ не слышно въ ея словахъ.

— А въ церковь ходите?

Тутъ она вздрогнула, зардѣлась вся.

— Въ церковь,—говоритъ,—дорога никому не заказана.

Понимаю, что задѣлъ я ее, и скорѣй говорю:

— Вы не такъ меня поняли! Я евангеліе знаю и Марію Магдалину помню и грѣшницу, которой фарисеи искушали Христа. Я спросить хотѣлъ, не имѣете ли вы обиды на Бога за жизнь свою, нѣтъ ли сомнѣнія въ добротѣ Его?

Она наморщила бровки, подумала и удивленно спрашиваетъ:

— Не вижу я, при чемъ тутъ Богъ?

— Какъ же,—молъ,—Онъ нашъ пастырь и отецъ, въ Его властной рукѣ судьба человѣческая!

А она говоритъ:

— Да вѣдь я людямъ зла не дѣлаю, въ чемъ же я виновата? А отъ того, что я себя не чисто держу — кому горе? Только мнѣ!

Чувствую, — говоритъ она что-то добротное, сердечное, а понять не могу.

— За свои грѣхи—я отвѣтчица!—говоритъ она, наклонясь ко мнѣ, и вся улыбается.—Да не кажется мнѣ великъ грѣхъ-то мой... Можетъ, это и нехорошо говорю я, а правду! Въ церковь я люблю ходить: она у насъ недавно построена, свѣтлая, очень милая! Пѣвчіе замѣчательно поютъ. Иногда такъ тронутъ сердце, что даже заплачешь. Въ церкви отдыхаешь душой отъ всякой суеты...

Помолчала и добавила:

— Конечно, и другой интересъ есть—мужчины видятъ.

Удивляетъ она до того, что у меня даже потъ на вискахъ выступилъ, не понимаю я, какъ это у нея все плотно и дружно складывается.

— Вы,—спрашиваетъ она,—очень любили жену?

— Очень,—говорю. И все больше нравится мнѣ ея хорошая простота.

И началъ я разсказывать ей о своемъ душевномъ дѣлѣ—про обиду мою на Бога, за то, что допустилъ Онъ меня до грѣха и несправедливо наказалъ потомъ смертью Ольги. То блѣднѣетъ она и хмурится, то вдругъ загорятся щеки ея румянцемъ и глаза огнемъ, возбуждаетъ это меня.

Первый разъ въ жизни обернулъ я мысль свою о весь кругъ жизни человѣческой, какъ видѣлъ ее, — встала она предо мной нескладная и разрушенная, постыдная, грязью забрызганная, въ злобѣ и немощи своей, въ крикахъ, стонахъ и жалобахъ.

— Гдѣ здѣсь божеское?—говорю. — Люди другъ на другѣ сидятъ, другъ у друга кровь сосутъ, всюду звѣрская свалка

за кусокъ — гдѣ тутъ божеское? Гдѣ доброе и любовь, сила и красота? Пусть молодъ я, но я не слѣпъ родился — гдѣ Христосъ, дитя Божіе? кто попралъ цвѣты, посѣянные чистымъ сердцемъ Его, кѣмъ украдена мудрость Его любви?

И разсказалъ ей о протопопѣ, какъ онъ меня чернымъ богомъ пугалъ, какъ въ помощь богу своему хотѣлъ полицію кричать. Засмѣялась Татьяна, да и мнѣ смѣшонъ сталъ протопопъ, подобный сверчку зеленому: трещитъ сверчокъ да прыгаетъ, будто дѣло двигаетъ, а, кажись, и самъ не крѣпко вѣритъ въ правду дѣла своего!

А посмѣявшись, затуманилась эта хорошая дѣвица.

— Всего я не поняла,—говоритъ,—а иное даже страшно слушать: о Богѣ дерзко вы думаете!

Я говорю:

— Не видя Бога—жить нельзя!

— Да, — говоритъ она, — да вѣдь вы съ Нимъ точно на кулачки драться собрались, развѣ это можно? А что жизнь тяжела людямъ—вѣрно, я тоже иногда думаю—почему? Знаете, что̀ я скажу вамъ? Здѣсь недалеко монастырь женскій, и въ немъ отшельница, очень мудрая старушка! Хорошо она о Богѣ говоритъ—сходили бы вы къ ней!

— Что̀ жъ, я пойду! Я теперь вездѣ пойду, по всѣмъ праведникамъ, нужно мнѣ успокоиться!

— А я теперь спать, да и вы ложитесь, — говоритъ она, протянувъ руку мнѣ.

Схватилъ я ее, трясу и отъ души высказываю:

— Спасибо вамъ! Сколько вы мнѣ дали, не знаю я, и какъ это дорого—не цѣню въ сей часъ, но чувствую—хорошъ вы человѣкъ, спасибо вамъ!

— Что̀ вы,—говоритъ,—Богъ съ вами!

Смутилась, покраснѣла.

— Я такъ рада, если легче вамъ!

И вижу я, что, дѣйствительно, рада она! Что̀ я ей? А она—рада тому, что человѣка успокоила немного.

Погасилъ я свѣтъ, легъ и думаю:

„Вотъ, на праздникъ нечаянно попалъ!“

Потому что хоть и не легко на сердцѣ, а все-таки есть въ немъ что-то новое, хорошее. Вижу Татьянины глаза: то задорные, то серьезные; человѣческаго въ нихъ больше, чѣмъ женскаго: думаю о ней съ чистой радостью, а вѣдь такъ подумать о человѣкѣ—развѣ не праздникъ?

Рѣшилъ, что завтра подарю ей кольцо съ голубымъ камнемъ. А потомъ — забылъ, не купилъ... Тринадцать лѣтъ

прошло съ той поры, а вотъ вспомню эту дѣвушку, и всегда жаль, что не купилъ ей кольца.

Утромъ стучитъ она въ дверь.

— Вставать пора!

Встрѣтились съ нею, какъ старые друзья, сѣли пить чай, а она все уговариваетъ, чтобы я къ отшельницѣ сходилъ, слово взяла съ меня. Душевно распрощались, проводила она меня за ворота.

Въ городѣ я, какъ въ степи—одинъ. До монастыря тридцать три версты было, я сейчасъ же махнулъ туда, а на другой день уже за службой стоялъ.

Вокругъ монахинй черной толпой, — словно гора разсыпалась и обломками во храмѣ легла. Монастырь богатый, сестеръ много, и все грузныя такія: лица толстыя, мягкія, бѣлыя, какъ изъ тѣста слѣплены. Попъ служитъ истово, а сокращенно, и тоже хорошо кормленъ, крупный, басистый. Клирошанки на подборъ — красавицы, поютъ дивно. Свѣчи плачутъ бѣлыми слезами, дрожатъ ихъ огни, жалѣючи людей.

— Духъ мой ко храму, ко храму святому Твоему... — покорно возглашаютъ молодые голоса.

А я по привычкѣ повторяю про себя слова богослуженія, оглядываюсь, хочу понять, которая здѣсь отшельница, и нѣтъ во мнѣ благоговѣнія. Понялъ это—смутился... Вѣдь не играть пришелъ, а въ душѣ — пусто. И никакъ не могу собрать себя, все во мнѣ разрознено, мысли одна черезъ другую скачутъ. Вижу нѣсколько изможденныхъ лицъ — древнія полумертвыя старухи, смотрятъ на иконы, шевелятъ губами, а шопота не слышно.

Отстоялъ службу и хожу вокругъ церкви. День ясный, по снѣгу солнце искрами разсыпалось, на деревьяхъ синицы тенькаютъ, иней съ вѣтокъ отряхая. Подошелъ къ оградѣ и гляжу въ глубокія дали земныя; на горѣ стоитъ монастырь, и предъ нимъ размахнулась, раскинулась мать-земля, богато одѣтая въ голубое серебро снѣговъ. Деревеньки пригорюнились; лѣсъ, рѣкою прорѣзанный; дороги лежатъ, какъ ленты потерянныя, и надо всѣмъ—солнце сѣетъ зимніе косые лучи. Тишина, покой, красота...

А черезъ нѣкоторое время былъ я въ келейкѣ матери Февроніи. Вижу: маленькая старушка, глаза безъ бровей, все время слезятся, на лицѣ во всѣхъ его морщинахъ добрая улыбка безсмѣнно дрожитъ. Рѣчь она ведетъ тихо, почти шопотомъ и пѣвуче.

— Не ѣшь, — говоритъ, — молодецъ, яблочко до Спасова

дня, погоди, когда Господь миленькій его выпустить... какъ зернышки почернѣютъ въ немъ.

Думаю: къ чему это она?

— Чти,—говоритъ,—отца и матерь твою...

— Нѣтъ,—молъ,—ихъ у меня!

— Молись за упокой ихъ душенекъ...

— А можетъ, они живы?

Смотритъ она на меня и, отирая слезы съ глазъ, жалостно улыбается. Потомъ опять качаетъ головою и поетъ:

— Господь-отъ нашъ добренькій, до всѣхъ справедливъ, всѣхъ отдѣляетъ щедротой Своей!

— А я,—молъ,—усомнился въ этомъ...

Смотрю—испугалась она, руки опустила и молчитъ, часто мигая глазами. Собралась съ духомъ—снова тихонько запѣла:

— Помни, что молитва крылата и быстрѣе всѣхъ птицъ, и всегда она достигнетъ до престола Господня! На конѣ въ царство небесное никто не въѣзжалъ...

Понимаю, что Богъ для нея бариномъ стоитъ,—добренькій да миленькій, а закона у старушки нѣтъ для Него. И все она сбивается на притчи, а я не понимаю ихъ, и досадно мнѣ это.

Поклонился ей и ушелъ.

— Вотъ, думаю, разобрали люди Бога по частямъ, каждый по нуждѣ своей,—у одного—добренькій, у другого — страшный, попы Его въ работники наняли себѣ и кадильнымъ дымомъ платятъ Ему за то, что Онъ сытно кормитъ ихъ. Только Ларіонъ необъятнаго Бога имѣлъ.

Монашенки снѣгъ на саняхъ возятъ, проѣхали мимо, хихикаютъ, а мнѣ тяжело и не знаю, что дѣлать. Вышелъ за ворота—тишина. Снѣга блестятъ, инеемъ одѣтыя деревья не шелохнутся, все задумалось. И небо и земля смотрятъ ласково на тихій монастырь. Мнѣ же боязно, что вотъ я нарушу эту тишину нѣкоторымъ крикомъ.

Къ вечернѣ заблаговѣстили... Славный колоколъ! Мягко и внятно зоветъ, а мнѣ въ церковь итти не хочется. Въ головѣ будто мелкіе гвозди насыпаны.

И какъ-то вдругъ рѣшилъ я: пойду жить въ монастырь, гдѣ уставъ построже, поживу-ка одинъ, въ кельѣ подумаю, книгъ почитаю... Не соберу ли въ одиночествѣ разрушенную душу мою въ крѣпкую силу?

Черезъ недѣлю въ Савватѣевской пустыни предъ игуменомъ стою,—нравится онъ мнѣ. Человѣкъ благообразный, сѣдоватый и лысый, краснощекъ и крѣпокъ, но лицо серьезное и глаза обѣщающіе.

— Почему,—спрашиваетъ онъ,—сынъ мой, міра бѣжишь?

Объясняю, что разстроенъ душой по случаю смерти жены, а больше ничего не могу сказать, что-то мнѣ мѣшаетъ.

Онъ, бороду пощипывая, зорко смотритъ на меня и снова говоритъ:

— Вкладъ сдѣлать можешь?

— Есть,—молъ,—у меня около ста рублей.

— Давай! Иди въ страннопріимную, завтра послѣ обѣдни я еще потолкую съ тобой.

Странниками отецъ Нифонтъ завѣдывалъ, онъ тоже понравился мнѣ.

— У насъ,—говоритъ, — обитель простая, воистину братская, всѣ равно на Бога работаютъ, не какъ въ другихъ мѣстахъ! Есть, положимъ, барипокъ одинъ, да онъ ни къ чему не касается и не мѣшаетъ никому. Здѣсь ты отдыхъ и покой душѣ найдешь, здѣсь обрящешь!

За день я уже осмотрѣлъ обитель. Раньше, видимо, она въ лѣсу стояла, да вырубились, кое-гдѣ предъ воротами и теперь пни торчатъ, а съ боковъ ограды лѣсъ заходитъ, двумя черными крыльями обнимая голубоглавую церковь и бѣлые корпуса строеній. Напротивъ Синь-озеро во льду лежитъ полумѣсяцемъ, — девять верстъ изъ конца въ конецъ да четыре ширина,—и Заозерье видать: три церкви Кудеярова, золотую главу Николы въ Толокопцевѣ, а по эту сторону, у монастыря, Кудеяровскіе выселки прикурнули, двадцать три двора. Кругомъ—могучій лѣсъ.

Все — хорошо. Умиленіе тихо пало на душу. Вотъ гдѣ я побесѣдую съ Господомъ, разверну предъ Нимъ сокровенное души моей и со смиренной настойчивостью попрошу указать мнѣ пути къ знанію законовъ Его!

Вечеромъ всенощную стоялъ; служатъ строго по чину, истово, пѣніе, однако, несогласное, хорошихъ голосовъ нѣтъ.

Молюсь я:

— Господи, прости, если дерзко мыслилъ о Тебѣ, не отъ невѣрія это, но отъ любви и жажды, какъ Ты знаешь, Всевѣдущій!

Вдругъ впереди стоявшій монахъ оглянулся на меня и улыбается. Видно, громко прошепталъ я покаянныя слова мои! Улыбается онъ — и сколь прекрасное лицо вижу я!.. Даже опустилъ голову и зажмурился — ни до той поры ни послѣ такого красавца не видалъ. Подвинулся впередъ, сталъ рядомъ съ нимъ и заглядываю въ его дивное лицо— бѣлое, словно кипѣнь, въ черной бородѣ съ рѣдкой просѣдью. Глаза у него большіе, влажно-матовые, гордые, строенъ онъ

и высокъ. Носъ немного загнутъ, словно у кобчика, и во всей фигурѣ видно нѣчто благородное. Такъ онъ поразилъ меня, что даже во снѣ той ночью видѣлъ я его.

Рано утромъ разбудилъ меня Нифонтъ.

— Назначено,—говоритъ, — тебѣ послушаніе отцомъ игуменомъ; иди въ пекарню, вотъ сей смиренный монашекъ отведетъ тебя, онъ же начальство твое! На-ка тебѣ одежду казенную!

Одѣваюсь я въ монастырское, нарядъ оказался впору, но все ношеное и грязное, а у сапога подметка отстала.

Гляжу на своего начальника: широкоплечъ, неуклюжъ, лобъ и щеки въ бородавкахъ и угряхъ, изъ нихъ кустики сѣрыхъ волосъ растутъ, и все лицо какъ бы овечьей шерстью закидано. Былъ бы онъ смѣшноватъ,—но лобъ его огромный глубокими морщинами покрытъ, губы сурово сжаты, маленькіе глаза угрюмы.

— А ты живѣе!—приказываетъ онъ.

Голосъ грубый, но надорванный, точно колоколъ съ трещиной.

Нифонтъ, улыбаясь, говоритъ:

— Зовутъ его—братъ Миха. Съ Богомъ!

Вышли на дворъ, темно; Миха запнулся за что-то — по-матерному ругается. Потомъ спрашиваетъ:

— Тѣсто мѣсить умѣешь?

— Видѣлъ,—говорю,—какъ бабы мѣсятъ.

Ворчитъ:

— Бабы! Вамъ все бабы, вездѣ бабы! Черезъ нихъ міръ проклятъ, надо помнить!

— Богородица,—молъ,—женщина была.

— Ну?

— И много есть святыхъ угодницъ.

— Поговори! Къ чорту въ адъ и угодишь!

Однако, думаю, это серьезный человѣкъ.

Пришли въ пекарню, зажегъ онъ огонь. Стоятъ два большихъ чана, мѣшками покрыты, и длинный ларь; лежитъ куль ржаной муки, пшеничная въ мѣшкахъ. Сорно и грязно, всюду паутина и сѣрая пыль осѣла. Сорвалъ Миха съ одного чана мѣшки, бросилъ на полъ, командуетъ:

— Учись! Вотъ—подбойка! Пузыри — видишь? Значитъ—готова, взошла!

Взялъ куль муки, какъ трехлѣтняго ребенка, взвалилъ на край чана, вспоролъ ножомъ, кричитъ, какъ на пожарѣ:

— Лей воды четыре ведра! Мѣси!

И уже весь бѣлый, какъ дерево въ инѣ. Сбросилъ я ряску, засучилъ рукава.

Онъ говоритъ:

— Это—никуда! Снимай штаны... Ногами!

— Я,—молъ,—въ банѣ давно не былъ...

— А тебя объ этомъ спрашиваютъ?

— Какъ же грязными-то ногами?

Какъ онъ заоретъ:

— Ты мнѣ подъ началъ данъ, али я тебѣ?

Ротъ у него большой, зубы крупные, руки длинныя, и онъ ими неласково махаетъ.

— Ну, думаю, песъ съ тобой!

Вытеръ ноги мокрой тряпкой, залѣзъ въ чанъ, топчусь, а начальникъ мой катается по пекарнѣ и рычитъ:

— Я те согну, матушкинъ сынокъ!.. Я те научу смиренномудрію!

Вымѣсилъ я одинъ чанъ—другой готовъ; этотъ замѣсилъ—пшеничное поспѣло; его уже руками надо было мѣсить. Крѣпокъ я былъ парень, а къ работѣ не привыкъ: мука мнѣ налѣзла и въ носъ, и въ ротъ, и въ уши, и въ глаза, оглохъ, ничего не вижу, потомъ обливаюсь, а онъ въ тѣсто капаетъ.

— Тряпки,—говорю,—нѣтъ ли, потъ вытирать?

Сердится Миха:

— Бархатныя полотенца заведемъ для тебя. Двѣсти тридцать два года обитель стояла—все твоихъ порядковъ ждала!

Мнѣ смѣшно.

— Да вѣдь я, — молъ,—не для себя! Люди хлѣбъ-то будутъ ѣсть!

Подошелъ онъ ко мнѣ, ощетинился, какъ ежъ, и дрожитъ весь и мычитъ:

— Мѣшкомъ отирайся, коли брезгливъ! А о дерзости твоей я игумену доложу!

Удивляетъ меня этотъ человѣкъ до того, что я и обижаться не могу. Работаетъ онъ, не покладая рукъ, мѣшки-пятерики какъ подушки въ рукахъ у него, весь мукой обсыпался, урчитъ, ругается и все подгоняетъ меня:

— Живѣй возись!

Стараюсь такъ, что голова кружится.

Трудно дались мнѣ первые дни послушанія. Пекарня подъ трапезной была въ подвалѣ, потолокъ въ ней сводчатый, низкій, окно—одно только и наглухо закрыто; воздуха мало, туманомъ густымъ мучная пыль стоитъ, мечется въ ней Миха, какъ медвѣдь на цѣпи, мутно сверкаетъ огонь въ печи—кошмаръ, а не работа! И все время только двое насъ, рѣдко кого накажутъ послушаніемъ, велятъ намъ помогать.

За службы въ церковь некогда ходить. Миха каждый день поучаетъ меня — словно крѣпкой веревкой туго вяжетъ; говоритъ онъ весь, дымится злобой противъ міра, а я дыму его грѣчами и уже весь изнутри густо сажей покрытъ.

— Люди для тебя кончились, — говоритъ, — они тамъ въ міру грѣхъ плодятъ, а ты отъ міра отошелъ. А если тѣломъ откачнулся его — долженъ и мыслью уйти, забыть о немъ. Станешь о людяхъ думать, не минуя вспомнишь женщину, сю же міръ повергнутъ во тьму грѣха и навѣки связанъ!

Я, бывало, едва ротъ открою, а онъ уже кричитъ:

— Молчи! Слушай опытнаго внимательно, старшаго тебя съ уваженіемъ! Знаю я: ты все о Богородицѣ бормочешь. Но потому и принялъ Христосъ крестную смерть, что женщиной былъ рожденъ, а не свято и чисто съ небёсъ сошелъ, да и во дни жизни Своей мирволилъ имъ, поскудамъ этимъ бабенкамъ. Ему бы самарянку-то въ колодецъ кинуть, а не разговаривать съ ней, а распутницу эту камнемъ въ лобъ,— вотъ, глядишь, и спасенъ міръ!

— Вѣдь это же не церковная мысль!

— И еще говорю—молчи! Что̀ ты знаешь церковное, не церковное? Церковь вся въ рукахъ бѣлаго духовенства, въ плѣну блудниковъ, щеголей; они, вонъ, сами въ шелковыхъ рясахъ ходятъ, на манеръ бабьихъ юбокъ! Еретики они поголовно, имъ кадрили плясать, а не уставы писать! Развѣ женатый мужикъ можетъ чисто мыслить о Господнихъ дѣлахъ? Не въ силѣ онъ—ибо продолжаетъ велій грѣхъ прелюбодѣянія, за него же люди изгнаны Господомъ изъ садовъ райскихъ! Тѣмъ грѣхомъ всѣ мы презрѣнно брошены въ скорбь вѣчную и осуждены на скрежетъ зубовный и на суд дороги дьявольскія, и ослѣплены, да не видимъ лица Божія вовѣки и вѣкъ вѣка! Священство, — кое само сѣть грѣха плететъ, рождая дѣтей отъ женщины, — укрѣпляетъ этимъ міръ на стезѣ гибели и, чтобы оправдать отступничество свое отъ закона, изолгало всѣ законы!

Все тѣснѣе сдвигаетъ человѣкъ этотъ вокругъ меня камни стѣнъ, опускаетъ онъ сводъ зданія на голову мою, тѣсно мнѣ и тяжело въ пыли его словъ.

— Какъ же,— молъ,—Господь сказалъ: плодитесь, множьтесь?

Даже посинѣлъ мой наставникъ, ногами топаетъ, реветъ:

— Сказалъ, сказалъ!.. А ты знаешь, какъ Онъ сказалъ? ты, дуракъ? Сказалъ Онъ: плодитесь, множьтесь и населяйте землю, предаю васъ во власть дьявола, и будь вы проклятъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ— вотъ что̀ Онъ сказалъ!

блудники проклятіе Божіе обратили въ законъ Его! Понялъ мерзость и ложь?

Обрушится онъ на меня, подобно горѣ, и задавитъ; потемнѣетъ все вокругъ меня. Вѣрить не могу я, но и опровергнуть изувѣрство его не въ силахъ — растерялся я подъ напоромъ страсти его. Приведу ему текстъ изъ Писанія, а онъ мнѣ—три, и обезоружитъ мысль мою. Писаніе—пестрый лугъ цвѣтовъ; хочешь красныхъ—есть красные, бѣлыхъ хочешь—и они цвѣтутъ. Убито молчу предъ нимъ, а онъ торжествуетъ, горятъ его глаза, какъ у волка. И все время вертимся мы въ работѣ: я мѣшу, онъ хлѣбы раскатываетъ, въ печь сажаетъ; испекутся—вынимать ихъ начнетъ, а я на полки кладу, руки себѣ обжигая. Тѣстомъ я оклеенъ, мукой посыпанъ, слѣпъ и глухъ, плохо понимаю отъ усталости.

Приходятъ къ намъ разные монахи, говорятъ о чемъ-то намеками, смѣются; Миха злобно лаетъ на всѣхъ, гонитъ вонъ изъ пекарни, а я — какъ вареный: и угрюмъ сталъ, и тяжко мнѣ съ Михаиломъ, не люблю я его, боюсь.

Нѣсколько разъ онъ спрашивалъ меня:

— Голыхъ бабъ видишь во снѣ?

— Нѣтъ,—молъ,—никогда.

— И врешь ты! Зачѣмъ врешь?

Сердится, зубы оскалилъ, кулакомъ мнѣ грозитъ, кричитъ:

— Лжецъ и пакостникъ!

Я только удивляюсь ему. Какія тамъ бабы голыя? Человѣкъ съ трехъ утра до десяти часовъ вечера работаетъ, ляжешь спать, такъ кости ноютъ, подобно нищимъ зимой, а онъ—бабы!

Однажды пошелъ я въ кладовую за дрождями, — тутъ же въ подвалѣ противъ пекарни темная кладовая была,—вижу, дверь не заперта, и фонарь тамъ горитъ. Открылъ дверь, а Миха ползаетъ на животѣ по полу и рычитъ:

— Отжени, молю Тя, Господи! Отжени... Освободи...

Я, конечно, тотчасъ же ушелъ, но не догадался, въ чемъ дѣло.

Ненавистно говорилъ онъ о женщинахъ и всегда похабно, называя все женское грубо, по-мужичьи, плевался при этомъ, а пальцы скрючивалъ и водилъ ими по воздуху, какъ бы мысленно рвалъ и щипалъ женское тѣло. Нестерпимо мнѣ слышать это, задыхаюсь. Вспомню жену свою и счастливыя слезы наши въ первую ночь супружества, смущенное и тихое удивленіе другъ передъ другомъ, великую радость...

„Развѣ это не Твой сладкій даръ человѣку, Господи?“

Вспомню доброе сердце Татьяны, простоту ея, обидно мнѣ до слезъ. Думаю:

„Когда игуменъ позоветъ меня для разговора, все ему скажу!“

А онъ не зоветъ. Дни идутъ, какъ слѣпые лѣсомъ по тѣсной тропѣ, натыкаясь другъ на друга, а игуменъ не зоветъ меня. Темно мнѣ.

Въ то время—въ двадцать два года отъ роду—первые сѣдые волосы явились у меня.

Хочется съ прекраснымъ монахомъ поговорить, но вижу я его рѣдко и мелькомъ—проплыветъ гдѣ-нибудь гордое лицо его, и повлечется вслѣдъ за нимъ тоска моя невидимой тѣнью.

Спрашивалъ я Михайлу про него.

— Ага-а!..—кричитъ Миха.—Этотъ? Да, этотъ праведной жизни скотъ, какъ же! За игру въ карты изъ военныхъ выгнанъ, за скандалы съ бабами изъ духовной академіи! Ученый, да-а! Изъ офицеровъ въ академію попалъ! Въ Чудовомъ монастырѣ всѣхъ монаховъ обыгралъ, сюда явился—семь съ половиной тысячъ вкладъ сдѣлалъ, землю пожертвовалъ и этимъ великъ почетъ себѣ купилъ, да! Здѣсь тоже въ карты играетъ—игуменъ, келарь, казначей, да онъ съ ними. Дѣвка къ нему ѣздитъ... О, сволочи! Келья-то у него отдѣльная, ну, онъ тамъ и живетъ, какъ ему хочется! О, великая пакость!

Не вѣрилъ я этому, не могъ.

Какъ-то разъ прошу келаря, отца Исидора, допустить меня до игумена для бесѣды.

— О чемъ бесѣда?

— О вѣрѣ, молъ.

— Что̀ такое—о вѣрѣ?

— Разные вопросы имѣю.

Смотритъ на меня сверху внизъ: былъ онъ на голову выше меня, худой, костлявый, глаза умные, насмѣшливые, носъ кривой и длинная острая борода.

— Прямо говори—плоть одолѣваетъ?

Далась имъ эта плоть!

Не охота мнѣ, но все-таки сказалъ я ему кратко нѣкоторыя сомнѣнія мои. Нахмурился, улыбается.

— Противъ этого, сынъ мой, молитва—средство, молитвою да излѣчишь недугъ души твоей! Но, во вниманіе къ трудолюбію твоему, а также по необычности просьбы твоей, я игумену доложу. Ожидай!

Слово „необычность“ удивило меня, почувствовалъ я въ немъ пустоту, враждебную мнѣ.

И вотъ зовутъ меня къ отцу игумену, смотритъ онъ зорко, какъ я поклоны бью, и сдастие говоритъ:

— Передалъ мнѣ отецъ Исидоръ желаніе твое состязаться о вѣрѣ со мной...

— Я,—молъ,—не спорить хочу...

— А не перебивай рѣчь старшаго! Всякое разсужденіе двоихъ объ одномъ предметѣ есть уже споръ, и всякій вопросъ—соблазнъ мысли,—если, конечно, предметъ не касается ежедневной жизни братской, дѣла текущаго! Здѣсь, у насъ, рабочее содружество, трудимся мы для поддержанія плоти, дабы временно пребывающая въ ней душа могла воспарять ко Господу, молясь и предстательствуя милости Его о грѣхахъ міра. У насъ суть не училище мудрствованія, а работа; и не мудрость нужна намъ, но простота души. Споры твои съ братомъ Михайлой извѣстны мнѣ, одобрить ихъ не могу. Дерзость мысли твоей умѣряй, дабы не впасть во искушеніе, ибо разнузданная и не связанная вѣрою мысль есть острѣйшее оружіе дьявола. Разумъ—отъ плоти, а сія—отъ дьявола, сила же души—частицы духа Божьяго; откровеніе даруется праведному черезъ созерцаніе. Братъ Михайла, начальникъ твой, суровый монахъ, но истинный подвижникъ и братъ, всѣми здѣсь любимый за труды свои. Налагается мною на тебя эпитимія—по окончаніи дневного труда твоего будешь ты въ лѣвомъ придѣлѣ передъ распятіемъ акаѳистъ Іисусу читать трижды въ ночь, и десять ночей. Засимъ назначаются тебѣ также бесѣды со схимонахомъ Мардаріемъ,—время будетъ указано и число оныхъ. Ты вѣдь въ экономіи приказчикомъ былъ? Иди съ миромъ, я о тебѣ подумаю! Родныхъ, кажись, не имѣешь въ міру? Ступай, я помолюсь о тебѣ! Надѣйся на лучшее!

Воротился я къ себѣ въ пекарню, сталъ эту рѣчь взвѣшивать въ умѣ—легко вѣситъ!

Можетъ, разумъ и заблуждается въ исканіяхъ своихъ, но бараномъ жить едва ли достойно и праведно для человѣка. Созерцаніе же молитвенное я въ ту пору понималъ, какъ углубленіе въ нѣдра духа моего, гдѣ всѣ корни заложены и откуда мысль стремится расти кверху, подобно дереву плодовому. Враждебнаго себѣ и непонятнаго въ душѣ моей я ничего не находилъ, а чувствовалъ непонятное въ Богѣ и враждебное въ мірѣ, значитъ, внѣ себя. А что братія Михайлу любитъ—это прямая неправда была; я хотя въ сторонѣ отъ всѣхъ стоялъ, въ разговоры не вмѣшивался, но,—ко всему присматриваясь,—видѣлъ, что и рясофорные и послушники презираютъ Михайлу, боятся его и брезгуютъ имъ

Вижу также, что обитель хозяйственно поставлена: лѣсомъ торгуетъ, земли въ аренду мужикамъ сдаетъ, рыбную ловлю

на озерѣ; мельницу имѣетъ, огороды, большой плодовый садъ; яблоки, ягоды, капусту продаетъ. На конюшняхъ восемнадцать лошадей, братіи болѣе полуста, и всѣ народъ крѣпкій, рабочій, стариковъ не много,—для парада, для богомольцевъ едва хватаетъ. Монахи и вино пьютъ и съ женщинами усердно путаются; кои помоложе, тѣ на выселки ночами бѣгаютъ, къ старшимъ женщины ходятъ въ кельи, якобы полы мыть; у, конечно, богомолками тоже пользуются. Но все это дѣло не мое, и осуждать я не могу, грѣха въ этомъ не вижу, но ложь противна. Послушниковъ много, послушанія тяжелыя, и не держится народъ—бѣжитъ. При мнѣ, за два года жизни въ обители, одиннадцать человѣкъ сбѣжало; съ мѣсяцъ-два проживутъ и—давай Богъ ноги! Трудно!

Конечно, и для богомольцевъ приманки имѣлись: вериги схимонаха Іосафа, уже усопшаго, отъ ломоты въ колѣняхъ помогали: скуфейка его, будучи на голову возложена, отъ боли головной исцѣляла; въ лѣсу ключъ былъ очень студеный,—его вода, если облиться ею, противъ всѣхъ болѣзней дѣйствовала. Образъ Успенія Божьей Матери чудеса творилъ; схимонахъ Мардарій прорицалъ будущее и утѣшалъ горе людское. Все было, какъ слѣдуетъ, и весной, въ маѣ, народъ валомъ къ намъ валилъ.

Послѣ разговора съ игуменомъ и мнѣ захотѣлось въ другой монастырь итти, гдѣ бы побѣднѣе, попроще и не такъ много работы, гдѣ монахи ближе къ дѣлу своему,—познанію грѣховъ міра,—стоятъ, но захлестнули меня разныя событія.

Сошелся я вдругъ съ однимъ послушникомъ, Гришей,—въ конторѣ монастырской занимался онъ. Замѣчалъ я его давно: ходитъ между братіей всегда поспѣшно и безшумно юноша въ дымчатыхъ очкахъ, незамѣтное лицо, сутуловатый; ходитъ, наклоня голову, какъ бы не желая видѣть ничего иного, кромѣ пути своего.

На другой день послѣ разговора моего съ игуменомъ, явился этотъ Гриша въ пекарню,—Михайла на докладъ къ отцу казначею пошелъ,—явился, тихо поздоровался, спрашиваетъ:

— Были, братецъ, у игумена?

— Былъ.

— Бесѣдовали?

— Нѣтъ.

— Прогналъ?

— За что?

Поправилъ онъ очки, смутился, говоритъ:

— Простите, Христа ради!

— А васъ развѣ прогонялъ?

Киваетъ головой утвердительно.

Присѣлъ на ларь, согнулся весь, сухо покашливаетъ, стучитъ пятками по стѣнкѣ ларя, а я ему разсказываю рѣчи игумена. И вдругъ онъ вскочилъ на ноги, выпрямился весь, какъ пружина, и заговорилъ звонко, горячо:

— Почему же называютъ это мѣсто—мѣстомъ спасенія души, если и здѣсь все на деньгахъ построено, для денегъ живемъ, какъ и въ міру? Я сюда отъ торговли бѣжалъ, отъ грѣха торговли, а она здѣсь противъ меня,—куда бѣгу теперь?

Дрожитъ весь и спѣшно разсказываетъ про себя: сынъ купца, булочника, коммерческое училище кончилъ и былъ уже приставленъ отцомъ къ торговлѣ.

— Пустяками какими-нибудь,—говоритъ,—я бы сталъ торговать, а хлѣбомъ—стыдно и неловко! Хлѣбъ есть необходимое всѣмъ, нельзя забирать его въ однѣ руки, чтобъ выжимать барышъ изъ нужды людской! Отецъ сломилъ бы меня, да его самого жадность сломила. Была у меня сестра, гимназистка, веселая, бойкая, со студентами знакомилась, книжки читала, и вдругъ отецъ говоритъ ей: „Брось учиться, Лизавета, я тебѣ жениха нашелъ“. Плачетъ она, бьется, кричитъ: „Не хочу!“, а онъ ее—за косу, и довелъ до того, что покорилась сестренка ему. Женихъ—сынъ богатѣйшаго чайнаго торговца; косой, огромный парень, грубіянъ, и все кичится богатствомъ своимъ. Лиза противъ его, какъ мышь противъ собаки; противенъ онъ ей! А отецъ говоритъ: „Дура, у него торговля во многихъ городахъ по Волгѣ!“. Ну, и обвѣнчали ее, а во время нараднаго обѣда вышла она въ свою комнату и выстрѣлила изъ пистолета въ грудь себѣ. Я еще живой засталъ ее, говоритъ мнѣ: „Прощай, Гриша, очень хочется жить, а нельзя—страшно, не могу, не могу!“

Помню, говорилъ онъ быстро-быстро, какъ бы убѣгая отъ прошлаго, а я слушаю и гляжу въ печь. Чело ея предо мной—словно нѣкое древнее и слѣпое лицо, черная пасть полна злыхъ языковъ ликующаго пламени, жуетъ она, дрова свистятъ, шипятъ. Вижу въ огнѣ Гришину сестру и озлобленно думаю: чего ради насилуютъ и губятъ люди другъ друга?

И сыплются, какъ осенніе сухіе листья, частыя Гришины слова:

— ... Отецъ обезумѣлъ, топаетъ ногами, кричитъ: „опозорила родителя, погубила душу!“. И только послѣ похоронъ, какъ увидалъ, что вся Казань пришла провожать Лизу и вѣнками гробъ осыпали, опамятовался онъ.—„Если, говоритъ,

весь народъ за нее сталъ, значитъ, подлецъ я передъ дочерью!"

Плачетъ Гриша, вытираетъ свои очки, а руки у него трясутся.

— А у меня еще до этой бѣды мечта была уйти въ монастырь, тутъ я говорю отцу: „отпустите меня". Онъ и ругался и билъ меня, но я твердо сказалъ: „не буду торговать, отпустите!". Будучи напуганъ Лизой, далъ онъ мнѣ свободу и—вотъ, за четыре года въ третьей обители живу, а вездѣ торговля, нѣтъ душѣ моей мѣста! Землею и словомъ Божіимъ торгуютъ, медомъ и чудесами... Не могу видѣть этого!

Разбудила его исторія душу мою, мало думалъ я, живя въ монастырѣ, утомилъ меня трудъ, задремали мятежныя мысли— и вдругъ все снова вспыхнуло.

Спрашиваю Гришу:

— Гдѣ же нашъ Господь? Нѣтъ вокругъ насъ ничего, кромѣ своевольной и безумной глупости человѣческой, кромѣ мелкаго плутовства, великія несчастія порождающаго,—гдѣ же Богъ?

Но тутъ явился Михайла и разогналъ насъ.

Съ того дня началъ Гриша часто бѣгать ко мнѣ, я ему свои мысли говорю, а онъ ужасается и совѣтуетъ смиреніе. Говорю я:

— Зачѣмъ столько горя людямъ?

— За грѣхи,—отвѣчаетъ. И все у него отъ руки Божіей— голодъ, пожары, несчастныя смерти, гибельные разливы рѣкъ—все!

— Развѣ,—молъ,—Богъ есть сѣятель несчастій на землѣ?

— Вспомни Іова, безумный!—шепчетъ онъ мнѣ.

— Іовъ,—говорю,—меня не касается! Я на его мѣстѣ сказалъ бы Господу: не пугай, но отвѣть ясно—гдѣ пути къ Тебѣ? Ибо азъ есмь сынъ силы Твоея и созданъ Тобою по подобію Твоему,—не унижай себя, отталкивая дитя Твое!

Плачетъ, бывало, Гришуха отъ глупыхъ дерзостей моихъ, обнимаетъ меня.

— Милый братъ мой,—шепчетъ,—боюсь я за тебя до ужаса! Рѣчи и сужденія твои отъ дьявола!

— Въ дьявола не вѣрую—коли Богъ всесиленъ...

Онъ еще больше взволнуется; чистый былъ и нѣжный человѣкъ, полюбилъ я его.

Я тогда энтимію отбывалъ. Кончу работать—иду въ церковь. Братъ Никодимъ откроетъ двери мнѣ и запретъ меня, наполнивъ тишину храма гулкимъ шумомъ желѣза. Подожду я у двери, покуда не ляжетъ этотъ гулъ на каменныя плиты

пола, подойду тихонько къ распятію и сяду на полу предъ нимъ—нѣтъ у меня силы стоять, кости и тѣло болятъ отъ работы, и акаѳистъ читать не хочется мнѣ. Сижу, обнявъ колѣни, и смотрю вокругъ сонными глазами, думая о Гришѣ, о себѣ. Лѣто было тогда, ночи жаркія, а здѣсь—прохладный сумракъ, кое-гдѣ лампады мелькаютъ, перемигиваются; синеватые огоньки тянутся кверху, словно хотятъ взлетѣть въ куполъ и выше—въ небо, къ лѣтнимъ звѣздамъ. Слышенъ тихій трескъ свѣтиленъ, звучитъ онъ разно, сквозь дрёму мнѣ кажется, что во храмѣ кто-то невидимо живетъ, тайно бесѣдуя робкимъ мельканіемъ лампадъ. Въ теплой тишинѣ и тьмѣ вдумчиво колеблются лики святыхъ, словно и предъ ними встало что-то нерѣшенное. Призрачныя тѣни, тихо коснувшись лица моего, овѣваютъ сладкимъ дыханіемъ масла, и кипариса, и ладана. Золото и мѣдь стали мягче и скромнѣе, серебро блеститъ тепло и ласково, и все таетъ, плавится, сливаясь въ широкій потокъ великой о чемъ-то мечты. Храмъ, какъ густое душистое облако, колеблется и плыветъ въ тихомъ шопотѣ неясной мнѣ молитвы. Закружусь я въ хороводѣ тѣней, и подниметъ меня съ пола ласковый сонъ.

А передъ тѣмъ, какъ ударить къ заутренѣ, подойдетъ ко мнѣ молчаливый братъ Никодимъ, разбудитъ, тихонько коснувшись головы, и скажетъ:

— Иди съ Богомъ!

— Прости,—молъ,—меня, я опять заснулъ.

Иду и шатаюсь на ногахъ, а Никодимъ, поддерживая меня, чуть слышно говоритъ:

— Богъ тебя проститъ, кормилецъ мой!

Былъ Никодимъ незамѣтный старичокъ, ото всѣхъ прятавшій лицо свое, и всякаго человѣка онъ называлъ „кормилецъ“.

Однажды спросилъ я его:

— Ты, Никодимушка, по обѣту молчишь?

— Нѣтъ,—говоритъ,—такъ просто.

И вздохнулъ:

— Кабы зналъ, что̀ сказать—говорилъ бы!

— А отчего изъ міра ушелъ?

— Оттого и ушелъ.

Начнешь его дальше спрашивать—не отвѣчаетъ, иногда взглянетъ въ лицо тебѣ виноватыми глазами и тихонько скажетъ:

— Не знаю я, кормилецъ!

Бывало, подумаешь:

„Можетъ, этотъ человѣкъ тоже отвѣтовъ искалъ...“

И захочется бѣжать изъ монастыря.

А тутъ явился еще одинъ сударь,—вдругъ, точно мячъ черезъ ограду перескочилъ,—крѣпкій такой попрыгунъ, бойкій, маленькій. Глаза круглые, какъ у совы, носъ горбомъ, кудри свѣтлые, бородка пушистая, зубы блестятъ въ постоянной улыбкѣ. Веселитъ всѣхъ монаховъ шутками, про женщинъ похабно разсказываетъ, по ночамъ водитъ ихъ въ обитель, водки безъ мѣры достаетъ и во всемъ удивительно ловокъ.

Посмотрѣлъ я на него и говорю:

— Ты чего въ монастырѣ ищешь?

— Я? Жратвы!

— Хлѣбъ работой добываютъ!

— Это,—говоритъ,—на мужиковъ Богомъ возложено, а я—мѣщанинъ, да еще въ казенной палатѣ два года служилъ, такъ что въ родѣ начальства числю себя!

Я и этого забавника началъ раскрывать—надо мнѣ видѣть всѣ пружины, какія разными людями двигаютъ. Какъ привыкъ я къ работѣ моей, Михайла лѣниться сталъ, все убѣгаетъ куда-то, а мнѣ хоть и трудно одному, но пріятнѣе; народъ въ пекарню свободно ходитъ, бесѣдуемъ.

Чаще всего сходились мы трое: Гриша, я и веселый Серафимъ. Гриша волнуется, машетъ руками на меня, Серафимъ свиститъ, потряхивая кудрями, улыбается.

Какъ-то разъ спросилъ я его:

— Серафимъ, а ты, бродяга, въ Господа вѣруешь?

— Потомъ,—говоритъ,—скажу, подожди лѣтъ тридцать. Ударитъ мнѣ подъ шестьдесятъ, я навѣрное буду знать, вѣрую ли и какъ, а сейчасъ я этого не понимаю; врать же—охоты нѣтъ!

И начнетъ разсказывать про море. Говорилъ онъ о немъ, какъ о великомъ чудѣ, удивительными словами; тихо и громко, со страхомъ и любовью, горитъ весь отъ радости и становится подобенъ звѣздѣ. Слушаемъ мы его, молчимъ, и даже грустно отъ разсказовъ его объ этой величавой живой красотѣ.

— Море,—жгуче говорилъ онъ,—синее око земли, устремленное въ дали небесъ, созерцаетъ оно надмірныя пространства, и во влагѣ его, живой и чуткой, какъ душа, отражаются игры звѣздъ—тайный бѣгъ свѣтилъ. И если долго смотрѣть на волненіе моря, то и небеса кажутся отдаленнымъ океаномъ, звѣзды же—золотые острова въ немъ.

Гриша, блѣдный, слушаетъ его и, улыбаясь тихой, какъ бы лунной улыбкой, печально шепчетъ:

— И предъ лицомъ сихъ тайнъ и красотъ мы—только торгуемъ! Ничего болѣе... О, Господи!

Или начинаетъ Серафимъ о Кавказѣ говорить—представитъ намъ страну мрачную и прекрасную, мѣсто, сказкѣ подобное, гдѣ адъ и рай обнялись, помирились и красуются братски-равные, гордые величіемъ своимъ.

— Видѣть Кавказъ,—внушаетъ Серафимъ,—значитъ видѣть истинное лицо земли, на коемъ—не противорѣча—сливаются въ одну улыбку и снѣжная чистота души ребенка и гордая усмѣшка мудрости дьявольской. Кавказъ—проба силъ человѣка: слабый духъ подавляется тамъ и трепещетъ въ страхѣ предъ силами земли, сильный же, насыщаясь еще большей крѣпостью, становится высокъ и остръ, подобно горѣ, возносящей алмазную вершину свою во глубину небесныхъ пустынь, а вершина эта—престолъ молній.

Вздыхаетъ Гриша и тихо спрашиваетъ:

— Кто укажетъ душѣ путь ея? Къ міру или прочь отъ него итти надо? Что̀ признать и что̀ отринуть?

Серафимъ разсѣянно и свѣтло усмѣхается.

— Не убавится и не прибудетъ силы солнца отъ того, какъ ты, Гришуха, въ небо поглядишь; не безпокойся объ этомъ, милый!

Понимаю я Серафима—и нѣтъ. Спрашиваю съ досадой:

— Ну а люди какъ, по-твоему? Къ чему они?

Пожимаетъ онъ плечами, улыбается.

— Что̀ же—люди? Люди, какъ травы, всѣ разные. Для слѣпого и солнце черно. Кто самъ себѣ не радъ, тотъ и Богу врагъ. А впрочемъ, молоды люди—трехъ лѣтъ Ивана по отчеству звать рано!

Прибаутокъ у него, какъ у Савелки—полонъ ротъ былъ, сыпалъ онъ ими, какъ яблоня цвѣтами. Какъ только поставишь ему серьезный вопросъ, онъ сейчасъ же набросаетъ на него словъ своихъ, какъ травъ на гробъ младенца. Задѣваетъ меня его уклончивость, сержусь, а онъ, чортъ, хохочетъ.

Бывало, въ досадѣ скажешь ему:

— Зря ты шляешься, лѣнтяй! Даромъ чужой хлѣбъ ѣшь!

— У насъ,—говоритъ,—кто ѣстъ свой хлѣбъ, тотъ и голоденъ. Вонъ мужики весь вѣкъ хлѣбъ сѣютъ, а ѣсть его не смѣютъ. А что я работать не люблю—вѣрно! Но вѣдь я вижу: отъ работы устанешь, но богатъ не станешь, а кто много спитъ, слава Богу,—сытъ! Ты бы, Матвѣй, принималъ вора за брата, вѣдь и тобой чужое взято!

Поспоришь съ нимъ да и засмѣешься. Простъ онъ былъ и этимъ привлекалъ, никакъ не притворялся, а прямо говорилъ:

— Я насѣкомое малое и вредъ людямъ не великъ приношу тѣмъ, что кусокъ хлѣба попрошу да съѣмъ.

Вижу я, у этого человѣка Савелкинъ строй души—и удивляюсь: какъ могутъ подобные люди сохранять среди кипѣнія жизни ясность духа своего и веселіе ума?

Серафимъ противъ Гриши, какъ ясный день весны противъ вечера осени, а сошлись они другъ съ другомъ ближе, чѣмъ со мной. Это было немножко обидно мнѣ. Вскорѣ и ушли они вмѣстѣ, Гриша рѣшилъ въ Олонецкъ итти, а Серафимъ говоритъ:

— Провожу его, отдохну тамъ съ недѣлю, да опять на Кавказъ! И тебѣ, Матвѣй, съ нами бы шагать—въ движеніи скорѣй найдешь, что тебѣ надо. Или потеряешь, и то—хорошо! Изъ земли Бога не выкопать!

Но я съ ними не могъ итти—въ ту пору на бесѣды къ Мардарію ходилъ, и очень любопытенъ былъ для меня схимникъ.

Съ великой грустью проводилъ я ихъ,—тихій вечеръ мой и веселый день!

Схимонахъ Мардарій жилъ въ землянкѣ у церковной стѣны сзади алтаря; въ старину эта яма тайникомъ была—монастырскія сокровища отъ разбойниковъ прятали въ ней, и прямо изъ алтаря былъ въ нее подземный ходъ. Разобрали надъ этой ямой каменный сводъ, покрыли ее толстыми досками и поставили надъ ней легкую келейку съ окошкомъ въ потолкѣ. А въ полу сдѣлана была рѣшетка, огражденная перилами, сквозь ее богомольцы разглядывали схимника. Въ углу кельи—подъемная дверь, и лѣстница винтомъ опускалась внизъ къ Мардарію,—у сходящаго по ней кружилась голова. Яма—глубокая, двѣнадцать ступенекъ до дна, свѣтъ въ ней только одинъ лучъ, да и тотъ не доходилъ до пола, таялъ, расплываясь въ сырой тьмѣ подземнаго жилища.

Долго и пристально надо смотрѣть сквозь рѣшетку, покуда увидишь въ глубинѣ темноты нѣчто темнѣе ея, какъ бы камень большой или бугоръ земли,—это и есть схимникъ, недвижимъ сидитъ.

Спустишься къ нему, охватитъ тебя тепловатой пахучей сыростью, и первыя минуты не видишь ничего. Потомъ выплыветъ во тьмѣ аналой и черный гробъ, а въ немъ согбенно помѣстился маленькій старичокъ въ темномъ саванѣ съ бѣлыми крестами, черепами, тростью и копьемъ,—все это смято и поломано на изсохшемъ тѣлѣ его. Въ углу спряталась желѣзная круглая печка, отъ нея, какъ толстый червь, труба вверхъ ползетъ, а на кирпичѣ стѣнъ плѣсень наросла зеленой чешуей. Лучъ свѣта вонзился во тьму, какъ мечъ бѣлый, и проржавѣлъ и разсыпался въ ней.

На примятыхъ стружкахъ беззвучно, словно тѣнь, качается схимникъ, руки у него на колѣняхъ лежатъ, перебирая четки, голова на грудь опущена, спина выгнута подобно коромыслу.

Помню, пришелъ я къ нему, опустился на колѣни и молчу. И онъ тоже долго молчалъ, и все вокругъ было насыщено мертвымъ молчаніемъ. Лицо его не видно мнѣ, только темный конецъ остраго носа вижу.

Шепчетъ онъ чуть слышно:

— Ну...

А я не могу говорить, охватила меня и давитъ жалость къ человѣку, живымъ во гробъ положенному.

Подождавъ, онъ снова спрашиваетъ:

— Что̀ же... говори...

И повернулъ ко мнѣ свое лицо—темное оно, а глазъ я не вижу на немъ, только бѣлыя брови, бородка да усы, какъ плѣсень на жуткомъ, стертомъ тьмою и неподвижномъ лицѣ. Слышу шелестъ его голоса:

— Ты самъ споришь... Зачѣмъ же спорить... Богу надо покорно служить. Что̀ съ Нимъ спорить, съ Богомъ-то, Бога надо просто любить.

— Я,—молъ,—люблю Его.

— Ну вотъ. Онъ тебя наказываетъ, а ты будто не видишь, и говори—слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ! И всегда это говори. Больше ничего.

Видимо, трудно ему отъ слабости или разучился онъ говорить,—слова его чуть живы, и голосъ подобенъ трепету крыльевъ умирающей птицы.

Не могу я ни о чемъ спросить старика, жаль мнѣ нарушить покой его ожиданія смерти, и боюсь я, какъ бы не спугнуть чего-то... Стою, не шевелясь. Сверху звонъ колокольный просачивается, колеблетъ волосы на головѣ моей, и нестерпимо хочется мнѣ, поднявъ голову, въ небеса взглянуть, но тьма тяжко сгибаетъ выю мнѣ,—не шевелюсь.

— Ты помолись-ка,—говоритъ онъ мнѣ.—И я помолюсь за тебя.

Замеръ онъ. Тихо. И струится жуткій страхъ по кожѣ моей, обливая грудь снѣжнымъ холодомъ

А черезъ нѣкоторое время шепчетъ онъ:

— Ты еще тутъ?

— Да.

— Не вижу я. Ну, иди съ Богомъ! Ты—не споръ.

Ушелъ я тихонько. Какъ поднялся на землю и вздохнулъ чистымъ воздухомъ, опьянѣлъ отъ радости, голова закру-

жилась. Сырой весь, какъ въ погребѣ былъ. А онъ, Мардарій, четвертый годъ тамъ сидитъ!

Пять бесѣдъ назначено было мнѣ, но я все молчалъ. Не могу. Спущусь къ нему, прислушается онъ и нездѣшнимъ голосомъ спроситъ:

— Пришелъ. Вчерашній ли?

— Да, это я.

Тутъ онъ начинаетъ шептать съ перерывами:

— Ты Бога не обижай... Чего тебѣ надо?.. Ничего не надо... Кусочекъ хлѣбца развѣ. А Бога обижать грѣхъ. Это ужъ отъ бѣса. Бѣси—они всяко ногу подставляютъ. Знаю я ихъ. Обижены они, бѣси-то. Злые. Обижены, оттого и злы. Вотъ и не надо обижаться, а то уподобишься бѣсу. Тебя обидятъ, а ты имъ скажи: спаси васъ Христосъ! И уйди прочь. Ну ихъ! Тлѣнность они всѣ. Главное-то—твое. Душу-то не отнимутъ. Спрячь ее, и не отнимутъ.

Сѣетъ онъ потихоньку слова свои, осыпаются они на меня, какъ пепелъ дальняго пожара, и не нужны мнѣ, и не трогаютъ души. Какъ будто черный сонъ вижу, непонятный и тягостно-скучный.

— Молчишь ты,—раздумчиво говоритъ онъ,—это хорошо. Пусть ихъ какъ хотятъ, а ты молчи. Другіе ходятъ ко мнѣ, тѣ—говорятъ. Многое говорятъ. Нельзя понять, о чемъ они. Про женщинъ какихъ-то. А мнѣ что? Про все говорятъ—а про что про все? Непонятно. Ты же знай молчи. Я бы тоже не говорилъ, да игуменъ тутъ—утѣшай, велитъ,—надо утѣшать! Ну, ладно. А самъ я очень бы молчалъ. Ну ихъ всѣхъ къ Богу! У меня все отнято. Молитва только осталась. Что тебя мучаютъ—ты не замѣчай. Бѣси мучаютъ. Мучили и меня тоже. Братъ родной. Билъ. А то жена. Мышьякомъ меня травила. Былъ я для нея какъ мышь, видно. Обокрали всего. Сказали—будто я деревню-то поджегъ. Въ огонь бросить хотѣли. И въ тюрьмѣ сидѣлъ. Все было. Судили—еще сидѣлъ. Богъ съ ними! Я всѣхъ простилъ. Не виноватъ—а простилъ. Это—для себя. Лежала на мнѣ гора обидъ. Дышать не могъ. А какъ простилъ,—ничего! Нѣтъ горы. Бѣси обидѣлись и отошли. Вотъ и ты—прости всѣмъ... Мнѣ—ничего не надо. И тебѣ то же будетъ.

На четвертой бесѣдѣ проситъ онъ меня:

— Принеси-ка ты мнѣ хлѣбца корочку. Я бы пососалъ. Немощенъ я—прости ты меня, Христа ради!

Жалко мнѣ его стало до боли въ сердцѣ. Слушаю бредъ его и думаю:

— Зачѣмъ это надо, о, Господи? Зачѣмъ же?

А онъ шелеститъ изсохшимъ языкомъ:

— Кости у меня болятъ. Ноютъ день и ночь. Корочку-то пососу—легче будетъ, можетъ. А то зудятъ кости, мѣшаютъ. Молитвѣ-то мѣшаютъ онѣ. Надо вѣдь молиться всѣ минуты. И во снѣ надо. А то сейчасъ и напомнитъ бѣсъ. Имя твое напомнитъ, и гдѣ ты жилъ, все. Онъ вотъ тутъ на печкѣ сидитъ. Ему—ничего, что иной разъ горячая она, красная. Онъ—привыкъ. Сядетъ сѣренькій противъ меня и сидитъ. Я его закрещу, да ужъ и не гляжу на него. Надоѣлъ онъ. Ну его. А то по стѣнѣ ползетъ, въ родѣ паука. Ино тряпицей сѣрой болтается въ воздухѣ. Онъ—разно можетъ, мой-то. Скучно со старикомъ. А приставили—надо стеречь. Тоже и ему не сладко со старикомъ-то. Я ужъ и не обижаюсь на него. И бѣсъ подневоленъ. Привыкъ я къ нему. Ну тебя, говорю, надоѣлъ ты! И не гляжу. Онъ—ничего, не озорникъ. Только все напоминаетъ, какъ меня звали.

Поднялъ старичокъ голову и довольно громко сказалъ:

— А звали-то меня Михайла Петровъ Вяхиревъ!

И снова осѣлъ весь въ гробъ свой, шепчетъ:

— Таки-толкнулъ бѣсъ... Ахъ, ты, бѣсъ! Ты здѣсь, братъ? Иди-ка съ Господомъ!

Плакать я готовъ былъ въ тотъ день со зла... Ну, зачѣмъ старикъ этотъ? Какая красота въ подвигѣ его? Ничего не понимаю! Весь день и долго спустя вспомню я про него—какъ будто и меня дразнитъ нѣкій бѣсъ, насмѣшливыя рожи строя.

Когда послѣдній разъ пошелъ я къ нему, то набилъ карманы мягкимъ хлѣбомъ—съ досадой и злостью на людей понесъ этотъ хлѣбъ. И когда отдалъ ему—онъ зашепталъ:

— Ого-го! Теплый. Ого-го-го...

Возится во гробѣ, стружки подъ нимъ скрипятъ, прячетъ хлѣбъ и все шепчетъ:

— Ого-го...

И тьма и плѣсень стѣнъ—все вокругъ шевелится, повторяя тихимъ стономъ шопотъ схимника:

— О-о-о...

Четыре раза въ недѣлю пищу онъ принималъ; конечно, голодно было ему.

Въ тотъ послѣдній разъ онъ ужъ ничего не говорилъ со мной, а только чмокалъ, посасывая хлѣбъ,—видимо зубовъ у него совсѣмъ уже не было.

Постоявъ нѣсколько времени, говорю ему:

— Ну, прости меня, Христа ради, отецъ Мардарій, [illegible]ожу я и больше не приду! Спасибо мое прими!

— Да, да,—торопливо отвѣчаетъ онъ,—спасибо тебѣ, спасибо! Ты монахамъ-то не говори. Про хлѣбъ-то. Отнимутъ еще. Они завистливы, монахи-то. Ихъ вѣдь бѣси тоже знаютъ. Бѣси все знаютъ. Ты молчи!

Послѣ этого вскорѣ захворалъ и померъ онъ. Хоронили торжественно—владыка изъ города со священствомъ пріѣзжалъ и соборнѣ литургію служилъ. Потомъ слышалъ я, что надъ могилою старичка по ночамъ синій огонекъ самъ собою загорается.

Сколь жалостно все это. И сколь постыдно людямъ.

Вскорѣ послѣ этого жизнь моя круто повернулась.

Еще при Гришѣ былъ со мною подлый случай; вхожу я однажды въ кладовую, а Михайла на мѣшкахъ лежитъ и опять новымъ грѣхомъ занимается. Невыразимо противно стало мнѣ; вспомнилъ я пакости, кои онъ про женщинъ говорилъ, вспомнилъ ненависть его, плюнулъ, выскочилъ въ пекарню, дрожу весь со зла, и стыдно мнѣ и горестно. Онъ за мной... Палъ на колѣни, умоляетъ меня, чтобы я молчалъ, рычитъ:

— Вѣдь и тебя она смущаетъ по ночамъ, знаю я. Сильна власть дьявола...

— Врешь,—говорю,—и пойди ты ко всѣмъ чертямъ! сгинь! Вѣдь ты—хлѣбъ печешь, собака!

Ругаюсь, не могу удержаться. Если бы онъ женщинъ не пачкалъ грязными словами своими, такъ несъ съ нимъ!

А онъ все ползаетъ, проситъ, чтобы я молчалъ.

— Да развѣ,—говорю,—объ этомъ скажешь? Вѣдь стыдно же! Но работать съ тобой не хочу! И ты скажи, чтобы перевели меня на другое послушаніе...

На томъ я и сталъ.

О ту пору люди-то все еще не были живы и видны для меня, и старался я только объ одномъ—себя бы въ сторону отодвинуть.

Михайла захворалъ и легъ въ лѣчебницу, работаю я за старшаго, дали мнѣ въ подмогу двухъ помощниковъ; прошло недѣли три, и вдругъ зоветъ меня келарь и говоритъ, что Михайла выздоровѣлъ, но работать со мной не желаетъ изъ-за моего строптиваго характера, и потому назначенъ я, пока-что, въ лѣсъ пни корчевать. Это считалось наказаніемъ.

— За что?—спрашиваю.

И вдругъ въ контору входитъ красавецъ-монахъ, отецъ Антоній, становится скромно къ сторонкѣ и слушаетъ.

Келарь же объясняетъ мнѣ:

— А именно за строптивость характера твоего и за дерзостныя сужденія о братіи; это въ твои годы и въ положеніи

твоемъ глупо, нетерпимо и должно быть наказано! Вотъ отецъ настоятель, по добросердечію своему, говорилъ, что надо тебя въ контору перевести, на болѣе легкое послушаніе, а выходитъ—вонъ оно что...

Говорилъ онъ долго, гнусаво и безчувственно; вижу я, что не по совѣсти, а по должности путаетъ человѣкъ слова одно съ другимъ. А отецъ Антоній, прислонясь къ лежанкѣ, смотритъ на меня и, поглаживая бороду, улыбается прекрасными глазами, словно поддразниваетъ меня чѣмъ-то. Захотѣлось мнѣ показать ему мой характеръ, и говорю я келарю:

— Возвышенія—не ищу, униженія—не желаю принять, ибо—не заслужилъ, какъ вы знаете это, но хочу справедливости!

Покраснѣлъ келарь, посохомъ стучитъ.

— Цыцъ, дерзновенный!

Отецъ Антоній наклонился къ уху его и что-то сказалъ:

— Сіе — невозможно! — говоритъ келарь. — Долженъ онъ принять кару безъ ропота!

Пожалъ Антоній плечами и обратился ко мнѣ,—голосъ у него басовитый, теплый:

— Подчинись, Матвѣй!

Побѣдилъ онъ меня двумя словами и ласковымъ взглядомъ своимъ. Положивъ келарю земной поклонъ, поклонился я и ему, а потомъ спрашиваю келаря—когда мнѣ итти въ лѣсъ?

— Черезъ три дня,—говоритъ,—а эти три дня ты во узилищѣ посидишь! Такъ-то!

Не будь тутъ Антонія, я бы навѣрное кости келарю переломалъ. Но его слова были приняты мною за нѣкій намекъ на возможность приблизиться къ нему, а ради этого я тогда готовъ былъ руку себѣ отрубить и—на все.

И повели меня въ карцеръ—въ ямку подъ конторой; ни встать тамъ ни лечь, только сидѣть можно. На полу солома брошена, мокра отъ сырости. Тихо, какъ на могилѣ, даже мышей нѣтъ, и такая тьма, что руки тонутъ въ ней: протянешь руку предъ лицомъ и—нѣтъ ея.

Сижу—молчу. И все во мнѣ молчитъ, какъ свинцомъ обтито, тяжелъ я, подобно камню, и холоденъ, словно ледъ. Сжалъ зубы, будто этимъ хотѣлъ мысли свои сдержать, а онѣ разгораются, какъ угли, жгутъ меня. Кусаться радъ бы, да некого кусать. Схватился руками за волосы свои, качаю себя, какъ языкъ колокола, и внутренно кричу, реву, бѣснуюсь.

— Гдѣ же правда Твоя, Господи? Не ею ли играютъ беззаконники, не ее ли попираютъ сильные въ злобномъ опьянѣніи властью своей? Кто я предъ Тобой? Беззаконію жертва или стражъ красоты и правды Твоея?

Вспоминаю укладъ жизни монастырской — неприглядно и глумливо встаетъ она передо мной. Почему монахи — слуги Божіи? чѣмъ они святѣе міряпъ? Знаю я тяжелую мужицкую жизнь въ деревняхъ: холодно, сурово живутъ мужики! Далеко они отъ Бога: пьютъ, дерутся, воруютъ и всяко грѣшатъ, но вѣдь имъ невѣдомы пути Его и двигаться къ правдѣ нѣтъ силъ, нѣтъ времени у нихъ, — каждый привязанъ къ землѣ своей и прикованъ къ дому своему крѣпкой цѣпью страха передъ голодомъ; что̀ спросить съ нихъ? А здѣсь люди свободно и сыто живутъ; здѣсь открыты предъ ними мудрыя книги,—а кто изъ нихъ Богу служитъ? Только слабые и безкровные, въ родѣ Гриши, остальнымъ же Богъ— только защита во грѣхѣ и источникъ лжи.

Вспоминаю злую жадность монаховъ до женщины и всѣ пакости плоти ихъ, коя и скотомъ не брезгаетъ, лѣнь ихъ и обжорство, и ссоры при дѣлежѣ братской кружки, когда они злобно каркаютъ другъ на друга, словно вороны на кладбищѣ. Разсказывалъ мнѣ Гриша, что какъ ни много работаютъ мужики на монастырь этотъ, а долги ихъ все растутъ и растутъ.

О себѣ думаю: вотъ уже давно я маюсь здѣсь, а что̀ пріобрѣлъ душѣ? Только раны и ссадины. Чѣмъ обогатилъ разумъ? Только знаніемъ пакости всякой и отвращеніемъ къ человѣкамъ.

А вокругъ—тишина. Даже звонъ колокольный не доходитъ ко мнѣ, нечѣмъ время мѣрить, нѣтъ для меня ни дня ни ночи,—кто же смѣетъ свѣтъ солнца у человѣка отнимать?

Промозглая темнота давитъ меня, сгораетъ въ ней душа моя, не освѣщая мнѣ путей, и плавится, таетъ дорогая сердцу вѣра въ справедливость, во всевѣдѣніе Божіе. Но какъ яркая звѣзда сверкаетъ передо мной лицо отца Антонія, и всѣ мысли, всѣ чувства мои — около него, какъ бабочки ночныя вокругъ огня. Съ нимъ бесѣдую, ему творю жалобы, его спрашиваю и вижу во тьмѣ два луча ласковыхъ глазъ. Дорогоньки были мнѣ эти три дня: вышелъ я изъ ямы—глаза слѣпнутъ, голова—какъ чужая, ноги дрожатъ. А братія смѣется:

— Что̀, удостоился баньки духовной?

Вечеромъ игуменъ позвалъ меня, поставилъ на колѣни и долго рѣчь говорилъ.

— Сказано: зубы грѣшника сокрушу и выю его согну долу...

Молчу, держу сердце въ рукѣ. Умиротворяющій Антоній передо мной стоитъ и запечатываетъ злыя уста мои ласковымъ взглядомъ.

И вдругъ—смягчился игуменъ.

— Тебя, дуракъ, цѣнятъ, — говоритъ,—о тебѣ думаютъ, ретность твою къ работѣ замѣтили, разуму твоему хотятъ воздать должное. И вотъ нынѣ я предлагаю тебѣ даже на выборъ два послушанія: хочешь ли ты въ конторѣ сидѣть, или—въ келейники къ отцу Антонію?

Точно теплой водой облилъ онъ меня, задохнулся я отъ радости и едва выговорилъ:

— Благословите въ келейники...

Сморщилъ онъ лицо, задумался, пытливо смотритъ на меня.

— Ежели, — говоритъ, — въ контору идешь, я сложу съ тебя корчеванье, а въ келейники — прибавлю работы въ лѣсу.

— Благословите въ келейники...

Онъ строго спрашиваетъ:

— Почему, глупый? Вѣдь въ конторѣ легче и почетнѣе!

Стою на своемъ.

Склонилъ онъ голову, подумалъ.

— Благословляю,—говоритъ.—Чудной ты парень, однако, надо слѣдить за тобою... Кто знаетъ, какимъ огнемъ сгоришь, кто это знаетъ? Иди съ миромъ!

Пошелъ я въ лѣсъ.

Весна была тогда, апрѣль холодный.

Работа трудная, лѣсъ — вѣковой, коренье рѣдькой глубоко уйдо, боковое — толстое, — роешь-роешь, рубишь-рубишь— начнешь пень лошадью тянуть, старается она во всю силу, не только сбрую рветъ. Ужъ къ полудню кости трещатъ, и лошадь моя дрожитъ и въ мылѣ вся, глядитъ на меня круглымъ глазомъ и словно хочетъ сказать:

— Не могу, братъ, трудно!

Поглажу ее, похлопаю по шеѣ: „вижу!“ — молъ. И снова рыть да рубить, а лошадь смотритъ, встряхивая шкурой и качая головой. Лошади—умныя: я полагаю, что безсмысліе дѣяній человѣческихъ имъ видимо.

Въ это время была у меня встрѣча съ Михайлой; чуть-чуть она худо не кончилась для насъ. Иду я однажды послѣ трапезы полуденной на работу, уже въ лѣсъ вошелъ, вдругъ догоняетъ онъ меня, въ рукахъ—палка, лицо озвѣрѣвшее, зубы оскалилъ, сопитъ, какъ медвѣдь... Что̀ такое?

Остановился, жду. А онъ, ни слова не говоря, какъ размахнется палкой на меня. Я во̀-время согнулся, да въ животъ ему головой; сшибъ съ ногъ, сѣлъ на груди, палку выдралъ, спрашиваю:

— Ты что это? За что?

Онъ возится подо мной, хрипитъ:

— Уходи прочь изъ обители...

— Почему?

— Не могу тебя видѣть, убью... Уходи!

Глаза у него красные, и слезы выступаютъ изъ нихъ тоже будто красныя, а на губахъ пѣна кипитъ. Рветъ онъ мнѣ одежду, щиплетъ тѣло, царапается, все хочетъ лицо достать. Я его тиснулъ легонько, слѣзъ съ грудей и говорю:

— На тебѣ же чинъ монашескій лежитъ, а ты, скотъ, такую злобу носишь въ себѣ! И—за что?

Сидитъ онъ въ грязи и настойчиво требуетъ:

— Уйди! Не губи мою душу...

Ничего не понимаю! Потомъ—догадался, спрашиваю его тихонько:

— Можетъ ты, Миха, думаешь, что я сказалъ кому-нибудь о печальномъ порокѣ твоемъ? Напрасно; никому я не говорилъ, ей-ей!

Всталъ онъ, пошатнулся, обнялъ дерево, глядитъ на меня изъ-за ствола дикими глазами и рычитъ:

— Пусть бы ты всему міру сказалъ — легче мнѣ! Предъ людьми покаюсь, и они простятъ, а ты, сволочь, презираешь всѣхъ,—не хочу быть обязанъ тебѣ, гордецъ ты и еретикъ! Сгинь, да не введешь меня въ кровавый грѣхъ!

— Ну, ужъ это,—молъ,—ты самъ уходи, коли тебѣ надо, я—не уйду, такъ и знай!

А онъ снова бросился на меня, и упали мы оба въ грязь, выпачкались, какъ лягушки. Оказался я много сильнѣе его, всталъ, а онъ лежитъ, плачетъ, несчастный.

— Слушай, Михайла,—говорю.—Я уйду немного погодя, а теперь—не могу! Не изъ упрямства это, а нужда у меня, надо мнѣ здѣсь быть!

— Иди къ дьяволу, отцу твоему! — стонетъ онъ и зубами скрипитъ.

Отошелъ я отъ него, а черезъ мало дней велѣно было ему ѣхать въ городъ на подворье монастырское, и больше не видалъ я его.

Кончилъ я послушаніе и вотъ — стою одѣтъ во все новое у Антонія. Съ перваго дня до послѣдняго помню эту полосу жизни, всю, до слова, какъ будто она и внутри выжжена и на кожѣ моей вырѣзана.

Водитъ онъ меня по кельѣ своей и спокойно, подробно учитъ—какъ, когда и чѣмъ долженъ я служить ему. Одна комната вся шкапами уставлена, и они полны свѣтскихъ и духовныхъ книгъ.

— Это,—говоритъ онъ,—молельня моя!

Посреди комнаты столъ большой, у окна кресло мягкое, съ одной стороны стола—диванъ, дорогимъ ковромъ покрытый, а передъ столомъ стулъ съ высокой спинкой, кожею тисненой обитъ. Другая комната спальня его: кровать широкая, шкапъ съ рясами и бѣльемъ, умывальникъ съ большимъ зеркаломъ, много щеточекъ, гребеночекъ, пузырьковъ разноцвѣтныхъ, а въ стѣнахъ третьей комнаты,—неприглядной и пустой,—два потайные шкапа вдѣланы: въ одномъ вина стоятъ и закуски, въ другомъ чайная посуда, печенье, варенье и всякія сладости.

Кончили мы этотъ обзоръ, вывелъ онъ меня въ библіотеку и говоритъ:

— Садись! Вотъ какъ я живу. Не по-монашески, а?

— Да,—молъ,—не по уставу.

— Вотъ ты,—говоритъ,—осуждаешь все, будешь и меня осуждать.

И улыбается, точно съ колокольни, высокомѣрно. Очень я его любилъ за красоту лица, но улыбка эта не понравилась мнѣ.

— Осуждать васъ буду ли—не знаю,—молъ,—а понять непремѣнно хочу!

Онъ засмѣялся тихо, бассвито и обидно.

— Ты вѣдь незаконнорожденный?

— Да.

— Есть въ тебѣ,—говоритъ,—хорошая кровь!

— Что̀ такое хорошая кровь?—спрашиваю.

Смѣется и внятно отвѣчаетъ:

— Хорошая кровь—вещество, изъ коего образуется гордая душа!

День ясный, въ окно солнце смотритъ, и сидитъ Антоній весь въ его лучахъ. Вдругъ одна неожиданная мною мысль подняла голову, какъ змѣя, и ужалила сердце мое—взнылъ я весь, словно обожженный, вскочилъ со стула, смотрю на монаха. Онъ тоже привсталъ; вижу—беретъ со стола ножъ, играетъ имъ и спрашиваетъ:

— Что̀ съ тобой?

Спрашиваю я его:

— Не вы ли мой отецъ?

Испортилось лицо у него, стало неподвижно-синеватое, словно изо льда изсѣчено; полуприкрылъ онъ глаза, и погасли они. Тихо говоритъ:

— Едва ли! Гдѣ родился? Когда? Сколько лѣтъ? Кто мать?

у И когда разсказалъ я ему, какъ бросили на землю меня, дыбился онъ, положилъ ножъ на столъ.

— Въ то время и въ тѣхъ мѣстахъ не бывалъ я, — говоритъ.

Стало мнѣ неловко, тяжело: будто милостыню попросилъ я, и—не подали.

— Ну, а если бы,—спрашиваетъ,—былъ я твой отецъ— что тогда?

— Ничего,—говорю.

— И я такъ же думаю. Мы съ тобою живемъ, гдѣ нѣтъ отцовъ и дѣтей по плоти, но только по духу. А съ другой стороны всѣ мы на землѣ подкидыши и, значитъ, братья по несчастью, именуемому — жизнь! Человѣкъ есть случайность на землѣ, знаешь ли ты это?

По глазамъ его вижу—смѣется онъ надо мной. Смущенъ и подавленъ я непонятнымъ мнѣ вопросомъ моимъ, хочется мнѣ какъ-то оправдать его или забыть. Но спрашиваю еще хуже:

— А зачѣмъ это вы взяли въ руку ножъ?

Посмотрѣлъ на меня Антоній и тихонько смѣется.

— Смѣлый ты вопросникъ!—говоритъ.—Взялъ и взялъ, а зачѣмъ—не знаю! Люблю его, красивъ очень.

И подалъ ножъ мнѣ. Ножъ кривой и острый, по стали золотомъ узоръ положенъ, рукоять серебряная, и красный камень врѣзанъ въ нее.

— Арабскій ножъ,—объясняетъ мнѣ онъ.—Я имъ книги разрѣзаю, а на ночь подъ подушку себѣ кладу. Есть про меня слухъ, что богатъ я, а люди вокругъ бѣдно живутъ, келья же моя въ сторонѣ стоитъ.

Отъ ножа и отъ руки Антонія исходитъ нѣкій пряный, густой запахъ,—пьянитъ онъ меня, и кружится моя голова.

— Поговоримъ далѣе, — продолжаетъ Антоній вечернимъ, темнымъ и мягкимъ басомъ своимъ. — Знаешь ты, что женщина бываетъ у меня?

— Слышалъ.

— Неправда, что она сестра мнѣ. Я съ нею сплю.

Спрашиваю я его:

— Чего ради вы говорите все это мнѣ?

— А чтобы ты удивился сразу — и пересталъ удивляться навсегда! Ты книги свѣтскія любишь?

— Не читалъ.

Взялъ онъ изъ шкапа маленькую книжку въ красной кожѣ, подалъ мнѣ и приказалъ:

— Иди, ставь самоваръ и читай вотъ это!

Развернулъ я книжку, и на первой страницѣ картинка: женщина выше колѣнъ оголенная и мужчина предъ нею тоже оголяется.

— Я,—говорю,—этого читать не буду.

Тогда онъ подвинулся ко мнѣ и строго говоритъ:

— А если твой наставникъ духовный приказываетъ тебѣ? Ты знаешь, зачѣмъ это нужно?.. Иди!

Въ пристройкѣ, гдѣ онъ далъ мнѣ мѣсто, сѣлъ я на кровать свою и застылъ въ страхѣ и тоскѣ. Чувствую себя какъ бы отравленнымъ, ослабъ весь и дрожу. Не знаю, что думать: не могу понять, откуда явилась эта мысль, что онъ—отецъ мой; чужая мнѣ мысль, ненужная. Вспоминаю его слова о душѣ—душа изъ крови возникаетъ; о человѣкѣ—что случайность онъ на землѣ. Все это явное еретичество! Вижу его искаженное лицо при вопросѣ моемъ. Развернулъ книгу, разсказывается въ ней о какомъ-то французскомъ кавалерѣ, о дамахъ... Зачѣмъ это мнѣ?

Звонитъ онъ, зоветъ. Прихожу—встрѣчаетъ ласково.

— Что же самоваръ?

— Зачѣмъ вы мнѣ дали книгу эту?

— Чтобы ты зналъ, каковъ есть грѣхъ!

Обрадовался я; показалось мнѣ, что понялъ намѣреніе его—испытать онъ хочетъ меня. Низко поклонясь, ушелъ, живо вскипятилъ самоваръ, внесъ въ комнату, а уже Антоній все приготовилъ для чая своей рукой и, когда я хотѣлъ уйти, сказалъ:

— Останься, будешь чай пить со мной...

Благодаренъ я ему, ибо нестерпимо хочется мнѣ понять что-нибудь.

— Разскажи мнѣ,—говоритъ,—какъ ты жилъ и зачѣмъ пришелъ сюда?

И сталъ я разсказывать о себѣ, не скрывая ни одного тайнаго помысла, ни единой мысли, памятной мнѣ; онъ же, полуприкрывъ глаза, слушаетъ меня такъ внимательно, что даже чай не пьетъ. Сзади его въ окно вечеръ смотритъ, на красномъ небѣ черные сучья деревьевъ чертятъ свою повѣсть, а я свою говорю и смотрю на бѣлые пальцы рукъ Антонія, сложенныхъ на груди. А когда я кончилъ—налилъ онъ мнѣ рюмку темнаго и сладкаго вина.

— Гей! Я,—говоритъ,—тебя еще тогда замѣтилъ, какъ ты въ церкви молился вслухъ. Не помогаетъ монастырь?

— Нѣтъ. Вотъ на васъ имѣю крѣпкую надежду, помогите мнѣ! Вы — ученый человѣкъ, вамъ все должно быть извѣстно.

Онъ тихо говоритъ, не глядя на меня:

— Мнѣ одно извѣстно: на гору идешь—до вершины иди; падаешь—падай до дна пропасти. Но самъ я этому закону не слѣдую, ибо—я лѣнивъ. Ничтоженъ человѣкъ, Матвѣй, и непонятно это, почему онъ ничтоженъ. Ибо жизнь прекрасна и міръ обольстителенъ! Сколько удовольствій дано, а ничтоженъ человѣкъ! Почему? Сія загадка не разгадана мной... И даже не хочу думать о ней...

Ударили къ вечернѣ, вздрогнулъ онъ и говоритъ мнѣ:

— Съ Богомъ, иди! Усталъ я, и за службу надо.

Будь я умнѣе—въ тотъ же день и надо бы мнѣ уйти отъ него: сохранился бы онъ для меня, какъ хорошее воспоминаніе. Но не понялъ я смысла его словъ.

Пришелъ къ себѣ, легъ—подъ бокомъ книжка эта оказалась. Засвѣтилъ огонь, началъ читать изъ благодарности къ наставнику. Читаю, что нѣкій кавалеръ все мужей обманываетъ, по ночамъ лазитъ въ окна къ женамъ ихъ; мужья ловятъ его, хотятъ шпагами приколоть, а онъ бѣгаетъ. И все это очень скучно и непонятно мнѣ. То-есть я, конечно, понимаю—балуется молодой человѣкъ, но не вижу, зачѣмъ объ этомъ написано, и не соображу, почему долженъ я читать подобное пустословіе?

И снова думаю: отчего я вдругъ заподозрѣлъ, что Антоній—отецъ мнѣ? Разъѣдаетъ эта мысль душу мою, какъ ржа желѣзо. Потомъ заснулъ я. Во снѣ чувствую—толкаютъ меня; вскочилъ, а онъ стоитъ надо мной.

— Я,—говоритъ,—звонилъ-звонилъ!

— Простите,—молъ,—Христа ради, очень тяжело работалъ я!

— Знаю.

А „Богъ проститъ"—не сказалъ.

— Я, — говоритъ, — иду къ отцу игумену, приготовь мнѣ все, какъ указано. Ага! Ты книгу эту читалъ? Жаль, что началъ; это не для тебя, ты правъ былъ! Тебѣ другое нужно.

Готовлю я постель: бѣлье тонкое, одѣяло мягкое, все богато и не видано мной, все пропитано душистымъ приторнымъ запахомъ.

Началъ я жить въ этомъ пьяномъ туманѣ, какъ во снѣ,—ничего, кромѣ Антонія, не вижу, но онъ самъ для меня—весь въ тѣни и двоится въ ней. Говоритъ ласково, а глаза—насмѣшливы. Имя Божіе рѣдко произноситъ,—вмѣсто „Богъ", говоритъ „духъ", вмѣсто „дьяволъ"—„природа", но для меня смыслъ словами не мѣняется. Монаховъ и обряды церковные полегоньку вышучиваетъ.

Много онъ пилъ вина, но не бывало, чтобы шатался на ногахъ,—только лобъ у него становился блѣдно-синеватъ, да глаза надъ прозрачными щеками разгораются темнымъ огнемъ, а красныя губы потемнѣютъ и высохнутъ. Часто, бывало, придетъ онъ отъ игумена около полуночи и позднѣе, разбудитъ меня, велитъ подать вина. Сидитъ, пьетъ и глубокимъ своимъ голосомъ говоритъ непрерывно и долго, — иной разъ вплоть до заутрени.

Трудно мнѣ было понимать рѣчи его, и многое позабылъ я, но, помню, сначала пугали онѣ меня, какъ будто раскрывали нѣкую пропасть и толкали въ нее съ лица земли все сущее.

Иногда отъ такихъ его рѣчей становилось мнѣ пусто и жутко, и готовъ я былъ спросить его:

— А вы не дьяволъ будете?

Черный онъ, говорилъ властно, а когда выпивалъ, то глаза его становились еще болѣе двойственны, западая подъ лобъ. Блѣдное лицо подергивалось улыбкой; пальцы, тонкіе и длинные, все время быстро щиплютъ черную до-синя бороду, сгибаются, разгибаются, и вѣетъ отъ него холодомъ. Боязно.

Но, какъ сказано, во дьявола не вѣрилъ я, да и зналъ по Писанію, что дьяволъ силенъ гордостью своей; онъ—всегда борется, страсть у него есть и умѣнье соблазнять людей, а отецъ-то Антоній ничѣмъ не соблазняетъ меня. Жизнь одѣвалъ онъ въ сѣрое, показывалъ мнѣ ее безсмысленной; люди для него—стадо бѣшеныхъ свиней, съ разной быстротой бѣгущихъ къ пропасти.

— Вы,—молъ,—говорили, что жизнь-то прекрасна!

— Да, если она признаётъ меня, она прекрасна,—отвѣчаетъ онъ и усмѣхается.

Только эта усмѣшка и оставалась у меня отъ его рѣчей. Точно онъ на все изъ-за утла смотрѣлъ, кѣмъ-то изгнанный отовсюду, и даже не очень обижаясь, что изгнали. Остра и догадлива была его мысль, гибка, какъ змѣя, но безсильна покорить меня,—не вѣрилъ я ей, хотя иной разъ восхищался ловкостью ея, высокими прыжками разума человѣческаго.

Впрочемъ, порою,—хоть и рѣдко,—сердился онъ.

— Я,—кричитъ,—дворянинъ, потомокъ великаго рода людей; дѣды и прадѣды мои Русь строили, историческія лица, а этотъ хамъ обрываетъ слова мои, этотъ вшивый хамъ, а?!.. Прекрасное—погибаетъ, остаются только черви, и среди нихъ одинъ человѣкъ знаменитой фамиліи!

Такія рѣчи неинтересны были мнѣ—я, можетъ, и самъ тоже знаменитѣйшей фамиліи, да вѣдь не въ прадѣдѣ сила, а въ правдѣ, и вчера—уже не воротится, тогда какъ завтра—навѣрное—будетъ!

А то сидитъ въ креслѣ своемъ, безъ крови на лицѣ, и разсказываетъ:

— Опять, Матвѣй, обыграли меня эти монахи. Что̀ есть монахъ? Человѣкъ, который хочетъ спрятать отъ людей мерзость свою, боясь силы ея. Или же человѣкъ, удрученный слабостью своей и въ страхѣ бѣгущій міра, дабы міръ не пожралъ его. Это суть лучшіе монахи, интереснѣйшіе, всѣ же другіе—просто безпріютные люди, прахъ земли, мертворожденныя дѣти ея.

— А вы,—говорю,—кто среди нихъ?

Можетъ-быть, я его десять разъ и больше такъ вотъ въ упоръ спрашивалъ, но онъ отвѣчалъ мнѣ всегда въ такомъ родѣ:

— А ты—случайный человѣкъ и здѣсь, и вездѣ, и всегда!

И Богъ его былъ для меня тайной. Старался я допросить его о Богѣ, когда онъ трезвый былъ, но онъ, усмѣхаясь, отвѣчалъ мнѣ знакомыми словами Писанія,—Богъ же для меня былъ выше Писанія. Тогда сталъ я спрашивать у пьянаго, какъ онъ видитъ Бога?

Но и пьяный Антоній крѣпокъ былъ

— А хитеръ ты, Матвѣй!—говоритъ.—Хитеръ и упрямъ! Жаль мнѣ тебя!

И я тоже сталъ жалѣть его, ибо видѣлъ его одиночество, цѣнилъ обиліе всякихъ мыслей въ немъ, и жалко было, что зря пропадаютъ онѣ въ кельѣ.

Но, жалѣя, все упорнѣе насѣдаю на него, и однажды онъ нехотя сказалъ:

— Но я, какъ и ты, Матвѣй,—не вижу Бога:

— Я,—молъ,—хоть не вижу, но чувствую, и не о бытіи Его спрашиваю, а какъ понять законы, по коимъ строится Имъ жизнь?

— Законы,—говоритъ,—въ Номоканонѣ смотри! А если чувствуешь Бога, то—поздравляю тебя!

Налилъ стаканъ вина мнѣ, чокнулся со мной и выпилъ; вижу я, что хотя лицо у него серьезное, какъ у мертваго, но глаза красиваго барина смѣются надо мной.

То, что онъ баринъ, стало покрывать собою мое влеченіе къ нему, ибо онъ уже нѣсколько разъ такъ развертывалъ барство, что кровно обижалъ меня.

Пьяненькій любилъ онъ про женщинъ говорить.

— Природа, дескать, беретъ насъ въ злой и тяжкій плѣнъ черезъ женщину, сладчайшую приманку свою, и не будь плотскаго влеченія, кое поглощаетъ собою лучшія силы духа человѣческаго,—можетъ, человѣкъ и безсмертія достигъ бы!

Но такъ какъ братъ Миха гораздо гуще объ этомъ дѣлѣ говорилъ, то я уже былъ насыщенъ отвращеніемъ къ такимъ мыслямъ; притомъ же Михайла отрицалъ женщину со злобой, поносилъ ее яростно, а отецъ Антоній разсуждалъ безчувственно и скучно.

— Помнишь,—говоритъ,—я тебѣ книжку давалъ? Читая ее, долженъ былъ ты видѣть, сколь женщина хитра, и лжива, и развратна въ существѣ своемъ!

Странно и противно слышать, когда человѣкъ, рожденный женщиной и соками ея вспоенный, грязнитъ, попираетъ мать свою, отрицая за нею все, кромѣ похоти; низводитъ ее, родимую, до скотины безсмысленной.

Однажды я сказалъ ему нѣчто въ этомъ смыслѣ, только—глаже, не столь прямо. Освирѣпѣлъ онъ, закричалъ:

— Идіотъ! Развѣ я о матери говорю!

— Всякая,—молъ,—женщина есть мать.

— Иная,—кричитъ,—только распутница всю жизнь!

— Нѣкоторые люди горбаты живутъ, но для всѣхъ горбъ не законъ.

— Ступай вонъ, дуракъ!

Офицеръ-то не померъ въ немъ.

Нѣсколько разъ сшибался я съ нимъ голова въ голову, спрашивая о Господѣ; стали меня злить увертливые смѣшки его, и какъ-то въ ночь пустилъ я себя на него со всей силой.

Характеръ у меня скверный сдѣлался тогда; большую тоску я испытывалъ, хожу вокругъ Антонія, какъ голодный около чулана запертаго,—хлѣбомъ пахнетъ за дверью,—и отъ этого звѣрѣть я сталъ, а въ ту ночь сильно онъ разжегъ недомолвками своими.

Взялъ я ножъ со стола и говорю:

— Разскажите мнѣ все, какъ думаете, а то вотъ—полосну себя по горлу, скандалъ сдѣлаю вамъ!

Встревожился онъ, цапнулъ меня за руку, вырвалъ ножъ и засуетился, не похоже на себя.

— Нужно,—говоритъ,—наказать тебя за это, но фанатику и наказаніе не въ прокъ!

А потомъ говоритъ, точно гвозди въ голову мнѣ бьетъ:

— Я тебѣ вотъ что скажу: существуетъ только человѣкъ; все же прочее—есть мнѣніе. Богъ же твой—сонъ твоей души. Знать ты можешь только себя, да и то не навѣрное.

Покачиваютъ слова его, какъ вѣтромъ, и опустошаютъ меня. Говорилъ онъ долго, понятно и нѣтъ, и чувствую я: нѣтъ въ этомъ человѣкѣ ни скорби, ни радости, ни страха, ни обиды и гордости. Точно старый кладбищенскій попъ панихиду поетъ надъ могилой: всѣ слова хорошо знаетъ, но души его не трогаютъ они. Сначала-то страшной показалась мнѣ его рѣчь, но потомъ догадался я, что неподвижны сомнѣнія его, ибо мертвы они...

Май, окно открыто... ночь въ саду тепло цвѣтами дышитъ... яблони—какъ дѣвушки къ причастію идутъ, голубыя въ серебрѣ луны. Сторожъ часы бьетъ, и кричитъ въ тишинѣ мѣдь, обиженная ударами, а человѣкъ предо мной сидитъ съ ледянымъ лицомъ и спокойно плететъ безкровную рѣчь; вьются сѣрыя, какъ пепелъ, слова, обидно и грустно мнѣ—вижу фольгу, вмѣсто золота.

— Уходи!—говоритъ мнѣ Антоній

Вышелъ я въ садъ, а къ заутренѣ ударили; пошелъ въ церковь, выбралъ темный уголокъ, стою и думаю:

— Да и зачѣмъ полумертвому Богъ?

Сходится братія, — словно лунный свѣтъ изломалъ на куски тьму ночи, и съ тихимъ шорохомъ прячутся они во храмѣ.

Съ той поры началось что-то, непонятное мнѣ: говоритъ со мной Антоній барономъ, сухо, хмурится и къ себѣ не зоветъ. Книги, которыя далъ мнѣ читать, всѣ отобралъ. Одна изъ книгъ была русская исторія—очень удивляла она меня, но дочитать ее не успѣлъ я. Соображаю чѣмъ бы я могъ обидѣть барина моего,—не вижу.

А начало его рѣчи осѣло въ памяти моей и тихонько живетъ тамъ поверхъ всего, ничему не мѣшая.

— Богъ есть сонъ твоей души,—повторяю я про себя, но спорить съ этимъ нужды не чувствую,—легкая мысль.

Вскорѣ явилась и дама его: было это поздно ночью. Слышу, звонитъ Антоній и кричитъ:

— Живо, самоваръ!

А когда я подалъ самоваръ, вижу, сидитъ на диванѣ женщина въ розовомъ широкомъ платьѣ, бѣлокурые волосы по плечамъ распущены; маленькая, точно кукла, лицо тоже розовое, глаза голубые; скромной и грустной показалась мнѣ она.

Ставлю я посуду на столъ, Антоній торопитъ:

— Скорѣй возись, скорѣй!

„Ишь ты,—думаю, —воспылалъ!“

Дѣло это любовное понравилось мнѣ: то-есть пріятно было видѣть Антонія хоть на любовь—дѣло не весьма мудрое—способнымъ. Самъ-то я въ ту пору холоденъ къ этому былъ, да и монашеское распутство отвращало въ сторону, ну, а отецъ Антоній какой же монахъ?.. Женщина его по-своему красива, свѣженькая такая, словно новая игрушка.

Наутро прихожу комнаты убирать, его нѣтъ, къ игумену пошелъ, а она сидитъ на диванѣ съ книжкой въ рукахъ, ноги поджавъ, нечесаная, полуодѣтая. Спросила, какъ зовутъ,—сказалъ; давно ли въ монастырѣ,—сказалъ

— Не скучно?

— Нѣтъ,—молъ.

— Странно, если правда!

— Почему,—говорю,—не правда?

— Такой ты молодой, красивый!

— А развѣ монастырь—для уродовъ?

Засмѣялась она и голую ногу одну спустила съ дивана. Разглядываетъ меня и немножко неладно ведетъ себя: руки голыми до плечъ показываетъ, платье на груди не застегнуто.

„Это ты напрасно дѣлаешь,—думаю,—наготу надо для милаго беречь!“

А она, дурочка, спрашиваетъ.

— Неужели тебя женщины не смущаютъ?

— Я,—молъ,—ихъ не вижу, да и чѣмъ же онѣ могутъ смущать?

— Какъ—чѣмъ?—и хохочетъ.—Какъ это—чѣмъ?

А въ двери Антоній стоитъ и сердито спрашиваетъ:

— Что̀ такое, Зоя? А?

— Ахъ,—кричитъ она,—онъ такой забавный, этотъ

И защебетала, защебетала, разсказывая, какой я забавный. Но Антоній, не слушая ея, сурово приказываетъ мнѣ:

— Ступай, разбери тамъ кульки и ящики, потомъ нужно часть игумену снести!

Еще за обѣдомъ въ тотъ день оба они довольно выпили, а вечеромъ послѣ чаю женщина эта ужъ совсѣмъ пьяная была, да и Антоній, видимо, опьянѣлъ больше, чѣмъ всегда. Гоняетъ меня изъ угла въ уголъ — то подай, это принеси, вино согрѣй да остуди. Бѣгаю, какъ лакей въ трактирѣ, а они все меньше стѣсняются со мной,—барышнѣ-то жарко, и она понемногу раздѣвается, а баринъ вдругъ спрашиваетъ меня:

— Матвѣй, она красивая?

— Ничего,—молъ.

— Нѣтъ, ты погляди хорошенько:

А она хохочетъ, пьяненькая.

Я хочу уйти, но Антоній свирѣпо кричитъ:

— Куда? Стой! Зойка, покажись ему голая...

Думалъ я, что ослышался, но она сорвала съ себя какой-то халатикъ и встала на ноги, покачиваясь. Смотрю на Антонія, онъ — на меня... Сердце мое нехорошо стучитъ, и барина этого нѣсколько жаль: свинство какъ будто не къ лицу ему, и за женщину стыдно.

И вотъ онъ кричитъ:

— Ступай вонъ, ты, хамъ!

Я ему откликнулся:

— Ты самъ.

Вскочилъ онъ, бутылки со стола повалились, посуда дребезжитъ, и что-то полилось торопливо, печальнымъ ручьемъ. Вышелъ я въ садъ, легъ. Ноетъ сердце мое, какъ простуженная кость. Тихо, и слышу я крики Антонія:

— Вонъ!

А женщина визгливо отвѣчаетъ:

— Не смѣй, дуракъ!

Потомъ лошадей на дворѣ запрягали, а онѣ, недовольно фыркая, гулко били копытами о сухую землю. Хлопали двери, шуршали колеса коляски, и скрипѣли ворота ограды. Ходилъ по саду Антоній и негромко взывалъ:

— Матвѣй! Ты гдѣ?

Вотъ его высокое тѣло въ черномъ двигается между яблонями, хватаясь руками за вѣтви, осыпаетъ на землю пахучій снѣгъ цвѣтовъ и бормочетъ:

— Ду-уракъ... эй!

И тащится, вьется по землѣ густая тяжелая тѣнь за нимъ.

Пролежалъ я въ саду до утра, а утромъ явился къ отцу Исидору.

— Отдайте-ка паспортъ мой, ухожу я!

Удивился, даже подпрыгнулъ.

— Почему? Куда?

По землѣ, но не знаю—куда,— говорю.

Онъ допрашиваетъ.

— Я,—молъ,—ничего не буду объяснять.

Вышелъ изъ кельи его, сѣлъ около нея на скамью подъ старой сосной,—нарочно тутъ сѣлъ, ибо на этой скамьѣ выгоняемые и уходившіе изъ обители какъ бы для объявленія торчали. Ходитъ мимо братія, косится на меня, иные

отплевываются: забылъ я сказать, что былъ пущенъ слухъ, якобы Антоній-то въ любовники взялъ меня; послушники мнѣ завидовали, а монаси барину моему,—ну, и клеветали на обоихъ.

Ходитъ братія, поговариваетъ:

— Ага, выгнали и этого, слава тебѣ, Господи!

Отецъ Асафъ, хитренькій и злобненькій старичокъ, шпіонъ игумена, должность Христа ради юродиваго исполнявшій въ обители, началъ поносить меня гнуснѣйшими словами, такъ что я даже сказалъ ему:

— Уйди, старикъ, а то я тебя за ухо возьму и самъ прочь отведу!

Онъ, хотя и блаженъ мужъ былъ, но слова мои понялъ.

Потребовалъ меня глава обители и ласково говоритъ:

— Намекалъ я тебѣ, Матвѣй, сыне мой, что было бы лучше, если бъ ты въ контору пошелъ, и се—былъ я правъ! И тако всегда старшіе! Развѣ, при строптивости твоей, можно выдержать тебѣ послушаніе келейника? Вотъ ты скверно изругалъ почтеннаго отца Антонія...

— Это онъ вамъ сказалъ?

— А кто же? Ты еще не говорилъ.

— А сказалъ онъ, какъ показывалъ мнѣ голую женщину?

Отецъ игуменъ со благочестивымъ страхомъ перекрестилъ меня и говоритъ, махая руками:

— Что ты, что ты, Господь съ тобой! Какая женщина? Это, не иначе, видѣніе твое, плотью, дьяволомъ искушаемой, созданное! Ай-ай-ай! Ты подумалъ бы—откуда въ мужскомъ-то монастырѣ женщина?

Захотѣлось мнѣ успокоить его.

— А кто же, — говорю, — портвейнъ, сыръ да икру вчера вамъ привезъ?

Еще больше удивляется онъ:

— Что ты, спаси тебя Христосъ! Какъ это выдумалъ столь неподобное?

Противно. И можно съ ума сойти.

Около полудня переѣхалъ я черезъ озеро, сѣлъ на берегу, смотрю на монастырь, гдѣ съ лишкомъ два года трудовую лямку теръ.

Размахнулъ лѣсъ зеленыя крылья и показываетъ обитель на груди своей. На пышной зелени ярко вытканы зубчатыя бѣлыя стѣны, синія главы старой церкви, золотой куполъ новаго храма, полосы красныхъ крышъ; лучисто и призывно горятъ кресты, а надъ ними—голубой колоколъ небесъ звонитъ радостнымъ гомономъ весны, и солнце ликуетъ побѣды свои.

Въ этой красотѣ, волнующей душу восторгомъ живымъ, спрятались черные люди въ длинныхъ одеждахъ и гніютъ тамъ, проживая пустые дни, безъ любви, безъ радостей, въ безсмысленномъ трудѣ и въ грязи.

Жалко мнѣ стало всѣхъ и себя тоже—едва не заплакалъ. Всталъ и пошелъ.

Дышитъ ароматами, поетъ вся земля и все живое ея; солнце роститъ цвѣты на поляхъ, поднимаются они къ небу, кланяясь солнцу; молодая зелень деревьевъ шепчетъ и колышется; птицы щебечутъ, любовь вездѣ горитъ—тучна земля и пьяна силою своей!

Встрѣчу мужика — поздороваюсь, а онъ мнѣ едва головой кивнетъ; бабу встрѣчу — сторонится. А мнѣ охота говорить съ людьми, и говорилъ бы я съ ними ласково.

Первую ночь свободы моей въ лѣсу ночевалъ; долго лежалъ, глядя въ небо, пѣлъ тихонько — и заснулъ. Утромъ рано проснулся отъ холода и снова иду, какъ на крыльяхъ, ввстрѣчу всей жизни. Каждый шагъ все дальше тянетъ, и готовъ бѣгомъ бѣжать вдаль.

А народъ при встрѣчѣ косится на меня: обрыдла, противна и враждебна мужикамъ черная одежда захребетниковъ. А снять мнѣ ее нельзя: паспортъ мой просроченъ, но игуменъ надпись сдѣлалъ на немъ, удостовѣрилъ, что я послушникъ Савватѣевской обители и ушелъ для посѣщенія святыхъ мѣстъ.

И вотъ направился я по симъ мѣстамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ бродячимъ народомъ, который и нашу обитель сотнями наполнялъ по праздникамъ. Братія относилась къ нему безучастно или враждебно—дескать, дармоѣды—и старалась обобрать у нихъ всѣ пятаки, загоняла на монастырскія работы и, всячески выжимая сокъ изъ этихъ людей, пренебрегала ими. Я же, занятый своимъ дѣломъ, мало встрѣчался съ пришлыми людьми, да и не искалъ встрѣчъ, считая себя человѣкомъ особеннымъ въ намѣреніяхъ своихъ и внутренно ставя образъ свой превыше всѣхъ.

Вижу: по всѣмъ дорогамъ и тропамъ тянутся, качаясь, сѣрыя фигуры съ котомками за спиной, съ посохами въ рукахъ; идутъ не торопясь, но споро, низко наклоня головы; идутъ кроткіе, задумчивые и довѣрчиво открытые сердцемъ. Стекаются въ одно мѣсто, посмотрятъ, молча помолятся, поработаютъ; есть какой-нибудь праведникъ, — поговорятъ съ нимъ тихонько о чемъ-то, и снова растекутся по дорогамъ, печально шагая до другого мѣста.

Идутъ, идутъ старые и молодые, женщины и дѣти, словно всѣхъ одинъ голосъ позвалъ, и чувствую я въ этомъ про-

хожденіи земли насквозь по всѣмъ ея путямъ нѣкую силу,— захватываетъ она меня, тревожитъ, словно обѣщаетъ что-то открыть душѣ. Странно мнѣ это безпокойное и покорное хожденіе послѣ неподвижной жизни моей.

Какъ будто сама земля отрываетъ человѣка отъ груди своей и, отталкивая, повелительно внушаетъ ему:

— Иди, спроси, узнай!

Послушно и осторожно ходитъ человѣкъ; ищетъ, смотритъ, чутко прислушивается и снова идетъ, идетъ. Гудитъ подъ ногами искателей вся земля и толкаетъ ихъ дальше—черезъ рѣки, горы, лѣса и моря,—еще дальше, всюду, гдѣ уединенно обители стоятъ, обѣщая чудеса; всюду, гдѣ дышитъ надежда на что-то иное, чѣмъ эта горькая, трудная, тѣсная жизнь.

Поразило меня тихое смятеніе одинокихъ душъ и очеловѣчило; началъ я вникать—чего ищутъ люди? И стало мнѣ казаться все вокругъ потревоженнымъ и пошатнувшимся, какъ самъ я.

Многіе, какъ и я, ищутъ Бога и не знаютъ уже, куда итти; и разсѣяли всю душу на путяхъ исканій своихъ, и уже ходятъ только потому, что не имѣютъ силъ остановить себя; носятся, какъ перья луковицъ по вѣтру, легкіе и безполезные.

Эти—лѣни своей побороть не могутъ и носятъ ее на плечахъ своихъ, унижаясь и живя ложью; тѣ же — охвачены желаніемъ все видѣть, но нѣтъ у нихъ силъ что-либо полюбить.

Вижу еще много пустого народа и грязныхъ жуликовъ, безстыдныхъ дармоѣдовъ, жадныхъ, какъ воши—много вижу— но все это только пыль позади толпы людей, охваченныхъ тревогой богоисканія.

И неудержимо влечетъ она меня за собой.

А вокругъ ея, словно чайки надъ рѣкой, крикливо и жадно мечутся разнообразно окрыленные человѣки, поражая меня уродствомъ своимъ.

Однажды на Бѣлоозерѣ вижу человѣчка среднихъ лѣтъ, весьма бойкаго: должно-быть, зажиточенъ, одѣтъ чисто.

Расположился въ тѣни подъ деревьями, около него тряпки, банка мази какой-то, тазъ мѣдный, — и покрикиваетъ онъ, этотъ человѣкъ:

— Православные! У кого ноги до язвъ натружены—подходи: вылѣчу! Даромъ лѣчу, по обѣту, принятому на себя, ради Господа моего!

Храмовой праздникъ въ Бѣлоозерѣ былъ, богомолы со всѣхъ сторонъ дождемъ идутъ; подходятъ къ нему, садятся, развязываютъ онучи, онъ имъ ноги моетъ. смазываетъ раны. поучаетъ:

— Эхъ, братъ, а и неразуменъ ты! У тебя лапоть не по ногѣ великъ—развѣ можно въ такомъ ходить!

Человѣкъ въ большомъ лаптѣ тихо отвѣчаетъ:

— Мнѣ и этотъ Христа ради подали!

— Тотъ, кто подалъ—онъ Богу угодилъ, а что ты въ такомъ лаптѣ шелъ, это глупость твоя, но не подвигъ, и Господомъ не зачтется тебѣ!

„Вотъ,—думаю,—хорошо знаетъ человѣкъ Божьи обороты!

Подходитъ къ нему женщина, прихрамывая.

— Ай, молодка!—кричитъ онъ.—Это не мозоль у тебя, а, пожалуй, французская болѣзнь! Это, православные, заразная болѣзнь, цѣлыя семьи погибаютъ отъ нея, прилипчива она!

Бабенка сконфузилась, встала, идетъ прочь, опустивъ глаза, а онъ зазываетъ:

— Подходи, православные, во имя святого Кирилла!

Подходятъ люди, разуваются, покряхтывая, онъ имъ моетъ ноги, а они говорятъ ему:

— Спаси тебя Христосъ!

Но вижу я, что его благообразное лицо судороги подергиваютъ, и ловкія руки человѣка трясутся. Скоро онъ прикрылъ лавочку благочестія своего, быстро убѣжавъ куда-то.

На ночь отвелъ меня монашекъ въ сарай, вижу—и этотъ человѣкъ тамъ же; легъ я рядомъ съ нимъ и началъ тихій разговоръ:

— Что это вы, почтенный, вмѣстѣ съ черными людьми почуете? Судя по одеждѣ вашей, мѣсто ваше—въ гостиницѣ.

— А мною, — отвѣчаетъ, — обѣтъ такой данъ: быть среди послѣднихъ — послѣднимъ на три мѣсяца цѣлыхъ! Желая подвигъ богомольческій совершить вполнѣ,—пусть вмѣстѣ съ всѣми и вошь меня ѣстъ! Еще то ли я дѣлаю! Я вотъ ранъ видѣть не могу, тошнитъ меня, а — сколько ни противно— каждый день ноги странникамъ мою! Трудна служба Господу, велика надежда на милость Его!

Потерялъ я охоту разговаривать съ нимъ, притворился, будто заснулъ, лежу и думаю:

„Не тучна его жертва Богу своему!“

Зашуршало сѣно подъ сосѣдомъ, всталъ онъ осторожно на колѣни и молится, сначала безмолвно, а потомъ слышу и шопотъ:

— Ты же, святителю Кирилле, предстань Господу за грѣшника, да уврачуетъ Господь язвы и вереды мои, яко же и я врачую язвы людей! Господи Всевидящій, оцѣни труды мои и помилуй меня! Жизнь моя — въ руцѣ Твоей; знаю— пенстовъ быша азъ во страстѣхъ, но уже довольно наказанъ

Тобою; не отрини, яко пса, и да не отженутъ мя люди Твои, молю Тя, и да исправится молитва моя, яко кадило предъ Тобою!

Тутъ — человѣкъ Бога съ лѣкаремъ спуталъ, — нестерпимо противно мнѣ. Зажалъ уши пальцами.

А когда отмолился онъ, то вынулъ изъ сумы своей ѣду и долго чавкалъ, подобно борову.

Множество я видѣлъ такихъ людей. Ночами они ползаютъ передъ Богомъ своимъ, а днемъ безжалостно ходятъ по грудямъ людей. Низвели они Бога на должность укрывателя мерзостей своихъ, подкупаютъ Его и торгуются съ Нимъ:

— Не забудь, Господи, сколько далъ я Тебѣ!

Слѣпые рабы жадности своей, возносятъ они ее выше себя, поклоняются безобразному идолу темной и трусливой души своей и молятся ему:

— Господи! да не яростію Твоею обличиши мене, ниже гнѣвомъ Твоимъ накажеши мене!

Ходятъ, ходятъ по землѣ, какъ шпіоны Бога своего и судьи людей; зорко видятъ всѣ нарушенія правилъ церковныхъ; суетятся и мечутся, обличаютъ и жалуются:

— Гаснетъ вѣра въ людяхъ, увы намъ!

Одинъ мужчина особенно смѣшилъ меня ревностью своей — шли мы съ нимъ изъ Переяславля въ Ростовъ, и всю дорогу онъ кричалъ на меня:

— Гдѣ святой уставъ Ѳедора Студита?

Человѣкъ онъ былъ сытый, здоровый, чернобородъ и румянъ, деньжонки имѣлъ и на ночлегахъ съ бабами путался.

— Я, — говоритъ, — видя разрушеніе закона и развратъ людской, душевнаго покоя лишился: дѣло мое — кирпичный заводъ — бросилъ на руки сыновьямъ, и вотъ уже четыре года хожу, наблюдая вездѣ: ужасъ обуреваетъ душу мнѣ! Завелись мыши въ ризницѣ духовной, и распадаются подъ зубами ихъ крѣпкія ризы закона, — озлобляется народъ противъ церкви, отпадаетъ отъ груди ея въ мерзостныя ереси и секты, — а что противъ этого дѣлаетъ церковь, Бога ради воинствующая? Пріумножаетъ имущество и раститъ враговъ! Церковь должна жить въ нищетѣ, яко бѣдный Лазарь, дабы народишко-то видѣлъ, что воистину священна есть нищета, заповѣданная Христомъ; видѣлъ бы онъ это и не рылся, не лѣзъ бы на чужое-то имущество! Какая иная задача у церкви? Держи народишко въ крѣпкой уздѣ — эка!

Мыслей своихъ законники эти, видя непрочность закона, скрывать не умѣютъ и безстыдно выдаютъ тайное свое.

На Святыхъ Горахъ купецъ одинъ — знаменитый путеше-

ственникъ, описывающій хожденія свои по святымъ мѣстамъ въ духовныхъ журналахъ—проповѣдывалъ народу страннему смиреніе, терпѣніе и кротость.

Горячо говорилъ, даже до слезъ. И умоляетъ и грозитъ, народъ же слушаетъ его молча, опустивъ головы.

Ввязался я въ рѣчь его, спрашиваю:

— А ежели явное беззаконіе—тоже терпѣть его?

— Терпи, милый!—кричитъ онъ.—Обязательно терпи! Самъ Исусъ Христосъ терпѣлъ, насъ и нашего спасенія ради!

— А какъ же, — молъ,—мученики и отцы церкви, Ивану Златоусту подобные, — не стѣснялись они, но обличали даже царей?

Ошалѣлъ онъ, просто неестественно загорѣлся, ногами топаетъ на меня.

— Что болтаешь, смутьянъ! Кого обличали-то? Язычниковъ!

— Развѣ, — молъ, — царица-то Евдоксія — язычница? А Иванъ Грозный?

— Не про то рѣчь!—кричитъ онъ и машетъ руками, какъ доброволецъ на пожарѣ.—Не о царяхъ говори, а о народѣ! Народъ—главное! Суемудрствуетъ онъ, страха въ немъ нѣтъ! Звѣрь онъ, церковь укрощать его должна—вотъ ея дѣло!

Но хотя и просто говорили они, а не понималъ я въ то время этой заботы о народѣ, хотя ясно чувствовалъ въ ней нѣкій страхъ; не понималъ, ибо, духовно слѣпъ, народа не видѣлъ.

Послѣ спора съ этимъ писателемъ, подошло ко мнѣ нѣсколько человѣкъ и говорятъ, какъ бы ничего добраго не ожидая отъ меня:

— Есть тутъ одинъ паренекъ, — не желаешь ли съ нимъ потолковать?

И во время вечерни устроили мнѣ на озерѣ въ лѣсу собесѣдованіе съ нѣкимъ юношей. Былъ онъ темный какой-то, словно молніей опаленный; волосы коротко острижены, сухи и жестки; лицо — однѣ кости, и между ними жарко горятъ каріе глаза: кашляетъ паренъ непрерывно и весь трепещетъ. Смотритъ онъ на меня явно-враждебно и, задыхаясь, говоритъ:

— Сказали мнѣ про тебя люди сіи, что отрицаешь ты терпѣніе и кротость. Чего ради, объясни?

Не помню, что я тогда говорилъ и какъ спорилъ съ нимъ; помню только его измученное лицо и умирающій голосъ, когда онъ кричалъ мнѣ:

— Не для сей жизни мы, но — для будущей! Небо наша родина, ты это слышалъ?

Выдвинулся противъ него солдатъ хромой, потерявшій ногу въ текинской войнѣ, и говоритъ сурово:

— Мое слово, православные люди, таково: гдѣ меньше страха, тамъ и больше правды!

И, обращаясь къ юношѣ, сказалъ:

— Коли тебѣ страшно передъ смертью—это твое дѣло, но другихъ — не пугай! Мы и безъ тебя напуганы довольно! А ты, рыжеватый, говори!

Онъ скоро исчезъ, юноша этотъ, а народъ же — человѣкъ съ полсотни — остался, слушаютъ меня. Не знаю, чѣмъ я могъ въ ту пору вниманіе къ себѣ привлечь, но было мнѣ пріятно, что слушаютъ меня, и говорилъ я долго, въ сумракѣ среди высокихъ сосенъ и серьезныхъ людей.

И тогда, помню, слились для меня всѣ лица въ одно большое грустное лицо; задумчиво оно и упрямо показалось мнѣ, на словахъ—нѣмотно, но въ тайныхъ мысляхъ—дерзко, и въ сотнѣ глазъ его,—видѣлъ я,—неугасимо горитъ огонь, какъ бы родной душѣ моей.

Но потомъ стерлось это единое лицо многихъ изъ памяти моей, и только долгое время спустя понялъ я, что именно сосредоточенная на одной мысли воля народа возбуждаетъ въ хранителяхъ закона заботы о немъ и страхъ предъ нимъ. Пусть еще не народилась эта мысль и неуловима она, но уже оплодотворенъ духъ сомнѣніемъ въ незыблемости враждебнаго закона — вотъ откуда тревога законниковъ! Видятъ они этотъ упрямо спрашивающій взглядъ; видятъ — ходитъ народъ по землѣ тихъ и нѣмъ,—и уже чувствуютъ незримые лучи мысли его, понимаютъ, что тайный огонь безмолвныхъ думъ превращаетъ въ пепелъ законы ихъ, и что возможенъ,— возможенъ!—иной законъ!

Чувствуютъ они это тонко, какъ воры сторожкое движеніе просыпающагося хозяина, домъ котораго грабили въ ночи, и знаютъ они, что, если народъ откроетъ глаза, перевернется жизнь вверхъ лицомъ къ небесамъ.

Нѣтъ Бога у людей, пока они живутъ разсѣянно и во враждѣ. Да и зачѣмъ онъ, Богъ живой, сытому? Сытый ищетъ только оправданія полноты желудка своего въ общемъ голодѣ людей.

Смѣшна и жалка его жизнь, одинокая и отовсюду окруженная вѣяніемъ ужасовъ.

Какъ-то разъ замѣчаю я: наблюдаетъ за мною нѣкій старичокъ — сѣденькій, маленькій и чистый, какъ голая кость. Глаза у него углубленные, словно чего-то устрашились; сухъ онъ весь, но крѣпокъ, подобно козленку, и быстръ на ногахъ.

Всегда онъ жмется къ людямъ, всегда залѣзаетъ въ толпу,— бочкомъ живетъ,—и заглядываетъ въ лица людей, точно ищетъ знакомаго. Хочется ему чего-то отъ меня, а не смѣетъ спросить, и жалка мнѣ стала эта робость его.

Иду я въ Лубны, къ Аѳанасію-сидящему, а онъ, бѣлой палочкой шагъ размѣривая, безшумно стелется по дорогѣ вслѣдъ за мной.

Спрашиваю:

— Давно странствуешь, дѣдушка?

Обрадовался онъ, вскинулъ голову, хихикаетъ.

— Девять лѣтъ ужъ, милый, девять лѣтъ!

— Али,—молъ,—великъ грѣхъ несешь?

— Гдѣ,—говоритъ,—вѣсъ-мѣра грѣху установлена? Одинъ Господь знаетъ мои грѣхи!

— А все-таки, что надѣлалъ?

Смѣюсь я, и онъ улыбается.

— Да, будто, ничего! Жилъ вообще, какъ всѣ. Сибирскій я, изъ-подъ Тобольска, ямщикомъ въ молодости былъ, а послѣ дворъ постоялый держалъ, трактиръ тоже... лавка была...

— Ограбилъ, что ли, кого?

Испугался дѣдъ.

— Зачѣмъ? Отъ этого Богъ спасъ... что ты!

— Я,—молъ,—шучу. Вижу—идетъ маленькій человѣкъ, думаю—куда ему большой грѣхъ сдѣлать!

Пріосанился старичокъ, тряхнулъ головкой.

— Душа-то, чай, у всѣхъ одной величины,—говоритъ,—и одинаково дьяволу любезна! А скажи мнѣ, какъ ты о смерти думаешь? Вотъ ты на ночлегѣ говорилъ все: „жизнь, жизнь", а какъ же, а гдѣ же смерть?

— Тутъ,—молъ,—гдѣ-нибудь!

Погрозилъ онъ мнѣ пальцемъ смѣшно таково и говоритъ:

— То-то и есть! Всегда она тутъ, да?

— Ну, такъ что?

— А—то!

И, поднимаясь на цыпочки, почти шепчетъ мнѣ въ ухо:

— Она—всесильна вѣдь! Самъ Исусъ Христосъ не избѣгъ. Пронеси, говоритъ, мимо чашу эту, а Отецъ небесный и Его—не пронесъ, не могъ, однако! Сказано: смертушка придетъ—и солнышко умретъ, да!

Разговорился мой старичокъ, словно ручей съ горы побѣжалъ:

— Надо всѣмъ она вѣетъ, а человѣкъ въ родѣ какъ по жердочкѣ надъ пропастью идетъ; она крыломъ махъ!—и человѣка нѣтъ ничѣмъ! О, Господи! „Силою Твоею да укрѣпится

міръ", — а какъ ему укрѣпиться, ежели смерть поставлена превыше всего? Ты и разумомъ смѣлъ и книгъ много съѣлъ, а живешь, пока цѣлъ, да!

Смѣется онъ, а на глазахъ у него — слезы!

Что̀ я ему объясню? Никогда я о смерти не думалъ, да и теперь мнѣ некогда.

А онъ подпрыгиваетъ, заглядывая мнѣ въ лицо побѣлѣвшими глазами, бороденка у него трясется, лѣвую руку за пазуху спряталъ, и все оглядывается, словно ждетъ, что смерть изъ-за куста схватитъ за руку его, да и метнетъ во адъ. И я тоже удивленно поглядываю на него.

Вокругъ — жизнь кипитъ: земля покрыта изумрудной пѣной травъ, невидимо жаворонки поютъ, и все растетъ къ солнцу въ разноцвѣтныхъ яркихъ крикахъ радости.

— Какъ, — молъ, — ты дошелъ до такихъ мыслей? — спрашиваю я попутчика. — Хворалъ, что ли, сильно?

— Нѣтъ, — говоритъ, — я до сорока семи лѣтъ спокойно и довольно жилъ! А тутъ у меня жена померла и сноха удавилась, — обѣ въ одинъ годъ пропали!

— А ты не самъ ли, — молъ, — сноху-то въ петлю загналъ?

— Нѣтъ, — говоритъ, — это она отъ распутства! Я ее не трогалъ, нѣтъ! Да ежели бы и жилъ я съ ней — это вдовому прощается: я — не попъ, а она — не чужая мнѣ! А я и при женѣ, какъ вдовый, жилъ: четыре года хворала жена-то у меня, съ печи не слѣзая; умерла — такъ я даже перекрестился... слава Богу — свободенъ! Еще разъ жениться хотѣлъ, и вдругъ задумался: живу — хорошо, всѣмъ доволенъ, а надо умирать; это зачѣмъ же? Смутился! Сдалъ все сыну и — пошелъ вотъ! На ходу-то, думаю, не такъ замѣтно, что къ могилѣ идешь, — пестро все, мелькаетъ и какъ будто въ сторону манитъ отъ кладбища. Однако — все равно!

Спрашиваю я его:

— Тяжело тебѣ, дѣдъ?

— Ой, милый, такъ-то ли страшно — и сказать не могу! Днемъ стараюсь на людяхъ держаться, — все какъ будто и загородишься ими, смерть — слѣпа, авось не разглядитъ меня или ошибется, другого возьметъ! А вотъ ночью, когда всякій остается ничѣмъ не скрытъ, жутко безо сна лежать! Такъ тебѣ и кажется — вѣетъ надъ тобою черная рука, касается груди, ищетъ — тутъ ли ты? Играетъ сердцемъ, какъ кошка мышью, а оно боится, а оно трепыхается... ой! Приподнимешься, оглянешься — вокругъ люди лежатъ, а встанутъ ли — неизвѣстно! Это бываетъ, она и гуртомъ беретъ: у насъ въ

селѣ цѣлое семейство — мужъ, жена и двѣ дѣвоньки — въ банѣ отъ угара померли!

Губы у него трясутся, будто онъ улыбается, а изъ глазъ мелкія слезы текутъ.

— Еще кабы въ одночасье скончаться, али — во снѣ, а какъ нападетъ болѣзнь, да и начнетъ понемножку грызть!

Сморщился онъ, съежился, сталъ на плѣсень похожъ; бѣжитъ, подпрыгиваетъ, глаза погасли, и тихонько бормочетъ, не то мнѣ, не то себѣ:

— Господи! Хоть бы комарикомъ пожить на землѣ! Не убій, Господи! Хоть бы клопикомъ али малымъ паучкомъ!

„Эхъ, ты, жалость!“ — думаю.

А на привалѣ, на людяхъ, — ожилъ и сейчасъ же опять о своей хозяйкѣ — о смерти — заговорилъ, бойко таково. Убѣждаетъ людей: умрете, дескать, исчезнете въ неизвѣстный вамъ день, въ невѣдомый часъ, можетъ-быть, черезъ три версты отъ этого мѣста громомъ васъ убьетъ.

На иныхъ — тоску наводитъ: другіе — сердятся, ругаютъ его, а одна бабочка молодая замѣтила:

— Туга мошна, вотъ и смерть тошна!

И такъ зло сказала она это, что замѣтилъ я ее, а старичокъ, смерти преданный, осѣкся.

Всю дорогу до Лубенъ утѣшалъ онъ меня и, воистину, до смерти надоѣлъ! Много видѣлъ я такихъ, кои отъ смерти бѣгаютъ, глупо играя въ прятки съ ней. Удрученные страхомъ и среди молодыхъ есть — эти еще гаже стариковъ, и всѣ они, конечно, безбожники. Въ душѣ у нихъ, какъ въ печной трубѣ, черно, и всегда тамъ страхъ посвистываетъ. — даже и въ тихую погоду свиститъ. Мысли ихъ подобны старымъ богомолкамъ: топчутся по землѣ, идутъ, не знаютъ куда, попираютъ слѣпо живое на пути, имя Божіе помнятъ, но любви къ Нему не имѣютъ и ничего не могутъ хотѣть. Только развѣ одно ихъ занимаетъ: внушить бы свой страхъ людямъ, чтобы люди приняли и приласкали ихъ, нищихъ.

Но они подходятъ къ людямъ не за тѣмъ, что жаждутъ вкусить меда, а чтобы излить въ чужую душу гнилой ядъ тлѣнія своего. Самолюбы они и великіе безстыдники въ ничтожествѣ своемъ: подобны они тѣмъ нищимъ уродамъ, кои во время крестныхъ ходовъ по краямъ дорогъ сидятъ, обнажая предъ людьми раны и язвы и уродства свои, чтобы, возбудивъ жалость, мѣдную копейку получить.

Ходятъ они, пытаются всюду посѣять темныя сѣмена смятенія, стонутъ и желаютъ услышать отвѣтный стонъ, а вокругъ

ихъ вздымается могучій валъ, валъ скромныхъ богоискателей, и разноцвѣтно пылаетъ горе человѣческое.

Вотъ хоть бы молодка эта, хохлушка, что̀ замѣтила старику насчетъ тугой мошны. Молчитъ она, зубы сжаты, темное отъ загара лицо ея сердито, и въ глазахъ острый гнѣвъ. Спросишь ее о чемъ-нибудь — отвѣчаетъ рѣзко, точно ножомъ ткнетъ.

— Ты бы, милая, — говорю, — не чуралась меня, а сказала бы горе-то... Можетъ, легче будетъ тебѣ!

— Что̀ вы хотите отъ меня?

— Да ничего не хочу, не бойся!

Вспыхнула она:

— Я и не боюсь, а противно мнѣ!

— Чѣмъ же я противенъ?

— А что̀ пристаете? Я народъ покричу.

И такъ она всѣхъ брыкаетъ, — старыхъ, молодыхъ, и женщинъ тоже.

— Ты мнѣ не нужна, — говорю, — а нужно мнѣ горе твое, хочу я знать все, чѣмъ люди мучаются.

Сбоку поглядѣла на меня и отвѣчаетъ:

— До другихъ идите! Всѣ бѣдуютъ, будь они прокляты!

— За что же проклинать?

— А такъ я хочу!

Кажется она мнѣ похожей на кликушу.

— За кого же ты молиться идешь? — говорю.

Усмѣхнулась она всѣмъ лицомъ, пошла тише и говоритъ, какъ будто не мнѣ:

— Прошлой весной мужъ на Днѣпръ ушелъ, дрова сплавлять, и пропалъ! Можетъ — утонулъ, можетъ — другую жену нашелъ, кто знаетъ? Свекоръ и свекровь люди бѣдные, злые. Двое дѣтокъ у меня — мальчикъ да дѣвочка, — чѣмъ мнѣ ихъ кормить? Я же работала, переломиться готова была, а нѣтъ работы, да и что̀ баба можетъ выработать? Свекоръ ругаетъ: „ты намъ съ дѣтьми твоими камень на шею, объѣла ты насъ, опила!“. А свекровь уговариваетъ: „ты же молодая, иди по монастырямъ, монахи до бабъ жадные, много денегъ наберешь“. Не могу я терпѣть голода дѣтокъ, — вотъ, хожу! Утопить ихъ, что ли? Вотъ и хожу!

Говоритъ, какъ во снѣ, сквозь зубы, невнятно, а глаза у нея кричатъ болью материнской.

— Сыночку уже четвертый годъ, Осипомъ зовутъ, а дочь Ганкой. Била я ихъ, когда они хлѣба просили, била! Я мѣсяцъ хожу — четыре рубля набрала. Монахи — жадные. Честно — больше заработала бы! О, дьяволы, дьяволы! Какою водой отмою себя?

Надо что-нибудь сказать ей, я и говорю:

— Ради дѣтей — Богъ тебя проститъ!

Какъ она взвоетъ!

— А что мнѣ въ томъ? Не виновата я Богу! Не проститъ — не надо; проститъ — сама не забуду, да! Въ аду — не хуже! Тамъ дѣтей не будетъ со мной!

„Эхъ, — думаю, — напрасно я ее растравилъ!“

А она уже и остановиться не можетъ.

— Да и нѣтъ его, Бога, для бѣдныхъ, нѣтъ! Когда мы за Зеленый Клинъ, на Амуръ рѣку, собирались, — какъ молебны служили и просили и плакали о помощи, — помогъ Онъ намъ? Маялись тамъ три года, и, которые не погибли отъ лихорадки — воротились нищіе. И батька мой померъ, а матери по дорогѣ туда колесомъ ногу сломало, браты оба въ Сибири потерялись...

И лицо у нея окаменѣло. Хотя и суровая она, а такая серьезная, красивая, глаза темные, волосы густые. Всю ночь до утра говорили мы съ ней, сидя на опушкѣ лѣса сзади желѣзнодорожной будки, и вижу я, — все сердце у человѣка выгорѣло, даже и плакать не можетъ; только когда дѣтскіе годы свои вспоминала, то улыбнулась неохотно раза-два, и глаза ея мягче стали.

Думаю подъ рѣчь ея:

„Зарѣжетъ она, убьетъ кого-нибудь! Или жестокой блудницей станетъ — нѣтъ ей оборота никуда!“

— Бога не вижу и людей не люблю! — говоритъ. — Какіе это люди, если другъ другу помочь не могутъ? Люди! Противъ сильнаго — овцы, противъ слабаго — волки! Но и волки стаями живутъ, а люди — всѣ врозь и другъ другу враги! Ой, много я видѣла и вижу, погибнуть бы всѣмъ! Родятъ дѣтокъ, а растить не могутъ, — хорошо это? Я вотъ — била своихъ, когда они хлѣба просили, била!

А наутро пошла она въ сторону отъ меня — продавать свое тѣло монахамъ, — и, уходя, молвила злобно:

— Что же ты, — вмѣстѣ спали и сильнѣе ты меня, что же не попользовался даровымъ-то мясцомъ? Эхъ, ты!

Точно по щекамъ хлещетъ!

Я говорю ей:

— Напрасно ты обидѣла меня!

Потупилась она, а потомъ сказала:

— Хочется обидѣть человѣка, хочется даже и не виноватаго! Вонъ ты молодой еще, а высохъ весь, и уже сѣдые виски, — понимаю, что и ты горе носишь... А мнѣ — все равно! Никого уже не жалко. Прощай!

Умла.

За шесть лѣтъ странствованій моихъ много видѣлъ я людей, озлобленныхъ горемъ: тлѣетъ въ нихъ неугасимая ненависть ко всему, и кромѣ зла — ничего не могутъ они видѣть. Видятъ злое и, словно въ жаркой банѣ, парятся въ немъ; какъ пьяницы вино — пьютъ желчь и хохочутъ, торжествуютъ.

— Наша правда: всюду зло, вездѣ несчастіе, нѣтъ мѣста человѣку внѣ его!

Впадаютъ въ дикое отчаяніе и, воспаленные имъ, развратничаютъ и всячески грязнятъ землю, какъ бы мстя ей за то, что родила она ихъ и должны они, рабы слабости своей, до дня смерти ползать безсильно по дорогамъ земли.

Возносятъ они горе до высоты бога своего и поклоняются ему, не желая видѣть ничего, кромѣ язвъ своихъ, и не слышать иного, кромѣ стоновъ отчаянія.

Жалко ихъ, ибо они уже какъ безумные, но и противно душѣ съ ними, когда видишь, что во всякое лицо готовы они метнуть желчный свой плевокъ и солнце поганили бы плевками, если бъ могли.

Другіе же задавлены горемъ, запуганы имъ, молчатъ, прячутся жизни, маленькіе и робкіе, но не могутъ укрыться и служатъ глиной въ рукѣ сильнаго — ими онъ замазываетъ щели въ стѣнахъ старой крѣпости своей.

Много лицъ и словъ врѣзалось въ память мою, великія слезы пролиты были предо мной, и не разъ бывалъ я оглушенъ страшнымъ смѣхомъ отчаянія; всѣ яды отвѣданы мною, пилъ я воды сотенъ рѣкъ. И не однажды самъ проливалъ горькія слезы безсилія.

Встала жизнь передо мной, какъ страшный бредъ и сонъ, какъ снѣжный вихрь тревожныхъ словъ и горячій дождь слезъ, неустанный крикъ отчаянія и мучительная судорога всей земли, болящей недоступнымъ разуму и сердцу моему стремленіемъ.

Стонетъ душа моя:

— Не то!

Мутно текутъ потоки горя по всѣмъ дорогамъ земли, и съ великимъ ужасомъ вижу я, что нѣтъ мѣста Богу въ этомъ хаосѣ разобщенія всѣхъ со всѣми; негдѣ проявиться силѣ Его, не на что опереться стопамъ,—изъѣденная червями горя и страха, злобы и отчаянія, жадности и безстыдства — разсыпается жизнь во прахъ, разрушаются люди, отъединенные другъ отъ друга и обезсиленные одиночествомъ

Спрашиваю:

— Неужели Ты, дѣйствительно, — только сонъ души чело-

вѣческой и надежда, созданная отчаяніемъ въ темный часъ безсилія?

Вижу: у каждаго свой Богъ, и каждый Богъ не многимъ выше и красивѣе слуги и носителя своего. Давитъ это меня. Не Бога ищетъ человѣкъ, а забвенія скорби своей. Вытѣсняетъ горе отовсюду человѣка, и уходитъ онъ отъ себя самого, хочетъ избѣжать дѣянія, боится участія своего въ жизни и все ищетъ тихій уголъ, гдѣ бы скрыть себя. И уже чувствую въ людяхъ не святую тревогу богоисканія, но лишь страхъ предъ лицомъ жизни; не стремленіе къ радости о Господѣ, а заботу, какъ избыть печаль свою.

Кричитъ душа моя:

— Не то!

Бывало, видишь человѣка: онъ серьезно задумался, и хорошо, чисто горятъ его глаза... Встрѣтишь его разъ и два — все тотъ же, а на третій или четвертый разъ, смотришь — онъ озлобленъ или пьянъ, и уже не скроменъ, а нахаленъ, грубъ, богохульствуетъ.

И не понимаешь, отчего разорился человѣкъ, обо что разбилъ себя? Всѣ какъ бы слѣпы и легко спотыкаются на пути; рѣдко слышишь живое, одухотворенное слово; слишкомъ часто люди говорятъ по привычкѣ чужія слова, не понимая ни пользы ни вреда мысли, заключенной въ нихъ.

Подбираютъ рѣчи блаженныхъ монаховъ, прорицанія отшельниковъ и схимниковъ, дѣлятся ими другъ съ другомъ, какъ дѣти черепками битой посуды въ играхъ своихъ. Наконецъ, вижу не людей, а обломки жизни разрушенной, — грязная пыль человѣческая носится по землѣ, и сметаетъ ее разными вѣтрами къ напертямъ церквей.

Безчисленно кружится народъ около мощей, чудотворныхъ иконъ, купается въ источникахъ — и всюду ищетъ только самозабвенія.

Подавляли меня крестные ходы, — чудотворныя иконы еще въ дѣтствѣ погибли для меня, жизнь въ монастырѣ окончательно разбила ихъ. Гляжу, бывало, какъ люди огромнымъ сѣрымъ червемъ ползутъ въ пыли дорожной, гонимые невѣдомой мнѣ силой, и возбужденно кричатъ другъ другу:

— Прибавь шагу! Шагу!

А надъ ними, пригибая головы ихъ къ землѣ, плыветъ желтой птицей икона, и кажется, что тяжесть ея непремѣнно велика для всѣхъ.

Въ пыль и грязь, подъ ноги толпы, комьями падаютъ кликуши, бьются, какъ рыбы; слышенъ дикій визгъ — льются

люди черезъ трепетное тѣло, топчутъ, пинаютъ его и кричать образу Матери Бога:

— Радуйся, Пресвятая!

Лица у всѣхъ искаженныя, одичалыя отъ напряженія, мокрыя отъ пота, черныя отъ грязи, — и весь этотъ ходъ толпы, безрадостное пѣніе усталыхъ голосовъ, глухой топотъ ногъ — обижаетъ землю, омрачаетъ небеса.

А по краямъ дороги, подъ деревьями, какъ двѣ пестрыя ленты, тянутся нищіе: сидятъ и лежатъ больные, увѣчные, покрытые гнойными язвами, безрукіе, безногіе, слѣпые... Извиваются по землѣ истощенныя тѣла; дрожатъ въ воздухѣ уродливыя руки и ноги, простираясь къ людямъ, чтобы разбудить ихъ жалость. Стонутъ, воютъ нищіе, горятъ на солнцѣ ихъ раны: просятъ они и требуютъ именемъ Божіимъ копейки себѣ; много лицъ безъ глазъ, на иныхъ глаза горятъ какъ угли; неустанно грызетъ боль тѣла и кости, они подобны страшнымъ цвѣтамъ.

Видишь нѣкое гоненіе людей, и враждебна мнѣ сила, коя влачитъ ихъ въ пыли и грязи, — куда?

— Не то!

Былъ въ дивномъ городѣ Кіевѣ, поражался красотою и величіемъ древняго гнѣзда русскаго.

Пробовалъ бесѣдовать съ однимъ монахомъ, — считался онъ умницей.

Говорю ему: такъ, — молъ, — и такъ, не могу понять законовъ, по которымъ строится жизнь людей.

— Кто таковъ?

— Крестьянинъ.

— Грамотенъ?

— Немного.

— Не по башкѣ шапка — грамота для васъ! — строго говоритъ онъ.

Вижу, — дѣйствительно, — умникъ.

— Штундистъ? — спрашиваетъ онъ.

— Нѣтъ.

— Ага! Духоборъ?

— Почему?

— По мыслямъ.

Лицо у него розоватое, какъ ветчина, а глаза маленькіе.

— Ежели, — говоритъ, — Бога ищешь ты, то, конечно, затѣмъ, чтобы низвергнуть Его!

И грозитъ мнѣ пальцемъ:

— Знаю я васъ! А вотъ, не желаешь ли прочитать сто разъ „Вѣрую“? Вотъ, прочитай-ка! И всѣ глупости твои

исчезнутъ, яко дымъ. А вообще васъ бы, еретиковъ, въ Абиссинію надо ссылать, въ Африку, ко эѳіопамъ да! Тамъ бы вы живо отъ жары передохли!

Спрашиваю я его:

— А вы были тамъ, въ Абиссиніи этой?

— Былъ, — говоритъ.

— А вотъ не издохли?

Разсердился монахъ.

Встрѣтилъ я надъ Днѣпромъ человѣка: сидитъ онъ на берегу противъ Лавры и камешки въ воду бросаетъ; лѣтъ пятьдесятъ ему, бородатый, лысый, лицо морщинами исчерчено, голова большая; я въ то время по глазамъ уже видѣлъ серьезныхъ людей, — подошелъ къ нему, сѣлъ рядомъ.

Вечеръ былъ. Торопливо катитъ воды свои мутный Днѣпръ, а за нимъ вся гора расцвѣла храмами: трепещетъ на солнцѣ кичливое золото церковныхъ главъ, сіяютъ кресты, даже стекла оконъ какъ драгоцѣнные камни горятъ, — кажется, что земля разверзла нѣдра и съ гордой щедростью показываетъ солнцу сокровища свои.

А человѣкъ рядомъ со мною говоритъ негромко и печально:

— Закрыть бы всю Лавру стекломъ, монаховъ выгнать вонъ и никого не пускать туда, — нѣтъ уже людей, достойныхъ ходить среди этой красоты!

Словно сказка, кѣмъ-то мудрымъ и великимъ разсказанная застыла тамъ за рѣкой; прибѣгаютъ издалека волны Днѣпра и радостно плещутъ, видя ее, но не гаснетъ въ удивленномъ пѣніи рѣки тихій голосъ человѣка.

— Какъ сильно было начато, какъ могуче строено!

Какъ старый сонъ, вспоминаю я князя Владимира, Антонія, Ѳеодосія, богатырей русскихъ — и жалко мнѣ чего-то.

Громко и радостно звонятъ многочисленные колокола на томъ берегу, но слышнѣе для меня грустныя думы о жизни.

— Не помнимъ мы никто родства своего. Я, вотъ, пошелъ истинной вѣры поискать, а теперь думаю: гдѣ человѣкъ? Не вижу человѣка. Казаки, крестьяне, чиновники, попы, купцы, — а просто человѣка, не причастнаго къ ежедневнымъ и обыкновеннымъ дѣламъ — не нахожу. Каждый кому-нибудь служитъ, каждому кто-нибудь приказываетъ. Надъ начальникомъ еще начальникъ, и уходитъ все это изъ глазъ въ недостижимую высоту. А тамъ скрытъ Богъ.

Ночь идетъ; посинѣла вода въ рѣкѣ, и кресты на церквахъ потеряли лучи. Человѣкъ бросаетъ въ рѣку камешки, а я уже не вижу круговъ отъ нихъ.

— Въ третьемъ году,—говоритъ онъ,—у насъ въ Маконѣ бунтъ былъ по случаю чумы на скотѣ. Вызваны были драгуны противъ насъ, и христіане убивали христіанъ. Изъ-за скота! Много народу погублено было. Задумался я: какой же вѣры мы, русскіе, если изъ-за воловъ смерти другъ друга предаемъ, когда Богомъ нашимъ сказано: не убій?

Уплываетъ Лавра во тьму, точно въ гору уходитъ, какъ видѣніе. Шаритъ казакъ руками по землѣ вокругъ себя—ищетъ камней, находитъ и мечетъ ихъ въ рѣку. Звенитъ вода.

— Такъ-то, человѣче:—говоритъ казакъ, опустивъ голову.—Господень законъ—духовное млеко, а до насъ доходитъ только сыворотка. Сказано: „чистіи сердцемъ Бога узрятъ"—а развѣ оно, сердце твое, можетъ чисто быть, если ты не своей волей живешь? А коли нѣтъ у тебя свободной воли, стало-быть, нѣтъ и вѣры истинной, а только одна выдумка.

Всталъ онъ, отряхнулся, посмотрѣлъ вокругъ, коренастый такой.

— Не свободны мы для Бога, вотъ что, думаю я!

Приподнялъ картузъ и пошелъ, а я остался, какъ пришитъ къ землѣ. Хочу овладѣть словами казака—не умѣю, а чувствую—есть въ нихъ правда.

Ласкаетъ меня южная темная ночь, а я думаю:

— Неужели только въ тоскѣ красота души человѣческой? Гдѣ тотъ стержень, вокругъ котораго вьется вихрь человѣковъ? Гдѣ смыслъ суеты этой?

Къ зимѣ я всегда старался продвинуться на югъ, гдѣ потеплѣй, а если меня на сѣверѣ снѣгъ и холодъ заставалъ, тогда я ходилъ по монастырямъ. Сначала, конечно, косятся монахи, но покажешь себя въ работѣ—и они станутъ ласковѣе,—имъ пріятно, когда человѣкъ хорошо работаетъ, а денегъ не беретъ. Ноги отдыхаютъ, а руки да голова работаютъ. Вспоминаешь все, что видѣлъ за лѣто, хочешь выжать изъ этого бремени чистую пищу душѣ,—взвѣшиваешь, разбираешь, хочешь понять, что къ чему, и запутаешься, бывало, во всемъ этомъ до слезъ.

Чувствую, пресытился я стонами и скорбью земли, и блекнетъ дерзость духа моего: становлюсь я угрюмъ, молчаливъ, растетъ во мнѣ озлобленіе на все и на всѣхъ. Временами охватывало меня темное уныніе: по недѣлямъ жилъ я, какъ сонный или слѣпой,—ничего не хочется, ничего не вижу. Сталъ думать: а не бросить ли мнѣ это хожденіе, да и жить, какъ всѣ, не загадывая загадокъ себѣ, смирно подчиняясь по мною установленному? День для меня теменъ, какъ и ночь, и

одинокъ я на землѣ, словно мѣсяцъ въ небѣ, а освѣтить ничего не могу. Иной разъ какъ будто отойдешь въ сторону отъ себя и видишь: вотъ стоитъ на распутьи здоровый парень и всѣмъ онъ чужой, ничто ему не нравится, никому онъ не вѣритъ. Зачѣмъ онъ живетъ? Почему онъ отколотъ отъ міра?

И охладѣла душа...

Заходилъ я также въ женскіе монастыри—на недѣлю, на двѣ—и въ одномъ изъ нихъ, на Волгѣ, порубилъ себѣ ногу топоромъ, когда кололъ дрова. Лѣчитъ меня мать Ѳеоктиста, добрая такая старушка; монастырекъ небольшой, но богатый; сестры все такія сытыя, важныя. Злятъ онѣ меня слащавостью своей, паточными улыбочками, жирными зобами.

Стою однажды за всенощной и слышу—клирошанка одна дивно поетъ. Дѣвица высокая, лицо разгорѣлось, глаза черные, строгіе, губы яркія, голосъ большой и смѣлый,—поетъ она, точно спрашиваетъ, и чудится мнѣ въ этомъ голосѣ злая слеза.

Подживала нога у меня, собирался я уходить и уже могъ работать. Вотъ, однажды, чищу дорожки, отгребая снѣгъ, идетъ эта клирошанка, тихо идетъ и—какъ застывшая. Въ правой рукѣ, ко груди прижатой, четки, лѣвая плетью вдоль тѣла повисла: губы закушены, брови нахмурены, лицо блѣдное. Поклонился я ей, дернула головой кверху и взглянула на меня такъ, словно я ей великое зло однажды сдѣлалъ.

Раззадорила она этимъ меня, да и не уважалъ я этихъ молодыхъ монахинь.

— Что,—говорю,—дѣвица, не легко, видно, жить?

Пріостановилась она, вспыхнула.

— Какъ ты сказалъ?—говоритъ.

— Трудно,—молъ,—себя одолѣть?

А она мнѣ на это вдругъ и скажи, тихонько и со злобой:

— У, дьяволъ!

И быстро ушла, черная, какъ обрывокъ тучи въ вѣтреный день.

Объяснить, зачѣмъ я это ей сказалъ, не умѣю: въ ту пору все чаще вспыхивали у меня такія мысли,—вспыхнетъ да и вылетитъ искрой въ глазъ кому-нибудь. Казалось мнѣ, что всѣ люди лгутъ, притворяются.

Черезъ нѣкоторое время на другой дорожкѣ снова вижу ее. И еще больше взяло меня зло: чего она тутъ закуталась въ черное, отъ чего прячется? Поровнялась она со мной, а я и говорю:

— Хочешь бѣжать отсюда?

Вздрогнула дѣвица, голову вскинула, вытянулась вся, какъ стрѣла; я думалъ,—она закричитъ.

Но идетъ мимо, и слышу я неожиданный отвѣтъ:

— Вечеромъ скажу.

Меня оторопь взяла; подумалъ бы, что ослышался, да она хоть и тихо сказала, но какъ въ колоколъ ударила. И хотя смѣшно мнѣ, а смутился я, но потомъ успокоилъ себя, подумавъ, что озорничаетъ эта дерзкая.

Когда я разрубилъ ногу, отвели меня въ гостиницу, положили въ маленькой комнаткѣ подъ лѣстницей, да такъ и остался я въ ней жить.

Вечеромъ того дня лежу я на койкѣ и думаю, что надо мнѣ кончить бродяжью жизнь,—пойду въ какой-нибудь городъ и буду работать въ хлѣбопекарнѣ. О дѣвицѣ не хотѣлось думать.

Вдругъ тихонько стучатъ... Вскочилъ, отперъ—монахиня-старушка кланяется и говоритъ:

— Пожалуйте!

Понялъ—куда; ничего не спрашиваю, иду и трожусь:

— Вотъ какъ? Такъ я жъ тебѣ, милая, душу-то встряхну!

Переходами да коридорами дошли мы до мѣста, открыла старуха дверь, толкнула меня впередъ и шепчетъ:

— Я потомъ провожу...

Вспыхнула спичка, въ темнотѣ освѣтила знакомое лицо, слышу голосъ:

— Заприте дверь.

Заперъ. Нащупалъ печь, прислонился къ ней, спрашиваю:

— Огня—не будетъ?

Хихикнула дѣвица тихонько.

— Какого огня?—говоритъ.

„Ахъ, ты,—думаю,—дрянь!“

И молчу. Дѣвицу едва вижу,—во тьмѣ она, какъ темная туча ночью на облачномъ небѣ.

— Что же вы молчите?—спрашиваетъ она. Голосъ хозяйскій.

„Видно, богатая“,—соображаю, и говорю:

— За вами слово!

— Вы это серьезно говорили, чтобы бѣжать?

Подумалъ я, какъ извительнѣе отвѣтить ей, и, не сразу, спокойно отвѣчаю, подлецъ:

— Нѣтъ,—молъ,—я это благочестіе ваше пыталъ.

Снова она спичку зажгла, вспыхнуло ея лицо, черные глаза смотрятъ дерзко. Жутко немного стало мнѣ. Присмотрѣлся къ темнотѣ, увидалъ, что стоитъ она, высокая и черная, среди комнаты и—странно прямо стоитъ.

— Благочестіе мое,—шепчетъ горячо,—пытать не зачѣмъ, не для этого вы сюда позваны, а коли не понимаете—уходите вонъ...

Грубъ ея шопотъ, и не баловство слышу я въ немъ, а что-то серьезное. Въ стѣнѣ предо мною окно, какъ бы во глубину ночи ходъ прорубленъ,—непріятно видѣть его. Нехорошо мнѣ, чувствую, что въ чемъ-то ошибся, и все больше жутко, даже и ноги дрожатъ у меня. А она говоритъ:

— Бѣжать мнѣ некуда, я сюда дядей насильно отдана... жить здѣсь нѣтъ у меня терпѣнія, удавлюсь...

И замолчала, какъ въ яму сорвалась.

Совсѣмъ потерялся я, а она подвигается все ближе ко мнѣ и дышитъ тяжко.

— Чего же вы хотите?—говорю.

Вотъ она вплоть подошла; рука ея у меня на плечѣ—дрожитъ рука, и я тоже вздрагиваю, гнутся колѣни, и тьма въ горло мнѣ лѣзетъ, душитъ меня.

„Можетъ, кликуша?“—думаю.

А она начала уже всхлипывать и шепчетъ, горячо дышитъ мнѣ въ лицо:

— Родила я сыночка—отняли его у меня, а меня загнали сюда, и не могу я здѣсь быть! Они говорятъ—померъ ребеночекъ мой; дядя-то съ теткой говорятъ, опекуны мои. Можетъ, они убили, подкинули его, ты подумай-ка, добрый ты мой! Мнѣ еще два года во власти у нихъ быть до законнаго возраста, а здѣсь я не могу!

Такъ ее всю сподымя и бьетъ: чувствую я—виноватъ предъ ней, жалко ее, но и боязно, похожа она на полоумную, вѣрю ей и нѣтъ.

А она шепчетъ, захлебываясь:

— Ребеночка хочу... Какъ беременна-то буду, выгонятъ меня! Нужно мнѣ младенца; если первый померъ—другого хочу родить, и ужъ не позволю отнять его, ограбить душу мою! Милости и помощи прошу я, добрый человѣкъ: помоги силой твоей, вороти мнѣ отнятое у меня... Повѣрь, Христа ради,—мать я, а не блудница, не грѣха хочу, а сына; не забавы—рожденія!

Былъ я какъ во снѣ. Повѣрилъ ей,—нельзя не повѣрить, коли женщина такъ встаетъ за право свое, что призываетъ незнакомаго ей и прямо говоритъ:

— Запрещаютъ мнѣ человѣка родить—помоги!

И вспомнилъ я невѣдомую мнѣ мать мою: можетъ, и она вотъ такъ же силой своей женской брошена была во власть отца моего? Обнялъ я ее, говорю:

— Прости меня, скверно я подумалъ о тебѣ... Ради Божьей Матери—прости!

Но когда, въ самозабвеніи оба, совершили мы съ нею святое брачное таинство, снова смутила меня лукавая мысль.

— А какъ обманула она и не съ первымъ со мною это творитъ?

Разсказываетъ она мнѣ жизнь свою: дочь слесаря, дядя у нея помощникъ машиниста, пьяный и суровый человѣкъ. Лѣтомъ онъ на пароходѣ, зимою въ затонѣ, а ей негдѣ жить. Отецъ съ матерью потонули во время пожара на самолетскомъ пароходѣ; тринадцати лѣтъ осталась сиротой, а въ семнадцать родила отъ какого-то барченка. Льется ея тихій голосъ въ душу мнѣ, рука ея теплая на шеѣ у меня, голова на плечѣ моемъ лежитъ; слушаю я, а сердце сосетъ подлый червякъ—сомнѣваюсь.

Забыли мы, что женщина Христа родила и на Голгоѳу покорно проводила Его; забыли, что она мать всѣхъ святыхъ и прекрасныхъ людей прошлаго—и въ подлой жадности нашей потеряли цѣну женщинѣ, обращаемъ ее въ утѣху для себя да въ домашнее животное для работы; оттого она и не родитъ больше спасителей жизни, а только уродцевъ сѣетъ въ ней, плодя слабость нашу.

Разсказываетъ про монастырь, слышу: не одна она насильно въ немъ живетъ. И вдругъ говоритъ, ласкаясь ко мнѣ:

— У меня здѣсь подружка—хорошая дѣвица, чистая, богатой семьи... ой, какъ трудно ей, зналъ бы ты! Вотъ и ей бы тоже забеременѣть; когда ее выгонятъ за это—она бы къ матери крестной ушла.

„Господи!—думаю я.—Вотъ несчастныя...“

И еще разъ хрустнула вѣра моя во всевѣдѣніе Божіе и въ справедливость законовъ,—развѣ можно такъ ставить человѣка ради торжества закона?

А Христина тихонько шепчетъ на ухо мнѣ:

— Кабы ты и съ нею такъ же могъ...

Убила она меня этими словами, хоть ноги ей цѣлуй! Ибо—понимаю я, что такъ можетъ сказать только женщина чистая, цѣну материнства чувствующая. Сознался я въ сомнѣніяхъ своихъ предъ нею; оттолкнула она меня и тихонько заплакала во тьмѣ, а я уже и утѣшать ее не смѣю.

— Думаешь, не стыдно мнѣ было позвать тебя?—говоритъ она, упрекая.—Этакой красивой и здоровой—легко мнѣ у мужчины ласку, какъ милостыню, просить? Почему я подошла къ тебѣ? Вижу, человѣкъ строгій, глаза серьезные, говоритъ мало

и къ молодымъ монахинямъ не лѣзетъ. На вискахъ у тебя волосъ сѣдой. А еще, не знаю почему, показался ты мнѣ добрымъ, хорошимъ. И когда ты мнѣ злобно такъ первое слово сказалъ—плакала я; ошиблась, думаю. А потомъ все-таки рѣшила, Господи, благослови! – и позвала.

— Прости меня,—говорю.

Поцѣловала.

— Богъ проститъ!

Тутъ старушка стучитъ въ дверь, шепчетъ

— Расходитесь, къ заутренѣ ударятъ сейчасъ.

И, когда провожала меня переходами, говоритъ:

— Вы бы дали рубликъ мнѣ!

Едва я не зашибъ ее.

Дёнъ пять прожилъ я съ Христей, а больше невозможно было: стали клирошанки и послушницы сильно приставать, да и хотѣлось мнѣ побыть одному, одумать этотъ случай. Какъ можно запрещать женщинѣ родить дѣтей, если такова воля ея и если дѣти всегда были, есть и будутъ началомъ новой жизни, носителями новыхъ силъ?

Было и еще одно, чего долженъ я былъ избѣжать; показала мнѣ Христя подругу свою: тоненькая дѣвочка, бѣлокурая и голубоглазая, похожа на Ольгу мою. Личико чистое, и съ великой грустью смотритъ она на все. Потянуло меня къ ней, а Христя все уговариваетъ. Для меня же тутъ дѣло иначе стояло: вѣдь Христина не дѣвушка, а Юлія невинна, сталобыть, и мужъ ея долженъ быть таковъ. И не имѣлъ я вѣры въ себя, не зналъ, кто я такой; съ Христей это мнѣ не мѣшало, а съ той — могло помѣшать; почему — не знаю, но могло.

Простился я съ Христей; всплакнула она немного, просила писать ей, хотѣла извѣстить, когда забеременѣетъ, и тайный адресокъ дала. Вскорѣ послѣ разлуки написалъ я ей—отвѣтила хорошимъ письмомъ; еще написалъ—молчитъ. И уже года черезъ полтора, въ Задонькѣ, получилъ я ея письмо—долго оно лежало на почтѣ. Въ томъ письмѣ извѣщала она, что родился у нея ребенокъ, сынъ, Матвѣй, веселъ и здоровъ, и что живетъ она у тетки, а дядя померъ, опился. Теперь, пишетъ, я сама себѣ госпожа, и коли ты придешь—былъ бы принятъ съ радостью. Захотѣлось мнѣ сына увидать и случайную жену мою, но въ то время выходилъ я на вѣрную дорогу и—отказалъ ей: не могу,—молъ,—послѣ приду.

А послѣ она замужъ за торговца книгами и картинами вышла и въ Рыбинскъ уѣхала жить.

Первый разъ въ Христинѣ увидалъ я человѣка, который

не носить страха въ своей душѣ и готовъ бороться за себя всей силой. Но тогда не оцѣнилъ этой черты по великой цѣнѣ ея.

Послѣ случая съ Христиной пробовалъ я работать въ городѣ, да не по недугу оказалось это мнѣ, тѣсно и душно. Народъ мастеровой не нравится наготою души своей и открытой манерой отдавать себя во власть хозяину: каждый всѣмъ своимъ поведеніемъ какъ бы кричитъ:

— На-те, вотъ, жрите тѣло мое, пейте кровь, некуда мнѣ дѣваться на землѣ!

Тоскливо съ ними: поютъ они, ругаются между собою зря, поютъ заунывныя пѣсни, горятъ въ работѣ день и ночь, а хозяева грѣютъ свой жиръ около нихъ. Въ пекарнѣ тѣсно, грязно, спятъ люди, какъ собаки; водка да развратъ—вся радость для нихъ. Заговорю я о неустройствѣ жизни—ничего, слушаютъ, грустятъ, соглашаются; скажу: Бога,—молъ,—надо намъ искать!—вздыхаютъ они, но не прочно пристаютъ къ нимъ мои слова. Иногда вдругъ начнутъ издѣваться надо мной, непонятно, почему. А издѣваются зло.

Городовъ я не любилъ. Жадный шумъ ихъ и эта безшабашная торговля всѣмъ — несносны были мнѣ; обалдѣвшіе отъ суеты люди города—чужды. Кабаковъ—избытокъ, церкви—лишнія, построены горы домовъ, а жить тѣсно; людей много и всѣ—не для себя: каждый привязанъ къ дѣлу и, видимо, всю жизнь бѣгаетъ по одной линіи, какъ песъ на цѣпи.

Во всѣхъ звукахъ — утомленіе слышу; даже звонъ колокольный безнадежно звучитъ, и всей душой моей чувствую я—не такъ все сдѣлано, не то!

Иной разъ самъ надъ собой смѣюсь: ишь, какой уставщикъ живетъ! Но хоть и смѣшно, да не радостно: вижу я только ошибку во всемъ, недоступна она разуму моему и тѣмъ больше тяготитъ. Иду ко дну.

По ночамъ вспоминаю свою вольную жизнь и особенно четко — ночлеги въ поляхъ.

Въ поляхъ земля кругла, понятна, любезна сердцу. Лежишь, бывало, на ней, какъ на ладони, малъ и простъ, словно ребенокъ, теплымъ сумракомъ одѣтый, звѣзднымъ небомъ покрытъ, и плывешь вмѣстѣ съ ней мимо звѣздъ.

Насыщается усталое тѣло крѣпкимъ дыханіемъ травъ и цвѣтовъ; кажется тебѣ, что ты въ люлькѣ лежишь, и невидимая рука тихо качаетъ ее, усыпляя тебя...

Тѣни плаваютъ, задѣваютъ стебли травъ; шорохъ и шопотъ вокругъ; гдѣ-то сусликъ вылѣзъ изъ норы и тихо свиститъ. Далеко на краю земли кто-то темный встанетъ,—можетъ, ло-

шадь въ ночномъ,—постоитъ и растаетъ въ морѣ теплой тьмы. И снова возникаетъ, уже въ иномъ мѣстѣ, иной формы... Такъ всю ночь безшумно двигаются по полямъ нѣмые сторожа земного сна, ласковыя тѣни лѣтнихъ ночей. Чувствуешь, что около тебя на всемъ кругѣ земномъ притаилась жизнь, отдыхая въ чуткомъ полуснѣ, и совѣстно, что тѣломъ твоимъ ты примялъ траву.

Ночная птица безшумно летитъ, ожилъ, оторвался кусокъ земли и, окрыленъ своимъ желаніемъ, несется исполнить его.

Мыши шуршатъ... Иной разъ по рукѣ у тебя быстро перекатится маленькій мягкій комокъ,—вздрогнешь и еще глубже чувствуешь обиліе живого, и сама земля оживетъ подъ тобой, сочная, близкая, родная тебѣ.

И слышишь, какъ она дышитъ, хочешь догадаться, какой сонъ видится ей и какія силы тайно зрѣютъ въ глубинѣ ея, какъ она завтра взглянетъ на солнце, чѣмъ обрадуетъ его, красавица, любимая имъ.

Словно таешь, прислонясь ко груди ея, и растетъ твое тѣло, питаясь теплымъ и пахучимъ сокомъ милой матери твоей; видишь себя неотрывно, навѣки, земнымъ и благодарно думаешь:

— Родная моя!

Струится отъ земли невидимый потокъ добрыхъ силъ, текутъ по воздуху ручьи пряныхъ запаховъ — земля подобна кадилу въ небесахъ, а ты уголь и ладанъ кадила.

Торопливо горятъ звѣзды, чтобы до восхода солнца показать всю красоту свою: опьяняетъ, ласкаетъ тебя любовь и сонъ, и сквозь душу твою жарко проходитъ свѣтлый лучъ надежды: гдѣ-то есть прекрасный Богъ!

„Ищите и обрящете“ — хорошо это сказано, и не надо забывать этихъ словъ, ибо это слова поистинѣ достойныя разума человѣческаго.

Какъ только заглянула въ городъ весна, ушелъ я, рѣшивъ сходить въ Сибирь,—хвалили мнѣ этотъ край,—а по дорогѣ туда остановилъ меня человѣкъ, на всю жизнь окрылившій душу мою, указавъ мнѣ вѣрный къ Богу путь.

Встрѣтилъ я его на пути изъ Перми въ Верхотурье.

Лежу у опушки лѣсной, костеръ развелъ, воду для чая кипячу. Полдень, жара, воздухъ, смолами древесными напоенный, маслянъ и густъ — дышать тяжело. Даже птицамъ жарко—забились въ глубь лѣса и поютъ тамъ, весело строя жизнь свою. На опушкѣ тихо. Кажется, что скоро растаетъ все подъ солнцемъ и разноцвѣтно истекутъ по землѣ густыми потоками деревья, камни, обомлѣвшее тѣло мое.

Вдругъ съ Пермской стороны идетъ человѣкъ и поетъ высокимъ, дрожащимъ голосомъ. Приподнялъ я голову, слушаю и вижу: странникъ шагаетъ, маленькій, въ бѣломъ подрясникѣ, чайникъ у пояса, за спиною ранецъ изъ телячьей кожи и котелокъ. Идетъ онъ бойко, еще издали киваетъ мнѣ головой, ухмыляется. Самый обыкновенный странникъ, много такихъ, и вредный это народъ: странничество для нихъ сытое ремесло, невѣжды они, невѣгласы, врутъ всегда свирѣпо, пьяницы, и украсть не прочь. Не любилъ я ихъ на всю силу души.

Подошелъ, снялъ скуфейку, тряхнулъ головой, косичка у него смѣшно подпрыгнула—и заболталъ, какъ скворецъ:

— Миръ ти, человѣче! Вотъ такъ жара—на двадцать два градуса жарче, чѣмъ въ аду!

— Давно ли оттуда?—спрашиваю.

— Шестьсотъ лѣтъ прошло!

Голосъ у него бодрый, веселый, головка маленькая, лобъ высокій; лицо, какъ паутиной, тонкими морщинами покрыто; бородка чистая такая, сѣденькая, а каріе глазки, словно у молодого, золотомъ сверкаютъ.

„Вотъ,—думаю,—забавная жулябія!“

А онъ все говоритъ:

— Ну, Уралъ!.. Эка красота! Великъ мастеръ Господь по украшенію земли: лѣса, рѣки, горы хорошо положилъ!

Снимаетъ съ себя дорожный приборъ, вертится живо, козловато; увидалъ, что мой чайникъ вскипѣлъ, сейчасъ снялъ его и спрашиваетъ, какъ старый товарищъ:

— Своего чаю засыпать, али твой будемъ пить?

Я не успѣлъ отвѣтить, а онъ уже рѣшилъ:

— Давай моего попьемъ, — хорошій чай у меня, купчиха одна подарила, дорогой чай!

Усмѣхнулся я:

— А и козловатъ же,—молъ,—ты!

— Это что! — говоритъ.—Меня жарой разморило, а вотъ, погоди, отдохну, такъ я те морщины-то выглажу!

Есть въ немъ что-то, напоминающее Савелку, и хочется мнѣ съ нимъ шутить.

Но, можетъ-быть, уже черезъ пять минутъ, я уже слушалъ, разиня ротъ, его рѣчь, странно-знакомую и неслышанную мной, слушаю — и какъ будто не онъ, а сердце мое радости солнечныхъ дней поетъ.

— Гляди... Это ли не праздникъ и не рай? Торжественно вздымаются горы къ солнцу и восходятъ лѣса на вершины горъ; малая былинка изъ-подъ ногъ твоихъ окрылено воз-

носится къ свѣту жизни, и все поетъ псалмы радости, а ты, человѣкъ, ты - хозяинъ земли, чего угрюмъ сидишь?

— Что за невѣдомая птица?—спрашиваю я себя и говорю ему испытующе:

— А если думы одолѣли нерадостныя?

Указываетъ онъ на землю.

— Это что?

— Земля.

— Нѣтъ! Выше гляди!

— Трава, что ли?

— Еще выше!

— Ну, тѣнь моя!

— Тѣнь тѣла твоего, — говоритъ, — а думы — тѣнь твоей души! Чего боишься?

— Я ничего не боюсь.

— Врешь! Кабы не боялся, были бы думы твои бодры. Печаль рождается страхомъ, а страхъ отъ маловѣрія. Такъ-то! Пей чай!

Наливаетъ чай по кружкамъ и непрерывно говоритъ:

— Будто видѣлъ я тебя уже, а? Ты на Валаамѣ былъ?

— Былъ.

— Когда? Значитъ—не тамъ. А мнѣ показалось, что тамъ видѣлъ я тебя, рыжаго. Примѣтное лицо. Да!.. Это я въ Соловкахъ видѣлъ тебя!

— А въ Соловкахъ не былъ я.

— Не былъ? Напрасно! Древенъ монастырь и великой красоты. Сходи!

— Значитъ, не видалъ ты меня! — говорю, и почему-то обидно мнѣ, что это такъ.

— Эка важность!—восклицаетъ онъ.—Раньше не видалъ—теперь вижу! А тогда, значитъ, былъ другой, но похожъ на тебя. Не все ли равно?

Засмѣялся я.

— Какъ же,—молъ,—все равно?

— А почему нѣтъ?

— Да вѣдь я — это я, а другой — другой!

— А ты его лучше?

— Не знаю.

— И я не знаю!

Смотрю я него, и овладѣваетъ мною нетерпѣніе: хочется, чтобы онъ говорилъ и говорилъ безъ конца. Онъ же, прихлебывая чай, торопливо вспоминаетъ:

— Да, вѣдь тотъ былъ кривой, чѣмъ и смущался весьма. Всѣ эти кривые, хромые, — снаружи и внутри, — самолюбы

неестественные! Я, дескать, кривъ, али тамъ, я-де хромъ, но вы, люди, не смѣйте замѣчать это за мной. Вотъ и этотъ таковъ. Говоритъ онъ мнѣ: „Всѣ люди сволочи: видятъ они, что у меня одинъ глазъ, и говорятъ мнѣ: ты кривой. А потому они — мерзавцы!“. Я ему говорю: ты, миленькій, самъ сволочь и мерзавецъ, коли не дуракъ—выбирай, что̀ слаще! Ты, молъ, пойми: не то важно, какъ люди на тебя смотрятъ, а то, какъ ты самъ видишь ихъ. Оттого мы, другъ, и кривы и слѣпы, что все на людей смотримъ, темнаго въ нихъ ищемъ, да въ чужой тьмѣ и гасимъ свой свѣтъ. А ты своимъ свѣтомъ освѣти чужую тьму — и все тебѣ будетъ пріятно. Не видитъ человѣкъ добра ни въ комъ, кромѣ себя, и потому весь міръ горестная пустыня для него.

Посмѣивается онъ, глядя на меня, а я слушаю его, точно заплутавшійся ночью въ лѣсу дальній благовѣстъ, и боюсь ошибиться—не сова ли кричитъ вдали? Понимаю, что много онъ видѣлъ, многое помирилъ въ себѣ, но, кажется мнѣ, отрицаетъ онъ меня, непонятно шутя надо мною, смѣются его молодые глаза. Послѣ встрѣчи съ Антоніемъ трудно было вѣрить улыбкѣ человѣка.

Спросилъ я его, кто онъ?

— Зовутъ,—говоритъ,—Іегудіилъ, людямъ веселый скоморохъ, а себѣ самому—милый другъ!

— Изъ духовныхъ?

— Былъ попомъ недолго, да разстригли, и въ Суздаль-монастырѣ шесть лѣтъ сидѣлъ! За что, спрашиваешь? А говорилъ я въ церкви народушкѣ проповѣди, онъ же, по простотѣ души, круто понялъ меня. Его за это пороть, меня—судить, тѣмъ дѣло и кончилось. О чемъ проповѣди? Ужъ не помню. Было это давненько, восемнадцать лѣтъ тому назадъ—можно и забыть. Разными мыслями я жилъ, и всѣ онѣ не ко двору приходились.

Смѣется—въ каждой морщинѣ лица его смѣхъ играетъ, а смотритъ онъ вокругъ такъ, словно всѣ горы и лѣса имъ устроены.

Когда посвѣжѣло, пошли мы съ нимъ дальше, и дорогой спрашиваетъ онъ меня:

— А ты—изъ какихъ?

Снова, какъ тогда предъ Антоніемъ, захотѣлось мнѣ поставить всѣ прошлые дни въ рядъ предъ глазами моими и посмотрѣть еще разъ на пестрыя лица ихъ. Говорю я о дѣтствѣ своемъ, о Ларіонѣ и Савельѣ,—хохочетъ старикъ и кричитъ:

— Ахъ, милые люди! Ай, шуты Божіи, а? Это, милый, настоящіе, это—русской земли цвѣты. Ахъ, боголюбы!

Не понимаю я этихъ похвалъ, и странно мнѣ видѣть радость его, а онъ — отъ смѣха даже итти не можетъ; остановится, голову вверхъ закинетъ и звенитъ, покрикиваетъ прямо въ небо, словно у него тамъ добрый другъ живетъ и онъ дѣлится съ нимъ радостью своей.

Ласково говорю:

— Ты нѣсколько похожъ на Савелку.

— Похожъ?—кричитъ. — Это, братъ, весьма хорошо, коли похожъ! Эхъ, милый, кабы нашего брата, живого человѣка, да не извела въ данное время православная церковь—не то бы теперь было въ русской землѣ!

Темна его рѣчь.

Про Титова говорю, а онъ какъ будто видитъ тестя моего, издѣвается надъ нимъ.

— Ишь ты! Видалъ я такихъ, видалъ! Жаденъ клопикъ, глупъ и трусливъ...

А когда выслушалъ мой разсказъ объ Антоніи, задумался немного, потомъ говоритъ:

— Та-акъ! Ѳома. Ну—не всякъ Ѳома отъ большого ума, иной Ѳома просто глупость сама!

И, отмахиваясь отъ шмеля, убѣждаетъ его:

— Пошелъ, пошелъ прочь! Экій неуклюжій—лѣзетъ прямо въ глаза... ну тебя!

Ловлю я его слова внимательно, ничего не пропуская: кажется мнѣ, что всѣ они большой мысли дѣти. Говорю, какъ на исповѣди; только иногда, Бога коснувшись, запнусь: страшновато мнѣ, да и жалко чего-то. Потускнѣлъ за это время ликъ Божій въ душѣ моей, хочу я очистить его отъ копоти дней, но вижу, что стираю до пустого мѣста, и сердце жутко вздрагиваетъ.

А старикъ, кивая головой, ободряетъ:

— Ничего, не бойся! Умолчишь—себѣ солжешь, а не мнѣ. Говори, говори! Своего не жалѣй: изломаешь—новое сдѣлаешь!

На всѣ мои рѣчи откликался онъ чуткимъ эхомъ, и все легче мнѣ съ нимъ.

Застигла насъ ночь.

— Стой!—говоритъ онъ.—Давай мѣсто искать для отдыха.

Нашли пріютъ подъ большимъ камнемъ, оторваннымъ отъ родной горы; кусты на немъ раскинулись, свѣшиваясь внизъ т мнымъ пологомъ, и легли мы въ теплой ихъ тѣни. Костеръ зажгли, чай кипятимъ.

Спрашиваю я:

— Что же ты мнѣ скажешь, отецъ?

Улыбается.

— А что знаю—все скажу! Только ты не ищи въ словахъ моихъ утвержденія: я не учить хочу, а разсказывать. Утверждаютъ тѣ, для кого ходъ жизни опасенъ, ростъ правды вреденъ. Видятъ они, что правда все ярче горитъ—потому все больше людей зажигаютъ пламя ея въ сердцѣ своемъ,—видятъ они это и пугаются! Наскоро схватятъ правды, сколько имъ выгодно, стиснутъ ее въ малый колобокъ и кричатъ на весь міръ: вотъ истина, чистая духовная пища, вотъ — это такъ! и — навѣки незыблемо! И садятся, окаянные, на лицо истины и душатъ ее, за горло взявъ, и мѣшаютъ росту силы ея всячески, враги наши и всего сущаго! А я могу сказать одно: на сей день—это такъ, а какъ будетъ завтра—не вѣдаю! Ибо, видишь ли, въ жизни нѣтъ настоящаго, законнаго хозяина; не пришелъ еще онъ, и неизвѣстно мнѣ, какъ распорядится, когда придетъ: какіе планы утвердитъ, какіе порушитъ и какіе храмы станетъ возводить? Павелъ апостолъ однажды сказалъ: „все содѣйствуетъ ко благу"—многіе утвердились на сихъ словахъ, и всѣ утвердившіеся обезсилѣли, ибо стали на мѣстѣ! Камень сей безсиленъ, почему? — по неподвижности своей, брате! И нельзя говорить человѣку: стой на семъ! но—отсюда иди далѣе!

Первый разъ слышу такую рѣчь, и чуждо мнѣ звучитъ она, — ею отрицаетъ человѣкъ самъ себя, а я ищу самоутвержденія.

— Кто же,—молъ,—этотъ хозяинъ—Господь?

Улыбается старикъ.

— Нѣтъ,—говоритъ,—ближе къ намъ! Не хочется мнѣ назвать его — лучше бы ты самъ догадался. Ибо во Христа прежде и крѣпче всѣхъ тѣ увѣровали, кто до встрѣчи съ Нимъ зналъ уже Его въ сердцѣ своемъ, и это силою ихъ вѣры поднятъ Онъ былъ на высоту божества.

Какъ передъ дверью держитъ онъ меня, а не отворяетъ ее, не называетъ, что за нею спрятано имъ. Растетъ во мнѣ нетерпѣніе и нѣкая досада. Рѣчи старика кажутся темными, и хотя порой сверкаютъ какія-то жуткія искры въ словахъ его, но онѣ только ослѣпляютъ меня, не освѣщая тьму въ душѣ. Ночь—лунная, окружаютъ насъ черныя тѣни, лѣсъ надъ нами молча въ гору идетъ, и надъ вершиною горъ—межъ вѣтвей деревъ — звѣзды блестятъ, точно птицы огненныя. Гдѣ-то близко ручей журчитъ, въ лѣсу изрѣдка филинъ гукаетъ, и надо всѣмъ въ ночи тихо живетъ старикова рѣчь. Чуденъ старикъ! Вотъ снялъ онъ со щеки какую-то букашку, держитъ на ладони и спрашиваетъ ее:

— Ты куда, баловень? Ай? Бѣги-ка въ траву, существо!

Это нравится мнѣ: я тоже букановъ всякихъ очень люблю, и всегда мнѣ занятна ихъ тайная жизнь среди травъ и цвѣтовъ.

Ставлю я разные вопросы старику; хочется мнѣ, чтобъ онъ проще и короче говорилъ, но, замѣчаю, что обходитъ онъ задачи мои, словно прыгая черезъ нихъ. Пріятно мнѣ это живое лицо — ласково гладятъ его красные отсвѣты огня въ кострѣ, и все оно трепещетъ мирной радостью, желанной мнѣ. Завидно: вдвое и болѣе, чѣмъ я, прожилъ этотъ человѣкъ, но душа его, видимо, ясна.

Говорю:

— Одинъ человѣкъ сказалъ мнѣ, что вѣра — выдумка, а ты что̀ скажешь?

— Скажу, — отвѣчаетъ, — что не зналъ человѣкъ, о чемъ говоритъ, ибо вѣра — великое чувство и созидающее! А родится она отъ избытка въ человѣкѣ жизненной силы его; сила эта — огромна суть и всегда тревожитъ юный разумъ человѣческій, побуждая его къ дѣянію. Но связанъ и стѣсненъ человѣкъ въ дѣяніяхъ своихъ, извнѣ препятствуютъ ему всячески,—все хотятъ, чтобы онъ хлѣбъ и желѣзо добывалъ, а не живыя сокровища изъ нѣдръ духа своего. И не привыкъ еще, не умѣетъ онъ пользоваться всѣми своими, пугается мятежей духа своего, создаетъ чудовищъ и боится отраженій нестройной души своей—не понимая сущности ея; поклоняется формамъ вѣры своей — тѣни своей, говорю!

Не скажу, чтобъ въ ту минуту понялъ я его, но почему-то сильно разсердился и думаю:

„Ну, теперь съ этого мѣста я тебя никуда не пущу, доколѣ ты не отвѣтишь мнѣ на коренной вопросъ!“

И строго спрашиваю:

— А почему ты Бога обходишь?

Смотритъ онъ на меня, поднявъ брови, и говоритъ:

— Да я, милый, все время о Немъ толкую! Развѣ ты не чувствуешь?

Сталъ на колѣни и, освѣщенный огнемъ, протянулъ руку мнѣ, говоря тихо и внушительно:

— Кто есть Богъ, творяй чудеса? Отецъ ли нашъ, или же—сынъ духа нашего?

Вздрогнулъ, помню, и оглянулся я, ибо—жутко мнѣ стало: вижу въ старикѣ нѣчто безумное. И эти черныя тѣни лежатъ вокругъ, прислушиваясь; шорохи лѣсные отовсюду ползутъ, заглушая слабый трескъ углей, тихій звонъ ручья. Мнѣ тоже захотѣлось на колѣни стать. Онъ уже громко говоритъ, какъ бы споря:

— Не безсиліемъ людей созданъ Богъ, нѣтъ, но — отъ избытка силъ. И не внѣ насъ живетъ Онъ, брате, но внутри! Извлекли же Его изнутри насъ въ испугѣ предъ вопросами духа и наставили надъ нами, желая умѣрить гордость нашу, всегда несогласную съ ограниченіями волю нашу. Говорю: силу обратили въ слабость, задержавъ насильно ростъ ея! Образы совершенства—поспѣшно дѣлаются; это—вредъ намъ и горе. Но люди дѣлятся на два племени: одни—вѣчные богостроители, другіе—навсегда рабы плѣннаго стремленія ко власти надъ первыми и надо всей землей. Захватили они эту власть и ею утверждаютъ бытіе Бога внѣ человѣка, Бога—врага людей, судію и господина земли. Исказили они лицо души Христа, отвергли Его заповѣди, ибо Христосъ живой—противъ ихъ, противъ власти человѣка надъ ближнимъ своимъ!

Говоритъ онъ—и словно больной зубъ въ душѣ моей пошатываетъ, хочетъ выдернуть, больно мнѣ и хочется кричать:

— Не то!

А у него—лицо праздничное, и весь онъ пьянъ и буенъ радостью; вижу я безуміе рѣчи его, но любуюсь старикомъ сквозь боль и тоску души, жадно слушаю рѣчь его:

— Но живы и безсмертны богостроители; нынѣ они снова тайно и усердно творятъ Бога новаго, того именно, о которомъ ты мыслишь—Бога красоты и разума, справедливости и любви!

Потрясаетъ онъ меня рѣчью своей, поднимаетъ на ноги и какъ бы оружіе въ руки даетъ, трепещетъ вокругъ меня легкая тѣнь, задѣвая крыльями лицо мое—страшно мнѣ, кружится земля подо мной, и думаю я:

„А если вѣрно, что дьяволъ искушаетъ людей прелестными рѣчами и это его хитрыя петли плететъ старикъ, дабы запутать меня въ сѣть величайшаго грѣха?“

— Слушай,—говорю,—кто—богостроители. Кто—хозяинъ, коего ждешь?

Засмѣялся онъ ласково, какъ женщина, и отвѣтилъ.

— Богостроитель — это суть — народушка! Неисчислимый міровой народъ! Великомученикъ велій, чѣмъ всѣ, церковью прославленные—сей бо еси Богъ, творяй чудеса! Народушка безсмертный, его же духу вѣрую, его силу исповѣдаю; онъ есть начало жизни единое и несомнѣнное; онъ отецъ всѣхъ боговъ бывшихъ и будущихъ!

„Безуменъ старикъ“,—думаю я.

До сей поры казалось мнѣ, что, хотя и медленно, но иду я въ гору; не однажды слова его касались души моей огненнымъ перстомъ, и чувствовалъ я жгучіе, но цѣлебные ожоги

и уколы, а теперь вдругъ отяжелѣло сердце, и остановился я на пути, горько удивленный. Горятъ въ груди моей разные огни—тоскливо мнѣ и непонятно радостно, боюсь обмана и смущенъ.

— Неужели ты,- спрашиваю,—про мужиковъ говоришь?

Онъ громко и съ важностью отвѣчаетъ:

— Да, про весь рабочій народъ земли, про всю ея силу, единственный и вѣчный источникъ боготворчества! Вотъ просыпается воля народа, соединяется великое, насильно разобщенное, уже многіе ищутъ возможности, какъ слить всѣ силы земныя въ единую, изъ нея же образуется свѣтелъ и прекрасенъ всеобъемлющій Богъ земли!

Говоритъ онъ такъ громко, словно не одинъ я,—но и горы, и лѣса, и все живое, бодрствующее въ ночи, должно слышать его: говоритъ и трепещетъ, какъ птица, готовая улетѣть, а мнѣ кажется, что все это—сонъ, и сонъ этотъ унижаетъ меня.

Вызываю въ памяти моей образъ Бога моего, ставлю предъ Его лицомъ темные ряды робкихъ, растерянныхъ людей—эти Бога творятъ? Вспоминаю мелкую злобу ихъ, трусливую жадность, тѣла, согбенныя униженіемъ и трудомъ, тусклые отъ печалей глаза, духовное косноязычіе и нѣмоту мысли и всяческія суевѣрія ихъ—они, эти насѣкомыя, могутъ Бога новаго создать?

Гнѣвъ и горькій смѣхъ возникаетъ въ сердцѣ моемъ. Понимаю, что старикъ нѣчто уже отнялъ у меня. И говорю ему:

— Эхъ, отецъ! Наблудилъ ты въ душѣ у меня, словно козелъ въ огородѣ, вотъ и вся суть твоихъ рѣчей! Но неужели со всѣми рѣшаешься ты такъ говорить? Великій это грѣхъ, по-моему, и нѣтъ въ тебѣ жалости къ людямъ! Вѣдь утѣшеній, а не сомнѣній ищутъ они, а ты сомнѣнія сѣешь!

Онъ улыбается.

— Быть,—говоритъ,—тебѣ на пути моемъ!

Обидна мнѣ эта улыбка.

— Врешь!—молъ.—Никогда не поставлю человѣка рядомъ съ Богомъ!

— И не надо,—говоритъ,—и не ставь, а то господина поставишь надъ собой! Я тебѣ не о человѣкѣ говорю, а о всей силѣ духа земли, о народѣ!

Разозлился я; противенъ мнѣ сталъ боготворецъ въ лаптяхъ, вшивый весь, всегда пьяный, битый и поротый.

— Ну, молчи!—говорю.—Старый богохульникъ и безумецъ ты! Что такое—народъ? Грязенъ тѣломъ и мыслями, нищъ умомъ и хлѣбомъ, за копейку душу продастъ...

Тутъ случилось удивительное. Вскочилъ онъ на ноги и закричалъ:

— Цыцъ!

Руками машетъ, ногами топаетъ, того гляди въ лицо инетъ меня. Когда было въ немъ пророческое—стоялъ онъ дальше отъ меня, появилось смѣшное — и снова приблизился ко мнѣ человѣкъ.

— Цыцъ!—кричитъ,—мышь амбарная! И впрямь, видно, есть въ тебѣ гнилая эта барская кровь. Подкидышъ ты народный! Понимаешь ли—о комъ говоришь? Вотъ вы всѣ такъ, гордіоны, дармоѣды и грабители земли, не знаете, на кого лаете, паршивые псы! Обожрали, ограбили людей, сѣли на нихъ верхомъ, да и ругаете: не прыгко васъ везутъ!

Прыгаетъ онъ надо мной, падаетъ тѣнь его на меня, холодно хлещетъ по лицу, и я отодвигаюсь удивленно, боюсь—ударитъ онъ меня. Ростомъ я вдвое выше его, силы—на десятокъ такихъ, а остановить человѣка—нѣтъ у меня воли. Видимо, забылъ онъ, что ночь кругомъ и пусто вездѣ, и что если я ушибу его,—останется онъ на этомъ мѣстѣ лежать до могилы. Вспоминаю я, какъ ругалъ меня когда-то испуганный зеленый протопопъ, дикій Михаилъ и другіе люди старой вѣры. Вотъ и этотъ ругается, но другимъ огнемъ горитъ его гнѣвъ. Тѣ были сильнѣе меня, но въ словахъ ихъ я слышалъ одно, этотъ же слабъ, а безстрашенъ. И кричитъ на меня, какъ ребенокъ и словно мать: страшно-ласковъ его гнѣвъ, подобный первому грому весны. Смущенъ я непонятной храбростью старика, и хотя забавенъ гнѣвъ его, а неловко мнѣ, что я такъ разозлилъ человѣка. Обидно ругается—не любилъ я, когда меня подкидышемъ звали, но—пріятенъ мнѣ гнѣвъ его, ибо, понимаю,—гнѣвается искренно вѣрующій въ правду свою, и такой гнѣвъ хорошо падаетъ на душу—много въ немъ любви, сладкой пищи сердца.

Ворочаюсь я подъ ногами у него, а онъ кричитъ сверху:

— Что̀ ты знаешь о народѣ? Ты,—слѣпой дуракъ, исторію знаешь? Ты вотъ почитай-ка это житіе, иже—выше всѣхъ!—во святыхъ отца нашего великомученика-народа! Тогда, можетъ, на счастіе свое, поймешь, кто предъ тобой, какая сила растетъ вокругъ тебя, безпріютнаго нищаго на чужой землѣ! Знаешь ты, что̀ такое Русь? И что̀ есть Греція, сирѣчь Эллада, а также—Римъ? Знаешь, чьею волею и духомъ всѣ государства строились? На чьихъ костяхъ храмы стоятъ? Чьимъ языкомъ говорятъ всѣ мудрецы? Все, что̀ есть на землѣ и въ памяти твоей, все народомъ создано, а бѣлая эта кость только шлифовала работу его...

Я молчу. Мнѣ пріятно видѣть человѣка, который не боится защищать правду свою.

Сѣлъ онъ, запыхался, потный и красный весь, и вижу я — слезы на глазахъ его. Поражаетъ это меня: ибо, когда я обижалъ тѣхъ, прежнихъ учителей моихъ,—они не показывали мнѣ слезъ. Кричитъ онъ:

— Слушай, бродяга, я тебѣ буду о русскомъ народѣ говорить!

— Ты,—молъ,—отдохнулъ бы...

— Молчи!—говоритъ, грозя мнѣ рукой.—Молчи, а то я тебя побью!

Захохоталъ я, не могъ удержаться.

— Дѣдъ, милый! Невыразимо ты чуденъ! Прости, Христа ради, коли обидѣлъ я тебя!

— Глупый, чѣмъ тебѣ меня обидѣть? Но ты о великомъ народѣ нехорошо сказалъ, несчастная душа... Барамъ допустимо народъ поносить, имъ надо совѣсть погасить, они—чужіе на землѣ, а ты—кто?

Хорошо было смотрѣть на него въ тотъ часъ,—сталъ онъ важенъ и даже суровъ, голосъ его осѣлъ, углубился, говоритъ онъ плавно и пѣвуче, точно Апостолъ читаетъ, лицо къ небу обратилъ, и глаза у него округлились. Стоитъ онъ на колѣняхъ, но ростомъ словно больше сталъ. Началъ я слушать рѣчь его съ улыбкой и недовѣріемъ, но вскорѣ вспомнилъ книгу Антонія—русскую исторію—и какъ бы снова раскрылась она предо мной. Онъ мнѣ свою сказку чудесную поетъ, а я за этой сказкой по книгѣ слѣжу—все идетъ вѣрно, только смыслъ другой.

Дошелъ онъ до распада Кіевской Руси, спрашиваетъ:

— Слышалъ?

— Спасибо,—говорю.

— Ну, такъ знай теперь: такихъ богатырей не было, это народъ свои подвиги въ лицахъ воплощалъ, такъ запоминалъ онъ великую работу построенія русской земли!

И продолжаетъ о Суздальской землѣ.

Помню, гдѣ-то за горою уже солнце всходило; ночь прилась въ лѣсахъ и будила птицъ; розовыми стаями облака надъ нами, а мы прижались у камня на росистой травѣ, и одинъ воскрешаетъ старину, а другой удивленно исчисляетъ несчетные труды людей и не вѣритъ сказкѣ о завоеваніи враждебной лѣсной земли.

Старикъ будто самъ все видѣлъ: стучатъ тяжелые топоры въ крѣпкихъ рукахъ, сушатъ люди болота, возводятъ города, монастыри, идутъ все дальше по теченіямъ холодныхъ рѣкъ

во глубины густыхъ лѣсовъ, одолѣваютъ дикую землю, становится она благообразна. А князья, владыки народа, рѣжутъ, крошатъ ее на малые куски, дерутся другъ съ другомъ кулаками народа и грабятъ его. И вотъ со степи татары подошли, но не нашлось въ князьяхъ воителей за свободу народную, не нашлось ни чести, ни силы, ни ума; предали они народъ Ордѣ, торговали имъ съ ханами, какъ скотомъ, покупая за мужичью кровь княжью власть надъ нимъ же, мужикомъ. А потомъ, какъ научились у татаръ царствовать, начали и другъ друга ханамъ на зарѣзъ посылать.

Ночь вокругъ ласкова, какъ умная старшая наша сестра.

Отъ усталости осѣкается голосъ у старика, уже солнце видитъ его, а онъ все ходитъ въ прошлыхъ быляхъ, освѣщая мнѣ истину пламенными словами.

— Видишь ли,—спрашиваетъ,—что̀ сдѣлано народомъ и какъ измывались надъ нимъ до поры, пока ты не явился обругать его глупыми словами? Это я сказывалъ больше о томъ, что̀ онъ по чужой волѣ дѣлалъ, а отдохну—разскажу, чѣмъ душа его жила, какъ онъ Бога искалъ!

Свернулся въ комокъ и заснулъ, какъ малое дитя.

А я—спать не могу и сижу, какъ угольями обложенъ. Да и утро уже—солнце высоко, распѣлась птица на всѣ голоса, умылся лѣсъ росой и шумитъ, ласково зеленый, ввстрѣчу дню.

По дорогѣ люди пошли—люди самые ежедневные; идутъ, опустя головы, новаго я въ нихъ не вижу ничего, никакъ они не выросли въ моихъ глазахъ.

Спитъ мой учитель, похрапываетъ, я—около его замеръ въ думѣ моей; люди проходятъ одинъ за другимъ, искоса взглянутъ на насъ—и головой не кивнутъ въ отвѣтъ на поклонъ.

„Неужто, — думаю, — это дѣти тѣхъ праведниковъ, строителей земли, о которыхъ я слышалъ сейчасъ?“

Спутались въ усталой головѣ сонъ и явь, понимаю я, что эта встрѣча—роковой для меня поворотъ. Стариковы слова о Богѣ, сынѣ духа народнаго, безпокоятъ меня, не могу помириться съ ними, не зная духа иного, кромѣ живущаго во мнѣ. И обыскиваю въ памяти моей всѣхъ мужиковъ, всѣхъ людей, кого зналъ; ошариваю ихъ, вспоминая рѣчи ихъ: поговорокъ много, а мыслями бѣдно. А съ другой стороны вижу темную каторгу жизни, неизбывный трудъ хлѣба ради, голодныя зимы, безысходную тоску пустыхъ дней и всякое униженіе человѣка, оплеваніе его души.

— Гдѣ Богъ въ этой жизни, гдѣ Ему мѣсто въ ней?

Спитъ старикъ. Хочется мнѣ тряхнуть его, закричать:

— Говори!

Скоро онъ самъ проснулся, щуритъ глаза, улыбается.

— Эге,—говоритъ,—солнце-то къ полудню идетъ! Надо бы и мнѣ итти!

— Куда,—молъ,—по жарѣ такой? Хлѣбъ, чай, сахаръ есть у насъ. Да и не могу я отпустить тебя—отдай обѣщанное!

Смѣется:

— Я отъ тебя, злыдень, самъ не отстану!

Потомъ задумчиво говоритъ:

— Ты, Матвѣй, брось-ка шляться; это и поздно и рано тебѣ! Учиться надо; вотъ это - въ пору!

— А не поздно?

— Гляди на меня,—говоритъ,—пятьдесятъ три года имѣю, а у ребятъ грамотѣ учусь и по сей день!

— У какихъ это ребятъ?—спрашиваю.

— Есть такіе! Вотъ бы тебѣ съ ними и пожить годокъ-другой. Иди-ка ты на заводъ одинъ, недалеко, верстъ за сто отсюда, тамъ у меня есть добрые дружки!

— Ты,—молъ,—сначала разскажи-ка, что хотѣлъ, а потомъ я подумаю, куда итти.

Шагаемъ мы съ нимъ по тропѣ вдоль дороги, и снова я слышу звонкій голосъ его, странныя слова:

— Христосъ, первый истинно-народный Богъ, возникъ изъ духа народа, яко птица фениксъ изъ пламени.

И тотчасъ же самъ вспыхнулъ весь, помахиваетъ маленькой рукою предъ лицомъ своимъ, точно ловитъ въ воздухѣ новыя слова, и поетъ:

— Долго поднималъ народъ на плечахъ своихъ отдѣльныхъ людей, безсчетно давалъ имъ трудъ свой и волю свою, возвышалъ ихъ надъ собою и покорно ждалъ, что увидятъ они съ высотъ земныхъ пути справедливости. Но избранники народа, восходя на вершины доступнаго, пьянѣли и, развращаясь видомъ власти своей, оставались на верхахъ, забывали о томъ, кто ихъ возвелъ, становясь не радостнымъ облегченіемъ, но тяжкимъ гнетомъ земли. Когда видѣлъ народъ, что дѣти, вспоенныя кровью его,—враги ему, терялъ онъ вѣру въ нихъ, то-есть не питалъ ихъ волею своею, оставлялъ владыкъ одинокими, и падали они, разрушалось величіе и сила ихъ царствъ. Понялъ народъ, что законъ жизни не въ томъ, чтобы возвысить одного изъ семьи и, питая его волею своей,—его разумомъ жить, но въ томъ истинный законъ, чтобы всѣмъ подняться къ высотѣ, каждому своими глазами осмотрѣть пути жизни,—день сознанія народомъ необходимости равенства людей и былъ днемъ Рождества Христова! Многіе народы разно пытались воплотить свои мечты о спра-

ведливости въ живое лицо, создать Господа, для всѣхъ равнаго, и не однажды отдѣльные люди, подчиняясь напору этой мысли народной, старались оковать ее крѣпкими словами, дабы жила она вѣчно. И когда всѣ эти мысли были сплочены—возникъ изъ нихъ живой Богъ, любезное дитя народа—Іисусъ Христосъ!

То, что онъ говорилъ о Христѣ, юномъ Богѣ, было близко мнѣ, но народа, Христа рождающаго,—не могу понять.

Говорю это ему, а онъ отвѣчаетъ:

— Хочешь знать—поймешь, хочешь вѣрить—будешь знать!

Трое сутокъ шагали мы съ нимъ, не торопясь, и все время поучалъ онъ меня, показывая прошлое.

Разсказалъ всю исторію жизни народа вплоть до того дня; говорилъ о смутномъ времени и о томъ, какъ церковь воздвигнула гоненія на скомороховъ, веселыхъ людей, которые будили память народа и шутками своими сѣяли правду въ немъ.

— Понимаешь,—говоритъ,—кто Савелка твой?

— Вижу,—молъ.

— То-то! Помни: маленькое отъ великаго, а великое сложено изъ малыхъ частей!

Дошли мы до Стефана Верхотурскаго, сказалъ мнѣ старикъ:

— Отсюда я—въ сторону, а тебѣ со мной нѣтъ пути.

Не хочется отходить отъ него, а вижу—надо, ибо—одолѣваютъ меня мысли его, разбудилъ онъ меня до глубины и какъ плугомъ вспахалъ душу мнѣ.

— Что задумался?—спрашиваетъ.—Иди-ка на заводъ, да работай тамъ и съ дружками моими толкуй; не проиграешь, повѣрь! Народъ — ясный, вотъ я у нихъ учился, и, видишь, не глупъ, а?

Написалъ какую-то записку, сунулъ мнѣ.

— Ей-ей, иди туда! Не худа желаю тебѣ, увидишь! Народъ новорожденный и живой! Не вѣришь?

— Много,—молъ,—видятъ небольшіе глаза, да есть ли то, что имъ кажется?

— Ты,—кричитъ,—всѣмъ составомъ гляди! Сердцемъ, духомъ! Развѣ я тебѣ говорю: вѣрь? Я говорю—учись, узнавай!

Поцѣловались мы, и пошелъ онъ. Легко идетъ, точно двадцать лѣтъ ему и впереди ждутъ однѣ радости. Скучно мнѣ стало глядѣть вслѣдъ этой птицѣ, улетающей отъ меня неизвѣстно куда, чтобы снова пѣть тамъ свою пѣснь. Въ головѣ у меня—неладно, возятся тамъ мысли, какъ хохлы раннимъ утромъ на ярмаркѣ: сонно, неуклюже, медленно и ни-

какъ не могутъ разложиться въ порядкѣ. Все странно спуталось: у моей мысли чужой конецъ, у чужой—мое начало. И досадно мнѣ и смѣшно—весь я точно измятъ внутри.

Еще какъ вышелъ я изъ Верхотурья и спросилъ, куда дорога, мнѣ отвѣтили:

— На Исетскій заводъ.

Туда и посылалъ меня старикъ, а потому я сейчасъ же свернулъ въ сторону. Не хочу туда.

Хожу по деревнямъ, посматриваю. Угрюмъ и дерзокъ народъ, не хочется ни съ кѣмъ говорить. Смотрятъ всѣ подозрительно, видимо опасаются, не укралъ бы чего.

„Богостроители",—думаю я, поглядывая на корявыхъ мужичковъ. Спрошу: куда дорога?

— На Исетскій заводъ.

„Что тутъ—всѣ дороги на этотъ заводъ?"—думаю и кружусь по деревнямъ, по лѣсамъ, ползаю, словно жукъ въ травѣ, вижу издали эти заводы. Дымятъ они, но не манятъ меня. Кажется, что потерялъ я половину себя и не могу понять, чего хочу. Плохо мнѣ. Сѣрая лѣнивая досада колеблется въ душѣ, искрами вспыхиваетъ злой смѣшокъ, и хочется мнѣ обижать всѣхъ людей и себя самого.

И вдругъ незамѣтно для себя рѣшилъ: пойду на заводъ, чортъ съ нимъ.

Вотъ пришелъ я въ нѣкій грязный адъ: въ лощинѣ, между горъ, покрытыхъ изрубленнымъ лѣсомъ, припали на землѣ корпуса; надъ крышами у нихъ пламя кверху рвется, высунулись въ небо длинныя трубы, отовсюду сочится паръ и дымъ, земля сажей испачкана, молотъ гулко ухаетъ; грохотъ, визгъ и дикій скрипъ сотрясаютъ дымный воздухъ. Всюду желѣзо, дрова, кирпичъ, дымъ, паръ и вонь, и въ этой лминѣ, полной всякой тяжкой всячины, мелькаютъ люди, черные, какъ головни.

„Спасибо, старичокъ!—думаю.—Направилъ ты меня хорошо!"

Черный разъ близко вижу заводъ, глохну съ непривычки, и дышать тяжело.

Хожу по улицамъ, ищу слесаря Петра Ягихъ. Кого ни спрошу—огрызаются, точно утромъ всѣ передрались между собой и еще не успѣли успокоиться.

Восклицаю про себя:

— Богостроители!

Идетъ навстрѣчу мужчина, подобный медвѣдю, и чумазый весь съ ногъ до головы; блеститъ на солнцѣ жирной грязью своей одежды,—спрашиваю, не знаетъ ли онъ слесаря Петра Ягихъ?

— Чего?

— Петръ Ягихъ.

— На что?

— Нужно.

— Это вотъ я!

— Здравствуйте!

— Ну, здравствуй! А еще что?

— Записка вамъ.

Мужчина ростомъ выше меня, широкобородый, плечистый, ржелый, лицо—въ сажѣ, маленькіе сѣрые глазки едва видны въ-подъ густыхъ бровей, шапка на затылкѣ, волосы гладко стрижены. Похожъ и непохожъ на мужика.

Читаетъ, видимо, съ трудомъ, лицо у него все сморщиось, усы дрожатъ. И вдругъ—растаяло лицо, блеснули бѣые зубы, открылись добрые дѣтскіе глаза, кожа на щекахъ оснится.

— Ага, — кричитъ, — живъ онъ, Божій пѣтушокъ! Добро. ди, малый, въ конецъ улицы, свороти налѣво къ лѣсу, подъ рой домъ съ зелеными ставнями, спроси учителя, зовутъ— ихайла, мой племяшъ. Покажи ему записку; я скоро приду, йда!

Говоритъ, какъ солдатъ на трубѣ сигналъ играетъ, скалъ, махнулъ рукой и пошелъ прочь.

„На первый разъ,—думаю я,—и это забавно!“

Дома встрѣтилъ меня угловатый парень въ ситцевой рубахѣ и фартукѣ, рукава засучены, руки — бѣлыя и тонкія. рочитавъ записку, спрашиваетъ:

— Какъ здоровъ отецъ Іона?

— Слава Богу.

— Не обѣщалъ ли къ намъ зайти?

— Не говорилъ. А развѣ его Іоной зовутъ.

Парень подозрительно взглянулъ на меня, еще разъ прочиталъ записку.

— А какъ же?—говоритъ.

— Онъ себя Іегудіиломъ назвалъ.

Улыбается парень.

— Это—прозвище, это я его такъ зову.

„Ишь ты“,—думаю.

Волосы у него прямые, длинные, какъ у дьякона, лицо лѣдное, глаза водянисто-голубые, и весь онъ какой-то нелѣшній, видно, не этого грязнаго куска земли. Ходитъ по омнатѣ и мѣряетъ меня глазами, какъ сукно; мнѣ это не равится.

— Вы,—говоритъ,—давно знаете Іону?

— Четверо сутокъ.

— Четверо сутокъ?—повторяетъ онъ.—Это хорошо.

— Почему хорошо?—спрашиваю.

— Такъ ужъ!—говоритъ, пожимая плечами.

— А почему вы въ фартукѣ?

— Книги,—говоритъ,—переплеталъ! Скоро дядя придетъ, будемъ ужинать; можетъ-быть, вы съ дороги помоетесь?

Хочется мнѣ дерзить ему, — больно онъ солиденъ, не по лѣтамъ это.

— Развѣ,—молъ,—здѣсь умываются?

Поднялъ брови.

— А какъ же?

— Не видалъ я умытыхъ-то!—говорю.

Онъ прищурилъ глаза, поглядѣлъ на меня и, спокойно такъ, говоритъ:

— Здѣсь люди не бездѣльничаютъ, а работаютъ; часто умываться времени нѣтъ.

Вижу, налетѣлъ я съ ковшомъ на брагу, хочу ему отвѣтить, а онъ повернулся и ушелъ. Сижу я въ дуракахъ, смотрю. Комната — большая, чистая, въ углу столъ для ужина накрытъ, на стѣнахъ—полки съ книгами, книги—свѣтскія, не есть Библія, Евангеліе и старый славянскій Псалтырь. Вышелъ на дворъ, моюсь,—дядя идетъ, картузъ еще больше на затылкѣ, руками махаетъ и голову держитъ впередъ, какъ быкъ.

— Ну-ка, я помоюсь,—говоритъ,—плесни-ка мнѣ воды!

Голосище—труба, пригоршни—съ добрую чашку для щей. Смылъ онъ нѣсколько сажи — оказалось подъ нею скуласто-мѣдно-красное лицо.

Сѣли ужинать, ѣдятъ, разговаривая о своихъ дѣлахъ, не спрашивая, ни кто я такой, ни зачѣмъ пришелъ. Но угощаютъ меня заботливо, смотрятъ ласково.

Много въ нихъ чего-то солиднаго, видно, что земля подъ ними твердо стоитъ. А мнѣ хочется, чтобы вздрогнула,—чѣмъ они лучше меня?

— Вы—раскольники, что ли?—спрашиваю.

— Мы?—говоритъ дядя.—Нѣтъ.

— Значитъ—православные?

Племянникъ нахмурилъ брови, а дядя повелъ плечами, усмѣхается.

— Можетъ, надо намъ, Михайла, паспорта наши показать ему?

Понимаю, что глупо себя держу, а перестать—не хочется.

— Я,—молъ,—не паспорта ваши, а мысли видѣть пришелъ

Дядя оретъ:

— Мысли? Сейчасъ, ваше превосходительство! Мысли,— тройся!

И хохочетъ, какъ три добрыхъ жеребца.

А Михайла, заваривая чай, спокойно разсуждаетъ:

— Я такъ и понимаю вашъ приходъ. Вы не первый къ амъ Іоной посланы; онъ людей знаетъ и пустого человѣка е пришлетъ.

А дядя толкнулъ меня въ лобъ ладонью и все оретъ:

— Гляди веселѣй! Да не ходи съ козырей—проиграешься! Видимо, считаютъ они себя людьми зажиточной души, а я ія нихъ подобенъ нищему,—и вотъ, не торопясь, готовятся апоить отъ мудрости своей жаждущую душу мою. Ссориться, юрить съ ними хочу, а къ чему привязаться—не умѣю, не ижу, и это еще больше разжигаетъ меня. Спрашиваю зря:

— Что̀ такое—пустой человѣкъ?

Дядя отвѣчаетъ:

— А котораго всѣмъ, чѣмъ хочешь, набить можно!

Вдругъ Михайла тихонько подвинулся ко мнѣ и мягкимъ лосомъ освѣдомляется:

— Вы въ Бога вѣруете?

— Вѣрую.

Но сконфузился я послѣ отвѣта своего: не то! Развѣ я— рую?

Михайла снова спрашиваетъ:

— А людей—уважаете?

— Нѣтъ,—отвѣчаю.

— Развѣ,—говоритъ,—не кажется вамъ, что они созданы образу и подобію Бога?

Дядя, чортъ его возьми, ухмыляется, какъ мѣдный тазъ на ницѣ.

„Нѣтъ, — думаю, — съ этими надо бороться искренностью; звалюсь передъ ними весь на куски, пусть-ка склады- отъ!“

И говорю:

— Глядя на людей, усомнился я въ силѣ Господа...

Снова не то: усомнился я въ Богѣ раньше, чѣмъ увидалъ дей. Михайла, округливъ глаза, задумчиво смотритъ мнѣ лицо, а дядя тяжело шагаетъ по комнатѣ, гладитъ бо- у и тихонько мычитъ. Нехорошо мнѣ предъ ними, что нижаю себя ложью. Въ душѣ у меня странная прозрач- ть, безтолково и тревожно, какъ испуганный рой пчелъ, жатся мысли, и сталъ я раздраженно изгонять ихъ—хочу стошить себя. Долго говорилъ, не заботясь о связности

рѣчи, и, пожалуй, нарочно путалъ ее; коли они умники, должны все разобрать. Усталъ и задорно спрашиваю:

— Чѣмъ же и какъ полѣчите вы больную душу?

Михайла, тихо и не глядя на меня, говоритъ:

— Не считаю я васъ больнымъ...

Дядя опять хохочетъ—гремитъ, словно чортъ съ полат свалился.

— Болѣзнь,—продолжаетъ Михайла,—это когда человѣ не чувствуетъ себя, а знаетъ только свою боль, да ею и ж ветъ! Но вы, какъ видно, себя не потеряли: вотъ вы ищ радостей жизни,—это доступно только здоровому.

— А отчего же у меня душа такъ поетъ?

— Оттого,—говоритъ,—что вамъ это пріятно!

Я даже зубами скрипнулъ,—невыносимо для меня его сп койствіе.

— Навѣрно,—молъ,—знаете, что пріятно?

Смотритъ онъ прямо въ глаза и не торопясь заколач ваетъ гвозди въ грудь мою.

— Какъ искренній человѣкъ, вы,—говоритъ,—должны з знаться,что эта боль вашей души необходима вамъ,—она ва ставитъ выше людей; вы и бережете ее, какъ нѣкоторое отл чіе ваше отъ другихъ; не такъ ли?

Постное лицо его высохло, вытянулось, глаза потемнѣ гладитъ онъ щеку свою рукой и чиститъ меня, какъ мѣ пескомъ.

— Видимо, боитесь вы смѣшать себя съ людьми и потому, можетъ-быть, безотчетно,—думаете: хоть болячки, да мои! такихъ болячекъ—ни у кого нѣтъ, кромѣ меня!

Хочу возражать ему, но не нахожу словъ. Моложе онъ ме и слабѣе, не вѣрится мнѣ, что я глупѣй его. Дядя гогоче какъ попъ въ банѣ на полкѣ.

— Но это васъ отъ людей не отличаетъ, вы ошибаетесь, говоритъ Михайла.—Всѣ такъ думаютъ. Оттого и безсилы оттого и уродлива жизнь. Каждый старается отойти отъ жиз вбокъ, выкопать въ землѣ свою норку и изъ нея одино разсматривать міръ; изъ норы жизнь кажется низкой, ничто ной; видѣть ее такою—выгодно уединенному! Это я гово про тѣхъ людей, которые почему-нибудь не въ силахъ сѣ верхомъ на ближняго и подъѣхать на спинѣ его туда, г вкуснѣе кормятъ.

Злятъ меня его рѣчи и обиды онѣ.

— Началась,—говоритъ,—эта дрянная и недостойная р зума человѣческаго жизнь съ того дня, какъ первая чело ческая личность оторвалась отъ чудотворной силы наро

отъ массы, матери своей, и сжалась со страха передъ одиночествомъ и безсиліемъ своимъ въ ничтожный и злой комокъ мелкихъ желаній, комокъ, который нареченъ былъ—„я“. Вотъ это самое „я“ и есть злѣйшій врагъ человѣка! На дѣло самозащиты своей и утвержденія своего среди земли оно безполезно убило всѣ силы духа, всѣ великія способности къ созданію духовныхъ благъ.

Кажется мнѣ, слышу я рѣчь уже знакомую и слова, которыхъ давно и тайно ждалъ.

- Нищее духомъ, оно безсильно въ творчествѣ. Глухо оно къ жизни, слѣпо и нѣмотно, цѣль его — самозащита, покой и уютъ. Все новое, истинно-человѣческое создается имъ по необходимости, послѣ множества толчковъ извнѣ, съ величайшимъ трудомъ, и не только не цѣнится другими „я“, но и ненавистно имъ и гонимо. Враждебно потому, что, памятуя свое родство съ цѣлымъ, отколотое отъ него „я“ стремится объединить разбитое и разрозненное снова въ цѣлое и величественное.

Слушаю и удивляюсь: все это понятно мнѣ и не только понятно, но кажется близкимъ, вѣрнымъ. Какъ будто я и самъ давно уже думалъ такъ, но—безъ словъ, а теперь нашлись слова и стройно ложатся предо мною, какъ ступени лѣстницы вдаль и вверхъ. Вспоминаю Іонины рѣчи, оживаютъ онѣ для меня ярко и красочно. Но, въ то же время, безпокойно и неловко мнѣ, какъ будто стою на рыхлой льдинѣ рѣки весной. Дядя незамѣтно ушелъ, мы вдвоемъ сидимъ, огня въ комнатѣ нѣтъ, ночь лунная, и въ душѣ у меня тоже лунная мгла.

О полночь кончилъ Михайла свои рѣчи, повелъ меня спать на дворъ, въ сарай; легли мы тамъ на сѣнѣ, и скоро онъ заснулъ, а я вышелъ за ворота, сѣлъ на какія-то бревна, смотрю...

Луна и двѣ звѣзды большія сторожами въ небесахъ идутъ. Надъ горой въ синемъ небѣ четко видно зубчатую стѣну лѣса, а на горѣ весь лѣсъ изрубленъ, изрѣзанъ, земля изранена черными ямами. Внизу—заводъ жадно оскалилъ красные зубы: гудитъ, дымитъ, по-надъ крышами его мечется огонь, рвется кверху, не можетъ оторваться, растекается дымомъ. Пахнетъ гарью, душно мнѣ.

Размышляю о горестномъ одиночествѣ человѣка. Интересно говоритъ Михайла, мыслямъ своимъ вѣруетъ, вижу я ихъ правду, но — почему холодно мнѣ? Не сливается моя душа съ душою этого человѣка, стоитъ она одиноко, какъ среди пустыни...

И вдругъ вижу, что я думаю словами Іоны и Михайлы, и что ихъ мысли уже властно живутъ во мнѣ, хотя и сверхъ всего, хотя и шевелится въ глубинѣ враждебное имъ и наблюдающее.

Гдѣ же—я, и что—мое? Кружусь въ недоумѣніяхъ моихъ, какъ волчокъ, и все быстрѣе, такъ что въ ушахъ у меня шумъ, тихій вихрь.

На заводѣ свистокъ запылъ, сначала тонко и жалобно, потомъ разревѣлся густо и повелительно. Съ горъ—утро сонно смотритъ; ночь, спускаясь внизъ, тихо снимаетъ съ деревьевъ тонкое покрывало свое, свертываетъ его, прячетъ въ лощинахъ и ямахъ. Обнажается ограбленная земля—выщипано все вокругъ и обглодано, точно по лощинѣ нѣкій великанъ-озорникъ прыгалъ, вырывая полосы лѣса, нанося землѣ глубокія раны. Въ котловинѣ развалился заводъ этотъ,—грязный, жирный, окутанъ дымомъ и сопитъ. Тянутся къ нему со всѣхъ сторонъ темные люди, онъ ихъ глотаетъ одного за другимъ.

„Богостроители!—думаю.—Настроили!“

Дядя вышелъ за ворота, растрепанный, чешется, зѣваетъ, скулы у него хрустятъ, улыбается мнѣ.

— Ага,—кричитъ,—ты всталъ?

Но тотчасъ же ласково спрашиваетъ:

— Али не ложился? Ну, ничего, днемъ поспишь! Айда-ка, выпьемъ чаю!

За чаемъ онъ говоритъ:

— И я, братокъ, ночей не спалъ, было время, и всѣхъ по рожамъ бить хотѣлъ! Я еще до солдатчины былъ духомъ смущенъ, а тамъ оглушили меня—ударилъ ротный по уху—не слышу на правое-то. Мнѣ фершалъ одинъ помогъ, дай ему...

Хотѣлъ, видимо, помянуть имя Божіе, но остановился, подергалъ себя за бороду, ухмыляется. Показалось мнѣ въ этомъ нѣчто ребячье, да и глаза его по-дѣтски свѣтятъ: просто, довѣрчиво.

— Очень хорошій человѣкъ! Углядѣлъ онъ меня — что такое? Я говорю: развѣ же это человѣческая жизнь? Вѣрно, отвѣчаетъ, все надо передѣлать! Давай-ка, говоритъ, Петръ Васильевъ, я тебя буду политической экономіи учить! И — началъ. Сначала я не понималъ ничего, а потомъ — сразу уразумѣлъ все это безобразіе ежедневное и вѣчное. Такъ почти съ ума сошелъ отъ радости,—ахъ, вы, сволочь!—кричу. Это вѣдь сразу открывается, наука-то: сначала слышишь одни только новыя слова, потомъ придетъ минута такая —

все вдругъ сложится и обратится въ свѣтъ! И эта минута— настоящее рожденіе человѣка—удивительна!

Лицо у него стало радостнымъ, глаза мягко улыбаются, кивастъ стриженой головой и говоритъ:

— Это тебя ждетъ!

Пріятно смотрѣть на него—увеличивается въ немъ дѣтское. И немножко завидно.

— Двѣ трети жизни прожилъ я, какъ лошадь — обидно! Ну, ничего, нагоню, сколько можно! Только не прытокъ я умомъ. Умъ, какъ рука, тоже требуетъ упражненія. А у меня руки умнѣе головы.

Смотрю я на него и думаю:

„Почему эти люди не боятся говорить обо всемъ?"

— Зато,—продолжаетъ онъ,—у Мишки на двоихъ разума! Начетчикъ! Ты погоди—онъ себя развернетъ! Его заводскій попъ ересіархомъ назвалъ. Жаль, съ Богомъ у него путаница въ головѣ! Это — отъ матери. Сестра моя знаменитая женщина по божественной части, изъ православія въ расколъ ушла, а изъ раскола ее вышибли.

Говоря, собирается онъ на работу, сустся изъ угла въ уголъ, и все вокругъ него трещитъ, стулья падаютъ, полъ ходуномъ ходитъ. Смѣшно мнѣ и мило видѣть его такимъ.

„Что это за люди?"—думаю.

— Мнѣ дня три можно у васъ прожить?

— Валяй,—говоритъ,—хоть три мѣсяца! Чудакъ! Мы—не стѣсняемся, слава Богу!

Почесалъ голову и, ухмыляясь, объявилъ:

— Нѣтъ-нѣтъ, а все Бога вспомянешь! Привычка!

Снова загудѣлъ заводъ, и дядя ушелъ. А я направился въ сарай. Лежитъ тамъ Михайла, брови строго нахмурилъ, руки на груди, лицо румяное. Безбородый, безусый, скуластый, весь—одна кость крѣпкая.

— Что это за люди?...

Съ этимъ я и уснулъ.

А проснулся—шумъ, свистъ, гамъ, какъ на соборѣ всѣхъ чертей. Смотрю въ дверь—полонъ дворъ мальчишекъ, а Михайла въ бѣлой рубахѣ среди нихъ, какъ парусная лодка между малыхъ челноковъ. Стоитъ и хохочетъ. Голову закинулъ, ротъ раскрытъ, глаза прищурены, и совсѣмъ не похожъ на вчерашняго, постнаго человѣка. Ребята въ синемъ, красномъ, въ розовомъ—горятъ на солнцѣ, прыгаютъ, орутъ. Потянуло меня къ нимъ, вылѣзъ изъ сарая, одинъ увидалъ меня и кричитъ:

— Гляди, братцы, мопа-ахъ!

И словно стружки сухія поджегъ—вспыхнули дѣти, завер тѣлись, галдятъ, сверкаютъ...

— Ка-кой рыжій!

— Волосищи-то!

— Онъ-те дастъ тютю!

— Эхъ, язви его, здоровъ же!

— Не монахъ, а колокольня!

— Михаилъ Иванычъ—это кто?

Учитель нѣсколько сконфузился, а они хохочутъ, черти Ужъ не знаю, чѣмъ я былъ смѣшонъ имъ, но и меня зара зили—смѣюсь и кричу:

— Брысь, мыши!

А тутъ солнце, цвѣтной шумъ въ воздухѣ — и точно все вокругъ, вздрагивая радостно и буйно, мчится куда-то несм рымъ вихремъ и несетъ меня съ собой, ослѣпляя свѣтомъ кутая теплом. Михайла здоровается, руку жметъ.

— Мы, — говоритъ, — въ лѣсъ идемъ, не хотите ли с нами?

Очень хорошо все; какой-то пузатый чертенокъ поддѣл мою скуфейку, напялилъ на голову себѣ и мотылькомъ ле таетъ по двору.

Пошелъ я съ этой ватагой безумныхъ въ лѣсъ: день тот былъ для меня весьма памятенъ.

Высыпались ребята на улицу и легко, какъ перья по вѣтру несутся въ гору, а я иду рядомъ съ ихъ пастыремъ, и ка жется мнѣ, что впервые вижу такихъ пріятныхъ дѣтей. Мы съ Михайлой идемъ сзади ихъ, онъ командуетъ, покрики вается, дѣтишки не слушаютъ его — толкаются, борются, ау каютъ другъ въ друга сосновыми шишками, спорятъ. А когда устали, окружили насъ, вертятся подъ ногами, как жуки, дергаютъ за руки учителя своего, спрашиваютъ что-т о травахъ и цвѣтахъ. Всѣмъ онъ говоритъ дружески, как равный имъ, и возвышается надъ ними, словно бѣлый па русъ. Всѣ дѣтишки бойкія, но иныя изъ нихъ — не по воз расту солидны и задумчивы,—держатся около учителя и мол чатъ.

Потомъ дѣти снова нѣсколько разсѣялись, и Михайла тих сказалъ мнѣ:

— Развѣ они созданы только для работы и пьянства Каждый изъ нихъ — вмѣстилище духа живого и могли бы они ускорить ростъ мысли, освобождающей насъ изъ плѣна недоумѣній нашихъ. А войдутъ они въ то же темное и тѣс ное русло, въ которомъ мутно протекаютъ дни жизни ихъ отцовъ. Прикажутъ имъ работать и запретятъ думать

Многіе изъ нихъ — а можетъ-быть, и всѣ — подчинятся мертвой силѣ и послужатъ ей. Вотъ источникъ горя земли: нѣтъ свободы росту духа человѣческаго!

Онъ говоритъ, а рядомъ идутъ нѣсколько мальчишекъ и слушаютъ его; забавно это вниманіе! Что могутъ понять юные ростки жизни въ его рѣчахъ? Вспоминаю я своего учителя, — билъ онъ дѣтей линейкой по головамъ и часто бывалъ выпивши.

— Жизнь наполнена страхомъ, — говоритъ Михайла, — силы духа человѣческаго побѣдаетъ взаимная ненависть. Безобразна жизнь! Но — дайте дѣтямъ время расти свободно, не превращайте ихъ въ рабочій скотъ, и — свободные, бодрые—они освѣтятъ всю жизнь внутри и внѣ васъ прекраснымъ огнемъ юной дерзости духа своего, великой красотой непрерывнаго дѣянія!

Вокругъ вездѣ желтыя головки, голубые глаза, румяныя лица, какъ живые цвѣты въ темной зелени хвои. Смѣхъ и звонкіе голоса веселыхъ птицъ, вѣстниковъ новой жизни.

И вся эта живая красота будетъ потоптана жадностью. Какой тутъ смыслъ? Рождается милый ребенокъ, радуясь, растетъ прекрасное дитя, и вотъ—пакостно ругается и горько стонетъ человѣкъ, бьетъ жену свою, гаситъ тоску водкой.

И, какъ бы отвѣчая думамъ моимъ, говоритъ Михайла:

— Разрушаютъ народъ, едино-истинный храмъ Бога живого, и сами разрушители гибнутъ въ хаосѣ обломковъ, видятъ подлую работу свою и говорятъ: страшно! Мечутся и воютъ: гдѣ Богъ? А сами умертвили Его.

Я вспоминаю рѣчи Іоны о дробленіи русскаго народа, и думы мои легко и славно тонутъ въ словахъ Михайлы. Но не понимаю я, почему онъ говоритъ тихо, безъ гнѣва, какъ будто вся эта тяжкая жизнь уже прошлое для него?

Тепло и ласково дышитъ земля пьяными запахами смолъ и цвѣтовъ. Звеня, порхаютъ птицы.

Вьются дѣти, побѣдители тишины лѣсной, и мнѣ все болѣе ясно, что до этого дня не понималъ я ихъ силы, не видѣлъ красоты.

Хорошъ этотъ Михайла среди нихъ со спокойной улыбкой на лицѣ.

Говорю ему, улыбаясь:

— Уйду отъ васъ въ сторонку, надо мнѣ подумать!

Смотритъ онъ на меня, глаза его лучатся, рѣсницы дрожатъ, и сердце мое отвѣтно вздрагиваетъ.

Ласку я рѣдко видѣлъ, цѣнить ее умѣю, и говорю ему:

— Хорошій вы человѣкъ!

Сконфузился онъ, опустилъ глаза и этимъ очень смутилъ меня. Постояли мы другъ противъ друга молча, разошлись. Потомъ онъ кричитъ мнѣ:

— Не заходите далеко, заплутаетесь!

— Спасибо!

Свернулъ я въ лѣсъ, выбралъ мѣсто, сѣлъ. Удаляются голоса дѣтей, тонетъ смѣхъ въ густой зелени лѣса, вздыхаетъ лѣсъ. Бѣлки скрипятъ надо мной, шуръ поетъ. Хочу обнять душой все, что знаю и слышалъ за послѣдніе дни, а оно слилось въ радугу, обнимаетъ меня и влечетъ въ свое тихое волненіе, наполняетъ душу; безгранично растетъ она, и забылъ я, потерялъ себя въ легкомъ облакѣ безгласныхъ думъ.

Къ ночи пришелъ домой и сказалъ Михайлѣ, что мнѣ надо пожить съ ними до поры, пока я не узнаю ихъ вѣру, и чтобы дядя Петръ поискалъ мнѣ работы на заводѣ.

— Вы бы, — говоритъ, — не торопились; отдохните, и надо вамъ книги почитать!

У меня къ нему довѣріе.

— Давайте ваши книги!

— Берите.

— Я, — молъ, — свѣтскихъ не читывалъ, дайте сами, что нужнѣе для меня, напримѣръ — исторію русскую?

— Человѣку все нужно знать! — говоритъ онъ и смотритъ на книги такъ же ласково, какъ на дѣтей.

И вотъ — углубился я въ чтеніе; цѣлыми днями читалъ. Трудно мнѣ и досадно: книги со мной не спорятъ, онѣ просто знать меня не хотятъ. Одна книга — замучила: говорилось въ ней о развитіи міра и человѣческой жизни, противъ Библіи было написано. Все очень просто, понятно и необходимо, но нѣтъ мнѣ мѣста въ этой простотѣ, встаетъ вокругъ меня рядъ разныхъ силъ, а я среди нихъ, какъ мышь въ западнѣ. Читалъ я ее раза два; читаю и молчу, желая самъ найти въ ней прорѣху, черезъ которую могъ бы я вылѣзть на свободу. Но не нахожу.

Спрашиваю учителя моего:

— Какъ же такъ? Гдѣ же человѣкъ?

— Мнѣ, — говоритъ онъ, — тоже кажется, что это не вѣрно, а въ чемъ ошибка — объяснить не могу! Однако, какъ догадка о планѣ міра, это очень красиво!

Нравилось мнѣ, когда онъ отвѣчалъ: „не знаю“, „не могу сказать“, и сильно приближало это меня къ нему, видна была тутъ его честность. Коли учитель разрѣшаетъ себѣ сознаваться въ незнаніи — стало-быть, онъ знаетъ нѣчто!

Много онъ зналъ неизвѣстнаго мнѣ и обо всемъ разсказывалъ удивительно просто. Говоритъ, бывало, о томъ, какъ создались солнце, звѣзды и земля—и точно самъ онъ видѣлъ огненную работу невѣдомой и мудрой руки!

Бога не понималъ я у него; но это меня не безпокоило: главной силой міра онъ называлъ нѣкое вещество, а я мысленно ставилъ на мѣсто вещества Бога — и все шло хорошо.

— Богъ еще не созданъ!—говорилъ онъ, улыбаясь.

Вопросъ о Богѣ былъ постоянною причиной споровъ Михайлы съ дядей своимъ. Какъ только Михайла скажетъ „Богъ"—дядя Петръ сердится.

— Началъ! Ты въ это не вѣрь, Матвѣй! Это онъ отъ матери заразился!

— Погоди, дядя! Богъ для Матвѣя—коренной вопросъ!

— Не ври, Мишка! Ты пошли его къ чорту, Матвѣй! Никакихъ боговъ! Это — темный лѣсъ: религія, церковь и все подобное; темный лѣсъ, и въ немъ — разбойники наши! Обманъ!

Михайла упорно твердитъ:

— Богъ, о которомъ я говорю,—былъ, когда люди единодушно творили Его изъ вещества своей мысли, дабы освѣтить тьму бытія; но когда народъ разбился на рабовъ и владыкъ, на части и куски, когда онъ разорвалъ свою мысль и волю,—Богъ погибъ, Богъ разрушился!

— Слышишь, Матвѣй?—кричитъ дядя Петръ радостно. — Вѣчная память!

А племянникъ смотритъ прямо въ лицо ему и, понижая голосъ, продолжаетъ:

— Главное преступленіе владыкъ жизни въ томъ, что они разрушили творческую силу народа. Будетъ время—вся воля народа вновь сольется въ одной точкѣ; тогда въ ней должна возникнуть необоримая и чудесная сила, и — воскреснетъ Богъ! Онъ-то и есть тотъ, котораго вы, Матвѣй, ищете!

Дядя Петръ махаетъ руками, какъ дровосѣкъ.

— Не вѣрь ему, Матвѣй, вретъ онъ!

И, обращаясь къ племяннику, громитъ его:

— Ты, Мишка, нахватался церковныхъ мыслей, какъ огурцовъ съ чужого огорода наворовалъ, и смущаешь людей! Коли говоришь, что рабочій народъ вызванъ жизнь обновлять — обновляй, а не подбирай то, что попами до дыръ заношено, да и брошено!

Интересно мнѣ слушать этихъ людей, и удивляютъ они меня равенствомъ уваженія своего другъ ко другу; спорятъ

горячо, но не обижаютъ себя ни злобой ни руганью. Дядя Петръ, бывало, кровью весь нальется и дрожитъ, а Михайла понижаетъ голосъ свой и точно къ землѣ гнетъ большого мужика. Состязаются предо мой два человѣка и оба они, отрицая Бога, полны искренней вѣры.

— А какова моя вѣра? — спрашиваю я себя — и не умѣю отвѣтить.

Во время жизни съ Михайлой, думы мои о мѣстѣ Господа среди людей завяли, лишились силы, выпало изъ нихъ былое упрямство, вытѣсненное множествомъ другихъ думъ. И на мѣсто вопроса: гдѣ Богъ? — всталъ другой: кто я и зачѣмъ? Для того, чтобы Бога искать?

Понимаю, что это безсмысленно.

По вечерамъ къ Михайлѣ рабочіе приходили, и тогда заводился интересный разговоръ: учитель говорилъ имъ о жизни, обнажая ея злые законы, удивительно хорошо зналъ онъ ихъ и показывалъ ясно. Рабочіе — народъ молодой, огнемъ высушенный, въ кожу имъ копоть въѣлась, лица у всѣхъ темныя, глаза — озабоченные. Всѣ до серьезнаго жадны, слушаютъ молча, хмуро: сначала они казались мнѣ невеселыми и робкими, но потомъ увидалъ я, что въ жизни эти люди и попѣть, и поплясать, и съ дѣвицами пошутить горазды.

Разговоры Михайлы и дяди его всегда касались однихъ предметовъ: власть денегъ, униженіе рабочихъ, жадность хозяевъ, необходимость уничтожить раздѣленіе людей на сословія. Но я не рабочій, не хозяинъ, денегъ не имѣю и не ищу — мнѣ эти разговоры душу не задѣвали. Казалось мнѣ, что слишкомъ большую силу придаютъ люди капиталамъ и этимъ унижаютъ себя. Началъ я вступать въ споры съ Михайлой, — доказываю, что сначала человѣкъ долженъ найди духовную родину, тогда онъ и увидитъ мѣсто свое на землѣ, тогда найдетъ свободу. Говорилъ я помногу и горячо, рабочіе слушали рѣчь мою добродушно и внимательно, какъ честные судьи, а которые постарше, тѣ даже соглашались со мной.

По кончу я — заговоритъ Михайла со своей спокойной улыбкой — и сотретъ мои слова.

— Правъ ты, Матвѣй, когда говоришь, что въ тайнахъ живетъ человѣкъ и не знаетъ, другъ или врагъ ему Богъ, духъ его, но не правъ, утверждая, что, невольники, окованные тяжкими цѣпями повседневнаго труда, можемъ мы освободиться изъ плѣна жадности, не разрушивъ вещественной тюрьмы... Прежде всего должны мы узнать силу ближайшаго врага, изучить его хитрости, — для этого необходимо намъ

найти другъ друга, открыть въ каждомъ единое со всѣми, и это единое — наша неодолимая, скажу — чудотворная сила! У рабовъ никогда не было Бога, они обоготворяли человѣческій законъ, извнѣ внушенный имъ, и вовѣки не будетъ Бога у рабовъ, ибо Онъ возникаетъ въ пламени сладкаго сознанія духовнаго родства каждаго со всѣми! Не изъ дресвы и обломковъ строятся храмы, но изъ крѣпкихъ, цѣльныхъ камней. Одиночество — суть отломленность твоя отъ родного тѣлаго, знакъ безсилія духа и слѣпота его; въ цѣломъ ты найдешь безсмертіе, въ одиночествѣ же — неизбѣжное рабство и тьма, безутѣшная тоска и смерть.

И когда онъ такъ говоритъ, то мнѣ кажется, что глаза его видятъ вдали великій свѣтъ, повлекаетъ онъ меня въ свой кругъ, и всѣ забываютъ обо мнѣ, а на него смотрятъ радостно.

На первыхъ порахъ это обижало меня; думалъ я, что плохо принимаютъ мои мысли и никто не хочетъ углубиться въ нихъ такъ охотно, какъ въ мысли Михайлы.

Бывало, уйду незамѣтно отъ нихъ, сяду гдѣ-нибудь въ уголъ и тихонько бесѣдую съ гордостью своей.

Подружился я со школьниками: по праздникамъ окружали они меня и дядю Петра, какъ воробьи снопы хлѣба, онъ имъ что-нибудь мастеритъ, а меня дѣти разспрашиваютъ о Кіевѣ, Москвѣ, обо всемъ, что видѣлъ. Но часто, бывало, вдругъ кто-нибудь изъ нихъ такое спроситъ, что я только глазами хлопаю, удивленный.

Былъ тамъ Ѳедя Сачковъ — тихій и серьезный ребенокъ. Однажды иду я съ нимъ лѣсомъ, говорю ему о Христѣ, и вдругъ онъ высказываетъ, солидно таково:

— Не догадался Христосъ на всю жизнь маленькимъ остаться, въ моихъ, примѣрно, лѣтахъ! Остался бы такъ, да жилъ, обличалъ бы богатыхъ, помогалъ бѣднымъ — и не распяли бы Его, потому—маленькій! Пожалѣли бы! А такъ, какъ Онъ сдѣлалъ—будто и не было Его...

Лѣтъ одиннадцать Ѳедѣ, личико у него было блѣдное и розрачное, а глаза недовѣрчивые.

Другой—Маркъ Лобовъ, старшаго класса ученикъ, худой, пахрастый и острый парнишка, былъ великій озорникъ и всеобщій гонитель: насвистываетъ тихонько и щиплетъ, колоритъ, толкаетъ ребятъ, словно молодой подпасокъ овецъ. Какъ-то, вижу я, донимаетъ онъ одного смирнаго мальчика, и уже скоро заплачетъ мальчикъ.

— Маркъ,—говорю я,—а если онъ тебѣ сдачи дастъ?

Взглянулъ на меня этотъ Маркъ и, усмѣхаясь, отвѣчаетъ:

— Не дастъ! Онъ смирный, добрый онъ.

— Такъ зачѣмъ же ты его обижаешь?

— Да такъ,—говоритъ.

И, посвистѣвъ, прибавилъ:

— Смирный онъ!

— Ну, такъ что?—спрашиваю.

— А для чего же смирные-то живутъ?

Сказалъ онъ это удивительно спокойно,—видимо, человѣк уже въ двѣнадцать лѣтъ увѣренъ былъ, что смирные люд даны для обидъ.

Каждый изъ дѣтей по-своему мудрецъ, все больше он занимаютъ меня, все чаще я думаю о ихъ судьбѣ. Чѣм заслужили дѣти тяжелую обидную, жизнь, которая ихъ ждет

Вспоминаю Христа и сына моего вспоминаю, и возникает въ душѣ злая мысль:

„Не потому ли запрещаете вы женщинѣ свободно родит дѣтей, что боитесь, какъ бы не родился нѣкто опасный враждебный вамъ? Не потому ли насилуется вами воля же щины, что страшенъ вамъ свободный сынъ ея, не связанны съ вами никакими узами? Воспитывая и обучая дѣлу жизн своихъ дѣтей, вы имѣете время и право ослѣплять ихъ, боитесь, что ничей ребенокъ, растущій въ сторонѣ отъ на зора вашего,—вырастетъ непримиримымъ вамъ врагомъ!“

Былъ на заводѣ и такой ничей человѣкъ, звали его Степа,— черный, какъ жукъ, рябой, безъ бровей, съ прищуренным глазами, ловкій на всѣ руки, веселый паренекъ.

Знакомство наше началось съ того, что однажды въ праз пикъ подошелъ онъ ко мнѣ и спрашиваетъ:

— Монахъ! Ты, слышь, незаконный! Ну вотъ, и я тож

И пошелъ со мной рядомъ. Было ему лѣтъ тринадцат уже школу кончилъ и на заводѣ работалъ. Идетъ, прищурив глаза, и разспрашиваетъ:

— Велика земля-то?

Объяснилъ, какъ умѣлъ.

— А тебѣ,—молъ,—на что?

— Надо! Чего я на одномъ мѣстѣ буду торчать? Не д рево. Вотъ, какъ научусь слесарить — пойду въ Россію, Москву и — еще куда тамъ? — вездѣ пойду!

Говоритъ онъ такъ, какъ будто грозится кому-то:

— Я — приду!

Сталъ я послѣ этой встрѣчи наблюдать за нимъ; вижу — мальчика тянетъ къ серьезному: гдѣ Михайловы товарищ ведутъ свой разговоръ, тамъ и онъ трется, слушаетъ и щурит глаза, какъ бы прицѣливаясь, куда себя направить.

И озорничаетъ особенно: старается что-нибудь испортить тѣмъ людямъ, которые къ начальству стоятъ ближе,—инструментъ спрячетъ, сломаетъ что-нибудь, песку подсыпаетъ въ станки.

Однажды, во время обѣда, говоритъ мнѣ:

— Скучно, монахъ, здѣсь!

— Почему?

— Не знаю. Жидковато люди живутъ! Работа да забота! Скорѣе бы научиться мнѣ — отчалилъ бы я отсюда прочь!

И когда онъ говорилъ о будущемъ походѣ своемъ, то глаза его, открываясь, смѣло глядѣли впередъ, а видъ онъ имѣлъ завоевателя, который ни во что, кромѣ своей силы, не вѣритъ. Нравилось мнѣ это существо, и въ рѣчахъ его чувствовалъ я зрѣлость.

„Этотъ—не пропадетъ!“ — думаю, бывало, поглядывая на него. И душа запоетъ о сынишкѣ моемъ: каковъ онъ и чѣмъ будетъ на землѣ?

Сталъ я замѣчать въ себѣ тихій трепетъ новыхъ чувствъ, какъ будто отъ каждаго человѣка исходитъ ко мнѣ острый и тонкій лучъ, невидимо касается меня, неощутимо трогаетъ сердце, и все болѣе чутко принимаю я эти тайные лучи. Иногда соберутся у Михайлы рабочіе и какъ бы надышатъ горячее облако мысли, окутаетъ оно меня и странно приподниметъ. Вдругъ всѣ начнутъ съ полуслова понимать меня, стою въ кругу людей, и они какъ бы тѣло мое, а я ихъ душа и воля на этотъ часъ. И рѣчь моя — ихъ голосъ. Бывало, что самъ живешь, какъ часть чьего-то тѣла, слышишь крикъ души своей изъ другихъ устъ, и пока слышишь его — хорошо тебѣ, а минетъ время, замолкнетъ онъ, и — снова ты одинъ, для себя.

Вспоминаю былое единеніе съ Богомъ въ молитвахъ моихъ: хорошо было, когда я исчезалъ изъ памяти своей, переставалъ быть! Но въ сліяніи съ людьми не уходилъ я отъ себя, но какъ бы вырасталъ, возвышался надъ собою, и увеличивалась сила духа моего во много разъ. И тутъ было самозабвеніе, но оно не уничтожало меня, а лишь гасило горькія мысли мои и тревогу за мое одиночество.

Догадка эта пришла ко мнѣ безплотной и неясной: чувствую, что растетъ въ душѣ новое зерно, но понять его не могу; только замѣчаю, что влечетъ меня къ людямъ все болѣе настойчиво.

Въ тѣ дни работалъ я на заводѣ за сорокъ копеекъ поденно, таскалъ на плечахъ и возилъ тачкой разныя тяжести — чугунъ, шлакъ, кирпичъ,—и ненавидѣлъ это адово мѣсто со всей его грязью, ревомъ, гомономъ и мучительной тѣлу жарой.

Вцѣпился заводъ въ землю, придавилъ ее и, ненасытно алчный, сосетъ дни и ночи, задыхаясь отъ жадности, высосетъ выплевывая изъ раскаленныхъ пастей огненную кровь земли. Остынетъ она, почернѣетъ,—онъ снова плавитъ, гудитъ, гремитъ, расплющивая красное желѣзо, брызжетъ искрами и весь вздрагивая, тянетъ длинныя змѣиныя полосы, словно жилы изъ тѣла земного.

Вижу въ этой дикой работѣ нѣчто страшное, доведенное до безумія. Воющее чудовище, опустошая нѣдра земли, копаетъ пропасть подъ собой и, зная, что когда-то провалится въ нее, озлобленно визжитъ тысячью голосовъ:

— Скорѣй, скорѣй, скорѣй!

Въ огнѣ и громѣ, въ дождѣ огненныхъ искръ работаютъ почернѣвшіе люди,—кажется, что нѣтъ имъ мѣста здѣсь, ибо все вокругъ грозитъ испепелить пламенной смертью, задавить тяжкимъ желѣзомъ; все оглушаетъ и слѣпитъ, сушитъ кровь нестерпимая жара, а они спокойно дѣлаютъ свое дѣло, возятся хозяйски-увѣренно, какъ черти въ аду, ничего не боясь все зная.

Ворочаютъ крѣпкими руками малые рычаги, и всюду—вокругъ людей, надъ головами у нихъ — покорно и страшно двигаются челюсти и лапы огромныхъ машинъ, пережевывая желѣзо... Трудно понять, чей умъ, чья воля главенствуютъ здѣсь! Иной разъ кажется, что человѣкъ взнуздалъ заводъ и правитъ имъ, какъ желаетъ, а иногда видишь, что и людь и весь заводъ повинуются дьяволу, а онъ торжественно и пакостно хохочетъ, видя безсмыслицу тяжкой возни, руководимой жадностью.

Говорятъ рабочіе другъ другу:

— Пора на работу вставать, эй.

Но люди на ней стоятъ, или она ихъ гнететъ и давитъ— не понимаю! Тяжела работа и властна, но остеръ и ловокъ человѣческій разумъ!

Порою въ этомъ адскомъ шумѣ и вознѣ машинъ вдругъ побѣдительно и беззаботно вспыхнетъ веселая пѣсня,—улыбаюсь я въ душѣ, вспоминая Иванушку-дурачка на китѣ по дорогѣ въ небеса за чудесной жаръ-птицей.

Народъ на заводѣ — по недугу мнѣ: все этакіе рѣзвые люди, смѣлые, и хотя матерщинники, похабники и часто пьяницы, но свободный, безстрашный народъ. Не похожъ онъ на странниковъ и холоповъ земли, которые обижали меня своей робостью, растерянной душой, безнадежной печалью, мелкой жуликоватостью въ дѣлахъ съ Богомъ и прочею себя.

Эти люди въ мысляхъ дерзкіе, и хотя озлоблены каторжнымъ трудомъ,—ссорятся, даже дерутся другъ съ другомъ,—но, ежели начальство нарушаетъ справедливость, всѣ они встаютъ противъ него почти какъ одинъ.

А тѣ парни, которые къ Михайлѣ ходятъ, всегда впереди, говорятъ громче всѣхъ и совершенно ничего не боятся. Раньше, когда я о народѣ не думалъ, то и людей не замѣчалъ, а теперь смотрю на нихъ и все хочу разнообразіе открыть, чтобы каждый предо мной отдѣльно стоялъ. И добиваюсь этого и нѣтъ: рѣчи разныя и у каждаго свое лицо, но вѣра у всѣхъ одна и намѣреніе едино,—не торопясь, но дружно и усердно строятъ они нѣчто.

Каждый изъ нихъ среди людей—свѣтелъ и пріятенъ, какъ поляна въ густомъ лѣсу для заплутавшагося; каждый тянетъ къ себѣ рабочихъ, которые посмышленѣе, и всѣ Михайловы ребята въ одномъ планѣ держатся, образуя на заводѣ нѣкій духовный кругъ и костеръ свѣтло горящихъ мыслей.

Сначала неласково приняли меня, покрикиваютъ, посмѣиваются:

— Эй, ты, рыжая муха! Священный клопъ! Дармоѣдъ! Захребетникъ!

Иной разъ и толкнетъ кто-нибудь, но этого я терпѣть не могъ и въ такихъ случаяхъ кулака не жалѣлъ. Но хотя людямъ сила и нравится, а кулакомъ ни уваженія ни вниманія къ себѣ не выколотишь, и быть бы мнѣ сильно битому, если бъ въ одну изъ моихъ ссоръ не вмѣшался Михайловъ дружокъ Гаврила Костинъ, молодой литейщикъ, весьма красивый парень и очень замѣтный на заводѣ.

Лѣзло на меня человѣкъ шесть и не добромъ они грозили бокамъ моимъ, но онъ сталъ рядомъ со мной и говоритъ:

— Зачѣмъ же, товарищи, дразнить человѣка? Развѣ онъ не такой же рабочій, какъ и всѣ мы? Несправедливо дѣйствуете, товарищи, и противъ себя! Наша сила—въ тѣсной дружбѣ...

Сказалъ онъ немного, но какъ-то особенно хорошо и просто, точно дѣтямъ говорилъ: всѣ дружки Михайлы каждымъ случаемъ пользовались, чтобы посѣять его мысли. Смутилъ Костинъ противниковъ моихъ, да и меня за сердце задѣлъ,—началъ я тоже рѣчь говорить:

— Я, — молъ, — не потому въ монахи пошелъ, что сытно ѣсть хотѣлъ, а потому, что душа голодна! Жилъ и вижу, вездѣ работа вѣчная и голодъ ежедневный, жульничество и разбой, горе и слезы, звѣрство и всякая тьма души. Кѣмъ же все это установлено, гдѣ нашъ справедливый и мудрый

Богъ, видитъ ли Онъ изначальную, безконечную муку людей Своихъ?

Собралось довольно много народа, слушаютъ серьезно; кончилъ я—молчатъ. Потомъ старый модельщикъ Крюковъ говоритъ Костину:

— Монахъ-то, пожалуй, глубже видитъ, чѣмъ ты съ товарищами! Онъ — съ корня беретъ; видалъ?

Мнѣ пріятно слышать такія слова, а Крюковъ хлопнулъ меня по плечу и сказалъ:

— Ты, братъ, говори, это хорошо! А волосищи-то все-таки срѣжь хоть на аршинъ: грязно съ этакой копной, да и людямъ смѣшно.

Кто-то, веселый, кричитъ:

— И въ дракѣ неловко, гляди!

Шутятъ, значитъ, злоба погасла. Гдѣ смѣхъ, тамъ и человѣкъ; скотина не смѣется.

Костинъ въ сторону отвелъ меня.

— Ты,—говоритъ,—Матвѣй, съ такими словами осторожно: за нихъ въ острогъ сажаютъ, случается!

Удивился я.

— Чего?

— Въ острогъ... Знаешь?—Смѣется.

— За что?

— Да вотъ — за осужденіе!

— Шутишь?

— Спроси,—говоритъ, — Михайлу, а мнѣ надо на работу вставать.

Ушелъ. Остался я очень удивленъ его словами, не вѣрится мнѣ, но вечеромъ Михайла все подтвердилъ. Цѣлый вечеръ разсказывалъ онъ мнѣ о жестокихъ гоненіяхъ людей; оказалось, что за такія рѣчи, какъ я говорилъ, и смертью казнили и тысячи народа костьми легли въ Сибири, въ каторгѣ, но Продово избіеніе не прекращается, и вѣрующіе тайно растутъ.

Тогда въ душѣ моей все возвысилось и освѣтилось иначе: всѣ рѣчи Михайловы и товарищей его приняли иной смыслъ. Прежде всего—если человѣкъ за вѣру свою готовъ потерять свободу и жизнь, значитъ—онъ вѣруетъ искренно и подобенъ первомученикамъ за Христовъ законъ.

Всѣ слова Михайловы соприкоснулись другъ другу, расцвѣли и пріобщились душѣ моей въ тотъ часъ.

Не хочу сказать, что сразу принялъ я ихъ и тогда же понялъ до глубины, но впервые тѣмъ вечеромъ почувствовалъ я ихъ родственную близость моей душѣ, и показалась

мнѣ тогда вся земля Виолсемомъ, дѣтской кровью насыщенной. Понятно стало горячее желаніе Богородицы, коя, видя адъ, просила Михаила Архангела:

— Архангеле! Допусти Меня помучиться въ огнѣ! Пусть и Я раздѣлю великія муки эти!

Только здѣсь не грѣшныхъ, а праведниковъ видѣлъ я: желаютъ они разрушить адъ на землѣ, чего ради и готовы спокойно пріять всѣ муки.

— Можетъ-быть, — говорю я Михаилѣ, — потому и нѣтъ теперь святыхъ отшельниковъ, что не отъ міра, а въ міръ пошелъ человѣкъ?

— Истинная вѣра,—отвѣчаетъ онъ,—необходимо является источникомъ дѣянія!

— Пріобщите,—прошу,—и меня къ этому дѣлу!

Горитъ во мнѣ все.

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ.—Подождите и подумайте, рано вамъ! Если вы, съ вашимъ характеромъ, попадете теперь же въ сѣтлю врага, то надолго и безполезно затянете ее. Напротивъ, послѣ этой вашей рѣчи надо вамъ уйти отсюда. Есть у васъ много нерѣшеннаго, и для нашей работы — не свободны вы! Охватила, увлекаетъ васъ красота и величіе ея, но передъ вами развернулась она во всей силѣ,—вы теперь какъ бы на площади стоите, и виденъ вамъ посреди ея весь создаваемый храмъ во всей необъятности и красотѣ, но онъ строится тихой и тайной будничной работой, и если вы теперь же, плохо зная общій планъ, возьметесь за нее — исчезнутъ для васъ очертанія храма, разсѣется видѣніе, не укрѣпленное въ душѣ, и трудъ покажется вамъ ниже вашихъ силъ.

— Зачѣмъ,—съ тоской спрашиваю его,—вы меня гасите? И себѣ мѣсто нашелъ, я—радъ видѣть себя силой нужной...

А онъ спокойно и печально говоритъ:

— Не считаю васъ способнымъ жить по плану, не ясному вамъ; вижу, что еще не возникло въ духѣ вашемъ сознаніе связи его съ духомъ рабочаго народа. Вы для меня уже и теперь отточенная треніемъ жизни, выдвинутая впередъ мысль народа, но сами вы не такъ смотрите на себя; вамъ еще кажется, что вы — герой, готовый милостиво подать отъ избытка силъ помощь безсильному. Вы нѣчто особенное, для самого себя существующее; вы для себя—начало и конецъ, не продолженіе прекраснаго и великаго безконечнаго!

Начинаю я понимать, зачѣмъ онъ пригибаетъ меня къ землѣ, чувствуя неясную мнѣ правду въ словахъ его.

— Вамъ снова,—говоритъ,—надо тронуться въ путь, чтобы

новыми глазами видѣть жизнь народа. Книгу вы не принимаете, чтеніе мало вамъ даетъ, вы все еще не вѣрите, что въ книгахъ не человѣческій разумъ заключенъ, а безконечно-разнообразно выражается единое стремленіе духа народнаго къ свободѣ; книга не ищетъ власти надъ вами, но даетъ вамъ оружіе къ самоосвобожденію, а вы еще не умѣете взять въ руки это оружіе!

Вѣрно онъ говоритъ: чужда мнѣ была книга въ то время. Привыкшій къ церковному писанію, свѣтскую мысль понималъ я съ великимъ трудомъ, — живое слово давало мнѣ больше, чѣмъ печатное. Тѣ же мысли, которыя я понималъ изъ книгъ, — ложились поверхъ души и быстро исчезали, таяли въ огнѣ ея. Не отвѣчали онѣ на главный мой вопросъ: какимъ законамъ подчиняется Богъ, чего ради, создавъ по образу и подобію Своему, унижаетъ вопреки волѣ моей, коя есть Его же воля?

И рядомъ съ этимъ—не борясь — другой вопросъ живетъ: съ неба ли на землю низшелъ Господь или съ земли на небеса вознесенъ силою людей? И тутъ же горитъ мысль о богостроительствѣ, какъ вѣчномъ дѣлѣ всего народа.

Разрывается душа моя надвое: хочу оставаться съ этими людьми, тянетъ меня итти провѣрять новыя мысли мои, искать неизвѣстнаго, который похитилъ свободу мою, и смутился духъ мой.

Дядя Петръ тоже уговариваетъ:

— Надо тебѣ, Матвѣй, уйти на время, а то о рѣчахъ твоихъ пошелъ опасный разговоръ..

И скоро все рѣшилось какъ бы помимо моей воли: откуда-то съ другого завода прискакалъ ночью верховой и объявилъ, что у нихъ на заводѣ жандармы обыски дѣлаютъ и что намѣрены они сюда явиться.

— Эхъ, рано!—говоритъ Михайла, огорченный.

Началась нѣкоторая суматоха, а дядя Петръ кричитъ мнѣ:

— Айда, Матвѣй, айда! Нечего тебѣ дѣлать здѣсь, не ты кашу заварилъ, не присаживайся!

И Михайла настойчиво совѣтуетъ, глядя прямо въ лицо мнѣ:

— Лучше вамъ уйти. Пользы отъ вашего присутствія мало, а вредъ можетъ быть!

Понимаю я, что хочется имъ спровадить меня, и это — обидно. Но въ то же время чувствую я, что боюсь жандармовъ; еще не вижу, а уже боюсь! Знаю, что нехорошо уходить отъ людей въ часъ бѣды, и подчиняюсь ихъ волѣ.

Вытурили меня. Иду въ гору къ лѣсу по зарослямъ межу

пней, спотыкаюсь, словно меня за пятки хватаютъ, а сзади молчаливый паренекъ Иванъ Быковъ спѣшитъ, съ большой ношоской на спинѣ—посланъ прятать въ лѣсу книги.

Добѣжали мы съ нимъ до опушки, нашелъ онъ свой тайникъ, укладываетъ въ него ношу свою. Спокоенъ. А мнѣ жутко. Спрашиваю его:

— А они сюда не придутъ?

— Кто ихъ знаетъ!—говоритъ.—Можетъ, и сюда придутъ. Надо скорѣе!

Парень онъ неуклюжій, какъ изъ дубовой колоды топоромъ вырубленъ, голова большая, одно плечо выше другого, руки непомѣрно длинны, и голосъ угрюмъ.

— Ты боишься?—говорю.

— Чего?

— А что придутъ и заберутъ?

— Лишь бы спрятаннаго не нашли, а то—пускай!

Аккуратно уложилъ все въ яму, зарылъ, заровнялъ ее, насосалъ сверху хвороста, сѣлъ на землю и говоритъ, видя, что я собираюсь итти:

— Сейчасъ тебѣ записку, должно, принесутъ, погоди.

— Какую?

— Не знаю я.

Поглядываю я изъ-за деревьевъ въ лощину — хрипитъ заводъ, словно сильнаго человѣка душитъ кто-то. Кажется, что по улицамъ поселка во тьмѣ люди другъ за другомъ гонятся, борются, храпятъ со зла, одинъ другому кости ломаютъ. А Иванъ, не торопясь, спускается внизъ.

— Ты куда?

— Домой!

— А схватятъ?

— Я недавно въ дѣлѣ, меня, навѣрно, не знаютъ, а и схватятъ—не бѣда. Изъ тюрьмы люди умнѣе выходятъ.

Вдругъ кто-то громко и ясно спросилъ меня:

— Какъ же это ты, Матвѣй, Бога не боишься, и жандармовъ боишься?

Гляжу я на Ивана — стоитъ онъ и задумчиво смотритъ внизъ.

— Ты,—молъ,—что сказалъ?

— Въ тюрьмѣ много читаютъ книгъ...

— Больше ничего?

— А развѣ этого мало?

Тлѣетъ внутри меня нѣкая ложь, и колючими искрами вспыхиваютъ стыдные вопросы. Ночь прохладная, а мнѣ жарко.

— Я тоже съ тобой пойду!

— Не велѣно тебѣ! — строго говоритъ Иванъ. — Тебя же обязательно заберутъ,—вѣдь изъ-за твоихъ рѣчей суматоха-то начата!

— Какъ?

— Попъ донесъ въ Верхотурье.

Сѣлъ я на землю, а самъ говорю:

— Тогда надо мнѣ итти!

Но страхъ мой держитъ меня.

— Бѣжитъ кто-то сюда!—тихо шепчетъ Иванъ.

Смотрю подъ гору — вверхъ по ней тѣни густо ползутъ, небо облачно, мѣсяцъ на ущербѣ то появится, то исчезнетъ въ облакахъ, вся земля вокругъ движется, и отъ этого безшумнаго движенія еще болѣе тошно и боязно мнѣ. Слѣжу, какъ льются по землѣ потоки тѣней, покрывая заросли и душу мою черными покровами. Мелькаетъ въ кустахъ чья-то голова, прыгая между вѣтвей, какъ мячъ.

Иванъ тихонько посвистываетъ и говоритъ:

— Это Костя!

Знаю Костю — мальчикъ лѣтъ пятнадцати, голубоглазый и бѣловолосый, слабосильный. Два года тому назадъ кончилъ въ школѣ учиться. Михайла готовитъ его въ помощники себѣ, тоже въ учителя.

И понимаю, что нарочно думаю объ этомъ: хочу посторонними мыслями свой стыдъ и страхъ заглушить.

Выскочилъ Костя, запыхался, голосъ рвется.

— Пріѣхали! Тебя спрашиваютъ, монахъ! На... Дядя Петръ записку написалъ и велѣлъ мнѣ проводить тебя въ Лобановскій скитъ, идемъ!

Всталъ я, говорю Ивану:

— Прощай, братъ, кланяйся всѣмъ; скажи, чтобы простили меня!

А Костя толкаетъ и строго командуетъ:

— Ты—иди! Кому кланяться? Всѣхъ, навѣрно, заберутъ, какъ курятъ на базаръ!

Пошли. Костя впереди идетъ, тихонько разсказывая, что онъ видѣлъ тамъ, внизу; я шагаю за нимъ, и со всѣхъ сторонъ меня дергаетъ за полы, за рукава, словно спрашиваетъ кто-то:

— Куда? Запуталъ людей, а самъ уходишь?

Разсуждаю вслухъ, какъ бы самъ съ собой:

— Значитъ, это за меня люди попали...

Мальчикъ отвѣчаетъ:

— Не за тебя, а за правду! Ты развѣ правда? Ишь, какой хватъ!

Забавны его слова, и самъ онъ малъ, но чѣмъ-то задѣваетъ меня. Хочется мнѣ оправдать себя предъ нимъ, и началъ я выкладывать мысли мои, какъ нищій кусочки изъ сумы.

— Да, — молъ, — видно, что великая неправда живетъ во мнѣ...

А онъ ворчитъ, возражая на каждое слово мое, какъ совѣсть:

— Ну ужъ и великая! Все бы тебѣ больше другихъ!

„Это—чужія слова",—думаю я.

— Не даромъ — говоритъ,—Костинъ тебя колокольней назвалъ: не такой, которая въ свое время къ обѣднѣ зоветъ, а которая звонитъ сама по себѣ, оттого, что криво строена и колокола на ней плохо привязаны...

Помолчалъ и вдругъ объявляетъ:

— Не люблю я тебя, монахъ, какой-то ты чужой...

— Какой?

— Не знаю... Не русскій, что ли, ты? Нехорошій...

Въ другое время я разсердился бы на него, а тутъ молчу. И какъ-то обезсилѣлъ вдругъ, усталъ до смерти.

Ночь вокругъ и лѣсъ. Между деревьевъ густо налилась сырая тьма и застыла, и не видно, что̀—дерево и что̀—ночь. Блеснетъ сверху лунный лучъ, переломится во плоти тьмы—и исчезнетъ. Тихо. Только подъ ногами вѣтки хрустятъ и поскрипываетъ сухая хвоя.

Не боится мальчикъ правду сказать. Всѣ люди этой линіи, начиная съ Іоны, не носятъ страха въ себѣ. У однихъ много гнѣва, другіе всегда веселы; больше всего среди нихъ скромно-спокойныхъ людей, которые какъ бы стыдятся показать доброе свое.

А Костя шагаетъ по тропѣ, тихо свѣтитъ мнѣ его бѣлая голова. Вспоминаю житіе отрока Варѳоломея, Алексѣя Божія человѣка и другихъ. Не то... Думы мои словно кулики по болоту съ кочки на кочку прыгаютъ.

Спрашиваю мальчика:

— Ты читалъ житія святыхъ?

— Маленькій былъ—читалъ. Мать заставляла. А что̀?

— Нравятся тебѣ Божіи угодники?

— Не знаю... Пантелеймонъ нравится, Егорій тоже. Со зміемъ дрался. Не знаю я—какая людямъ радость, коли десятеро изъ нихъ святы стали?

Растетъ Костя на моихъ глазахъ.

— Ежели,—говоритъ,—царская или богатаго дочь во Христа повѣритъ, да замучаютъ ее — вѣдь ни царь ни богачъ добрѣе къ людямъ отъ этого не бывали. Въ житіяхъ не сказано, что исправлялись цари-то, мучители!

Потомъ, помолчавъ, говоритъ:

— Не знаю тоже, на что Христу муки нужны были. Пришелъ Онъ горе побѣдить, а вышло...

Подумалъ и добавилъ:

— Ничего и не вышло!

Обнять захотѣлось мнѣ его: жалко Костю, и Христа жалко, и тѣхъ людей, что остались въ поселкѣ — весь человѣческій міръ. И себя. Гдѣ мое мѣсто? Куда иду?

Рѣдѣетъ мгла короткой лѣтней ночи, сквозь вѣтви сосенъ ручьями льется сверху тихій свѣтъ.

— Ты не усталъ, Костя?

— Я?—говоритъ мальчикъ бодро.—Нѣтъ. Я люблю ночью ходить, будто сквозь ее проходишь, какъ особенную страну. Я сказки люблю.

На разсвѣтѣ мы съ нимъ легли спать. Костя въ сонъ какъ въ рѣчку нырнулъ, а я въ мысляхъ моихъ хожу, какъ нищій татаринъ вокругъ церкви зимой. На улицѣ вьюжно и холодно, а во храмъ войти—Магометъ не велитъ.

Къ утру что-то надумалъ и, когда мальчикъ проснулся, говорю ему:

— Ты прости, что зря шагалъ со мной — не пойду я въ Ужитъ, не хочу прятаться!

Онъ же серьезно взглянулъ и замѣчаетъ:

— Да ты ужъ спрятался!

И, помахивая вѣткой, не смотритъ на меня...

— Ну, прощай, голубь!

Кивнулъ головой:

— Прощай!

Пошелъ я прочь. Оглянулся—стоитъ онъ межъ деревьевъ, провожаетъ меня.

— Эй!—кричитъ.—Прощай!

И мнѣ стало пріятно, что повторилъ онъ слово это ласковѣе.

Много дней шелъ я, какъ больной, полонъ скуки тяжелой. Въ душѣ моей — тихій поземокъ - пожаръ, выгораетъ душа, какъ лѣсная поляна, и думы вмѣстѣ съ тѣнью моей то впереди меня ползутъ, то сзади тащатся ѣдкимъ дымомъ. Стыдно ли было мнѣ, или что другое,—не помню и не могу сказать. Родилась одна черная мысль и гдѣ-то снаружи вьется вокругъ меня, какъ летучая мышь.

— Безбожники, а не богостроители...

Но тяжелѣе и шире всѣхъ думъ была во мнѣ, помню, нѣкая глухая тишина, лѣнивый и глубокій, какъ мутный омутъ, покой, и въ немъ, въ густой его глубинѣ, тяжко и трудно плаваютъ нѣмыя мысли, подобныя боязливымъ рыбамъ, изви-

гаются и не могутъ вынырнуть изъ душной глубины къ свѣту, наверхъ.

Извнѣ мало доходило до меня; какъ сквозь сонъ помню встрѣчи съ людьми.

Гдѣ-то около Омска на сельскую ярмарку попалъ и тамъ проснулся...

Сидитъ у дороги въ пыли слѣпой и тянетъ пѣсню, а поводырь, стоя на колѣняхъ около него, на гармоніи подыгрываетъ. Старикъ смотритъ въ небо пустыми глазами и отдаленнымъ ржавымъ голосомъ выводитъ пѣвучія слова, воскрешая старину:

— При царѣ ли Иванѣ Васильевѣ...

А гармонія глуховато подтягиваетъ:

— У-у-у...

Опустился я на землю рядомъ со слѣпымъ, протянулъ онъ мнѣ руку, подержалъ, опустилъ и, не переставая, поетъ:

— А и жилъ-былъ Ермакъ, Тимоѳеевъ сынъ...

— А-а-а...—вторитъ гармонія, и вокругъ пѣсни потихоньку собирается задумчивый народъ и серьезно слушаетъ старину, наклоняя головы къ землѣ.

Вѣетъ на меня сухимъ тепломъ, вижу лучи любопытныхъ глазъ, и кто-то спрашиваетъ:

— А этотъ не поетъ?

— Онъ послѣ, погоди!

Разбойныя пѣсни я часто слыхалъ, но не зналъ, изъ чьихъ словъ онѣ сложены, чья душа свѣтитъ въ нихъ, а на сей разъ понялъ это: говоритъ мнѣ пѣсня тысячами устъ древняго народа:

— Я тебѣ, человѣкъ, и за малую твою услугу великъ грѣхъ противъ меня прощу!

Народъ все любопытнѣе глядитъ на меня, поджигая мнѣ душу.

Кончилъ старикъ свою пѣсню, всталъ я и говорю:

— Православные! Вотъ, жилъ разбойникъ, обижалъ народъ, грабилъ его... Смутился совѣстью, пошелъ душу спасать, — захотѣлъ послужить народу буйной силою своей и— послужилъ... . . . . .

Сгустились люди вокругъ меня, точно обняли, роститъ ихъ вниманіе силу слова моего, даетъ ему звукъ и красоту, тону я въ своей рѣчи и—все забылъ; чувствую только, что укрѣпляюсь на землѣ и въ людяхъ,—поднимаютъ они меня надъ собой, молча внушая:

— Говори! Говори всю правду, какъ видишь!

Конечно, явился полицейскій, кричитъ: „разойдись!“, спра-

шиваетъ, о чемъ крикъ, требуетъ паспортъ. Народъ тихонько таетъ, какъ облако на солнцѣ; полицейскій интересуется, что я говорилъ. Иные отвѣчаютъ:

— Про Бога...

— Такъ себѣ, разное...

— Про Бога больше...

А какой-то чернорабочій человѣкъ стоитъ въ сторонѣ у телѣги, пристально смотритъ на меня и ласково улыбается. Полицейскій, однако, за шиворотъ меня схватилъ; хочется мнѣ стряхнуть его, но, вижу, люди смотрятъ на меня искоса, вполглаза, словно спрашиваютъ:

— А теперь что̀ ты скажешь?

И отъ ихъ недовѣрія бѣднѣю я.

Однако во̀-время справился, отвелъ руку начальства, говорю ему:

— Хочешь знать, что̀ я сказалъ?

И снова началъ разсказывать о несправедливой жизни, — снова сгрудился базарный народъ большой толпой, полицейскій теряется въ ней, затираютъ его. Вспоминаю Костю и заводскихъ ребятъ, чувствую гордость въ себѣ и великую радость—снова и сплошь, и какъ во снѣ... Свиститъ полицейскій, мелькаютъ разныя лица, горитъ множество глазъ, качаются люди жаркой волной, подталкиваютъ меня, и легокъ я среди нихъ. Кто-то за плечо схватилъ, шепчетъ мнѣ въ ухо:

— Иди, довольно, иди!

И толкаютъ, толкаютъ меня... Вотъ очутился я уже на какомъ-то дворѣ, чернобородый мужчина со мной рядомъ и одинъ молодецъ безъ шапки на головѣ. Черный говоритъ:

— Лѣзь черезъ плетень!

Лѣзу, потомъ—черезъ другой; забавно и пріятно мнѣ.

„Ага!—думаю,—вотъ вы какъ?“

А чернобородый торопитъ:

— Живо, товарищъ, живо!

На ходу спрашиваю его:

— Вы—изъ какихъ?

— Изъ этакихъ!—говоритъ.

Парень безъ шапки слѣдомъ идетъ и молчитъ. Прошли огороды, опустились въ оврагъ, — по дну его ручей бѣжитъ, въ кустахъ тропа вьется. Взялъ меня черный за руку, смотритъ въ глаза и, смѣясь, говоритъ:

— Ну, благополучнаго пути! Вотъ Ѳедюкъ тебя проводитъ до хорошей дороги, иди!

Парень говоритъ ему:

— А ты самъ скорѣй уходи...

Черный согнулся и полѣзъ въ гору, а я и Ѳедюкъ пошли вдоль ручья.

— Что это за человѣкъ?—спрашиваю.

— Ссыльный, кузнецъ. Тоже за политику.

— Этакихъ,—молъ,—я знаю!

Весело мнѣ. А онъ—молчитъ.

Взглянулъ я на парня: лицо круглое, курносое, точно изъ камня высѣчено, а сѣрые глаза далеко впередъ ушли. Говоритъ глухо, идетъ безъ шума и вытянулся весь, словно прислушивается или большая сила кверху тянетъ его. Руки за спиной держитъ, какъ, бывало, мой тесть.

— Ты самъ—здѣшній?

— Поповъ батракъ.

— А гдѣ у тебя шапка-то?

Пощупалъ голову, поглядѣлъ на меня и спрашиваетъ:

— Тебѣ она на что?

— Такъ. Вечеръ, холодно будетъ...

Помолчалъ онъ, потомъ неохотно ворчитъ:

— Песъ съ ней, съ шапкой,—была бы голова!

Оврагъ все глубже, ручей звенитъ слышнѣе, вечеръ встаетъ изъ кустовъ.

Въ душѣ у меня неясно, а пріятно, и хочется мнѣ говорить съ человѣкомъ.

— Одинъ,—спрашиваю,—ссыльный-то у васъ?

Тутъ парень точно шубу распахнулъ, весь открылся и медленно, глухо забубнилъ:

— Четверо. Баринъ изъ Москвы, трое рабочихъ съ Дона. Двое—смирные, даже водку пьютъ, а баринъ и этотъ, Ратьковъ, они—говорятъ! Тайно. Кое съ кѣмъ. А при всемъ народѣ—не рѣшались покамѣстъ. Ихъ тутъ много. Они—кругомъ. Самъ я—бирскій, Митьковъ Ѳедоръ. Пятый годъ здѣсь. За это время ихъ тутъ было одиннадцать. Въ Олежиномъ—восемь, въ Шиковой—трое...

Считалъ онъ долго, десятковъ до шести дошелъ; кончивъ—подумалъ и снова говоритъ, шевеля пальцами:

— Даже нѣкоторые мужики между ними. Всѣ говорятъ одно: не годится такая жизнь! Стѣсняетъ. Покуда я этого не слыхалъ—жилъ спокойно. А теперь—вижу, ростомъ я не выросъ, а приходится голову нагибать, значитъ, вѣрно, стѣсняетъ.

Бесѣдуетъ парень трудно, выдергиваетъ каждое слово точно изъ-подъ ногъ. Идетъ впереди, на меня не оглядывается, широкій, крѣпкій. Спрашиваю:

— Грамотенъ?

— Зналъ, да позабылъ. Теперь съ начала обучаюсь. Ничего, могу. Надо, ну и можешь. А надо... Ежели бы только господа говорили о стѣсненіи жизни, такъ и песъ съ ними, у нихъ всегда другая вѣра была! Но если свой братъ, бѣдный рабочій человѣкъ, началъ, то ужъ, значитъ, вѣрно! И потомъ— стало такъ, что иной человѣкъ изъ простыхъ уже дальше барина прозрѣваетъ. Значитъ, это общее, человѣчье началось. Они такъ и говорятъ: общее, человѣчье. А я — человѣкъ. Стало-быть, и мнѣ дорога съ ними. Вотъ я и думаю...

Слушаю я его и говорю самъ себѣ:

— Учись, Матвѣй...

А потомъ говорю ему:

— Что же,—молъ,—думать? Это дѣло—Божье!

Онъ всталъ,—коломъ воткнулся въ землю, такъ что я его въ спину толкнулъ,—повернулъ ко мнѣ лицо и строго спрашиваетъ:

— То-то, Божье ли? Вотъ я и думаю. Потому что указано—чти отца! И власти—онѣ, тоже сказано, отъ Бога. Это подтверждено знаменіями. Значитъ, ежели старый законъ измѣняется — тоже должны быть даны знаменія! А гдѣ они? Въ сторону новыхъ законовъ — нѣтъ чудесъ! Никакихъ. Все по-старому. Вонъ въ Нижнемъ мощи открыли — и даны чудеса; говорятъ: не тѣ мощи, борода, дескать, у Серафима сѣдая была, а показываютъ—рыжую. Да дѣло-то не въ бородѣ, а въ чудѣ. Были чудеса? Были! Они этого не признаютъ. Считаютъ обманомъ всѣ признаки. Или говорятъ — это вѣра творитъ чудеса. И бываетъ такъ, что хочется мнѣ перебить ихъ, чтобы не смущали.

Снова стоитъ онъ, и вокругъ него ночь поднимается съ земли. Круче падаетъ тропинка, торопливѣе бѣжитъ ручей, и, тихо качаясь, шелестятъ кусты.

Я тихонько говорю человѣку:

— Иди, братъ!

Пошелъ онъ. И во тьмѣ не спотыкался, а я то и дѣло тыкаюсь въ спину ему.

Катится онъ внизъ, подобно камню, и въ тишинѣ гудятъ жуткія слова:

— Вѣдь ежели я повѣрю—тогда шабашъ! Я—не милостивъ, нѣтъ! У меня братъ въ солдатахъ былъ — удавился; сестра у кумысниковъ подъ Бирскомъ въ прислугахъ жила—ребенокъ у нея отъ нихъ кривоногій: четыре года, а не ходитъ. Значитъ, пропала дѣвка изъ-за баловства. Куда ее теперь? Отецъ— пьяница, а старшій братъ всю землю захватилъ. Весь я тутъ...

Вертимся мы съ нимъ среди кустовъ въ сырой тьмѣ; ручей то уходитъ отъ насъ въ глубину, то снова подъ ноги подкатится. Надъ головами безшумно пролетаютъ ночныя птицы, выше ихъ—звѣзды. Хочется мнѣ скорѣе итти, а человѣкъ впереди меня не спѣшитъ и непрерывно бормочетъ, какъ бы считая мысли свои, взвѣшивая ихъ тяжесть.

— Этотъ черный, Ратьковъ, хорошій человѣкъ! Живетъ уже по новому закону. За обиженнаго вступается. Меня урядникъ палкой билъ—сейчасъ онъ урядника объ землю. Посадили его на пятнадцать дней. Первое наше знакомство. Вышелъ онъ, я его спрашиваю: „ты какъ это можешь выступать противъ начальства?“. Онъ мнѣ сейчасъ разсказалъ свой законъ. Я къ попу. А попъ говоритъ: „ага! ты вотъ какія мысли крутишь!“. Ратькова въ городъ отвезли въ тюрьму, три мѣсяца сидѣлъ, а я—девятнадцать дѣнъ. Спрашиваютъ тамъ меня: „Онъ что говорилъ?“—„Ничего“.—„Чему училъ?“—„Ничему не училъ“. Я тоже не дуракъ! Воротился Ратьковъ. Я говорю: „прости меня, дуракъ я былъ“. Онъ только смѣется. „Ерунда“,—говоритъ

Помолчалъ мой путеводитель и тише, новымъ голосомъ продолжаетъ:

— У него—все ерунда! Кровью харкаетъ—ерунда! Ѣсть нечего—ерунда!

Вдругъ выругался по-матерному, обернулся грудью ко мнѣ и сквозь зубы свиститъ:

— Я все могу понять. Братъ пропалъ—это бываетъ въ солдатахъ. И сестрино дѣло—не рѣдкое. А зачѣмъ этого человѣка до крови замучили, этого не могу понять. Я за нимъ, какъ собака, побѣгу, куда велитъ. Онъ меня зоветъ „земля“... „Земля“,—говоритъ,—и смѣется. И что его всегда мучаютъ, это мнѣ—ножъ.

И снова похабно выругался, точно пьяный монахъ.

Раскрылся оврагъ, развернулъ свои стѣны по полю и, наклонивъ ихъ, слилъ съ темнотой.

— Ну,—говоритъ мнѣ провожатый,—прощай теперь!

Разсказалъ дорогу на Омскъ, повернулъ назадъ и скрылся во тьмѣ. Безъ шапки.

Какъ погасли въ тишинѣ его тяжелые шаги, сѣлъ я, не хочу дальше итти!

Плотно легла на землю ночь и спитъ, свѣжая, густая, какъ масло. Въ небѣ ни звѣздъ ни луны, и ни одного огня вокругъ, но тепло и свѣтло мнѣ. Гудятъ въ моей памяти тяжелыя слова провожатаго, и похожъ онъ на колоколъ, который долго въ землѣ лежалъ, весь покрытъ ею, изъѣденъ ржавчиной, и хотя глухо звонитъ, а по-новому.

Стоитъ предо мною сельскій народъ, серьезно и чутко слушая мою рѣчь, мелькаютъ озабоченныя лица, отгирая меня въ сторону отъ начальства.

„Вотъ какъ?“ — удивленно думаю я, и трудно повѣрить, что это было.

И снова думаю:

„Парень этотъ ищетъ знаменій, — онъ самъ чудо, коли могъ сохранить въ ужасахъ жизни любовь къ человѣку! И толпа, которая слушала меня—чудо, ибо вотъ—не оглохла она и не ослѣпла, хотя долго и усердно оглушали, ослѣпляли ее. И еще большее чудо—Михайла съ товарищами!“

Спокойно и плавно текутъ мои мысли, необычно это для меня и неожиданно. Осторожно разглядываю себя, тихонько обыскиваю сердце—хочу найти въ немъ тревоги и спорныя недоумѣнія. Улыбаюсь въ безгласной темнотѣ и боюсь пошевелиться, чтобы не расплескать незнакомую радость, коей сердце по края полно. Вѣрю и не вѣрю этой удивительной полнотѣ души, неожиданной находкѣ для меня.

Словно нѣкая бѣлая птица, давно уже рожденная, дремала въ сумракѣ души моей, а я этого не зналъ и не чувствовалъ. Но вотъ нечаянно коснулся ея, пробудилась она и тихо поетъ на утрѣ—трепещутъ въ сердцѣ легкія крылья, и отъ горячей пѣсни таетъ ледъ моего невѣрія, превращаясь въ благодарныя слезы. Хочется мнѣ говорить какія-то слова, встать, итти и пѣть пѣсню, да человѣка встрѣтить бы и жадно обнять его!

Вижу предъ собой лучистое лицо Іоны, милые глаза Михайлы, строгую усмѣшку Кости: всѣ знакомые, милые и новые люди ожили, сошлись въ моей груди и расширяютъ ее—до боли хорошо!

Такъ я, бывало, въ заутреню на Пасху Бога, себя и людей любилъ. Сижу и, вздрагивая, думаю:

„Господи, не Ты ли это? Не Ты ли это, красота красотъ, радость моя и счастіе?“

Кругомъ — тьма и въ ней свѣтлыя лица вѣрующихъ, тихо кругомъ, только мое сердце немолчно поетъ.

И глажу я землю руками, глупо похлопываю ладонями по ней, точно она конь мой и чувствуетъ ласку.

Не могу сидѣть, всталъ и пошелъ—сквозь ночь, вспоминая Костины слова, видя предъ собою дѣтскую строгость его глазъ, — пошелъ и, опьяненный радостью, до поздней осени ходилъ по міру, собирая душой щедрыя и новыя даянія его.

Въ Омскѣ на вокзалѣ переселенцевъ видѣлъ, хохловъ: много земли покрывали они тѣломъ своимъ, великая дружина

трудовой силы. Ходилъ между ними, слушая ихъ мягкую рѣчь, спрашивалъ:

— Не боитесь такъ далеко забросить себя?

Одинъ изъ нихъ, сѣдой и согнутый работой, отвѣтилъ:

— Лишь бы была подъ ногами земля, а на ней—все недалеко! Тѣсно на землѣ, человѣкъ, тому, кто своимъ трудомъ долженъ жить; тѣсно, эхъ!

Раньше слова̀ горя и печали пепломъ ложились на сердце мнѣ, а теперь какъ острая искра зажигаютъ его, ибо всякое горе нынѣ—мое горе, и недостатокъ свободы народу утѣсняетъ меня.

Нѣтъ людямъ мѣста и времени духовно расти—и это горько, это опасно опередившему ихъ, ибо остается онъ одинъ впереди, не видятъ люди его, не могутъ подкрѣпать силою своей, и, одинокій, безполезно истлѣваетъ онъ въ огнѣ желаній своихъ.

Говорю я хохламъ, зная ихъ ласковый языкъ:

— Вѣка ходитъ народъ по землѣ туда и сюда, ищетъ мѣста, гдѣ бы могъ свободно приложить силу свою для строенія справедливой жизни; вѣка ходите по землѣ вы, законные хозяева ея,—отчего? Кто не даетъ мѣста народу, царю земли, на тронѣ его, кто развѣнчалъ народъ, согналъ его съ престола и гонитъ изъ края въ край, творца всѣхъ трудовъ, прекраснаго садовника, возрастившаго всѣ красоты земли?

Разгораются очи людей, свѣтитъ изъ нихъ пробудившаяся человѣческая душа, и мое зрѣніе тоже становится широко и чутко: видишь на лицѣ человѣка вопросъ и тотчасъ отвѣчаешь на него; видишь недовѣріе—борешься съ нимъ. Черпаешь силу изъ открытыхъ передъ тобою сердецъ и этой же силою объединяешь ихъ въ одно сердце.

Если, говорятъ людямъ, задѣнешь словомъ своимъ общее всѣмъ, тайно и глубоко погруженное въ душѣ каждаго истинно-человѣческое, то изъ глазъ людей истекаетъ лучистая сила, насыщаетъ тебя и возноситъ выше ихъ. Но не думай, что то твоя воля подняла тебя: окрыленъ ты скрещеніемъ въ душѣ твоей всѣхъ силъ, извнѣ обнявшихъ тебя, крѣпокъ силою, кою люди воплотили въ тебѣ на сей часъ; разойдутся они, разрушится ихъ духъ, и снова ты—равенъ каждому.

Такъ началъ я скромный свой благовѣстъ, призывая людей къ новой службѣ, во имя новой жизни, но еще не зная Бога моего.

Въ Златоустѣ, въ день какого-то праздника, на площади говорилъ, и опять полиція вмѣшалась, ловили меня, а народъ снова скрылъ.

Познакомился я тамъ съ великолѣпными людьми; один изъ нихъ, Яша Владыкинъ, студентъ изъ духовнаго званія и теперь мой крѣпкій другъ, и на всю жизнь такимъ будет Въ Бога не вѣруя, церковную музыку любилъ онъ до слез играетъ на фисгармоніи псалмы и плачетъ, милѣйшій чудак

Я его спрашиваю, смѣясь:

— Отчего же ты ревешь, еретикъ, аѳеистъ?

Кричитъ мнѣ, потрясая руками:

— Отъ радости, отъ предчувствія великихъ красотъ, ко будутъ сотворены! Ибо—если даже въ такой суетной и гряз ной жизни, ничтожными силами единицъ уже создана стол велія красота,—что же будетъ содѣяно на землѣ, когда вес духовно освобожденный міръ начнетъ выражать горѣніе свое великой души въ псалмахъ и въ музыкѣ?

Начнетъ онъ говорять о будущемъ, ослѣпительно ясном для него, и самъ удивляется видѣніямъ своимъ. Многимъ обязанъ этому другу своему, равно какъ и Михайлѣ.

Десятки видѣлъ я удивительныхъ людей—одинъ до другог посылали они меня изъ города въ городъ,—иду я, какъ в огненнымъ вѣхамъ, — и всѣ они зажжены пламенемъ одно вѣры. Невозможно исчислить разнообразіе людей и выразит радость при видѣ духовнаго единства всѣхъ ихъ.

Великъ народъ русскій, и неописуемо прекрасна жизнь!

Въ Казанской губерніи пережилъ я послѣдній ударъ в сердце, тотъ ударъ, который завершаетъ строеніе храма.

Было это въ Седьміозерной пустыни, за крестнымъ ходом съ чудотворной иконой Божіей Матери: въ тотъ день ждал возвращенія иконы въ обитель изъ города,—день торжественны

Стоялъ я на пригоркѣ надъ озеромъ и смотрѣлъ: все во кругъ залито народомъ, и течетъ темными волнами тѣло на родное къ воротамъ обители, бьетъ, плещется о стѣны ея— нисходитъ солнце, и ярко-красны его осенніе лучи. Колокол трепещутъ, какъ птицы, готовыя летѣть вслѣдъ за пѣсны своей, и вездѣ — обнаженныя головы людей краснѣютъ в лучахъ солнца, подобно махровымъ макамъ.

У воротъ обители — чуда ждутъ: въ небольшой телѣжк молодая дѣвица лежитъ неподвижно; лицо ея застыло, как бѣлый воскъ, сѣрые глаза полуоткрыты, и вся жизнь ея—в тихомъ трепетѣ длинныхъ рѣсницъ.

Рядомъ съ нею отецъ, высокій мужчина, лысый и сѣдо бородый, съ большимъ носомъ, и мать—полная, круглолица подняла она брови, открыла широко глаза, смотритъ впередъ шевеля пальцами, и кажется, что сейчасъ закричитъ он пронзительно и страстно.

Подходятъ люди, смотрятъ больной въ лицо, а отецъ мѣрнымъ голосомъ говоритъ, тряся бородой:

— Пожалѣйте, православные, помолитесь за несчастную, безъ рукъ, безъ ногъ лежитъ четвертый годъ; попросите Богородицу о помощи, возмѣстится вамъ Господомъ за святыя молитвы ваши, помогите отцу-матери горе избыть.

Видимо, давно возитъ онъ дочь свою по монастырямъ и уже потерялъ издежду на излѣченіе; выпѣваетъ неустанно одни и тѣ же слова, а звучатъ они въ его устахъ мертво. Люди слушаютъ прошеніе его, вздыхая, крестятся, а рѣсницы дѣвушки все дрожатъ, окрыляя тоскливые глаза.

Можетъ-быть, двадцать разслабленныхъ дѣвицъ видѣлъ я, десятки кликушъ и другихъ немощныхъ, и всегда мнѣ было совѣстно, обидно за нихъ, — жалко бѣдныя, лишенныя силы тѣла, жалко ихъ безплоднаго ожиданія чуда. Но никогда еще не чувствовалъ я жалость съ такой силой, какъ въ этотъ разъ.

Великая нѣмая жалоба застыла на бѣломъ, полумертвомъ лицѣ дочери, и безгласная тоска туго охватила мать. Тяжело стало мнѣ, отошелъ я, а забыть не могу.

Тысячи глазъ смотрятъ вдаль, и вокругъ меня плыветъ, точно облако, теплый и густой шопотъ:

— Несутъ, несутъ!

Тяжело и медленно поднимается въ гору народъ, словно темный валъ морской, красной пѣной горитъ надъ нимъ золото хоругвей, брызгая снопами яркихъ искръ, и плавно качается, рѣетъ, подобно огненной птицѣ, осіянная лучами солнца, икона Богоматери.

Изъ тѣла народа поднимается его могучій вздохъ—тысячеголосое пѣніе:

— Заступница усердная, Мати Господа Вышняго!

Рубятъ пѣніе глухіе крики:

— Шагу! Прибавь шагу! Шагу!

Въ рамѣ синяго лѣса свѣтло улыбается озеро, таетъ красное солнце, утопая въ лѣсу, веселъ мѣдный гулъ колоколовъ. А вокругъ — скорбныя лица, тихій и печальный шопотъ молитвы, отуманенные слезами глаза, и мелькаютъ руки, творя крестное знаменіе.

Одиноко мнѣ. Все это для меня—заблужденіе безрадостное, полное безсильнаго отчаянія, усталаго ожиданія милости.

Подходятъ снизу люди; лица ихъ покрыты пылью, ручьи пота текутъ по щекамъ, дышатъ тяжко, смотрятъ странно, какъ бы не видя ничего, толкаются, пошатываясь на ногахъ. Жалко ихъ, жалко силу вѣры, распыленную въ воздухѣ.

Нѣтъ конца теченію народа!

Возбужденно, но мрачно и какъ бы укоряя, несется по воздуху мощный крикъ:

— Радуйся, Всеблагая, радуйся!

И снова:

— Шагу! Шагу!

Въ цѣломъ облакѣ пыли сотни черныхъ лицъ, тысячи глазъ, точно звѣзды млечнаго пути. Вижу я: всѣ эти очи — какъ огненныя искры одной души, жадно ожидающей невѣдомой радости.

Идутъ люди, какъ одно тѣло, плотно прижались другъ къ другу, взялись за руки и идутъ такъ быстро, какъ будто страшно далекъ ихъ путь, но готовы они сейчасъ же неустанно итти до конца его.

Душа моя дрожитъ великой дрожью непонятной тревоги; какъ молнія вспыхнуло въ памяти великое слово Іонино:

— Богостроитель народъ!?

Рванулся я, опрокинулся ввстрѣчу народу, бросился въ него съ горы и пошелъ съ ними, и запѣлъ во всю грудь:

— Радуйся, благодатная сила всѣхъ силъ!

Схватили меня, обняли—и поплылъ человѣкъ, тая во множествѣ горячихъ дыханій. Не было земли подъ ногами моими, и не было меня и времени не было тогда, но только—радость, необъятная, какъ небеса. Былъ я раскаленнымъ углемъ пламенной вѣры, былъ незамѣтенъ и великъ, подобно всѣмъ, окружавшимъ меня во время общаго полета нашего.

— Шагу!

И неудержимо летитъ надъ землею народъ, готовый перешагнуть всѣ преграды и пропасти, всѣ недоумѣнія и темные страхи свои.

Помню — остановилось все около меня, возникло смятеніе, очутился я около телѣжки съ больной, помню крики и ропотъ:

— Молебенъ, молебенъ!

Было великое возбужденіе: толкали телѣжку, и голова дѣвицы немощно, безсильно качалась, большіе глаза ея смотрѣли со страхомъ. Десятки очей обливали больную лучами, на разслабленномъ тѣлѣ ея скрестились сотни силъ, вызванныхъ къ жизни повелительнымъ желаніемъ видѣть больную возставшей съ одра, и я тоже смотрѣлъ въ глубину ея взгляда и невыразимо хотѣлось мнѣ вмѣстѣ со всѣми, чтобы встала она, не себя ради и не для нея, но для чего-то иного, предъ чѣмъ и она и я — только перья птицы въ огнѣ пожара.

Какъ дождь землю влагою живой, насыщалъ народъ изсохшее

тѣло дѣвицы этой силою своей, шепталъ онъ и кричалъ мнѣ и ей:

—Ты—встань, милая, вставай! Подними руки-то, не бойся! Ты вставай, вставай безъ страха! Болѣзная, вставай! Милая! Подними ручки-то!

Сотни звѣздъ вспыхнули въ душѣ ея, и розовыя тѣни загорѣлись на мертвомъ лицѣ; еще больше раскрылись удивленные и радостные глаза, и, медленно шевеля плечами, она покорно подняла дрожащія руки и послушно протянула ихъ впередъ—уста ея были открыты, и была она подобна птенцу, впервые вылетающему изъ гнѣзда своего.

Тогда все вокругъ охнуло, — словно земля мѣдный колоколъ и нѣкій Святогоръ ударилъ въ него со всей силою своей,—вздрогнулъ, пошатнулся народъ и смѣшанно закричалъ:

— На ноги! Помогай ей! Вставай, дѣвушка, на ноги! Поднимайте ее!

Мы схватили дѣвицу, приподняли ее, поставили на землю и держимъ легонько, а она сгибается, какъ колосъ на вѣтру, и вскрикиваетъ:

— Милые! Господи! О, Владычица! Милые!

— Иди,—кричитъ народъ,—иди!

Помню пыльное лицо въ поту и слезахъ, а сквозь влагу слезъ повелительно сверкаетъ чудотворная сила — вѣра во власть свою творитъ чудеса.

Тихо идетъ среди насъ исцѣленная, довѣрчиво жмется ожившимъ тѣломъ своимъ къ тѣлу народа, улыбается, бѣлая вся, какъ цвѣтокъ, и говоритъ:

— Пустите, я—одна!

Остановилась, покачнулась—идетъ. Идетъ, точно по ножамъ, разрѣзающимъ пальцы ногъ ея, но идетъ одна, боится и смѣется, какъ малое дитя, и народъ вокругъ нея тоже радостенъ и ласковъ, подобно ребенку. Волнуется, трепещетъ тѣло ея, а руки она простерла впередъ, опираясь ими о воздухъ, насыщенный силою народа, и отовсюду поддерживаютъ ее сотни свѣтлыхъ лучей.

У воротъ обители пересталъ я видѣть ее и немного опамятовался, смотрю вокругъ: всюду праздникъ и праздничный гулъ, звонъ колокольный и властный говоръ народа, въ небѣ ярко пылаетъ заря, и озеро одѣлось багрянцемъ ея отраженій.

Идетъ мимо меня нѣкій человѣкъ, улыбается и спрашиваетъ:

— Видѣлъ?

Обнялъ я его и поцѣловалъ, какъ брата послѣ долгой разлуки, и больше ни слова не нашлось у насъ сказать другъ другу; улыбаясь, молча разошлись.

...Ночью я сидѣлъ въ лѣсу надъ озеромъ, снова одинъ, но уже навсегда и неразрывно связанный душою съ народомъ, владыкой и чудотворцемъ земли.

Сидѣлъ и слушалъ, какъ все, что̀ видѣлъ и позналъ я, растетъ во мнѣ и горитъ единымъ огнемъ, я же отражаю этотъ свѣтъ снова въ мірѣ, и все въ немъ пламенѣетъ великой значительностью, одѣвается въ чудесное, окрыляетъ духъ мой стремленіемъ поглотить міръ, какъ онъ поглотилъ меня.

Нѣтъ у меня словъ, чтобы передать восторгъ этой ночи, когда одинъ во тьмѣ я обнялъ всю землю любовью моею, всталъ на вершину пережитаго мной и увидѣлъ міръ подобнымъ огненному потоку живыхъ силъ, бурно текущихъ къ сліянію во единую, цѣль которой—недоступна мнѣ.

Но я радостно понялъ, что недоступность цѣли есть источникъ безконечнаго роста духа моего и великихъ красотъ мірскихъ, а въ безконечности этой—безчисленность восторговъ для живой души человѣческой.

Наутро и солнце явилось для меня съ другимъ лицомъ: видѣлъ я, какъ лучи его осторожно и ласково плавили тьму, сожгли ее, обнажили землю отъ покрововъ ночи, и вотъ встала она предо мной въ цвѣтномъ и пышномъ уборѣ осени—изумрудное поле великихъ игръ людей и боя за свободу игръ, святое мѣсто крестнаго хода къ празднику красоты и правды.

Видѣлъ я ее, мать мою, въ пространствѣ между звѣздъ, и какъ гордо смотритъ она очами океановъ своихъ въ дали и глубины; видѣлъ ее, какъ полную чашу ярко-красной, неустанно-кипящей, живой крови человѣческой, и видѣлъ владыку ея—всесильный, безсмертный народъ.

Окрыляетъ онъ жизнь ея величіемъ дѣяній и чаяній ея, и я молился:

— Ты еси мой Богъ и творецъ всѣхъ боговъ, соткавшій ихъ изъ красотъ духа Своего въ трудѣ и мятежѣ исканій Твоихъ!

— Да не будутъ міру бози иніи развѣ Тебе, ибо Ты еси единъ Богъ, творяй чудеса!

— Тако вѣрую и исповѣдую!

...И—по семъ, возвращаюсь туда, гдѣ люди освобождаютъ души ближнихъ своихъ изъ плѣна тьмы и суевѣрій, собираютъ народъ воедино, освѣщаютъ предъ нимъ тайное лицо его, помогаютъ ему осознать силу воли своей, указываютъ людямъ единый и вѣрный путь ко всеобщему сліянію ради великаго дѣла—всемірнаго богостроительства ради!

1908.

ЖИЗНЬ НЕНУЖНАГО ЧЕЛОВѢКА.

I.

Когда Евсею Климкову было четыре года—отца его застрѣлилъ полѣсовщикъ, а когда ему минуло семь лѣтъ—умерла мать. Она умерла вдругъ, въ полѣ, во время жатвы, и это было такъ странно, что Евсей даже не испугался, когда увидалъ ее мертвой.

Дядя Петръ, кузнецъ, положивъ руку на голову мальчика, сказалъ:

— Чего будемъ дѣлать?

Евсей покосился на уголъ, гдѣ на лавкѣ лежала мать, и тихонько отвѣтилъ:

— Я не знаю.

Кузнецъ вытеръ рукавомъ рубахи потъ съ лица, долго молчалъ, а потомъ тихонько оттолкнулъ племянника.

— Жить у меня будешь. Въ училище, что ли, отдать тебя, чтобы не мѣшалъ ты? Эхъ, старичокъ...

Съ того дня мальчика стали звать Старикомъ. Это шло къ нему: ростомъ онъ былъ не по годамъ малъ, двигался вяло, говорилъ тонкимъ голосомъ. На его костлявомъ лицѣ уныло торчалъ маленькій птичій носъ, пугливо мигали круглые, безцвѣтные глаза, рѣдкіе желтые волосы росли вихрами; въ немъ было что-то хилое, сморщенное. Ребятишки въ школѣ смѣялись надъ нимъ и колотили его—скучный старческій видъ и совиное лицо почему-то раздражали наиболѣе здоровыхъ и бойкихъ дѣтей. Онъ сторонился отъ нихъ и жилъ молча, одиноко, всегда гдѣ-то въ тѣни, въ уголкахъ и ямкахъ. Круглыми глазами, не мигая, онъ смотрѣлъ оттуда на людей, незамѣтный, опасливо съежившійся. Когда же глаза уставали, онъ закрывалъ ихъ и долго сидѣлъ слѣпой, тихонько раскачивая худое, легкое тѣло. Онъ старался такъ же незамѣтно держаться и въ семьѣ дяди, но здѣсь это было трудно—приходилось

обѣдать и ужинать вмѣстѣ со всѣми, а когда онъ сидѣлъ за столомъ, младшій сынъ дяди, Яковъ, толстый и румяный, всячески старался задѣть или разсмѣшить его, дѣлалъ гримасы, показывалъ языкъ, толкалъ подъ столомъ ногами и щипалъ. Разсмѣшить не удавалось, но часто Евсей вздрагивалъ отъ боли, его желтое лицо сѣрѣло, глаза широко раскрывались, и ложка въ рукѣ его дрожала.

— Ты чего, Старичокъ?—спрашивалъ дядя Петръ.

— Это меня Яшка,—безъ жалобы, ровнымъ голосомъ объяснялъ мальчикъ.

Если дядя Петръ давалъ Яшкѣ подзатыльника или дергалъ его за волосы, тетка Агаѳья, оттопыривъ губы, сердито гудѣла:

— У-у, ябедникъ!

А потомъ Яшка находилъ его гдѣ-нибудь и долго, усердно билъ по спинѣ, по бокамъ, по животу. Евсей относился къ побоямъ, какъ къ неизбѣжному; жаловаться на Яшку было невыгодно, потому что, если дядя Петръ билъ сына, тетка Агаѳья съ лихвой возмѣщала эти побои на племянникѣ, а она дралась больнѣе Яшки. Поэтому, когда Евсей видѣлъ, что Яшка идетъ драться, онъ бросался на землю, крѣпко, какъ могъ, сжималъ свое тѣло въ комъ, подгибая колѣни къ животу, закрывалъ лицо и голову руками и молча отдавалъ бока и спину подъ кулаки брата. И всегда, чѣмъ терпѣливѣе выносилъ онъ побои, тѣмъ болѣе распалялся Яшка, порою онъ даже плакалъ и, пиная ногами тѣло брата, самъ кричалъ:

— Мокрица окаянная, реви!

Какъ-то разъ Евсей нашелъ подкову и подарилъ ее Яшкѣ, потому что тотъ все равно отнялъ бы находку. Смягченный подаркомъ, Яшка спросилъ его:

— Больно я тебя давеча побилъ?

— Больно!—отвѣтилъ Евсей.

Яшка подумалъ, почесалъ голову и смущенно сказалъ:

— Ну ужъ ничего, пройдетъ!

Онъ ушелъ, а его слово что-то задѣло въ душѣ Евсея, и онъ повторилъ вполголоса и съ надеждой:

— Пройдетъ...

Однажды онъ видѣлъ, какъ бабы-богомолки растирали усталыя ноги крапивой, онъ тоже попробовалъ потереть ею избитые Яшкой бока, ему показалось, что крапива сильно уменьшаетъ боль, и съ той поры послѣ побоевъ онъ основательно прижигалъ ушибленныя мѣста пушистыми листьями злого, никѣмъ нелюбимаго растенія.

Учился онъ плохо, потому что въ школу приходилъ насыщенный опасеніями побоевъ, уходилъ изъ нея полный обидъ.

Его страхъ быть обиженнымъ всегда былъ ясенъ и вызывалъ у всѣхъ неодолимое желаніе надавать Старику тумаковъ.

У Евсея оказался альтъ, и учитель взялъ его въ церковный хоръ. Дома пришлось бывать меньше, но зато онъ чаще встрѣчался съ товарищами по школѣ на спѣвкахъ, а всѣ они дрались не хуже Яшки. Старая деревянная церковь понравилась ему, въ ней было множество темныхъ уголковъ, и его всегда жутко тянуло заглянуть въ ихъ уютную, теплую тишину. Онъ тайкомъ ждалъ, что въ одномъ изъ нихъ найдетъ что-то необычное, хорошее, оно обниметъ его, ласково прижметъ къ себѣ и разскажетъ нѣчто, какъ, бывало, дѣлала его мать. Иконы были черныя отъ долголѣтней копоти, осѣвшей на нихъ, и всѣ святые лики, добрые и строгіе, одинаково напоминали бородатое, темное лицо дяди Петра.

А въ притворѣ церкви была картина, изображавшая, какъ святой поймалъ чорта и бьетъ его. Святой былъ темный, высокій, жилистый, съ длинными руками, а чортъ—красненькій, худощавый недоросточекъ, похожій на козленка. Сначала Евсей не смотрѣлъ на чорта, ему даже хотѣлось незамѣтно плюнуть на него, а потомъ стало жалко несчастнаго чертенка, и, когда вокругъ никого не было, онъ тихонько гладилъ рукой искаженную страхомъ и болью козлиную мордочку нечистаго.

Такъ впервые родилось у мальчика чувство жалости. Нравилась ему церковь еще и тѣмъ, что въ ней всѣ люди, даже извѣстные крикуны и буяны, вели себя тихо и покорно.

Громкій говоръ пугалъ Евсея, отъ возбужденныхъ лицъ и криковъ онъ бѣгалъ и прятался, потому что однажды въ базарный день видѣлъ, какъ мужики сначала говорили громко, потомъ начали кричать и толкать другъ друга, а потомъ кто-то схватилъ колъ, взмахнулъ имъ, ударилъ. Тогда раздался страшный вой, визгъ, многіе бросились бѣжать, сбили Старика съ ногъ, и онъ упалъ лицомъ въ лужу, а когда вскочилъ, то увидалъ, что къ нему идетъ, махая руками, огромный мужикъ, и на мѣстѣ лица у него—ослѣпительно красное, дрожащее пятно. Это было такъ страшно, что Евсей взвигнулъ и вдругъ точно провалился въ черную яму. Нужно было опрыскивать его водой, чтобы онъ пришелъ въ себя.

Пьяныхъ онъ тоже боялся—мать говорила ему, что въ пьянаго человѣка вселяется бѣсъ. Старику казалось, что этотъ бѣсъ—колючій, какъ ежъ, и мокрый, точно лягушка, рыжій, съ зелеными глазами. Онъ залѣзаетъ въ животъ у человѣка, сгозитъ тамъ—оттого человѣкъ и бѣсится.

Было въ церкви еще много хорошаго. Кромѣ мира, тишины и ласковаго сумрака, Евсею нравилось пѣніе. Когда онъ пѣлъ

не по нотамъ, то крѣпко закрывалъ глаза и, сливая свой свѣтлый, жалобный голосъ съ общей волной голосовъ такъ, чтобы его не было слышно, пріятно пряталъ куда-то всего себя, точно сладко засыпалъ. И въ этомъ полусонномъ состояніи ему всегда казалось, что онъ уплываетъ изъ жизни, приближается къ другой, ласковой и мирной.

У него родилась мечта, которую онъ однажды высказалъ дядѣ такими словами:

— А можно такъ жить, чтобы и ходить вездѣ и все видѣть, только чтобы меня никто не видалъ?

— Невидимкой?—спросилъ кузнецъ. И, подумавъ, отвѣтилъ:

— Надо полагать—нельзя этого.

Потомъ повернулъ къ племяннику черное лицо и серьезно добавилъ:

— Такъ-то, конечно, хорошо бы, сирота...

Съ той поры, какъ все село стало звать Евсея Старикомъ, дядя Петръ называлъ его сиротой. Во всемъ человѣкъ особенный, кузнецъ и пьяный былъ не страшенъ, онъ просто снималъ съ головы шапку, ходилъ по улицѣ, размахивая ею, высокимъ, заунывнымъ голосомъ пѣлъ пѣсни, улыбался, качалъ головой, а слезы текли изъ его глазъ обильнѣе, чѣмъ у трезваго. Евсею казалось, что его дядя самый умный и добрый мужикъ въ селѣ и съ нимъ можно говорить обо всемъ—часто улыбаясь, онъ почти никогда не смѣялся, говорилъ же не торопясь, тихо и серьезно. Иногда въ кузницѣ онъ говорилъ какъ бы самъ для себя, не замѣчая племянника или забывъ о немъ,—это особенно нравилось Евсею. Въ рѣчахъ своихъ онъ всегда спорилъ съ кѣмъ-то, кого-то увѣщевалъ.

— Окаянная,—не сердясь и негромко ворчалъ онъ,—ненасытная ты собачья пасть! Али я не работаю? Вотъ... глаза себѣ высушилъ, ослѣпну скоро, чего еще надо? Распроклятая ты жизнь-судьба тяжелая, ни красы ни радости...

Было похоже, какъ будто крестный складывалъ пѣсни, и Евсею казалось, что кузнецъ видитъ того, съ кѣмъ говоритъ.

Однажды онъ спросилъ:

— Ты съ кѣмъ говоришь?

— Говорю съ кѣмъ?—повторилъ кузнецъ, не взглянувъ на него, потомъ, усмѣхнувшись, отвѣтилъ:

— Съ глупостью со своей говорю...

Но бесѣдовать съ крестнымъ удавалось рѣдко, въ кузницѣ всегда былъ кто-нибудь посторонній, и часто вертѣлся круглый точно кубарь Яшка, заглушая удары молотка и трескъ углей въ горнѣ звонкимъ крикомъ,—при немъ Евсей не смѣлъ заглядывать къ дядѣ.

Кузница стояла на краю неглубокаго оврага, и на днѣ его, кустахъ ивняка, Евсей проводилъ все свободное время сной, лѣтомъ и осенью. Въ оврагѣ тоже было мирно, какъ церкви, щебетали птицы, гудѣли пчелы и шмели, дрожала воздухѣ хорошая, тихая пѣсня. Мальчикъ сидѣлъ тамъ, качиваясь, и думалъ о чемъ-то, крѣпко закрывъ глаза, или одилъ въ кустахъ, прислушиваясь къ шуму въ кузницѣ, и да чувствовалъ, что дядя одинъ тамъ, вылѣзалъ къ нему.

— Что̀, сирота?—встрѣчалъ его кузнецъ, внимательно при-ривая маленькіе влажные глаза, смоченные слезами.

Однажды Евсей спросилъ кузнеца:

— Нечистая сила ночью въ церкви бываетъ?

Подумавъ, кузнецъ отвѣтилъ:

— Чего ей не бывать? Она вездѣ пролѣзетъ, это ей легко...

Мальчикъ приподнялъ плечи и круглыми глазами пытливо упалъ темные углы кузницы.

— Ты ихъ не бойся, бѣсовъ-то!—посовѣтовалъ дядя.

Евсей вздохнулъ и тихо отвѣтилъ:

— Я не боюсь...

— Они тебѣ не вредны!—увѣренно объяснилъ кузнецъ, рая глаза черными пальцами.

Тогда Евсей спросилъ:

— А какъ же Богъ?

— А что̀ Онъ?

— Зачѣмъ Богъ чертей въ церковь пускаетъ?

— Ему что̀? Богъ церквамъ не сторожъ...

— Онъ тамъ не живетъ?

— Богъ-то? На что Ему! Ему, сирота, вездѣ мѣсто. Цер-ь—это для людей...

— А люди для чего?

— А люди—они, стало-быть... вообще, для всего! Безъ дей не обойдешься, н-да!

— Они—для Бога?

Кузнецъ искоса посмотрѣлъ на племянника и не сразу вѣтилъ.

— Конечно.

Потомъ потеръ руки о передникъ и, глядя въ огонь горна, оворилъ:

— Я этихъ дѣловъ не знаю, сирота. Ты бы учителя спро-ъ, а то—попа...

Евсей вытеръ носъ рукавомъ рубахи и отвѣтилъ:

— Я боюсь ихъ.

— Лучше бы тебѣ не говорить про этакое!—серьезно по-вѣтовалъ дядя Петръ.—Малъ ты. Ты гуляй себѣ, здоровья

нагуливай. Жить надо здоровому, если не силенъ, работ не можешь—тутъ совсѣмъ нельзя жить. Вотъ те и вся м мудрость... А чего Богу нужно—намъ неизвѣстно.

Замолчавъ, онъ подумалъ, не отрывая глазъ отъ огня, томъ продолжалъ серьезно и отрывисто:

— Съ одного краю—ничего не знаю, съ другого—не нимаю... Вся премудростью сотворилъ еси, говорится... Одно видно—чья свѣча передъ Богомъ толще, у того душа волчь

Онъ оглянулъ кузницу и, замѣтивъ въ углу мальчи сказалъ:

— Чего жмешься? Говорю—иди гуляй!

А когда Евсей робко пошелъ вонъ, кузнецъ прибав вслѣдъ ему:

— Искра попадетъ въ глазъ тебѣ, и будешь кривой. К кривого надо?

При жизни мать разсказала Евсею нѣсколько сказо Разсказывала она ихъ зимними ночами, когда мятель, тол избу въ стѣны, бѣгала по крышѣ, все ощупывала, какъ бу тоскуя искала чего-то, залѣзала въ трубу и плачевно вы тамъ на разные голоса. Мать говорила сказки тихимъ, с нымъ голосомъ, онъ у нея рвался, путался, часто она пов рила много разъ одно и то же слово—мальчику казалось, все, о чемъ она говоритъ, она видитъ во тьмѣ, только не видитъ.

Бесѣды дяди Петра напоминали Евсею материны сказ кузнецъ тоже, должно-быть, видѣлъ въ огнѣ горна и черт и Бога, и всю страшную человѣческую жизнь, оттого онъ плакалъ постоянно. Евсей слушалъ его рѣчи, легко запо налъ ихъ, онѣ одѣвали его сердце въ жуткій трепетъ ожи нія, и въ немъ незамѣтно сложилась надежда, что однаж онъ увидитъ нѣчто особенное, непохожее на жизнь въ се на пьяныхъ мужиковъ, злыхъ бабъ, крикливыхъ ребятиш нѣчто совсѣмъ иное—безъ шума, злобы и дракъ, ласковое серьезное, точно церковная служба.

У сосѣдей кузнеца была слѣпая дѣвочка Таня. Евсей дружился съ нею, водилъ ее гулять по селу, бережно по галъ ей спускаться въ оврагъ и тихимъ голосомъ разска валъ о чемъ-то, пугливо расширяя свои водянистые гла Эта дружба была замѣчена въ селѣ и всѣмъ понравилась, однажды мать слѣпой пришла къ дядѣ Петру съ жалоб Она заявила, что Евсей напугалъ Таню своими разговора теперь дѣвочка не можетъ оставаться одна, плачетъ, сп стала плохо, во снѣ мечется, вскакиваетъ и кричитъ.

— Что онъ ей наговорилъ—понять нельзя, но только о

о бѣсахъ лепечетъ и что небо черное, въ дырьяхъ, а возь дырья огонь видно, бѣсы въ немъ кувыркаются, дразнятъ людей. Что это такое? Развѣ можно этакое младенчику сказывать?

— Поди сюда!—позвалъ дядя Петръ племянника.

И, когда Евсей тихо подошелъ изъ угла, онъ, положивъ ему голову тяжелую, жесткую руку, спросилъ:

— Говорилъ ты это?

— Говорилъ

— Зачѣмъ?

— Не знаю.

Кузнецъ, не снимая руки, оттолкнулъ голову мальчика и, глядя ему въ глаза, серьезно сказалъ:

— Развѣ небо черное?

Евсей тихонько пробормоталъ:

— А какое же, если она не видитъ?

— Кто?

— Танька.

— Да!—сказалъ кузнецъ и, подумавъ, спросилъ:—А огонь красный? Это ты зачѣмъ выдумалъ?

Мальчикъ молчалъ, опустивъ глаза.

— Ну, говори, чай, не бьютъ тебя! Зачѣмъ ты ей этакое сказываешь, ну?

— Мнѣ ее жаль,—шопотомъ отвѣтилъ Евсей.

Кузнецъ легонько отодвинулъ его въ сторону и сказалъ:

— Больше съ ней разговаривать не моги, слышалъ? Ни-когда. Ты, тетка Прасковья, будь покойна. Дружбу эту мы порушимъ.

— Трепку бы дать ему!—посовѣтовала мать слѣпой.—Дѣвка жила тихо, никому не мѣшала, а теперь отойти отъ нельзя...

Когда Прасковья ушла, кузнецъ молча взялъ Евсея за руку, повелъ его на дворъ и тамъ спросилъ:

— Говори теперь толкомъ—зачѣмъ ты пугалъ дѣвчонку?

Голосъ дяди звучалъ не громко, но строго. Евсей струсилъ быстро, заикаясь, сталъ оправдываться.

— Я не пугалъ,—я только такъ, она все жалуется: я, говоритъ, только черное вижу, а ты—все! Я и сталъ говорить что все черное, чтобы она не завидовала,—я вовсе не пугалъ...

Онъ всхлипнулъ, чувствуя себя обиженнымъ. Дядя Петръ тихо засмѣялся.

— Дуракъ! Ты бы подумалъ—вѣдь она всего три года, какъ ослѣпла. вѣдь не слѣпой она родилась,—послѣ оспы это

у нея! Значитъ, помнитъ она, что̀ какъ свѣтитъ! Экій глупый!

— Я не глупый, она мнѣ повѣрила!—возразилъ Евс вытирая глаза.

— Ну ладно. Только ты не водись съ ней. Слышишь?

— Не буду я...

— А что плачешь—это ничего! Пусть думаютъ, будто тебя побилъ.

Кузнецъ толкнулъ Евсея въ плечо и, усмѣхаясь, добави

— Жулики мы съ тобой!

Тогда мальчуганъ ткнулся головой въ бокъ ему, спраши дрожащимъ голосомъ:

— За что меня всѣ обижаютъ?

— Не знаю, сирота!—отвѣтилъ дядя, подумавъ.

А обиды стали приносить мальчику ѣдкое удовольствіе, немъ туманно назрѣвало убѣжденіе, что онъ не такой, ка всѣ, потому его и обижаютъ. Онъ видѣлъ, что всѣ люди бы злы, они устали отъ злости, жили, обманывая другъ дру ньянствовали, дрались, обижали другъ друга тяжелыми о дами, каждый добивался власти надъ другимъ, а надъ со былъ не властенъ, не видно было человѣка, который боялся бы чего-нибудь, вся жизнь была насыщена страхо и онъ разъединялъ людей.

Село стояло на пригоркѣ. За рѣкою тянулось топкое лото. Лѣтомъ, послѣ жаркихъ дней, съ топей поднимал лиловатый душный туманъ, а вдали, изъ-за мелкаго лѣ всходила на небо злая, красная луна. Огромная, круг она смотрѣла сквозь туманъ, какъ тусклое зловѣщее око, лото дышало на село гнилымъ дыханіемъ, посылало на лю тучи комаровъ, воздухъ нылъ, плакалъ отъ жадной суеты тоскливаго пѣнія, люди до крови чесались, сердитые и жал

Евсею казалось, что луна молча сулитъ ему всякіе бѣ и страхи, онъ боялся ея красновато-грязнаго лица и, ув дѣвъ его надъ болотомъ, прятался гдѣ-нибудь, а ночью мучили тяжелые сны.

Ночами по болоту плутали синіе дрожащіе огни, гово лось, что это безпріютныя души грѣшниковъ; люди сок шенно вздыхали, жалѣя о нихъ, но другъ друга не жалѣ

Но они могли жить иначе, дружно и весело. Ев однажды видѣлъ это.

У богатаго мужика Веретенникова загорѣлся ночью ови мальчикъ выбѣжалъ на огородъ, влѣзъ на ветлу и съ н смотрѣлъ на пожаръ.

Казалось ему, что въ небѣ извивается многокрылое гиб

тѣло страшной, дымно-черной птицы съ огненной пастью. Наклонивъ красную сверкающую голову къ землѣ, птица жадно рветъ солому огненными острыми зубами, грызетъ дерево, лижетъ его сотнями желтыхъ языковъ. Ея дымное тѣло, играя, вьется въ черномъ небѣ, падаетъ на село, ползетъ по крышамъ избъ и снова пышно и легко вздымается кверху, не отрывая отъ земли пылающей красной головы, фыркаетъ, раскидывая снопы искръ, злорадно свиститъ, ноетъ, вздыхаетъ, все шире разѣвая яростную пасть, все жаднѣе обнимая дерево красными лентами пламени.

Передъ лицомъ огня всѣ люди стали маленькими, черными. Они брызгали въ пасть его водой, тыкали въ нее длинными шестами, вырывали изъ зубовъ пылающіе снопы, топтали ихъ ногами и тоже кашляли, фыркали, чихали, задыхаясь въ жаркомъ дыму. Кричали, выли, сливая свои голоса со свистомъ и воемъ огня, и все ближе надвигались на него, окружая красную голову чернымъ живымъ кольцомъ, точно затягивая на ней петлю. Петля разрывалась тамъ и тутъ, ее снова связывали и все крѣпче, болѣе узко, стягивали, она душила огонь, а онъ свирѣпо метался, прыгалъ вверхъ, его тѣло пухло, надувалось, извиваясь, какъ червь, какъ змѣя, желая оторвать отъ земли пойманную людьми голову, и, обезсилѣвъ, устало и угрюмо падало на сосѣдніе овины, ползало по огородамъ, таяло, изорванное и слабое.

— Дружнѣй!—кричали люди, подбадривая одинъ другого.

— Воды!—звенѣли голоса женщинъ.

Женщины стояли цѣпью отъ пожара до рѣки, всѣ рядомъ, чужія и родныя, подруги и враги, и непрерывно по рукамъ у нихъ ходили ведра съ водой.

— Живо, бабы! Милыя—живо!

Было пріятно и весело смотрѣть на хорошую, дружную жизнь въ борьбѣ съ огнемъ. Всѣ подбодряли другъ друга и хвалили за ловкость, силу, ругались ласково, крики были беззлобны, казалось, что при огнѣ всѣ увидѣли другъ друга хорошими, и каждый сталъ пріятенъ другому. А когда, наконецъ, они побѣдили огонь, имъ стало весело. Запѣли пѣсни, засмѣялись, захвастали другъ передъ другомъ своей работой, стали шутить, пожилые добыли водки и немножко выпили съ устатка, а молодежь почти до утра гуляла по улицѣ, и все было хорошо, какъ во снѣ.

Евсей не слышалъ ни одного злого крика, не замѣтилъ сердитаго лица, все время, пока горѣло, никто не плакалъ отъ боли и обиды, никто не ревѣлъ звѣринымъ ревомъ дикой злобы, готовой на убійство...

На другой день онъ сказалъ дядѣ Петру:

— Какъ вчера хорошо было...

— Н-да, сирота, хорошо! Еще немного—слизнулъ бы огонь половину села.

— Я — про людей! — пояснилъ мальчикъ. — Про то, какъ они дружно взялись, вотъ бы всегда такъ жить имъ, всегда бы горѣло!

Кузнецъ подумалъ и удивленно спросилъ:

— То-есть, это выходитъ—чтобы всегда пожары были?

И, строго взглянувъ на Евсея, сказалъ, грозя ему пальцемъ:

— Ты, голова, гляди, не выдумай чего на грѣхъ! Ишь ты, пожары ему пріятны!..

II.

Когда Евсей кончилъ учиться, кузнецъ сказалъ:

— Куда жъ теперь придѣлить тебя? Здѣсь ты ни къ чему. Не иначе, какъ въ городъ надо. Вотъ поѣду мѣхи покупать и свезу тебя, сирота.

— Самъ повезешь?—спросилъ Евсей.

— Самъ. Жалко тебѣ будетъ село покидать?

— Нѣтъ. А тебя—жалко!

Кузнецъ сунулъ въ горнъ кусокъ желѣза и, поправляя щипцами угли, задумчиво отозвался:

— Меня жалѣть нечего, я — большой! Мужикъ какъ слѣдуетъ,—какъ всѣ.

— Ты лучше всѣхъ!—тихо молвилъ Евсей.

Дядя Петръ, должно-быть, не слышалъ его словъ, онъ не отвѣтилъ, вынулъ изъ огня раскаленное желѣзо, прищурилъ глаза и сталъ ковать, брызгая красными искрами. Потомъ вдругъ остановился, медленно опустилъ руку съ молотомъ и, усмѣхаясь, сказалъ:

— Поучить бы тебя надо мнѣ чему-нибудь! Какъ жить и все такое...

Евсей насторожился, ожидая поученія. Но кузнецъ снова сунулъ желѣзо въ огонь, вытеръ слезы на щекахъ и, глядя въ горнъ, видимо забылъ о племянникѣ. Пришелъ мужикъ, принесъ лопнувшую шину. Евсей спустился въ оврагъ, сѣлъ тамъ въ кустахъ и просидѣлъ до заката солнца, ожидая — не останется ли дядя одинъ въ кузницѣ? Этого не случилось.

День отъѣзда изъ села стерся въ памяти мальчика, онъ помнилъ только, что, когда выѣхали въ поле—было темно и странно тѣсно, телѣгу сильно встряхивало, по бокамъ вставали черныя, неподвижныя деревья. Но, чѣмъ дальше ѣхали,

земля становилась обширнѣе и свѣтлѣе. Дядя всю дорогу угрюмился, на вопросы отвѣчалъ неохотно, кротко и невнятно.

Охали цѣлый день, ночевали въ маленькой деревнѣ, ночью кто-то долго и хорошо игралъ на гармоникѣ, плакала женщина, порою сердитый голосъ вскрикивалъ:

— Молчи!

И матерно ругался.

Дальше поѣхали тоже ночью. Двѣ собаки провожали ихъ, съ визгомъ катаясь во тьмѣ вокругъ телѣги, а когда выѣхали изъ деревни, въ лѣсу, съ лѣвой стороны отъ дороги, угрюмо жалобно кричала выпь.

— Дай Богъ на счастье!—пробормоталъ кузнецъ.

Евсей заснулъ и проснулся, когда дядя легонько постукивалъ его кнутовищемъ по ногамъ.

— Гляди, сирота, эй!

Соннымъ глазамъ городъ представился подобнымъ огромному полю гречихи, — густое и пестрое, оно тянулось безъ конца, золотыя главы церквей среди него — точно желтые цвѣты куросле́па, темныя морщины улицъ—какъ межи.

— Ого-о—великъ! — сказалъ Евсей, когда присмотрѣлся. Посмотрѣвъ еще, онъ осторожно спросилъ дядю:

— А ты будешь пріѣзжать ко мнѣ?

— Я-то? Еще бы. Какъ пріѣду въ городъ, такъ къ тебѣ. Деньги зарабатывать станешь, я у тебя денегъ попрошу, да! Дай-ка, молъ, сирота, дядѣ-то рубля... три!

— Я тебѣ всѣ ихъ буду отдавать!—обѣщалъ Евсей.

— Всѣ не надо. Ты давай сколько не жалко, — меньше дать—стыдно, больше—обидно.

Городъ быстро выросталъ, становился все пестрѣе. Зеленый, красный, сѣрый, золотой, онъ весь сверкалъ, отражая лучи солнца на стеклахъ безчисленныхъ оконъ и золотѣ церковныхъ главъ. Онъ что-то обѣщалъ, зажигая въ сердцѣ робкое любопытство, смутное ожиданіе необычнаго. Стоя на колѣняхъ, Евсей держался рукою за плечо дяди и неотрывно смотрѣлъ впередъ, а кузнецъ говорилъ ему:

— Ты живи такъ — сдѣлалъ, что̀ назначено, а самъ въ сторону. Бойкихъ людей опасайся: изъ десятка бойкихъ — одинъ, можетъ, добьется, девять—разобьется.

Говорилъ онъ нерѣшительно, какъ будто сомнѣвался — то ли говоритъ, что̀ нужно, и искалъ въ мысляхъ у себя нѣчто другое, болѣе важное. Евсей слушалъ его чутко, серьезно, ожидая услышать какія-то особенныя слова противъ страха и опасностей новой жизни.

Но кузнецъ вздохнулъ и, помолчавъ, продолжалъ уже болѣе твердо, болѣе увѣренно:

— Меня, сирота, одинъ разъ чуть розгами не выпороли въ волости, да. Женихомъ былъ я въ то время — мнѣ вѣнчаться надо, а они меня — пороть! Имъ это все равно, они чужихъ дѣловъ не разбираютъ. А то губернатору жалобу подавалъ я—три съ половиной мѣсяца въ острогѣ держали... кромѣ побоевъ! Большіе побои перенесъ, даже кровью харкалъ, и глаза вотъ съ той поры слезятся. Одинъ полицейскій, рыжеватый такой, небольшого роста, чѣмъ-то все по головѣ меня норовилъ.

— Ну,—тихонько сказалъ Евсей,—ты про это не говори!

— Да вѣдь чего еще скажешь!— воскликнулъ дядя Петръ съ усмѣшкой.—Нечего, сирота, сказать-то.

Евсей уныло опустилъ голову.

Навстрѣчу имъ подвигались отдѣльные дома, чумазые, окутанные тяжелыми запахами, и вовлекали лошадь и телѣгу съ сѣдоками все глубже въ свои спутанныя сѣти. На красныхъ и зеленыхъ крышахъ торчали, точно бородавки, трубы, изъ нихъ лѣниво подымался голубой и сѣрый дымъ. А иныя трубы высовывались прямо изъ земли, уродливо высокія, грязныя, онѣ дымили густо и черно. Земля была плотно утоптана, тоже казалась пропитанной чернымъ жиромъ, и отовсюду въ дымный воздухъ лѣзли, тиская его, тяжелые, пугающіе звуки — что-то ухало, гудѣло, свистѣло, бранчливо грохало желѣзо, кто-то огромный хрипло и отрывисто дышалъ.

— А ты когда пріѣдешь?—тихонько спросилъ Евсей.

Внимательно глядя впередъ, дядя сказалъ:

— Это еще не городъ, это—фабрики, слобода.

Незамѣтно втянулись въ широкую улицу, застроенную деревянными домами. Окрашенные въ разныя краски, пожилые, коренастые, они имѣли видъ мирный и уютный. Особенно хороши были дома съ палисадниками, точно подпоясанные зелеными фартуками, чистые и веселые.

— Сейчасъ пріѣдемъ!—сказалъ кузнецъ, поворачивая лошадь въ узкій проулокъ.

Онъ остановилъ лошадь у открытыхъ воротъ большого дома, спрыгнулъ на землю и ушелъ во дворъ. Домъ былъ старый, онъ весь покривился, подъ окнами выпучило бревна, окна были маленькія, тусклыя. На большомъ, грязномъ дворѣ стояло много пролетокъ, четыре мужика, окруживъ бѣлую лошадь, хлопали ее ладонями и громко кричали. Одинъ изъ нихъ, круглый, лысый, съ большой желтой бородой и розо-

вымъ лицомъ, увидавъ дядю Петра, широко размахнулъ ру-
ками и закричалъ:

— А-аі

...Сидѣли въ тѣсной и темной комнатѣ, пили чай, дядя
Петръ разсказывалъ о селѣ, а лысый хохоталъ и вскрики-
валъ такъ, что на столѣ звенѣла посуда. Было душно, крѣпко
пахло горячимъ хлѣбомъ. Евсею хотѣлось спать, и онъ все
поглядывалъ въ уголъ, гдѣ за грязнымъ пологомъ было видно
широкую постель со множествомъ подушекъ. Летало много
большихъ черныхъ мухъ, онѣ стукались въ лобъ, ползали по
лицу, досадно щекотали вспотѣвшую кожу, но Евсей стѣснялся
отгонять ихъ.

— Мы тебя опредѣлимъ!—кричалъ ему лысый, весело ки-
вая головой. — Въ одну минуту! Наталья! За Матвѣичемъ
послала?

Полная, чернобровая женщина съ маленькимъ ртомъ и вы-
сокою грудью спокойно и звучно отвѣтила:

— Который разъ спрашиваешь...

Голову она держала прямо, гордо, а когда двигала руками,
розовый ситецъ ея новой кофты форсисто трещалъ, и вся
она напоминала какой-то хорошій сонъ или сказку.

— Петруха, другъ,—Наталья-то какова? Меды сотовые!—
оглушительно кричалъ лысый.

Дядя Петръ, тихонько посмѣиваясь, какъ будто боялся
взглянуть на женщину, а она, пододвигая Евсею горячую
жаную лепешку съ творогомъ, говорила ему:

— Ѣшь, ѣшь больше! Въ городѣ надо много ѣсть...

На столѣ стояла банка варенья, медъ на блюдцѣ, поджа-
енные баранки, осыпанные анисомъ, колбаса, огурцы, водка,
се это насыщало воздухъ крѣпкими запахами. Евсей изне-
могалъ отъ подавляющаго ощущенія сытости, но не смѣлъ
отказаться и покорно жевалъ все, что̀ ему давали.

— Ѣшь!—кричалъ лысый и разсказывалъ дядѣ Петру:—
то, я тебѣ скажу, счастье! Всего недѣля, какъ его лошадь
задавила, мальчишку-то! Шелъ онъ въ трактиръ за кипяткомъ,
другъ...

Незамѣтно и неслышно явился еще человѣкъ, тоже лысый,
о маленькій, худой, въ темныхъ очкахъ на большомъ носу
съ длиннымъ клочкомъ сѣдыхъ волосъ на подбородкѣ.

— Въ чемъ дѣло, людіе?—негромко, но внятно спросилъ онъ.

Хозяинъ вскочилъ со стула, закричалъ, захохоталъ, а
всею вдругъ стало жутко.

Человѣкъ назвалъ хозяевъ и дядю Петра людями и этимъ
какъ бы отдѣлилъ себя отъ нихъ. Сѣлъ онъ не близко къ

столу, потомъ еще отодвинулся въ сторону отъ кузнеца и оглянулся вокругъ, медленно двигая тонкой, сухой шеей. На головѣ у него, немного выше лба, надъ правымъ глазомъ была большая шишка, маленькое острое ухо плотно прильнуло къ черепу, точно желая спрятаться въ короткой бахромѣ сѣдыхъ волосъ. Весь онъ былъ тихій, сѣрый, какой-то пыльный. Евсей незамѣтно старался разсмотрѣть подъ очками глаза, но не могъ, и это тревожило его.

Лысый хозяинъ кричалъ:

— Понимаешь—сирота!

— Это — козырь! — тихо замѣтилъ человѣкъ съ шишкой. Онъ сидѣлъ, упираясь маленькими темными руками въ свои острыя колѣни, говорилъ немного, и порою Евсей слышалъ какія-то особенныя слова.

Наконецъ онъ сказалъ:

— И на томъ—кончено!

Дядя Петръ тяжело пошевелился на стулѣ.

— Вотъ ты, сирота, и при мѣстѣ! А это хозяинъ твой.

Потомъ онъ обернулся къ хозяину.

— Я вамъ скажу, почтенный, мальчикъ онъ грамотный, совсѣмъ не глупый... И не потому я говорю, что мнѣ его дѣвать некуда, а по чистой правдѣ. Мальчикъ даже очень любопытный...

— Любопытство мнѣ не нужно!—сказалъ хозяинъ, отрицательно качая головой.

— Оно у него тихое. Въ селѣ его прозвали Старичкомъ — вотъ онъ какой!

— Увидимъ!—Человѣкъ съ шишкой на головѣ поправилъ очки, пристально посмотрѣлъ въ лицо Евсея и сказалъ: — Меня зовутъ Матвѣй Матвѣичъ...

Онъ отвернулся, взялъ стаканъ, безшумно выпилъ чай, всталъ, молча поклонился и вышелъ.

Потомъ Евсей съ дядей сидѣли на дворѣ, въ тѣни около конюшенъ, и кузнецъ осторожно говорилъ, точно щупалъ словами что-то непонятное ему.

— Навѣрно, тебѣ хорошо будетъ у него, онъ тихій старичокъ. Старичокъ судьбѣ отслужилъ, прошелъ сквозь всѣ грѣхи, живетъ, чтобы маленькій кусочекъ съѣсть, и ворчитъ, мурлыкаетъ, въ родѣ сытаго кота.

— А онъ не колдунъ?—спросилъ мальчикъ.

— Затѣмъ? Въ городахъ, надо думать, нѣтъ ихъ, колдуновъ-то.

Но, подумавъ, кузнецъ добавилъ:

— Однако тебѣ это все равно. И колдунъ — человѣкъ,

Ты вотъ что̀ знай: городъ—онъ опасный, онъ вонъ какъ пріучаетъ людей: жена у человѣка на богомолье ушла, а онъ сейчасъ на ея мѣсто стряпуху посадилъ и—балуется! А старикъ такого примѣра показать не можетъ. Оттого я и говорю, что, молъ, тебѣ съ нимъ ладно будетъ, надо думать! Будешь ты жить за нимъ, какъ за кустомъ, сиди да поглядывай.

— А какъ онъ умретъ?—опасливо спросилъ Евсей.

— Авось не скоро. Голову ты себѣ масломъ смазывай, чтобы вихры не торчали...

Около полудня дядя заставилъ Евсея проститься съ хозяевами и, крѣпко взявъ его за руку, повелъ въ городъ. Шли долго, было душно, часто спрашивали у прохожихъ, какъ пройти на Круглую площадь. Евсей смотрѣлъ на все совиными глазами и жался къ дядѣ. Хлопали двери магазиновъ, визжали блоки, трескъ пролетокъ и тяжелый грохотъ телѣгъ, крики торговцевъ, шарканье и топотъ ногъ, всѣ эти звуки сцѣпились вмѣстѣ, спутались въ душное, пыльное облако. Люди шли быстро, точно боялись опоздать куда-то, перебѣгали черезъ улицу подъ мордами лошадей. Неугомонная суета утомляла глаза, мальчикъ порою закрывалъ ихъ спотыкался и говорилъ дядѣ:

— Иди скорѣй!

Ему хотѣлось прійти куда-нибудь къ мѣсту, въ уголъ, гдѣ было бы не такъ шумно, суетно и жарко. Наконецъ вышли на маленькую площадь, въ тѣсный кругъ старыхъ домовъ; было видно, что всѣ они опираются другъ на друга плотно и крѣпко. Среди площади стоялъ фонтанъ, на землѣ лежали сырыя тѣни, шумъ здѣсь былъ гуще, спокойнѣе.

— Гляди,—сказалъ Евсей,—одни дома, заборовъ-то вовсе нѣтъ.

Кузнецъ, вздохнувъ, отвѣтилъ:

— Тѣсновато... Читай вывѣски — гдѣ тутъ Распопова лавка?

Вышли на середину площади, стали у фонтана, и Евсей, оглядываясь, зашевелилъ губами. Вывѣсокъ было много, онѣ покрывали каждый домъ, какъ пестрыя заплаты старый кафтанъ нищаго. Когда на одной изъ нихъ мальчикъ увидалъ нужную фамилію, онъ зябко вздрогнулъ и, ничего не сказавъ дядѣ, сталъ внимательно осматривать вывѣску. Маленькая, изъѣденная ржавчиной, она помѣщалась надъ дверью, которая вела куда-то внизъ, въ темную дыру, а передъ дверью на тротуарѣ была яма, съ двухъ сторонъ огражденная невысокой желѣзной рѣшеткою. Домъ, гдѣ помѣщалась лавка, четырехъэтажный, узкій, въ три окна, грязно-желтый, съ

облупившеюся штукатуркой. Лицо дома было подслѣповатое но хитрое и неласковое.

— Ну что,—спросилъ кузнецъ,—не видишь, гдѣ она?

— Вотъ!—сказалъ мальчикъ головой.

— Благословясь, пойдемъ...

Спустились къ двери по каменнымъ ступенямъ—ихъ было пять; кузнецъ снялъ картузъ и осторожно заглянулъ въ лавку.

— Входите!—раздался внятный голосъ.

Хозяинъ сидѣлъ за столомъ у окна и пилъ чай. На головѣ у него была надѣта шелковая черная шапочка безъ козырька.

— Бери стулъ, крестьянинъ, садись, выпей чаю. Мальчикъ, дай стаканъ,—вонъ тамъ на полкѣ!

Хозяинъ протянулъ руку въ темную глубину лавки, Евсей посмотрѣлъ туда, но никого не увидѣлъ. Тогда хозяинъ обратился къ нему:

— Ну что же ты! Развѣ ты не мальчикъ?

— Не привыкъ еще!—тихо сказалъ дядя Петръ. Старикъ снова взмахнулъ рукой.

— Вторая полка направо... Хозяина надо понимать съ полуслова—такое правило!

Кузнецъ вздохнулъ. Евсей нащупалъ въ сумракѣ посуду и быстро, спотыкаясь о груды книгъ на полу, подалъ стаканъ хозяину.

— Поставь на столъ. А блюдечко?

— Ахъ, ты!—воскликнулъ дядя Петръ. — Какъ же ты блюдечко-то?

— Нужно очень долго учить его!—сказалъ хозяинъ, внушительно взглянувъ на кузнеца.—Теперь, мальчикъ, обойди лавку и замѣть себѣ на память, что гдѣ лежитъ.

Евсей почувствовалъ, какъ будто въ тѣло его забралось что-то повелительное и властно двигаетъ имъ, какъ хочетъ. Онъ съежился, втянулъ голову въ плечи, напрягая зрѣніе, сталъ осматривать лавку, прислушиваясь къ словамъ хозяина. Въ лавкѣ было прохладно, сумрачно и тихо. Шумъ города опускался въ нее неохотно, смягченными всплесками. Узкая, длинная, какъ могила, лавка была тѣсно заставлена полками, и на нихъ, туго сжатыя, стояли книги. На полу тоже валялись большія связки книгъ, а въ глубинѣ лавки, загромождая заднюю стѣну, онѣ поднимались тяжелой грудой почти до потолка. Кромѣ книгъ, Евсей нашелъ только лѣстницу, зонтъ, калоши и бѣлый горшокъ съ отбитой ручкой. Было много пыли, и, должно-быть, это отъ нея исходилъ тяжелый запахъ.

— Я человѣкъ одинокій, тихій и, если онъ угодитъ мнѣ, можетъ-быть, я его сдѣлаю совершенно счастливымъ.

Дядя Петръ сказалъ:

— Конечно, воля ваша.

— Мнѣ пятьдесятъ семь лѣтъ, всю жизнь я прожилъ честно и прямовѣрно, нечестнаго—не прощаю и, буде этакое замѣчу, предамъ суду! Ибо нынѣ судятъ и малолѣтнихъ, для чего образована, на страхъ имъ, тюрьма, именуемая колонія для малолѣтнихъ преступниковъ—для воришекъ...

Слова его, сѣрыя и тягучія, туго опутывали Евсея, вызывая въ немъ пугливое желаніе угодить старику, понравиться ему.

— Теперь—прощайтесь, мальчику надо заняться дѣломъ.

Дядя Петръ всталъ, вздохнувъ.

— Ну, сирота,—вотъ, значитъ, живи! Слушайся хозяина. Онъ горя тебѣ не захочетъ—зачѣмъ ему это? Да... Не скучай...

— Ладно!—сказалъ Евсей.

— Надо говорить—хорошо, а не ладно!—поправилъ хозяинъ.

— Хорошо!—повторилъ Евсей.

— Ну прощай!—положивъ на плечо ему жесткую руку, сказалъ кузнецъ и, тряхнувъ племянника, быстро ушелъ, точно вдругъ испугался чего-то.

Евсей вздрогнулъ, стиснутый холодной печалью, шагнулъ къ двери и вопросительно остановилъ круглые глаза на желтомъ лицѣ хозяина. Старикъ крутилъ пальцами сѣдой клокъ на подбородкѣ, глядя на него сверху внизъ, и мальчику показалось, что онъ видитъ большіе, тускло-черные глаза. Нѣсколько секундъ они стояли такъ, чего-то ожидая другъ отъ друга, и въ груди мальчика трепетно забился еще невѣдомый ему страхъ. Но старикъ взялъ съ полки книгу и, указывая на обложку пальцемъ, спросилъ:

— Это какая цифра?

— 1873,—отвѣтилъ Евсей, низко опустивъ голову.

— Такъ.

Хозяинъ коснулся сухимъ пальцемъ подбородка Евсея.

— Смотри на меня!

Мальчикъ разогнулъ шею и торопливо пробормоталъ, закрывъ глаза:

— Дяденька, я всегда буду слушаться,—меня не надо бить!—И замеръ, ничего не видя.

— Поди сюда...

Старикъ сидѣлъ на стулѣ, упираясь ладонями въ колѣни. Онъ снялъ съ головы шапочку и вытиралъ лысину платкомъ.

Очки его съѣхали на конецъ носа, онъ смотрѣлъ въ лицо Евсея черезъ нихъ. Теперь казалось, что у него двѣ пары глазъ—настоящіе глаза были маленькіе, неподвижные, темно-сѣраго цвѣта съ красными вѣками. Безъ очковъ лицо хозяина сдѣлалось хуже, сморщилось, оно казалось не строгимъ, а только обиженнымъ, и въ глазахъ старика ничего страшнаго не было, а шишка на головѣ стала больше.

— Тебя часто били?

— Часто!—тихо сказалъ Евсей.

— Кто?

— Мальчишки.

— А-а...

Онъ опустилъ очки на глаза, пожевалъ темными губами и сказалъ:

— Мальчишки и здѣсь тоже драчуны, ты съ ними не водись, слышишь?

— Слышу.

— Опасайся ихъ! Озорники и воришки. Ты знай—я тебя худому не научу. И меня не бойся. Я человѣкъ хорошій, меня надо любить. Будешь меня любить—тебѣ очень хорошо будетъ со мной. Понялъ?

— Понялъ. Я буду!

Лицо хозяина стало прежнимъ. Онъ всталъ, взялъ Евсея за руку и повелъ его въ глубину лавки, говоря:

— Вотъ тебѣ дѣло: видишь—книги? На каждой поставленъ годъ, въ каждомъ году по двѣнадцати книгъ. Подбери ихъ въ порядкѣ. Какъ ты это сдѣлаешь?

Евсей подумалъ и робко отвѣтилъ:

— Не знаю.

— А я тебѣ не скажу. Ты грамотный и долженъ самъ догадаться. Работай!

Сухой и ровный голосъ старика точно сѣкъ Евсея, онъ изгонялъ тоскливое чувство разлуки съ дядей, замѣщая его тревожнымъ желаніемъ скорѣе начать работу.

Сдерживая слезы, мальчикъ сталъ быстро развязывать пачки и каждый разъ, когда книга шлепалась на полъ, онъ, вздрагивая, оглядывался. Хозяинъ сидѣлъ за столомъ и писалъ. Тонко скрипѣло перо. Мимо двери быстро шли люди, мелькали ноги, ихъ тѣни падали въ лавку и прыгали по ней. Изъ глазъ Евсея, одна за другой, покатились слезы, онъ испугался ихъ, быстро вытеръ лицо пыльными руками и, полный темнаго страха, напряженно сталъ разбирать книги. Сначала это было трудно, но черезъ нѣсколько минутъ онъ уже сталъ погружаться въ знакомое ему состояніе бездумья,

въ привычную пустоту, которая властно охватывала его послѣ побоевъ и обидъ, когда онъ сидѣлъ одиноко гдѣ-нибудь въ углу. Глаза его ловили цифру года и названіе мѣсяца, руки машинально укладывали книги въ рядъ; сидя на полу, онъ равномѣрно раскачивалъ свое тѣло и все глубже опускался въ спокойный омутъ полусознательнаго отрицанія дѣйствительности. И, какъ всегда въ такія минуты, глубоко въ немъ тлѣла смутная надежда, разгоралось ожиданіе чего-то иного, непохожаго на видимое, окружающее. Иногда въ памяти его тускло вспыхивало всеобнимающее, сказкое слово:

— Пройдетъ...

Оно тепло и мягко сжимало его сердце обѣщаніемъ необычнаго, руки мальчика невольно начинали двигаться быстрѣе, и ходъ времени становился незамѣтенъ.

— Вотъ видишь—понялъ, какъ нужно дѣлать!—сказалъ хозяинъ.

Евсей вздрогнулъ, очнулся, онъ не слышалъ, когда подошелъ старикъ, и, посмотрѣвъ на свою работу, спросилъ:

— Такъ?

— Безсомнѣнно. Чаю хочешь?

— Не хочу.

— Долженъ говорить: спасибо, или благодарю васъ, не хочу!—сказалъ хозяинъ.—Ну, работай.

И ушелъ. Взглянувъ вслѣдъ ему, Евсей увидѣлъ въ лавкѣ пожилого человѣка безъ усовъ и бороды, въ круглой шляпѣ, сдвинутой на затылокъ, и съ палкой въ рукѣ. Онъ сидѣлъ за столомъ, разставляя на немъ какія-то черныя и бѣлыя штучки. А когда Евсей снова принялся за работу, изрѣдка стали раздаваться отрывистые возгласы гостя и хозяина.

— Туръ...

— Шахъ королевѣ...

— Рано...

Въ лавку устало опускался мутный шумъ улицы, странныя слова квакали въ немъ, точно лягушки на болотѣ.

„Что они дѣлаютъ?“ — опасливо подумалъ мальчикъ и тихонько вздохнулъ, чувствуя, что отовсюду на него двигается что-то особенное, но не то, чего онъ робко ждалъ. Пыль садилась на лицо ему, щекотала носъ и глаза, хрустѣла на зубахъ. Вспомнились слова дяди о старикѣ:

— Будешь ты жить за нимъ, какъ за кустомъ...

Темнѣло.

— Шахъ и матъ!—густо крикнулъ гость, а хозяинъ, щелкнувъ языкомъ, громко приказалъ:

— Мальчикъ—лавку запирать!

...Старикъ снималъ двѣ маленькія комнаты въ четвертомъ этажѣ того же дома, въ которомъ помѣщалась лавка. Въ первой комнатѣ съ однимъ окномъ стоялъ большой сундукъ и шкапъ.

— Здѣсь ты будешь спать!—сказалъ хозяинъ.

Два окна второй комнаты выходили на улицу, изъ нихъ было видно безконечную равнину бугроватыхъ крышъ и розовое небо. Въ углу передъ иконами дрожалъ огонекъ въ синей стеклянной лампадѣ, въ другомъ стояла кровать, покрытая краснымъ одѣяломъ. На стѣнахъ висѣли яркіе портреты царя и генераловъ. Въ комнатѣ было тѣсно, но чисто и пахло, какъ въ церкви.

Стоя у двери, Евсей осматривалъ жилище хозяина, старикъ стоялъ рядомъ съ нимъ и говорилъ:

— Замѣть порядокъ всѣхъ вещей, и чтобы всегда было такъ, какъ есть!

У стѣны помѣщался широкій черный диванъ, круглый столъ и вокругъ стола три стула, тоже черныхъ. Весь этотъ уголъ комнаты имѣлъ видъ печальный и зловѣщій.

Вошла высокая бѣлолицая женщина съ овечьими глазами, она спросила тихимъ, пѣвучимъ голосомъ:

— Подавать ужинъ?

— Давай, подавайте, Раиса Петровна...

— Новый мальчикъ?

— Да, новый. Зовутъ—Евсей...

Женщина ушла.

— Притвори дверь!—сказалъ старикъ, и когда Евсей сдѣлалъ это, онъ продолжалъ, понизивъ голосъ:

— Она—хозяйка квартиры, я у нея снимаю комнаты съ обѣдомъ и ужиномъ, понялъ?

— Понялъ.

— А у тебя одинъ хозяинъ—я, понимаешь?

— Да,—отвѣтилъ Евсей.

— Значитъ, ты долженъ слушаться только меня! Открой дверь. И ступай въ кухню, умойся!

Голосъ хозяина сухо отдавался въ груди мальчика, заставляя вздрагивать напуганное сердце. Ему чудилось, что старикъ прячетъ за словами что-то опасное, чего онъ самъ боится.

Умываясь въ кухнѣ, онъ незамѣтно старался разсмотрѣть хозяйку квартиры,—женщина безшумно, но быстро собирала ужинъ, раскладывая на большомъ подносѣ тарелки, ножи, хлѣбъ. Ея большое круглое лицо съ тонкими бровями казалось добрымъ. Гладко причесанные темные волосы, немигающіе глаза и широкій носъ вызывали у мальчика догадку:

„Видно—смирная“

Замѣтивъ, что она, плотно сжавъ тонкія и красныя губы небольшого рта, тоже слѣдитъ за нимъ, онъ смутился и пролилъ воду на полъ.

— Подотри!—сказала она не сердито.—Тряпка подъ стуломъ.

Когда онъ вошелъ въ комнату, старикъ осмотрѣлъ его и спросилъ:

— Что̀ она тебѣ говорила?

Но Евсей не успѣлъ ему отвѣтить—женщина внесла подносъ, поставила его на столъ и сказала:

— Ну, я ухожу.

— Хорошо!—отвѣтилъ хозяинъ.

Она подняла руку, пригладила волосы на вискѣ—пальцы у нея были длинные—и ушла.

Сѣли ужинать. Хозяинъ ѣлъ не торопясь, громко чавкалъ и порою устало вздыхалъ. Когда стали ѣсть мелко нарубленное жареное мясо, онъ сказалъ Евсею:

— Видишь, какая хорошая пища? Я всегда кушаю только хорошее.

Послѣ ужина онъ приказалъ Евсею отнести посуду въ кухню, научилъ его зажигать лампу, потомъ сказалъ:

— Теперь иди спать. Въ шкапѣ лежитъ войлокъ, подушка и одѣяло. Это—твое. Завтра я куплю тебѣ новую одежду, хорошую. Иди!

Когда онъ, полусонный отъ тягостныхъ ощущеній, легъ, хозяинъ вышелъ къ нему и спросилъ:

— Хорошо?

На сундукѣ было жестко, но Евсей отвѣтилъ:

— Хорошо.

— Если жарко—отвори окно.

Мальчикъ немедленно сдѣлалъ это. Окно выходило на крышу сосѣдняго дома. Онъ сосчиталъ на ней трубы—четыре, всѣ одинаковыя. Посмотрѣлъ на звѣзды тоскливыми глазами робкаго звѣрька, посаженнаго въ клѣтку, но звѣзды ничего не говорили его сердцу. Свалился на сундукъ, закутался съ головой одѣяломъ и крѣпко закрылъ глаза. Ему стало душно, онъ высунулъ голову и, не открывая глазъ, прислушался—въ комнатѣ хозяина что-то равномѣрно шелестѣло. Потомъ раздался сухой, внятный голосъ:

— Живый въ помощи Вышняго, въ кровѣ Бога небеснаго...

III.

Жизнь Евсея пошла ровно и гладко. Онъ хотѣлъ нравиться хозяину, чувствовалъ, что это ему удается, понималъ, что это выгодно для него, но самъ относился къ старику съ подстерегающей осторожностью, безъ тепла въ груди. Страхъ передъ людьми рождалъ въ немъ желаніе угодить имъ, готовность на всѣ услуги ради самозащиты отъ возможнаго нападенія. Постоянное ожиданіе опасности развивало острую наблюдательность, а это свойство еще болѣе углубляло недовѣріе къ людямъ въ отравленномъ сердцѣ мальчика.

Онъ присматривался къ странной жизни дома и не понималъ ея: отъ подваловъ до крыши домъ былъ тѣсно набитъ людьми, и каждый день съ утра до вечера они возились въ немъ, точно раки въ корзинѣ. Работали здѣсь больше, чѣмъ въ деревнѣ, и злились какъ будто крѣпче, острѣе. Жили безпокойно, шумно, торопливо — порою казалось, что люди хотятъ скорѣе кончить всю работу — они ждутъ праздника, желаютъ встрѣтить его свободными, чисто вымытые, мирно, со спокойной радостью. Сердце мальчика замирало, въ немъ тихо бился вопросъ:

„Проходитъ?“..

Но праздника не было. Люди понукали другъ друга, ругались, иногда дрались и почти каждый день говорили что-нибудь дурное другъ о другѣ.

По утрамъ хозяинъ уходилъ въ лавку, а Евсей оставался въ квартирѣ, чтобы привести комнаты въ должный порядокъ. Кончивъ это, онъ умывался, шелъ въ трактиръ за кипяткомъ и потомъ въ лавку—тамъ они съ хозяиномъ пили утренній чай. И почти всегда старикъ спрашивалъ его:

— Ну что̀?

— Ничего.

— Мало!—говорилъ хозяинъ

Но однажды Евсей отвѣтилъ иначе:

— Сегодня часовщикъ говорилъ скорняковой кухаркѣ, что вы краденое принимаете.

Онъ сказалъ это неожиданно для себя и тотчасъ же, весь охваченный дрожью страха, опустилъ голову.

Старикъ тихо засмѣялся. Потомъ протяжно и безъ сердца сказалъ:

— Ме-ерзавецъ...

Его темныя, сухія губы вздрогнули.

— Спасибо тебѣ, что сказалъ мнѣ это, спасибо! Видишь—какъ не любятъ меня?

Съ той поры Евсей сталъ внимательно прислушиваться къ разговорамъ и все, что̀ слышалъ, немедля тихимъ и спокойнымъ голосомъ передавалъ хозяину, глядя прямо въ лицо ему.

Черезъ нѣсколько дней, убирая комнату, онъ нашелъ на полу смятый бумажный рубль и, когда за чаемъ старикъ спросилъ его:

— Ну что̀?

— Вотъ—рубль нашелъ.

— Такъ. Ты нашелъ рубль, а я — золото! — сказалъ хозяинъ, усмѣхаясь.

Другой разъ онъ поднялъ у входа въ лавку двадцать копеекъ и тоже отдалъ монету хозяину. Старикъ опустилъ очки на конецъ носа и, потирая двугривенный пальцами, нѣсколько секундъ молча смотрѣлъ въ лицо мальчика.

— По закону,—вдумчиво заговорилъ онъ,—треть находки—шесть копеекъ—принадлежитъ тебѣ.

Онъ замолчалъ, вздохнулъ и сказалъ, опуская монету въ карманъ жилета:

— Да... Однако непонятный ты мальчикъ.

А шести копеекъ не отдалъ ему.

Тихій, незамѣтный, а когда его замѣчали — угодливый, Климковъ почти не обращалъ на себя вниманія людей, а самъ упорно слѣдилъ за ними пустымъ, расплывчатымъ взглядомъ совиныхъ глазъ, взглядомъ, который не оставался въ памяти тѣхъ, кто встрѣчалъ его.

Съ первыхъ дней его сильно заинтересовала молчаливая, смирная Раиса Петровна. Каждый вечеръ она надѣвала темное, шумящее платье, черную шляпу и уходила куда-то; утромъ, когда онъ убиралъ комнаты, она еще спала. Онъ видѣлъ ее только по вечерамъ передъ ужиномъ и то не каждый день; ея жизнь казалась ему таинственной, и вся она, молчаливая, съ бѣлымъ лицомъ и остановившимися глазами, возбуждала у него неясные намеки на что-то особенное. Онъ незамѣтно увѣрилъ себя, что она живетъ лучше, чѣмъ всѣ, знаетъ больше всѣхъ, въ немъ слагалось непонятное ему, но хорошее чувство къ этой женщинѣ. Съ каждымъ днемъ она казалась ему все болѣе красивой.

Однажды онъ проснулся на разсвѣтѣ, пошелъ въ кухню пить и вдругъ услыхалъ, что кто-то отпираетъ дверь изъ сѣней. Испуганный, онъ бросился въ свою комнату, легъ, закрылся одѣяломъ, стараясь прижаться къ сундуку какъ можно плотнѣе, и черезъ минуту, высунувъ ухо, услышалъ въ кухнѣ тяжелые шаги, шелестъ платья и голосъ Раисы Петровны:

— Ладно, ладно,—говорила она.

Онъ всталъ, осторожно подошелъ къ двери и заглянулъ въ кухню.

Смирная женщина сидѣла у окна, снимая шляпу. Лицо ея казалось болѣе бѣлымъ, чѣмъ всегда, изъ глазъ обильно текли слезы. Ея большое тѣло качалось, руки двигались медленно.

— Знаю я васъ,—сказала она, мотнувъ головой, и встала на ноги, опираясь о подоконникъ.

Въ комнатѣ хозяина скрипнула кровать. Евсей быстро отскочилъ къ сундуку, легъ, закутался.

„Обидѣли!"—думалъ онъ, полный чувства острой жалости. И въ то же время онъ тихонько радовался ея слезамъ—онѣ приближали къ нему эту смирную женщину, жившую тайной, ночной жизнью.

Ему показалось, что кто-то прошелъ мимо него крадущимся шагомъ. Онъ поднялъ голову и вдругъ вскочилъ, точно обожженный тонкимъ, злымъ крикомъ:

— У-уйди!

Потомъ что-то зашипѣло. Изъ кухни, согнувшись, быстро вышелъ хозяинъ въ ночномъ бѣльѣ, остановился и сказалъ Евсею, присвистывая:

— Спи, спи, чего ты? Спи!

Утромъ въ лавкѣ старикъ спросилъ:

— Испугался ночью-то?

— Да.

— Выпила она, съ ней случается это.

Евсею хотѣлось спросить, что̀ она дѣлаетъ, но онъ не смѣлъ. Черезъ нѣсколько минутъ старикъ самъ спросилъ его:

— Она тебѣ нравится?

— Нравится,—повторилъ Евсей.

— Ну,—заговорилъ хозяинъ строго, — ты, однако, знай— эта женщина весьма хитрая! Она молчитъ, но — она злая. И — грѣшница, да! Ты знаешь, чѣмъ она занимается? Она музыкантша, играетъ на роялѣ...

Онъ подробно разсказалъ, что̀ такое рояль, и поучительно добавилъ:

— Женщина, играющая на роялѣ, называется таперша... А знаешь ты, что̀ такое публичный домъ?

Евсей уже зналъ объ этомъ кое-что изъ разговоровъ скорняковъ и стекольщиковъ на дворѣ, но, желая знать больше, отвѣтилъ:

— Не знаю.

Старикъ объяснилъ ему, онъ говорилъ долго, очень понятно и съ жаромъ. Порою онъ отплевывался, морщилъ лицо, выражая отвращеніе къ мерзости. Евсей смотрѣлъ водянистыми глазами на старика и почему-то не вѣрилъ въ его отвращеніе.

— Такъ вотъ, она каждый вечеръ играетъ въ такомъ домѣ, и подъ музыку ея развратныя дѣвицы пляшутъ съ пьяными мужчинами. Мужчины же всѣ—воры, а нѣкоторые, можетъ-быть, даже убійцы...

Онъ утомленно вздохнулъ, вытеръ вспотѣвшее лицо и добавилъ:

— Ты не очень довѣряй ей, понялъ? Я тебѣ говорю—она хитрая, она подлая!

Мальчикъ повѣрилъ всему, что̀ говорилъ хозяинъ о роялѣ, о публичномъ домѣ, но ни одно слово о женщинѣ не коснулось его, и все, что̀ сказалъ о ней старикъ, увеличило осторожное, всегда наблюдающее чувство недовѣрія, съ которымъ онъ относился къ хозяину, и приподняло въ его глазахъ Раису Петровну, еще болѣе красиво окутало ее необычнымъ.

Кромѣ Раисы, любопытство Евсея задѣвалъ ученикъ стекольщика Анатолій. Это былъ худой и тонкій мальчуганъ, съ лохматыми волосами на головѣ, курносый, пропитанный запахомъ масла, грязный и всегда веселый. Голосъ у него былъ высокій, звонкій, и Евсею страшно нравилось слышать пѣвучіе, свѣтлые крики мальчика:

— Стіёкла вставліять!

Онъ первый заговорилъ съ Евсеемъ—Евсей мелъ лѣстницу и вдругъ услыхалъ снизу громкій вопросъ:

— Эй, ты, хивря—какой губерніи?

— Здѣшней!—отвѣтилъ Евсей.

— А я—костромской. Сколько лѣтъ тебѣ?

— Тринадцатый.

— И мнѣ тоже. Идемъ со мной?

— Куда?

— На рѣку купаться.

— Мнѣ въ лавку надо.

— Сегодня воскресенье.

— Все равно.

— Ну—чортъ съ тобой!

И стекольщикъ исчезъ, не обидѣвъ Евсея своимъ ругательствомъ.

Онъ цѣлый день ходилъ по городу съ ящикомъ стеколъ, возвращался домой почти всегда въ тотъ часъ, когда запирали лавку, и весь вечеръ со двора доносился его неугомон-

ный голосъ, смѣхъ и свистъ, пѣніе. Его всѣ ругали и всѣ любили возиться съ нимъ, хохотали надъ его шалостями. Евсея удивляла смѣлость, съ которой курносый и лохматый мальчуганъ обращался со взрослыми, онъ испытывалъ чувство зависти, когда видѣлъ, какъ золотошвейки бѣгали по двору, догоняя веселаго озорника, и наконецъ его властно потянуло къ стекольщику чувство преклоненія передъ нимъ. Погружаясь въ свои неясныя мечты о тихой и чистой жизни, теперь онъ находилъ въ ней мѣсто и для буйнаго, лохматаго мальчика. Послѣ ужина Евсей спрашивалъ хозяина:

— Можно мнѣ на дворъ пойти?

Старикъ неохотно говорилъ:

— Ступай. Недолго, смотри!

А иногда добавлялъ:

— Ничего для тебя хорошаго нѣтъ на дворѣ.

Быстро сбѣгая съ лѣстницы, Евсей садился гдѣ-нибудь въ тѣни и оттуда наблюдалъ за Анатоліемъ. Дворъ былъ маленькій, со всѣхъ сторонъ его ограждали высокія стѣны домовъ, у стѣнъ лежалъ грудами разнообразный хламъ, на немъ сидѣли, отдыхая, люди—прислуга, мастерицы, рабочіе, а на срединѣ его Анатолій давалъ представленіе.

— Скорнякъ Зворыкинъ въ церковь пошелъ! — вскрикивалъ онъ.

И Евсей, изумленный, видѣлъ маленькаго, толстаго скорняка, съ отвисшей нижней губой и прискорбно сощуренными глазами. Выпучивъ животъ и склонивъ набокъ голову, Анатолій мелкими шагами, но явно безъ охоты шелъ до воротъ—публика провожала его смѣхомъ и одобряющими криками.

— Зворыкинъ изъ трактира!—возглашалъ мальчикъ и катился по двору, безсильно болтая руками и ногами, тупо вытаращивъ глаза, противно и смѣшно распустивъ губы. Останавливался, колотилъ себя въ грудь руками и свистящимъ, жалобнымъ голосомъ говорилъ:

— Гос-споди, ну, какъ я всѣмъ доволенъ! Бож-же мой, какъ все х-хорошо и все пріятно рабу твоему Іакову Иванычу, Господи! А стекольщикъ Кузинъ—прохвостъ и злодѣй Б-богу моему, и всѣмъ людямъ — скотъ! Это правда — Господи!

Публика хохотала, но Евсей не смѣялся. Его подавляло сложное чувство удивленія и зависти, ожиданіе новыхъ выходокъ Анатолія сливалось у него съ желаніемъ видѣть этого мальчика испуганнымъ и обиженнымъ, и ему было досадно, непріятно, что стекольщикъ изображаетъ человѣка не опас-

нымъ, а только смѣшнымъ. Онъ открывалъ ротъ, его лицо становилось глупымъ, совиные глаза расширялись.

— Стекольщикъ Кузинъ идетъ!—кричалъ Анатолій.

Передъ Евсеемъ вставалъ краснорожій, всегда полупьяный, тощій мужикъ, съ рыжей раздвоенной бородой и засученными рукавами грязной рубахи. Заложивъ правую руку за нагрудникъ фартука, медленно разглаживая лѣвой свою бороду, нахмуренный, угрюмый, онъ двигается медленно, какъ тяжелый возъ, и, глядя исподлобья, скрипитъ надорваннымъ, сиплымъ голосомъ:

— Ты опять ругаешься, еретикъ? Это долго ли еще буду я слышать, а? Окаянный ты, пострѣли те горой...

— Кощей Распоповъ!—объявлялъ Анатолій.

Мимо Евсея, неслышно двигая ногами, скользила гладкая и острая фигурка хозяина, онъ смѣшно поводилъ носомъ, какъ бы что-то вынюхивая, быстро кивалъ головой и, взмахивая маленькой ручкой, дергалъ себя за бороду. Въ этомъ образѣ было что-то противное, жалкое, смѣшное. Досада Евсея усиливалась, онъ хорошо зналъ, что хозяинъ не таковъ, какимъ его показываетъ маленькій стекольщикъ.

Изобразивъ хозяевъ, Анатолій принимался передразнивать кого-нибудь изъ публики. Возбужденный, неистощимый, онъ до поздней ночи звенѣлъ веселымъ колокольчикомъ, вызывая веселый беззлобный смѣхъ. Иногда задѣтый имъ человѣкъ бросался ловить его, начиналась шумная бѣготня. Евсей вздыхалъ.

Замѣтивъ Евсея, Анатолій вытаскивалъ его за руку на середину двора и представлялъ публикѣ:

— Вотъ онъ—сахаръ съ мыломъ! Кощея Распопова двоюродный сморчокъ!—И, повертывая тонкую фигуру мальчика во всѣ стороны, онъ складно говорилъ смѣшныя, странныя слова о хозяинѣ, Раисѣ Петровнѣ и самомъ Евсеѣ.

— Пусти!—тихонько просилъ его мальчикъ, стараясь вырвать руку изъ крѣпкой руки стекольщика, а самъ внимательно слушалъ, желая и стараясь понять намеки, грязь которыхъ чувствовалась имъ. Если Евсей вырывался сильно, публика, обыкновенно женщины, вяло говорила Анатолію:

— Пусти его.

Ихъ заступничество почему-то всегда было непріятно Евсею, Анатолій же впадалъ въ раздраженіе, начиналъ толкать и щипать его, вызывая на драку. Нѣкоторые изъ мужчинъ совѣтовали:

— А ну, подеритесь, кто кого?

Женщины возражали:

— Очень интересно! Не надо!

И снова Евсей чувствовалъ въ этихъ словахъ нѣчто не пріятное.

Кончалось тѣмъ, что Анатолій пренебрежительно отталкивалъ Евсея въ сторону.

— Эхъ, ты, хивря!

Однажды утромъ, послѣ такой сцены, Евсей встрѣтил Анатолія на дворѣ съ ящикомъ стеколъ и вдругъ, не желая сказалъ ему:

— Зачѣмъ ты смѣешься надо мной?

Стекольщикъ взглянулъ на него и спросилъ:

— А что?

Евсей не умѣлъ отвѣтить.

— Драться хочешь?—снова спросилъ Анатолій. — Идем къ намъ въ сарай, а то—до вечера!

Онъ говорилъ спокойно и дѣловито.

— Нѣтъ, я не хочу драться,—тихо отвѣтилъ Евсей.

— И не надо — я тебя побью! — сказалъ стекольщикъ потомъ увѣренно добавилъ:—Обязательно побью!

Евсей вздохнулъ, онъ не понималъ этого мальчика. И, желая понять, вторично спросилъ тихимъ голосомъ:

— Я говорю—за что ты смѣешься надо мной?

Анатолію, должно-быть, стало неловко, онъ мигнулъ бойкими глазами, усмѣхнулся и вдругъ сердито крикнулъ:

— Пошелъ къ чертямъ! Чего пристаешь? Я вотъ как дамъ тебѣ...

Евсей быстро убѣжалъ въ лавку и цѣлый день чувствовалъ въ сердцѣ зудъ незаслуженной обиды. Она не порвал его влеченія къ Анатолію, но заставила его уходить со двора какъ только Анатолій замѣчалъ его. И онъ устранилъ стекольщика изъ области своихъ грезъ.

А вскорѣ послѣ этой неудачной попытки подойти къ человѣку, какъ-то разъ ночью его разбудили голоса въ комнат хозяина. Онъ прислушался—тамъ была Раиса Петровна. Ем захотѣлось убѣдить себя въ этомъ, онъ тихо всталъ, подошелъ къ плотно закрытой двери и приложилъ глазъ къ замочной скважинѣ.

Его сонный глазъ прежде всего остановился на огнѣ свеч и ослѣпъ. Потомъ онъ увидалъ на черномъ диванѣ большо выпуклое тѣло женщины. Она лежала вверхъ лицомъ вс нагая и, положивъ себѣ на грудь волосы, медленно заплетал ихъ въ косу длинными пальцами. На бѣломъ тѣлѣ женщин дрожали отсвѣты огня, и все оно, чистое и яркое, казалос легкимъ, подобнымъ облаку, все колебалось, дышало. Эт

было очень красиво. Она что-то говорила, но словъ онъ не слышалъ, а только голосъ, пѣвучій, усталый и жалобный. Хозяинъ въ ночномъ бѣльѣ сидѣлъ на стулѣ у дивана и наливалъ вино въ стаканъ, рука у него дрожала, и клокъ сѣдыхъ волосъ на подбородкѣ тоже дрожалъ. Очки онъ снялъ, и лицо его было противно.

— Да, да, да,—говорилъ онъ,—ишь ты какая!

Евсей отошелъ отъ двери, легъ въ постель и подумалъ: „Женились".

Ему стало жалко Раису Петровну за то, что она сдѣлалась женою человѣка, который говорилъ о ней дурно, и за то, что ей, должно-быть, очень холодно лежать голой на кожаномъ диванѣ.

Вечеромъ на другой день Раиса Петровна, какъ всегда, внесла ужинъ и обычнымъ голосомъ сказала:

— Я ухожу.

И такъ же обычно, сухо и небрежно, какъ всегда, говорилъ съ ней хозяинъ. Прошло нѣсколько дней, но отношенія между ними не измѣнялись. Евсей сталъ думать, что нагую женщину онъ видѣлъ во снѣ, ему очень не хотѣлось повѣрить словамъ хозяина о Раисѣ Петровнѣ.

Однажды, какъ-то неожиданно и ненужно, явился дядя Петръ. Онъ посѣдѣлъ, сморщился, сталъ ниже ростомъ.

— А я слѣпну, сирота!—говорилъ онъ, шумно схлебывая чай съ блюдечка и улыбаясь мокрыми глазами. — Работать ужъ не могу, и надо мнѣ, значитъ, по милостину итти. Съ Яшкой нѣтъ сладу—въ городъ просится. Не пустишь—убѣжитъ. Онъ—такой!

Все, что говорилъ кузнецъ, было скучно и тяжело слушать. Дядя сталъ какъ будто глупѣе, смотрѣлъ виновато, и Евсею было неловко, стыдно за него передъ хозяиномъ. Когда дядя собрался уходить, Евсей тихонько сунулъ ему въ руку три рубля и проводилъ его съ удовольствіемъ.

Онъ попрежнему старался всячески угодить старику, но боялся соглашаться съ нимъ. Книжная лавка постепенно возбуждала у мальчика смутныя подозрѣнія своимъ подобіемъ могилы, туго набитой умершими книгами. Всѣ онѣ были растрепаны, изжеваны и высосаны, отъ нихъ шелъ прѣлый, тухлый запахъ. Покупали ихъ мало, этому Евсей не удивлялся, но отношеніе хозяина къ покупателямъ и книгамъ тревожило его любопытство.

Бывало такъ: старикъ бралъ въ руки книгу, осторожно перебрасывалъ ея ветхія страницы, темными пальчиками гладилъ переплетъ, кивая головой, тихонько улыбался, и то-

гда казалось, что онъ ласкаетъ книгу, какъ что-то живое, играетъ съ нею, точно съ кошкой или со щенкомъ. Читая онъ, подобно тому, какъ дядя Петръ съ огнемъ горна, вел съ книгой тихую ворчливую бесѣду, губы его вздрагивал добродушно и насмѣшливо, и, кивая головой, онъ бормотал и посмѣивался.

— Такъ, такъ,—да, ишь ты? А-а, вотъ что̀? А-ахъ, дер зость! Понимаю, понимаю. Этого не будетъ! О!?

Эти странныя, оспаривающія кого-то восклицанія, удивля Евсея, пугали его и указывали на таинственную двойствен ность жизни старика.

— Ты не читаешь книгъ, — сказалъ однажды хозяинъ,— и это хорошо, да! Ибо книга—всегда блудъ, „блудодѣйствен наго ума чадо“. Она всегда касается, раздражаетъ фантазію смущаетъ и безполезно тревожитъ. Раньше были хороші историческія книги, спокойныхъ людей повѣсти о прошломъ а теперь всякая книга хочетъ внушить тебѣ вражду к жизни и раздѣть человѣка, который долженъ жить скрытн и плотью и духомъ, дабы защитить себя отъ дьявола любо пытства и отъ фантазій, лишающихъ вѣры. Книга не вредн человѣку только въ старости, когда его ограждаетъ отъ на силій ея свой человѣчій смыслъ.

Евсей хорошо запоминалъ эти рѣчи. Онѣ были непонятн ему, ничего не будили въ немъ, но утверждали ощущені тайны, враждебно облекающей всю человѣческую жизнь.

Продавая книгу, старикъ смотрѣлъ на нее съ сожалѣніем и всегда точно обнюхивалъ покупателя, говорилъ съ ним необычно: слишкомъ громко, торопливо, а иногда понижал голосъ до шопота, и его темныя очки неподвижно упирали въ лицо покупателя. Часто, проводивъ студента, купившаг книгу, онъ ухмылялся вслѣдъ ему, странно кивалъ головой а однажды погрозилъ пальцемъ въ спину уходившаго чело вѣка, маленькаго, красиваго съ черненькими усиками н блѣдномъ лицѣ. Больше другихъ покупали книги студенты и люди, чѣмъ-то похожіе на нихъ, иногда приходили старики эти долго рылись въ книгахъ и жестоко спорили о цѣнѣ Почти каждый день заходилъ человѣкъ въ котелкѣ съ ши рокимъ, угреватымъ носомъ на бритомъ, плоскомъ и толстом лицѣ. Его звали Доримедонтъ Лукичъ, онъ носилъ на правой рукѣ большой золотой перстень, а когда игралъ съ хозяином въ шахматы, то громко сопѣлъ носомъ и дергалъ себя лѣвой рукой за ухо. Часто онъ тоже приносилъ какія-то книги и свертки бумагъ, хозяинъ бралъ ихъ, одобрительно кивал головой, тихо смѣялся и пряталъ въ столъ или ставилъ в

уголъ, на полку за своей спиной. Евсей не замѣчалъ, чтобы хозяинъ платилъ за эти книжки, но онъ продавалъ ихъ.

Одно время въ лавку сталъ заходить чаще другихъ знакомыхъ покупателей высокій голубоглазый студентъ съ рыжими усами, въ фуражкѣ, сдвинутой на затылокъ и открывавшей большой бѣлый лобъ. Онъ говорилъ густымъ голосомъ, громко хохоталъ и всегда покупалъ много старыхъ журналовъ.

Какъ-то разъ хозяинъ предложилъ ему книгу, принесенную Доримедонтомъ, и, пока студентъ молча перелистывалъ ее— старикъ торопливымъ шопотомъ разсказывалъ ему что-то.

— Занятно!—воскликнулъ студентъ, ласково усмѣхаясь.— Ахъ, вы, старый грѣховодникъ! Не боитесь, а?

Хозяинъ вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Если чувствуешь безсомнѣнную правду, то долженъ помогать ей по мѣрѣ слабыхъ силъ.

Они долго шептались, и наконецъ студентъ сказалъ:

— Такъ и рѣшимъ! Запомните адресъ.

Старикъ записалъ его на отдѣльной бумажкѣ, а когда пришелъ Доримедонтъ и спросилъ:

— Что новенькаго, Матвѣевичъ?—хозяинъ протянулъ ему бумажку и сказалъ, ухмыляясь:

— Вотъ—новенькій!

— Та-акъ, Никодимъ Архангельскій, — прочиталъ Доримедонтъ.—Дѣло! Поглядимъ, каковъ Никодимъ.

И черезъ нѣкоторое время, садясь играть въ шахматы, онъ сообщилъ хозяину:

— А этотъ Никодимъ оказался довольно икряной рыбой! Нашли у него препорядочно всякой всячины.

— Книжки мнѣ возврати, — молвилъ хозяинъ, двигая фигуру.

— Обязательно!

И Доримедонтъ засопѣлъ.

Голубоглазый студентъ больше не являлся. Исчезъ и маленькій молодой человѣкъ съ черными усами, послѣ того, какъ хозяинъ сказалъ Доримедонту его адресъ. Все это было странно и, питая подозрительность мальчика, намекало на какія-то тайны, загадки.

Однажды, когда хозяина не было въ лавкѣ, онъ, сметая съ полокъ пыль, увидалъ книги, принесенныя Доримедонтомъ. Онѣ были небольшія, захватанныя и разбитыя. Онъ осторожно и быстро поставилъ ихъ въ томъ порядкѣ, какъ онѣ стояли, чувствуя въ нихъ что-то опасное. Книги вообще не возбуждали въ немъ интереса, онъ пробовалъ читать, но ни-

когда не могъ сосредоточить на книгѣ свою мысль. Уже загроможденная массою наблюденій, она дробилась по мелочамъ, расплывалась и наконецъ исчезала, испаряясь, какъ топкая струя воды на камнѣ въ жаркій день.

Когда онъ работалъ, двигался, онъ совсѣмъ не умѣлъ думать, движеніе какъ бы разрывало паутину мысли, мальчикъ исполнялъ работу медленно, аккуратно и точно, какъ машина, но не вносилъ въ нее ничего отъ себя и едва ли понималъ смыслъ ея.

Когда же онъ былъ свободенъ и сидѣлъ неподвижно, имъ овладѣвало пріятное ощущеніе летанія въ прозрачномъ туманѣ, который обнималъ всю жизнь и все смягчалъ, претворяя шумную дѣйствительность въ тихій и красиво-звучный полусонъ.

Въ этомъ настроеніи дни проходили неуловимо быстро. Внѣшняя жизнь была однообразна, событія, возбуждающія мысль, случались рѣдко, мозгъ незамѣтно засорялся липкой пылью буденъ. По городу онъ ходилъ рѣдко, и городъ не нравился ему.

Непрерывное движеніе утомляло глаза, шумъ наливалъ голову тяжелой, отупляющей мутью, безконечный городъ сначала былъ подобенъ чудовищу сказки, оскалившему сотни жадныхъ ртовъ, ревущему сотнями ненасытныхъ глотокъ, но, когда Евсей присмотрѣлся къ пестрому волненію уличной жизни, онъ увидалъ въ ней тяжкое и скучное однообразіе.

По утрамъ, убирая комнату хозяина, онъ на нѣсколько минутъ высовывалъ голову изъ окна, смотрѣлъ на дно узкой и глубокой улицы, видѣлъ всегда однихъ и тѣхъ же людей и уже зналъ, что̀ каждый изъ нихъ будетъ дѣлать черезъ часъ и завтра. Извозчики ѣхали одинаково лѣниво, сидѣли на козлахъ всѣ какъ одинъ. Лавочные мальчики были знакомы и непріятны, опасны своимъ озорствомъ. Каждый человѣкъ казался прикованнымъ къ своему дѣлу, точно собака къ своей конурѣ. Иногда мелькало или шептало что-то новое, но его трудно было разсмотрѣть и понять въ густой массѣ знакомаго, обычнаго и непріятнаго.

Церкви города тоже не нравились ему—въ нихъ было неуютно, свѣтло, душно, и слишкомъ сильны были запахи ладана и масла. Евсей не выносилъ крѣпкихъ запаховъ, отъ нихъ кружилась голова, и они вызывали у него какія-то смутныя, пугающія желанія.

Иногда въ праздникъ хозяинъ запиралъ лавку и водилъ Евсея по городу. Ходили долго, медленно, старикъ указывалъ дома богатыхъ и знатныхъ людей, говорилъ о ихъ

жизни, въ его разсказахъ было много цифръ, женщинъ, убѣжавшихъ отъ мужей, покойниковъ и похоронъ. Толковалъ онъ объ этомъ торжественно и сухо и все осуждалъ, порицалъ, и только разсказывая — кто отъ чего и какъ умеръ, старикъ оживлялся и говорилъ такъ, точно дѣла болѣзней и смерти были самыя мудрыя и интересныя дѣла на землѣ.

Послѣ каждой такой прогулки онъ угощалъ Евсея чаемъ въ трактирѣ, гдѣ играла музыкальная машина, гдѣ всѣ знали старика, относились къ нему съ боязливымъ почтеніемъ и гдѣ усталый Евсей подъ грохотъ и вой музыки, окруженный облакомъ тяжелыхъ запаховъ, впадалъ въ полусонное оцѣпенѣніе.

Но однажды хозяинъ привелъ его въ домъ, гдѣ было собрано безчисленное количество красивыхъ вещей изъ золота и серебра, удивительное оружіе, одежды изъ шелка и парчи, и въ душѣ мальчика вдругъ всколыхнулись забытыя сказки матери, радостно вздрогнула окрыленная надежда, онъ долго и молча ходилъ по комнатамъ, растерянно мигая жадно горящими глазами, а когда возвратился домой, спросилъ хозяина:

— Это чье?

— Казенное, царево!—внушительно объяснилъ старикъ.

Мальчикъ спросилъ иначе:

— А кто носилъ такіе кафтаны и сабли?

— Цари, бояре, разные государевы люди.

— Теперь ихъ нѣтъ?

— Какъ нѣтъ? Есть! Безъ нихъ—нельзя. Только теперь одѣваются иначе.

— Зачѣмъ иначе?

— Дешевле. Раньше Россія богаче была, а теперь—ограбили ее разные чужіе намъ люди—жиды, поляки, нѣмцы...

Онъ долго говорилъ о томъ, что Россію никто не любитъ, всѣ обкрадываютъ ее и желаютъ ей всякаго зла. Когда онъ говорилъ много, Евсей переставалъ вѣрить ему и понимать его. Но все-таки спросилъ:

— А я—государевъ человѣкъ?

— Какъ же! У насъ все государево. Вся земля—Божья, вся Русь—царева!

Передъ глазами Евсея кружились пестрымъ, яркимъ хороводомъ статные, красивые люди въ блестящихъ одеждахъ, возникала другая, сказочная жизнь. Она оставалась съ нимъ, когда онъ легъ спать; среди этой жизни онъ видѣлъ себя въ голубомъ кафтанѣ съ золотомъ, въ красныхъ сапогахъ изъ сафьяна, и Раису въ парчѣ, украшенной самоцвѣтными камнями.

— „Значитъ—проходитъ!“—подумалъ онъ.

Сегодня эта мысль вызывала не надежду на иное будущее, а тихое сожалѣніе о прошломъ.

За дверью сухо звучалъ ровный голосъ хозяина:

— Вскую шаташася языцы и аггели помышляша злое...

IV.

Вскорѣ послѣ этого онъ испыталъ тоже нѣчто острое,— когда онъ съ хозяиномъ, закрывъ лавку, вошелъ во дворъ ихъ встрѣтилъ звонкій, трепетный крикъ Анатолія:

— Не буду... дяденька... никогда-а-а!

Евсей вздрогнулъ и невольно съ тихимъ торжествомъ сказалъ:

— Ага-а!

Ему было пріятно слышать крикъ страха и боли, исходившій изъ груди веселаго, всѣми любимаго мальчика, и онъ попросилъ хозяина:

— Я останусь на дворѣ?

— Ужинать надо! А впрочемъ, я тоже пойду, погляжу, какъ учатъ сорванца...

За крыльцомъ дома, у дверей въ каменный сарай, собралась публика, въ сараѣ раздавались тяжелые мокрые шлепки и рыдающій голосъ Анатолія:

— Дяденька, я не виноватъ! Господи, пустите... Христа ради!

Часовщикъ Якубовъ, раскуривая папиросу, сказалъ:

— Такъ его, прибавь ему...

Косая золотошвейка Зина поддержала длиннаго и желтаго часовщика:

— Авось тише будетъ, покоя отъ него нѣтъ никому на дворѣ!

А хозяинъ Евсея спросилъ:

— Говорятъ, онъ передразнивать людей мастеръ?

— Какъ же!—отвѣтила скорнякова кухарка.—Такой дьяволенокъ—всѣхъ осмѣетъ...

Въ сараѣ раздавался глухой шорохъ, точно по старымъ доскамъ его пола таскали изъ стороны въ сторону мѣшокъ, набитый чѣмъ-то мягкимъ, ползалъ задыхающійся, сиплый голосъ Кузина и все болѣе глухіе, все болѣе рѣдкіе крики Анатолія:

— Простите... ой... заступитесь!.. Господи...

Слова его, становясь неразборчивѣе, начали сливаться въ тонкій, захлебывающійся стонъ. Евсей вздрагивалъ, вспоминая боль испытанныхъ побоевъ. Говоръ зрителей будилъ въ

немъ какое-то спутанное чувство—было боязно стоять среди людей, которые вчера еще охотно и весело любовались бойкимъ мальчикомъ, а сейчасъ съ удовольствіемъ смотрятъ, какъ его бьютъ. Но теперь эти полубольные, усталые отъ работы, сердитые люди казались ему болѣе понятными, онъ вѣрилъ, что никто изъ нихъ не притворяется, глядя на истязаніе человѣка съ искреннимъ любопытствомъ. Было немного жалко Анатолія и все-таки пріятно слышать его стоны. Мелькнула мысль:

„Теперь будетъ смирнѣе и подружится со мной...“

Вдругъ явился скорнякъ—подмастерье Николай, маленькій, черный, кудрявый, съ длинными руками. Какъ всегда дерзкій и никого не уважающій, онъ растолкалъ публику, вошелъ въ сарай, и оттуда дважды тяжело ухнулъ его грубый голосъ:

— Оставь! Прочь!

Всѣ вдругъ отшатнулись отъ дверей. Изъ сарая выскочилъ Кузинъ, сѣлъ на землю, схватился руками за голову и, выталращивъ глаза, сипло завылъ:

— Ка-рау-улъ...

— Идемъ-ка, Евсей, дальше отъ грѣха!—сказалъ хозяинъ, отходя въ сторону. Мальчикъ подвинулся въ уголъ къ крыльцу и сталъ тамъ, наблюдая.

Вышелъ Николай. На рукахъ у него безсильно раскинулось маленькое, измятое тѣло мальчика. Онъ положилъ его на землю, выпрямился и крикнулъ:

— Бабы, воды, стервы!

Зина и кухарка побѣжали.

Кузинъ, закидывая голову, глухо сопѣлъ:

— Разбой, караулъ!

Николай обернулся къ нему, ударилъ ногой въ грудь и опрокинулъ на спину, потомъ началъ кричать, сверкая бѣлками черныхъ глазъ:

— Сволочи! Ребенка убиваютъ, а вамъ—комедія! Разобью хари всѣмъ!

Ему отвѣчали со всѣхъ сторонъ ругательствами, но никто не смѣлъ подойти близко.

— Идемъ! — сказалъ хозяинъ, взявъ Евсея за руку. Они пошли и увидѣли, что Кузинъ, согнувшись, безшумно бѣжитъ къ воротамъ.

— За полицейскимъ!—объяснилъ хозяинъ Евсею.

Когда мальчикъ остался одинъ, онъ почувствовалъ, что въ немъ исчезла зависть къ Анатолію, и, напрягая свой вялый мозгъ, объяснилъ себѣ то, что видѣлъ: это только казалось,

что забавнаго Анатолія любили, на самомъ дѣлѣ не было этого. Всѣ любятъ драться, любятъ смотрѣть, какъ дерутся, всѣ любятъ быть жестокими. Николай вступился за Анатолія потому, что онъ любитъ бить Кузина и бьетъ его почти каждый праздникъ. Очень смѣлый и сильный, онъ можетъ поколотить любого человѣка въ этомъ домѣ, а его колотятъ въ полиціи. Значитъ—будешь ли тихимъ или бойкимъ—тебя, все равно, будутъ бить и обижать.

Прошло нѣсколько дней, на дворѣ заговорили, что отправленный въ больницу ученикъ стекольщика сошелъ съ ума. Тогда Евсей вспомнилъ, какъ горѣли глаза мальчика во время его представленій, какъ порывисты были его движенія и быстро измѣнялось лицо,—со страхомъ подумалъ, что, можетъ-быть, Анатолій всегда былъ сумасшедшимъ. И скоро забылъ о немъ.

...Въ дождливыя ночи осени, на крышѣ, подъ окномъ комнаты Евсея, рождались дробные звуки, мѣшали ему спать, будя въ его сердцѣ тревогу. Въ одну изъ такихъ ночей онъ услышалъ злые крики хозяина:

— Мерзавка!

Раиса Петровна возражала, какъ всегда, негромко и пѣвуче:

— Я не могу позволить вамъ, Матвѣй Матвѣевичъ...

— Подлая! Какія деньги я тебѣ плачу?

Дверь въ комнату хозяина была не притворена, голоса звучали ясно. Маленькій дождь тихо пѣлъ за окномъ слезливую пѣсню. По крышѣ ползалъ вѣтеръ; какъ большая безпріютная птица, утомленная непогодой, онъ вздыхалъ, мягко касаясь мокрыми крыльями стеколъ окна. Мальчикъ сѣлъ на постели, обнялъ колѣни руками и, вздрагивая, слушалъ:

— Отдай мнѣ двадцать пять рублей, воровка!

— Я не отпираюсь — Доримедонтъ Лукичъ далъ мнѣ эти деньги.

— Ага! Вотъ видишь, дрянь ты!

— Нѣтъ, вы позвольте—когда вы попросили меня слѣдить за господиномъ...

— Ш-ш! Что̀ ты орешь?

И дверь закрылась. Но и сквозь стѣну слышно было почти все.

— Ты помни, подлая, ты у меня въ рукахъ!—говорилъ хозяинъ и, должно-быть, стучалъ пальцемъ по столу.—И если я замѣчу, что ты съ Доримедонтомъ шашни завела...

Голосъ женщины былъ теплый и гибкій, точно кошка, онъ, мягко подкрадываясь, извивался вокругъ злыхъ словъ старика и стиралъ ихъ съ памяти Евсея.

Женщина была права, въ этомъ Евсея убѣждало ея спокойствіе и все его отношеніе къ ней. Ему шелъ уже пятнадцатый годъ, его влеченіе къ смирной и красивой Раисѣ Петровнѣ начинало осложняться тревожно-пріятнымъ чувствомъ. Встрѣчая Раису очень рѣдко и всегда на минуты, онъ смотрѣлъ ей въ лицо съ тайнымъ чувствомъ стыдливой радости, она говорила съ нимъ ласково, это вызывало въ груди его благодарное волненіе и все болѣе властно тянуло къ ней.

Еще въ деревнѣ онъ зналъ грубую правду отношеній между мужчиной и женщиной; городъ раскрасилъ эту правду грязью, но она не пачкала мальчика; боязливый, онъ не смѣлъ вѣрить тому, что̀ говорилось о женщинахъ, и рѣчи эти вызывали у него не соблазнъ, а жуткое чувство. Теперь, сидя на постели, Евсей вспоминалъ добрыя улыбки, ласковыя слова Раисы. Увлеченный этимъ, онъ не успѣлъ лечь, когда отворилась дверь изъ комнаты хозяина и передъ нимъ стала она—полуодѣтая, съ распущенными волосами, прижавъ руку къ груди. Онъ испугался, замеръ—женщина снова захотѣла отворить дверь въ комнату старика, уже протянула руку, но вдругъ, улыбнувшись, погрозила Евсею пальцемъ и ушла къ себѣ. Онъ заснулъ съ улыбкой.

Утромъ, подметая въ кухнѣ полъ, онъ увидѣлъ Раису въ двери ея комнаты и выпрямился передъ нею съ вѣникомъ въ рукахъ.

— Здравствуй!—сказала она.—Хочешь кофе пить со мной?

Обрадованный и смущенный, мальчикъ отвѣтилъ:

— Я еще не умывался,—я сейчасъ!

И черезъ нѣсколько минутъ сидѣлъ за столомъ у нея въ комнатѣ, ничего не видя, кромѣ бѣлаго лица съ тонкими бровями и добрыхъ, влажно улыбавшихся глазъ на этомъ лицѣ.

— Я тебѣ нравлюсь?—спросила она.

— Да!—отвѣтилъ мальчикъ.

— Почему?

— Вы добрая и красивая...

Онъ отвѣчалъ, какъ во снѣ. Ему было странно слышать ея вопросы, глаза ея смотрѣли на него покоряюще, они должны были знать, что̀ творилось въ его душѣ.

— А... а Матвѣя Матвѣевича ты любишь?—медленно и негромко спросила Раиса.

— Нѣтъ!—просто отвѣтилъ Евсей.

— Развѣ? А онъ тебя любитъ,—онъ самъ говорилъ мнѣ это.

— Нѣтъ!—повторилъ мальчикъ, качнувъ головой. Она подняла брови и немножко пододвинулась къ нему, спрашивая:

— Ты мнѣ не вѣришь?

— Вамъ—вѣрю, а хозяину—не вѣрю ни въ чемъ.

— Отчего? Отчего?—дважды быстро и тихо спросила она, подвигаясь къ нему еще ближе. Теплый лучъ ея взгляда проникъ въ сердце мальчика, будилъ тамъ маленькія мысли, еще никогда никому не сказанныя имъ, и онъ торопливо выбрасывалъ ихъ передъ женщиной.

— Я его боюсь... я всѣхъ боюсь, кромѣ васъ!

— Почему боишься?

— Вы знаете.

— Что̀ я знаю?

— Васъ тоже обижаютъ,—не одинъ хозяинъ,—я видѣлъ, вы плакали... это вы не оттого плакали, что были тогда выпивши,—я понимаю,—только все вмѣстѣ не могу понять... каждое отдѣльное я вижу до послѣдней морщинки и рядомъ съ нимъ совсѣмъ даже и не похожее—тоже понимаю... но къ чему это все? Одно съ другимъ споритъ и не складывается вмѣстѣ. Есть одна жизнь и—другая еще.

— Что̀ ты говоришь?—удивленно спросила Раиса.

— Это—правда!

Нѣсколько секундъ они молча смотрѣли другъ на друга, сердце мальчика билось торопливо, щеки покрылись румянцемъ смущенія.

— Ну, теперь иди!—тихо сказала Раиса, вставая.—Иди, а то онъ будетъ спрашивать, почему ты долго. Не говори ему, что былъ у меня,—хорошо?

— Да.

Онъ ушелъ, насыщенный ласковымъ звукомъ пѣвучаго голоса, согрѣтый участливымъ взглядомъ, и весь день въ памяти его звенѣли слова этой женщины, тепло одѣвая сердце тихой радостью.

День этотъ былъ странно длиненъ. Надъ крышами домовъ и площадью неподвижно висѣла сѣрая туча, усталый тусклый день точно запутался въ ея сырой массѣ и тоже остановился. Послѣ обѣда въ лавку пришли двое покупателей—одинъ сутулый и худой, съ красивыми, полусѣдыми усами, другой—рыжебородый, въ очкахъ. Оба они долго и внимательно рылись въ книгахъ. Худой все время тихонько свистѣлъ, и усы у него шевелились, а рыжій говорилъ съ хозяиномъ. Евсей укладывалъ отобранныя книги въ рядъ, корешками вверхъ, и прислушивался къ словамъ старика Распопова.

Онъ заранѣе зналъ все, что̀ будетъ говорить покупателямъ хозяинъ, зналъ, какъ онъ будетъ говорить, и отъ скуки, вызванной ожиданіемъ вечера, провѣрялъ себя.

— Для библіотеки покупаете?—ласково спросилъ старикъ.

— Для библіотеки общества учителей!—отвѣтилъ рыжій и тоже спросилъ:—А что?

„Похвалитъ!“—думалъ Евсей о хозяинѣ и не ошибся.

— Съ большимъ знаніемъ выборъ дѣлаете, пріятно видѣть правильную оцѣнку книги.

— Пріятно?

„Сейчасъ улыбнется“,—подумалъ Евсей.

— Какъ же!—любезно усмѣхаясь, сказалъ старикъ.—Къ этому товару привыкаешь, даже любишь его, вѣдь не дрова, а произведеніе ума! Когда видишь, что и покупатель тоже уважаетъ книгу—это пріятно. Вообще-то нашъ покупатель чудакъ, приходитъ и спрашиваетъ—нѣтъ ли интересной книги какой-нибудь? Ему все равно, онъ ищетъ забавы, игрушечку, но не пользу. А иной разъ бываетъ—вдругъ спроситъ запрещенныхъ книгъ.

— Какъ это—запрещенныхъ?—спросилъ рыжій, прищуривая маленькіе глазки.

— Запрещенныхъ для библіотекъ, напечатанныхъ за границей или тайно въ Россіи...

— А бываютъ въ продажѣ и такія?

„Теперь будетъ говорить тихонько!“ — вспомнилъ Евсей пріемы старика и снова не ошибся.

Уставившись очками въ лицо рыжаго, хозяинъ почти шопотомъ сказалъ:

— Почему не быть? Иногда купишь цѣлую библіотеку, ну, а въ ней все попадается, все!

— И сейчасъ имѣете такія книги?

— Найдется нѣсколько...

— А ну, покажите-ка!—попросилъ рыжій.

— Только я васъ попрошу сохранить это въ секретѣ! Вѣдь знаете,—не изъ-за прибыли, а изъ почтенія,—желаешь услужить...

Сутулый человѣкъ пересталъ свистѣть, поправилъ очки и внимательно осмотрѣлъ старика.

Сегодня хозяинъ былъ неодолимо противенъ Евсею, весь день онъ наблюдалъ за нимъ съ холодной, тоскливой злостью, и теперь, когда старикъ отошелъ съ рыжимъ въ уголъ лавки, показывая тамъ книги, мальчикъ вдругъ, не желая, шопотомъ сказалъ сутулому покупателю:

— Тѣхъ книгъ не покупайте...

Сказалъ и вздрогнулъ въ остромъ испугѣ. Изъ-подъ очковъ въ лицо ему заглянули свѣтлые прищуренные глаза.

— Почему?

Не сразу, съ большимъ усиліемъ, Евсей отвѣтилъ:

— Я не знаю.

Покупатель снова поправилъ очки, отодвинулся отъ него и засвисталъ громче, искоса присматриваясь къ старику. Потомъ, дернувъ головой кверху, онъ сразу сталъ прямѣе, выросъ, погладилъ сѣдые усы, не торопясь, подошелъ къ своему товарищу, взялъ изъ его рукъ книгу, взглянулъ и бросилъ ее на столъ. Евсей слѣдилъ за нимъ, ожидая чего-то безпощаднаго для себя. Но сутулый дотронулся до руки товарища и сказалъ просто, спокойно:

— Ну, идемъ!

— А книги?—воскликнулъ рыжій.

— Идемъ.

Рыжій взглянулъ на него, потомъ на хозяина, его маленькіе глазки часто замигали, и онъ отошелъ къ двери на улицу.

— Не желаете?—спросилъ Распоповъ. Евсей понялъ по голосу, что старикъ удивленъ.

— Не желаю!—отвѣтилъ покупатель, пристально глядя въ лицо хозяина. Тотъ съежился, отступилъ къ своему столу, взмахнулъ рукой и вдругъ неестественно-громко заговорилъ незнакомымъ Евсею голосомъ:

— Воля ваша, конечно! Все-таки этого я, извините, не понимаю!

— Чего не понимаете?—спросилъ сутулый, усмѣхаясь.

— Рылись два часа и больше,—сторговались и вдругъ—почему?—тревожно выкрикивалъ старикъ.

— Да хотя бы потому, что вспомнилъ я вашу противную рожу! Вы еще не издохли? Какъ жалко!

Сутулый выговорилъ свои слова медленно, негромко, отчетливо, онъ ушелъ изъ лавки не торопясь, шагая тяжело, гулко.

Минуту старикъ смотрѣлъ вслѣдъ ему, затѣмъ сорвался съ мѣста, мелкими шагами подбѣжалъ къ Евсею и, схвативъ его за плечо, быстрымъ шопотомъ заговорилъ:

— Иди за нимъ, узнай, гдѣ живетъ, иди! Незамѣтно, понимаешь, скорѣе!

Евсей качался изъ стороны въ сторону и упалъ бы, если бъ старикъ не удерживалъ его на ногахъ. Въ груди у него было пусто, и слова старика сухо трещали тамъ, точно горохъ въ погремушкѣ...

— Чего ты дрожишь, болванъ? Я тебѣ говорю...

Чувствуя, что рука хозяина выпустила его плечо, Евсей побѣжалъ къ двери...

— Стой, дуракъ!

Онъ остановился, схваченный крикомъ.

— Куда тебѣ,—развѣ ты можешь? А-ахъ, Боже мой! Уйди съ глазъ, ты...

Евсей отскочилъ въ уголъ, онъ впервые видѣлъ хозяина такъ злымъ, онъ понималъ, что въ этой злобѣ много испуга, чувства слишкомъ знакомаго ему, и несмотря на то, что самъ былъ опустошенъ страхомъ, ему все-таки нравилась тревога старика.

Маленькій, пыльный старикъ метался по лавкѣ, точно крыса въ западнѣ. Онъ подбѣгалъ въ двери, высовывалъ голову на улицу, вытягивалъ шею, снова возвращался въ лавку, ощупывалъ себя растерявшимися, безсильными руками и бормоталъ и шипѣлъ, встряхивая головой такъ, что очки его прыгали по лицу.

— Н-на-а,—подлецъ... да-а,—подлецъ! Я живъ, живъ!

Черезъ нѣсколько минутъ онъ крикнулъ Евсею:

— Запирай лавку!

Войдя въ свою комнату, онъ перекрестился, тяжело вздохнулъ и свалился на черный диванъ. Всегда гладкій, теперь старикъ весь былъ покрытъ морщинами, лицо его съежилось, платье какъ будто стало велико и повисло складками на его встревоженномъ тѣлѣ.

— Скажи хозяйкѣ, чтобы перцовки дала мнѣ, большую рюмку...

Когда Евсей принесъ водку, хозяинъ поднялся, залпомъ выпилъ ее и, широко открывъ ротъ, долго смотрѣлъ въ лицо Евсея, а потомъ спросилъ:

— Ты понимаешь, что онъ меня обидѣлъ?

— Да,—сказалъ Евсей.

— А за что—понимаешь?

— Нѣтъ...

Старикъ поднялъ руку, молча погрозилъ пальцемъ и надломленнымъ голосомъ проговорилъ:

— Я его знаю,—я много знаю!

Снявъ свою черную шапочку, потеръ руками голый черепъ, осмотрѣлъ комнату, снова потрогалъ руками голову, легъ на диванъ.

Раиса Петровна внесла ужинъ и, разставляя на столѣ тарелки, спросила:

— Устали?

— Какъ будто нездоровится, лихорадка, думаю. Дайте еще перцовки! Посидите съ нами, вамъ еще рано уходить...

Говорилъ онъ торопливо. Когда Раиса сѣла, старикъ приподнялъ очки и подозрительно осмотрѣлъ ее.

За ужиномъ онъ вдругъ, поднявъ ложку вверхъ, проговорилъ:

— Не хочется ѣсть. Я разскажу вамъ—былъ такой случай...

И, наклонивъ голову надъ тарелкой, долго молчалъ, какъ бы соображая—разсказывать ли? Потомъ, вздохнувъ, началъ:

— Напримѣръ: живетъ человѣкъ, у него жена, свой домъ, небольшой домикъ, садъ и огородъ. Корова. Все нажито не щадя себя... Является молодой человѣкъ, хилый, чахоточный, снялъ комнату на чердакѣ, обѣдаетъ съ хозяиномъ... съ хозяевами...

Раиса слушала разсказъ спокойно, внимательно, а Евсею было скучно. Онъ смотрѣлъ въ лицо женщины и настойчиво старался понять, что̀ случилось сегодня въ лавкѣ. Было похоже, какъ будто онъ неожиданно зажегъ спичку, и отъ ея ничтожнаго пламени вдругъ жарко вспыхнуло что-то старое, давно высохшее, что-то тревожно разгорѣлось и едва не сожгло его внезапнымъ, злымъ огнемъ.

Ударивъ себя въ грудь, старикъ сердито крикнулъ:

— Долженъ человѣкъ поддержать законъ? Долженъ, безъ закона невозможно жить, глупые вы люди, ибо человѣкъ во всемъ подобенъ звѣрю, онъ жаденъ, золъ и жестокъ...

Онъ привсталъ въ креслѣ, выкрикивая въ лицо Раисѣ свои слова, лысина его покраснѣла. Евсей слышалъ его крики, не вѣрилъ имъ и думалъ о томъ, что люди связаны, опутаны какими-то невидимыми нитями, и, если случайно задѣть нитку, человѣкъ дергается, сердится, кричитъ. И говорилъ себѣ:

— Надо осторожнѣе!

Старикъ вдругъ замолчалъ, глядя на Евсея. Потомъ тихо и подозрительно спросилъ:

— Ты о чемъ думаешь?

Евсей всталъ и смущенно отвѣтилъ:

— Я не думаю.

— Ну, ступай,—поужиналъ и ступай! Убери посуду.

Желая позлить хозяина, Евсей началъ убирать посуду со стола нарочно не торопясь. Тогда старикъ визгливо крикнулъ:

— Иди, я тебѣ говорю! Ахъ, какой дуракъ!

Евсей вышелъ, сѣлъ на сундукъ, дверь онъ притворилъ неплотно, и торопливый разсказъ хозяина былъ слышенъ ему:

— Пришли за нимъ ночью, она испугалась, затряслась, поняла, на какую дорогу поставили ее эти люди, да. Я ей говорю...

— Такъ это были вы?—громко спросила Раиса.

Старикъ сталъ говорить тихо, почти шопотомъ. Потомъ раздался ясный вопросъ Раисы:

— Умеръ?

— Ну такъ что̀?—раздраженно крикнулъ старикъ.—Отъ чахотки не вылѣчиваются, все равно!

Евсей сидѣлъ на сундукѣ, покачивался, слушая тихій шорохъ рѣчей.

— Ты чего сидишь?

Онъ обернулся. Высунувъ голову изъ двери, на него смотрѣлъ хозяинъ.

— Ложись, спи!

Лицо хозяина исчезло, дверь плотно закрылась. Евсей легъ и думалъ:

„Кто это умеръ?“

Сухія слова старика сыпались, сыпались, точно осенніе листья на могилу. Мальчикъ все яснѣе ощущалъ себя въ темномъ кольцѣ жуткихъ тайнъ. Иногда старикъ сердился, вскрикивалъ—это мѣшало и думать и спать. Было жалко Раису, смирно молчавшую въ отвѣтъ на окрики. Вотъ, наконецъ, она прошла къ себѣ.

Утромъ Раиса снова позвала его къ себѣ и, когда онъ сѣлъ, спросила, улыбаясь:

— Что̀ у васъ вчера въ лавкѣ-то было?

Евсей подробно разсказывалъ ей, и она смѣялась, довольная и веселая, но вдругъ прищурила глаза и негромко спросила:

— Ты понимаешь—кто онъ?

— Нѣтъ.

— Сыщикъ!—шепнула она, глаза у нея пугливо расширились.

Евсей молчалъ. Тогда она встала, подошла къ нему и, гладя его голову, заговорила задумчиво и ласково:

— Какой ты жалкій, ничего не понимаешь, смѣшной ты! Что̀ такое ты говорилъ мнѣ тогда? Какая другая жизнь?

Вопросъ оживилъ его, ему очень хотѣлось говорить объ этомъ. Поднявъ голову и глядя ей въ лицо бездоннымъ взглядомъ незрячихъ глазъ, онъ быстро началъ разсказывать:

— Конечно, есть другая жизнь,—а откуда же сказки? И не только сказки...

Женщина, смѣясь, растрепала его волосы теплыми пальцами.

— Глупенькій ты!

И серьезно, даже строго сказала:

— Схватятъ тебя, поведутъ, куда хотятъ, и будутъ дѣлать съ тобой, что̀ хотятъ,—вотъ и вся жизнь!

Евсей молча кивнулъ головой, соглашаясь со словами Раисы Она вздохнула, посмотрѣла изъ окна на улицу, и когда снова обернулась къ Евсею, лицо ея удивило его—оно стало красное, глаза стали меньше, темнѣе. Женщина сказала лѣнивымъ и глухимъ голосомъ:

— Если бы ты былъ... умнѣе, что ли, бойчѣе, я бы тебѣ, можетъ-быть, что-нибудь сказала. Да ты такой, что и сказать тебѣ нечего. А твоего хозяина—удавить надо! Вотъ, передай ему, что̀ я говорю, ты вѣдь все ему передаешь...

Евсей поднялся со стула, облитый холодной обидой, и, наклонивъ голову, забормоталъ:

— Я про васъ никогда не скажу, никому! Я васъ очень люблю и—хоть бы удавили вы его, все равно! Такъ я васъ люблю..

Онъ вяло пошелъ къ двери, но руки женщины, точно теплыя, бѣлыя крылья, охватили его, повернули назадъ.

— Я тебя обидѣла? — слышалъ онъ. — Ну, прости... Если бы ты зналъ, какой онъ дьяволъ, какъ онъ меня мучаетъ... и ненавижу я его, ахъ, ты!

Она крѣпко прижала его лицо къ своей груди, дважды поцѣловала.

— Такъ ты меня любишь?

— Да,—прошепталъ Евсей, чувствуя, что онъ плавно кружится въ горячемъ вихрѣ невѣдомой радости.

— Какъ?

— Я не знаю. Очень люблю.

Смѣясь и лаская его, она сказала:

— Ты мнѣ разскажешь это! Ахъ, ты, мальчуганъ...

Спускаясь съ лѣстницы, онъ слышалъ ея довольный смѣхъ и улыбался въ отвѣтъ. У него кружилась голова, все тѣло налилось сладкой истомой, онъ шелъ тихо и осторожно, точно боялся расплескать горячую радость сердца.

— Ты что̀ долго?—вопросительно спросилъ хозяинъ.

Евсей взглянулъ на него, но увидѣлъ передъ собой какое-то смутное пятно безъ формы.

— Голова у меня болитъ!—медленно отвѣтилъ онъ.

— Такъ же и у меня. Что̀ это значитъ?.. Раиса встала?

— Да.

— Говорила съ тобой?

— Да-а...

— О чемъ?—быстро спросилъ хозяинъ.

Вопросъ точно хлестнулъ Евсея по лицу, онъ спохватился и лѣниво отвѣтилъ:

— Говорила, что плохо кухню подметаю...

Черезъ нѣсколько секундъ Евсей услыхалъ тихій и унылый возгласъ старика:

— Эта женщина опасная! Да, да... Она выспрашиваетъ, она заставляетъ говорить ей чего не надо...

Евсей издали посмотрѣлъ на него и пожелалъ:

„Чтобы ты издохъ...“

V.

Дни побѣжали торопливой, спутанной толпой, какъ будто впереди ихъ ожидала радость, но каждый день становился все тревожнѣе.

Старикъ сталъ угрюмъ и молчаливъ, онъ странно оглядывался вокругъ себя и, внезапно вспыхивая, кричалъ, сердился, вылъ тревожнымъ воемъ больной собаки.

Онъ постоянно жаловался на боль въ головѣ, его тошнило, за обѣдомъ онъ подозрительно нюхалъ кушанье, щипалъ дрожащими пальцами хлѣбъ на мелкія крошки, чай и водку разсматривалъ на свѣтъ. По вечерамъ все чаще ругалъ Раису, грозя погубить ее. Она отвѣчала на его крики спокойно, мягко, у Евсея росла любовь къ ней и скоплялась докучная, колющая сердце ненависть къ хозяину.

— Развѣ я не понимаю, что̀ ты задумала, подлая! — кричалъ старикъ жалобно и зло.—Отчего у меня болѣзнь? Чѣмъ отравляешь?

— Что̀ вы, что̀ вы!—воскликнула женщина.—Хвораете вы отъ старости.

— Врешь, врешь!

— Отъ испуга тоже.

— Ахъ, ты, проклятая, молчи!

— Лѣта у васъ тяжелыя...

— Врешь!

— И пора вамъ думать о смерти...

— Ага—вотъ ты чего хочешь? Врешь! Не на что тебѣ надѣяться. Дѣло твое не одному мнѣ извѣстно, я Доримедонту разсказалъ про тебя...

И снова завылъ, слезливо и громко.

— Я знаю—онъ твой любовникъ! Это онъ подговорилъ тебя, чтобы ты отравила меня. Ты думаешь—въ его рукахъ легче тебѣ будетъ? Да? Врешь—не будетъ! Не будетъ!

Было такъ: въ темный часъ одной изъ подобныхъ сценъ Раиса вышла изъ комнаты старика со свѣчой въ рукѣ, полураздѣтая, бѣлая и пышная; шла она, какъ во снѣ, качалась на ходу, неувѣренно и безсильно шаркая босыми ногами по полу, глаза у нея были полузакрыты, пальцы вытянутой впередъ правой руки судорожно шевелились, хватая воздухъ. Пламя свѣчи откачнулось къ ея груди, красный, дымный язычокъ почти касался рубашки, освѣщая устало и болѣзненно открытыя губы и блестя на зубахъ.

Когда она прошла мимо Евсея, не замѣтивъ его, онъ невольно потянулся за нею, подошелъ къ двери въ кухню, за-

глянулъ туда и оцѣпенѣлъ отъ ужаса: поставивъ свѣчу на столъ, женщина держала въ рукѣ большой кухонный ножъ и пробовала пальцемъ остроту его лезвея. Потомъ, нагнувъ голову, она дотронулась руками до своей полной шеи около уха, поискала на ней чего-то длинными пальцами, тяжело вздохнувъ, тихо положила ножъ на столъ, и руки ея опустились вдоль тѣла.

Евсей схватился за косякъ, она вздрогнула, обернулась на шорохъ и сердитымъ шопотомъ спросила:

— Чего тебѣ?

Задыхаясь, Евсей отвѣтилъ:

— Онъ умретъ скоро, — зачѣмъ вы себя-то! Пожалуйста, не надо себя...

— Ш-ш!—остановила она и, коснувшись Евсея, точно опираясь на него, снова прошла въ комнату старика.

Скоро онъ уже не могъ вставать съ постели, голосъ его ослабѣвалъ и хрипѣлъ, лицо чернѣло, безсильная шея не держала голову, и сѣдой клокъ волосъ на подбородкѣ странно торчалъ кверху. Каждый день приходилъ докторъ, и каждый разъ, когда Раиса давала больному лѣкарство, старикъ хрипѣлъ и стоналъ:

— Съ ядомъ, а? О-о, подлая...

— Если не хотите пить — я вылью! — говорила женщина негромко.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты оставь, — а завтра я полицію позову... Я спрошу, чѣмъ ты меня травишь...

Евсей стоялъ у двери, прикладывая къ щели въ ней то глазъ, то ухо, почти до слезъ удивлялся терпѣнію Раисы, въ груди его все болѣе неудержимо разросталась жалость къ ней, острое желаніе смерти старику, и дышать ему было трудно, какъ въ сухой, морозный день...

Скрипѣла кровать, и дрожалъ тонкій звонъ ложки о стекло стакана.

— Размѣшивай, размѣшивай, стерва!—бормоталъ хозяинъ.

— Перенеси меня на диванъ!—приказалъ онъ однажды.

Раиса взяла его на руки, понесла, легко, точно ребенка. Его желтая голова лежала на розовомъ плечѣ ея, темныя, сухія ноги вяло болтались, путаясь въ бѣлыхъ юбкахъ.

— Господи,—занылъ старикъ, раскидываясь по широкому дивану.—Господи, почто предалъ раба Твоего въ руки злодѣевъ? Развѣ грѣхи мои горше ихъ грѣховъ, Владыко? И неужели пришелъ смертный часъ мой?..

Онъ задохнулся, захрипѣлъ и свистящимъ голосомъ продолжалъ:

— Прочь ты! Отравила одного, я спасъ тебя отъ каторги, а теперь ты меня... Врешь...

Раиса медленно отодвинулась въ сторону, Евсей видѣлъ маленькое, сухое тѣло хозяина, его животъ вздувался и опадалъ, ноги дергались, на сѣромъ лицѣ судорожно кривились губы, онъ открывалъ и закрывалъ ихъ, жадно хватая воздухъ, и облизывалъ тонкимъ языкомъ, обнажая черную яму рта. Лобъ и щеки, влажные отъ пота, блестѣли, маленькіе глаза теперь казались большими, глубокими и неотрывно слѣдили за Раисой.

— И никого нѣтъ,—нѣтъ мнѣ близкаго на землѣ, — нѣтъ вѣрнаго друга, за что? О, Господи?

Голосъ старика взвизгнулъ и переломился.

— Ты, распутная! Побожись передъ иконой, что не отравляешь меня...

Раиса обернулась въ уголъ и перекрестилась.

— Не вѣрю я, — не вѣрю! — забормоталъ онъ, хватая и царапая руками грудь, бѣлье, спинку дивана.

— Выпейте же, лучше будетъ! — вдругъ почти крикнула Раиса.

— Лучше?—повторилъ старикъ.—Родная, ты у меня—одна, ты для меня... я тебѣ все отдамъ... родная... Рая...

Онъ протягивалъ къ ней костлявую руку и манилъ ее къ себѣ, шевеля чернепькими пальцами.

— Ахъ, надоѣлъ ты мнѣ, проклятый!—сдавленнымъ голосомъ выговорила Раиса. И, выхвативъ изъ-подъ его головы подушку, бросила ее въ лицо старика, навалилась на нее грудью, поймала тонкія руки, мелькнувшія въ воздухѣ.

— Опротивѣлъ... надоѣлъ... иди къ чорту, иди... иди!

Евсей опустился на полъ. Онъ слышалъ заглушенный хрипъ, тихій визгъ, глухіе удары, понималъ, что Раиса душитъ, тискаетъ старика и что хозяинъ часто бьетъ ногами по дивану—онъ не ощущалъ ни жалости ни страха, но хотѣлъ, чтобы все сдѣлалось поскорѣе, и для этого закрылъ ладонями глаза и уши.

Боль удара въ бокъ дверью изъ комнаты хозяина заставила его вскочить на ноги—передъ нимъ стояла Раиса, поправляя распустившіеся по плечамъ волосы.

— Ну, видѣлъ?—сурово спросила она.

Лицо у нея было красное, но уже спокойное, руки не дрожали.

— Видѣлъ! — сказалъ Евсей, кивнулъ головой и подвинулся ближе къ Раисѣ.

— Вотъ, хочешь—доноси полиціи...

Она повернулась и ушла въ комнату, оставивъ дверь открытой, а Евсей сталъ въ двери, стараясь не смотрѣть на диванъ, и шопотомъ спросилъ:

— Онъ совсѣмъ умеръ?

— Да!—четко отвѣтила женщина.

Тогда Евсей повернулъ голову, безучастными глазами посмотрѣлъ на маленькое тѣло хозяина, точно приклеенное къ черному дивану, плоское и сухонькое, посмотрѣлъ на него, на Раису и облегченно вздохнулъ.

Въ углу, около постели, стѣнные часы нерѣшительно и негромко пробили разъ — два; женщина дважды вздрогнула, подошла, остановила прихрамывающіе взмахи маятника невѣрнымъ движеніемъ руки и сѣла на постель. Поставивъ локти на колѣни, она сжала голову ладонями, волосы ея снова разсыпались, окутали ея руки, закрыли лицо плотной, темной завѣсой.

Едва касаясь пола пальцами босыхъ ногъ, чтобы не нарушить строгую тишину, Евсей подошелъ къ Раисѣ и сталъ рядомъ съ нею, молча и тупо глядя на ея бѣлое, круглое плечо.

Поза женщины будила у него желаніе сказать ей что-нибудь утѣшительное, и онъ сказалъ негромко, серьезно:

— Такъ ему и надо.

Тишина вокругъ вздрогнула и снова замерла, прислушиваясь, ожидая.

— Отвори окно!—сурово сказала Раиса. Но, когда Евсей отошелъ отъ нея, она остановила его тихимъ вопросомъ:

— Ты боишься?

— Нѣтъ!

— Почему? Вѣдь ты боязливый.

— Съ вами я не боюсь...

— Тебѣ жалко его?

— Нѣтъ.

— Отвори окно!

Ночной холодъ ворвался въ комнату и облетѣлъ ее кругомъ, задувая огонь въ лампѣ. По стѣнамъ быстро метнулись тѣни, исчезли. Женщина взмахнула головой, закидывая волосы за плечи, выпрямилась, посмотрѣла на Евсея огромными глазами и съ недоумѣніемъ проговорила:

— За что я погибаю? Всю жизнь вотъ такъ—изъ ямы въ яму, одна другой глубже...

Евсей снова сталъ рядомъ съ нею, и оба долго молчали. Наконецъ она обняла его за талію мягкой, но холодной рукой и, прижимая къ себѣ, тихо спросила:

— Слушай, ты скажешь про это?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ онъ, закрывъ глаза.

— Не скажешь? Никому? Никогда? — задумчиво проговорила женщина.

— Никогда!—повторилъ онъ тихо, но твердо.

— Не говори, я пригожусь тебѣ,—ласково пообѣщала она, гладя его щеку.

Встала, оглянулась и замѣтила ему дѣловито:

— Одѣнься, холодно! И надо немножко прибрать комнату. Иди, одѣнься!

Когда онъ воротился, то увидѣлъ, что трупъ хозяина накрытъ съ головой одѣяломъ, а Раиса осталась, какъ была, полуодѣтой, съ голыми плечами, и это тронуло его. Они долго, не торопясь, прибирали комнату, молча и серьезно поглядывая другъ на друга, и Евсей чувствовалъ, что эта молчаливая возня ночью, въ тѣсной комнатѣ, крѣпко связываетъ его съ женщиной, такой же одинокой, какъ онъ, и такъ же знающей страхъ. Онъ старался держаться ближе къ ней, избѣгалъ смотрѣть на трупъ хозяина.

Свѣтало. Раиса прислушивалась къ звукамъ просыпающагося города и дома, потомъ, вздохнувъ, поманила Евсея къ себѣ.

— Теперь иди, лягъ, усни. Я скоро разбужу тебя и пошлю съ запиской къ Доримедонту Лукичу. Иди!

Отвела его къ сундуку, на которомъ онъ спалъ, потрогала рукой постель и сказала:

— Ай, какъ жестко тебѣ!

А когда онъ легъ, сѣла рядомъ съ нимъ и, поглаживая голову и плечи его мягкою и гладкою рукой, говорила нѣвуче и тихо:

— Отдай ему записку. А если онъ будетъ спрашивать тебя, какъ случилась смерть—скажи, что не знаешь, что ты спалъ и ничего не видѣлъ...

Замолчала, нахмуривъ брови. Отъ усталости и теплоты женскаго тѣла и плавной рѣчи Евсей началъ дремать.

— Нѣтъ! — продолжала она. — Это нехорошо. Ты лучше такъ скажи...

Спокойно и толково она учила его, какъ надо говорить, а ласка ея, теплая и сладкая, будила въ немъ воспоминаніе о матери. Ему было хорошо, онъ улыбался.

— Доримедонтъ тоже сыщикъ,—слышалъ онъ баюкающій, плавный голосъ.—Ты, смотри, будь осторожнѣе! Если онъ выспроситъ тебя—я скажу, что ты все зналъ и помогалъ мнѣ во всемъ,—тогда и тебя въ тюрьму посадятъ.

Теперь и она тоже улыбалась, повторяя:

— Въ тюрьму и потомъ на каторгу. Понялъ?

— Да!—тихо и счастливо отвѣтилъ Евсей, глядя въ лицо ея слипающимися глазами.

— Засыпаешь? Ну, спи! — слышалъ онъ сквозь дрему, счастливый и благодарный. — Забудешь ты все, что̀ я говорила? Какой ты слабенькій, худой, спи!

Онъ заснулъ.

Но скоро его разбудилъ строгій голосъ:

— Мальчикъ, вставай, живо, эй! Мальчикъ!

Онъ вскинулся всѣмъ тѣломъ, вытянувъ впередъ руки. У постели его стоялъ Доримедонтъ съ палкой въ рукѣ.

— Что̀ жъ ты спишь, а? У тебя скончался хозяинъ, а ты спишь!

— Усталъ онъ! Всю ночь вѣдь мы не спали съ нимъ!— сказала Раиса.

Она выглядывала изъ кухни въ шляпкѣ, съ зонтомъ въ рукахъ.

— Усталъ? Въ день смерти благодѣтеля нужно плакать, а не спать! Одѣвайся!

Плоское, угреватое лицо сыщика было строго, слова его повелительно дергали Евсея и правили имъ, точно вожжи смирной лошадью.

— Бѣги въ полицію, мальчикъ! Вотъ записка, не потеряй!

Въ полуобморочномъ состояніи Евсей вяло одѣлся, вышелъ на улицу и, усиленно расширяя глаза, побѣжалъ по тротуару, натыкаясь на прохожихъ.

„Скорѣй бы похоронить его! — безсвязно и тревожно думалъ онъ.—Напугаетъ ее Доримедонтъ, она ему все и разскажетъ. Тогда и меня въ тюрьму. Если вмѣстѣ съ ней—то не боязно... а она сама сходила за нимъ, меня не послала, пожалѣла разбудить, или боится... Какъ же теперь я буду жить?“

Когда онъ вернулся домой, тамъ уже сидѣлъ чернобородый полицейскій чиновникъ и какой-то сѣдой старикъ въ длинномъ сюртукѣ, а Доримедонтъ говорилъ полицейскому командующимъ голосомъ:

— Слышите, Иванъ Ивановичъ, что̀ говоритъ докторъ? Ракъ, значитъ. Ага! Вотъ мальчикъ—эй, мальчикъ, иди, принеси полдюжины пива, скорѣе!

Раиса въ кухнѣ варила кофе и дѣлала яичницу. Рукава у нея были высоко засучены, бѣлыя руки мелькали быстро и ловко.

— Придешь — я тебя кофеемъ напою! — пообѣщала она Евсею, улыбаясь.

Онъ бѣгалъ весь день до вечера, потерявъ себя въ суголокѣ, не имѣя времени замѣтить, что̀ творится въ домѣ, но чувствуя, что все идетъ хорошо для Раисы. Въ этотъ день она была красивѣе, чѣмъ всегда, и всѣ смотрѣли на нее съ удовольствіемъ.

А вечеромъ, когда онъ, почти больной отъ усталости, лежалъ въ постели, ощущая во рту непріятный, склеивающій вкусъ, онъ слышалъ, какъ Доримедонтъ строго и властно говорилъ Раисѣ:

— Его нельзя спускать съ глазъ — понимаешь? Онъ глупъ.

Потомъ онъ и Раиса вошли въ комнату Евсея, сыщикъ важно протянулъ руку и сказалъ, посапывая:

— Встань! Ну, скажи—какъ ты теперь будешь жить?

— Я не знаю...

— Не знаешь? Кто же знаетъ?

Глаза сыщика опухли, щеки и носъ у него побагровѣли, онъ дышалъ горячо, шумно и былъ похожъ на жарко истопленную печь.

— Я знаю! — отвѣтилъ онъ самъ себѣ, поднявъ кверху палецъ, съ перстнемъ на немъ.

— Ты будешь жить съ нами, со мной!—ласково проговорила Раиса.

— Да, ты будешь жить у насъ, а я найду тебѣ хорошее мѣсто.

Евсей молчалъ.

— Ну что̀ же ты?

— Ничего,—сказалъ Евсей не сразу.

— Долженъ благодарить, дурашка!—снисходительно пояснилъ Доримедонтъ.

Евсей чувствовалъ, что маленькіе сѣрые глазки, подобно гвоздямъ, прикрѣпляютъ его къ чему-то несноримому.

— Мы будемъ для тебя лучше родныхъ!—сказалъ Доримедонтъ, уходя и оставляя за собой тяжелый запахъ пива, пота и жира.

Евсей открылъ окно, прислушался, какъ ворчитъ и возится, засыпая, усталый, темный городъ.

Тихо подкралась откуда-то острая, ноющая боль, тѣло обняла влажная слабость, въ сердце какъ будто впились тонкія бечевки и рѣзали его, затрудняя дыханіе. Онъ легъ, застоналъ, глядя пугливыми глазами въ темноту, а въ ней, медленно раскачиваясь, двигались черными кусками шкапы,

сундуки, колебались едва видимыя стѣны, и все это давило Евсея необоримымъ страхомъ, толкало его въ какой-то неизбѣжный, душный уголъ.

Въ комнатѣ Раисы мычалъ и хохоталъ сыщикъ:

— М-моя... Ничего-о! Это—пройдетъ, привыкнешь!

Евсей сунулъ голову подъ подушку, чтобы не слышать торжествующихъ, обидныхъ криковъ.

Черезъ минуту, задыхаясь, онъ вскочилъ — передъ нимъ мелькнули сухія, темныя ноги хозяина, засвѣтились его маленькіе, красные, больные глазки.

Евсей взвизгнулъ, побѣжалъ, вытянувъ впередъ руки, толкнулъ ими въ дверь Раисы и тихо завылъ:

— Боюсь!

Два большихъ бѣлыхъ тѣла метнулись въ комнатѣ, одно изъ нихъ пугливо и злобно зарычало:

— Пошелъ вонъ!

Евсей упалъ на колѣни и забился на полу у ногъ людей, какъ испуганная ящерица, тихонько вскрикивая:

— Боюсь, боюсь...

...Потомъ дни были наполнены суетой похоронъ, переѣздомъ Раисы на квартиру Доримедонта. Евсей безъ думъ метался, точно маленькая птица, въ облакѣ темнаго страха, и лишь порою въ немъ, какъ синій болотный огонекъ, вспыхивала робкая мысль: „Что̀ со мной будетъ?“—и обжигала сердце тоской, вызывая желаніе убѣжать куда-то, спрятаться, но всюду онъ встрѣчалъ зоркіе глаза Доримедонта и слышалъ его тупой голосъ:

— Мальчикъ, живо!

Эта команда звучала гдѣ-то внутри Евсея, она толкала его изъ стороны въ сторону; цѣлые дни онъ бѣгалъ, а вечеромъ, утомленный и пустой, засыпалъ тяжкимъ, чернымъ сномъ, полнымъ страшныхъ сновидѣній.

VI.

Отъ этой жизни онъ очнулся въ сумрачномъ углу большой комнаты съ низкимъ потолкомъ, за столомъ, покрытымъ грязной, зеленой клеенкой. Передъ нимъ лежала толстая исписанная книга, нѣсколько листковъ чистой разлинованной бумаги, въ рукѣ его дрожало перо, онъ не понималъ, что̀ нужно дѣлать со всѣмъ этимъ, и безпомощно оглядывался кругомъ.

Въ комнатѣ стояло много столовъ, за ними, по двое и по четверо, сидѣли разные люди; устало и сердито перекиды-

ваясь короткими словами, они торопливо писали и много курили. Ѣдкій синій дымъ плылъ къ форточкамъ оконъ, а навстрѣчу ему назойливо и непрерывно вытекалъ съ улицы оглушающій, мутный шумъ. Множество мухъ кружилось надъ головами, онѣ безтолково ползали по объявленіямъ на стѣнахъ, по столамъ, стукались о стекла и въ суетѣ своей были подобны людямъ, наполнявшимъ эту душную, грязную клѣтку. У дверей ея стояли полицейскіе солдаты, появлялись и исчезали офицеры, входили разные люди, кланялись, покорно улыбались, вздыхали. Неустанно колыхался ихъ торопливый, жалобный говоръ, его разрывали и глушили строгіе окрики служащихъ.

Вытянувъ шею надъ столомъ, расширивъ прозрачные глаза, Евсей изъ угла осматривалъ комнату, ощупывалъ служащихъ, стараясь запомнить ихъ лица, фигуры, тайно желая найти среди нихъ кого-то, кто помогъ бы ему. Въ немъ пробудился инстинктъ самозащиты и собиралъ всѣ подавленныя чувства, разорванныя мысли въ одно ясное стремленіе поскорѣе приспособиться къ этому мѣсту и людямъ, чтобы сдѣлать себя незамѣтнымъ среди нихъ.

Всѣ служащіе, молодые и старые, имѣли нѣчто общее — одинаково измятые и потертые, всѣ они были однообразно унылы, но легко и быстро раздражались и кричали, оскаливъ зубы, размахивая руками. Было много пожилыхъ и лысыхъ, нѣсколько рыжихъ и двое сѣдыхъ: одинъ — длинноволосый, высокій, съ большими усами, похожій на священника, которому обрили бороду, другой — краснолицый, съ огромною бородою и голымъ черепомъ.

Это онъ посадилъ Евсея въ уголъ, положилъ передъ нимъ книгу и приказалъ, стукая по ней пальцемъ, что-то переписать изъ нея.

Теперь передъ этимъ старикомъ стояла пожилая женщина вся въ черномъ и жалобно тянула:

— Ба-атюшка, милостивый государь...

— Вы мнѣ мѣшаете! — крикнулъ старикъ, не глядя на нее.

А у двери на скамьѣ сидѣла худенькая молоденькая дѣвушка въ розовомъ платьѣ и всхлипывала, отирая лицо бѣлымъ фартукомъ.

— Да не виновата же я...

— Кто тамъ скулитъ?—спросилъ чей-то рѣзкій голосъ.

И вездѣ одни люди жаловались, просили, оправдывались, говорили, стоя на ногахъ, покорно и плаксиво, другіе сидѣли и покрикивали на нихъ сердито, насмѣшливо, устало. Шеле-

стѣла бумага, скрипѣли перья, и сквозь весь этотъ шумъ просачивался тихій плачъ дѣвушки.

— Алексѣй!—громко позвалъ сѣдобородый старикъ.—Уведи эту женщину...

Его глаза остановились на Климковѣ, онъ быстро подошелъ къ нему и удивленно, сурово спросилъ:

— Ты что̀ же, а? Ты почему не пишешь?

Евсей молчалъ, опустивъ голову.

— Ну вотъ — наградили еще однимъ дуракомъ!—сказалъ старикъ, пожимая плечами, и пошелъ прочь, крича: — Эй, Зарубинъ...

Сухой и тоненькій подростокъ съ черными кудрями на маленькой головѣ, съ низкимъ лбомъ и бѣгающими глазками, сѣлъ рядомъ съ Евсеемъ, толкнулъ его локтемъ въ бокъ, спрашивая вполголоса:

— Въ чемъ дѣло?

— Вотъ—не понимаю,—тихо и испуганно сказалъ Климковъ.

Гдѣ-то внутри подростка, точно въ животѣ у него, глухо и отрывисто ухнуло:

— У!

И тихонько, какъ будто сообщая важную тайну, онъ заговорилъ:

— Я тебя научу, а ты дашь мнѣ полтинникъ. Есть полтинникъ?

— Нѣтъ.

— Ну, когда получишь жалованье,—ладно?

— Ладно.

Черненькій схватилъ листъ бумаги и такъ же таинственно продолжалъ:

— Видишь—въ книгѣ отмѣчены красными точками имена и фамиліи? Ну вотъ, ты ихъ перепиши на этотъ листъ. А когда кончишь—позови меня, я посмотрю—не навралъ ли ты. Меня зовутъ Яковъ Зарубинъ.

Въ груди у него снова какъ будто что-то оборвалось и мягко упало:

— У!

Наклонивъ голову, онъ исчезъ, юрко скользя между столовъ, сгибаясь на ходу, прижавъ локти къ бокамъ, кисти рукъ къ груди, вертя черненькой, шершавой головкой и поблескивая узенькими глазками. Евсей, проводивъ его взглядомъ, благоговѣйно обмакнулъ перо въ чернила, началъ писать и скоро опустился въ привычное и пріятное ему забвеніе окружающаго, застылъ въ безсмысленной работѣ и потерялъ въ ней свой страхъ.

Онъ быстро привыкъ къ новому мѣсту. Механически исполнительный и всегда готовый услужить каждому, чтобы поскорѣе отдѣлаться отъ него, онъ покорно подчинялся всѣмъ и ловко прятался за своей работой отъ холоднаго любопытства и жестокихъ выходокъ сослуживцевъ. Молчаливый и скромный, онъ создалъ себѣ въ углу незамѣтное существованіе, сумрачный наблюдательный постъ, и жилъ, какъ ночная птица, не понимая смысла дней, пестро и шумно проходившихъ мимо его круглыхъ, бездонныхъ глазъ.

Каждый день онъ слышалъ жалобы, стоны, испуганные крики, строгіе голоса полицейскихъ офицеровъ, раздраженный ропотъ и злыя насмѣшки канцеляристовъ. Часто людей били по лицу, выталкивали въ шею за дверь, нерѣдко текла кровь; иногда полицейскіе приводили людей, связанныхъ веревками, избитыхъ, страшно мычавшихъ отъ боли. Воры держались въ канцеляріи немного смущенно, но улыбались всѣмъ, какъ добрые знакомые, проститутки тоже заискивающе улыбались, и всѣ онѣ оправляли свои платья всегда однимъ и тѣмъ же движеніемъ руки. Безпаспортные угрюмо или уныло молчали, глядя на все исподлобья и безнадежно, политическіе поднадзорные приходили гордо, спорили, кричали и никогда не говорили никому ни „здравствуйте“ ни „прощайте“, ко всѣмъ относясь со спокойнымъ презрѣніемъ или явной враждебностью. О нихъ въ канцеляріи говорилось много, почти всегда насмѣшливо, порою злобно, но подъ насмѣшками и злобой Евсею чувствовался скрытый интересъ и какъ бы нѣкоторый почтительный страхъ передъ этими людьми, которые со всѣми говорили громко и независимо.

Больше всего возбуждали интересъ служащихъ политическіе сыщики, люди съ неуловимыми физіономіями, молчаливые и строгіе. О нихъ съ острой завистью говорили, что они зарабатываютъ большія деньги, со страхомъ разсказывали, что этимъ людямъ все извѣстно, все открыто, сила ихъ надъ жизнью людей неизмѣрима, они могутъ каждаго человѣка поставить такъ, что, куда бы человѣкъ ни подвинулся, онъ непремѣнно попадетъ въ тюрьму.

Широкій, расплывающійся взглядъ Климкова легко обнималъ все, колыхавшееся передъ нимъ. Незамѣтно накоплялся въ душѣ опытъ, слабая, неумѣлая мысль не могла организовать его въ стройное цѣлое, но, подчиняясь силѣ тяжести своей, онъ постепенно слагался самъ собою и вызывалъ безсознательную жажду новыхъ наблюденій, обострялъ любопытство, неожиданно подсказывалъ Евсею выводы, порою пугавшіе его своей смѣлостью и тайно намекавшіе на какія-то возможности.

Вокругъ никто никого не жалѣлъ, и Евсею тоже не было жалко людей, ему стало казаться, что всѣ они притворяются, даже когда избиты, плачутъ и стонутъ. Въ глазахъ каждаго онъ видѣлъ что-то затаенное, недовѣрчивое, и не разъ ухо его ловило негромкое, но угрожающее обѣщаніе:

— Погодите, будетъ праздникъ и на нашей улицѣ...

Вечерами, въ тѣ часы, когда онъ сидѣлъ въ большой комнатѣ почти одинъ и вспоминалъ впечатлѣнія дня — все ему казалось лишнимъ, ненастоящимъ, все было непонятно и мѣшало людямъ, путало ихъ и сердило. И казалось — всѣ знаютъ, что надо жить тихо, беззлобно, но никто почему-то не хочетъ сказать людямъ свой секретъ иной жизни, всѣ не довѣряютъ другъ другу, лгутъ и вызываютъ на ложь. Было ясно видимо общее раздраженіе на порядокъ жизни, всѣ громко жаловались на тяжесть ея, каждый смотрѣлъ на другого, какъ на опаснаго врага своего, и у каждаго недовольство жизнью боролось съ недовѣріемъ къ людямъ, раскалывая душу на двѣ части.

Климковъ не смѣлъ думать такъ, но онъ все яснѣе чувствовалъ неустройство и тяготу всего, что̀ неустанно вертѣлось вокругъ.

Порою имъ овладѣвала тяжелая, ослабляющая тѣло скука, пальцы его становились вялыми, онъ откладывалъ перо въ сторону и, положивъ голову на столъ, долго и неподвижно смотрѣлъ въ дымный сумракъ комнаты, осторожно стараясь найти въ глубинѣ своей души что-то необходимое ему.

Тогда его начальникъ, длинноносый, бритый старикъ съ сѣдыми усами, кричалъ ему:

— Климковъ! Заснулъ?

Евсей хваталъ перо и, вздыхая, говорилъ себѣ:

— Пройдетъ...

Но не могъ понять — вѣритъ онъ въ это или уже не вѣритъ, а только утѣшаетъ себя...

Дома было скучнѣе и тяжелѣе, чѣмъ въ канцеляріи полицейскаго управленія.

Утромъ Раиса, полуодѣтая, съ измятымъ лицомъ и тусклыми глазами, молча поила Евсея кофе. Въ ея комнатѣ кашлялъ и харкалъ Доримедонтъ, теперь его тупой голосъ сталъ звучать еще болѣе громко и властно, чѣмъ прежде. Въ обѣдъ и за ужиномъ онъ звучно чавкалъ, облизывалъ губы, далеко высовывая большой, толстый языкъ, мычалъ, жадно разсматривая пищу передъ тѣмъ, какъ начать ѣсть ее. Его красныя, прыщеватыя щеки лоснились, а сѣрые глазки быстро ползали по лицу Евсея, точно два холодныхъ жучка, и непріятно щекотали кожу.

— Я, братъ, — говорилъ онъ, — тягу жизни знаю... знаю, сколько человѣку стòитъ фунтъ добра и зла, н-на! А тебѣ сразу счастье пришло, — вотъ я тебя поставилъ на мѣсто и буду толкать все дальше, до возможной высоты, — если ты не будешь дуракомъ, конечно!

Говоря, онъ покачивалъ свое грузное тѣло, и стулъ подъ нимъ жалобно скрипѣлъ. А Евсей, слушая его рѣчи, чувствовалъ, что этотъ человѣкъ можетъ заставить его сдѣлать все, чтò захочетъ.

Иногда сыщикъ хвастливо и самодовольно сообщалъ:

— Сегодня опять мнѣ благодарность отъ начальника, отъ Филиппа Филипповича. Руку онъ мнѣ подалъ даже...

Какъ-то разъ, во время ужина, онъ, подергивая себя за ухо, разсказалъ:

— Мѣсяца... э-э... два тому назадъ, сижу я въ одномъ ресторанѣ, около вокзала, и вижу — человѣкъ одинъ котлету ѣстъ и все оглядывается и часто смотритъ на часы. Тебѣ нужно знать, Евсей, — честный и спокойный человѣкъ не смотритъ по сторонамъ, люди его не интересуютъ, и время онъ всегда знаетъ. За людями наблюдаютъ только агенты охраны и преступники. Я, конечно, этого господина замѣтилъ. Вотъ приходитъ дачный поѣздъ, является въ ресторанъ еще господинчикъ, черный, съ бородкой, изъ жидовъ, какъ видно, и въ петлицѣ у него два цвѣтка—красный съ бѣлымъ. Знакъ! Вижу — они здороваются, — глазами. Ага, думаю!.. Черный спросилъ ѣсть, сельтерской выпилъ и пошелъ, а тотъ, прежній, не торопясь, за нимъ. И я за ними...

Онъ надулъ щеки, съ силой выдохнулъ изо рта въ лицо Евсея струю дыханія, насыщеннаго запахами мяса и пива. Евсей покачнулся на стулѣ, а сыщикъ захохоталъ, потомъ громко отрыгнулъ и продолжалъ, поднявъ толстый палецъ.

— Мѣсяцъ и двадцать три дня я за ними ухаживалъ— н-на! Наконецъ—доношу: имѣю, молъ, въ рукахъ слѣдъ подозрительныхъ людей. Поѣхали. Кто таковъ? Русый, который котлету ѣлъ, говоритъ—не ваше дѣло. Жидъ назвался вѣрно, и по справкамъ оказалось, что это человѣкъ нужный намъ. Взяли съ ними еще женщину знакомую — уже третій разъ она попадается. Ѣдемъ въ разныя другія мѣста, собираемъ народъ, какъ грибы, и, однако, все шваль, извѣстная намъ. Я было-огорчился, но вдругъ русый вчера назвалъ свое имя—оказывается господинъ серьезный, бѣжалъ изъ Сибири, н-на! Получу на Новый годъ награду, надо ждать.

Раиса, слушая, смотрѣла куда-то черезъ голову сыщика и медленно жевала корку хлѣба, откусывая отъ нея маленькіе кусочки.

— Ловите вы ихъ, ловите, а они не переводятся!—лѣниво сказала она.

Сыщикъ усмѣхнулся и важно отвѣтилъ:

— Не понимаешь ты политики, оттого и говоришь ерунду, любезная моя! Людей этихъ мы вовсе не желаемъ истребить окончательно — они для насъ какъ бы искры и должны указывать намъ, гдѣ именно начинается пожаръ. Это говоритъ Филиппъ Филипповичъ, а онъ самъ изъ политическихъ и къ тому же еврей, н-на! Это очень тонкая игра...

Взглядъ Евсея скучно блуждалъ по квадратной, тѣсной комнатѣ, стѣны ея были оклеены желтыми обоями, и всюду висѣли портреты генераловъ и голыхъ женщинъ. Эти разноцвѣтныя, пухлыя пятна рѣзко лѣзли въ глаза, напоминая язвы и нарывы на тѣлѣ больного. Мебель плотно прижималась къ стѣнамъ, точно сторонясь людей, пахло водкой и жирной, теплой пищей. Горѣла лампа подъ зеленымъ абажуромъ, отъ него на лица ложились мертвыя тѣни...

Евсею почему-то вспомнился старикъ нищій, котораго онъ почти каждый день встрѣчалъ по дорогѣ на службу. Больной, съ провалившимся носомъ, безпокойными глазами жулика, онъ притворялся веселымъ человѣкомъ и, протягивая руку за милостыней, скороговоркой пѣлъ:

Странничекъ Божій,
Толстый, краснорожій
Тихою походочкой
Шагаетъ за водочкой.
Подайте, благодѣтели,
На построеніе выпивки...

Сыщикъ протянулъ руку черезъ столъ и дернулъ Евсея за волосы.

— Когда я говорю—ты долженъ слушать...

Онъ часто билъ Климкова и хотя не больно, но его удары были особенно обидны, точно онъ билъ не по лицу, а по душѣ. Особенно нравилось ему бить по головѣ перстнемъ, онъ сгибалъ палецъ и стукалъ тяжелымъ перстнемъ такъ, что получался странный, сухо щелкавшій звукъ. И каждый разъ, когда Евсей получалъ ударъ, Раиса, двигая бровями, пренебрежительно говорила:

— Полноте, Доримедонтъ Лукичъ, не надо!

— Н-на! Что онъ — расколется отъ этого? Вѣдь надо же его учить!

Раиса похудѣла, подъ глазами у нея явились синіе круги, взглядъ сталъ еще болѣе неподвиженъ и тупъ. Въ тѣ вечера, когда сыщика не было дома, она посылала Евсея за водкой,

глотала ее маленькими рюмками и потомъ что-то разсказывала ему ровнымъ голосомъ, запутанно и непонятно, часто останавливаясь и вздыхая.

Ея большое тѣло распускалось, постепенно она разстегивала пуговицу за пуговицей, развязывала тесемки и, полураздѣтая, разваливалась въ креслѣ, точно перекисшее тѣсто.

— Скучно мнѣ, — говорила она, мотая головой, — скучно! Былъ бы ты красивѣе или хоть старше, можетъ, развлекалъ бы меня отъ скуки моей. Ахъ, какой ты ненужный...

Евсей молча опускалъ голову, сердце его обливалось жгучимъ холодомъ обиды.

— Ну, что ты вянешь, чего никнешь? — слышалъ онъ тоскливыя жалобы. — Другіе въ твои годы уже давно дѣвицъ любятъ, живымъ живутъ, а ты... Ахъ, какой ты безотвѣтный!

Иногда, выпивъ водки, она привлекала его къ себѣ и тормошила, вызывая въ немъ сложное чувство страха, стыда и остраго, но не смѣлаго любопытства. Онъ плотно закрывалъ глаза, отдаваясь во власть ея безстыдныхъ и грубыхъ рукъ молча, безвольно, малокровный, слабый, подавленный обезсиливающимъ предчувствіемъ чего-то страшнаго.

— Ступай, спи, ахъ, ты, Боже мой! — восклицала она недовольно и брезгливо отталкивала его отъ себя. Онъ уходилъ отъ нея въ прихожую, гдѣ спалъ, и все болѣе отдалялся внутренно, понемногу теряя свое безформенное, тепленькое чувство къ ней. Лежа въ постели, налитый обидой и острымъ, непріятнымъ возбужденіемъ, онъ слышалъ, какъ Раиса густымъ и воркующимъ голосомъ пѣла задумчивую пѣсню, всегда одну, и какъ звенитъ стекло бутылки, стукаясь о рюмку.

Но однажды, темною ночью, когда въ стекла окна около постели Евсея съ визгомъ хлестали тонкія струи осенняго дождя, Раисѣ удалось разбудить въ подросткѣ нужное ей чувство.

— Вотъ такъ! — говорила она, пьяно посмѣиваясь. — Теперь ты мой любовникъ! Видишь, какъ это хорошо, а?

Онъ стоялъ у постели, тоже вдругъ опьянѣвшій, и съ дрожью въ ногахъ, въ груди, задыхаясь, смотрѣлъ на ея огромное, мягкое тѣло, на широкое, расплывшееся отъ усмѣшки лицо. Ему уже не было стыдно, но сердце, охваченное печальнымъ чувствомъ утраты, обиженно замирало, и почему-то хотѣлось плакать. Онъ молчалъ, печально ощущая, что эта женщина чужда, ненужна, непріятна ему, что все ласковое и хорошее, лежавшее у него въ сердцѣ для нея, сразу проглочено ея жаднымъ тѣломъ.

— Будемъ мы съ тобою жить, Дормидошку подувать свинью...

— А онъ узнаетъ? — тихо сказалъ Евсей.

— Трусишка, ахъ, ты — иди сюда!

Онъ не смѣлъ отказаться, подошелъ. Но теперь женщина уже не могла побѣдить въ немъ непріязни къ ней. Она долго тормошила его и обидно смѣялась надъ нимъ, потомъ, грубо оттолкнувъ отъ себя его костлявое тѣло, выругалась и ушла.

Когда Евсей остался одинъ, то безнадежно подумалъ:

„Теперь она меня изведетъ, она ужъ припомнитъ мнѣ это! Пропалъ я...“

Онъ посмотрѣлъ въ окно — за стеклами трепетало и билось во тьмѣ что-что безформенное, испуганное, оно плакало, взвизгивая, хлесталось въ стекла, шаркалось о стѣны, прыгало по крышѣ и падало съ нея внизъ на улицу, горестно стеная.

Тихонько подползла, соблазняя, осторожная мысль:

„А если я завтра скажу Капитону Ивановичу, что она старика удушила?“

Евсей испугался этого вопроса и долго не могъ оттолкнуть его отъ себя.

„Она меня и такъ и этакъ погубитъ!“ — отвѣчалъ онъ самъ себѣ, а вопросъ все-таки неуклонно стоялъ передъ нимъ и манилъ его куда-то.

Но утромъ ему показалось, что Раиса забыла о печальномъ насиліи ночи. Она лѣниво и равнодушно дала ему кофе, хлѣба и, какъ всегда полубольная съ похмелья, ни словомъ ни взглядомъ не намекнула о измѣнившемся отношеніи къ нему.

Онъ пошелъ на службу немного успокоенный и съ того дня началъ оставаться на вечернія занятія, а домой возвращался медленно, чтобы приходить позднѣе. Ему было трудно наединѣ съ женщиной, онъ боялся говорить съ нею, ожидая, что Раиса вспомнитъ ту ночь, когда она уничтожила хилое, но дорогое Евсею ёго чувство къ ней.

Чаще другихъ, вмѣстѣ съ нимъ, на вечернія занятія оставался въ канцеляріи Яковъ Зарубинъ и начальникъ Евсея — сѣдоусый Капитонъ Ивановичъ, котораго за глаза всѣ звали Дудкой.

Его бритое лицо было покрыто частой сѣтью мелкихъ красныхъ жилокъ, издали оно казалось румянымъ, а вблизи — точно изсѣченнымъ тонкимъ прутомъ. Изъ-подъ сѣдыхъ бровей и устало опущенныхъ вѣкъ сердито блестѣли невеселые глаза, говорилъ онъ ворчливо и непрерывно курилъ толстыя, желтыя папиросы, надъ его большой, бѣлой головой всегда плавало облако синеватаго дыма и отмѣчало его среди другихъ людей.

— Какой онъ важный! — сказалъ однажды Евсей Зарубину.

— Онъ полоумный! — отвѣтилъ черненькій Яковъ. — Почти годъ въ сумасшедшемъ домѣ сидѣлъ.

Евсей видѣлъ, что иногда Дудка вынимаетъ изъ кармана своего длиннаго, сѣраго пиджака маленькую черную книжечку, подноситъ ее близко къ лицу и что-то тихо ворчитъ, шевеля усами.

— Это у него молитвенникъ?

— Не знаю.

Смуглое лицо Зарубина судорожно дрогнуло, глазки вспыхнули, онъ покачнулся къ Евсею и горячо прошепталъ:

— Ты къ дѣвицамъ ходишь?

— Нѣтъ...

— Почему?

Евсей смущенно отвѣтилъ:

— Боязно.

— У! Идемъ со мной, — ладно? Можно даромъ, только на пару пива надо имѣть двадцать пять копеекъ. Если сказать, что мы изъ полицейскаго правленія — пустятъ даромъ и дѣвицъ даромъ дадутъ! Насъ, полицейскихъ чиновниковъ, боятся, Насъ всѣ боятся!

И еще болѣе тихо, но съ большимъ пыломъ и жадностью онъ продолжалъ:

— А какія есть дѣвки! Толстыя, теплыя, какъ пуховыя перины. Это самое лучшее—дѣвки, ей-Богу! Другая ласкаетъ, какъ родная мать, — гладитъ по головѣ тебя, такъ и заснешь! Хорошо!

— А у тебя есть мать?

— Есть. Только я живу у тетки. У меня мать — сволочь! Распутная, на содержаніи у мясника живетъ у одного. Я къ ней не хожу, мясникъ не велитъ. Одинъ разъ я пришелъ, а онъ меня ка-акъ хватитъ ногой въ задъ — у!

Маленькія, мышиныя уши Зарубина вздрагивали, узкіе глаза странно закатывались подъ лобъ. Судорожнымъ движеніемъ пальцевъ онъ щипалъ черный пухъ на верхней губѣ и весь трепеталъ отъ возбужденія.

— Ты почему такой тихій? Надо быть смѣлѣе, а то задавитъ тебя работой. Я тоже сначала боялся, такъ на мнѣ всѣ верхомъ ѣздили. Давай, будемъ товарищами на всю жизнь!

Онъ не нравился Евсею, возбуждая опасенія своей вертлявостью, но въ отвѣтъ ему Климковъ сказалъ:

— Давай, подружимся...

— Руку! Вотъ и кончено. Значитъ — завтра пойдемъ къ дѣвицамъ.

Они не замѣтили, когда къ нимъ подошелъ Дудка и спросилъ ворчливымъ голосомъ:

— Ну, Яковъ, кто кого?

— Мы вѣдь не боремся! — хмуро и непочтительно сказалъ Зарубинъ.

— Врешь! — сказалъ Дудка. — Ты, Климковъ, не поддавайся ему, слышишь?

— Слышу! — отвѣтилъ Евсей, вставая передъ нимъ.

И его потянуло къ этому человѣку чувство почтительнаго любопытства. И однажды онъ, по обыкновенію, неожиданно для себя, осмѣлился заговорить съ Дудкой.

— Капитонъ Ивановичъ...

— Что такое?

— Я хочу спросить васъ, пожалуйста...

Дудка, не глядя на него, приказалъ:

— Смѣлѣе!..

— Отчего люди такъ нехорошо живутъ? — съ большимъ усиліемъ договорилъ Евсей.

Старикъ поднялъ тяжелыя вѣки и, посмотрѣвъ въ лицо Климкова, самъ спросилъ:

— А тебѣ какое дѣло?

Евсей смутился, вопросъ старика толкнулъ его въ грудь и всталъ передъ нимъ во всей силѣ своей необъяснимой простоты.

— Ага! — тихонько сказалъ старикъ. Потомъ онъ нахмурился, вынулъ изъ кармана черную книжку и, стукая по ней пальцемъ, сказалъ: — Евангеліе! Ты читалъ?

— Да.

— Понялъ?

— Нѣтъ, — робко отвѣтилъ Евсей.

— Читай еще! А впрочемъ, — двигая усами, старикъ спряталъ книгу въ карманъ, — я читаю эту книгу уже третій годъ, — да, третій годъ! Никто не понимаетъ ея. Книга для дѣтей, для чистыхъ сердцемъ. Никто не можетъ понять ее...

Онъ ворчалъ ласково, и Евсею хотѣлось еще спрашивать его о чемъ-то, но вопросы не складывались, а старикъ закурилъ папиросу, окутался дымомъ и, должно-быть, забылъ о собесѣдникѣ. Климковъ осторожно отошелъ прочь, его влеченіе къ Дудкѣ усилилось, и онъ подумалъ:

„Хорошо бы мнѣ сидѣть поближе къ нему“.

И это стало его мечтой. А Яковъ Зарубинъ мечталъ такъ:

— Знаешь что, Климковъ, — говорилъ онъ горячимъ шопотомъ, — давай, будемъ стараться попасть въ политическіе сыщики! Вотъ бы зажили мы съ тобой — у!

Евсей молчалъ — политическіе сыщики пугали его своими строгими глазами и тайной, окружавшей ихъ темное дѣло, темную жизнь.

VII.

Дома случилось несчастіе: Доримедонтъ явился поздно ночью въ изорванномъ платьѣ, безъ шляпы и палки, съ разбитымъ лицомъ, весь мокрый отъ крови. Его грузное тѣло грянулось, по распухшему лицу текли слезы, онъ всхлипывалъ и глухо говорилъ:

— Кончено, — надо уѣзжать... Въ другой городъ, — скорѣе!

Раиса молча и не торопясь отирала лицо его полотенцемъ, смоченнымъ водкою и водой, онъ вздрагивалъ и стоналъ.

— Ти-ише! Ахъ, звѣри, — какъ они меня били! Палками, а? Человѣка — палками! Осторожнѣе, я прошу: ты не понимаешь?

Евсей подавалъ воду, снималъ сапоги съ ногъ сыщика и съ тайнымъ удовольствіемъ слушалъ его стоны, видѣлъ слезы и кровь. Онъ привыкъ видѣть избитыхъ до крови людей, и его не трогали ихъ стоны, хотя боль побоевъ онъ помнилъ.

— Это кто же? — спросила Раиса, когда сыщикъ легъ въ постель.

— Они, — прослѣдили, окружили, въ слободѣ, около ниточной фабрики. Теперь нужно въ другой городъ... буду просить перевода. Они убьютъ!

Когда Евсей легъ спать, сыщикъ и Раиса начали громко спорить.

— Я не поѣду! — говорила женщина громко и необычно твердо.

— Молчать, — не раздражай больного! — плачущимъ голосомъ кричалъ сыщикъ.

— Не поѣду!

— Я тебя заставлю!

Утромъ, по каменному лицу Раисы и злому раздраженію сыщика, онъ понялъ, что эти люди не помирились. За ужиномъ они снова начали споръ, сыщикъ, окрѣпшій за день, ругался, его распухшее синее лицо было страшно, правая рука висѣла на перевязи, а лѣвой онъ грозно размахивалъ. Раиса, блѣдная и спокойная, выкативъ круглые глаза, слѣдила за взмахами его красной руки и говорила упрямо, кратко, почти одни и тѣ же слова:

— Никуда не поѣду!

— Почему, н-ну?

— Не хочу.

— Такъ я же тебя уничтожу!

— Все равно.

— Нѣтъ, ты поѣдешь!

— Не поѣду.

— Увидимъ! Ты кто — знаешь? Забыла?

Послѣ ужина сыщикъ закуталъ лицо свое шарфомъ и молча куда-то ушелъ, а Раиса послала Евсея за водкой; когда же онъ принесъ ей бутылку столовой и другую, какой-то темной наливки, она налила въ чайную чашку изъ обѣихъ бутылокъ, высосала всю ее и долго стояла, прищуривъ глаза, растирая горло ладонью. Потомъ спросила, кивнувъ головою на бутылку:

— Хочешь? Нѣтъ? А ты выпей — вѣдь все равно будешь пить!

Евсей смотрѣлъ на ея высокую, но уже опустившуюся грудь, на маленькій ротъ, въ круглые потускнѣвшіе глаза и, вспоминая, какой она была прежде, жалѣлъ ее унылою жалостью, отъ которой ему было и тяжело и скучно передъ этой женщиной.

— Эхъ, Евсей, — сказала она, — если бъ можно было прожить вѣкъ съ чистой совѣстью...

Губы у нея судорожно повело, она снова налила себѣ водки и предложила ему:

— Выпей!

Онъ отрицательно качнулъ головой, а она засмѣялась тихонько.

— Трусишка ты. Плохо тебѣ жить, — это я понимаю, а зачѣмъ ты живешь — не понимаю! Зачѣмъ? Ну, скажи!

— Такъ! — хмуро отвѣтилъ Евсей. — Живу! А что же дѣлать?

Она взглянула на него и ласково сказала

— Я думаю — удавишься ты.

Евсей обиженно вздохнулъ и усѣлся на стулъ покрѣпче.

Она прошлась по комнатѣ, шагая лѣниво и неслышно, остановилась передъ зеркаломъ и долго, не мигая, смотрѣла на свое лицо. Пощупала руками полную, бѣлую шею, у нея вздрогнули плечи, руки грузно опустились, и снова она начала, покачивая бедрами, безшумно ходить по комнатѣ. Что-то запѣла, не открывая рта. Голосъ звучалъ подавленно и походилъ на стонъ человѣка, у котораго болятъ зубы.

На столѣ горѣла лампа, прикрытая зеленымъ абажуромъ, противъ окна, въ пустомъ небѣ, блестѣлъ круглый шаръ луны, онъ тоже казался зеленымъ, стоялъ неподвижно, какъ тѣни въ комнатѣ, и обѣщалъ недоброе.

— Я пойду спать! — сказалъ Евсей, вставая со стула.

Она не отвѣтила и не взглянула на него. Тогда онъ шагнулъ къ двери и повторилъ тише:

— Покойной ночи! Я пойду спать.

— Иди, — развѣ тебя держатъ? Иди.

Евсей понималъ, что ей тошно, ему хотѣлось сказать что-нибудь. Остановясь въ двери, онъ спросилъ:

— Вамъ ничего не нужно?

Посмотрѣвъ въ лицо ему усталыми и сонными глазами, она не сразу и тихонько отвѣтила:

— Ничего.

И долго ходила по комнатѣ. Былъ слышенъ шелестъ юбокъ, поющій звукъ ея пѣсни, тонко звенѣло стекло бутылокъ. Иногда женщина глухо кашляла.

Въ сердцѣ Евсея неподвижно стояли спокойныя слова Раисы:

„Я думаю — удавишься ты“.

Они легли на сердце тяжело, плотно, и точно камни давили его.

Ночью Климкова грубо разбудилъ сыщикъ.

— Гдѣ Раиса? — громкимъ шопотомъ спросилъ онъ. — Куда она ушла, ну? Давно ли? Не знаешь, — а, дуракъ!

Онъ быстро ушелъ въ комнату, потомъ высунулъ голову изъ двери и строго спросилъ:

— Что̀ она дѣлала?

— Ничего.

— А водку пила?

— Да.

— Свинья!

Сыщикъ дернулъ себя за ухо и исчезъ.

„Почему онъ говоритъ шопотомъ?“ — подумалъ Евсей.

Вздрогнула и задребезжала лампа. Сыщикъ выругался, потомъ началъ зажигать спички, онѣ вспыхивали, пугая темноту, и гасли, наконецъ изъ комнаты къ постели Евсея протянулся блѣдный лучъ свѣта, онъ вздрагивалъ пугливо и точно искалъ чего-то въ тѣсной прихожей.

Снова вышелъ Доримедонтъ. Одинъ глазъ у него былъ закрытъ опухолью, другой, свѣтлый и безпокойный, быстро осмотрѣлъ стѣны и остановился на лицѣ Евсея.

— Она ничего не говорила, Раиса?

— Ничего.

Евсею было неловко лежать при сыщикѣ, онъ приподнялся.

— Лежи, лежи! — быстро сказалъ Доримедонтъ и сѣлъ на постель въ ногахъ у Евсея. — Будь ты годомъ старше, —

необычно ласково, тихо и задумчиво началъ онъ, — я бы устроилъ тебя въ охранѣ по политическимъ дѣламъ. Это очень хорошая служба! Жалованіе небольшое, но за успѣхи — награда и свободная жизнь, — ходи куда хочешь, гуляй... н-на! А вѣдь Раиса — красивая баба?

— Красивая, — согласился Евсей.

— Да-а.

Сыщикъ вздохнулъ, странно усмѣхнулся, потрогалъ лѣвой рукой повязку на головѣ, пощупалъ ухо.

— Женщина, — никогда ею сытъ не будешь! Прародительница соблазна и грѣха. Куда она ушла, — ты какъ думаешь?

— Не знаю я, — тихо отвѣтилъ Евсей, начиная чего-то бояться.

— Конечно. Вѣдь любовника у нея нѣтъ. Никакихъ мужчинъ къ ней не ходитъ. Ты знаешь что, Евсей, — съ женщинами не торопись. Это успѣешь. Онѣ, братъ, дорого стоятъ. Я, вотъ, заработалъ тысячи денегъ, а гдѣ онѣ?

Тяжелый, грузный, обвязанный тряпками, онъ качался передъ глазами Евсея и, казалось, былъ готовъ развалиться на части. Его тупой голосъ звучалъ безпокойно, лѣвая рука все время щупала голову, грудь.

— Ахъ, много я путался съ ними, — н-на-а! — говорилъ онъ, подозрительно оглядывая темные углы комнаты. — Безпокойно это, но — не обойдешься, лучше нѣтъ ничего. Иные говорятъ — лучше игра въ карты, но они тоже безъ женщинъ не могутъ жить. Также и охота не сохраняетъ отъ женщинъ, — ничего не сохраняетъ отъ нихъ.

Утромъ Климковъ увидалъ, что сыщикъ спитъ на диванѣ, одѣтый, лампа не погашена, комната полна копотью и запахомъ керосина. Доримедонтъ храпѣлъ, широко открывъ большой ротъ, его здоровая рука свѣсилась на полъ, онъ былъ отвратителенъ и жалокъ.

Свѣтало, и въ маленькое окно смотрѣлъ блѣдный квадратный кусокъ неба, въ комнатѣ просыпались мухи и жалобно жужжали, мелькая на сѣромъ фонѣ окна. Вмѣстѣ съ запахомъ керосина квартиру наполнялъ еще какой-то запахъ, густой и тревожный.

Погасивъ лампу, Евсей спѣшно умылся, одѣлся и ушелъ на службу.

Тамъ, около полудня, Зарубинъ громко закричалъ ему:

— Эй, Климковъ, Фіалковская, Раиса Петровна — вѣдь это любовница Лукина, твоего хозяина?

— Да.

— Ну вотъ!

— А что? — быстро спросилъ Евсей.

— Зарѣзалась!

Евсей поднялся на ноги, уколотый въ спину острымъ ударомъ страха.

— Сейчасъ нашли ее въ чуланѣ — идемъ смотрѣть!

— Я не пойду! — сказалъ Евсей, опускаясь на свой стулъ.

Зарубинъ убѣжалъ, попутно сообщая канцеляристамъ:

— Я же говорю — это любовница Лукина!

Слово „любовница“ онъ выкрикивалъ особенно громко и со смакомъ. Евсей смотрѣлъ вслѣдъ ему, вытаращивъ глаза, а передъ нимъ стояла въ воздухѣ голова Раисы, и съ нея ручьями лились тяжелые, пышные волосы. Лицо было блѣдно-зеленое; губы плотно сжаты и на мѣстѣ глазъ темныя, глубокія пятна. Это мертвое лицо закрывало собою все вокругъ, и оцѣпенѣвшій отъ страха и жалости Евсей не могъ устранить его прочь отъ себя.

— Ты что не идешь обѣдать?—спросилъ его Дудка.

Въ канцеляріи почти никого не было. Евсей вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Хозяйка зарѣзалась.

— Ага, да! Ну, иди въ трактиръ...

Дудка осторожно шагнулъ въ сторону, Евсей вскочилъ и схватилъ его за рукавъ.

— Возьмите меня.

— Идемъ.

— Нѣтъ, вы совсѣмъ меня возьмите,—умоляюще попросилъ его Евсей.

Дудка наклонился къ нему

— Что значитъ—совсѣмъ?

— На квартиру къ вамъ, жить съ вами—навсегда!

— Ага-а, ну, идемъ обѣдать пока,—идемъ!

Въ трактирѣ все время пронзительно свистѣла канарейка, старикъ молча ѣлъ жареный картофель, а Евсей не могъ ѣсть и ожидающе, вопросительно смотрѣлъ въ лицо ему.

— Такъ тебѣ хочется жить со мной? Ну, живи, живи!

И когда Евсей услыхалъ эти слова, онъ сразу почувствовалъ, что они какъ бы отгородили его отъ страшной жизни. Ободрившійся, онъ благодарно сказалъ:

— Я вамъ буду сапоги чистить.

Дудка высунулъ изъ-подъ стола длинную ногу въ рваномъ сапогѣ, посмотрѣлъ на него и сказалъ:

— Этого не нужно. А что она, хозяйка, хорошая была женщина?

Глаза старика смотрѣли ласково, прямо и какъ будто просили:

„Скажи правду“.

— Не знаю я,—опустивъ голову, сказалъ Евсей и впервые почувствовалъ, что онъ слишкомъ часто говоритъ эти слова.

— Такъ,—молвилъ Дудка,—такъ!

— Ничего я не знаю!—заговорилъ Евсей, ощущая обидное недовольство собою, и вдругъ осмѣлѣлъ.—Вижу то и это,—а что̀ и для чего—не могу я понять! И должна быть другая жизнь...

— Другая?—повторилъ Дудка, прищуривъ глаза.

— Да. Такъ нельзя.

Дудка тихонько засмѣялся, потомъ постучалъ ножомъ о столъ и крикнулъ половому:

— Бутылку пива!.. Значитъ, такъ нельзя? Любопытно. Да-с, поглядимъ—кто кого?

— Пожалуйста, позвольте съ вами жить,—вновь сказалъ Евсей.

— Да будемъ жить,—хорошо.

— Я сегодня къ вамъ пойду.

— Иди, иди...

Дудка началъ молча пить пиво.

Когда они воротились въ правленіе, тамъ Евсея встрѣтилъ Доримедонтъ. Его повязки растрепались, глазъ налился кровью, онъ быстро подошелъ къ Евсею и таинственно спросилъ его:

— Раиса-то, слышалъ?..

— Слышалъ.

— Она это отъ пьянства,—ей-Богу!—прошепталъ сыщикъ, приложивъ къ груди здоровую руку.

— Я туда домой не пойду!—сказалъ Евсей.

— А какъ же? куда же?

— Съ Капитономъ Ивановичемъ буду жить...

— Н-на-а...

Доримедонтъ вдругъ засуетился, оглядываясь.

— Смотри—онъ не въ своемъ умѣ,—его здѣсь держатъ изъ жалости,—онъ даже вредный человѣкъ; будь осторожень съ нимъ, что̀ знаешь—молчи!

Евсей думалъ, что сыщикъ будетъ ругать его, былъ удивленъ его вкрадчивымъ шопотомъ и внимательно слушалъ.

— Я изъ этого города уѣзжаю... да, прощай! Я скажу про тебя своему начальнику, и когда ему понадобится новый человѣкъ—тебя вспомнятъ, будь покоенъ! Возьми на квартирѣ свою постель и что̀ у меня есть—сегодня же возьми, слышишь?

Я оттуда вечеромъ переѣду въ гостиницу. На, вотъ тебѣ пять рублей, годятся все-таки. И—молчи! Понялъ?

Онъ шепталъ долго, торопливо, а его глазъ все время подозрительно бѣгалъ по сторонамъ, и, когда отворялась дверь, сыщикъ подскакивалъ на стулѣ, точно собираясь убѣжать. Отъ него пахло какой-то мазью, казалось, что онъ сталъ менѣе грузенъ, ниже ростомъ и потерялъ свою важность.

— Прощай!—говорилъ онъ, положивъ руку на плечо Евсея.— Живи осторожно. Людямъ не вѣрь, женщинамъ—того больше! Деньгамъ цѣну знай. Серебромъ—купи, золото—копи, мѣди—не гнушайся, желѣзомъ—обороняйся, есть такая казацкая поговорка. Я вѣдь казакъ, н-на!

Евсею было тяжело и скучно слушать его смягченный голосъ, онъ не вѣрилъ ни одному слову сыщика и, какъ всегда, боялся его. Когда онъ ушелъ—стало легче, и Климковъ усердно принялся за работу, стараясь спрятаться въ ней отъ воспоминаній о Раисѣ и всѣхъ думъ.

Въ немъ что-то повернулось, пошевелилось въ этотъ день, онъ чувствовалъ себя наканунѣ иной жизни и слѣдилъ искоса за Дудкой, согнувшимся надъ своимъ столомъ въ облакѣ сѣраго дыма. И, не желая, думалъ:

„Какъ все дѣлается,—сразу! Вотъ—зарѣзалась. А я теперь, можетъ-быть...“

Онъ не могъ представить себѣ, что—можетъ-быть, не понималъ, чего ему надо, и, тревожно ожидая вечера, работалъ быстро, желая сократить время.

Вечеромъ онъ шелъ по улицѣ рядомъ съ Дудкой и видѣлъ, что почти всѣ люди замѣчаютъ старика, иногда даже останавливаются, осматривая его.

Дудка шагалъ не быстро, но широко, на ходу его тѣло качалось, наклоняясь впередъ, и голова тоже кланялась, точно у журавля. Онъ согнулся, положилъ руки за спину, полы его пиджака разошлись и болтались по бокамъ, какъ изломанныя крылья.

Въ глазахъ Климкова, вниманіе людей къ старику еще болѣе выдѣляло его на особое мѣсто.

— Какъ тебя зовутъ?

— Евсей...

— Іоаннъ—хорошее имя!—замѣтилъ старикъ, поправляя длинной рукой свою измятую шляпу. — У меня былъ сынъ Іоаннъ.

А гдѣ онъ?

Это тебя не касается,—спокойно отвѣтилъ старикъ. А черезъ нѣсколько шаговъ добавилъ тѣмъ же тономъ:—Если говорятъ—былъ, значитъ—уже нѣтъ!

Оттопырилъ нижнюю губу, почесалъ ее мизинцемъ, негромко проговорилъ:

— Увидимъ, кто—кого!

Потомъ повернулъ шею на сторону, наклонилъ голову и, заглядывая въ глаза Климкова, внушительно сказалъ, вытянувъ палецъ въ воздухѣ передъ собой:

— Сегодня придетъ ко мнѣ одинъ пріятель—у меня есть пріятель, одинъ! Что мы говоримъ, что дѣлаемъ—это тебя не касается! Что ты знаешь—я не знаю, и что ты дѣлаешь—не хочу знать. Такъ же и ты. Непремѣнно!

Евсей молча кивнулъ головой.

— И этому слѣдуй вообще—я говорю—ко всѣмъ людямъ примѣняй. О тебѣ никто ничего не знаетъ—и ты ничего не знаешь о другихъ. Путь гибели человѣческой—знаніе, посѣянное дьяволомъ. Счастіе—невѣдѣніе. Ясно!

Евсей внимательно слушалъ, заглядывая въ лицо ему; старикъ, замѣтивъ это, проворчалъ:

— Въ тебѣ есть—я замѣчаю—человѣческое.

И вдругъ, неожиданно остановясь, прибавилъ:

— Что-то человѣческое есть также и у собакъ.

По узкой деревянной лѣстницѣ, въ нѣсколько поворотовъ, они влѣзли на душный чердакъ, гдѣ было темно и пахло пылью. Дудка далъ Евсею спички и велѣлъ посвѣтить ему, потомъ, согнувшись почти вдвое, онъ долго отпиралъ дверь, обитую рваной клеенкой и растрепаннымъ войлокомъ. Евсей свѣтилъ, спички жгли ему кожу пальцевъ, а въ груди у него вспыхивала какая-то новая надежда.

Старикъ жилъ въ длинной и узкой бѣлой комнатѣ, съ потолкомъ, подобнымъ крышкѣ гроба. Противъ двери тускло свѣтилось широкое окно, въ лѣвомъ углу у входа незамѣтно стояла маленькая печь, по стѣнѣ налѣво вытянулась кровать, противъ нея растопырился продавленный рыжій диванъ. Крѣпко пахло камфорой и сухими травами.

Старикъ открылъ окно и шумно вздохнулъ.

— Хорошо, когда воздухъ чистый! — сказалъ онъ. — Спать ты будешь на диванѣ. Какъ — я забылъ — твое имя, Алексѣй?

— Евсей.

— Да, да...

Онъ взялъ лампу со стола, поднялъ ее и указалъ пальцемъ на стѣну.

— Вотъ—Іоаннъ, сынъ мой...

Въ узкой бѣлой рамкѣ, незамѣтной на стѣнѣ, висѣлъ портретъ, сдѣланный тонкими штрихами карандаша—юное, но

строгое лицо съ большимъ лбомъ, острымъ носомъ и упрямо сжатыми губами.

Лампа въ рукѣ старика дрожала, абажуръ стучалъ о стекло, наполняя комнату тихимъ, плачущимъ звономъ.

— Іоаннъ!—повторилъ старикъ, ставя лампу на столъ.— Имя человѣка—много значитъ!

Онъ высунулъ голову въ окно, съ шумомъ потянулъ въ себя холодный воздухъ и, не оборачиваясь къ Евсею, предложилъ ему поставить самоваръ.

Когда Евсей возился у печи, пришелъ горбатый человѣкъ, молча снялъ соломенную шляпу и, помахивая ею въ лицо себѣ, сказалъ красивымъ груднымъ голосомъ:

— Душно, хотя уже осень.

— Ага, пришелъ!—отозвался Дудка.

Стоя у окна, они тихо заговорили. Евсей понялъ, что говорятъ о немъ, и, желая вслушаться въ ихъ рѣчи, насторожился, но не могъ ничего разобрать. Сѣли за столъ, Дудка сталъ наливать чай, Евсей исподволь и незамѣтно разсматривалъ гостя—лицо у него было тоже бритое, синее, съ огромнымъ ртомъ и тонкими губами. Темные глаза завалились въ ямы подъ высокимъ гладкимъ лбомъ, голова, до макушки лысая, была угловата и велика. Онъ все время тихонько барабанилъ по столу длинными пальцами.

— Ну, читай!—сказалъ Дудка.

— Съ начала?

— Да.

Горбатый вынулъ изъ кармана пиджака пачку бумаги, развернулъ.

— Титулы я пропущу. Вотъ какъ вышло:

Кашлянулъ и, полузакрывъ глаза, началъ читать.

— „Мы, нижеподписавшіеся, люди никому невѣдомые и уже пришедшіе въ возрастъ, нынѣ рабски припадаемъ къ стопамъ Вашимъ съ таковою горестною жалобой, изливаемой нами изъ глубинъ нашихъ сердецъ, разбитыхъ жизнью, но не потерявшихъ святой вѣры въ милосердіе и мудрость Вашего Величества...“ Хорошо?

— Продолжай!—сказалъ Дудка.

— „Для насъ Вы есть отецъ народа русскаго, источникъ благой мудрости и единственная на землѣ сила, способная...“

— Лучше—могущественная,—замѣтилъ Дудка.

— Подожди!.. „сила, способная водворить и укрѣпить въ Россіи порядокъ, справедливость“—здѣсь нужно поставить, для стройности, еще какое-то третье слово, не знаю какое.

— Осторожнѣе съ словами!—сказалъ Дудка строго, но не-

громко.—Пслии у нихъ для каждаго человѣка свой особый смыслъ.

Горбатый взглянулъ на него, поправилъ очки.

— Да,—ну, это послѣ! „Распадается великая Россія, творится въ ней неподобное, совершается ужасное, подавлены люди скорбію бѣдности и нищеты, извращаются сердца завистью, погибаетъ терпѣливый и кроткій человѣкъ русскій, нарождается лютое жадностью, безсердечное племя людей-волковъ, людей хищниковъ и жестокихъ. Разрушена вѣра, пьянѣ мятутся народы внѣ ея священной крѣпости, и отовсюду на беззащитныхъ устремляются люди развращеннаго ума, пленяютъ ихъ своей дьявольской хитростью и влекутъ на путь преступленій противъ всѣхъ законовъ твоихъ, владыка жизни нашей“...

— Владыка—это архіерей,—пробормоталъ Дудка.

— Тебѣ не нравится?

— Нѣтъ! Надо какъ-то иначе...

— Какъ?

— Надо сказать ему прямо—начинается въ людяхъ всеобщее возмущеніе жизнью, а потому ты, который призванъ Богомъ...

Горбатый отрицательно покачалъ головой.

— Мы можемъ указать, но не имѣемъ права совѣтовать.

— Кто есть врагъ нашъ и какое имя его? Атеистъ, соціалистъ, революціонеръ—тройное имя. Разрушитель семьи, похищающій дѣтей нашихъ, провозвѣстникъ Антихриста.

— Мы съ тобой въ Антихриста не вѣримъ,—тихо сказалъ горбатый.

— Все равно! Мы говоримъ отъ множества людей—а они вѣрятъ и въ Антихриста. И должны указать корень главнаго зла. Гдѣ видимъ его?

— Онъ это самъ знаетъ.

— Кто скажетъ правду ему? У него дѣтей не захлестывало петлей безумія. А на чемъ строится проповѣдь ихъ? На всеобщей бѣдности и озлобленности противъ нея. И мы должны сказать ему прямо:—Ты отецъ народа и ты богатъ, отдай же народу твоему богатства, накопленныя тобою,—этимъ ты подсѣчешь корень зла, и все будетъ спасено твоею рукою.

Горбатый дернулъ широкими плечами, растянулъ ротъ въ большую узкую щель и сказалъ:

— За это насъ въ каторгу.

Потомъ взглянулъ въ лицо Евсея и на хозяина.

Климковъ слушалъ чтеніе и бесѣду, какъ сказку, и чувство-

валъ, что всѣ слова входятъ въ голову ему и навсегда вклеиваются въ памяти. Полуоткрывъ ротъ, онъ смотрѣлъ выкатившимися глазами то на одного, то на другого, и даже, когда темный взглядъ горбатаго ощупалъ его лицо, онъ не мигнулъ, очарованный происходившимъ.

— Однако,—сказалъ горбатый,—это неудобно...

— Ты что̀, Климковъ?—хмуро спросилъ Дудка.

У Евсея пересохло въ горлѣ, онъ не сразу отвѣтилъ:

— Слушаю.

И вдругъ понялъ по лицамъ ихъ, что они не вѣрятъ ему, боятся его. Онъ поднялся со стула и заговорилъ, путаясь въ словахъ:

— Я никому не скажу, позвольте слушать!.. Я вѣдь тоже говорилъ вамъ, Капитонъ Ивановичъ, что все нужно устроить какъ-нибудь иначе.

— Видишь?—сердито молвилъ Дудка, указывая пальцемъ на Евсея.—Видишь, Антонъ, что̀ это такое? Еще мальчикъ, мальчишка и однако тоже говоритъ—нужно иначе, нужна иная жизнь! Вотъ откуда берутъ силу тѣ...

— Ну да,—сказалъ горбатый.

Евсей оробѣлъ, опустился на стулъ. Дудка, строго двигая бровями, заговорилъ, наклонясь къ нему:

— Чтобъ ты зналъ—мы съ нимъ пишемъ письмо государю, просимъ его принять строжайшія мѣры противъ состоящихъ подъ надзоромъ за политическую неблагонадежность, ты понимаешь?

— Понимаю,—отвѣтилъ Климковъ.

— Эти люди,—медленно и вразумительно началъ горбатый,—агенты иностранныхъ государствъ,—главнымъ образомъ Англіи,—они получаютъ огромное жалованіе за то, чтобъ бунтовать русскій народъ и ослаблять силу нашего государства. Англичанамъ это нужно для того, чтобы мы не отобрали у нихъ Индію.

Они говорили Евсею поочередно—одинъ кончитъ, начнетъ другой, а онъ слушалъ и старался запомнить ихъ складныя, мудреныя рѣчи и уставалъ, пьянѣлъ отъ непривычной работы мозга. Ему казалось, что онъ сейчасъ пойметъ что-то огромное, освѣщающее всю жизнь, всѣхъ людей, всѣ ихъ несчастія и злобное раздраженіе. Было невыразимо пріятно сознавать, что двое умныхъ людей говорятъ съ нимъ, какъ со взрослымъ, и охватило чувство благодарности и уваженія къ этимъ людямъ, бѣднымъ, плохо одѣтымъ и такъ озабоченно разсуждавшимъ объ устройствѣ иной жизни. Но скоро голова у него отяжелѣла, точно налилась свинцомъ, и, подавленный ощу-

щеніемъ тягостной полноты въ груди, онъ невольно закрылъ глаза.

— Иди, лягъ и спи!—сказалъ Дудка.

Климковъ покорно всталъ, осторожно раздѣлся и легъ на диванъ.

Осенняя ночь дышала въ окно теплой и душистой сыростью, въ черномъ небѣ трепетали, улетая все выше и выше, тысячи яркихъ звѣздъ, огонь лампы вздрагивалъ и тоже рвался вверхъ. Двое людей, наклонясь другъ къ другу, важно и тихо читали, говорили. Все вокругъ было таинственно, жутко и пріятно поднимало куда-то къ новому, хорошему.

VIII.

Уже черезъ нѣсколько дней жизни съ Капитономъ Ивановичемъ Климковъ ощутилъ въ себѣ нѣчто значительное. Раньше, обращаясь къ полицейскимъ солдатамъ, которые прислуживали въ канцеляріи, онъ говорилъ съ ними тихо и почтительно, а теперь строгимъ голосомъ подзывалъ къ себѣ старика Бутенко и дѣлалъ ему строгій выговоръ:

— Смотри—въ чернильницѣ у меня мухи—какъ же я буду писать?

Сѣдой, увѣшанный крестами и медалями солдатъ, какъ всегда, равнодушно и многословно объяснялъ:

— Чернильницъ всего тридцать четыре, а мухъ тысячи—онѣ всѣ хотятъ пить, оттого и лѣзутъ въ чернила. Что жъ имъ дѣлать?

— Вымой и налей свѣжихъ!—приказалъ Климковъ, потомъ пошелъ въ уборную, сталъ тамъ передъ зеркаломъ, внимательно разсматривая свое сѣрое лицо, угловатое и худое, съ острымъ маленькимъ носомъ и тонкими губами. Поискалъ на верхней губѣ признака усовъ, посмотрѣлъ въ свои водянистые, неувѣренные глаза.

— Надо остричься, — рѣшилъ онъ, когда ему не удалось пригладить свѣтлые и жидкіе вихры волосъ на головѣ. — И надо носить крахмальные воротнички, а то у меня шея тонка.

Въ тотъ же день вечеромъ остригся, купилъ два воротничка и почувствовалъ себя еще болѣе человѣкомъ.

Дудка относился къ нему внимательно и добродушно, но часто въ его глазахъ блестѣла насмѣшливая улыбка, вызывая у Климкова смущеніе и робость. Когда приходилъ горбатый, лицо старика становилось озабоченнымъ, голосъ звучалъ строго, и почти на всѣ рѣчи друга онъ отрывисто возражалъ:

— Не то! Не такъ! Нѣтъ, ты не умнѣе меня! У тебя

юзги, какъ плохое ружье — разносятъ мысли по сторонамъ, , ты стрѣляй такъ, чтобы весь зарядъ легъ въ цѣль, кучно.

Горбатый грустно покачивалъ головой и густымъ голосомъ твѣчалъ:

— Подожди—хорошо скоро не дѣлается. Надо поработать...

— Время идетъ—врагъ растетъ...

— Между прочимъ, я замѣтилъ человѣка, — сказалъ однажды горбатый,—недалеко отъ меня поселился. Высокій, съ строй бородкой, глаза прищурены, ходитъ быстро. Спрашиаю дворника—гдѣ служитъ? Мѣсто искать пріѣхалъ. Я сейасъ же написалъ письмо въ охранное—смотрите!

Дудка перервалъ его рѣчь, широкимъ взмахомъ руки разѣкая воздухъ.

— Это неважно! Въ домѣ — сыро, вотъ почему мокрицы. 'акъ ихъ не переведешь, надо высушить домъ...

— Я—солдатъ,—говорилъ онъ, тыкая пальцемъ въ грудь ебѣ, — я командовалъ полуротой и понимаю строй жизни. Нужно, чтобы всѣ твердо знали уставъ, законы, это даетъ инодушіе. Что мѣшаетъ знать законы? Бѣдность; а глупость— го уже отъ бѣдности! Почему онъ не борется противъ нищеты? ъ ней корни безумія человѣческаго и вражды противъ него, осударя...

Евсей жадно глоталъ слова старика и вѣрилъ ему: корень сѣхъ несчастій жизни человѣческой—нищета. Это ясно. Отюда зависть, злоба, жестокость, отсюда жадность и общій сѣмъ людямъ страхъ жизни, боязнь другъ друга. Планъ Дудки былъ тоже простъ: царь — богатъ, народъ — бѣденъ, усть же царь отдастъ народу свои богатства, и тогда всѣ удутъ сытыми и добрыми.

Его отношеніе къ людямъ измѣнялось—оставаясь такимъ же годливымъ, какъ и прежде, теперь онъ становился смѣлѣе начиналъ смотрѣть на всѣхъ снисходительно, глазами человѣка, который понялъ тайну жизни и можетъ указать, гдѣ ежитъ дорога къ миру и покою.

И, чувствуя необходимость похвастаться своимъ знаніемъ— днажды, обѣдая въ трактирѣ съ Яковомъ Зарубинымъ, онъ ъ гордостью изложилъ ему все, что слышалъ отъ старика и го горбатаго друга.

Узкіе глазки Зарубина вспыхнули, онъ весь завертѣлся, очему-то растрепалъ себѣ волосы, запустилъ въ нихъ пальцы бѣихъ рукъ и вполголоса воскликнулъ:

— Это вѣрно, ей-Богу! Какого чорта, въ самомъ дѣлѣ? одного тысячи милліоновъ, другіе издыхаютъ. Кто это тебя аучилъ?

— Никто!—твердо сказалъ Евсей.—Это я самъ придумалъ.

— Нѣтъ, ты скажи по правдѣ! Гдѣ слышалъ?

— Говорю—самъ я додумался...

Яковъ съ удовольствіемъ оглянулъ его.

— Если такъ—голова у тебя не плохая. Только—врешь ты.

Евсей обидѣлся.

— Мнѣ все равно—не вѣрь. Тебѣ хуже.

— Мнѣ?—спросилъ Яковъ и почему-то захохоталъ, весело и крѣпко потирая руки.

А черезъ два дня къ столу Евсея подошелъ помощник пристава Комовъ и какой-то сѣроглазый господинъ съ круглой, гладко остриженной головой и скучнымъ, желтымъ лицомъ.

— Ты, Климковъ, отправляешься въ охранное отдѣленіе!—проговорилъ полицейскій негромко и зловѣще. — Столъ твой запертъ?

— Нѣтъ.

Евсей поднялся со стула, ноги у него задрожали, и он снова сѣлъ. Стриженый подвинулся ближе.

— Позвольте!—сухо сказалъ онъ, выдвинулъ ящикъ стола и забралъ изъ него всѣ бумаги.

Разслабленный, ничего не понимая, Климковъ очнулся в полутемной комнатѣ, у стола, покрытаго зеленымъ сукном Въ груди у него поднималась и опускалась волна тоски, под ногами зыбко качался полъ, и стѣны комнаты, наполненно зеленымъ сумракомъ, плавно кружились. Надъ столомъ во выплылось чье-то бѣлое лицо въ рамѣ густой, черной бороды блестѣли синія очки. Евсей неотрывно смотрѣлъ прямо в стекла, въ синюю, бездонную темноту, она влекла къ себѣ казалось, высасывала кровь его жилъ. Не ожидая вопросовъ Климковъ тихо разсказывалъ о Дудкѣ и о горбатомъ другѣ онъ хорошо помнилъ ихъ рѣчи, говорилъ подробно, связно точно снималъ со своего сердца тонкую пленку кожи.

Высокій, рѣжущій ухо голосъ прервалъ его:

— Довольно!

Человѣкъ въ синихъ очкахъ не спѣша протянулъ руку взялъ трубку телефона и спросилъ насмѣшливо:

— Бѣлкинъ, это вы? Да! Распорядитесь, дорогой мой сегодня же вечеромъ обыскать и арестовать двухъ прохво стовъ... а-а — канцеляриста полицейскаго правленія Капитон Реусова. Записали? И чиновника казенной палаты Антон Дрягина. Какъ? Ну да, конечно!

Евсей схватился рукою за край стола, ощущая въ глазах тупую боль.

— Такъ, другъ мой!—сказалъ человѣкъ съ черной бородой, ткинулся на спинку кресла, расправилъ бороду обѣими ру-ами, поигралъ карандашомъ, бросилъ его на столъ и сунулъ уки въ карманы брюкъ. Мучительно-долго молчалъ, потомъ аздѣльно и строго спросилъ:

— Что̀ же мнѣ дѣлать съ тобой?

— Простите!—шопотомъ попросилъ Евсей.

— Климковъ?—не отвѣчая, молвилъ черный.—Эту фамилію какъ будто слышалъ...

— Простите,—повторилъ Евсей.

— А ты чувствуешь себя сильно виноватымъ?

— Да.

— Это хорошо! А въ чемъ же ты виноватъ?

Климковъ молчалъ. Этотъ черный человѣкъ сидѣлъ такъ добно и спокойно, что, казалось, онъ никогда уже не отпу-титъ Евсея изъ этой комнаты.

— Не знаешь?—спросилъ онъ и предложилъ:—Подумай.

Тогда Климовъ набралъ въ грудь побольше воздуха и ачалъ разсказывать о Раисѣ и о томъ, какъ она задушила тарика.

— Лукинъ?—равнодушно зѣвнувъ, сказалъ человѣкъ въ инихъ очкахъ.—Ага, вотъ почему мнѣ знакома твоя фамилія!

Онъ всталъ, подошелъ къ Евсею, поднялъ пальцемъ его одбородокъ, нѣсколько секундъ смотрѣлъ въ лицо и затѣмъ озвонилъ.

Тяжело топая, въ двери явился большой рябой парень съ громными кистями рукъ; растопыривъ красные пальцы, онъ грашно шевелилъ ими и смотрѣлъ на Евсея.

— Возьми его, Семеновъ.

— Въ угловую?—глухо спросилъ парень.

— Да.

— Иди!—сказалъ Семеновъ.

Климковъ хотѣлъ стать на колѣни, онъ уже согнулъ ногу, о парень подхватилъ его подъ руку и потащилъ за собой о длинному коридору и внизъ по каменной лѣстницѣ.

— Что̀, блудня, испугался?—сказалъ онъ, вталкивая Евсея ь маленькую дверь.—Такой мизгирь, ни кожи ни рожи, а нтуешь?

Его слова окончательно раздавили Евсея.

Вытянувъ руки, онъ пошелъ впередъ, наткнулся на стѣну, слыхалъ за дверью тяжелый грохотъ желѣза и сѣлъ на полъ, бнявъ руками колѣни и опустивъ голову. На него навали-лась тяжелая тишина.

Климкову показалось, что онъ сейчасъ умретъ. Онъ всю-

чилъ съ пола и, точно мышь, тихо забѣгалъ по комнатѣ взмахивая руками. Ощупалъ койку, накрытую жесткимъ одѣя ломъ, столъ, стулъ, подбѣжалъ къ двери, потрогалъ ее, замѣ тилъ въ стѣнѣ противъ двери маленькое квадратное окно и бросился къ нему. Оно было ниже земли, въ ямѣ, покрытой сверху толстой желѣзной рѣшеткой, сквозь нее падали хлопья снѣга и ползли по грязному стеклу. Климковъ безшумно воро тился къ двери, уперся въ нее лбомъ и въ тоскѣ зашеп талъ:

— Простите... выпустите...

Потомъ снова опустился на полъ, сознаніе его погасло залитое волною отчаянія.

Отравляя душу разъѣдающей слабостью, медленно потяну лись черныя и сѣрыя полосы дней и ночей; они ползли въ нѣмой тишинѣ, были наполнены зловѣщими предчувствіями и ничто не говорило о томъ, когда они кончатъ свое мучи тельно-медленное теченіе. Въ душѣ Евсея все затихло, оцѣ пенѣло, онъ не смѣлъ и не могъ думать, а когда ходилъ, то старался, чтобы шаги его были неслышны.

На десятый день его снова поставили передъ человѣкомъ въ синихъ очкахъ и другимъ, который привезъ его сюда.

— Нехорошо тамъ, Климковъ, а?—спрашивалъ его черный человѣкъ, чмокая толстой и красной нижней губой.

Его высокій голосъ странно хлюпалъ, какъ будто этотъ чело вѣкъ внутренно смѣялся. Въ синихъ стеклахъ очковъ отражался электрическій свѣтъ, отъ нихъ въ пустую грудь Евсея падали властные лучи и наполняли его рабской готовностью сдѣлать все, что надо, чтобы скорѣе пройти сквозь эти вязкіе дни засасывающіе въ тьму, грозящую безуміемъ.

— Отпустите меня!—тихо попросилъ онъ.

— Да, я это сдѣлаю. И—больше! Я возьму тебя на службу и теперь ты самъ будешь сажать людей туда, откуда вышелъ И туда и въ другія уютныя комнатки.

Онъ засмѣялся, шлепая губой, а Климковъ молча покло нился ему.

— За тебя просилъ покойникъ Лукинъ, и въ память о его честной службѣ я тебѣ даю мѣсто. Ты получишь двадцать пять рублей въ мѣсяцъ, пока...

Слова его входили въ грудь и въ память Евсея и размѣ щались тамъ одно за другимъ, точно ихъ писала повелительная рука. Онъ кланялся.

— Вотъ Петръ Петровичъ будетъ твоимъ начальникомъ ты долженъ исполнять все, что онъ тебѣ прикажетъ. Понялъ? Такъ это рѣшено—онъ будетъ жить съ вами?

— Да!—неожиданно громко сказалъ сѣроглазый человѣкъ.— Такъ будетъ удобнѣе для меня.

— Хорошо.

И снова, обращаясь къ Евсею, черный началъ говорить ему смягченнымъ голосомъ что-то утѣшительное, обѣщающее, а Евсей старался проглотить его слова и, не мигая, слѣдилъ за тяжелыми движеніями красной губы подъ усами.

— Помни, ты теперь будешь охранять священную особу государя отъ покушеній на жизнь его и на божественную власть. Понялъ?!

— Покорно благодарю!—тихо сказалъ Евсей.

А Петръ Петровичъ дернулъ головой кверху и торопливо замѣтилъ:

— Я все объясню ему,—мнѣ пора итти!

— Идите, идите! Ну, ступай, Климковъ. Служи, братъ, хорошо и будешь доволенъ. Но не забывай однако, что ты принималъ участіе въ убійствѣ букиниста Распопова, ты самъ сознался въ этомъ, а я записалъ твое показаніе—понимаешь? Ну, до свиданья!

Филиппъ Филипповичъ кивнулъ головой, его неподвижная, точно вырѣзанная изъ дерева борода вся покачнулась, и онъ протянулъ Евсею бѣлую, пухлую руку съ золотыми кольцами на короткихъ пальцахъ. Евсей закрылъ глаза и отшатнулся.

— Какой ты, братъ, трусишка!—тонко вскричалъ Филиппъ Филипповичъ, смѣясь стекляннымъ смѣшкомъ. — Теперь уже тебѣ нечего и некого бояться, ты долженъ быть спокоенъ, смѣлъ. Теперь ты на твердой почвѣ—понимаешь?

Когда Евсей вышелъ на улицу, у него захватило дыханіе, онъ пошатнулся и едва не упалъ. Петръ поднялъ воротникъ пальто, оглянулся, движеніемъ руки позвалъ извозчика и негромко сказалъ:

— Поѣзжай домой, ко мнѣ!

Евсей сбоку взглянулъ на него и едва не крикнулъ — на гладкомъ, бритомъ лицѣ Петра вдругъ выросли небольшіе свѣтлые усы.

— Ну, чего разинулъ ротъ?—хмуро и недовольно спросилъ онъ, замѣтивъ удивленіе Климкова.

Евсей опустилъ голову, стараясь противъ своего желанія не смотрѣть въ лицо новаго хозяина своей судьбы.

А тотъ все время молча высчитывалъ что-то на пальцахъ, загибая ихъ одинъ за другимъ, хмурилъ брови, покусывая губы, и изрѣдка сердито говорилъ извозчику:

— Ну, скорѣе!

Шелъ дождь и снѣгъ, въ воздухѣ плавали мокрые звуки,

было холодно, и Евсею казалось, что экипажъ все время быстро катится съ крутой горы въ черный, грязный оврагъ. Остановились у большого дома въ три этажа. Среди трехъ рядовъ слѣпыхъ и темныхъ оконъ сверкало нѣсколько стеколъ, освѣщенныхъ изнутри больнымъ, желтымъ огнемъ. Съ крыши, всхлипывая, лились ручьи воды.

— Иди вверхъ!—командовалъ Петръ. Онъ уже снова былъ безъ усовъ.

Поднялись по лѣстницѣ, долго шли длиннымъ коридоромъ мимо бѣлыхъ дверей. Евсею думалось, что это тюрьма, но его смущалъ густой запахъ жаренаго лука и ваксы, не сливавшійся съ представленіемъ о тюрьмѣ.

Петръ торопливо открылъ одну изъ бѣлыхъ дверей, освѣтилъ комнату огнемъ двухъ электрическихъ лампъ, пристально посмотрѣлъ во всѣ углы и, раздѣваясь, заговорилъ сухо и быстро.

— Будутъ тебя спрашивать, кто ты, отвѣчай — мой двоюродный братъ, пріѣхалъ изъ Царскаго Села искать себѣ мѣста—запомни, не проврись!

Лицо у него было озабоченное, глаза невеселые, рѣчь отрывистая, тонкія губы все время кривились, вздрагивали. Онъ позвонилъ, открылъ дверь, высунулъ въ коридоръ голову и крикнулъ:

— Самоваръ давай, Иванъ!

Евсей уныло оглядывался, стоя въ углу комнаты, и тупо ждалъ чего-то.

— Раздѣвайся, садись. Жить будешь въ сосѣдней комнатѣ,— говорилъ сыщикъ, поспѣшно раздвигая карточный столъ. Вынулъ изъ кармана записную книжку, игру картъ и, сдавая ихъ на четыре руки, продолжалъ, не глядя на Климкова:

— Ты, конечно, понимаешь, что наше дѣло тайное. Мы должны скрываться, а то убьютъ, какъ вотъ Лукина убили...

— Его убили?—тихонько спросилъ Евсей.

— Ну да,—безучастно сказалъ Петръ.

Потирая лобъ, онъ разсматривалъ сданныя карты.

— Сдача тысяча двѣсти четырнадцатая. У меня — тузъ, семерка червей, дама трефъ...

Онъ что-то записалъ въ книжку и, не поднимая головы, продолжалъ, говоря двумя голосами—невнятно и озабоченно, когда считалъ карты; сухо, ясно и торопливо, когда поучалъ Евсея.

— Революціонеры—враги царя и Бога.—Десятка бубенъ, тройка, валетъ пикъ... Они подкуплены нѣмцами для того, чтобы разорить Россію. Русскіе стали все дѣлать сами, а

нѣмцамъ,—король, пятерка и девятка,—чортъ возьми! Шестнадцатое совпаденіе!..

Онъ вдругъ повеселѣлъ, глаза у него блеснули, и на лицѣ отразилось что-то мягкое, довольное.

— Что̀ я говорилъ?—спросилъ онъ Евсея, взглянувъ на него.

— О нѣмцахъ...

— Да. Нѣмцы—жадные. Они враги русскаго народа, хотятъ насъ завоевать, хотятъ, чтобы мы все, всякій товаръ, покупали у нихъ и отдавали имъ нашъ хлѣбъ—у нѣмцевъ нѣтъ хлѣба... Дама бубенъ, хорошо! двойка червей, десятка трефъ... десятка...

Прищуривъ глаза, онъ посмотрѣлъ въ потолокъ, вздохнулъ и смѣшалъ карты.

— Вообще, всѣ иностранцы, завидуя богатству и силѣ Россіи,—двѣсти пятнадцатая сдача,—хотятъ сдѣлать у насъ бунтъ, свергнуть царя и—три туза? Гм,—ну, и посадить вездѣ свое начальство, своихъ правителей надъ нами, чтобы грабить насъ и разорять. Ты вѣдь этого не хочешь?

— Не хочу! — сказалъ Евсей, ничего не понимая и тупо слѣдя за быстрыми движеніями его пальцевъ.

— Ну да. Этого никто не хочетъ!—задумчиво проговорилъ Петръ, снова раскинувъ карты и озабоченно поглаживая щеку.—Ты русскій и не можешь хотѣть, чтобы... чтобы это было... потому ты долженъ бороться съ революціонерами, агентами иностранцевъ, защищая свободу Россіи, власть и жизнь государя—вотъ и все. Понялъ?

— Понялъ.

— А какъ это надо дѣлать—увидишь потомъ. Только не зѣвай, учись исполнять, что̀ тебѣ велятъ, точно. Нашъ братъ долженъ смотрѣть и лбомъ и затылкомъ, а то получишь по хорошему щелчку и спереди и сзади. Тузъ пикъ, семь бубенъ, десять трефъ...

Въ дверь постучали.

— Отопри!—приказалъ Петръ.

Вошелъ рыжій, кудрявый парень съ подносомъ и самоваромъ.

— Иванъ, это мой двоюродный братъ, онъ будетъ жить здѣсь, приготовь сосѣдній номеръ.

— Слушаю! Господинъ Чижовъ приходили,—негромко сказалъ Иванъ.

— Выпивши?

— Немножко есть. Хотѣли зайти.

— Завари чай, Евсей! — сказалъ сыщикъ, когда слуга ушелъ.—Наливай, пей. Сколько жалованья ты получалъ въ полицейскомъ правленіи?

— Девять рублей...

— Денегъ нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Надо достать и сшить себѣ костюмъ, нельзя дол ходить въ одномъ. Ты долженъ всѣхъ замѣчать, тебя — никто...

Онъ снова забормоталъ, считая карты, а Евсей, бесшум наливая чай, старался овладѣть странными впечатлѣнія дня и не могъ, чувствуя себя больнымъ. Его знобило, ру дрожали, хотѣлось лечь въ уголъ, закрыть глаза и лежа такъ долго, неподвижно. Въ головѣ безсвязно повторяли чужія слова.

— Въ чемъ же ты виноватъ?—тонко спрашивалъ Филип Филипповичъ.

— Доримедонта—убили!—сухо сообщалъ сыщикъ и р достно восклицалъ: — Шестнадцатое совпаденіе!

— Удавишься ты!—ровнымъ голосомъ сказала Раиса.

Кто-то сильно ударилъ въ дверь изъ коридора. Петр поднялъ голову и спросилъ:

— Это ты, Саша?

За дверью сердито отвѣтили:

— Ну, отпирай!

Когда Евсей открылъ дверь, передъ нимъ, покачиваясь длинныхъ ногахъ, вытянулся высокій человѣкъ съ черны усами. Концы ихъ опустились къ подбородку, и, должно-быт волосы были жесткіе, каждый торчалъ отдѣльно. Онъ сня шапку, обнаживъ лысый черепъ, бросилъ ее на постель крѣпко вытеръ ладонями лицо.

— Шапка мокрая, а ты ее бросаешь на постель мы! — замѣтилъ Петръ.

— А чортъ съ ней, съ твоей постелью!—гнусаво сказал гость.

— Евсей, повѣсь пальто!

Гость сѣлъ на стулъ, вытянулъ длинныя ноги и, закурив папиросу, спросилъ:

— Это что такое — Евсей?

— Мой двоюродный братъ. Чаю хочешь?

— Мы всѣ братья, когда безъ платья. Водка есть?

Петръ приказалъ Климкову спросить бутылку водки закуску. Евсей сдѣлалъ это и сѣлъ къ столу такъ, чтоб гость не видѣлъ изъ-за самовара его лица.

— Какъ дѣла, шуллеръ?—спросилъ онъ, кивая головой н карты.

Петръ вдругъ привсталъ со стула и оживленно заговорил

— Я нашелъ секретъ, нашелъ!

— Нашелъ? — спросилъ гость и, покачавъ головой, медленно протянулъ: — Ду-уракъ!

Петръ схватилъ записную книжку и горячимъ шопотомъ продолжалъ, тыкая пальцемъ:

— Подожди, Саша! У меня уже шестнадцатое совпаденіе, понимаешь? А я сдѣлалъ всего тысячу двѣсти четырнадцать сдачъ. Теперь карты повторяются все чаще. Нужно сдѣлать двѣ тысячи семьсотъ четыре сдачи, понимаешь: пятьдесятъ два на пятьдесятъ два? Потомъ всѣ сдачи передѣлать тринадцать разъ—по числу картъ въ каждой масти — тридцать пять тысячъ сто пятьдесятъ два раза. И повторить эти сдачи четыре раза — по числу мастей — сто сорокъ тысячъ шестьсотъ восемь разъ!

— Э-э, дуракъ!—протянулъ гнусаво гость, качая головой, и его губы искривились.

— Почему, Саша, почему, объясни?—негромко вскричалъ Петръ.—Вѣдь я тогда буду знать всѣ сдачи, какія возможны въ игрѣ,—подумай! Взгляну на свои карты,—онъ приблизилъ книжку къ лицу и началъ быстро читать: —тузъ пикъ, семерка бубенъ, десятка трефъ — значитъ, у партнеровъ: у одного — король червей, пятерка и девятка бубенъ, а у другого—тузъ, семерка червей, дама трефъ, третій имѣетъ даму бубенъ, двойку червей и десятку трефъ!

Руки у него тряслись, на вискахъ блестѣлъ потъ, а лицо стало молодымъ, добрымъ и ласковымъ. Климковъ, наблюдая изъ-за самовара, видѣлъ на лицѣ Саши большіе, тусклые глаза съ красными жилками на бѣлкахъ, крупный, точно распухшій носъ и на желтой кожѣ лба сѣть прыщей, раскинутыхъ вѣнчикомъ отъ виска къ виску. Отъ него шелъ рѣзкій, непріятный запахъ. Этотъ человѣкъ напоминалъ Евсею что-то жуткое. Петръ, прижавъ книжку къ груди и махая рукой въ воздухѣ, съ восторгомъ шепталъ:

— Вѣдь я тогда безъ промаха буду играть! Сотни тысячъ, милліоны улыбнутся мнѣ! И нѣтъ въ этомъ шуллерства, нѣтъ фокуса! Я — знаю! Знаю и—больше ничего!

Онъ такъ крѣпко ударилъ себя въ грудь кулакомъ, что закашлялся, а потомъ, опустившись на стулъ, сталъ тихо смѣяться.

— Почему не даютъ водки?—угрюмо спросилъ Саша, бросая на полъ окурокъ папиросы.

— Евсей, иди, скажи,—торопливо началъ Петръ, но уже въ дверь постучали.

— Ты опять пьешь?—спросилъ Петръ, улыбаясь.

Саша протянулъ руку къ бутылкѣ.

— Нѣтъ, еще не пью, я вотъ сейчасъ начну пить.

— Вѣдь это вредно при твоей болѣзни.

— Водка и здоровымъ вредна, водка и фантазіи... Ты, напримѣръ, скоро будешь идіотомъ.

— Не буду, не безпокойся!

— Будешь! Я математику знаю, я вижу, что ты болванъ.

— У каждаго своя математика! — недовольно отвѣтилъ Петръ.

— Молчи!—сказалъ Саша, медленно высосалъ рюмку, понюхалъ кусокъ хлѣба и налилъ другую.

— Сегодня я, — началъ онъ, опустивъ голову и упираясь согнутыми руками въ колѣни,—еще разъ говорилъ съ генераломъ. Предлагаю ему—дайте средства, я подыщу людей, открою литературный клубъ и выловлю вамъ самыхъ лучшихъ мерзавцевъ,—всѣхъ! Надулъ щеки, выпучилъ свое животище и заявилъ скотина—мнѣ, дескать, лучше извѣстно, что̀ и какъ надо дѣлать. Ему все извѣстно! А что его любовница передъ Ивановымъ голая танцовала, этого онъ не знаетъ, и что дочь устроила себѣ выкидышъ—тоже не знаетъ.

Онъ снова высосалъ водку и еще налилъ.

— Всѣ—сволочь, и жить нельзя... Однажды Моисей велѣлъ зарѣзать двадцать три тысячи сифилитиковъ. Тогда народу было немного, замѣть! Если бы у меня была власть — я бы уничтожилъ милліоны!

— Себя перваго?—спросилъ Петръ, улыбаясь.

Саша, не отвѣчая, гнусилъ, точно въ бреду:

— Всѣхъ этихъ либераловъ, генераловъ, революціонеровъ, распутныхъ бабъ! Большой костеръ и—жечь! Напоить землю кровью, удобрить ее пепломъ, и — будутъ урожаи. Сытые мужики выберутъ себѣ сытое начальство. Человѣкъ—животное и нуждается въ тучныхъ пастбищахъ, плодородныхъ поляхъ. Города—уничтожить! И все лишнее,—все, что̀ мѣшаетъ жить просто, какъ живутъ козлы, пѣтухи,—все это—къ дьяволу!

Его липкія, зловонно пахучія слова точно присасывались къ сердцу Евсея и оклеивали его—слушать ихъ было тяжело и опасно.

„Вдругъ позовутъ и спросятъ—что онъ говорилъ? Можетъ-быть, онъ нарочно говоритъ для меня, а потомъ—меня схватятъ...“

Онъ вздрогнулъ, задвигался на стулѣ и тихо спросилъ Петра:

— Можно мнѣ уйти?

— Куда?

— Спать.

— О! Иди!

— Испугался, скотъ! — замѣтилъ Саша, не поднимая головы.

— Иди, иди! — повторилъ Петръ.

— Ступай ко всѣмъ чертямъ!—проводилъ Евсея Саша.

IX.

Не зажигая огня въ своей комнатѣ, Климковъ безшумно раздѣлся, нащупалъ въ темнотѣ постель, легъ и плотно закутался въ сырую, холодную простыню. Ему хотѣлось не видѣть ничего, не слышать, хотѣлось сжаться въ маленькій, незамѣтный комокъ. А въ памяти его звучали гнусавыя слова Саши. Евсею казалось, что онъ слышитъ его запахъ, видитъ красный вѣнецъ на желтой кожѣ лба. И въ самомъ дѣлѣ откуда-то сбоку, сквозь стѣну, до него доходили раздраженные крики.

— Я — самъ мужикъ! Я знаю, что̀ нужно!

Не желая, Евсей напряженно вслушивался, со страхомъ искалъ въ своей памяти—кого напоминаетъ ему этотъ злобный, больной человѣкъ, и не хотѣлъ найти.

Темно и холодно. За темными стеклами окна колеблются мутные отблески свѣта, исчезаютъ, снова являются. Слышенъ тихій шорохъ, вѣтеръ мечетъ дождь, тяжелыя капли стучатъ въ окно.

„Уйти бы въ монастырь!“ — тоскливо подумалъ Климковъ.

И вдругъ вспомнилъ о Богѣ, имя Котораго онъ слышалъ рѣдко за время жизни въ городѣ и никогда не думалъ о Немъ. Въ его душѣ, постоянно полной опасеніями и обидами, не находилось мѣста надеждѣ на милость неба, но теперь, явившись неожиданно, она вдругъ насытила его грудь тепломъ и погасила въ ней тяжелое, тупое отчаяніе. Онъ спрыгнулъ съ постели, сталъ на колѣни и, крѣпко прижимая руки къ груди, безъ словъ обратился въ темный уголъ комнаты, закрылъ глаза и ждалъ, прислушиваясь къ біенію своего сердца. Но онъ слишкомъ усталъ, было холодно, этотъ холодъ пронизывалъ кожу сотнями тонкихъ иголъ, вызывая въ тѣлѣ дрожь. Климковъ снова легъ въ постель. А когда проснулся, то увидалъ, что въ углу, куда онъ направилъ свою нѣмую молитву, иконы не было. Висѣли двѣ картины, на одной охотникъ съ зеленымъ перомъ на шляпѣ цѣловалъ толстую дѣвицу, а другая изображала бѣлокурую женщину съ голою грудью и цвѣткомъ въ рукѣ.

Онъ вздохнулъ, одѣлся, умылся, безучастно оглядѣлъ свое

жилище, сѣлъ у окна и сталъ смотрѣть на улицу. Тротуары, мостовая, дома—все было грязно. Не торопясь, шагали лошади, качая головами, на козлахъ сидѣли мокрые извозчики и тоже качались, точно развинченные. Какъ всегда, спѣшно шли куда-то люди; казалось, что сегодня они, обрызганные грязью и отсырѣвшіе, менѣе опасны, чѣмъ всегда.

Евсею хотѣлось ѣсть, но онъ не зналъ—имѣетъ ли право просить себѣ чаю и хлѣба, и сидѣлъ неподвижный, точно камень, до поры, пока не услыхалъ стукъ въ стѣну.

Вошелъ въ комнату Петра, остановился у двери. Сыщикъ, лежа въ постели, спросилъ его:

— Ты чай пилъ?

— Нѣтъ.

— Спроси.

Онъ спустилъ съ кровати голыя ноги и сталъ разсматривать пальцы, шевеля ими.

— Напьемся чаю и пойдемъ со мной, — заговорилъ онъ, позѣвывая.—Я дамъ тебѣ, то-есть укажу одного человѣка, ты за нимъ слѣди. Куда онъ—туда и ты, понимаешь? Записывай время, когда онъ войдетъ въ какой-либо домъ, сколько тамъ пробудетъ. Если онъ выйдетъ изъ дома или встрѣтится дорогой съ другимъ человѣкомъ — замѣть себѣ наружность другого. А потомъ... впрочемъ, всего сразу не поймешь.

Онъ осмотрѣлъ Климкова, посвисталъ тихонько и, отвернувшись въ сторону, лѣниво продолжалъ:

— Вотъ что—тутъ вчера Саша болталъ разныя слова. Ты не вздумай объ этомъ разсказывать, смотри! Онъ человѣкъ больной и пьющій, но онъ — сила! Ему ты не повредишь, а онъ тебя живо сгложетъ — запомни! Онъ, братъ, самъ былъ студентомъ и всѣ дѣла ихъ знаетъ на зубокъ, даже въ тюрьмѣ сидѣлъ за неблагонадежность. А теперь получаетъ сто рублей въ мѣсяцъ, и его не Филиппъ Филипповичъ, самъ генералъ приглашаетъ на совѣтъ, н-да!

Измятое сномъ, дряблое лицо Петра нахмурилось, сѣрые глаза смотрѣли недовольно. Онъ одѣвался и говорилъ скучнымъ, ворчливымъ голосомъ:

— Наша служба — не шутка! Если бъ можно было сразу людей за горло брать, то конечно. А ты долженъ сначала выходить за каждымъ верстъ сотню, другую... долженъ знать, гдѣ, когда онъ былъ, съ кѣмъ былъ, и вообще—все надо знать. Все!

Вчера, несмотря на всѣ волненія дня, Петръ казался Климкову интереснымъ и ловкимъ человѣкомъ, а теперь онъ говорилъ съ натугой, двигался неохотно, и все у него падало изъ рукъ. Это дѣлало Климкова смѣлѣе, и онъ спросилъ:

— Цѣлый день по улицамъ ходить нужно?

— Иногда и ночью погуляешь, на морозѣ градусовъ въ тридцать! Нашу службу очень злой чортъ придумалъ.

— А когда всѣхъ ихъ переловятъ? — снова спросилъ Евсей.

— Кого?

— Этихъ—неблагонадежныхъ... враговъ?

— Переловить ихъ мы съ тобою врядъ ли успѣемъ. Они, должно-быть, двойними родятся.

За чаемъ Петръ развернулъ свою книжку, посмотрѣлъ въ нее, вдругъ оживился, вскочилъ со стула, торопливо сдалъ карты и началъ считать.

— Тысяча двѣсти шестнадцатая сдача. Имѣю: три пики, семь червей, туза бубенъ.

Выходя изъ дома, онъ надѣлъ черное пальто, барашковую шапку, взялъ въ руки портфель, сдѣлался похожимъ на чиновника и строго сказалъ:

— Рядомъ со мной по улицѣ не ходи, не разговаривай. Я зайду въ одинъ домъ, а ты пройди въ дворницкую, скажи тамъ, что тебѣ нужно подождать Тимоѳеева. Я—скоро!

Боясь потерять Петра въ толпѣ прохожихъ, Евсей шагалъ сзади, не спуская глазъ съ его фигуры, но вдругъ Петръ исчезъ. Климковъ растерялся, бросился впередъ, остановился, прижавшись къ столбу фонаря — противъ него возвышался большой домъ съ рѣшетками на окнахъ перваго этажа и тьмою за стеклами оконъ. Сквозь узкій подъѣздъ былъ виденъ пустынный, сумрачный дворъ, мощеный крупнымъ камнемъ. Климковъ побоялся итти туда и, безпокойно переминаясь съ ноги на ногу, смотрѣлъ по сторонамъ.

Со двора вышелъ спѣшными шагами человѣкъ въ поддевкѣ, въ картузѣ, надвинутомъ на лобъ, съ рыжей бородкой, онъ мигнулъ Евсею сѣрымъ глазомъ и негромко сказалъ:

— Поди сюда! Что же ты не вошелъ къ дворнику?

— Я васъ потерялъ,—сознался Евсей.

— Потерялъ? Ну, смотри, за это тебѣ могутъ дать въ шею! Слушай: черезъ три дома отсюда—земская управа. Сейчасъ изъ нея выйдетъ человѣкъ, служащій тамъ, зовутъ его Дмитрій Ильичъ Курносовъ — помни! Вотъ ты за нимъ и слѣди—понимаешь? Идемъ, я тебѣ покажу его.

И черезъ нѣсколько минутъ Климковъ, какъ маленькая собака, спѣшно шагалъ по тротуару сзади человѣка въ поношенномъ пальто и измятой черной шляпѣ. Человѣкъ былъ большой, крѣпкій, онъ шелъ быстро, широко размахивалъ палкой и крѣпко стучалъ ею по асфальту. Изъ-подъ шляпы

спускались на затылокъ и уши черные съ просѣдью, вьющіеся волосы.

Евсей рѣдко ощущалъ чувство жалости къ людямъ, но теперь оно почему-то вдругъ явилось къ нему и повелительно требовало что-то сдѣлать. Вспотѣвшій отъ волненія, онъ быстро, мелкими шагами перескочилъ на другую сторону улицы, забѣжалъ впередъ, снова перешелъ улицу и встрѣтилъ человѣка грудь ко груди. Передъ нимъ мелькнуло темное бородатое лицо съ сросшимися бровями, разсѣянная улыбка въ синихъ глазахъ, широкій лобъ, изрѣзанный морщинами. Человѣкъ что-то напѣвалъ или говорилъ самъ себѣ — его крупныя губы шевелились.

Климковъ остановился, вытеръ ладонями потное лицо, согнулъ спину и пошелъ вслѣдъ за нимъ, глядя въ землю и лишь изрѣдка вскидывая глаза, чтобы не потерять изъ вида предметъ своихъ наблюденій.

„Не молодой, — думалъ онъ. — Бѣдный, видно. Все отъ бѣдности. Со страха тоже“.

Ему вспомнился Дудка, онъ вздрогнулъ.

„Изобьетъ онъ меня!“

И стало жалко Дудку.

Зданія смотрѣли на него усталыми и мутными глазами, въ уши назойливо лѣзъ уличный шумъ, хлюпала и брызгала жидкая, холодная грязь. Климкову было скучно, одиноко; вспоминалась Раиса. И тянуло куда-то въ сторону съ улицы.

А человѣкъ, за которымъ онъ слѣдилъ, остановился у крыльца, ткнулъ пальцемъ кнопку звонка, снялъ шляпу, помахалъ ею въ лицо себѣ и снова взбросилъ ее на голову. Шляпа съѣхала на затылокъ, обнаживъ лысоватый черепъ. Стоя въ пяти шагахъ у тумбы, Евсей жалобно смотрѣлъ въ лицо человѣка, чувствуя потребность что-то сказать ему. Тотъ замѣтилъ его, сморщилъ лицо и отвернулся. Сконфуженный Евсей опустилъ голову, присѣлъ на тумбу и вдругъ подумалъ:

„Обидѣлъ бы онъ меня, — а то такъ, безъ вины... нехорошо...“

— Изъ охраны? — услыхалъ онъ негромкій, сиповатый голосъ. Спрашивалъ высокій рыжій мужикъ въ грязномъ передникѣ и съ метлой въ рукахъ.

— Да! — тихо сказалъ Евсей и въ ту же секунду сообразилъ: — „Не надо было сознаваться!“

— Опять новый, — замѣтилъ дворникъ. — Все за Курносовымъ ходите?

— Да.

— Такъ. Скажи тамъ начальству—утромъ сегодня къ нему гость пріѣхалъ съ вокзала, съ чемоданами, три чемодана. Не прописывали еще въ полиціи — срокъ имѣютъ сутки. Маленькій такой гость, красивый, съ усиками. Одѣтъ чисто.

Дворникъ замолчалъ, нѣсколько разъ погладилъ метлой тротуаръ, забрызгалъ грязью сапоги и брюки Евсею, остановился и замѣтилъ:

— Тебя тутъ видно. Они тоже не дураки, вашего брата замѣчаютъ. Ты сталъ бы въ воротахъ, что ли...

Евсей послушно отошелъ къ воротамъ.

И вдругъ, на другой сторонѣ улицы, увидалъ Якова Зарубина. Съ тростью въ рукѣ, въ новомъ пальто и въ перчаткахъ, Яковъ, сдвинувъ набокъ черный котелокъ, шелъ по тротуару и улыбался, играя глазами, точно уличная дѣвица, увѣренная въ своей красотѣ.

— Здравствуй,—сказалъ онъ, оглядываясь.—Я тебя смѣнить пришелъ. Иди въ трактиръ Сомова на Лебяжью улицу, спроси тамъ Николая Павлова.

— Ты развѣ тоже въ охранѣ? — спросилъ Евсей.

— На десять дней раньше тебя поступилъ,—а что?

Евсей посмотрѣлъ въ его сіяющее черное личико.

— Это ты про меня разсказалъ?

— А Дудку ты выдалъ?

Подумавъ, Евсей хмуро отвѣтилъ:

— Я—послѣ тебя! Я только тебѣ сказалъ...

— А Дудка—только тебѣ, у!

Яковъ засмѣялся, толкнулъ Климкова въ плечо.

— Иди скорѣе, курица вареная!

И, помахивая тросточкой, пошелъ рядомъ съ нимъ.

— Это должность хорошая, это я понимаю, у! Жить можно бариномъ—гуляй, посматривай! Вотъ видишь — костюмчикъ? Теперь дѣвицы особенное вниманіе окажутъ мнѣ!

Скоро онъ простился съ Евсеемъ и быстро пошелъ назадъ, а Климковъ непріязненно посмотрѣлъ вслѣдъ ему и задумался. Онъ считалъ Якова человѣкомъ распутнымъ, пустымъ, ставилъ его ниже себя, и было обидно видѣть Зарубина щегольски одѣтымъ, довольнымъ.

„Донесъ на меня. Если я разсказалъ про Дудку, такъ я—со страха. А онъ зачѣмъ?“

И, угрожая Якову, онъ мысленно воскликнулъ:

— Погоди! Еще увидимъ, кто лучше!

Когда онъ спросилъ въ трактирѣ Николая Ивановича, ему указали лѣстницу наверхъ; войдя по ней, онъ остановился передъ дверью и услыхалъ голосъ Петра.

— Картъ въ игрѣ—пятьдесятъ двѣ! Въ городѣ, въ моемъ участкѣ, тысячи людей, и я знаю изъ нихъ нѣсколько сотенъ, можетъ-быть. Знаю, кто съ кѣмъ живетъ, кто гдѣ служитъ. И вѣдь люди мѣняются, а карты всегда однѣ и тѣ же.

Кромѣ Петра и Саши въ комнатѣ былъ еще третій человѣкъ. Высокій, стройный, онъ стоялъ у окна, читая газету, и не пошевелился, когда вошелъ Евсей.

— Какая дурацкая рожа! — встрѣтилъ Евсея Саша, упираясь въ лицо ему злымъ взглядомъ.—Ее надо передѣлать—слышите, Маклаковъ?

Читавшій газету повернулъ голову, осмотрѣлъ Евсея большими свѣтлыми глазами и сказалъ:

— Надо...

Возбужденный, съ растрепанной прической, Петръ спрашивалъ Евсея, что онъ видѣлъ, и чистилъ себѣ зубы гусинымъ перомъ. На столѣ стояли остатки обѣда, запахъ жира и кислой капусты раздражали Евсею ноздри, вызывая острое чувство голода. Онъ стоялъ передъ Петромъ и безстрастнымъ голосомъ разсказывалъ то, что сообщилъ ему дворникъ. Съ первыхъ же словъ разсказа Маклаковъ заложилъ руки съ газетой за спину и, наклонивъ голову, сталъ внимательно слушать, пошевеливая свѣтлыми усами. И на головѣ у него волосы были тоже странно бѣлые, какъ серебряные, съ легкимъ оттѣнкомъ желтизны. Чистое лицо, серьезное, съ нахмуреннымъ лбомъ, спокойные глаза, увѣренныя движенія сильнаго тѣла, ловко и плотно обтянутаго въ солидный костюмъ, сильный басовой голосъ — все это выгодно отводило Маклакова въ сторону отъ Саши и Петра.

— Дворникъ самъ вносилъ чемоданы? — спросилъ онъ Евсея.

— Не сказалъ.

— Значитъ, не онъ вносилъ. Онъ сказалъ бы, тяжелы или легки. Вносили сами! — замѣтилъ Маклаковъ. И потомъ добавилъ:—Вѣроятно, это она!

— Типографія?—спросилъ Саша.

— Литература. Очередной номеръ.

— Ну, надо сказать, чтобы дѣлали обыскъ!—угрюмо проговорилъ Саша и скверно выругался, грозя кому-то кулакомъ.

— Мнѣ нужно найти типографію! Достаньте мнѣ шрифтъ, ребята, я самъ устрою типографію—найду ословъ, дамъ имъ все, что надо, потомъ мы ихъ сцапаемъ, и у насъ будутъ деньги!

— Планъ не вредный! —воскликнулъ Петръ.

Маклаковъ посмотрѣлъ на Евсея и спросилъ его:

— Вы обѣдали?

— Нѣтъ.

Кивкомъ головы указывая на столъ, Петръ скомандовалъ:

— Ѣшь скорѣе!

— Зачѣмъ же угощать объѣдками? — спокойно спросилъ Маклаковъ, шагнулъ къ двери, открылъ ее и крикнулъ:—Эй, обѣдъ!

— Ты попробуй,—гнусилъ Саша Петру,—уговорить этого идіота Аѳанасова, чтобы онъ далъ намъ типографію, которая была арестована въ прошломъ году.

— Н-да, я попробую!—задумчиво согласился Петръ.

А Маклаковъ смотрѣлъ на нихъ и молча крутилъ усы.

Внесли обѣдъ, и вмѣстѣ съ лакеемъ въ комнатѣ явился круглый, рябоватый и скромный человѣкъ. Онъ благожелательно улыбнулся всѣмъ, крѣпко пожалъ руку Евсея и сказалъ ему:

— Моя фамилія Соловьевъ. Слышали новость, друзья: сегодня вечеромъ въ залѣ Чистова—банкетъ революціонеровъ. Трое нашихъ отправляются туда офиціантами — между прочимъ, и вы, Петруша.

— Опять я! — вскричалъ Петръ, и его лицо покрылось пятнами, постарѣло, озлобилось.—За два мѣсяца третій разъ лакея играть! Позвольте же! Да я не хочу!

— Объ этомъ вы скажите не мнѣ,—ласково замѣтилъ Соловьевъ.

— Что такое? Почему именно меня всегда назначаютъ лакеемъ?

— Ты похожъ!—сказалъ Саша, усмѣхаясь.

— Назначено трое! — повторилъ Соловьевъ, вздохнулъ. — Пива бы выпить намъ, а? Хорошо!

Петръ пріотворилъ дверь, раздраженно крикнулъ:

— Полдюжины пива!

И отошелъ къ окну, сжимая руки, хрустя пальцами.

— Вотъ видите, Маклаковъ,—заговорилъ Саша, — у насъ никто не хочетъ работать серьезно, съ увлеченіемъ, а у нихъ дѣло развивается! Банкеты, съѣзды, дождь литературы, на фабрикахъ—открытая пропаганда...

Маклаковъ молчалъ, не глядя на него.

Заговорилъ круглый Соловьевъ, тихо и ласково улыбаясь.

— А я сегодня на вокзалѣ дѣвицу поймалъ съ книжками. Еще лѣтомъ на дачѣ замѣтилъ я ее—ну, думаю, гуляй, милая моя! А сегодня хожу по вокзалу, готовыхъ у меня никого нѣтъ, смотрю—она идетъ съ чемоданчикомъ. Подошелъ, вѣжливо предлагаю—пожалуйте со мной на два слова! Вижу—

вздрогнула, побѣлѣла и чемоданчикъ за спину прячетъ. А, думаю, милашка моя глупенькая, попалась! Ну, сейчасъ сеть дежурную, вскрыли багажикъ, а тамъ — „Освобожденіе“ послѣдній номерокъ и всякое другое дрянцо. Отвезъ дѣвочку въ охранное—что дѣлать? Карасики не ловятся—и шурепка съѣшь. Ѣдетъ, личико отъ меня въ сторону отвернула, щечки горятъ, а на глазахъ—слезинки. Но—молчитъ! Спрашиваю: „удобно вамъ, барышня?“ Молчитъ...

Соловьевъ тихонько и мягко засмѣялся, его рябое лицо покрылось дрожащими лучами морщинъ.

— Кто она?—спросилъ Маклаковъ.

— Доктора Мелихова дочь.

— А-а,—протянулъ Саша.—Я его знаю!

— Солидный человѣкъ, имѣетъ ордена — Владимира и Анны,—сообщилъ Соловьевъ.

— Я его знаю!—повторилъ Саша.—Шарлатанъ, какъ всѣ они. Пробовалъ меня лѣчить.

— Васъ теперь одинъ Господь могъ бы вылѣчить!—ласково сказалъ Соловьевъ.—Быстро вы разрушаетесь здоровьемъ.

— Подите къ чорту!—крикнулъ Саша.

Маклаковъ, глядя въ окно и не оборачиваясь, спросилъ:

— Плакала дѣвушка?

— Нѣтъ! Ну, однако не радовалась. Мнѣ всегда непріятно дѣвицъ брать, какъ, во-первыхъ, у меня у самого дочь...

— Чего вы ждете, Маклаковъ? — сердито спросилъ Саша.

— А вотъ онъ поѣстъ. Успѣю.

— Эй, ты, глотай живѣе!—крикнулъ Саша Климкову.

— Да, да, торопись-ка!—сухо замѣтилъ Петръ.

Обѣдая, Климковъ внимательно слушалъ разговоры и, незамѣтно разсматривая людей, съ удовольствіемъ видѣлъ, что всѣ они, кромѣ Саши, кажется, не злые, не хуже и не страшнѣе другихъ.

Имъ овладѣвало желаніе подслужиться къ этимъ людямъ, ему захотѣлось сдѣлаться нужнымъ для нихъ. Онъ положилъ ножъ и вилку, быстро вытеръ губы грязной салфеткой и сказалъ:

— Я готовъ...

Распахнулась дверь, въ комнату, согнувшись, вскочилъ вертлявый растрепанный человѣкъ, прошипѣлъ:—„Тиш-ше“,— высунулъ голову въ коридоръ, послушалъ, потомъ, тщательно притворивъ дверь, спросилъ:

— Не запирается? Гдѣ ключъ?

Оглянулся и, вздохнувъ, сказалъ:

— Слава Богу!

— Э, дубина!—презрительно прогнусилъ Саша. — Ну, что такое? Опять хотѣли бить тебя?

Человѣкъ подскочилъ къ нему и, задыхаясь, размахивая руками, отирая потъ съ лица, началъ вполголоса бормотать:

— И—хотѣли! Конечно. Хотѣли убить молоткомъ. Двое. Шли за мной отъ тюрьмы, ну да! Я былъ на свиданіяхъ, выхожу—а они у воротъ стоятъ, двое. И одинъ держитъ въ карманѣ молотокъ...

— Можетъ-быть, это револьверъ? — спросилъ Соловьевъ, вытягивая шею.

— Молотокъ!

— Ты видѣлъ?—съ усмѣшкой освѣдомился Саша.

— Ахъ, я же знаю! Они рѣшили молоткомъ меня. Безъ шума—р-разъ...

Онъ оправлялъ галстукъ, застегивалъ пуговицы, искалъ чего-то въ карманахъ, приглаживалъ курчавые потные волосы, его руки неустанно и быстро мелькали вокругъ корпуса, и казалось, что вотъ онѣ сейчасъ оторвутся. Костлявое, сѣрое лицо обливалось потомъ, темные глаза разбѣгались по сторонамъ, то прищуренные, то широко открытые, и вдругъ они неподвижно, съ неподдѣльнымъ ужасомъ остановились на лицѣ Евсея. Человѣкъ попятился къ двери, хрипло спрашивая:

— Это—кто? Кто?

Маклаковъ подошелъ къ нему, взялъ за руку.

— Успокойтесь, Елизаръ, это свой, новый...

— Вы его знаете?

— Скотина! — раздался раздраженный возгласъ Саши. — Тебѣ лѣчиться надо!

— Васъ подъ вагонъ конки толкали? Нѣтъ еще? Такъ вы ужъ подождите ругаться...

— Вотъ, смотрите, Маклаковъ...—заговорилъ Саша, но человѣкъ продолжалъ съ яростнымъ возбужденіемъ:

— Васъ ночью били неизвѣстные люди? Ага! Вы поймите—неизвѣстные люди! Такихъ людей, неизвѣстныхъ мнѣ—сотни тысячъ въ городѣ, сотни! Они вездѣ, а я — одинъ! Я всегда среди нихъ, вы понимаете?

Успокоительно прозвучалъ мягкій голосъ Соловьева и утонулъ въ новомъ взрывѣ словъ разбитаго человѣка. Онъ внесъ съ собою вихрь страха; Климковъ сразу закружился, утонулъ въ шопотѣ его тревожной рѣчи, былъ ослѣпленъ движеніями его изломаннаго тѣла, мелканіемъ трусливыхъ рукъ и ждалъ, что вотъ что-то огромное, черное ворвется въ дверь, наполнитъ комнату и раздавитъ всѣхъ.

— Намъ пора итти! — сказалъ Маклаковъ, дотронувшись до его плеча.

На улицѣ, сидя въ пролеткѣ, Евсей угрюмо и тихо замѣтилъ:

— Не гожусь я для этого дѣла.

— Почему?—спросилъ Маклаковъ.

— Я—боязливый.

— Это пройдетъ!

— Ничего не проходитъ!—быстро сказалъ Евсей.

— Все!—возразилъ ему Маклаковъ спокойно.

На улицѣ было слякотно, холодно, темно. Отсвѣты огней лежали въ грязи, люди и лошади гасили ихъ, ступая ногами въ золотыя пятна.

Долго молчали. Евсей, безъ мысли глядя впередъ, чувствовалъ, что Маклаковъ разсматриваетъ его лицо, и ждалъ.

— Привыкнете! — заговорилъ Маклаковъ. — Но если есть другая служба—уходите сейчасъ же. Есть?

— Нѣтъ.

— Вы давно поступили въ охрану?

— Вчера.

— Вотъ что!

— Теперь куда меня?—тихо освѣдомился Евсей.

Не отвѣчая, Маклаковъ спросилъ:

— У васъ родственники есть?

— Нѣтъ. Никого у меня нѣтъ.

Шпіонъ пошевелился, но не сказалъ ни слова. Глаза его были полузакрыты, онъ дышалъ черезъ носъ, и тонкіе волосы его усовъ вздрагивали.

Въ воздухѣ плавали густые звуки колокола, мягкіе и теплые. Тяжелая туча накрыла городъ плотнымъ, темнымъ пологомъ. Задумчивое пѣніе мѣди, не поднимаясь вверхъ, печально влачилось надъ крышами домовъ.

— Завтра воскресенье!—негромко произнесъ Маклаковъ.— Вы въ церковь ходите?

— Нѣтъ!—отвѣтилъ Евсей.

— Почему?

— Не знаю. Такъ. Тѣсно тамъ.

— А я хожу. Люблю утреннія службы. Поютъ пѣвчіе, солнце въ окна смотритъ. Это всегда хорошо.

Простыя слова Маклакова ободрили Евсея, ему захотѣлось говорить о себѣ.

—Пѣть—хорошо!—началъ онъ.—Мальчишкой я пѣлъ въ церкви, въ селѣ у насъ. Поешь, и даже непонятно—гдѣ ты— все равно, какъ нѣтъ тебя.

— Пріѣхали!—сказалъ Маклаковъ.

Евсей вздохнулъ, печально глядя на длинное зданіе вокзала — оно явилось передъ глазами какъ-то сразу и вдругъ загородило дорогу.

Прошли на перронъ, гдѣ уже собралось много публики, остановились, прислонясь къ стѣнѣ. Маклаковъ прикрылъ глаза рѣсницами и точно задремалъ. Позванивали шпоры жандармовъ, звучно и молодо смѣялась стройная женщина, черноглазая, со смуглымъ лицомъ.

— Запомните эту, которая смѣется, и старика рядомъ съ ней!—внятнымъ шопотомъ говорилъ Маклаковъ. — Ее зовутъ Сарра Лурье, акушерка, квартируетъ на Садовой, домъ семь. Сидѣла въ тюрьмѣ, была въ ссылкѣ. Очень ловкая женщина! Старикъ тоже бывшій ссыльный, журналистъ...

Вдругъ онъ точно испугался кого-то, быстрымъ движеніемъ руки надвинулъ шапку на лобъ и еще тише продолжалъ:

— Высокій, въ черномъ пальто, мохнатая шапка, рыжій — видите?

Евсей кивнулъ головой.

— Это—писатель Мироновъ. Онъ уже раза четыре сидѣлъ по тюрьмамъ въ разныхъ городахъ. Вы книги читаете?

— Нѣтъ.

— Напрасно! Онъ интересно пишетъ...

Черный желѣзный червь, съ рогомъ на головѣ и тремя огненными глазами, гремя металломъ огромнаго тѣла, взвизгнулъ, быстро подползъ къ вокзалу, остановился и злобно зашипѣлъ, наполняя воздухъ густымъ, бѣлымъ дыханіемъ. Потный, горячій запахъ ударилъ въ лицо Климкова, передъ глазами быстро замелькали черныя суетливыя фигурки людей, странно-маленькія рядомъ съ подавляющей величиной поѣзда.

Евсей впервые видѣлъ такъ близко эту массу желѣза, она казалась ему живой, чувствующей и, властно привлекая къ себѣ его вниманіе, возбуждала въ немъ враждебное и жуткое предчувствіе. Въ памяти его ослѣпительно и угрожающе блестѣли огненные глаза, круглые, лучистые, вертѣлись большія, красныя колеса, блисталъ стальной рычагъ, падая и поднимаясь, точно огромный ножъ.

Раздался негромкій возгласъ Маклакова.

— Что?—спросилъ Евсей.

— Ничего! — съ досадой отвѣтилъ сыщикъ.

Щеки у него покраснѣли, онъ закусилъ губы. По его взгляду Евсей догадался, что онъ слѣдитъ за писателемъ. Не спѣша, покручивая усъ, писатель шелъ рядомъ съ пожилымъ, коренастымъ человѣкомъ въ разстегнутомъ пальто и

въ лѣтней шляпѣ на большой головѣ. Человѣкъ этотъ громко хохоталъ и, поднимая кверху бородатое, красное лицо, вскри кивалъ:

— Понимаете, а? Ѣхалъ, ѣхалъ...

Писатель снялъ шапку, кому-то кланяясь — голова у него была гладко острижена, лобъ высокій, лицо скуластое, с широкимъ носомъ и узкими глазами. Это лицо показалось Климкову грубымъ, непріятнымъ, большіе рыжіе усы придавали ему что-то солдатское, жесткое.

— Идемте!—сказалъ Маклаковъ. — Они, должно-быть, по ѣдутъ вмѣстѣ. Намъ надо быть поосторожнѣе, пріѣзжій-то бывалый человѣкъ.

На улицѣ, снова нанявъ извозчика, Маклаковъ сердито сказалъ ему:

— Поѣзжай за тѣмъ экипажемъ!

И долго молчалъ, согнувъ спину и раскачиваясь всѣмъ тѣломъ. Потомъ тихо пробормоталъ:

— Въ прошломъ году лѣтомъ былъ я у него при обыскѣ...

— У писателя?—спросилъ Евсей.

— Да. Поѣзжай дальше, извозчикъ! — быстро приказалъ Маклаковъ, замѣтивъ, что передній экипажъ остановился. — Живо!

Черезъ минуту онъ соскочилъ съ пролетки, сунулъ извозчику деньги, сказалъ Евсею:—„Подождите!“—и скрылся въ сырой тьмѣ. Былъ слышенъ его голосъ:

— Извините—это домъ Яковлева?

Кто-то глухо отвѣтилъ:

— Это Перцева.

— А который Яковлева?

— Не знаю.

— Извините...

Прислонясь къ забору, Евсей считалъ замедленные шаги Маклакова и думалъ:

„А просто это—слѣдить за людьми...“

Шпіонъ подошелъ и недовольнымъ голосомъ заговорилъ:

— Намъ здѣсь дѣлать нечего. Завтра съ утра вы одѣнетесь въ другое платье и будете наблюдать за этимъ домомъ.

Онъ зашагалъ по улицѣ, и въ уши Климкова застучала его рѣчь, быстрая, точно дробь барабана:

— Запоминайте лица, костюмы, походку людей, которые будутъ приходить въ эту квартиру. Людей, похожихъ другъ на друга, нѣтъ, каждый имѣетъ что-нибудь свое, вы должны научиться сразу поймать это свое въ человѣкѣ—въ его гла-

захъ, въ голосѣ, въ томъ, какъ онъ держитъ руки на ходу, какъ, здороваясь, снимаетъ шапку. Эта служба прежде всего требуетъ хорошей памяти...

Евсей чувствовалъ, что сыщикъ говоритъ со скрытою непріязнью къ нему, и это его печалило.

— У васъ слишкомъ замѣтное лицо, особенно глаза, это не годится, вамъ нельзя ходить безъ маски, безъ дѣла. По фигурѣ, да и вообще, вы похожи на мелочного торгаша, значитъ, вамъ надо завести ящикъ съ товаромъ — шпильки, иголки, тесемки, ленты и всякая мелочь. Я скажу, чтобы вамъ дали ящикъ и товару — тогда вы можете заходить на кухни, знакомиться съ прислугой...

Онъ замолчалъ, снялъ свою бороду, поправилъ шапку и пошелъ тише.

— Прислуга всегда готова сдѣлать что-нибудь непріятное для господъ, ее легко выспросить. Особенно женщинъ — кухарокъ, нянекъ, горничныхъ. Онѣ любятъ сплетничать. Однако я продрогъ!—другимъ голосомъ закончилъ онъ свое поученіе и спросилъ Климкова:

— Зайдемъ въ трактиръ?

— У меня нѣтъ денегъ.

— Пустяки!

Въ трактирѣ онъ строгимъ тономъ барина спросилъ:

— Рюмку коньяку побольше и пару пива. Вы хотите коньяку?

— Нѣтъ. Я не пью,—отвѣтилъ Евсей сконфуженно.

Шпіонъ внимательно взглянулъ въ лицо Климкова, поправилъ усы, на минуту закрылъ глаза, потянулся всѣмъ тѣломъ такъ, что у него хрустнули кости. А когда выпилъ коньякъ, то снова вполголоса заговорилъ:

— Хорошо, что вы такой молчаливый. О чемъ вы думаете, а?

Евсей опустилъ голову и не сразу отвѣтилъ:

— Обо всемъ, о себѣ.

— Что̀ же именно?

Глаза Маклакова свѣтились мягко, и Евсей искренно отвѣтилъ:

— Думаю, что, можетъ, мнѣ лучше въ монастырь поступить...

— Зачѣмъ?

— Та̀къ.

— Вы въ Бога вѣруете?

Подумавъ, Евсей сказалъ, какъ бы извиняясь:

— Вѣрую! Только я не для Бога, а для себя. Что̀ я Богу?

— Ну, давайте выпьемъ!

Климковъ храбро выпилъ стаканъ пива — оно было холодное, горькое и вызвало у него въ тѣлѣ дрожь. Онъ облизалъ губы языкомъ и вдругъ спросилъ:

— А часто бьютъ васъ?

— Меня? Кто?—удивленно и обиженно воскликнулъ сыщикъ.

— Не васъ, а вообще всѣхъ,—шпіоновъ?

— Надо говорить — агенты, а не шпіоны,—поправилъ его Маклаковъ, усмѣхаясь.—Бьютъ, да, бьютъ! Меня не били...

Онъ задумался, плечи у него опустились, спина согнулась, по бѣлому лицу скользнула тѣнь.

— Должность наша — собачья, люди смотрятъ на насъ... довольно скверно!—тихонько проговорилъ онъ и вдругъ, улыбнувшись всѣмъ лицомъ, наклонился къ Евсею.—Только одинъ разъ за пять лѣтъ я видѣлъ человѣка, — человѣческое отношеніе къ себѣ. Было это у Миронова. Я пришелъ къ нему съ жандармами, въ формѣ околоточнаго надзирателя, нездоровилось мнѣ въ то время, лихорадило, едва на ногахъ стою. Принялъ онъ насъ вѣжливо, немножко будто скопфузился, посмѣивается. Большой такой, руки длинныя, усы — точно у кота. Ходитъ съ нами изъ комнаты въ комнату, всѣмъ говоритъ—вы, задѣнетъ кого-нибудь—извиняется. Неловко всѣмъ около него—и полковнику, и прокурору, и намъ, мелкимъ птицамъ. Всѣ этого человѣка знаютъ, въ газетахъ портреты его печатаются, говорятъ, даже за границей извѣстенъ,—а мы пришли къ нему ночью... совѣстно какъ-то. Вижу я—смотритъ онъ на меня... потомъ подошелъ близко и говоритъ: „Вы бы сѣли, а? Вамъ нездоровится, какъ видно, сядьте!“ Такъ онъ меня этими словами и опрокинулъ. Сѣлъ я. Думаю—уйди отъ меня! А онъ: „Хотите принять порошокъ?“. Всѣ молчатъ, вижу—никто на меня и на него не смотритъ...

Маклаковъ тихо засмѣялся.

— Далъ онъ мнѣ хину въ облаткѣ, а я ее разжевалъ. Во рту — горечь нестерпимая, въ душѣ — бунтъ. Чувствую, что упаду, если встану на ноги. Тутъ полковникъ вмѣшался, велѣлъ меня отправить въ часть, да, кстати, и обыскъ кончился. Прокуроръ извиняется передъ нимъ, говоритъ: долженъ васъ арестовать. „Ну что же,—говоритъ—арестуйте! Всякій дѣлаетъ то, что можетъ“. Такъ это онъ просто сказалъ,—съ улыбкой.

Разсказъ понравился Евсею, онъ мягко дотронулся до сердца, точно обласкалъ его и снова разогрѣлъ желаніе быть нужнымъ и пріятнымъ Маклакову.

„Хорошій человѣкъ!“ — утвердительно подумалъ онъ о сыщикѣ.

А тотъ вздохнулъ, спросилъ себѣ еще рюмку коньяку, медленно выпилъ ее, вдругъ осунулся, похудѣлъ и опустилъ голову на столъ.

Евсею хотѣлось говорить, спрашивать, въ головѣ суматошно мелькали разныя слова, но почему-то не укладывались въ понятную и ясную рѣчь. Наконецъ, послѣ многихъ усилій, Евсей нашелъ о чемъ спросить.

— Онъ тоже на службѣ у враговъ нашихъ?

— Кто?—едва поднявъ голову, спросилъ сыщикъ.

— Писатель-то?

— У какихъ враговъ нашихъ? Что такое?

Евсей смутился — сыщикъ смотрѣлъ, брезгливо скрививъ губы, и въ голосѣ его была слышна насмѣшка. Не дождавшись отвѣта, онъ всталъ, кинулъ на столъ серебряную монету, сказалъ кому-то:—„Запишите",—надѣлъ шапку и, ни слова не говоря Климкову, пошелъ къ двери. Евсей, ступая на носки, двинулся за нимъ, а шапку надѣть не посмѣлъ.

— Завтра къ девяти будьте на мѣстѣ, въ двѣнадцать васъ смѣнятъ, — сказалъ ему Маклаковъ уже на улицѣ, сунулъ руки въ карманы пальто и исчезъ.

„Не простился!" — огорченно думалъ Евсей, идя по пустынной улицѣ.

Когда онъ вступалъ въ полосы свѣта отъ фонарей, шаги его замедлялись, а пространство, окутанное тьмою, онъ безсознательно старался пройти быстрѣе. Онъ чувствовалъ себя худо—со всѣхъ сторонъ его окружала тьма, было холодно, изо рта въ грудь проникалъ клейкій и горькій вкусъ пива, сердце билось неровно, а въ головѣ кружились, точно тяжелые хлопья осенняго снѣга, вялыя мысли.

— Вотъ—день отслужилъ я. Какіе они всѣ,—разные. Кабы я понравился кому-нибудь...

X.

Ночью Евсею приснилось, что его двоюродный братъ Яшка сѣлъ ему на грудь, схватилъ за горло и душитъ. Онъ проснулся и услыхалъ въ комнатѣ Петра его сердитый, сухой голосъ.

— Мнѣ наплевать на государство и на всю эту чепуху...

Засмѣялась женщина, и прозвучалъ чей-то тонкій голосъ:

— Ш-ш! Не ори!

— У меня нѣтъ времени разбирать, кто правъ, кто виноватъ — я не дуракъ. Я молодъ, мнѣ надо жить. Онъ мнѣ,

подлецъ, лекціи читаетъ о самодержавіи, а я четыре часа лакеемъ метался около всякой сволочи, у меня ноги ноютъ, спина отъ поклоновъ болитъ. Коли тебѣ самодержавіе дорого, такъ ты денегъ не жалѣй, а за грошъ гордость мою я никому не уступлю, подите вы къ чорту!

Евсей посмотрѣлъ сонными глазами въ окно, взглядъ его потерялся въ сонной глубинѣ осенняго утра, ослѣпленный, онъ тихо свалился въ постель и снова заснулъ.

А черезъ нѣсколько часовъ онъ сидѣлъ на тумбѣ противъ дома Перцева. Онъ долго ходилъ взадъ и впередъ по улицѣ мимо этого дома, сосчиталъ въ немъ окна, измѣрилъ шагами его длину, изучилъ расплывшееся отъ старости сѣрое лицо дома во всѣхъ подробностяхъ и наконецъ усталъ. Но отдыхать ему пришлось недолго—изъ двери вышелъ писатель въ накинутомъ на плечи пальто, безъ галошъ, въ шапкѣ, сдвинутой на бокъ, и пошелъ черезъ улицу прямо на него.

„Въ морду дастъ!“ — подумалъ Евсей, глядя на суровое лицо и нахмуренныя рыжія брови. Онъ попробовалъ встать, уйти—и не могъ, окованный страхомъ.

— Вы чего тутъ сидите?—раздался сердитый голосъ.

— Такъ.

— Ступайте прочь!

— Я не могу...

— Вотъ письмо, — идите, отдайте его тому, кто васъ послалъ сюда.

— Не могу я.

— Почему?

Большіе, синіе глаза приказывали, ослушаться ихъ взгляда не было силъ. Отвернувъ лицо въ сторону, Евсей пробормоталъ:

— Н-не имѣю разрѣшенія принимать отъ васъ что-нибудь и разговаривать тоже... я — уйду...

— Да, уходите! — приказалъ писатель и зачѣмъ-то улыбнулся хмурой улыбкой.

Климковъ взялъ сѣрый конвертъ, пошелъ. Не спрашивая себя, куда идетъ, онъ держалъ конвертъ въ правой рукѣ на высотѣ груди, какъ что-то убійственное, грозящее невѣдомымъ несчастіемъ. Пальцы у него ныли точно отъ холода, и въ головѣ настойчиво стучала пугливая мысль:

„Что же будетъ со мной?..“

Но вдругъ онъ увидѣлъ, что конвертъ не заклеенъ, это поразило его, онъ остановился, оглянулся, быстро вынулъ письмо и прочиталъ:

„Уберите прочь отъ меня этого болвана. Мироновъ“.

Евсей облегченно вздохнулъ.

— Надо это отдать Маклакову. Обругаетъ онъ меня. Можетъ-быть, воротиться мнѣ туда? Не надо, все равно скоро придетъ другой...

Страхъ исчезъ, но было грустно отъ сознанія своей непригодности къ дѣлу и тяжело при мысли о томъ, что снова не удалось угодить сыщику, который такъ нравился.

Онъ засталъ Маклакова за обѣдомъ въ компаніи съ маленькимъ, косоглазымъ человѣкомъ, одѣтымъ въ черное.

— Знакомьтесь. Климковъ, Красавинъ.

Евсей сунулъ руку въ карманъ за письмомъ и смущенно сказалъ:

— Вышло такъ, что...

Маклаковъ протянулъ къ нему руку.

— Разскажете послѣ! Садитесь, ѣшьте!

Лицо у него было усталое, глаза потускнѣли, бѣлые, прямые волосы растрепались.

„Видно, напился вчера!“ — подумалъ Евсей.

— Нѣтъ, Тимоѳей Васильевичъ, — холодно и внушительно заговорилъ косоглазый человѣкъ.—Это вы напрасно. Во всякомъ дѣлѣ имѣется своя пріятность, когда дѣло любишь.

Маклаковъ взглянулъ на него и залпомъ выпилъ большую рюмку водки.

— Они—люди, мы—люди, но это ничего не значитъ! Одинъ говоритъ такъ, другой этакъ, а я, между прочимъ, дѣлаю, что̀ мнѣ нравится.

Косой замѣтилъ, что Евсей смотритъ на его разбѣгающіеся глаза, и надѣлъ очки въ оправѣ изъ черепахи. Онъ двигался мягко и ловко, точно черная кошка, зубы у него были мелкіе, острые, носъ прямой и тонкій; когда онъ говорилъ, розовыя уши шевелились. Кривые пальцы все время быстро скатывали въ шарики мякишъ хлѣба и раскладывали ихъ по краю тарелки.

— Подручный?—спросилъ онъ, кивнувъ головой на Евсея.

— Да.

— Какъ идутъ дѣлишки, молодой человѣкъ?

— Я еще только вчера началъ.

— А-а!—Красавинъ кивнулъ головой и, пощипывая тонкій, темный усъ, плавно заговорилъ:—Конечно, Тимоѳей Васильевичъ, судьбѣ жизни на хвостъ не наступишь; по закону Господа Бога, дѣти растутъ, старики умираютъ; только все это насъ съ тобой не касается—мы получили свое назначеніе — намъ указали: ловите нарушающихъ порядокъ и законъ, и больше ничего! Дѣло трудное, дѣло умное, если взять его на сравненіе—оно въ родѣ охоты...

Маклаковъ всталъ изъ-за стола, отошелъ въ уголъ и оттуда помахалъ Евсея къ себѣ.

— Ну что?

Евсей отдалъ ему конвертъ. Сыщикъ прочиталъ письмо, удивленно взглянулъ въ лицо Климкова, прочиталъ еще разъ и тихо спросилъ:

— Это откуда?

Евсей смущенно шопотомъ отвѣтилъ:

— Онъ самъ далъ. Вышелъ на улицу...

Ожидая ругательства или удара, онъ согнулъ шею, но услыхалъ тихій смѣхъ и осторожно поднялъ голову. Сыщикъ смотрѣлъ на конвертъ, широко улыбаясь, глаза у него весело блестѣли.

— Эхъ, вы, чудакъ!—сказалъ онъ.—Ужъ вы молчите объ этомъ, чудакъ!

— Можно поздравить съ удачнымъ дѣльцемъ? — спросилъ Красавинъ.

— Можно, да!—подходя къ нему, громко сказалъ Маклаковъ.

— Вотъ хорошо, молодой человѣкъ!—поощрительно замѣтилъ косой, его зрачки сошлись у переносья, въ нихъ сверкнули зеленыя искры, а ноздри вздрогнули и расширились.

— А японцы насъ все-таки вздули, Гаврила!—весело воскликнулъ Маклаковъ, потирая руки.

— Радости твоей въ такомъ случаѣ никакъ не могу принять!—сказалъ Красавинъ, двигая ушами. — Хотя это и поучительно, какъ многіе выражаются, но все же пролита русская кровь и обнаружена недостача силы.

— А кто виноватъ?

— Японецъ. Чего ему надо? Всякое государство должно жить внутри себя.

Они заспорили, но Евсей, обрадованный отношеніемъ Маклакова, не слушалъ ихъ. Онъ смотрѣлъ въ лицо сыщика и думалъ, что хорошо бы жить съ нимъ, а не съ Петромъ, который ругаетъ начальство и за это можетъ быть арестованъ, какъ арестовали Дудку.

Красавинъ ушелъ. Маклаковъ выпулъ письмо, прочиталъ его еще разъ и засмѣялся, глядя на Евсея.

— Такъ вы объ этомъ ни слова, никому! Понимаете? Онъ самъ вышелъ?

— Да. Вышелъ и говоритъ: ступай прочь!

И Евсей виновато улыбнулся.

— Видите? Другой бы на его мѣстѣ по шеѣ васъ погладилъ.

Сыщикъ, прищуривъ глаза, посмотрѣлъ въ окно и медленно проговорилъ:

— Да-а... А вамъ нужно заняться торговлей, я вамъ говорилъ. Сегодня вы свободны, у меня нѣтъ порученій для васъ. Идите, гуляйте. Я постараюсь на-дняхъ устроить васъ иначе. До свиданья!

Онъ протянулъ руку, Евсей благодарно коснулся ея и ушелъ счастливый.

XI.

Черезъ нѣсколько недѣль онъ почувствовалъ себя болѣе свободно и ловко.

Утромъ каждаго дня, тепло и удобно одѣтый, съ ящикомъ мелкаго товара на груди, онъ являлся въ одинъ изъ трактировъ, гдѣ собирались шпіоны, въ полицейскій участокъ или на квартиру товарища по службѣ, тамъ ему давали простыя, понятныя задачи: ступай въ такой-то домъ, познакомься съ прислугой, разспроси, какъ живутъ хозяева. Онъ шелъ и, если ему удавалось проникнуть въ кухню указанной квартиры, на первый разъ онъ старался подкупить прислугу дешевой цѣной товара, маленькими подарками, а потомъ осторожно выспрашивалъ то, о чемъ ему было приказано узнать. Когда онъ чувствовалъ, что собранныхъ свѣдѣній недостаточно, то дополнялъ ихъ изъ своей головы, выдумывая недостающее по плану, который нарисовалъ ему старый, жирный и чувствительный Соловьевъ.

— Человѣки эти, которые намъ интересны,—говорилъ онъ слащаво и самодовольно,—всѣ имѣютъ одинаковыя привычки—въ Бога не вѣруютъ, въ храмы не ходятъ, одѣваются плохо, но въ обращеніи вѣжливы. Читаютъ много книгъ, по ночамъ сидятъ долго, часто собираютъ гостей, однако вина пьютъ мало и въ карты не играютъ. Говорятъ объ иностранныхъ государствахъ и порядкахъ, о рабочемъ соціализмѣ и полной свободѣ для людей. Также о бѣдномъ народѣ и что нужно бунтовать его противъ государя нашего, перебить все правительство, занять высшія должности и посредствомъ соціализма снова устроить крѣпостное право—а при немъ для нихъ будетъ полная свобода.

Теплый голосъ шпіона оборвался, онъ покашлялъ и чувствительно вздохнулъ.

— Свобода? Это, конечно, всякому пріятно и хочется. Но дайте мнѣ ее, такъ я, можетъ-быть, первымъ злодѣемъ земли стану, вотъ что! Даже ребенку невозможно дать полной свободы; святые отцы—угодники Божіи, но, однако, подвергались искушенію плоти и грѣшили самымъ лучшимъ образомъ. Не свободой, а страхомъ связана жизнь людей—повиновеніе за-

копу необходимо для человѣка! Революціонеры же закона отрицаются. Составляютъ они двѣ партіи—одна сейчасъ же хочетъ перебить бомбами и другими способами министровъ и царевыхъ вѣрныхъ людей; другая — послѣ, дескать, сначала общій бунтъ, а потомъ ужъ всѣхъ сразу казнимъ!

Соловьевъ задумчиво возвелъ глаза вверхъ и, помолчавъ, продолжалъ:

- Разобрать ихъ политику намъ трудно, можетъ, они тамъ... дѣйствительно что-нибудь понимаютъ, но для насъ все это вредныя мечты—мы исполняемъ волю царя, помазанника Божія, онъ за насъ и отвѣчаетъ передъ Богомъ, а мы должны дѣлать, что̀ велятъ. А чтобы войти въ довѣріе къ революціонерамъ, надо жаловаться: жизнь, молъ, очень трудна для бѣдныхъ, полиція обижаетъ и законовъ никакихъ нѣтъ! Хотя они люди злодѣйскаго направленія, но легковѣрны, и на эту удочку ихъ всегда поймаешь. Съ прислугою ихней веди себя умѣючи, прислуга у нихъ тоже бываетъ не глупа. Въ нужномъ мѣстѣ уступай товаръ подешевле, чтобы къ тебѣ привыкли, чтобы тебя цѣнили, но подозрѣній опасайся. Что̀ такое? Продаетъ дешево и на вопросы любопытенъ. Лучше всего заводи себѣ подружекъ—какую-нибудь этакую шишечку грудастенькую, горяченькую, и будетъ тебѣ съ нею всячески хорошо. Она тебѣ и рубашку сошьетъ, и ночевать позоветъ, и все, что̀ велишь, узнаетъ, разнюхаетъ, этакая мышка мяконькая! Черезъ женщину далеко можно руку протянуть...

Этотъ круглый человѣкъ съ волосатыми руками, толстогубый и рябой, чаще всѣхъ говорилъ о женщинахъ. Онъ понижалъ свой мягкій голосъ до шопота, шея у него потѣла, ноги безпокойно двигались, и темные глаза безъ бровей и рѣсницъ наливались теплымъ масломъ. Тонко воспринимавшій запахи, Евсей находилъ, что отъ Соловьева всегда пахнетъ горячимъ, жирнымъ, испорченнымъ мясомъ.

Когда Евсей служилъ въ полиціи, тамъ разсказывали о шпіонахъ, какъ о людяхъ, которые все знаютъ, все держатъ въ своихъ рукахъ, всюду имѣютъ друзей и помощниковъ, могли бы сразу поймать всѣхъ опасныхъ людей и не дѣлаютъ этого только потому, что не хотятъ лишить себя службы на будущее время. Вступая въ охрану, каждый изъ нихъ даетъ клятву никого не жалѣть, ни мать, ни отца, ни брата, и ни слова не говорить другъ другу о тайномъ и страшномъ дѣлѣ, которому они поклялись служить всю жизнь.

Евсей ожидалъ увидѣть фигуры суровыя, ему казалось, что они должны говорить мало, рѣчи ихъ непонятны для простыхъ людей, и каждый изъ нихъ обладаетъ чудесной

розорливостью колдуна, умѣющаго читать мысли человѣка знающаго всѣ тайны жизни.

Теперь, зорко наблюдая за ними, онъ ясно видѣлъ, что эти юди не носятъ въ себѣ ничего необычнаго, а для него они е хуже, не опаснѣе другихъ. Казалось даже, что они живутъ ружнѣе, чѣмъ вообще принято у людей, откровенно разска-ываютъ о своихъ ошибкахъ и неудачахъ, часто и весело мѣются сами надъ собой и всѣ вмѣстѣ одинаково усердно, отя и съ разной силой злости, ругаютъ свое начальство.

Между ними чувствовалась тѣсная связь, была замѣтна аботливость другъ о другѣ—иногда случалось, что кто-ни-удь опаздывалъ или не являлся на свиданіе, и всѣ искренно еспокоились о немъ, посылали Евсея, Зарубина или еще ого-нибудь изъ многочисленной группы „новичковъ", „под-учныхъ" искать пропавшаго въ другихъ мѣстахъ свиданій. росалось въ глаза отсутствіе жадности къ деньгамъ у боль-инства, готовность подѣлиться ими съ товарищемъ, который роигрался въ карты или прокутилъ свои рубли. Всѣ они юбили азартныя игры, ихъ, какъ дѣтей, занимали фокусы ъ картами, и они завидовали ловкости шуллеровъ.

Съ восторгомъ и завистью сообщали другъ другу о куте-ахъ начальства, подробно описывали тѣлосложеніе знако-ыхъ распутницъ и жарко спорили о разныхъ пріемахъ поло-ыхъ сношеній. Большинство были холостые, почти всѣ олоды, и для каждаго женщина являлась чѣмъ-то въ родѣ одки,—она успокаивала, усыпляла, съ нею отдыхали отъ ревогъ собачьей службы. Почти каждый имѣлъ въ карманѣ еприличныя фотографіи, ихъ разсматривали съ жадностью при этомъ говорили пакости, возбуждавшія у Евсея острое, ьяняющее любопытство, и иногда—недовѣріе и тошноту. нъ уже зналъ, что нѣкоторые изъ нихъ занимаются педе-астіей и мужеложествомъ, очень многіе заражены секретными олѣзнями, и всѣ обильно пили, мѣшая водку съ пивомъ, иво съ коньякомъ, всегда стремясь опьянѣть возможно орѣе.

Только немногіе вкладывали въ свою службу горячее увле-ніе, охотницкій задоръ, хвастались своей ловкостью, то-рщились и рисовали себя героями; большинство же дѣлало ое дѣло скучно и устало.

Въ разговорахъ о людяхъ, которыхъ они выслѣживали, къ звѣрей, почти никогда не звучала яростная ненависть, нным ключомъ кипѣвшая въ рѣчахъ Саши. Выдѣлялся льниковъ, тяжелый, волосатый человѣкъ съ густымъ реву-нмъ голосомъ, онъ ходилъ, странно нагибая шею, его темные

глаза всегда чего-то напряженно ждали, онъ мало говорил, но Евсею казалось, что этотъ человѣкъ неустанно думает о страшномъ. Былъ замѣтенъ Красавинъ холодной злобностью и Соловьевъ сладкимъ удовольствіемъ, съ которымъ он говорилъ о побояхъ, о крови и женщинахъ.

Среди молодежи суетился Яковъ Зарубинъ. Всегда оза боченный, онъ ко всѣмъ подбѣгалъ съ вопросами, слуша разговоры о революціонерахъ, сердито хмурилъ брови и что-то записывалъ въ маленькую книжку. Старался услужи всѣмъ крупнымъ сыщикамъ и явно не нравился никому, на его книжку смотрѣли подозрительно.

О революціонерѣ большинство говорило равнодушно, как о человѣкѣ непонятномъ и надоѣвшемъ; иногда насмѣшливо какъ о забавномъ чудакѣ; порою съ досадой, точно о ребенк который озорничаетъ и заслуживаетъ наказанія. Евсею стал казаться, что всѣ революціонеры—пустые люди, не серьезны они сами не знаютъ, чего хотятъ, и только вносятъ въ жизн смуту, безпорядокъ.

Однажды Евсей спросилъ Петра:

— Вотъ вы говорите, что они, революціонеры-то, нѣмцам подкуплены, а теперь говорятъ не то...

— Что—не то?—спросилъ съ досадою Петръ.

— Что бѣдные они и глупые,—а про нѣмцевъ никто н говоритъ...

— Поди ты, братъ, къ чорту! Не все ли тебѣ равн Дѣлай, что велятъ—твоя масть бубны и ходи съ бубенъ!

Вообще о дѣлахъ службы разсуждали вяло и неохотно, постоянно кто-нибудь говорилъ собесѣднику:

— Ничего ты, братъ, не понимаешь.

— А ты?

— Такъ я и молчу.

Отъ Саши Климковъ старался держаться возможно дальше— запахъ іодоформа и гнусавый, злой голосъ отталкивали Евсе зловѣщее лицо больного пугало его.

— Мерзавцы!—кричалъ Саша, ругая начальство.—Д даютъ милліоны, они бросаютъ намъ гроши и сотни тыс тратятъ на бабенокъ да разныхъ баръ, которые будто работаютъ въ обществѣ. Революціи дѣлаетъ не общество, барство—это надо знать, идіоты; революція растетъ вни въ землѣ, въ народѣ. Дайте мнѣ пять милліоновъ—чере одинъ мѣсяцъ я вамъ подниму революцію на улицы, я в тащу ее изъ темныхъ угловъ на свѣтъ. Души!

Онъ всегда создавалъ страшные планы поголовнаго истр бленія вредныхъ людей, топалъ ногами, вытягивая впере

дрожащія руки, и рвалъ воздухъ желтыми пальцами. Его лицо становилось свинцовымъ, красные глаза странно тускнѣли, изо рта у него брызгала слюна.

Было видно, что всѣ относятся къ нему брезгливо, но боятся его и хотятъ скрыть отвращеніе къ его болѣзни. Одинъ Маклаковъ спокойно уклонялся отъ тѣснаго общенія съ больнымъ и даже не подавалъ ему руки, здороваясь или прощаясь.

Ругая всѣхъ товарищей дураками, насмѣхаясь надъ каждымъ, Саша замѣтно выдѣлялъ Маклакова на особое мѣсто, говорилъ съ нимъ всегда серьезно, видимо охотнѣе, чѣмъ съ другими, и даже за глаза не бранилъ его.

Однажды, когда Маклаковъ вышелъ, не простясь съ нимъ по обыкновенію, Саша сказалъ:

— Брезгуетъ мною дворянинъ! Имѣетъ право, чортъ его возьми! Его предки жили въ комнатахъ высокихъ, они дышали чистымъ воздухомъ, ѣли здоровую пищу, носили чистое бѣлье. И онъ тоже. А я—мужикъ, родился и воспитывался, какъ животное, въ грязи, во вшахъ, на черномъ хлѣбѣ съ мякиной. У него кровь лучше моей, ну да! И кровь и мозгъ.

Помолчавъ, онъ прибавилъ тише и угрюмо, безъ насмѣшки въ голосѣ:

— О равенствѣ людей говорятъ, идіоты. И обманщики! Проповѣдуетъ равенство баринъ, потому что онъ безсильная сволочь и самъ ничего не можетъ сдѣлать. Ты такой же человѣкъ, какъ и я, сдѣлай же такъ, чтобы я могъ лучше жить—вотъ теорія равенства...

Его рѣчи не возбуждали отклика въ другихъ шпонахъ, его ожесточеніе не волновало ихъ; они слушали вой Саши молча и равнодушно, и только большой Мельниковъ, занимавшійся сыскомъ среди рабочихъ, угрюмо поддакивалъ ему:

— Да, всѣ обманщики...

И, утвердительно опуская лохматую, темную голову, онъ крѣпко сжималъ волосатые кулаки.

— Ихъ нужно убивать, какъ мужики убиваютъ конокрадовъ!—взвизгивалъ Саша.

— Убивать—это жирно будетъ, но иной разъ въ ухо свистнуть барина очень хочется!—сказалъ сыщикъ Чашинъ, знаменитый бильярдный игрокъ, кудрявый, тонкій, остроносый.— Возьмемъ такой подлый случай; играю я, назадъ тому съ недѣлю, у Кононова въ гостиницѣ съ какимъ-то господиномъ, вижу—личность словно знакома, ну—всѣ курицы въ перьяхъ! Онъ тоже присматривается—гляди, я не полиняю! Обставилъ

я его на трешницу и полдюжины пива, пьемъ, вдругъ онъ встаетъ и говоритъ:—„Я васъ узналъ! Вы—сыщикъ! Когда, говоритъ, я былъ въ университетѣ, то по вашей милости четыре мѣсяца въ тюрьмѣ торчалъ, вы, говоритъ, подлецъ!" Я сначала струсилъ, но сейчасъ же и меня за сердце взяло: сидѣли вы, говорю, никакъ не по моей милости, а за политику вашу, и это меня не касается; а вотъ я почти годъ бѣгалъ за вами днемъ и ночью во всякую погоду, да тринадцать дней больницы схватилъ—это вѣрно! Тоже выговариваетъ, свинья! Наѣлъ себѣ щеки, какъ попъ, часы у него золотые, въ галстукѣ булавка съ камнемъ...

Акимъ Грохотовъ, благообразный человѣкъ съ подвижнымъ лицомъ актера, замѣтилъ:

— И я такихъ знаю. Въ молодости онъ кверху ногами ходитъ, а какъ придутъ серьезные года, гуляетъ смирно вокругъ своей жены и, пропитанія ради, хоть къ намъ въ охрану готовъ. Законъ природы!..

— Есть среди нихъ, которые кромѣ революціи ничего не умѣютъ дѣлать, это самые опасные!—сказалъ Мельниковъ.

— Д-да! — точно выстрѣливъ, воскликнулъ Красавинъ, жадно раскидывая свои косые глаза.

Однажды Петръ, проигравшійся въ карты, устало и озлобленно спросилъ:

— Когда кончится вся эта канитель?

Соловьевъ поглядѣлъ на него и пожевалъ толстыми губами.

— Намъ о такомъ предметѣ не указано разсуждать. Наше дѣло простое—взялъ опасное лицо, намѣченное начальствомъ, или усмотрѣлъ его своимъ разумомъ, собралъ справочки, установилъ наблюденіе, подалъ рапортички начальству и—какъ ему угодно! Пусть хоть съ живыхъ кожицу сдираетъ—политика насъ не касается! Былъ у насъ служащій агентъ, Соковнинъ Гриша, онъ тоже вотъ началъ разсуждать и кончилъ жизнь свою при посредствѣ чахотки, въ тюремной больницѣ...

Чаще всего бесѣды развивались такъ.

Вѣковъ, парикмахеръ, всегда одѣтый пестро и модно, скромный и тихій, сообщалъ:

— Вчера троихъ арестовали.

— Экая новость!—равнодушно отзывался кто-нибудь.

Но Вѣковъ непремѣнно желалъ разсказать товарищамъ все, что онъ знаетъ, въ его маленькихъ глазкахъ загоралась искра тихаго упрямства, и голосъ звучалъ вопросительно.

— На Никитской, кажется, господа революціонеры опять что-то затѣваютъ—очень суетятся.

— Дурачье! Тамъ всѣ дворники ученые.

— Большая это помощь намъ, дворники.

— Н-да!

— Однако,—осторожно говорилъ Вѣковъ,—дворника можно одкупить.

— И тебя тоже. Всякаго человѣка можно подкупить, это ло цѣны.

— Слышали, братцы, вчера Сѣкачевъ семьсотъ рублей игралъ?

— Какъ же, онъ передергиваетъ!

— Д-да, не шуллеръ, а молодой богъ!

Вѣковъ оглядывался, конфузливо улыбаясь, потомъ молча тщательно оправлялъ свой костюмъ.

— Новая прокламація явилась!—сообщалъ онъ въ другой зъ.

— Много ихъ! Чортъ ихъ знаетъ, которая новая!

— Въ нихъ большое зло.

— Ты читалъ?

— Нѣтъ. Филиппъ Филипповичъ говорилъ. Сердится.

— Начальники всегда сердятся—таковъ законъ природы!— дыхая, замѣчалъ Грохотовъ.

— Кто читаетъ эти прокламаціи!

— Ну, читаютъ! И даже очень...

— Такъ что? Я тоже читалъ, а брюнетомъ не сдѣлался, къ былъ, такъ и есть рыжеватый. Дѣло не въ проклама- ихъ, а въ бомбахъ.

— Конечно!

— Прокламація—она не взорветъ...

Но о бомбахъ, видимо, не любили говорить, и почти каж- й разъ, когда кто-нибудь вспоминалъ о нихъ, всѣ усиленно рались свести разговоръ на другія темы.

— Въ Казани на сорокъ тысячъ золотыхъ вещей украдено!

— Вотъ это—кусокъ!

— С-сорокъ тысячъ,—э-эхъ!

Кто-нибудь оживленно и тревожно справлялся:

— Поймали воровъ?

— Поймаютъ!—съ грустью предрекалъ другой.

— Ну, когда еще это будетъ, а той порою люди поживутъ удовольствіемъ...

И всѣхъ охватывалъ туманъ зависти, люди погружались мечты о кутежахъ, широкой игрѣ, дорогихъ женщинахъ. Мельниковъ болѣе другихъ интересовался ходомъ войны часто спрашивалъ Маклакова, внимательно читавшаго оты:

— Все еще бьютъ насъ?

— Бьютъ.

— Какая же причина? — недоумѣнно, выкатывая глаз восклицалъ Мельниковъ.—Народу мало, что ли?

— Ума не хватаетъ!—сухо отзывался Маклаковъ.

— Рабочіе недовольны. Не понимаютъ. Говорятъ—генера подкуплены...

— Это навѣрное!—вмѣшался Красавинъ.—Они же всѣ русскіе,—онъ скверно выругался,—что̀ имъ наша кровь?..

— Кровь дешевая!—сказалъ Соловьевъ и странно улыбнул

Вообще же о войнѣ говорили неохотно, какъ бы стѣсня другъ друга, точно каждый боялся сказать какое-то опас слово. Въ дни пораженій всѣ пили водку больше обычна а напиваясь пьяными, ссорились изъ-за пустяковъ. Въ та дни Евсей, желая избѣжать возможной драки, незамѣт уходилъ домой въ свою пустую комнату и тамъ думалъ жизни шпіоновъ. Ихъ было много, становилось все больш всѣ они казались Климкову несчастными, всѣ были одино и онъ жалѣлъ ихъ своей безцвѣтной жалостью. Ему пра лось бывать въ средѣ этихъ людей, слушать ихъ рѣчи. Е во время бесѣды присутствовалъ Саша, онъ вскипалъ ругался:

— Выродки! Вы ничего не понимаете, вы не можете п нять смысла дѣла, выродки!

Въ отвѣтъ ему иные улыбались извиняющейся улыбк другіе хмуро молчали, иногда кто-нибудь негромко говорил

— За сорокъ рублей въ мѣсяцъ не много поймешь...

— Васъ уничтожить надо!—взвизгивалъ Саша.

Видя, что всѣ не любятъ Сашу, Климковъ тоже все бол не любилъ его.

Многіе болѣли постояннымъ страхомъ побоевъ и смер нѣкоторымъ, какъ Елизару Титову, приходилось лѣчить отъ страха въ домѣ для душевно-больныхъ.

— Играю вчера въ клубѣ,—сконфуженно разсказыва Петръ,—чувствую — въ затылокъ давитъ и спинѣ холод Оглянулся—стоитъ въ углу высокій мужчина и смотритъ меня, какъ будто вершками мѣряетъ. Не могу играть! Вста изъ-за стола, вижу — онъ двигается въ углу. Я — задни ходомъ да бѣгомъ по лѣстницѣ, на дворъ, на улицу. А дальш не могу итти, не могу! Все кажется, что онъ сзади шагает Крикнулъ извозчика, ѣду, сижу бокомъ, оглядываюсь назад Вдругъ онъ откуда-то появился впереди и шагаетъ чере улицу, прямо передъ лошадью—можетъ, это и не онъ, тутъ ужъ не думаешь—ка-акъ я закричу! Онъ остановил

я изъ пролетки прыгнулъ, да—бѣгомъ. Извозчикъ—за мной! у и бѣжалъ я, чортъ возьми!

— Бываетъ!—улыбаясь сказалъ Грохотовъ.—Человѣкъ чело-ка долженъ опасаться, таковъ законъ природы...

Красавинъ пришелъ однажды блѣдный, потный, глаза его тановились, онъ сдавилъ себѣ виски и тихо, угрюмо со-щилъ:

— Ну вотъ,—за мной пошли..

— Кто?

— Вообще...

Соловьевъ попробовалъ успокоить его.

— Всѣ люди ходятъ, Гаврилушка...

— Я по шагамъ слышу—это за мной!

И болѣе двухъ недѣль Евсей не видѣлъ Красавина.

Шпіоны относились къ Климкову добродушно, и если порою ѣялись надъ нимъ, этотъ смѣхъ не оскорблялъ Евсея. тда же онъ самъ огорчался своими ошибками, они утѣ ли его:

— Привыкнешь! Пройдетъ это.

Онъ плохо понималъ, когда шпіоны занимаются своими лами, ему казалось, что бо́льшую часть дня они проводятъ трактирахъ, а на развѣдки посылаютъ новичковъ и такихъ ромныхъ людей, какъ онъ.

Ему было извѣстно, что сзади всѣхъ, кого онъ знаетъ, ятъ еще другіе шпіоны, отчаянные, безстрашные люди, и вертятся среди революціонеровъ, ихъ называютъ прово-торами, они-то и работаютъ больше всѣхъ, они и напра-яютъ всю работу. Ихъ мало, начальство очень цѣнитъ кихъ людей, а уличные шпіоны единодушно не любятъ ихъ гордость и завидуютъ имъ.

Однажды Грохотовъ указалъ Евсею на улицѣ одного изъ кихъ людей.

— Глядите, Климковъ, скорѣе!..

По тротуару шелъ высокій, плотный мужчина съ бѣло-рыми волосами. Волосы онъ зачесалъ назадъ, они красиво дали изъ-подъ шляпы на плечи, лицо у него было большое, агородное, съ пышными усами. Одѣтый солидно, онъ оста-лъ впечатлѣніе важнаго, сытаго барина.

— Вотъ какой!—съ гордостью сказалъ Грохотовъ.—Хо-пъ? Гвардія наша, да-а! Двѣнадцать человѣкъ бомбистовъ далъ, самъ съ ними бомбы готовилъ—хотѣли министра рвать—самъ ихъ всему научилъ и выдалъ! Ловко?

— Да-а,—сказалъ Евсей, удивленный солидностью этого овѣка, такъ непохожаго на суетливыхъ уличныхъ шпіоновъ.

— Гдѣ они какіе, настоящіе-то! говорилъ Грохотовъ. Онъ самъ въ министры годится, имѣетъ фигуру и лицо! ты что? Холоднаго барина нищій народъ...

Евсей вздохнулъ—великолѣпный шпіонъ возбудилъ у н зависть.

Готовый служить всѣмъ и каждому за добрый взгляд ласковое слово, онъ покорно бѣгалъ по городу, слѣдилъ, р спрашивалъ, доносилъ, а если угождалъ, то искренно ра вался и росъ въ своихъ глазахъ. Работалъ онъ много, сил уставалъ, думать ему было некогда.

А сдержанный, серьезный Маклаковъ казался Евсею луч чище всѣхъ людей, какихъ онъ видѣлъ до этой поры. всегда хотѣлось о чемъ-то спросить, хотѣлось что-то р сказать ему о себѣ—такое задумчивое и привлекатель лицо было у этого молодого шпіона.

Иногда онъ спрашивалъ:

— Тимоѳей Васильевичъ, а революціонеры сколько по чаютъ въ мѣсяцъ?

Свѣтлые глаза Маклакова покрывались легкой тѣнью.

— Вздоръ ты говоришь!—негромко, но сердито отвѣча онъ.

XII.

Дни шли быстро, суетливо, однообразно; порою Евсею залось, что такъ они и пойдутъ далеко въ будущее, пестр крикливые, наполненные уже привычною бѣготнею, знакомы рѣчами. Эта мысль охватывала сердце холодной скукой, т ослабляющей лѣнью, все, и внутри и снаружи, становил пустымъ, и Климковъ точно скользилъ куда-то въ бездонн яму.

Но среди зимы вдругъ все вздрогнуло, пошатнулось, лю тревожно раскрыли глаза, замахали руками, начали ярост спорить, ругаться и какъ-то растерянно затоптались на одно мѣстѣ, точно тяжело ушибленные и ослѣпшіе отъ удара.

Началось это съ того, что однажды вечеромъ, придя охранное отдѣленіе со спѣшнымъ докладомъ о своихъ р спросахъ, Климковъ встрѣтилъ тамъ что-то необычное и н понятное—чиновники, агенты, писаря и филеры какъ буд надѣли новыя лица, всѣ были странно непохожи сами себя, чему-то удивлялись и какъ будто радовались, говоря то очень тихо, таинственно, то громко и злобно. Безсмысле бѣгали изъ комнаты въ комнату, прислушиваясь къ слова другъ друга, подозрительно прищуривали тревожные гла покачивая головами, вздыхали, вдругъ останавливались и сно

всѣ сразу начинали спорить. Казалось, что въ комнатѣ широкими кругами леталъ вихрь страха и недоумѣнія, онъ носитъ людей, какъ соръ, сметаетъ въ кучи и разбрасываетъ во всѣ углы, играя безсиліемъ ихъ. Климковъ, стоя въ углу, смотрѣлъ пустыми глазами на это смятеніе и напряженно слушалъ.

Согнувъ крѣпкую шею, вытягивая впередъ голову, Мельниковъ хватаетъ людей за плечи волосатой рукой.

— Почему же это народъ?—раздается его низкій, глухой голосъ.

— Свыше ста тысячъ, сказано...

— Такъ что̀? Народъ долженъ жить обыкновенно...

— Убитыхъ—сотни, а? Раненыхъ!—кричитъ Соловьевъ.

И откуда-то доносится противный, рѣжущій ухо голосъ Саши:

— Попа надо было поймать,—это прежде всего, идіоты!

Раскидывая косые глаза во всѣ стороны, идетъ Красавинъ, онъ заложилъ руки за спину и кусаетъ губы. Рядомъ съ Евсеемъ сталъ тихонькій Вѣковъ и, перебирая пальцами пуговицы своего жилета, сказалъ:

— Вотъ до чего достигли,—Господи Боже мой! Кровопролитіе,—какъ думаете, а?

— Что̀ случилось?—такъ же тихо спросилъ Евсей.

Вѣковъ осторожно оглянулся, взялъ Климкова за рукавъ и вполголоса сообщилъ:

— Сегодня утромъ въ Петербургѣ народъ со священникомъ и хоругвями пошелъ до государя императора,—понимаете,—а его не допустили, войско выставлено было, и произошло кровопролитіе...

Мимо нихъ пробѣжалъ красивый, солидный господинъ Леонтьевъ, онъ взглянулъ на Вѣкова сквозь стекла пенснэ и спросилъ:

— Гдѣ Филиппъ Филипповичъ?

И исчезъ, не ожидая отвѣта, а Вѣковъ, вздрогнувъ, убѣжалъ за нимъ. Евсей на минуту закрылъ глаза и во тьмѣ старался понять смыслъ сказаннаго ему. Онъ легко представилъ себѣ массу народа, идущаго по улицамъ крестнымъ ходомъ, но не понималъ—зачѣмъ войска стрѣляли, и ему не вѣрилось въ это. Волненіе захватывало его, было неловко, тревожно, хотѣлось суетиться вмѣстѣ съ ними, но, не рѣшаясь подойти къ знакомымъ шпіонамъ, онъ подвигался все глубже въ уголъ.

Мимо него шагали люди, казалось, что всѣ они тоже торопливо ищутъ уютнаго уголка, чтобы стать въ немъ и собраться съ мыслями.

Явился Маклаковъ. Онъ сталъ около двери, сунулъ руки въ карманы и исподлобья посмотрѣлъ на всѣхъ. Къ нему подошелъ Мельниковъ.

— Это они изъ-за войны?

— Не знаю.

— А отчего же еще? Если это былъ народъ... А можетъ, просто ошибка какая-нибудь, а? Чего они просили—ты знаешь?

— Конституціи!—отвѣтилъ Маклаковъ.

Угрюмый шпіонъ отрицательно покачалъ головой.

— Не вѣрю!

— Какъ хочешь...

Тогда Мельниковъ тяжело, точно медвѣдь, повернулся, пошелъ прочь и заворчалъ:

— Ничего не понимаетъ никто...

Евсей подвинулся къ Маклакову, тотъ взглянулъ на него.

— Вы что?

— Тимоѳей Васильевичъ, это что значитъ—конституція?

— Другой порядокъ жизни! — негромко отвѣтилъ шпіонъ.

Къ нему подбѣжалъ Соловьевъ, потный, красный.

— Не слыхалъ—будутъ намъ командировки туда, въ Петербургъ?

— Не слыхалъ.

— Я думаю—должны быть, такое событіе! Вѣдь это бунтъ, а? Настоящій бунтъ!

— Завтра узнаемъ.

— Крови-то сколько пролили! Что такое?

Глаза Маклакова безпокойно бѣгали, сегодня онъ казался болѣе сутулымъ, чѣмъ всегда, концы его усовъ опустились внизъ. Въ головѣ Евсея медленно переворачивались, повторяясь, жесткія слова Маклакова.

— Другой порядокъ жизни...

Они задѣли его за сердце, вызвали желаніе войти въ ихъ смыслъ. Но все кругомъ вертѣлось, мелькало, и надоѣдливо звучалъ сердитый, гулкій голосъ Мельникова:

— Надо знать — какой народъ? Одно дѣло рабочіе люди, другое—просто жители! Это нужно различать...

А Красавинъ четко говорилъ:

— Если даже и народомъ начатъ бунтъ противъ государя, то уже народа нѣтъ, а только бунтовщики...

— Погоди,—а когда тутъ обманъ?..

— Эй, старый чортъ!—зашепталъ Зарубинъ, подбѣгая къ Евсею.—Вотъ такъ я попалъ въ дѣло! Идемъ, разскажу!

Климковъ молча шагнулъ за нимъ, но остановился.

— Куда итти?

— Въ портерную въ одну. Понимаешь,—тамъ есть дѣвица Маргарита, а у нея знакомая модистка, а у этой модистки на квартирѣ по субботамъ книжки читаютъ, студенты и разные этакіе. Вотъ такъ накрою я ихъ, у!

— Я не пойду!—сказалъ Евсей.

— Эхъ, ты... у!

Длинная лента странныхъ впечатлѣній быстро опутывала сердце, мѣшая понять то, что происходитъ. Климковъ незамѣтно ушелъ домой, унося съ собою предчувствіе близкой бѣды. Она уже притаилась гдѣ-то, протягиваетъ къ нему неотразимыя руки, наливая сердце новымъ страхомъ и тоской. Ожидая ея, Климковъ старался итти въ тѣни, ближе къ заборамъ, вспоминая тревожныя лица, возбужденные голоса, безсвязный говоръ о смерти, о крови, о широкихъ могилахъ, куда, точно мусоръ, сваливались десятки труповъ.

Дома онъ сталъ у окна и долго смотрѣлъ на желтый огонь фонаря — въ полосу его свѣта поспѣшно входили какіе-то люди и снова ныряли во тьму. Въ головѣ Евсея тоже слабо засвѣтилась блѣдная, узкая полоса робкаго огня, черезъ нее медленно и неумѣло проползали осторожныя сѣрыя мысли, безпомощно цѣпляясь другъ за друга, точно вереница слѣпыхъ. Маленькія, увѣчныя, онѣ собирались въ боязливыя группы, толкались на мѣстѣ, точно комары, и вдругъ, теряя связь между собою, безслѣдно исчезали, и душа безъ нихъ становилась подобной пустынѣ, которую одиноко освѣщаетъ тихій лучъ тоскующей луны.

Точно въ бреду шли дни, наполненные страшными разсказами о яростномъ истребленіи людей. Евсею казалось, что они эти медленно ползутъ по землѣ, какъ черныя, безглазыя чудовища, разбухшія отъ крови, поглощенной ими, ползутъ, широко открывъ огромныя пасти, отравляя воздухъ душнымъ, оленымъ запахомъ. Люди бѣгутъ и падаютъ, кричатъ и плачутъ, мѣшая слезы съ кровью своей, а слѣпыя чудовища уничтожаютъ ихъ, давятъ старыхъ и молодыхъ, женщинъ и дѣтей. Ихъ толкаетъ впередъ на истребленіе жизни владыка ея—страхъ, свинцово-сѣрый, какъ туча, сильный, какъ теченіе широкой рѣки.

Это случилось далеко, въ городѣ, неизвѣстномъ Евсею, но онъ зналъ, что страхъ живетъ вездѣ, онъ чувствовалъ его здѣсь вокругъ себя.

Никто не понималъ событія, никто не могъ объяснить его, но встало передъ людьми огромной загадкой и пугало ихъ. Шпіоны съ утра до вечера торчали на мѣстахъ своихъ свиданій, читали газеты, толклись въ канцеляріи охраны, спо-

рили и тѣсно жались другъ къ другу, пили водку и нетерпѣливо ждали чего-то.

— Кто-нибудь можетъ объяснить правду? — спрашивалъ Мельниковъ.

Черезъ нѣсколько дней, вечеромъ, они собрались въ охранномъ отдѣленіи, и Саша рѣзко сказалъ:

— Довольно болтать ерунду! Это японскій планъ, японцы дали восемнадцать милліоновъ попу Гапону, чтобы возбудить въ народѣ бунтъ — поняли? Народъ напоили, по дорогѣ ко дворцу революціонеры приказали разбить нѣсколько винныхъ лавокъ—понятно?

И онъ окидывалъ всѣхъ красными глазами, какъ будто искалъ среди слушателей несогласныхъ съ нимъ.

— Они думали, что государь, любя народъ, выйдетъ къ нему, а въ это время рѣшено было убить его. Ясно?

— Ясно! — крикнулъ Яковъ Зарубинъ и сталъ что-то записывать въ свою книжку.

— Болванъ!—сурово сказалъ Саша.—Я не тебя спрашиваю. Мельниковъ, ты понимаешь?

Мельниковъ сидѣлъ въ углу, схвативъ голову руками, и качался, точно у него болѣли зубы. Не измѣняя позы, онъ отвѣтилъ:

— Обманъ! — Голосъ его тупо ударился въ полъ, точно упало что-то тяжелое и мягкое.

— Ну да,—обманъ!—повторилъ Саша и снова началъ говорить быстро и складно. Иногда онъ осторожно дотрагивался до своего лба, потомъ, посмотрѣвъ на пальцы, отиралъ ихъ о колѣно. Евсею казалось, что даже слова его пропитаны гнилымъ запахомъ, онъ слушалъ, болѣзненно морщился и, понимая все, что̀ говорилъ шпіонъ, чувствовалъ, что эта рѣчь не стираетъ, не можетъ стереть въ его мозгу темнаго образа дней праздника смерти. И всѣ молчали, изрѣдка покачивая головами, никто не смотрѣлъ другъ на друга, было тихо, скучно, слова Саши долго плавали по комнатѣ надъ фигурами людей, никого не задѣвая.

— А если было извѣстно, что народъ обманутъ — зачѣмъ же его убивать?—неожиданно спросилъ Мельниковъ.

— Дуракъ!—крикнулъ Саша. — Тебѣ скажутъ, что я любовникъ твоей жены, а ты напьешься и полѣзешь съ ножомъ на меня—что̀ я долженъ дѣлать?

Мельниковъ вдругъ всталъ, вытянулся и зарычалъ:

— Не лай, собака!

Евсей покачнулся отъ его словъ, а сидѣвшій рядомъ съ нимъ тонкій и слабый Вѣковъ боязливо прошепталъ:

— О, Господи! Держите его!

Саша оскалилъ зубы, сунулъ руку въ карманъ, отшатнулся назадъ. Всѣ остальные люди—ихъ было много—сидѣли молча, неподвижно и ждали, слѣдя за рукою Саши. Мельниковъ взмахнулъ шапкой и не спѣша пошелъ къ двери.

— Не боюсь я твоего пистолета.

Онъ съ шумомъ хлопнулъ дверью, Вѣковъ всталъ, заперъ ее и, возвращаясь на свое мѣсто, проговорилъ:

— Какой опасный мужчина...

— Итакъ, — продолжалъ Саша, вынувъ изъ кармана револьверъ и разсматривая его,—завтра съ утра каждый долженъ быть у своего дѣла — слышали? Имѣйте въ виду, что теперь дѣла будетъ у всѣхъ больше, именно теперь вы всѣ должны особенно насторожить и глаза и уши. Люди начнутъ болтать разное по поводу этой исторіи, революціонеришки станутъ менѣе осторожны—понятно?

Благообразный Грохотовъ громко вздохнулъ и проговорилъ:

— Понятно,—ничего! Если такъ: японцы, деньги большія, то, конечно... это объясняетъ, все-таки...

— Безъ объясненія очень трудно!—сказалъ кто-то.

— Да-а.

— Люди говорятъ — что̀ такое? И произносятъ разныя вредныя слова,—а ты не знаешь, какъ сказать?..

— Люди очень интересуются этимъ бунтомъ!

Голоса звучали вяло, безкровно, съ натугой.

— Ну, теперь вы знаете, въ чемъ дѣло и какъ надо говорить съ болванами!—сердито сказалъ Саша.—А если какой-нибудь оселъ начнетъ болтать—за шиворотъ его, свисти городового и—въ участокъ! Туда даны указанія, что̀ надо дѣлать съ этимъ народомъ. Эй, Вѣковъ, или кто-нибудь, позвоните, пусть мнѣ принесутъ сельтерской!

Къ звонку бросился Яковъ Зарубинъ.

Саша посмотрѣлъ на него и, снова оскаливъ зубы, сказалъ:

— Ты, щенокъ, не сердись на меня за то, что я тебя оборвалъ.

— Я, Александръ Никитичъ, не сержусь...

— Н-да-а,—задумчиво протянулъ Грохотовъ, сидѣвшій въ углу.—А все-таки они—сила! Что̀ устроили, а? Сто тысячъ народу поднять!

— Глупость легка, поднять ее не трудно! — перебилъ его рѣчь Саша.—Поднять было чѣмъ—были деньги! Дайте-ка мнѣ такія деньги, я вамъ покажу, какъ надо дѣлать исторію!—Саша выругался похабною руганью, привсталъ на диванѣ,

протянулъ впередъ желтую, худую руку съ револьвером въ ней, прищурилъ глаза и, цѣлясь въ потолокъ, вскричалъ сквозь зубы, жадно всхлипнувшимъ голосомъ: — Я бы показалъ!

Все это — слова и жесты, глаза и улыбки—было знакомо Евсею и все теперь казалось ему безсильнымъ, ненужнымъ, какъ рѣдкія капли дождя для пламени пожара, все это не угашало страха, не могло остановить тихій ростъ предчувствія бѣды.

Въ эти дни, незамѣтно для него, въ немъ сложилось новое отношеніе къ людямъ—онъ узналъ, что одни могутъ собраться на улицахъ десятками тысячъ и пойти просить помощи, вниманія къ себѣ у богатаго и сильнаго, а другіе люди могутъ истреблять ихъ за это. Онъ вспомнилъ все, что говорилъ Дудка о нищетѣ, о богатствѣ, и былъ увѣренъ, что и тѣ и другіе поступаютъ такъ со страха—однихъ пугаетъ нищенская жизнь, другіе боятся обнищать. Но все же люди удивили его своей отчаянной смѣлостью и вызвали въ немъ чувство, до сей поры незнакомое ему.

Теперь, шагая по улицѣ съ ящикомъ товара на груди, онъ попрежнему осторожно уступалъ дорогу встрѣчнымъ пѣшеходамъ, сходя съ тротуара на мостовую или прижимаясь къ стѣнамъ домовъ, но сталъ смотрѣть въ лица людей болѣе внимательно, съ чувствомъ, которое было подобно почтенію къ нимъ и какъ будто немного понижало робость передъ ними. Человѣческія лица вдругъ измѣнились, они стали значительнѣе, разнообразнѣе, всѣ стали охотнѣе и проще заговаривать другъ съ другомъ и начали ходить по улицамъ быстрѣе, тверже.

XIII.

Евсей часто бывалъ въ одномъ домѣ, гдѣ жили докторъ и журналистъ, за которыми онъ долженъ былъ слѣдить. У доктора служила кормилицей Маша, маленькая, полная и круглая женщина съ веселымъ взглядомъ голубыхъ глазъ. Она была ласковая, говорила быстро, а иныя слова растягивала, точно пѣла ихъ. Всегда чисто одѣтая въ бѣлый или голубой сарафанъ, съ бусами на голой шеѣ, пышногрудая и вся какая-то сытая, здоровая, она нравилась Евсею. Ему казалось, что отъ нея вкусно и крѣпко пахнетъ горячимъ ржанымъ хлѣбомъ, онъ любилъ спрашивать ее о деревнѣ и зналъ всѣхъ ея родныхъ—кто гдѣ живетъ, чѣмъ занимается, сколько зарабатываетъ.

Онъ увидалъ ее дней черезъ пять послѣ того, какъ Саша

объяснялъ причины бунта. Маша сидѣла на постели въ комнатѣ кухарки рядомъ съ кухней, лицо у нея было опухшее, глаза красные, нижняя губа смѣшно оттопырилась.

— Здравствуй!—сердито сказала она.—Не надо ничего,—иди! Не надо.

— Хозяева обидѣли?—спросилъ Евсей.

Онъ считалъ себя обязаннымъ службою спросить именно такъ. А спросивъ, вынужденно вздохнулъ и добавилъ:

— Ужъ они всегда,—на нихъ всю жизнь работай...

Худая и сердитая Анѳиса Петровна, кухарка, заворчала:

— Зятя у нея убили, а сестру нагайками исхлестали, въ больницу легла...

— Въ Петербургѣ?—тихо освѣдомился Климковъ

— Ну да!

Маша набрала полную грудь воздуха и протяжно застонала, схвативъ голову руками:

— За что?

— А кто ихъ знаетъ, проклятыхъ! — крикнула кухарка, ожесточенно гремя посудой. — За что они тамъ убивали всѣхъ?

— Не было его вины... — всхлипывая, говорила Маша. — Знаю я его, Господи. Онъ переплетчикъ, смирный, непьющій... по сорокъ рублей въ мѣсяцъ добывалъ... Господи! Таню избили, а она на сносяхъ теперь, второй у нея... коли, говоритъ, мальчика рожу, Ѳомой окрещу, въ честь мужева товарища... и кумомъ его хотѣла взять... а ему ногу прострѣлили пулей и голова разрублена... Всѣхъ убили, всѣхъ изувѣчили, изверги окаянные, чтобы имъ ни сна ни отдыха, чтобы ихъ разорвало съ тоски да отъ совѣсти, задушило бы кровью, дьяволовъ...

Слова и слезы текли у нея бурными ручьями, она злобно и отчаянно взвизгивала, царапала пальцами грудь и плечи, растрепанная, жалкая, а потомъ свалилась на постель и, воткнувъ въ подушки голову, застонала, вся вздрагивая.

— Дядя прислалъ ей письмо оттуда, — говорила кухарка, не переставая бѣгать по кухнѣ отъ плиты къ столу и обратно. — Что пишетъ! Вся наша улица письмо это читаетъ теперь,—никто не можетъ понять! Шелъ народъ съ иконами, со святымъ, попы были—все по-христіански... Шли къ царю они, дескать, государь, отецъ — убавь нѣсколько начальства, невозможно намъ жить при такомъ множествѣ начальниковъ, и податей не хватаетъ на жалованье имъ, и волю они взяли надъ нами безъ края, что пожелаютъ, то и дерутъ... Честно и открыто все было у нихъ, собирались они на это долго,

цѣлый мѣсяцъ, и вся полиція знала... и никто не мѣшалъ. Пошли, идутъ, и вдругъ—давай въ нихъ стрѣлять! Окружили ихъ со всѣхъ концовъ и стрѣляютъ, и рубятъ, и конями топчутъ,—всѣхъ, и съ малыми дѣтьми! Два дня избивали на смерть, ты подумай! Что же это? Значитъ — не нуженъ народъ больше, значитъ—истребить его рѣшили, а!

Ея рѣзкій, непріятный голосъ опустился до шопота, и стало слышно, какъ крикливо шипитъ масло на плитѣ, сердито булькаетъ, закипая, вода въ котлѣ, глухо воетъ огонь и стонетъ Маша. Евсей почувствовалъ себя обязаннымъ отвѣтить на острые вопросы кухарки, ему хотѣлось утѣшить Машу, онъ осторожно покашлялъ и сказалъ, не глядя ни на кого:

— Говорятъ—японцы это устроили...

— Та-акъ!—иронически вскричала кухарка. — Вотъ-вотъ, японцы, какъ же! Знаемъ мы этихъ японцевъ, свои они, домашніе! Баринъ нашъ объяснилъ, кто они такіе, да! Скажика ты брату моему про японцевъ, онъ тоже знаетъ, какъ ихъ зовутъ. Подлецы, а не японцы...

По разсказамъ Мельникова, Евсею было извѣстно, что братъ кухарки, Матвѣй Зиминъ, служитъ на мебельной фабрикѣ и читаетъ запрещенныя книжки. И вдругъ Евсею захотѣлось сказать, что полиціи извѣстна неблагонадежность Зимина.

Но въ эту минуту Маша вскочила съ постели и, поправляя волосы, закричала:

— Конечно, теперь оправдаться нечѣмъ, такъ выдумали японцевъ!

— Анаѳемы,—протянула кухарка.—Вчера на базарѣ тоже какой-то насчетъ японцевъ проповѣдь говорилъ... видно, подкупленъ для оправданія начальства... Старичокъ одинъ послушалъ его, да какъ началъ самъ—и про генераловъ, и про министровъ, и даже про самого царя — какъ умѣлъ, безъ стѣсненія! Нѣтъ, народъ не обманешь, онъ правду перейметъ, куда ее ни гони...

Глядя на полъ, Климковъ молчалъ. Желаніе сказать кухаркѣ о надзорѣ за ея братомъ погасло, исчезло. Невольно думалось, что каждый убитый имѣетъ родныхъ, и теперь они вотъ такъ же недоумѣваютъ, спрашиваютъ другъ друга: за что? Они плачутъ, тоскуютъ въ темномъ недоумѣніи, а въ сердцахъ у нихъ тайно растетъ ненависть къ убійцамъ и къ тѣмъ, кто старается оправдать преступленіе. Онъ вздохнулъ и сказалъ:

— Страшное дѣло сдѣлано...

А самъ думалъ:

„Мнѣ вѣдь тоже надо защищать начальство“.

Маша толкнула ногой дверь въ кухню, и Евсей остался одинъ съ кухаркой. Она покосилась на дверь и ворчливо заговорила:

— Убивается женщина, молоко даже спортилось у нея, третій день не кормитъ! Ты вотъ что, торговецъ, въ четвергъ на той недѣлѣ рожденіе ея — кстати я тоже именины свои праздновать буду — такъ ты приходи-ка въ гости къ намъ да подари ей хоть бусы хорошія! Надо какъ-нибудь утѣшить человѣка!

— Я приду!

— Ну вотъ...

Климковъ ушелъ, медленно взвѣшивая въ умѣ то, что говорили женщины. Рѣчи кухарки были слишкомъ крикливы, бойки, сразу чувствовалось, что она говоритъ не отъ себя, а чужое; горе Маши не трогало его—онъ не имѣлъ родныхъ и рѣдко ощущалъ жалость къ людямъ. Но онъ понималъ, что въ крикахъ этихъ женщинъ отражалось общее, всюду затѣтное возмущеніе, а главное, эти рѣчи были необычны, не по-человѣчески смѣлы. У Евсея было свое объясненіе событія: страхъ толкнулъ людей другъ противъ друга, и тогда вооруженные и обезумѣвшіе истребили безоружныхъ и безумныхъ. Но это объясненіе пошатнулось и не успокаивало души — онъ ясно видѣлъ и слышалъ, что люди какъ будто начинаютъ освобождать себя изъ плѣна страха, они упрямо и безбоязненно ищутъ виноватыхъ, находятъ ихъ и осуждаютъ. Всюду появилось множество тайныхъ листковъ, въ нихъ революціонеры описывали кровавые дни въ Петербургѣ и ругали царя, убѣждая народъ не вѣрить правительству. Евсей прочиталъ нѣсколько такихъ листковъ, ихъ языкъ показался ему непонятнымъ, но онъ почувствовалъ въ этихъ бумажкахъ что-то опасное, неотразимо входившее въ сердце, насыщая его новой тревогой. И рѣшилъ никогда больше не читать ихъ.

Было строго приказано найти типографію, въ которой печатались листки, переловить людей, которые раскидывали ихъ; Саша ругался и даже ударилъ за что-то Вѣкова по лицу. Филиппъ Филипповичъ сталъ приглашать по вечерамъ агентовъ и бесѣдовалъ съ ними. Обыкновенно онъ сидѣлъ среди комнаты за столомъ, положивъ на него локти, разбрасывалъ по столу свои длинные пальцы и все время тихонько двигалъ ими, щупая карандаши, перья, бумагу; на пальцахъ его разноцвѣтно сверкали какіе-то камни, изъ-подъ чер-

ной бороды выглядывала желтая большая медаль; онъ мо
ленно ворочалъ короткой шеей, и бездонные, синіе стек
его очковъ поочередно присасывались къ лицамъ люде
смирно и молча сидѣвшихъ у стѣнъ. Онъ никогда почти
вставалъ съ кресла, у него двигались только пальцы да ше
толстое лицо казалось нарисованнымъ, борода приклеенно
Пухлый и бѣлый, онъ былъ спокоенъ и солиденъ, когда мо
чалъ, но какъ только раздавался его тонкій, взвизгивающ
голосъ, похожій на дрожащее пѣніе желѣзной пилы, ко
ее точитъ подпилокъ, все на немъ—черный сюртукъ и орде
камни и борода—становились чужимъ и лишнимъ. Иног
Евсей думалъ, что передъ нимъ сидитъ искусно сдѣлан
кукла, а въ ней спрятанъ маленькій, сморщенный челов
чекъ, похожій на краснаго чортика, и что, если на эту кук
громко крикнуть, чортикъ испугается, выскочитъ изъ не
взвизгнетъ и убѣжитъ, прыгнувъ въ окно.

Но онъ боялся Филиппа Филипповича и, чтобы не привле
на себя заглатывающаго взгляда его синихъ очковъ, сидѣ
возможно дальше отъ него и тоже все время старался не двигатьс

— Господа! — дрожалъ въ воздухѣ тонкій голосъ и точ
стальной, блестящій прутъ, упираясь въ грудь Евсея,
пріятно и холодно щекоталъ ее.—Вы должны внимательн
выслушать и запомнить слова мои! Въ эти дни каждый и
васъ долженъ весь свой умъ, всю душу вложить въ борь
съ тайнымъ, хитрымъ врагомъ. Вы должны слушать указан
и строго исполнять ихъ, но можете дѣйствовать и сам
Знайте, что въ тайной борьбѣ за жизнь нашей матери Росс
всѣ средства позволены! Революціонеры не брезгуютъ ничѣм
они не стѣсняются и убійствомъ. Вспомните, сколько
гибло вашихъ товарищей отъ ихъ руки. Я не говорю вамъ
убивайте, нѣтъ, конечно, я не могу совѣтовать вамъ тако
убить человѣка немудрено, это можетъ сдѣлать вся
дуракъ. Законъ съ вами, вы идете противъ беззаконников
щадить ихъ преступно, ихъ надо искоренять, какъ вреди
траву. Вы должны, я говорю, сами догадываться о то
какъ вѣрнѣе и лучше задушить нарождающуюся рево
цію. Этого не я требую отъ васъ, этого требуетъ цар
родина...

Помолчавъ, онъ взглянулъ на свои кольца.

— У васъ, господа, мало энергіи, мало вниманія и люб
къ вашему честному дѣлу! Напримѣръ: вы прозѣвали стар
революціонера Сайдакова, мнѣ теперь извѣстно, что онъ пр
жилъ у насъ въ городѣ три съ половиной мѣсяца. Втор
вы до сей поры не можете найти типограф...

Кто-то обиженно сказалъ:

— Безъ провокаторовъ трудно...

— Прошу не прерывать меня! Я самъ знаю, что̀ трудно и что̀ легко! Вы до сей поры не можете собрать серьезныхъ уликъ противъ цѣлаго ряда лицъ, извѣстныхъ своимъ крамольнымъ духомъ, не можете дать мнѣ основаній для ихъ ареста...

— А вы безъ основаній!—сказалъ Петръ и засмѣялся.

— Къ чему эти шутки? Я говорю серьезно. Если мы арестуемъ ихъ безъ основаній, мы должны будемъ выпустить ихъ, только и всего. А лично вамъ, Петръ Петровичъ, я замѣчу, что вы уже давно обѣщали мнѣ нѣчто — помните? Точно такъ же и вы, Красавинъ, говорили, что вамъ удалось познакомиться съ человѣкомъ, который можетъ провести васъ къ террористамъ,—ну, и что̀ же?

— Жуликъ онъ, человѣкъ-то. Да вы подождите, я свое дѣло сдѣлаю!—спокойно отозвался Красавинъ.

— Не сомнѣваюсь, но прошу всѣхъ васъ понять, что мы должны работать энергичнѣе. Надо торопиться!

Говорилъ онъ долго, иногда цѣлый часъ, не отдыхая, спокойно, однимъ и тѣмъ же голосомъ, и только слова — долженъ, должны—произносилъ какъ-то особенно, въ два удара: сперва звонко выкрикивалъ:—„Доллл...“—и, шипящимъ голосомъ оканчивая: — „жженъ...“ — обводилъ всѣхъ синими лучами своего стекляннаго взгляда. Это слово хватало Евсея за горло и душило.

Какъ-то разъ, послѣ конца бесѣды, всѣ разошлись, а Саша остался, и Евсей услыхалъ такой разговоръ. Филиппъ Филипповичъ уныло и сердито сказалъ:

— Какіе идіоты, однако!

— Ага!—гнусаво воскликнулъ Саша.

— Что̀ они могутъ сдѣлать?

— Кажется, вы теперь научитесь цѣнить порядочныхъ людей?

— Ну, давайте же ихъ, давайте!

— Э, они сто̀ятъ дорого!

Климковъ не удивился и не обидѣлся, онъ не впервые слышалъ, какъ начальство ругаетъ служащихъ, и считалъ это въ порядкѣ жизни.

А шпіоны послѣ бесѣды говорили другъ съ другомъ:

— Н-да-а! Самъ—крещеный жидъ, а поди-ка ты!

— Говорятъ, ему съ Новаго года еще прибавили шестьсотъ рублей...

— Повышаются въ цѣнѣ труды наши...

Иногда вмѣсто Филиппа Филипповича съ шпіонами бесѣдовалъ красивый и богато одѣтый господинъ Леонтьевъ. Онъ не сидѣлъ, а расхаживалъ по комнатѣ, держа руки въ карманахъ, вѣжливо сторонился отъ всѣхъ, его гладкое лицо было холодно и брезгливо, тонкія губы двигались неохотно, онъ всегда хмурился, и глазъ его не было видно. Пріѣзжалъ изъ Петербурга господинъ Ясногурскій, широкоплечій, низенькій, лысый, съ орденомъ на груди. У него былъ огромный ротъ, дряблое лицо, тяжелые глаза, точно два маленькіе камня, и длинныя руки. Говоря, онъ громко чмокалъ губами, щедро сыпалъ крѣпкія похабныя ругательства, и Евсею особенно глубоко запомнилась одна его фраза:

— Они говорятъ народу: ты можешь устроить для себя другую, легкую жизнь. Врутъ они, дѣти мои! Жизнь строитъ государь императоръ и святая наша церковь, а люди ничего не могутъ измѣнить, ничего!..

Всѣ говорили объ одномъ—нужно служить усерднѣе, нужно работать больше, нужно быть ловчѣе, потому что революціонеры становятся все болѣе сильными. Иногда разсказывали о царяхъ, о томъ, какъ они умны и добры, какъ боятся и ненавидятъ ихъ иностранцы за то, что русскіе цари всегда освобождали разные народы изъ иностраннаго плѣна — они освободили болгаръ и сербовъ изъ-подъ власти турецкаго султана, хивинцевъ, бухаръ и туркменъ изъ-подъ руки персидскаго шаха, манчжуровъ отъ китайскаго царя, а нѣмцы, англичане и японцы, подкупленные ими, недовольны этимъ, они хотѣли бы забрать освобожденные Россіей народы въ свою власть, но знаютъ, что царь не позволитъ имъ сдѣлать это — вотъ почему они ненавидятъ царя и желаютъ ему всякаго зла, стараются устроить въ Россіи революцію.

Евсей слушалъ эти рѣчи съ интересомъ и все ждалъ, когда будутъ говорить о русскомъ народѣ и объяснять — почему всѣ люди непріятны и жестоки, любятъ мучить другъ друга, живутъ такой безпокойной, неуютной жизнью, и отчего такая нищета, страхъ вездѣ и всюду, злые стоны? Но объ этомъ никто не говорилъ

Послѣ одной изъ бесѣдъ Вѣковъ сказалъ Евсею, идя съ нимъ по улицѣ:

— Значитъ — входятъ они въ силу, слышали вы? Невозможно понять,—что̀ такое? Тайные люди, напримѣръ, живутъ негласно — и вдругъ начинаютъ все тревожить, такъ сказать—всю жизнь раскачиваютъ! Очень трудно сообразить — откуда же сила?

А Мельниковъ, теперь еще болѣе угрюмый и молчаливый,

похудѣвшій и весь растрепанный, однажды ударилъ кулакомъ по колѣну и зарычалъ:

— Желаю знать—гдѣ правда?

— Что̀ такое?—сердито спросилъ Маклаковъ.

— Что̀? Вотъ что̀ — я такъ понимаю — одно начальство ослабѣло, наше начальство. Теперь поднимается на народъ другое. Больше ничего.

— И вышелъ вздоръ!—сказалъ Маклаковъ, смѣясь.

Мельниковъ посмотрѣлъ на него и вздохнулъ.

— Не ври, Тимоѳей Васильевичъ! Врешь ты все. Я вѣдь понимаю...

Климковъ думалъ незамѣтно для самого себя, мысли рождались у него въ глубокой темнотѣ души, онъ не ощущалъ, какъ онѣ строятся, не чувствовалъ ихъ тайнаго роста. Онѣ появлялись вдругъ, уже вполнѣ сложившимися, и пугали его неожиданностью появленія своего. Онъ старался прятать ихъ, гасить, и на время это удавалось ему, а потомъ онѣ тихо загорались снова, свѣтили болѣе ясно, и при свѣтѣ ихъ жизнь становилась еще больше спутанной и темной.

Частыя рѣчи о революціонерахъ западали въ голову, создавая тамъ неощутимый осадокъ, тонкій слой новой почвы для роста хилыхъ мыслей; эти мысли безпокоили, увлекая.

XIV.

Идя въ гости къ Машѣ, онъ вдругъ сообразилъ:

— Вотъ познакомлюсь со столяромъ сегодня. Революціонеръ.

Онъ пришелъ первымъ, подарилъ Машѣ голубыя бусы, Анѳисѣ роговую гребенку; онѣ были очень довольны подарками, наперебой угощали его чаемъ и наливкой. Маша, красиво выгибая полную, бѣлую шею, заглядывала въ лицо ему съ доброй улыбкой, и глаза ея, мягко лаская его сердце, оживляли и бодрили. Анѳиса разливала чай и, подмигивая, говорила:

— Ну, купецъ ты нашъ тароватый, когда же мы на твоей свадьбѣ гулять будемъ?

Евсей конфузился и, стараясь не показывать этого, тихо и довѣрчиво разсказывалъ:

— Жениться я не рѣшусь,—это очень трудно.

— Трудно? Ахъ, ты, скромница,—Марья, слышишь? Трудно, говоритъ, жениться-то!

Маша улыбалась въ отвѣтъ на громкій смѣхъ кухарки, искоса поглядывая на Климкова.

— Можетъ, они трудность по-своему понимаютъ.

— Я по-своему!.. — сказалъ Евсей, поднимая голову. — Я, видите ли, насчетъ того, что человѣка найти трудно, — чтобы жить душа въ душу и другъ друга не бояться, — чтобы вѣрить человѣку...

Маша сѣла рядомъ съ нимъ, онъ покосился на ея шею, грудь, вздохнулъ.

„А если сказать имъ, гдѣ я служу?“

Испуганный этимъ желаніемъ, онъ быстрымъ усиліемъ задавилъ его и, повысивъ голосъ, торопливо продолжалъ:

— Если человѣкъ не понимаетъ жизнь, то пусть онъ одинъ остается!

— Одному тоже очень трудно! — сказала Маша и налила ему рюмку наливки.—Выкушайте!

Евсею хотѣлось говорить много и открыто, онъ видѣлъ, что его слушаютъ охотно, и это, вмѣстѣ съ двумя рюмками вина, возбуждало его. Но пришла горничная журналиста Лиза, точно возбужденная, и сразу овладѣла вниманіемъ Анисы и Маши. Костлявая и косая на лѣвый глазъ, бойкая, красиво причесанная и ловко одѣтая, она казалась хорошенькой и безстыдной.

— Мои идолы созвали гостей на сегодня и не хотятъ меня отпускать! — говорила она, усаживаясь.— Ну нѣтъ, говорю, ужъ какъ вамъ угодно! И ушла,—пускай сами возятся!

— Много гостей?—скучно спросилъ Климковъ, вспомнивъ свои обязанности.

— Мно-ого! Да вѣдь это какіе гости? Никогда никто гривенника въ руку не сунетъ. Даже въ Новый годъ и то два рубля тридцать копеекъ собрала я на чай съ нихъ.

— Небогатые, значитъ?—спрашивалъ Евсей.

— Ну, какое тамъ богатство! Ни у кого калошъ крѣпкихъ нѣту.

— Кто же они, служащіе?

— Разные! Иной въ газетѣ пишетъ, другой просто студентъ, — ахъ, какой одинъ хорошенькій есть! Чернобровый, кудрявый, съ усиками, зубы бѣлые, ровные, веселый-развеселый! Недавно пріѣхалъ изъ Сибири, все про охоту разсказываетъ...

Евсей взглянулъ на Лизу и опустилъ голову. Ему хотѣлось сказать ей:

— Перестаньте!

Но вмѣсто этого онъ безучастно и тихо спросилъ

— Должно-быть, сосланъ былъ?

— Кто ихъ знаетъ! Можетъ-быть. Мои господа тоже были ссыльные, мнѣ околоточный сказалъ.

— Да кого теперь не ссылаютъ!—воскликнула кухарка.— Жила я у Попова, инженера, богатый человѣкъ, свой домъ имѣлъ, лошадей, жениться собирался,—вдругъ пришли ночью жандармы — цапъ его! И все нарушили. А потомъ заслали его въ Сибирь.

— Я господъ своихъ не осуждаю! — перебила ее Лиза.— Нисколько. Они хорошіе люди, не ругаются, не жадные и вообще не какъ другіе. И очень интересные—все они знаютъ, обо всемъ говорятъ...

Евсей безпомощно посмотрѣлъ на румяное лицо Маши и подумалъ:

„Я лучше уйду, — я потомъ разспрошу ее про господъ. Не хочется уходить. Молчала бы она, дура“.

— И у насъ господа тоже все понимаютъ!—заявила Маша съ гордостью.

— Когда случилось это — бунтъ въ Петербургѣ, — оживленно начала Лиза, — такъ у насъ всѣ ночи напролетъ говорили...

— Вѣдь и наши были у васъ! — снова замѣтила кормилица.

— Были, были! Много народу было. И говорили они и писали жалобы, а одинъ даже заплакалъ, ей-Богу

— Заплачешь!—сказала кухарка, вздыхая.

— Взялъ себя за голову и рыдаетъ — несчастная, говоритъ, Россія, несчастные мы люди! Воды ему давали, и даже мнѣ жалко стало всѣхъ, тоже заплакала!

Маша испуганно оглянулась.

— Господи,—какъ вспомню я сестрицу!

Встала и ушла въ комнату кухарки. Женщины сочувственно посмотрѣли вслѣдъ ей, а Климковъ облегченно вздохнулъ и противъ своего желанія спросилъ Лизу, скучно и съ натугой:

— Кому же они жалобы писали?

— А ужъ не знаю!—отвѣтила Лиза.

— А Марья плакать пошла!—замѣтила кухарка

Дверь отворилась, и, покашливая, вошелъ братъ кухарки.

— Холодновато! — сказалъ онъ, снимая съ шеи красный шарфъ.

— А вотъ выпей скорѣе!

— Слѣдуетъ! Здравствуй и поздравляю.

Тонкій, онъ двигался свободно, не торопясь, а въ голосѣ у него звучало что-то важное, не сливавшееся съ его свѣтлой бородкой и острымъ, лысоватымъ черепомъ. Лицо у него было маленькое, худое, скромное, а глаза большіе, каріе.

— Революціонеръ!—напомнилъ себѣ Евсей, молча пожимая руку столяра. И неожиданно заявилъ:

— Мнѣ пора итти.

— Куда?—вскричала Анюса, безцеремонно схвативъ его за руку.—А ты, купецъ, не ломай компаніи. Гляди, Матвѣй, какой онъ мнѣ подарокъ сдѣлалъ.

Зиминъ взглянулъ на Евсея и задумчиво сказалъ:

— Вчера у насъ на фабрикѣ еще заказъ взяли въ пятнадцать тысячъ. Гостиную, кабинетъ, спальную и залъ — четыре комнаты. Все военные интенданты заказываютъ. Наворовали денегъ и вотъ теперь хотятъ жить въ новомъ стилѣ...

„Ну вотъ!—съ досадой и горечью воскликнулъ мысленно Евсей.—Только вошелъ и сразу началъ,—ахъ, Господи!“

Въ груди его болѣзненно заныло, какъ будто тамъ что-то разорвалось. Не представляя, къ чему поведетъ его вопросъ, онъ быстро спросилъ столяра:

— А у васъ на фабрикѣ революціонеры есть?

Точно уколотый, Зиминъ быстро повернулся къ нему и посмотрѣлъ въ глаза. Кухарка нахмурилась и сказала негромко и недовольно:

— Говорятъ, они вездѣ теперь есть!

— Отъ ума это или отъ глупости?—спросила Лиза.

Не выдержавъ тяжелый и пытливый взглядъ столяра, Климковъ медленно опустилъ голову, но исподлобья слѣдилъ за рабочимъ. Вѣжливо, но строго Зиминъ освѣдомился:

— Васъ почему это интересуетъ?

— Я—безъ интереса!—вяло отвѣтилъ Евсей

— А-а! Зачѣмъ же вы спрашиваете?

— Такъ! — сказалъ Евсей, а черезъ нѣсколько секундъ прибавилъ:—Изъ вѣжливости.

Столяръ улыбнулся.

Евсею казалось, что три пары глазъ смотрятъ на него подозрительно и сурово. Было неловко, и что-то горькое щипало въ горлѣ. Вышла Маша, виновато улыбаясь, оглянула всѣхъ, и улыбка исчезла съ ея лица.

— Что̀ это вы?

„Это отъ вина!“—мелькнуло въ головѣ Евсея. Онъ всталъ на ноги, покачнулся и заговорилъ:

— Вы не подумайте,—напрасно! Я спросилъ потому, что давно хотѣлъ сказать вотъ ей, — вашей сестрѣ,—про васъ...

Зиминъ тоже всталъ, лицо его сморщилось, пожелтѣло, онъ съ достоинствомъ спросилъ:

— Что̀ же вы можете сказать про меня?

До слуха Евсея дошелъ тихій шопотъ Маши:

— Изъ-за чего они?

— Постой, подожди!—отвѣтила Анеиса.

— Я знаю,—говорилъ Евсей, и ему казалось, что онъ поднялся съ пола на воздухъ, качается въ немъ, легкій, какъ перо, и все видитъ, все замѣчаетъ съ удивительной ясностью,—мнѣ извѣстно, что за вами слѣдятъ,—слѣдитъ агентъ охраннаго отдѣленія,—что вы изъ революціонеровъ...

Кухарка покачнулась на стулѣ, изумленно и испуганно воскликнувъ:

— Ма-атвѣй, что̀ это такое?

— Позволь!—сказалъ Зиминъ, успокоительно проведя рукой передъ ея лицомъ.—Это дѣло серьезное.

Потомъ онъ рѣшительно и строго приказалъ:

— Вотъ что̀, молодой человѣкъ, одѣвайтесь, — вамъ надо итти домой! И мнѣ. Одѣвайтесь!

Евсей улыбался. Онъ все еще чувствовалъ себя пустымъ и легкимъ, это было пріятно. Но въ глазахъ у него мутилось, и во рту возобновился ѣдкій, щекочущій вкусъ. Онъ плохо помнилъ, какъ ушелъ, но не забылъ, что всѣ молчали, и никто не сказалъ ему—прощай.

На улицѣ Зиминъ толкалъ его плечомъ въ плечо и говорилъ негромко, отчетливымъ голосомъ:

— Прошу васъ къ сестрѣ моей больше не ходить.

— Развѣ я васъ обидѣлъ?—спросилъ Евсей.

— Нѣтъ, нисколько.

— За что же?

— Вы кто такой?

— Я—торгую.

— Да. А откуда вамъ извѣстно, кто я? Что слѣдятъ за мной?

— Знакомый сказалъ.

— Шпіонъ?

Евсей отвѣтилъ:

— Да.

— Такъ. А вы—тоже шпіонъ?

— Нѣтъ,—сказалъ Евсей.

Но, взглянувъ въ лицо Зимина, блѣдное и худое, вспомнилъ глуховатый, спокойный звукъ его голоса и безъ усилія поправился:

— Тоже.

Нѣсколько шаговъ молчали.

— Ну, идите!—сказалъ Зиминъ, вдругъ останавливаясь. Голосъ его звучалъ негромко, тоскующе, онъ странно потрясъ головой. — Ступайте!

Евсей прислонился спиною къ забору и смотрѣлъ на столяра, мигая глазами. Зиминъ тоже разсматривалъ его, покачивая правую руку.

— Вѣдь вотъ,—недоумѣнно сказалъ Евсей,—я вамъ сказалъ правду, что за вами слѣдятъ.

— Ну?

— А вы—сердитесь.

Столяръ наклонился къ нему и облилъ Климкова волной шипящихъ словъ.

— Да чортъ съ вами,—я и безъ васъ знаю, что слѣдятъ, ну? У васъ что̀—дѣла плохо идутъ? Думали меня подкупить да изъ-за моей спины предавать людей? Эхъ, ты, подлецъ! Или хотѣлъ совѣсти своей милостыню подать? Иди ты къ чорту, говорю, иди, а то въ рожу дамъ!

Евсей отвалился отъ забора и пошелъ.

— Га-адина!—услышалъ онъ сзади себя брезгливый вздохъ.

Климковъ остановился, повернулся и первый разъ въ жизни обругалъ человѣка во всю силу своего голоса:

— Самъ гадина!

Столяръ не отвѣтилъ, и шаговъ его не было слышно. Гдѣ-то ѣхалъ извозчикъ, подъ полосьями саней взвизгивалъ снѣгъ, скрежетали камни.

„Назадъ пошелъ туда, — соображалъ Климковъ, медленно шагая по тротуару.—Разскажетъ. Маша ругать будетъ меня“.

Онъ сплюнулъ, потомъ тихонько запѣлъ:

Ужъ ты садъ ли, мой садъ...

И снова остановился у фонаря, чувствуя, что надо утѣшить себя.

— Вотъ я иду и могу пѣть. Услышитъ городовой—ты чего орешь? Сейчасъ я ему покажу мой билетъ изъ охраны. Ахъ, извините, скажетъ! А если запоетъ столяръ — его отправятъ въ участокъ и бока намнутъ. Не нарушай тишины...

Климковъ усмѣхнулся и, глядя въ темноту, спросилъ:

— Что̀, братъ? Ты—не запоешь...

Это не успокаивало Евсея, на сердцѣ было печально, и какая-то горькая мыльная слюна оклеивала ротъ, вызывая слезы на глазахъ.

Ужъ ты са-адъ ли, мой садъ,
Да садъ зеленый мой...—

запѣлъ онъ всей грудью, а глаза крѣпко закрылъ. Но и это не помогло—сухія колючія слезы пробивались сквозь вѣки и холодили кожу щекъ.

— Из-звозчикъ! — пискимъ голосомъ крикнулъ Климковъ,

все еще бодрясь. Но, когда онъ сѣлъ въ сани, тѣло его ослабѣло, какъ будто въ немъ сразу лопнуло множество туго натянутыхъ жилокъ, голова опустилась, и, качаясь въ саняхъ, онъ забормоталъ:

— Хорошо обидѣли,—очень крѣпко,—спасибо! Э-эхъ, добрые люди, умные люди...

Эта жалоба была пріятна, она насыщала сердце охмеляющей радостью, которую Евсей часто испытывалъ въ дѣтствѣ; она ставила его противъ людей въ мученическую позу и дѣлала болѣе замѣтнымъ для себя самого.

XV.

Утромъ, лежа въ постели, онъ, нахмурившись, смотрѣлъ въ потолокъ и, вспоминая происшедшее, уныло думалъ:

„Сунулся! Нѣтъ, надо не за людьми, а за собой слѣдить“.

Мысль показалась ему странной.

— Какъ же это? Развѣ я злодѣй самъ себѣ?

Вспомнилъ каріе, печальные глаза столяра, выраженіе достоинства на тощемъ лицѣ и его спокойный голосъ—„холодновато!“. И вдругъ онъ съ недоумѣніемъ нащупалъ въ себѣ что-то чужое ему, готовое спорить съ нимъ. Всталъ на ноги, вздохнулъ такъ глубоко, какъ только могъ, и долго стоялъ, не выпуская воздухъ изъ груди, какъ бы желая задавить имъ то, что было чуждо и мѣшало ему.

— Это все надо оставить. Зачѣмъ мнѣ это? — убѣждалъ онъ самъ себя. Но спокойствіе не являлось. Онъ началъ лѣниво одѣваться, заставляя себя думать о задачѣ дня.

Теперь онъ рѣдко ходилъ за товаромъ, потому что было много другой работы—сегодня, напримѣръ, онъ долженъ былъ итти въ фабричную слободку, наблюдать за рабочими, съ цѣлью открыть среди нихъ людей, которые раздаютъ прокламаціи.

Онъ вымазалъ руки сажей съ масломъ, потомъ вымылъ ихъ съ мыломъ, послѣ чего на кожѣ рукъ остался темный маслянистый налетъ, какъ бываетъ у рабочихъ по металлу. Дѣлать это не было надобности, но Климкову нравилось красить свои вихрастые волосы, брови, усы, въ его глазахъ такіе пріемы дѣлали службу болѣе интересной и увеличивали ея серьезность. Искусство измѣнять свое лицо и фигуру Климкову усердно преподавалъ благообразный Грохотовъ, онъ искренно увлекался этимъ дѣломъ, имѣлъ у себя большой запасъ бородъ, усовъ, париковъ, зналъ всѣ краски для волосъ, умѣлъ наклеивать на лицо шрамы и бородавки, а иногда даже показывалъ товарищамъ фокусы: вдругъ, на глазахъ у всѣхъ, придавалъ

своему лицу, голосу и фигурѣ поразительное сходство съ кѣмъ-либо изъ начальства или удивительно гоготалъ, мычалъ, лаялъ и мяукалъ. Всѣ хохотали, удивлялись и хвалили его, а онъ, солидно улыбаясь, скромно обѣщалъ:

— Это еще только начало! А вотъ подождите, я попрактикуюсь съ годъ и поступлю на сцену—буду показывать изъ себя знаменитыхъ людей и подражать всѣмъ земнымъ животнымъ...

Мельниковъ, глядя на него, съ презрѣніемъ отплевывался, и однажды крикнулъ:

— Эй, шутила! Изобрази вошь!

— Это насѣкомое безгласное,—замѣтилъ сыщикъ.

— Вотъ ты и бери съ него примѣръ—ѣшь да молчи.

Одѣваясь, Климковъ вспомнилъ этотъ разговоръ, вспомнилъ Анатолія и подумалъ:

„Вотъ онъ былъ бы хорошій сыщикъ. А столяръ не можетъ, глаза мѣшаютъ,—его по глазамъ сразу узнаешь. Онъ, навѣрное, хочетъ взять Машу въ любовницы себѣ“.

Евсей остановился у двери, непріятно схваченный за сердце своей догадкой. Но въ слѣдующую минуту махнулъ рукой.

— Чортъ съ ними со всѣми,—что мнѣ?

Эта мысль, прежде утѣшавшая его, сегодня скользнула въ головѣ и только оцарапала тамъ что-то чуткое къ боли.

На улицѣ свѣтило солнце, съ крышъ говорливо текла вода, смывая рыжій грязный снѣгъ, люди шагали быстро и весело. Въ сыромъ и тепломъ воздухѣ протяжно плавалъ добрый звонъ великопостныхъ колоколовъ, широкія ленты мягкихъ звуковъ, волнисто путаясь другъ съ другомъ, поднимались и улетали изъ города въ блѣдно-голубыя дали.

„Теперь итти бы куда-нибудь. Полями итти, пустынями“,—думалъ Евсей, входя въ тѣсныя улицы фабричной слободки. Вокругъ него стояли, опираясь одна на другую, красноватыя, чумазыя стѣны, небо надъ ними было выпачкано дымомъ, воздухъ насыщенъ душнымъ запахомъ теплаго масла. На грязныхъ лицахъ рабочихъ сердито блестѣли бѣлые зубы. Все вокругъ было неласково, и глаза быстро уставали смотрѣть на прокопченныя каменныя клѣтки для работы.

Въ полдень Климковъ, усталый и обиженный всѣмъ, что видѣлъ, зашелъ въ трактиръ, сѣлъ за столикъ у окна, спросилъ себѣ обѣдъ и неохотно началъ прислушиваться къ говору людей. Ихъ было немного, все рабочіе, они ѣли и пили, лѣниво перебрасываясь краткими словами, и только откуда-то изъ угла долеталъ молодой, неугомонный голосъ.

— Да ты подумай—откуда богатство?

оворилъ широкоплечій, кудрявый парень. Евсей съ доса-
взглянулъ на него и отвернулся. Онъ нерѣдко слышалъ
о богатствѣ и всегда испытывалъ при этомъ скучное
умѣніе, чувствуя въ этихъ рѣчахъ только зависть и жад-
ь. Онъ зналъ, что именно такія рѣчи считаются вред-
и, но сегодня ему хотѣлось итти на широкія свѣтлыя
ы города, и онъ насильно заставлялъ себя слушать ихъ.
- Работаешь ты дешево, а покупаешь товаръ дорого,
о ли?—выкрикивалъ кудрявый парень.—Всякое богатство
плено изъ денегъ, которыя намъ за работу нашу не до-
ены. Давай, возьмемъ примѣръ...
Кадные всѣ!—думалъ Евсей.—Какъ вчера Марья бусы-
хватила! А столяръ не ударилъ меня потому, что онъ
силъ, да! Онъ бы не пожалѣлъ. Просто—испугался, что
лицію позову. Вотъ, выгнали меня, а подарки мои оста-
. Если я поганый какой, то отдайте мнѣ мои подарки!"
асыщая себя пріятной горечью порицанія людей, онъ
ся этимъ и уже ничего не слушалъ, не видѣлъ. Вдругъ
ухомъ у него раздался веселый голосъ:
- Евсей Климковъ, что ли?
ъ быстро вскинулъ голову, хотѣлъ встать и не могъ,
ть, что передъ нимъ стоитъ кудрявый, рѣчистый парень,
э понималъ,—кто это?
- Не узнаёшь? А Якова помнишь? Двоюродные братья мы...
рень засмѣялся, протягивая Евсею руку, и сѣлъ противъ
за столомъ. Его смѣхъ окуталъ Климкова теплымъ об-
съ воспоминаній о церкви и о тихомъ оврагѣ, о пожарѣ и
ъ кузнеца. Молча, смущенно улыбаясь, онъ осторожно
ъ руку брата.
- Не узналъ я...
- Понятно!—воскликнулъ Яковъ. — Въ городѣ память сла-
ѣлается — со всѣхъ сторонъ въ голову лѣзетъ разное,
арому-то и нѣтъ мѣста. Какъ живешь?
- Ничего...
- Безъ работы?
- Д-да...
мковъ отвѣчалъ неохотно, ему нужно было понять, чѣмъ
ъ быть опасна для него эта встрѣча. Но Яковъ гово-
ъ за двоихъ, разсказывая о деревнѣ, поспѣшно, точно ему
одимо было какъ можно скорѣе покончить съ нею. Въ
нуты онъ сообщилъ, что отецъ ослѣпъ, мать все хво-
т а онъ самъ уже три года живетъ въ городѣ, работая
фабрикѣ.
—Вотъ и вся жизнь.

Яковъ былъ какъ-то особенно густо испачканъ саж масломъ, держался онъ свободно, говорилъ громко, и, одежда у него была рваная, казалось, что онъ богатъ. Я ковъ смотрѣлъ на него съ удовольствіемъ, беззлобно вс налъ, какъ этотъ крѣпкій парень билъ его, и вотъ въ время боязливо спрашивалъ себя:

„А онъ тоже революціонеръ?“

— Ну, какъ живется?—говорилъ Яковъ. Его широкое, лое черное лицо лоснилось и улыбалось добродушно, вы на откровенность, а Климкову не хотѣлось ея. Онъ чу валъ, какъ въ немъ растетъ то новое и чужое, что он шелъ въ своей душѣ сегодня утромъ, и, желая отодв вопросы, сталъ спрашивать самъ:

— А тебѣ какъ?

— Работать—трудно, а жить легко! Городъ мнѣ пра очень! Умный онъ, городъ-то! И такъ все просто въ понятно все! Работать нашему брату — обидно даже, — много работы — жить время нѣтъ! Для хозяина — весь вся жизнь, а для себя — минуты! Книжку почитать не въ театръ пошелъ бы—а когда спать? Ты книжки чит

— Я? Нѣтъ...

— Ну да, нѣтъ времени! Вѣрно ли? Хотя я все успѣваю. Тутъ такія есть книжки—возьмешь ее и вес мрешь, словно съ милой любовницей обнимаешься, прав насчетъ дѣвицъ,—какъ? Счастливый?

— Ничего!—сказалъ Евсей.

— Меня любятъ! Дѣвицы здѣсь тоже, — ахъ, ты театръ ходишь?

— Бывалъ...

— Я это люблю! Я все хватаю, будто мнѣ завтра уѣ или умирать надо, право! Зоологическій садъ—вотъ прек гдѣ!

Сквозь черный слой грязи на щекахъ Якова выст краска возбужденія, глаза у него жадно горѣли, онъ пр кивалъ губами, точно всасывая что-то живительное, осв щее. У Евсея тихо шевелилась зависть къ этому здор жадному тѣлу. Онъ упорно началъ напоминать себѣ о какъ Яковъ колотилъ его крѣпкими кулаками по бока что-то грустное мягко препятствовало его насилію надъ

Быстрая радостная рѣчь звучала не умолкая, вокругъ носились, точно ласточки, звенящіе, ликующіе слова гласы.

Онъ съ невольной улыбкой ловилъ живыя весеннія р чувствовалъ, что раскалывается надвое, ему хотѣлось

ь и было неловко, почти совѣстно, онъ самъ желалъ го-
ть и боялся выдать себя. Воротъ рубахи туго давилъ
шею, онъ вертѣлъ головой и вдругъ увидѣлъ за окномъ
лицѣ лицо Грохотова. На лѣвомъ плечѣ шпіона и на рукѣ
о висѣли рваные брюки, грязныя рубахи, пиджаки. Онъ не-
тно подмигнулъ Климкову и прокричалъ кислымъ голосомъ:
Старое платье продаю-покупаю...
Мнѣ пора!—сказалъ Евсей, вскакивая на ноги.
Ты въ воскресенье свободенъ? Да, ты безъ мѣста! Зна-
—идемъ въ Зоологическій? Приходи ко мнѣ, нѣтъ, лучше
тебѣ—это гдѣ?
всей молчалъ, ему не хотѣлось указать свою квартиру.
Ты что̀? Съ барышней живешь? Эка важность! Позна-
вотъ и все, чего стыдишься? Вѣрно ли?
Я, видишь ли, живу не одинъ.
Ну да...
Только я не съ барышней, а—со старикомъ.
ов расхохотался.
Экій ты нескладный! Чортъ знаетъ, какъ говоришь! Ну,
ка намъ не надо, конечно! А я живу съ двумя товари-
м, и—ко мнѣ тоже неудобно заходить... Давай, уговоримся,
амъ встрѣтиться!
оворились, вышли изъ трактира, и когда Яковъ, про-
ь, ласково и сильно пожалъ руку Климкова, Евсей по-
прочь отъ него такъ быстро, какъ будто ждалъ, что
воротится и отниметъ это крѣпкое рукопожатіе. Шелъ
ы уныло соображалъ:
ь ту сторону города, къ вокзалу, мнѣ нельзя ходить—
Зимина встрѣтишь, изобьютъ. Здѣсь самое клевое мѣ-
здѣсь, говорятъ, больше всего революціонеровъ — Яковъ
ть мѣшать. Ничего я не могу,—никакъ!"
душѣ у него прошло сѣрою тѣнью злое раздраженіе.
Старое платье продаю!—пропѣлъ Грохотовъ сзади него
ментальъ:—Покупай у меня рубашку, Климковъ!
всей обернулся, взялъ въ руки какую-то тряпку и началъ
разсматривать ее, а шпіонъ, громко расхваливая то-
шопотомъ говорилъ:
—Гляди, ты попалъ въ точку! Этотъ кудрявый—я къ нему
отрѣлся—соціалистъ! Держись за него, съ нимъ можно
зацѣпить. Парень молодой, простоватый,—слышишь!—
рвавъ изъ рукъ Евсея тряпку, обиженнымъ голосомъ
ралъ:—Пять копеекъ? За такую вещь? Смѣешься, другъ,
сно обижаешь! Иди своей дорогой, иди! — И, покрики-
шагалъ черезъ улицу.

„Вотъ, теперь я самъ буду подъ надзоромъ!“ — поду
Евсей, глядя въ спину Грохотова.

Когда малоопытный шпіонъ знакомился съ рабочими,
былъ обязанъ немедленно донести объ этомъ своему ру
дителю, а тотъ или давалъ ему болѣе опытнаго въ с
товарища, или самъ являлся къ рабочимъ, и тогда завист
говорилось:

— Захлестнулся въ провокацію...

Такая роль считалась опасной, но за предательство ц
группы людей сразу начальство давало денежныя нагр
и всѣ шпіоны не только охотно „захлестывались“, но
иногда старались перебить другъ у друга счастливый сл
и нерѣдко портили дѣло, подставляя другъ другу ножку
разъ бывало такъ, что шпіонъ уже присосался къ кр
рабочихъ, и вдругъ они какимъ-то таинственнымъ пу
узнавали объ его профессіи и били его, если онъ не успѣ
во-время выскользнуть изъ кружка. Это называлось—„
дернуть петлю“.

Климкову было трудно повѣрить, что Яковъ соціалист
въ то же время ему хотѣлось вѣрить въ это. Разбуже
братомъ зависть перерождалась въ раздраженіе про
Якова за то, что онъ сталъ на дорогѣ. И вспомина
его побои.

Вечеромъ онъ, глядя въ сторону, сообщилъ Петру о св
знакомствѣ.

— Ну, и что же?—сердито спросилъ Петръ.

— Ничего.

— Не знаешь, что надо дѣлать? А на какой же ч
вашего брата учатъ!

Онъ убѣжалъ куда-то, встрепанный, худой, съ тем
пятнами подъ глазами.

„Видно, опять въ карты проигрался!“—скупо поду
Климковъ.

На другой день объ успѣхѣ Евсея узналъ Саша, подр
разспросилъ его, въ чемъ дѣло, подумалъ и, гнило улыб
началъ учить:

— Погодя немного, ты осторожно скажешь имъ, что
ступилъ конторщикомъ въ типографію—слышишь? Разс
шивай меньше, пусть они сами говорятъ. Вѣроятно,
спросятъ—не можешь ли ты достать типографскій наб
Скажи—могу, но умѣй сказать это просто, такъ, чтобы
видѣли, что для тебя все равно—достать не достать. Зачѣ
не спрашивай. Веди себя дурачкомъ, какъ ты есть на д
Только знай—если ты это дѣло провалишь—тебѣ бу

скверно! Послѣ каждаго свиданія разсказывай мнѣ, что̀ слы-
палъ.

Евсей чувствовалъ себя передъ Сашей маленькой собачкой
на веревкѣ, смотрѣлъ на его прыщеватое, желтое лицо и, ни
о чемъ не думая, ждалъ, когда Саша выпуститъ его изъ
облака противныхъ запаховъ—отъ нихъ тошнило, они въѣда-
лись въ кожу лица и рукъ.

Онъ пошелъ на свиданіе съ Яковомъ пустой, какъ труба,
но когда увидалъ брата съ папиросой въ зубахъ и въ шапкѣ
набекрень, то дружески улыбнулся ему, и въ немъ что-то
непріятно дрогнуло.

— Какъ дѣла?—весело крикнулъ Яковъ.

— Ничего.

— Нашелъ работу?

— Нашелъ,—отвѣтилъ Евсей и тотчасъ подумалъ: „Это я
сказалъ прежде времени“.

— Гдѣ?

— Въ типографіи, конторщикомъ...

Яковъ громко свистнулъ.

— Важно! Сколько жалованія?

— Двадцать пять.

— Въ типографіи? Такъ!—задумчиво сказалъ Яковъ и
вдругъ оживился.—Хочешь—вечеромъ въ гости сведу? Хоро-
шая компанія, братъ, двѣ дѣвицы—одна модистка, другая
пульница. Слесарь одинъ, молодой парень—пѣсни поетъ и
гитаристъ. Потомъ еще двое—тоже народъ хорошій.

Онъ говорилъ быстро, и глаза его радостно улыбались
всему, что̀ видѣли. Останавливаясь передъ окнами магази-
новъ, смотрѣлъ взглядомъ человѣка, которому всѣ вещи пріятны,
все интересно.

— Гляди—ка-акое платье, ого! Вотъ бы въ этакое нашу
Олю одѣть,—запуталась бы! Книги,—эту маленькую я чи-
талъ—видишь, желтая—„Первобытный человѣкъ“—занятно!
Ты прочитай, увидишь, какъ люди выросли. Книги читать
очень любопытно, онѣ сразу открываютъ всю хитрость жизни.
Вотъ толстыя книги неловко читать—пока дойдешь до сере-
дины, забудешь, что̀ было сначала, а въ концѣ и середину
забудешь. Чортъ ихъ дери, писали бы короче!

А въ слѣдующую минуту онъ указывалъ Евсею на оружіе
и съ восторгомъ говорилъ:

— Револьверы-то, а? Словно игрушки!

Подчиняясь его настроенію, Евсей обнималъ вещи расплыв-
чатымъ взглядомъ пустыхъ глазъ и тихо улыбался, удивлен-
ный, какъ будто впервые онъ видитъ красивое, манящее

обиліе яркихъ матерій, пестрыхъ книгъ, ослѣпительную путаницу блеска красокъ и металловъ. Ему нравилось слушать молодой, еще ломкій голосъ Якова, была пріятна торопливая рѣчь, насыщенная радостью жизни, она легко проникала въ темный пустырь души Климкова и позволяла ему на время забыть о себѣ.

— Веселый ты!—одобрительно сказалъ онъ.

— Очень! Плясать научился я у казаковъ—у насъ на фабрикѣ два десятка казаковъ стоятъ. Слыхалъ ты, у насъ народъ бунтовать хотѣлъ? Не слыхалъ? Какъ же, въ газетахъ про насъ писали! Да, такъ научился я плясать—вотъ увидишь! Никому въ этомъ не уступлю!

— Зачѣмъ же бунтовать хотѣли?—спросилъ Евсей, задѣтый простотой, съ которою Яковъ говорилъ о бунтѣ.

— Какъ зачѣмъ? Обижаютъ насъ, рабочихъ. Что̀ же намъ дѣлать?..

— И ты сталъ бы?

— Бунтовать? Конечно! А какъ же? У насъ народъ хорошій, дружный.

— А казаки что̀?

— Казаки? Ничего! И они тоже люди. Сначала было-думали, что они намъ начальство, а потомъ говорятъ—товарищи, давайте листочковъ!

Яковъ вдругъ оборвалъ рѣчь, взглянувъ въ лицо Евсея, нахмурилъ брови и съ минуту шелъ молча. А Евсею листочки напомнили его долгъ, онъ болѣзненно сморщился и, желая что-то оттолкнуть отъ себя и отъ брата, тихо проговорилъ:

— Читалъ я эти листочки...

— Ну?—спросилъ Яковъ, замедляя шагъ.

— Непонятно мнѣ... И зачѣмъ они?

— А ты почитай еще!

— Не хочу.

— Почему?

— Такъ..

— Неинтересно?

— Да.

Нѣсколько времени шли молча. Яковъ задумчиво сопѣлъ и мелькомъ поглядывалъ въ лицо брата, а Евсей чувствовалъ, что ему не удалось отодвинуть отъ себя непріятную и опасную тему.

— Нѣтъ, листочки эти—дорогое дѣло, и читать ихъ намъ нужно,—всѣмъ плѣнникамъ труда надо ихъ читать!—задушевно и негромко началъ Яковъ.—Мы, братъ, плѣнники, приковали насъ къ неизбывной работѣ на всю жизнь, сдѣ-

али рабами капиталистовъ, и живемъ мы нищіе и тѣломъ душой—вѣрно ли? А листочки эти ѣдятъ наши цѣпи, какъ жа желѣзо, освобождаютъ человѣческій нашъ разумъ...

Климковъ пошелъ быстрѣе, ему не хотѣлось слушать гладкую рѣчь Якова, у него даже мелькнуло желаніе сказать рату:

— Объ этомъ ты не говори со мной, пожалуйста!

Но Яковъ самъ прервалъ свою рѣчь.

— Вотъ онъ, Зоологическій!

Выпили въ буфетѣ бутылку пива, слушали игру военнаго ркестра, Яковъ толкалъ Евсея въ бокъ локтемъ и спрашилъ его:

— Хорошо?

А когда оркестръ кончилъ играть, Яковъ вздохнулъ и заѣтилъ:

— Это „Фауста“ играли, оперу. Я ее три раза видѣлъ въ атрѣ—красиво, очень! Исторія-то глупая, но музыка хороша! пѣніе тоже. Пойдемъ обезьянъ смотрѣть.

По пути къ обезьянамъ онъ интересно разсказалъ Евсею сторію Фауста и Мефистофеля, пробовалъ даже что-то пѣть, о это ему не удалось, онъ расхохотался и заявилъ:

— Не могу, трудно! Да и забылъ. Знаешь—артистъ, корый поетъ чорта, тысячу получаетъ за каждый разъ. И ртъ съ нимъ, пусть получаетъ хоть десять, потому что—орошо! Когда хорошо—мнѣ ничего не жалко, жизнь свою дамъ, нà, бери, ѣшь! Вѣрно ли?

— Да-а,—отвѣтилъ Евсей, оглядываясь.

Музыка, разсказъ Якова о театрѣ, красивыя лица женщинъ, ѣхъ и говоръ празднично одѣтой толпы людей и надо всѣмъ сеннее небо, пропитанное солнцемъ—опьяняло Климкова, сширяя сердце. Онъ смотрѣлъ на Якова и съ удивленіемъ малъ:

„Какой онъ смѣлый! И все знаетъ, а однихъ лѣтъ со ой...“

Климкову начинало казаться, что братъ ведетъ его куда-то леко, торопливо открываетъ передъ нимъ цѣлый рядъ маенькихъ дверей, и за каждой изъ нихъ все болѣе пріятнаго ума и свѣта. Онъ оглядывался вокругъ, всасывая новыя вечатлѣнія, и порою тревожно расширялъ глаза—ему казалось, что въ толпѣ мелькнуло знакомое лицо товарища по ужбѣ

Стояли передъ клѣткой обезьянъ, Яковъ съ доброй улыбкой в глазахъ говорилъ:

— Люблю я умныхъ животныхъ,—вообще все живое люблю,

все! Ты смотри—ну, чѣмъ не люди, вѣрно ли? Глаза, морды—какое все умное, а? Руки...

Онъ вдругъ замолчалъ, прислушался и, сказавъ:

— Стой, это наши!—исчезъ, а черезъ минуту подвелъ к Евсею барышню и молодого человѣка въ поддевкѣ, радостн восклицая:

— Вы сказали—не пойдете сюда? Вотъ обманщики!.. Н ладно—это мой двоюродный братъ Евсей Климковъ, я гово рилъ про него. А это—Оля, Ольга Константиновна, а ег зовутъ Алексѣй Степановичъ Макаровъ.

Опустивъ голову, Климковъ неловко и молча пожималъ рук новыхъ знакомыхъ и думалъ:

„Вотъ,—захлестываетъ онъ меня... Лучше уйти мнѣ!“

Но уходить не хотѣлось, онъ снова оглянулся, побуждаемы боязнью увидѣть кого-нибудь изъ товарищей-шпіоновъ. Никог не было.

— Онъ не очень развязенъ,—говорилъ Яковъ барышнѣ.— Не пара мнѣ, грѣшному, тихій...

— Насъ стѣсняться не надо, мы люди простые!—сказал Ольга. Она была выше Евсея на цѣлую голову, пышны свѣтлые волосы, зачесанные кверху, еще увеличивали ея ростъ На блѣдномъ, овальномъ лицѣ спокойно улыбались сѣроватоголубые глаза.

У человѣка въ поддевкѣ лицо было умное и доброе, глаз прищуренные, уши большія, двигался онъ медленно и какъ-т особенно качалъ на ходу свое, видимо, сильное тѣло.

— Долго ли мы будемъ плутать, какъ нераскаянные грѣшники?—мягкимъ басомъ спросилъ онъ.

— А что же дѣлать?—воскликнулъ Яковъ.

— Да посидѣть гдѣ-нибудь, что ли...

Ольга, наклонивъ голову, заглядывала въ лицо Климкова.

— Вы бывали здѣсь раньше?

— Нѣтъ. Первый разъ...

— Интересно?

— Да, нравится мнѣ.

Онъ пошелъ рядомъ съ нею, стараясь зачѣмъ-то поднимать ноги выше, и отъ этого ему было неловко итти. Сѣли за столикъ, спросили пива; Яковъ балагурилъ, а Макаровъ, тихонько посвистывая, разсматривалъ публику прищуренными глазами.

— У васъ товарищи есть?—спросила Ольга.

— Нѣтъ, никого нѣтъ...

— Мнѣ такъ сразу и показалось, что вы одинокій!—сказала она, улыбаясь.—У одинокихъ походка особенная. И вообще они замѣтные. Вамъ сколько лѣтъ?

— Скоро девятнадцать...

— Вонъ глядите—сыщикъ!—тихо воскликнулъ Макаровъ.

Евсей вскочилъ на ноги, снова быстро сѣлъ, взглянулъ на ьгу, желая понять—замѣтила ли она его невольное испу-нное движеніе, и—не понялъ. Она молча и внимательно зсматривала темную фигуру Мельникова; медленно и какъ съ трудомъ сыщикъ шелъ по дорожкѣ мимо столовъ и, тнувъ шею, смотрѣлъ въ землю, а руки его висѣли вдоль ла, точно вывихнутыя.

— Идетъ, какъ Іуда на осину! — негромко сказалъ овъ.

— Должно-быть, пьяный!—замѣтилъ Макаровъ.

„Нѣтъ, онъ всегда такой“, — едва не сказалъ Евсей и возился на стулѣ.

Мельниковъ, точно черный камень, вдвинулся въ толпу дей, и она скрыла его въ своемъ пестромъ потокѣ.

— Замѣтили, какъ онъ шелъ?—спросила Ольга Климкова.

Евсей молча кивнулъ головой.

— Конечно, человѣкъ подлый, но, должно-быть, несчастный...

Евсей поднялъ голову, внимательно и съ ожиданіемъ взгля-въ на нее.

— Знаете, я думаю, что для слабаго человѣка одиночество ое страшное—оно на все можетъ толкнуть...

— Да,—шопотомъ сказалъ Климковъ, что-то понимая, и, бла-арно взглянувъ въ лицо дѣвушки, повторилъ погромче:—Да!

— Я его зналъ года четыре тому назадъ,—разсказывалъ каровъ. Теперь лицо у него какъ будто вдругъ удлини-ь и высохло, стали замѣтны кости, глаза раскрылись и, ные, твердо смотрѣли вдаль.—Онъ выдалъ одного студента, орый книжки намъ давалъ читать, и рабочаго Тихонова. дента сослали, а Тихоновъ просидѣлъ около года въ тюрьмѣ омеръ отъ тифа...

— А вы развѣ боитесь шпіоновъ?—вдругъ спросила Ольга мкова.

— Почему же?—глухо отозвался онъ.

— Вы вздрогнули, когда увидали его...

Евсей, крѣпко потирая горло и не глядя на нее, отвѣтилъ:

— Это—такъ, я его тоже знаю...

— Ага-а!—протянулъ Макаровъ, усмѣхаясь.

— Ай да тихонькій!—воскликнулъ Яковъ.

всѣ сдвинулись плотнѣе вокругъ Климкова, точно желая ятать его отъ чьихъ-то глазъ.

нъ не понималъ ихъ восклицаній, движеній и ласковыхъ ядовъ и старался молчать, боясь, что помимо своей воли

скажетъ слова, которыя сразу разрушатъ тревожный, но прі
ный полусонъ этихъ минутъ.

Тихо и ласково подходилъ свѣжій весенній вечеръ, смягч
звуки и краски, въ небѣ пылала заря, задумчиво и негром
пѣли мѣдныя трубы...

— Ну что,—сказалъ Макаровъ,—останемся здѣсь или по
демъ домой?

— А что здѣсь будетъ?—спросила Ольга.

— Хоръ пѣсенниковъ, человѣкъ по канату пойдетъ и в
кая ерунда въ этомъ родѣ.

Рѣшили итти домой. Дорогой Ольга спросила Климкова:

— А вы сидѣли въ тюрьмѣ?

— Да,—отвѣтилъ онъ, но черезъ секунду прибавилъ:
Недолго...

Сѣли въ вагонъ трамвая, потомъ Евсей очутился въ
ленькой комнатѣ, оклеенной голубыми обоями—въ ней бы
тѣсно, душно и то весело, то грустно. Макаровъ игралъ
гитарѣ, пѣлъ какія-то неслыханныя пѣсни, Яковъ смѣло
ворилъ обо всемъ на свѣтѣ, потомъ сталъ плясать, наполн
всю комнату топотомъ ногъ, визгомъ и свистомъ. Звен
гитара, Макаровъ поощрялъ Якова прибаутками и крика

— Дѣлай, Яша! Эхъ, кто умѣетъ веселиться, того г
боится!

А Ольга смотрѣла на все спокойно и довольно и пор
спрашивала Климкова, улыбаясь ему:

— Хорошо?

Опьяненный тихой, невѣдомой ему радостью, Климк
тоже улыбался въ отвѣтъ. Онъ забылъ о себѣ, лишь изрѣд
секундами, ощущалъ внутри назойливые уколы, но раны
чѣмъ сознаніе успѣвало претворить ихъ въ ясную мысль,
исчезали, ничего не напоминая.

И только дома онъ вспомнилъ о своей службѣ, о томъ,
обязанъ предать этихъ веселыхъ людей въ руки жандарм
вспомнилъ и, охваченный холодной тоской, безсмысле
остановился среди комнаты. Стало трудно дышать, онъ об
залъ губы сухимъ языкомъ, торопливо сбросилъ съ себя
платье, остался въ бѣльѣ, подошелъ къ окну, сѣлъ. Про
нѣсколько минутъ оцѣпенѣнія, онъ подумалъ:

„Я скажу имъ,—этой скажу, Ольгѣ...“

Но тотчасъ же ему вспомнился злой и брезгливый кр
столяра:

— Гадина!

Климковъ отрицательно покачалъ головой.

„Напишу ей—берегитесь! И про себя напишу...“

Эта мысль обрадовала его, но въ слѣдующую секунду онъ ообразилъ:

„При обыскѣ найдутъ мое письмо, узнаютъ почеркъ— ропалъ я тогда!“

Кто-то повелительно скомандовалъ въ немъ:

— Ничего ты не можешь сдѣлать отъ себя, дѣлай то, что елятъ!

Почти до разсвѣта онъ сидѣлъ у окна, ему казалось, что се его тѣло морщится и стягивается внутрь, точно резиноый мячъ, изъ котораго выходитъ воздухъ. Внутри неотвязно осала сердце тоска, извнѣ давила тьма, полная какихъ-то одстерегающихъ лицъ, и среди нихъ, точно красный шаръ, тояло зловѣщее лицо Саши. Климковъ сжимался, гнулся и е могъ думать. Наконецъ онъ осторожно всталъ, подошелъ ъ постели, безшумно спрятался подъ одѣяло.

XVI.

А жизнь, точно застоявшаяся лошадь, вдругъ пошла страными прыжками, не поддаваясь усилію людей, желавшихъ правлять ею такъ же безмысленно, слѣпо и жестоко, какъ ни правили раньше. Каждый вечеръ шпіоны тревожно говоили о новыхъ признакахъ общаго возбужденія людей, о айномъ союзѣ крестьянъ, которые рѣшили отнять силою у омѣщиковъ землю, о собраніяхъ рабочихъ, открыто начинаихъ порицать правительство, о силѣ революціонеровъ, корая явно росла съ каждымъ днемъ. Филиппъ Филипповичъ, е умолкая, царапалъ агентовъ охраны своимъ тонкимъ госомъ, раздражающимъ уши, осыпалъ всѣхъ упреками въ ездѣятельности, Ясногурскій печально чмокалъ губами и, дыхая, прижималъ руки къ своей груди:

— Дѣти мои, старайтесь! Помните, за царемъ служба не ропадаетъ!

Но, когда Красавинъ сумрачно спросилъ его:—„Что же адо дѣлать?“—онъ замахалъ руками, странно разинувъ глуокій, черный ротъ, долго не могъ ничего сказать, а потомъ ыкнулъ:

— Ловите ихъ!

Евсей слышалъ, какъ изящный Леонтьевъ, сухо покашлиая, говорилъ Сашѣ:

— Очевидно, что наши старые пріемы борьбы съ крамолой е годятся въ эти дни общаго безумія...

— Плевкомъ пожара не погасишь!—говорилъ Саша шипяими звуками, а лицо его искаженно улыбалось.

Всѣ жаловались, сердились, кричали; Саша таскалъ св длинныя ноги и насмѣшливо восклицалъ, издѣваясь:

— Что-о? Одолѣваютъ васъ господа революціонеры, ага

Онъ смѣялся, раздражая всѣхъ этимъ смѣхомъ, а Евс наблюдалъ за нимъ и чувствовалъ, что Саша ничего не боится.

Шпіоны метались день и ночь, приносили въ охра каждый вечеръ длинные рапорты о своихъ наблюденіяхъ сумрачно говорили другъ другу:

— Развѣ теперь такъ нужно? Х-хе...

И никто, должно-быть, не зналъ средства, которое мог бы удержать стихійный ростъ народнаго возмущенія.

— Расчешутъ намъ кудри!—сказалъ Петръ, ломая пальц такъ что они хрустѣли.

— За штатъ отчислятъ, коли живы останемся,—уны вторилъ ему Соловьевъ.—Хоть бы пенсію дали,—не д дутъ!

— Петлю на шею, а не пенсію!—угрюмо сказалъ Мел никовъ.

Всѣ устали, спутались, во всѣхъ трепетала боязнь перед завтрашнимъ днемъ, всѣ, и шпіоны и начальство, как будто выцвѣли. Люди, которые еще недавно были въ гла захъ Евсея страшны, представлялись ему неодолимо сил ными хозяевами всей жизни, теперь бѣгали изъ угла в уголъ охраннаго отдѣленія и метались по улицамъ города полубольные, полупьяные, гонимые разными страхами.

Онъ съ удивленіемъ видѣлъ другихъ людей—веселые, пр стые и довѣрчивые, они смѣло шли куда-то въ будущее, бе заботно шагая черезъ всѣ препятствія и западни на пут своемъ, каждый изъ нихъ былъ по-своему хорошъ и кажды ясно намекалъ на возможность чего-то еще болѣе лучшаго чѣмъ онъ самъ. Онъ сравнивалъ ихъ со шпіонами, которы неохотно, устало и скрытно ползали по улицамъ и домам ночами тайно похищая этихъ людей, чтобы спрятать ихъ в тюрьму, и онъ ясно видѣлъ, что шпіоны не любятъ своег дѣла, не вѣрятъ, что оно нужно для жизни, и не думают куда они безвольно и привычно идутъ · полубольные, полу пьяные, гонимые разными страхами.

Ему нравилась спокойная рѣчь Ольги, ея сѣро-голубы глаза и та живая, крѣпкая жалость къ людямъ, котора звучала въ каждомъ словѣ дѣвушки, нравился шумный, на смѣшливый, немного хвастливый говорунъ Яковъ, безпечны Алексѣй, добродушно готовый отдать свой грошъ и послѣд нюю рубашку первому, кто попроситъ. Онъ все больше

встрѣчалъ новыхъ для него людей и, чувствуя въ каждомъ силу, невольно, незамѣтно подчинялся этой силѣ, такъ непохожей на ту, которой онъ покорно служилъ до этихъ дней. Евсей началъ искать для себя тропу, которая позволила бы ему обойти, миновать необходимость предательства. Разсуждалъ онъ такъ:

— Если я буду ходить къ нимъ—не сумѣю я не выдать ихъ. Передать ихъ другому—это еще хуже. Надо сказать имъ. Теперь они становятся сильнѣе; съ ними мнѣ лучше будетъ.

И, повинуясь влеченію къ новымъ для него людямъ, онъ все чаще посѣщалъ Якова, все болѣе настойчиво искалъ встрѣчъ съ Ольгой, и послѣ каждаго свиданія съ ними тихимъ голосомъ подробно докладывалъ Сашѣ о томъ, что они говорили, что читаютъ и думаютъ дѣлать. Ему было пріятно говорить о нихъ, онъ повторялъ ихъ рѣчи съ тайнымъ удовольствіемъ.

— Э, размазня!—гнусилъ Саша, сердито и насмѣшливо покидывая Климкова тусклыми глазами.—Ты ихъ самъ толкай впередъ, если они недогадливы! Ты попробуй, намекни имъ, что, молъ, вотъ, я могу достать шрифтъ, устроить типографію. Неужели не сумѣешь этого?

Евсей молчалъ.

— Тебя спрашиваютъ, идіотъ! Можешь сдѣлать это, ну?

— Могу.

— Такъ чего же ты мямлишь? Завтра же предложи имъ! Слышалъ?

— Хорошо.

Климкову было легко исполнить приказаніе Саши—докладывая ему о кружкѣ брата, онъ не осмѣлился сказать, что и Яковъ и Ольга уже дважды осторожно спрашивали его, не можетъ ли онъ достать шрифтъ, а онъ оба раза отдѣлывался отъ нихъ молчаніемъ.

На другой день вечеромъ онъ шелъ къ Ольгѣ и несъ въ груди темную пустоту, всегда въ моменты нервнаго напряженія владѣвшую имъ. Рѣшеніе исполнить задачу было вложено въ него чужой волей, и ему не надо было думать о ней. Это рѣшеніе расползлось, разрослось внутри его и вытѣснило всѣ страхи, всѣ симпатіи.

Но когда въ маленькой, скудно освѣщенной комнатѣ передъ нимъ встала высокая фигура Ольги, а за нею на стѣнѣ онъ увидалъ ея большую тѣнь, которая тихо подвигалась навстрѣчу ему, Климковъ оробѣлъ, смутился и молча сталъ въ двери.

— А я только-что пришла съ фабрики,—говорила Ольга пожимая его руку.—У насъ сегодня опять былъ митингъ Вы—что̀? Устали? Нездоровится? Проходите, садитесь. Будем пить чай,—хорошо?

Она прибавила огня въ лампѣ, съ улыбкой посмотрѣла на Климкова и, приготовляя посуду, продолжала:

— Люблю я съ вами вдвоемъ чай пить! Сама я да и всѣ товарищи—мы много говоримъ,—нужно говорить такъ много что думать почти некогда! Это смѣшно и нехорошо, правда! И вотъ, когда видишь молчаливаго, думающаго человѣка—пріятно. Хотите молока выпить? Вамъ полезно, вы очень худѣете, кажется...

Климковъ молча взялъ предложенный ею стаканъ и медленно выпилъ жидкое, невкусное молоко. Ему захотѣлось скорѣе кончить дѣло.

— Вотъ что̀—вы говорили, что шрифтъ нуженъ вамъ.

— Говорила! Я знаю, что вы его дадите намъ.

Она сказала эти слова просто, съ неотразимой увѣренностью и точно ударила ими Евсея. Изумленный, онъ откинулся на спинку стула и не сразу глухо спросилъ:

— А почему знаете?

— А вы тогда не сказали ни да ни нѣтъ—значитъ, подумала я, онъ навѣрное скажетъ—да!

Евсей не понялъ и, стараясь не встрѣчаться взглядами съ ея глазами, спросилъ снова:

— Почему?

— Должно-быть, потому, что считаю васъ хорошимъ человѣкомъ, вѣрю вамъ...

— Не надо вѣрить!—сказалъ Евсей.

— Ну, полноте! Надо.

— А—ошибетесь?

Она пожала плечами.

— Ну что̀ жъ!

Потомъ, послѣ паузы, спокойно прибавила:

— Не вѣрить человѣку—не уважать его, заранѣе думать о немъ, что онъ лгунъ, дурной,—развѣ это можно?

— Такъ и надо!—пробормоталъ Евсей

— Что̀?—спросила дѣвушка

— Я могу дать шрифтъ,—отвѣтилъ онъ и вздохнулъ. Задача была кончена. Нѣсколько минутъ онъ молчалъ, наклонивъ голову, и, сжимая между колѣнъ крѣпко стиснутыя руки, подозрительно прислушивался къ быстрому біенію своего сердца.

Ольга облокотилась на столъ и вполголоса говорила о томъ

когда и куда нужно принести обѣщанное имъ, онъ запоминалъ ея слова и повторялъ ихъ про себя, желая помѣшать этими повтореньями росту тягостнаго чувства въ пустой груди. Теперь, когда онъ исполнилъ долгъ службы, со дна его души стала медленно подниматься удушливая тошнота, мучительно просыпалось то враждебное ему чувство, которое все глубже дѣлило его надвое.

— Замѣчаете вы,—тихо говорила дѣвушка,—какъ быстро мѣняются люди, какъ у всѣхъ растетъ вѣра другъ въ друга, какъ быстро люди знакомятся? Всѣ ищутъ друзей, находятъ ихъ, всѣ становятся проще, довѣрчивѣе, открываютъ душу. Вы посмотрите, какъ это хорошо!

Ея слова трепетали передъ нимъ, какъ ночныя бабочки, каждое слово имѣло свое лицо и фигуру, всѣ они точно улыбались, простыя, ласковыя, радостныя. Не рѣшаясь посмотрѣть въ лицо Ольги, Климковъ черезъ ея плечо слѣдилъ за тѣнью на стѣнѣ и рисовалъ на тѣни голубые глаза, небольшой ротъ съ блѣдными губами, лицо, немного усталое, серьезное, но мягкое и доброе.

„Сказать ей теперь, что все это фокусъ, чтобы погубить ее?“—спрашивалъ онъ самъ себя.

И отвѣчалъ:

„Выгонитъ. Обругаетъ и выгонитъ“.

— Вы Зимина столяра не знаете?—вдругъ спросилъ онъ.

— Нѣтъ. А что?

Евсей тяжко вздохнулъ.

— Такъ,—тоже хорошій человѣкъ. Соціалистъ...

— Насъ много!—увѣренно замѣтила Ольга.

„Если бы она знала столяра, — медленно соображалъ Климковъ,—я бы научилъ ее—пусть спроситъ его обо мнѣ. Тогда бы...“

Ему показалось, что стулъ опускается подъ нимъ и тошнота сейчасъ хлынетъ въ горло. Онъ откашлялся, осмотрѣлъ комнату, и еще разъ она тронула его за сердце, чистая, блѣдная, маленькая. Въ окно смотрѣла луна, круглая, точно лицо Якова, и огонь лампы казался досадно-лишнимъ.

— Все больше родится людей, которые сознаютъ себя призванными судьбой построить жизнь иначе, на правдѣ, на разумѣ,—разсказывала Ольга мечтательно и просто.

А Евсей, все болѣе подчиняясь власти побѣднаго чувства, которое внушала ему дѣвушка и ея тихое, тѣсное жилище, думалъ:

„Погашу свѣтъ, стану передъ ней на колѣни, обниму ноги и все скажу. А она мнѣ дастъ пинка...“

Но это его не остановило. Онъ тяжело поднялся со стула, протянулъ руку къ лампѣ, рука вяло опустилась, ноги вздрогнули, онъ покачнулся.

— Что̀ вы?—спросила Ольга.

Желая отвѣтить, Климковъ тихо завылъ, сталъ на колѣни и началъ хватать ея платье дрожащими руками. Она уперлась въ лобъ его горячей ладонью, другой рукой взяла за плечо, сильнымъ движеніемъ спрятала ноги подъ стулъ и строго заговорила:

— Нѣтъ, нѣтъ, встаньте! А-ай, какъ это нехорошо! Я не могу... Вѣдь вы не милостыню просите... ну, встаньте же!..

Теплота ея крѣпкаго тѣла будила въ немъ острое, чувственное желаніе, и толчки рукъ ея онъ принималъ, какъ возбуждающія ласки.

„Не святая!"—мелькнуло у него въ умѣ, и онъ началъ обнимать колѣни дѣвушки сильнѣе.

— Я говорю вамъ—встаньте!—негромко крикнула она, уже не убѣждая, а приказывая.

Онъ всталъ, не успѣвъ ничего сказать—дѣвушка спутала всѣ желанія, всѣ слова, чувства, вложила въ грудь ему что-то обидное, колющее.

— Поймите вы,—пробормоталъ онъ, разводя руками.

— Да, да, я понимаю,—Боже мой! Всегда это на дорогѣ!—воскликнула она и, посмотрѣвъ въ лицо ему, сурово сказала:—Мнѣ надоѣло это,—мнѣ обидно,—вѣдь я же не могу для всѣхъ быть только женщиной! Ахъ, господа, какіе вы все-таки жалкіе!

Она стала у окна, между нею и Евсеемъ стоялъ столъ. Мутное и холодное недоумѣніе обняло сердце Климкова, обидный стыдъ тихо жегъ его.

— Вотъ что̀—вы ко мнѣ не ходите,—я васъ прошу! Мнѣ будетъ неловко съ вами, вамъ—тоже. Пожалуйста...

Евсей взялъ шапку, накинулъ на плечи пальто и, согнувшись, пошелъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ на лавкѣ у воротъ какого-то дома и, точно пьяный, бормоталъ, искусственно напрягаясь:

— Дрянь...

Припоминалъ всѣ позорныя для женщины слова, всѣ скверныя ругательства и покрывалъ ими стройную, высокую фигуру Ольги, желая испачкать грязью всю ее, затемнить съ ногъ до головы, чтобы не видѣть ея лица и глазъ. Но ругательства не приставали къ ней, она стояла передъ глазами

и протягивала руки, отталкивая его, спокойная, бѣлая. И хотя Евсей упорно будилъ въ себѣ злость, но чувствовалъ только обиду.

Долго смотрѣлъ на круглый одинокій шаръ луны—она двигалась по небу толчками, точно прыгала, какъ большой свѣтлый мячъ, и онъ слышалъ тихій звукъ ея движенія, подобный ударамъ сердца.

Не любилъ онъ этотъ блѣдный, тоскующій шаръ, всегда въ тяжелыя минуты жизни какъ бы наблюдавшій за нимъ съ холодной настойчивостью. Было поздно, но городъ еще не спалъ, отовсюду неслись разные звуки.

„Раньше ночи были спокойнѣе“, — подумалъ Климковъ, всталъ и пошелъ, не надѣвая пальто въ рукава и сдвинувъ шапку на затылокъ.

„Ну хорошо, — подожди! — думалъ онъ, насилуя себя, и наконецъ рѣшилъ:—Выдамъ ихъ и попрошу, чтобы меня перевели въ другой городъ—только и всего!“

Онъ неохотно подчинялся желанію отомстить Ольгѣ и съ большой натугой усиливалъ это желаніе, но все-таки оно покрывало его сердце тонкой пленкой, постоянно рвалось, и изъ-подъ него неожиданно являлось не сильное, но безпокойное стремленіе увидѣть дѣвушку еще разъ, молча послушать ея рѣчи, посидѣть у нея въ комнатѣ. Онъ гасилъ это нарочными, унижающими Ольгу мыслями.

„Кабы у меня были большія деньги — ты бы голая плясала предо мной! Знаю я васъ, распутницъ!“

И самъ себѣ говорилъ съ ожесточеніемъ:

— Не оплюешь, не достанешь...

Ему хотѣлось того или другого, и ни то ни другое не было доступно ему. Въ болѣе спокойныя минуты онъ понималъ это и, точно раздавленный, какъ бы засыпалъ тяжелымъ кошмарнымъ сномъ.

Но аккуратно дѣлалъ свое дѣло: въ три пріема передалъ Макарову нѣсколько тяжелыхъ связокъ типографскаго шрифта, ловко узналъ отъ него о квартирѣ, гдѣ будетъ устроена типографія, и удостоился отъ Саши публичной похвалы:

— Молодчина! Это не очень скверно, Климковъ! Ты получишь награду...

Евсей отнесся къ его похвалѣ равнодушно, а когда Саша ушелъ, ему бросилось въ глаза острое, похудѣвшее лицо Маклакова. Шпіонъ, сидя въ темномъ углу комнаты на диванѣ, смотрѣлъ оттуда въ лицо Евсея, покручивая свои усы, нахмуренный, сердитый. Во взглядѣ его было что-то задѣвшее Евсея, онъ отвернулся въ сторону.

— Климковъ, поди сюда!—позвалъ шпіонъ.

Климковъ подошелъ, сѣлъ рядомъ.

— Это правда, что ты брата своего выдаешь?—спросилъ Маклаковъ негромко.

— Двоюроднаго,—сказалъ Евсей.

— Не жалко?

— Нѣтъ.

И, вспомнивъ фразу, которую часто говорило начальство, онъ тихо и сердито повторилъ:

— У насъ, какъ у солдатъ, нѣтъ ни матери, ни отца, ни братьевъ, только одни враги царя и отечества...

— Ну, конечно!—сказалъ Маклаковъ и усмѣхнулся. Потомъ, помолчавъ, сказалъ:

— А дѣйствительно—ты молодецъ!

По голосу и по усмѣшкѣ Климковъ понялъ, что шпіонъ издѣвается надъ нимъ. Онъ обидѣлся.

— Можетъ-быть, мнѣ и жалко...

— Да?

— Но если я долженъ служать честно и вѣрно?

— Конечно! Я вѣдь не спорю, чудакъ!

Потомъ онъ закурилъ папиросу и спросилъ Евсея:

— Ты что̀ сидишь тутъ?

— Такъ,—мнѣ дѣлать нечего...

Маклаковъ хлопнулъ его по колѣну и вдругъ сказалъ:

— Несчастный ты, братъ, человѣчекъ!

Евсей всталъ.

— Тимоѳей Васильевичъ,—дрожащимъ голосомъ проговорилъ онъ

— Ну что̀?

— Скажите мнѣ...

— Что̀ сказать?

— Я не знаю..

— Ну, и я тоже!

Климковъ шопотомъ пробормоталъ:

— Мнѣ жалко брата... и еще одна дѣвица тамъ,—да они всѣ лучше насъ, ей-Богу! Право—лучше!

Шпіонъ тоже всталъ на ноги, вытянулся и, шагая къ двери, холодно произнесъ:

— Пошелъ ты къ чорту...

Евсей остался одинъ.

„Ну вотъ! — подумалъ онъ. — Вотъ и еще... Всѣ такъ—поманятъ да и оттолкнутъ!“

Мстительное чувство къ Ольгѣ проснулось и слилось съ озлобленіемъ противъ всѣхъ людей, а озлобленіе имѣло много

пищи въ душѣ, безсильной сопротивляться, отравленной многими обидами. Евсей крѣпко запуталъ себя сѣтью новаго настроенія и сталъ служить съ тупой ревностью, раньше незнакомой ему.

XVII.

Незамѣтно подошла ночь, когда рѣшено было арестовать Ольгу, Якова и всѣхъ, кто былъ связанъ съ ними по дѣлу типографіи, кого Евсей успѣлъ прослѣдить. Онъ зналъ, что типографія помѣщается въ саду во флигелѣ, что въ ней уже теперь живетъ большой рыжебородый человѣкъ Костя съ женой, рябоватой и толстой, за прислугу у нихъ Ольга. У Кости голова была гладко острижена, а у жены его сѣрое лицо и блуждающіе глаза: они оба показались Евсею людьми не въ своемъ умѣ и какъ будто долго лежали въ больницѣ.

— Какіе они страшные! — замѣтилъ онъ, когда Яковъ указалъ ему этихъ людей на вечеринкѣ въ квартирѣ Макарова.

Яковъ любилъ похвастаться знакомствами, онъ гордо тряхнулъ кудрявой головой и важно объяснилъ:

— Отъ своей трудной жизни! Работаютъ въ подвалахъ по ночамъ, сырость, воздуху мало. Отдыхаютъ—въ тюрьмахъ. Оба бѣглые, живутъ по чужимъ паспортамъ—отъ этого всякъ на изнанку вывернется. А они—веселые! Костя какъ начнетъ разсказывать о своей жизни—однѣ слезы, кажется, а онъ такъ говоритъ, что потомъ со смѣху бока болятъ. Этакихъ людей не скоро сгложешь!

Климкову захотѣлось въ послѣдній разъ взглянуть на Ольгу, онъ узналъ, какими улицами повезутъ арестованныхъ въ тюрьму, и пошелъ ввстрѣчу имъ, стараясь убѣдить себя, что его не трогаетъ все это, и думая о дѣвушкѣ:

„Навѣрное испугается. Плакать будетъ...“

Шелъ онъ, какъ всегда, держась въ тѣни, нѣсколько разъ пробовалъ беззаботно свистать и не могъ остановить стройнаго теченія воспоминаній объ Ольгѣ—видѣлъ ея спокойное лицо, вѣрующіе глаза, слышалъ немного надорванный голосъ, помнилъ слова...

— Вы напрасно такъ нехорошо говорите о людяхъ, Климковъ. Развѣ вамъ не въ чемъ упрекнуть себя? Если каждый будетъ говорить, какъ вы, — мнѣ тяжело живется отъ того, что всѣ люди скверные, — вѣдь это смѣшно, вы понимаете? Оцѣнивайте себя высоко, но не унижайте людей! Какое вы имѣете право на это?

Слушая ее, онъ всегда чувствовалъ, что Ольга говоритъ

вѣрно, и теперь у него тоже не было причинъ сомнѣваться въ этомъ, но было голое желаніе видѣть ее испуганной, жалкой, въ слезахъ.

Вдали затрещали по камнямъ колеса экипажа, застучали подковы. Климковъ прижался къ воротамъ какого-то дома и ждалъ. Мимо него проѣхала карета, онъ безучастно посмотрѣлъ на нее, увидѣлъ два хмурыхъ лица, сѣдую бороду кучера, большіе усы околоточнаго рядомъ съ нею.

„Вотъ и все! — подумалъ онъ. — И не пришлось увидѣть ее...“

Но въ концѣ улицы снова дребезжалъ экипажъ, онъ катился торопливо, были слышны удары кнута о тѣло лошади и ея усталое сопѣнье. Евсей слышалъ звуки. Ему казалось, что они неподвижно повисли въ воздухѣ и будутъ висѣть такъ всегда.

Кутаясь въ платокъ, въ пролеткѣ сидѣла Ольга рядомъ съ молодымъ жандармомъ, а на козлахъ, у извозчика, бокомъ торчалъ городовой. Мелькнуло знакомое лицо, бѣлое и доброе; Евсей скорѣе понялъ, чѣмъ увидалъ, что Ольга совершенно спокойна, нимало не испугана. Онъ почему-то вдругъ обрадовался и, какъ бы возражая непріятному собесѣднику, мысленно сказалъ:

— Она не заплачетъ!

Закрывъ глаза и улыбаясь, онъ простоялъ еще нѣсколько времени, потомъ услышалъ шаги, звонъ шпоръ, понялъ, что это ведутъ арестованныхъ мужчинъ, сорвался съ мѣста и, стараясь не топать ногами, быстро побѣжалъ по улицѣ, свернулъ за уголъ и почти бѣгомъ все время, усталый и облитый потомъ, явился къ себѣ домой.

Вечеромъ на другой день Филиппъ Филипповичъ, обливая его синими лучами, говорилъ торжественно и еще болѣе тонкимъ голосомъ, чѣмъ всегда:

— Поздравляю тебя, Климковъ, съ добрымъ успѣхомъ и желаю, чтобы этотъ успѣхъ былъ первымъ звеномъ въ длинной цѣпи удачъ!

Климковъ переступилъ съ ноги на ногу и тихонько развелъ руками, точно желая освободить себя изъ невидимыхъ путъ.

Въ комнатѣ было нѣсколько шпіоновъ, они молча слушали звукъ пилы и смотрѣли на Евсея, а онъ, не видя, чувствовалъ ихъ взгляды на своей кожѣ, и ему было неловко, скучно.

Когда начальникъ кончилъ говорить, Евсей тихо попросилъ его о переводѣ въ другой городъ.

— Ну, это ерунда, братъ!—сухо сказалъ Филиппъ Филипповичъ.—Что̀ такое? Первое удачное дѣло—и бѣжать? Я самъ знаю, когда нужно перевести. Ступай!

„Вотъ и наградили“, — подумалъ Климковъ уныло и обиженно.

Но онъ ошибся, награду ему далъ Саша.

— Эй, ты, сморчокъ! — позвалъ онъ его. — На̀ вотъ тебѣ, получи...

Коснувшись своей влажной, желтой рукой руки Евсея, онъ сунулъ ему бумажку и ушелъ прочь.

Подскочилъ Яковъ Зарубинъ.

— Сколько?

— Двадцать пять рублей, — отвѣтилъ Климковъ, развертывая билетъ непослушными пальцами.

— А сколько людей было?

— Семеро...

— Семеро?.. У!

Зарубинъ поднялъ глаза къ потолку и забормоталъ:

— Дважды,—нѣтъ, трижды-семь—двадцать одинъ... четыре на семь—по три съ полтиной за человѣка!

Онъ тихонько свистнулъ и, оглянувшись, шопотомъ сообщилъ:

— Сашѣ полтораста дали, да онъ счетъ расходовъ представилъ по этому дѣлу въ сто шестьдесятъ три рубля. Надуваютъ они насъ, дураковъ! Ну-что̀ же, Евсей, угощай на радостяхъ...

— Идемъ, — сказалъ Климковъ, искоса поглядывая на деньги и не рѣшаясь положить ихъ въ карманъ.

Пошли, и доро̀гою Зарубинъ дѣловито заговорилъ:

— А все-таки, видно, твои люди дрянь были...

— Почему это?—обидчиво сказалъ Климковъ. И, вздохнувъ, сказалъ потише: — Вовсе не дрянь.

— Мало дали за нихъ, мало! Я вѣдь знаю порядки, меня не обманешь, нѣтъ! Красавинъ одного революціонера поймалъ—такъ сто рублей получилъ здѣсь, да изъ Петербурга прислали сто! Соловьеву — за нелегальную барыню—семьдесятъ пять! Видишь? А Маклаковъ? У! Ну, положимъ, онъ среди адвокатовъ, профессоровъ, писателей, имъ цѣна особая. Они—не опасные, а ловить ихъ, должно-быть, трудно!

Онъ говорилъ не уставая, Климковъ былъ доволенъ его болтовней, она мѣшала ему думать о чемъ-то гнетущемъ, что̀ лежало въ груди, точно холодный камень.

Пришли въ публичный домъ. Зарубинъ крикливымъ голосомъ завсегдатая началъ спрашивать у высокой, худой и кривой экономки:

— Лида здорова? А Капа? Вотъ, Евсей, ты познакомишься съ Капой — это такая дѣвица! Извергъ! Она тебя тому научитъ, чего ты во сто лѣтъ безъ нея не узнаешь. Ну-съ, дайте намъ лимонаду и коньяку... Прежде всего, Евсей, надо хватить коньяку съ лимонадомъ—это въ родѣ шампанскаго, сразу поднимешься на дыбы! Идетъ?

— Мнѣ все равно,—отвѣтилъ Климковъ.

Домъ былъ, видимо, дорогой, на окнахъ висѣли пышныя занавѣски, мебель казалась Евсею необыкновенной, красиво одѣтыя дѣвицы—гордыми и неприступными, все это смущало его. Онъ жался въ уголъ, уступая дорогу дѣвицамъ, которыя какъ будто не замѣчали его, проходя мимо и касаясь своими юбками его ногъ. Лѣниво проплывало подавляющими массами полуголое тѣло, накрашенное и уже потное, ворочались въ орбитахъ подведенные глаза, большіе, но почти всѣ какіе-то мертвые и одинаковые, несмотря на разный цвѣтъ.

— Студенты?—спросила рыжая дѣвица подругу, толстую брюнетку съ высокой голой грудью и голубой лентой на шеѣ.

Та что-то шепнула на ухо ей, рыжая сдѣлала Евсею гримасу, онъ отвернулся отъ нея и сказалъ Зарубину недовольно:

— Знаютъ, кто мы!

— А какъ же! Конечно! Потому и берутъ за входъ половину цѣны, и скидка со счета двадцать пять процентовъ.

Евсей выпилъ два бокала шипучаго и вкуснаго напитка, и хотя ему не стало веселѣе, но окружающее сдѣлалось болѣе безразличнымъ.

Къ нимъ за столъ сѣли двѣ дѣвицы, высокая, крѣпкая Лидія и огромная, тяжелая Капитолина. Голова Лидіи была несоразмѣрно съ тѣломъ маленькая, лобъ узкій, острый, сильно выдвинутый подбородокъ и круглый ротъ съ мелкими, точно у рыбы, зубами, глаза темные и хитрые, а Капитолина казалась сложенной изъ нѣсколькихъ шаровъ разной величины, и выпученные глаза ея были тоже шарообразны и мутные, какъ у слѣпой.

Черненькій и неугомонный, подобно мухѣ, Зарубинъ вертѣлъ головой, двигалъ ногами, его тонкія, темныя руки летали надъ столомъ, онъ все хваталъ, щупалъ, обнюхивалъ. Евсей вдругъ почувствовалъ, что Зарубинъ вызываетъ у него тяжелое, тупое раздраженіе.

„Мерзавецъ, — подумалъ онъ. — За мои деньги привелъ мнѣ урода, а себѣ красивую выбралъ“.

И понялъ, что раздраженіе противъ Якова лежитъ глубже этой причины. Онъ налилъ большую рюмку коньяку, проглотилъ ее и, обожженный, открылъ ротъ, вращая глазами.

— Ловко!—воскликнулъ Яковъ.

А дѣвицы засмѣялись, и на минуту Евсей оглохъ и ослѣпъ, точно заснулъ.

— Вотъ, Евсей, Лида, мой вѣрный другъ, умница и разумница!—разбудилъ его Зарубинъ, дергая за рукавъ.—Когда я заслужу вниманіе начальства, я ее возьму отсюда, женюсь на ней и пристрою къ своему торговому дѣлу. Такъ, Лидочка? У!

— Поживемъ—увидимъ,—отвѣтила дѣвица, томно скосивъ на него свои масляные глаза.

— Ты что молчишь, дружокъ?—басомъ спросила Капитолина, хлопая по плечу Евсея тяжелой рукой

— Она всѣмъ говоритъ—ты,—замѣтилъ Яковъ.

— Это мнѣ все равно!—сказалъ Евсей, не глядя на дѣвицу и отодвигаясь отъ нея.—Только скажи ей, что она мнѣ не нравится и пускай уйдетъ...

Нѣсколько секундъ всѣ молчали.

— Чортъ съ вами!—густо и спокойно сказала Капитолина и, упираясь рукой въ столъ, медленно подняла со стула свое тяжелое тѣло.

Евсею стало досадно, что она не обидѣлась, онъ взглянулъ на нее и проговорилъ:

— Въ родѣ слона, какая-то.

— Ай, какъ это невѣжливо! — съ сожалѣніемъ вскричала Лилія.

— Да, Евсей, это, братъ, невѣжливо!—убѣжденно подтвердилъ Зарубинъ. — Капитолина Николаевна дѣвица замѣчательная, и всѣ понимающіе люди ее цѣнятъ.

— А мнѣ все равно,—сказалъ Евсей.—Я хочу пива!

— Эй, пива!—крикнулъ Зарубинъ.—Капочка, будьте любезны, похлопочите насчетъ пива.

Толстая дѣвица повернулась и, шаркая ногами по полу, молча ушла, а Зарубинъ, наклонясь къ Евсею, вкрадчиво и поучительно началъ:

— Видишь ли что, Евсей, конечно, здѣсь заведеніе и прочее... Но дѣвицы такіе же люди, какъ мы съ тобой—зачѣмъ ихъ обижать безполезной грубостью? Не всѣ здѣсь по своей волѣ...

— Отстань!—сказалъ Климковъ.

Ему захотѣлось, чтобы вокругъ было тихо, чтобы дѣвицы перестали плавать въ воздухѣ, точно скучные клочья весенней тучи, разорванные вѣтромъ, и бритый таперъ съ темно-синимъ лицомъ утопленника не тыкалъ пальцами въ желтые зубы рояля, похожаго на челюсть огромнаго чудовища ко-

торое громко и визгливо хохотало. Хотѣлось, чтобы всѣ молча сѣли на стулья и сидѣли неподвижно, чтобы занавѣски на окнахъ не шевелились такъ странно, какъ будто съ улицы ихъ дергаетъ чья-то невидимая и непріязненная рука. И пусть въ дверяхъ станетъ Ольга, одѣтая въ бѣлое, тогда онъ поднимется, обойдетъ всю комнату и каждаго человѣка въ ней съ размаху ударитъ по лицу — пусть Ольга видитъ, что ему противны всѣ они, а она не права и ничего не понимаетъ.

Въ уши ему назойливо садились жалобныя слова Зарубина.

— Мы пріѣхали веселиться, а ты сразу начинаешь скандалъ...

Евсей, покачиваясь всѣмъ тѣломъ, мутно посмотрѣлъ въ лицо ему и вдругъ съ холодной ясностью сказалъ себѣ:

— Изъ-за этого сукина сына... Изъ-за него и попалъ въ петлю... Все изъ-за него!

Онъ взялъ въ руки полную бутылку пива, налилъ себѣ стаканъ, выпилъ его и, не выпуская бутылки изъ руки, поднялся съ мѣста.

— Деньги мои, а не твои, сволочь!—сказалъ онъ.

— Что̀ жъ изъ этого? Мы товарищи...

Черная, стриженая и колючая голова Зарубина запрокинулась назадъ, Евсей увидѣлъ острые блестящіе глазки на смугломъ лицѣ съ оскаленными зубами.

— Ты подожди, сядь,—сказалъ онъ.

Климковъ взмахнулъ бутылкой и ударилъ ею лицу, цѣлясь въ глаза. Масляно, влажно заблестѣла ала кровь, возбуждая у Климкова яростную радость, — онъ еще взмахнулъ рукой, обливая себя пивомъ. Все ахнуло, завизжало, пошатнулось, чьи-то ногти впились въ щеки Климкова, его схватили за руки, за ноги, подняли съ пола, потащили, и кто-то плевалъ въ лицо ему теплой, клейкой слюной, тискалъ горло и рвалъ волосы.

Онъ очнулся въ участкѣ, весь оборванный, исцарапанный, мокрый, сразу все вспомнилъ и впервые, безъ испуга, подумалъ:

„Что̀ жъ теперь будетъ?“

Знакомый полицейскій чиновникъ посовѣтовалъ Евсею вымыть лицо и ѣхать домой.

— Судить меня будутъ?—спросилъ Климковъ.

— Не знаю,—сказалъ полицейскій, вздохнулъ и завистливо добавилъ:—Едва ли будутъ судить. Ваше начальство—сила, все ему дозволено, ну и вамъ тоже. Вы состоите подъ охраной, берегутъ васъ.

Евсей усмѣхнулся.

Черезъ нѣсколько дней какой-то неясной, ровной жизни (зъ впечатлѣній и тревогъ, Евсея позвалъ Филиппъ Фи-ппповичъ и долго пронзительно кричалъ на него.

— Ты, идіотъ, долженъ давать людямъ примѣры добраго веденія, не скандалы дѣлать—прошу помнить это! Если я знаю еще что-нибудь подобное о тебѣ—я тебя посажу на сяцъ подъ арестъ—слышалъ?

Климковъ испугался, согнулся и сталъ жить тихонько, лча, незамѣтно, стараясь возможно больше уставать, для го, чтобы ни о чемъ не думать.

Когда онъ встрѣтился съ Яковомъ Зарубинымъ, то уви-лъ у него надъ правымъ глазомъ небольшой красный амъ; эта новая черта на подвижномъ лицѣ сыщика была у пріятна, и сознаніе, что онъ нашелъ въ себѣ силу и лость ударить человѣка, поднимало его въ своихъ гла-хъ.

— За что ты меня?—спросилъ Яковъ.

— Такъ,—сказалъ Евсей.—Пьянъ былъ я...

— Эхъ, ты, чортъ! Вѣдь ты знаешь, что̀ такое лицо для шей должности! Развѣ можно его портить?

И Зарубинъ потребовалъ съ Евсея угощеніе хорошимъ ѣдомъ.

XVIII.

Но Климкову не удалось скрыть себя отъ силы враждеб-ихъ думъ, онѣ явились снова — среди шпіоновъ разнесся ухъ, что нѣкоторые изъ министровъ тоже оказались под-плены врагами царя и Россіи. Они составили заговоръ, обы отнять у царя власть, замѣнить существующій добрый сскій порядокъ жизни другимъ порядкомъ, взятымъ у остранныхъ государствъ и, конечно, вреднымъ для рус-аго народа. Теперь они выпустили манифестъ, въ кото-омъ будто бы по волѣ царя и съ его согласія извѣщали родъ о томъ, что ему скоро будетъ дана свобода соби-аться въ толпы, гдѣ онъ хочетъ, говорить о томъ, что̀ его тересуетъ, писать и печатать въ газетахъ все, что̀ нужно, даже будетъ дана свобода не вѣрить въ Бога.

Начальство снова тревожно забѣгало, растерянное и уны-е, снова начало говорить со шпіонами ласково, и хотя ни чемъ не просило, ничего не совѣтовало имъ, но, видимо, обиралось сказать что-то значительное и важное. Филиппъ илипповичъ цѣлыми часами тайно и тихо бесѣдовалъ съ расавинымъ, Сашей, Соловьевымъ и другими опытными

агентами, послѣ этихъ бесѣдъ всѣ они ходили нахмурени озабоченные, на вопросы своихъ товарищей отвѣчали кра и невразумительно.

Какъ-то разъ, сквозь неплотно притворенную дверь ка нета Филиппа Филипповича, въ канцелярію просочился лось Саши, злой и прерывавшійся отъ возбужденія.

— Да не о конституціи, не о политикѣ надо говорить и а о томъ, что новый порядокъ уничтожитъ ихъ, что п немъ смирные издохнутъ съ голоду, буйные сгніютъ тюрьмахъ. Кто намъ служитъ? Выродки, дегенераты, пси ческиболь ные, глупыя животныя...

— Вы говорите Богъ знаетъ что!—громко вскричалъ Ф липпъ Филипповичъ.

И раздался печальный голосъ Ясногурскаго:

— Планчикъ-то у васъ какой? Непонятно мнѣ, хоро вы мой, намѣреніе-то ваше...

Въ канцеляріи сидѣли Петръ, Грохотовъ, Евсей и е двое новыхъ шпіоновъ—одинъ рыжій, горбоносый, съ кр ными веснушками на лицѣ и въ золотыхъ очкахъ, друг бритый, лысый и краснощекій, съ широкимъ носомъ и баг вымъ пятномъ на шеѣ около лѣваго уха. Внимательно с шая разговоръ Саши, они косились другъ на друга и м чали. Петръ нѣсколько разъ вставалъ, подходилъ къ две наконецъ онъ громко кашлянулъ около нея—тотчасъ же невидимая рука плотно притворила ее. Лысый шпіонъ ос рожно пощупалъ толстыми пальцами свой носъ и тихо спроси

— Это кого же онъ называетъ выродками?

Сначала никто не отвѣтилъ ему, потомъ Грохотовъ, корно вздохнувъ, сказалъ:

— Онъ всѣхъ такъ зоветъ...

— Умная бестія! — воскликнулъ Петръ, мечтательно у баясь. — Гнилой весь, а, смотрите, все больше забира силу,—вотъ что значитъ образованіе!..

Лысый оглянулъ всѣхъ подслѣповатыми глазами и м раздумчиво освѣдомился:

— Какъ же это онъ говоритъ—вѣдь это онъ про насъ

— Политика!—сказалъ Грохотовъ.—Политика дѣло му ничѣмъ не брезгуетъ.

— Если бы я получилъ образованіе, я бы тоже по залъ козырей!—заявилъ Петръ.

Рыжій безпечно покачивался на стулѣ и часто зѣва широко открывая ротъ.

Изъ кабинета вышелъ Саша, багровый и встрепанн остановился у двери, оглядѣлъ всѣхъ, насмѣшливо спроси

— Подслушивали?

Одинъ за другимъ входили сыщики, потные, пыльные, гало и невесело перекидываясь различными замѣчаніями. Явился Маклаковъ, сердитый, нахмуренный, глаза у него ли какіе-то острые и обижающіе. Прищуриваясь, быстро шелъ въ кабинетъ Красавинъ и громко хлопнулъ дверью. Саша говорилъ Петру:

— Произойдетъ перемѣна мѣста—мы будемъ тайнымъ обществомъ, а они останутся явными идіотами, вотъ что бу-ъ! Эй,—крикнулъ онъ.—Никому не уходить, бесѣда на-чена!

Всѣ присмирѣли, замолчали. Изъ кабинета вышелъ Ясно-ской, широко улыбаясь большимъ ртомъ, его оттопырен-я мясистыя уши прилегли къ затылку, и весь онъ казался имъ-то скользкимъ, точно большой кусокъ мыла. Расха-вая въ толпѣ шпіоновъ, онъ пожималъ имъ руки, ласково смиренно кивалъ головой и вдругъ, уйдя куда-то въ уголъ, оворилъ оттуда плачущимъ голосомъ:

— Добрые люди царевы! Къ вамъ моя рѣчь отъ сердца, рбью напоеннаго, къ вамъ, люди безстрашные, люди безу-ечные, вѣрныя дѣти царя отца и православной церкви, ма-ери вашей...

— Завылъ!..—прошепталъ кто-то около Евсея, а Клим-ку послышалось, что Ясногурскій нехорошо выругался.

— Вы уже знаете о новой хитрости враговъ, о новой на-рной затѣѣ, вы читали извѣщеніе министра Булыгина о ть, что царь нашъ будто пожелалъ отказаться отъ власти, ученной ему Господомъ Богомъ надъ Россіей и народомъ скимъ. Все это, дорогіе товарищи, дьявольская игра людей, давшихъ души свои иностраннымъ интриганамъ, это новая пытка погубить Русь святую. Чего хотятъ достигнуть обѣ-емой ими Государственной Думой, чего желаютъ достичь й самой конституціей и свободой?

Шпіоны сдвинулись тѣснѣе.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, разсмотримъ ни дьяволовъ при свѣтѣ правды, коснемся ихъ нашимъ стымъ русскимъ умомъ и увидимъ, какъ они разсыплются ихомъ на глазахъ нашихъ. Вотъ смотрите—хотятъ отнять царя его божественную волю править страною по указанію ше, хотятъ выборы устроить въ народѣ, чтобы народъ лалъ къ царю своихъ людей и чтобы эти люди законы авали, сокращая власть цареву. Надѣются, народъ нашъ, ный, пьяный, позволитъ подкупить себя виномъ и день-ги и проведетъ тѣхъ, кого ему укажутъ предатели либе-

ралы и революціонеры, а укажутъ они народу жидовъ, пол
ковъ, армянъ, нѣмцевъ и другихъ инородцевъ, враговъ Росс

Климковъ замѣтилъ, что Саша, стоя сзади Ясногурскаг
улыбался насмѣшливо, какъ чортъ, и, не желая, чтобы бол
ной шпіонъ замѣтилъ его, наклонилъ голову.

— Окружитъ эта шайка продажныхъ мошенниковъ сѣ
лый тронъ царя нашего и закроетъ ему мудрые глаза его
судьбу родины нашей, предадутъ они Россію въ руки ин
родцевъ и иностранцевъ. Жиды устроятъ въ Россіи свое ца
ство, поляки свое, армяне съ грузинами, латыши и проч
нищіе, коихъ пріютила Русь подъ сильною рукою своею, св
царства устроютъ, и когда останемся мы, русскіе, одни... тог
тогда, значитъ...

Саша, стоявшій рядомъ съ Ясногурскимъ, началъ что-
шептать ему на ухо. Старикъ сердито отмахнулся, заго
рилъ громче.

— Тогда хлынутъ на насъ нѣмцы и англичане и заберу
насъ въ свои жадные когти. Разрушеніе Руси ждетъ на
дорогіе товарищи, друзья мои, берегитесь!

Онъ выкрикнулъ послѣднія слова рѣчи, замолчалъ на м
нуту, а потомъ поднялъ руки надъ головой и началъ сно

— Но у царя нашего есть друзья, они стерегутъ его сн
и славу, какъ псы вѣрные, неподкупные, и вотъ они тепе
основали общество для борьбы противъ подлыхъ затѣй револ
ціонеровъ, противъ конституціи и всякой мерзости, пагубн
намъ, истинно-русскимъ людямъ. Въ общество это входя
графы и князья, знаменитые заслугами царю и Россіи, губе
наторы, покорные волѣ царевой и завѣтамъ святой старин
и даже, можетъ-быть, сами великіе...

Саша снова остановилъ Ясногурскаго, старикъ выслуша
его, покраснѣлъ, замахалъ руками и вдругъ закричалъ:

— Ну и говорите,—что это такое? Какое у васъ пра
Не хочу!

Онъ странно подпрыгнулъ и, расталкивая толпу шпіоно
ушелъ. Теперь на его мѣстѣ стоялъ Саша. Высокій и ст
лый, онъ высунулъ голову впередъ, молча оглядывая всѣ
красными глазами и потирая руки.

— Ну, вы поняли что-нибудь?—рѣзко прозвучалъ его
просъ.

— Поняли... поняли...—недружно и негромко отвѣтило н
сколько голосовъ.

— Я думаю!—насмѣшливо воскликнулъ Саша и по
жающе отчетливо, со злобой и силой заговорилъ:

— Слушайте. и тѣ которые умнѣе, пусть растолкуютъ м

слова дуракамъ. Революціонеры, либералы и вообще наше русское барство одолѣло—поняли? Правительство рѣшило уступить ихъ требованіямъ, оно хочетъ дать конституцію. Что такое конституція для васъ? Голодная смерть, потому что вы лѣнтяи и бездѣльники, къ труду не годны; тюрьма—для многихъ, потому что что многіе изъ васъ заслужили ее; для нѣкоторыхъ—больница, сумасшедшій домъ, ибо среди васъ цѣлая куча полоумныхъ, душевно-больныхъ. Новый порядокъ жизни, если его устроятъ, немедленно раздавитъ васъ. Департаментъ полиціи будетъ уничтоженъ, охранныя отдѣленія закрыты, васъ вышвырнутъ на улицу. Это вамъ понятно?

Всѣ молчали, всѣ точно окаменѣли. Климковъ подумалъ: „Тогда бы я ушелъ куда-нибудь...“

— Я думаю—понятно?—сказалъ Саша, помолчавъ, и снова окинулъ всѣхъ однимъ взглядомъ. Красный вѣнецъ на лбу у него какъ будто расплылся по всему лицу, а лицо покрылось свинцовой синевой.

— Вы должны видѣть—этотъ новый порядокъ жизни невыгоденъ вамъ, не нуженъ,—значитъ, нужно теперь бороться противъ него—такъ? За кого, за чей интересъ вы будете бороться? За себя лично, за свой интересъ, за ваше право жить такъ, какъ вы жили до этой поры. Ясно? Что вы можете сдѣлать? Пусть каждый подумаетъ надъ этимъ...

Въ душной комнатѣ вдругъ родился тяжелый шумъ, точно вздохнула и захрипѣла чья-то огромная, больная, усталая грудь. Часть сыщиковъ молча и угрюмо уходила, опустивъ головы, кто-то раздраженно ворчалъ.

— Чѣмъ говорить разное, прибавили бы жалованья...

— Пугаютъ все,—всегда пугаютъ!

Въ углу около Саши собралось человѣкъ десять, Евсей тихонько подвигался къ нимъ и слышалъ восхищенный голосъ Петра:

— Вотъ какъ говоритъ—дважды-два—четыре и всѣ—тузы!

— Нѣтъ, я недоволенъ,—слащаво и выпытывающе говорилъ Соловьевъ.—Подумайте! Что значитъ—подумайте? Каждый можетъ думать на свой ладъ,—а ты мнѣ укажи, что дѣлать!

Красавинъ грубо и рѣзко крикнулъ:

— Указано это!

— Я не понимаю!—спокойно заявилъ Маклаковъ.

— Вы?—крикнулъ Саша.—Врете, вы поняли!

— Нѣтъ.

— А я говорю—вы поняли! Но вы—трусъ, вы дворянинъ, а-а, я васъ знаю!

— Можетъ-быть, — сказалъ Маклаковъ. — Но знаете ли вы, чего хотите?

Онъ спросилъ такъ холодно и значительно, что Евсей, вздрогнувъ, подумалъ:

„Ударитъ его Сашка...“

Но тотъ тихо и визгливо переспросилъ:

— Я? Знаю ли я, чего хочу?

— Ну да?

— Я вамъ это скажу! — угрожающе, поднимая голосъ, крикнулъ Саша. — Я скоро издохну, мнѣ некого бояться, я чужой человѣкъ для жизни... я живу ненавистью къ тѣмъ людямъ, предъ которыми вы, въ мысляхъ вашихъ, на колѣняхъ стоите! Не стоите, нѣтъ? Врете вы! Вы—рабъ, рабья душа, лакей, хотя и дворянинъ, а я мужикъ, прозрѣвшій мужикъ, я хоть и сидѣлъ въ университетѣ, но ничѣмъ не подкупленъ!

Евсей чувствовалъ, что слова Саши вцѣпились ему въ сердце, точно пауки, и, опутывая клейкими нитями, сжимаютъ, связываютъ, влекутъ къ Сашѣ. Онъ протискался впередъ и сталъ сбоку спорящихъ, стараясь сразу видѣть лица обоихъ.

— Я знаю своего врага, это вы, барство, вы и въ шпіонахъ господа, вы вездѣ противны, вездѣ ненавистны, мужчины и женщины, писатели и сыщики... И я знаю средство противъ васъ, господъ, противъ барства, я его знаю, я вижу, что надо сдѣлать съ вами, чѣмъ васъ истребить...

— Вотъ именно это интересно, а не истерика ваша, — сказалъ Маклаковъ, засунувъ руки въ карманы.

— Да, вамъ интересно? Хорошо, я скажу.

Саша видимо хотѣлъ сѣсть и, качаясь, точно маятникъ, оглядывался кругомъ, говоря непрерывно и задыхаясь въ быстрой рѣчи.

— Кто строитъ жизнь? Барство! Кто испортилъ милое животное—человѣка, сдѣлалъ его грязной скотиной, больнымъ звѣремъ? Вы, барство! Такъ вотъ, все это—всю жизнь надо обратить противъ васъ, такъ вотъ, надо вскрыть всѣ гнойники жизни и утопить васъ въ потокѣ мерзости, рвоты людей, отравленныхъ вами,—и будьте вы прокляты! Пришло время вашей казни и гибели, поднимется противъ васъ все искалѣченное вами и задушитъ, задавитъ васъ! Поняли? Да. вотъ какъ будетъ! И уже есть! Уже въ нѣкоторыхъ городахъ пробовали—насколько крѣпки головы господъ! Вамъ извѣстно это? Да?

Онъ покачнулся назадъ, опираясь спиной объ стѣну, про-

тянулъ впередъ руки и захлебнулся разбитымъ смѣхомъ. Маклаковъ взглянулъ на людей, стоявшихъ рядомъ съ нимъ, и, тоже усмѣхаясь, громко спросилъ:

— Вы поняли, что̀ онъ говоритъ?

— Говорить все можно!—отвѣтилъ Соловьевъ, но тотчасъ же быстро прибавилъ:—въ своей компаніи! Но самое интересное—это вотъ знать бы навѣрно, что въ Петербургѣ тайное общество составилось и къ чему оно?

— Это намъ нужно знать!—требовательно сказалъ Красавинъ.—Какіе въ немъ люди тоже..

— А вѣдь въ самомъ дѣлѣ, братцы, революція-то на другую квартиру переѣзжаетъ!—воскликнулъ Петръ весело и живо.

— Если тамъ, въ этомъ обществѣ, дѣйствительно князья,—раздумчиво и мечтательно говорилъ Соловьевъ,—то дѣла наши должны поправиться...

— У тебя и такъ двадцать тысячъ въ банкѣ лежитъ, старый чортъ!

— А можетъ—тридцать? Считай еще разъ!—обиженно сказалъ Соловьевъ и отошелъ въ сторону.

Саша кашлялъ глухо и сипло, Маклаковъ смотрѣлъ на него хмуро, а Евсей понемногу освобождался изъ тонкихъ путъ неожиданнаго, вдругъ возникшаго влеченія къ больному шпіону. Его рѣчь, сначала захватившая Климкова, теперь растворялась, исчезала въ душѣ, точно пыль подъ дождемъ.

— Что̀ вы на меня смотрите?—крикнулъ Саша Маклакову. Тотъ повернулся и пошелъ прочь, не отвѣтивъ, а Евсей безотчетно двинулся за нимъ.

— Вы поняли что-нибудь?—вдругъ спросилъ Маклаковъ Евсея.

— Мнѣ это не нравится...

— Да? Почему?

— Злобится онъ все... А злобы и безъ него много...

— Такъ!—сказалъ Маклаковъ, кивая головой.—Злобы достаточно!

— И ничего нельзя понять,—осторожно оглядываясь, продолжалъ Евсей,—всѣ говорятъ разно...

Онъ сказалъ это и тотчасъ испугался, искоса взглянувъ въ лицо Маклакова. Шпіонъ задумчиво стряхивалъ платкомъ пыль со своей шляпы и, должно-быть, не слышалъ опасныхъ словъ.

— Ну, до свиданья!—сказалъ онъ.

Евсею хотѣлось итти съ нимъ, но шпіонъ надѣлъ шляпу и, покручивая усъ, вышелъ, не взглянувъ на Климкова.

А въ городѣ неудержимо быстро росло что-то странное, точно сонъ. Люди совершенно потеряли страхъ; на лицахъ, еще недавно плоскихъ и покорныхъ, теперь остро и явно выступило властное, озабоченное выраженіе. Всѣ напоминали собою плотниковъ, которые собираются сломать старый домъ и дѣловито разсуждаютъ, съ чего удобнѣе начать работу.

Почти каждый день на окраинахъ фабричные открыто устраивали собранія, среди нихъ являлись революціонеры, извѣстные и полиціи и охранѣ въ лицо, они рѣзко порицали порядки жизни, доказывали, что манифестъ министра о созывѣ Государственной Думы—попытка правительства успокоить взволнованный несчастіями народъ и потомъ обмануть его, убѣждали не вѣрить никому, кромѣ своего разума.

И однажды, когда бунтовщикъ крикнулъ:

— Только народъ—истинный и законный хозяинъ жизни! Ему вся земля и вся воля!

Въ отвѣтъ раздался торжествующій ревъ:

— Вѣрно, братъ!

Евсей, оглушенный этимъ ревомъ, обернулся—сзади него стоялъ Мельниковъ, глаза его горѣли, черный и растрепанный, онъ хлопалъ ладонями, точно воронъ крыльями, и оралъ:

— Вѣр-рно-о!

Климковъ изумленно дернулъ его за полу пиджака и тихонько прошепталъ:

— Что вы? Это соціалистъ говоритъ, поднадзорный...

Мельниковъ замигалъ глазами, спросилъ:

— Онъ?

И, не дождавшись отвѣта, снова крикнулъ:

— Урра! Вѣрно!..

А потомъ, съ тяжелою злобою, сказалъ Евсею:

— Убирайся ты! Все равно, кто правду говоритъ...

Слушая новыя рѣчи, Евсей робко улыбался, безпомощно оглядываясь, искалъ вокругъ себя въ толпѣ человѣка, съ которымъ можно было бы откровенно заговорить, но, находя пріятное, возбуждающее довѣріе лицо, вздыхалъ и думалъ:

„Заговоришь, а онъ сразу пойметъ, что я сыщикъ...“

Онъ слышалъ, что въ рѣчахъ своихъ революціонеры часто говорятъ о необходимости устроить на землѣ другую жизнь, эти рѣчи будили его дѣтскія мечты, расширяли ихъ, наполняли яснымъ содержаніемъ, и онъ вѣрилъ безстрашнымъ горячимъ словамъ. Но на зыбкой, вязкой почвѣ его души, засоренной дрянными впечатлѣніями, отравленной страхомъ, истощенной насиліями, вѣра росла слабой и вялой она была

подобна больному рахитомъ ребенку, кривоногому, съ большими глазами, которые всегда смотрятъ вдаль.

Евсей робко любовался красивымъ ростомъ бупта, но не имѣлъ силы полюбить его, онъ вѣрилъ словамъ, но не вѣрилъ людямъ, его ласково трогали за сердце мечты, но онѣ умирали, касаясь сердца. Пугливый зритель, онъ ходилъ по берегу потока, не имѣя желанія броситься въ его освѣжающія душу волны. И въ то же время очень хотѣлъ, чтобы кто-нибудь побѣдилъ, чтобы кто-то сдѣлалъ жизнь спокойной, пріятной и указалъ ему уютное мѣсто въ ней.

Сначала ему казалось непонятнымъ, отчего это и революціонеры и начальство шпіоновъ одинаково ругаютъ министровъ, одинаково утверждаютъ, что кто-то хочетъ обмануть народъ, но, когда народъ самъ вышелъ на улицу и заговорилъ, Евсей пересталъ думать объ этомъ.

Шпіоны ходили медленно, вяло, всѣ стали чужими другъ другу, хмуро замолчали и каждый смотрѣлъ въ глаза товарища подозрительно, какъ бы ожидая отъ него чего-то опаснаго для себя. Начальство притихло, сдѣлалось незамѣтнымъ, оно не давало никакого плана дѣйствія и не говорило ничего новаго.

— А насчетъ этого петербургскаго союза изъ князей ничего не слышно?—спрашивалъ Красавинъ почти каждый день

Однажды Петръ радостно объявилъ:

— Ребята, Сашу въ Петербургъ вызвали! Онъ тамъ наладитъ игру, увидите!

Вяхиревъ, горбоносый и рыжеватый шпіонъ, лѣниво замѣтилъ:

— Союзу русскаго народа разрѣшено устроить боевыя дружины для того, чтобы убивать революціонеровъ. Я туда пойду. Я ловко стрѣляю изъ пистолета...

— Изъ пистолета удобно,—сказалъ кто-то.—Выстрѣлилъ да и убѣжалъ...

„Какъ они просто говорятъ обо всемъ!“—подумалъ Евсей, невольно вспомнивъ другія рѣчи, Ольгу, Макарова, и досадливо оттолкнулъ все это прочь отъ себя...

Саша вернулся изъ Петербурга какъ будто болѣе здоровымъ, въ его тусклыхъ глазахъ сосредоточенно блестѣли зеленыя искры, голосъ понизился, и все тѣло какъ будто выпрямилось, стало быстрѣе.

— Что будемъ дѣлать?—спросилъ его Петръ.

— Скоро узнаешь!—отвѣтилъ Саша, оскаливъ зубы.

XIX.

Пришла осень, какъ всегда тихая и тоскливая, но люди не замѣчали ея прихода. Вчера дерзкіе и шумные, сегодня они выходили на улицы еще болѣе дерзкими, болѣе властными и поддерживали вѣру Евсея Климкова въ ихъ побѣду, въ близость спокойной, уютной жизни.

Потомъ наступили сказочно-страшные и чудесные дни— всѣ люди перестали работать, и привычная жизнь, такъ долго угнетавшая всѣхъ своей жестокой, безцѣльной игрой, сразу остановилась, вдругъ замерла, точно сдавленная чьимъ-то могучимъ объятіемъ. Люди отказали городу, своему владыкѣ, въ хлѣбѣ, огнѣ и водѣ, и нѣсколько ночей онъ стоялъ во тьмѣ, голодный, жаждущій, угрюмый и оскорбленный. Въ эти темныя, обидныя ночи рабочій народъ ходилъ съ пѣснями, съ дѣтской радостью въ глазахъ—люди впервые ясно видѣли свою силу и сами изумлялись значенію ея, они поняли свою власть надъ жизнью и благодушно ликовали, разсматривая ослѣпшіе дома, неподвижныя, мертвыя машины, растерявшуюся полицію, закрытыя, всегда голодныя пасти магазиновъ и трактировъ, испуганныя лица, покорныя фигуры тѣхъ людей, которые, не умѣя работать, научились много ѣсть и потому считали себя лучшими людьми въ городѣ. Въ эти дни власть надъ жизнью вырвалась изъ ихъ безсильныхъ рукъ, но жестокость и хитрость осталась съ ними. Климковъ видѣлъ, что эти люди, привыкшіе командовать, теперь молча подчиняются волѣ голодныхъ, бѣдныхъ, неумытыхъ, онъ понималъ, что господамъ обидно стало жить, что они скрываютъ свою обиду и, улыбаясь рабочимъ одобрительно, лгутъ имъ, боятся ихъ. Но ему казалось все-таки, что прошлое не воротится, явились новые хозяева, и если они могли сразу остановить ходъ жизни, значитъ, они сумѣютъ теперь устроить ее иначе, свободнѣе и легче для себя, для всѣхъ.

Старое, жестокое и злое уходило прочь изъ города, оно таяло во тьмѣ, скрытое ею, люди замѣтно становились добрѣе, и хотя по ночамъ въ городѣ не было огня, но и ночи были шумно-веселы, точно дни.

Всюду собирались толпы людей и оживленно говорили свободной и смѣлой человѣческой рѣчью о близкихъ дняхъ торжества правды, горячо вѣрили въ нее, а невѣрующіе молчали и присматривались къ новымъ лицамъ, запоминали новыя рѣчи. Часто среди толпы людей Климковъ замѣчалъ шпіоновъ и, не желая, чтобы они видѣли его, поспѣшно уходилъ прочь. Чаще другихъ встрѣчался Мельниковъ. Этотъ

человѣкъ возбуждалъ у Евсея особенный интересъ къ себѣ. Около него всегда собиралась тѣсная куча людей, онъ стоялъ въ серединѣ, и оттуда темнымъ ручьемъ текъ его густой голосъ.

— Вотъ—глядите! Захотѣлъ народъ, и все стало, захочетъ и возьметъ все въ свои руки! Вотъ она—сила. Помни это, народъ, не выпускай изъ своей воли того, что̀ достигъ, береги себя! Больше всего остерегайся хитрости господъ разныхъ, прочь ихъ, гони ихъ, будутъ спорить—бей на смерть!

Когда Климковъ слушалъ эти слова, онъ думалъ:

„За такія рѣчи сажали въ тюрьму,—сколькихъ посадили. А вотъ теперь—сами такъ же говорите...“

Онъ съ утра и до поздней ночи одиноко шатался въ толпѣ, порою ему нестерпимо хотѣлось говорить, но, ощущая это желаніе, онъ немедля уходилъ куда-нибудь въ пустынный переулокъ, въ темный уголъ.

„Заговоришь—узна̀ютъ тебя!“—неотвязно грозила ему тяжелая мысль.

Какъ-то ночью, шагая по улицѣ, онъ увидалъ Маклакова. Спрятавшись въ воротахъ, шпіонъ поднялъ голову и смотрѣлъ въ освѣщенное окно дома на другой сторонѣ улицы, точно голодная собака, ожидая подачки.

„Не бросаетъ дѣла!“—подумалъ Евсей и спросилъ Маклакова:

— Хотите, я васъ смѣню, Тимоѳей Васильевичъ?

— Ты? Меня?—негромко воскликнулъ шпіонъ, и Климковъ почувствовалъ что-то неладное: впервые шпіонъ обратился къ нему на „ты“, и голосъ у него былъ чужой.

— Не надо,—иди!—сказалъ онъ.

Всегда гладкій и приличный, теперь шпіонъ былъ растрепанъ, волосы, которые онъ тщательно и красиво зачесывалъ за уши, безпорядочно лежали на лбу и на вискахъ; отъ него пахло водкой.

— Прощайте!—снявъ шапку, сказалъ Евсей и, не спѣша, пошелъ. Но черезъ нѣсколько шаговъ сзади него раздался тихій окликъ:

— Послушай...

Евсей обернулся; безшумно догнавъ его, шпіонъ стоялъ рядомъ съ нимъ.

— Идемъ вмѣстѣ...

„Сильно, должно-быть, пьянъ!“—подумалъ Евсей.

— Знаешь, кто живетъ въ этомъ домѣ?—спросилъ Маклаковъ, посмотрѣвъ назадъ.

— Нѣтъ...

— Мироновъ, писатель, помнишь?

— Помню.

— Ну, еще бы тебѣ не помнить, онъ такъ просто поставилъ тебя дуракомъ!

— Да,—согласился Евсей.

Шли медленно и не стучали ногами. Въ маленькой, узкой улицѣ было тихо, пустынно и холодно.

— Воротимся назадъ! — предложилъ Маклаковъ. Потомъ поправилъ шапку, застегнулъ пуговицы пальто и задумчиво сообщилъ:—А я, братъ, уѣзжаю. Въ Аргентину. Это въ Америкѣ — Аргентина...

Климковъ услыхалъ въ его словахъ что-то безнадежное, тоскливое, и ему тоже стало печально и неловко.

— Зачѣмъ это вы такъ далеко?—спросилъ онъ

— Надо.

Онъ снова остановился противъ освѣщеннаго окна и молча посмотрѣлъ на него. На черномъ, кривомъ лицѣ дома окно, точно большой одинокій глазъ, бросало во тьму спокойный лучъ свѣта, и свѣтъ былъ подобенъ маленькому острову среди темной, тяжелой воды.

— Это его окно, Миронова, — тихо сказалъ Маклаковъ.— Вотъ такъ, по ночамъ, онъ сидитъ одинъ и пишетъ... Идемъ!

Встрѣчу шли какіе-то люди, негромко напѣвая пѣсню.

Это будетъ послѣдній
И рѣшительный бой...

говорила пѣсня задумчиво, какъ бы спрашивая.

— Надо бы перейти на другую сторону!—шопотомъ предложилъ Евсей.

— Боишься?—спросилъ Маклаковъ, но первый шагнулъ съ тротуара на мерзлую грязь улицы.— Напрасно боишься, эти люди, съ пѣснями о бояхъ и прочемъ такомъ, это смирные люди. Звѣри, я думаю, не среди нихъ, — да! Хорошо бы теперь посидѣть въ теплѣ, въ трактирѣ, — а все закрыто! Все прекращено, братъ!

— Пойдемте домой!—предложилъ Климковъ.

— Домой? Нѣтъ, спасибо.

Евсей остался, покорно подчиняясь грустному ожиданію чего-то неизбѣжнаго.

А съ другого тротуара доносились голоса людей.

— Миша, неужели ты не вѣришь?—звонко и радостно спрашивалъ одинъ.

Мягкій басъ отвѣтилъ:

— Вѣрно. Но я говорю—не скоро еще...

— Слушай,—какой ты къ чорту шпіонъ, а?—вдругъ спросилъ Маклаковъ, толкая Евсея локтемъ.—Я слѣжу за тобою давно, и всегда лицо у тебя такое, точно ты рвотнаго принялъ.

Евсей обрадовался возможности открыто говорить о себѣ и торопливо забормоталъ:

— Я, Тимоѳей Васильевичъ, уйду! Вотъ какъ только устроится все, я и уйду. Займусь помаленьку торговлей и буду жить тихо, одинъ...

— Подожди, что̀ устроится?

— А вотъ все это, съ новой жизнью... когда народъ возьмется самъ за все.

— Э-э,—протянулъ шпіонъ, махнувъ рукой, засмѣялся и оборвалъ своимъ смѣхомъ желаніе Евсея говорить.

Снова шли молча, снова воротились. Было тоскливо.

— Вотъ что̀!—неожиданно грубо и съ сердцемъ заговорилъ Маклаковъ, когда снова подходили къ дому, гдѣ жилъ писатель.—Я въ самомъ дѣлѣ уѣзжаю, — навсегда, совсѣмъ изъ Россіи. Понялъ? И мнѣ нужно передать этому... писателю бумаги... Видишь, вотъ—пакетъ?

Онъ помахалъ въ воздухѣ передъ лицомъ Евсея бѣлымъ четырехугольникомъ и быстро продолжалъ:

— Самъ я не пойду къ нему. Я второй день слѣжу за нимъ—не выйдетъ ли, но онъ боленъ, не выходитъ. Я отдалъ бы ему на улицѣ. Послать по почтѣ нельзя, его письма вскрываютъ, воруютъ на почтѣ и отдаютъ намъ въ охрану. А итти къ нему я не могу. Понялъ ты?

Шпіонъ прижалъ пакетъ къ груди, наклонился, заглядывая въ глаза Евсею.

— Здѣсь въ пакетѣ — я написалъ про себя... такъ, разсказъ,—кто я и почему? Я хочу, чтобы онъ прочиталъ это...

Взявъ Евсея за плечо крѣпкой рукой, шпіонъ тряхнулъ его и приказалъ:

— Ступай ты, отдай ему это! Въ руки прямо, лично ему. Иди! Скажи, вотъ, молъ, одинъ...

Маклаковъ оборвался, помолчалъ.

— Одинъ агентъ охраннаго отдѣленія прислалъ вамъ эти бумаги и покорнѣйше проситъ — такъ и скажи, не забудь—покорнѣйше проситъ! прочитать ихъ. Я тебя подожду тутъ, на улицѣ—иди! Но смотри, не говори ему, что я здѣсь. А если онъ спроситъ—скажи: бѣжалъ, уѣхалъ въ Аргентину! Повтори!

— Уѣхалъ въ Аргентину...

— Да, и—не забывай—покорнѣйше проситъ!

— Не забуду.

— Иди скорѣе,—скорѣе!

Тихонько подталкивая Климкова въ спину, онъ проводилъ его до двери дома, отошелъ въ сторону и тамъ остановился, наблюдая.

Взволнованный, потерявъ сознаніе своей личности, задавленное повелительною рѣчью Маклакова, Евсей тыкалъ пальцемъ въ звонокъ и, желая возможно скорѣе скрыться отъ шпіона, готовый лѣзть сквозь двери, стучалъ о нее колѣнями. Дверь открылась, въ полосѣ свѣта сталъ какой-то черный человѣкъ, сердито спрашивая:

— Что вамъ нужно?

— Писателя,—господина Миронова, — лично его, въ руки ему назначено письмо — пакетъ. пожалуйста, скорѣе!—говорилъ Евсей, невольно подражая быстрой и несвязной рѣчи Маклакова.

Въ головѣ у него все замутилось, тамъ лежали только слова шпіона, бѣлыя и холодныя, точно мертвыя кости, и когда надъ его головой раздался глуховатый голосъ:

— Чѣмъ могу служить вамъ, молодой человѣкъ?

Евсей проговорилъ безучастнымъ голосомъ, точно автоматъ:

— Одинъ агентъ охраннаго отдѣленія прислалъ вамъ эти бумаги и покорнѣйше проситъ прочитать ихъ. Онъ уѣхалъ въ Аргентину...

Незнакомое, странно-чужое слово смутило Евсея, и онъ тише добавилъ:

— Аргентина, которая въ Америкѣ...

— Да. А гдѣ же бумаги?

Голосъ звучалъ ласково. Евсей поднялъ голову, узналъ солдатское лицо съ рыжими усами, вынулъ изъ кармана толстый пакетъ и подалъ его.

— Ну, присядьте...

Климковъ сѣлъ, опустивъ голову.

Звукъ разрываемой бумаги заставилъ его вздрогнуть. Не поднимая головы, онъ опасливо посмотрѣлъ на писателя, тотъ стоялъ передъ нимъ, разсматривая пакетъ, и шевелилъ усами.

— Вы говорите—онъ уѣхалъ?

— Да...

— А вы сами тоже агентъ?

— Тоже,—тихонько сказалъ Евсей.

И подумалъ:

„Сейчасъ начнетъ ругать...“

— Лицо ваше мнѣ какъ будто знакомо.

Евсей старался не смотрѣть на него, но чувствовалъ, что онъ улыбается.

— Да, знакомо,—проговорилъ онъ, вздыхая.

— Вы тоже наблюдали за мной?

— Одинъ разъ. А вы замѣтили меня изъ окна, вышли на улицу и дали мнѣ письмо...

— Да, да—помню! Ахъ, чортъ возьми, такъ это вы? Ну, извините меня, батенька, я васъ, кажется, обругалъ тогда,—а?

Евсей всталъ со стула, недовѣрчиво взглянулъ въ смѣющееся лицо, посмотрѣлъ вокругъ.

— Это ничего!—сказалъ онъ.

Ему было нестерпимо неловко слышать грубовато-ласковый голосъ и боязно, что писатель все-таки обругаетъ его и выгонитъ вонъ.

— Вотъ видите, какъ странно мы съ вами встрѣтились на сей разъ,—а?

— Больше ничего?—смущенно спросилъ Евсей.

— Ничего. Но вы, кажется, устали? Посидите, отдохните!

— Я пойду...

— Какъ хотите. Ну, спасибо вамъ,—до свиданья!

Онъ протянулъ руку, большую, съ рыжею шерстью на пальцахъ. Евсей осторожно дотронулся до нея и неожиданно для себя попросилъ:

— Позвольте и мнѣ жизнь мою разсказать вамъ...

И когда четко сказалъ эти слова, то подумалъ вослѣдъ имъ: „Вотъ съ кѣмъ надо мнѣ говорить! Если самъ Тимоѳей Васильевичъ, такой умный и лучше всѣхъ который, его уважаетъ...“

Вспомнивъ Маклакова, Евсей взглянулъ въ окно, на секунду встревожился, потомъ сказалъ себѣ:

— Ничего,—ему не первый разъ мерзнуть...

— Ну что же, разскажите, если хочется... Да вы бы сняли пальто,—можетъ-быть, чаю вамъ дать? Холодно!

Евсею захотѣлось улыбнуться, но онъ не позволилъ себѣ этого.

И черезъ нѣсколько минутъ, полузакрывъ глаза, монотонно и подробно, тѣмъ же голосомъ, какимъ онъ докладывалъ въ охранномъ о своихъ наблюденіяхъ, Климковъ разсказывалъ писателю о деревнѣ, Яковѣ, кузнецѣ и наблюдалъ за нимъ изъ-подъ рѣсницъ.

Писатель сидѣлъ на широкомъ тяжеломъ табуретѣ у большого стола, онъ подогнулъ одну ногу подъ себя и, упираясь локтемъ въ столъ, наклонился впередъ, покручивая усъ быстрымъ движеніемъ пальцевъ. Его круглая, гладко остриженная

ная голова была освѣщена огнями двухъ свѣчей, глаза смотрѣли зорко, серьезно, но куда-то далеко, черезъ Климкова.

„Не слушаетъ“,—подумалъ онъ и немного повысилъ тонъ, незамѣтно продолжая осматривать комнату и ревниво слѣдя за лицомъ писателя.

Въ комнатѣ было темно и сумрачно. Тѣсно набитыя книгами полки, увеличивая толщину стѣнъ, должно-быть, не пропускали въ эту маленькую комнату звуковъ съ улицы. Между полками матово блестѣли стекла оконъ, заклеенныя холодною тьмою ночи, выступало бѣлое, узкое пятно двери. Столъ, покрытый сѣрымъ сукномъ, стоялъ среди комнаты, и отъ него все вокругъ казалось окрашеннымъ въ темно-сѣрый тонъ.

Евсей помѣстился въ углу на стулѣ, обитомъ гладкой, жесткой кожей, онъ зачѣмъ-то крѣпко упирался затылкомъ въ высокую спинку стула и потому съѣзжалъ съ него. Ему мѣшало пламя свѣчъ, желтые язычки огня все время какъ будто вели между собой нѣмую бесѣду—медленно наклонялись другъ къ другу, вздрагивали и, снова выпрямляясь, тянулись вверхъ.

Сзади фигуры писателя, надъ диваномъ, висѣлъ большой портретъ, строго смотрѣло чье-то желтое лицо съ острой бородкой.

Писатель сталъ крутить усъ медленнѣе, но взглядъ его попрежнему уходилъ куда-то за предѣлы комнаты, и все это мѣшало Евсею, разбивало его воспоминанія. Онъ догадался закрыть свои незрячіе глаза и, когда его тѣсно обняла темнота, легко вздохнулъ и вдругъ увидалъ себя раздѣленнымъ на человѣка, который жилъ, и на другого, который могъ разсказывать о первомъ, какъ о чужомъ ему. Его рѣчь полилась плавнѣе, голосъ окрѣпъ, и событія жизни связно потянулись одно за другимъ, развиваясь легко, точно клубокъ сѣрыхъ нитокъ, и освобождая маленькую, хилую душу отъ грязныхъ и тяжелыхъ лохмотьевъ пережитаго ею. Разсказывать о себѣ было пріятно, Климковъ слушалъ свой голосъ съ тихимъ удивленіемъ, онъ говорилъ правдиво и ясно видѣлъ что ни въ чемъ не виноватъ — вѣдь онъ всѣ дни свои прожилъ не такъ, какъ хотѣлось ему! Его всегда заставляли дѣлать то, что было непріятно, ненужно ему, онъ искренно жалѣлъ себя, почти готовый плакать, и—любовался собою.

Когда писатель спросилъ его о чемъ-то, Евсей не понялъ вопроса и, не открывая глазъ, сказалъ строго и тихо

— Подождите,—я по порядку!

Онъ говорилъ, не уставая, а когда дошелъ до момента встрѣчи съ Маклаковымъ, вдругъ остановился, какъ передъ ямой, открылъ глаза, увидалъ въ окнѣ тусклый взглядъ осен

аго утра, холодную сѣрую бездонность неба. Тяжело вздох-
ул, выпрямился, почувствовалъ себя точно вымытымъ из-
утри, непривычно легко, непріятно пусто, и сердце свое го-
овымъ покорно принять новые приказы, новыя насилія.

Писатель шумно поднялся на ноги, высокій, крѣпкій. Онъ
жалъ руки, пальцы его громко и непріятно хрустнули, и
овернулся къ окну.

— Что вы думаете дѣлать теперь?—спросилъ онъ, не глядя
а Климкова.

Евсей тоже всталъ со стула и увѣренно повторилъ сказан-
ое имъ Маклакову.

— Какъ только устроится новая жизнь, я тихонько зай-
усь торговлей. Уѣду въ другой городъ. Деньги у меня на-
опилены, рублей полтораста...

Писатель медленно повернулся къ нему

— Такъ!—сказалъ онъ. — У васъ нѣтъ какихъ-либо дру-
ихъ желаній?

Климковъ подумалъ и отвѣтилъ:

— Нѣтъ...

— А вы вѣрите въ новую жизнь? Думаете—устроится она?

— Да какъ же,—если всѣ хотятъ этого? А что? Не устроится?

— Я ничего не говорю

Онъ снова отвернулся къ окну, расправилъ усы обѣими ру-
ами и помолчалъ. Евсей, ожидая чего-то, стоялъ, не дви-
аясь, и прислушивался къ пустотѣ въ своей груди.

— Скажите мнѣ,—спросилъ писатель негромко и медленно,—
амъ не жалко тѣхъ людей,—эту дѣвушку, брата, его товарищей?

Климковъ опустилъ голову, одернулъ полы пиджака.

— Вѣдь вотъ теперь вы узнали, что они были правы,—да?

— Раньше было жалко. Совѣстно было, должно-быть... А
еперь—не жалко ужъ...

— Нѣтъ? Почему?

Не сразу и негромко Климковъ сказалъ:

— Что же? Они люди хорошіе... и своего добились...

— А вамъ не думалось, что вы занимаетесь дурнымъ дѣ-
омъ?—спросилъ писатель.

Евсей вздохнулъ и отвѣтилъ.

— Вѣдь мнѣ оно не нравится... дѣлаю, что велятъ...

Писатель осторожно шагнулъ къ нему, потомъ подался въ
орону отъ него, Климковъ увидалъ дверь, въ которую онъ
ошелъ, увидалъ, потому что глаза писателя смотрѣли на нее.

„Надо уходить“,—подумалъ онъ.

— Вы хотите спросить меня о чемъ-нибудь?—сказалъ пи-
атель.

— Нѣтъ. Я ухожу..

— Прощайте.

И писатель отодвинулся отъ него въ сторону. Ступая на носки, Евсей вышелъ въ прихожую и сталъ надѣвать пальто, а изъ двери комнаты раздался негромкій вопросъ:

— Послушайте—зачѣмъ вы разсказали все это о себѣ?

Тиская въ рукахъ шапку, Евсей, подумавъ, отвѣтилъ:

— Такъ ужъ... Тимоѳей Васильевичъ очень уважаетъ васъ,— тотъ, который послалъ меня.

Писатель усмѣхнулся.

— Ага... Только?

„А зачѣмъ я разсказалъ ему, въ самомъ дѣлѣ?“ — вдругъ удивился Климковъ и, мигая глазами, пристально взглянулъ въ лицо писателя.

— Н-ну, прощайте,—потирая руки, сказалъ хозяинъ и отодвинулся отъ гостя.

Евсей вѣжливо поклонился ему.

— Прощайте!

Когда онъ вышелъ на улицу и оглянулся, то въ концѣ ея въ сѣромъ сумракѣ утра, сразу замѣтилъ черную фигуру человѣка, который, опустивъ голову, тихо шагалъ вдоль забора.

„Ждетъ!—сообразилъ Климковъ, съежился и подумалъ:— Заругается, скажетъ—долго!“

Шпіонъ, должно-быть, услышалъ въ тишинѣ утра гулкій звукъ шаговъ по мерзлой землѣ, онъ поднялъ голову и быстро пошелъ, почти побѣжалъ ввстрѣчу Евсею.

— Отдалъ? Да?

— Отдалъ...

— Почему ты такъ долго? Онъ говорилъ съ тобой? Что онъ спрашивалъ?

Маклаковъ дрожалъ, щеки у него были синія, носъ покраснѣлъ. Схватилъ Евсея за лацканъ пальто и тотчасъ выпустилъ его, подулъ себѣ на пальцы, какъ будто ожегъ ихъ, затопалъ ногами о землю. Такой озябшій и жалкій, онъ былъ не страшенъ.

— Я тоже разсказалъ ему всю мою жизнь!—громко сообщилъ Евсѣй. Ему пріятно было сказать объ этомъ Маклакову.

— Ну? А про меня онъ не спрашивалъ?

— Спросилъ—уѣхали вы?

— Что же ты?

— Уѣхалъ, сказалъ

— Больше ничего?

— Ничего.

— Ну, идемъ. Я замерзъ, братъ...

И онъ быстрымъ шагомъ бросился впередъ, сунувъ руки ъ карманы пальто и согнувъ спину.

— Такъ ты разсказалъ ему свою жизнь?

— Все сполна, — до сегодняшняго дня!—отвѣтилъ Евсей, нова ощущая что-то пріятное, поднимавшее его на одну выоту со шпіономъ, котораго онъ уважалъ.

— Что же онъ сказалъ тебѣ?

Почему-то смущенно и не сразу, Климковъ молвилъ:

— Ничего не сказалъ.

Маклаковъ остановился, придержалъ Евсея за рукавъ и ихо, строго спросилъ:

— Ты мои бумаги отдалъ?

— Обыщите меня, Тимоѳей Васильевичъ! — искренно скричалъ Евсей.

— Не буду,—сказалъ Маклаковъ, подумавъ. — Ну, вотъ то—теперь прощай! Я сегодня же исчезну. Прими мой совѣтъ—я его даю, жалѣя тебя — вылѣзай скорѣе изъ этой лужбы,—это не для тебя, ты самъ понимаешь. Уходи,—теерь можно уйти—видишь, какіе дни теперь! Мертвые воскреают, люди вѣрятъ другъ другу, они могутъ простить въ акіе дни многое! Все могутъ простить, я думаю. А главное, торонись Сашки—это больной, безумный, онъ уже разъ заставилъ тебя брата выдать, онъ... Ну, прощай, братъ!

Онъ схватилъ руку Евсея холодными пальцами и, крѣпко ожимая ее, спросилъ еще разъ:

— Такъ ты отдалъ бумаги ему, не ошибся, нѣтъ?

— Ей-Богу, отдалъ! И какъ увидалъ его, сразу вспонилъ...

— Хорошо, я вѣрю тебѣ. Нѣсколько дней не говори про еня тамъ, я прошу тебя.

— Я туда не хожу. Двадцатаго за жалованьемъ пойду...

— Потомъ скажешь,—тогда я буду далеко. Прощай!

Онъ быстро повернулся за уголъ. Евсей посмотрѣлъ вслѣдъ му, подозрительно думая:

„Уѣзжаетъ. Должно-быть, сдѣлалъ что-нибудь противъ начальства и испугался. Вотъ какой, точно побитый!“

Ему стало жалко себя при мысли, что онъ больше не увиитъ Маклакова, и въ то же время было пріятно вспомнить, акимъ слабымъ, иззябшимъ, суетливымъ видѣлъ онъ шпіона, ольше спокойнаго, твердаго. Онъ даже съ начальствомъ страны говорилъ смѣло, какъ равный, но, должно-быть, всегда ялся поднадзорнаго писателя.

„А вотъ я, маленькій человѣкъ,—думалъ Евсей, одинок шагая по улицѣ,—и всѣхъ боялся, а писатель меня не напу галъ. Я пилъ у него чай, а Маклаковъ въ это время дро жалъ на улицѣ“.

И Климковъ, довольный собой, улыбнулся.

— Ничего не могъ сказать писатель-то!

Ему вдругъ стало не то грустно, не то обидно, онъ замед лилъ шаги, углубился въ догадки—отчего это? И, отыскива причины неожиданно явившейся печали, онъ попутно снов думалъ:

„Зачѣмъ я съ нимъ говорилъ? Лучше бы Ольгѣ разска зать тогда!“

Городъ просыпался, а Евсею хотѣлось спать, и въ груд у него снова стало неловко, неуютно, какъ въ маленько комнатѣ, изъ которой вынесли всю старую мебель и оставил ее пустую, съ ободранными обоями, съ зелеными пятнам сырости на стѣнахъ, съ нѣмыми узорами трещинъ.

Хотѣлось спать, а итти домой было непріятно, и онъ шел не спѣша.

XX.

Около полудня его разбудилъ унылый Вѣковъ въ пальт и шапкѣ, онъ держался рукою за спинку кровати, трясъ е и вполголоса, монотонно говорилъ:

— Климковъ, эй, вставайте, зовутъ въ канцелярію всѣх эй, Климковъ,—конституцію объявили, всѣхъ агентовъ соб раютъ по квартирамъ, Филиппъ Филипповичъ приказал слышите, Климковъ...

Слова его падали, точно крупныя капли дождя, полны печали, лицо сморщилось, какъ при зубной боли, и глаз часто мигая, казалось, готовились плакать.

— Что такое?—спросилъ Евсей, вскакивая съ постели.

Вѣковъ уныло оттопырилъ губы и сказалъ:

— Развѣ можно понять? Вчера еще говорили, что государ дастъ полную конституцію, а сегодня вотъ—манифестъ,—дѣ ствительно—даетъ!.. А у насъ въ охранѣ, какъ въ сумасше шемъ домѣ стало! Этотъ Саша такой грубый человѣкъ— удивительно! Кричитъ, знаете: бей, рѣжь и такъ далѣе... П звольте! Да я даже за пятьсотъ рублей не рѣшусь человѣ убить, а тутъ предлагаютъ за сорокъ рублей въ мѣсяцъ уб вать! Даже дико слушать такія рѣчи!

Онъ надулъ щеки, устало вздохнулъ и, шагая по комнат добавилъ:

— Одѣвайтесь скорѣе, надо итти...

Натягивая на ноги брюки, Климковъ задумчиво спросилъ:

— Кого же это убивать хотятъ?

— Революціонеровъ. Хоть какіе же теперь революціонеры, если по указу государя императора революція кончилась, надо считать? А они тамъ говорятъ, чтобы намъ собирать на улицахъ народъ, ходить съ флагами и „Боже, царя храни“ пѣть. Почему же не пѣть, если дана свобода! Но они говорятъ, чтобы при этомъ кричать—долой конституцію и такъ далѣе. Позвольте,—я не понимаю,—вѣдь такъ мы, значитъ, идемъ противъ манифеста и воли государя императора? Многіе не понимаютъ этого, не одинъ я...

Голосъ его звучалъ протестующе, обиженно, ноги задѣвали одна за другую, и весь онъ былъ какой-то мягкій, точно изъ него вынули кости.

— Я туда не пойду,—сказалъ Климковъ.

— Какъ не пойдете?

— Такъ. Я сначала похожу по улицамъ, посмотрю, что будутъ дѣлать...

Вѣковъ снова вздохнулъ, присвистнувъ.

— Да, конечно,—вы человѣкъ одинокій. Но когда имѣешь семью,—то-есть женщину, которая требуетъ того, сего, пятаго, десятаго, то пойдешь куда и не хочешь,—пойдешь! Нужда въ существованіи заставляетъ человѣка даже по канату ходить! Когда я это вижу, то у меня голова кружится и подъ ложечкой боль чувствую, но думаю про себя: а вѣдь если будетъ нужно для существованія, то и ты, Иванъ Петровичъ Вѣковъ, на канатъ полѣзешь,—да-съ! Бѣдному человѣку назначено жить скрѣпя сердце и противъ своихъ желаній, таковъ законъ природы, какъ говоритъ Грохотовъ.

Онъ метался по комнатѣ, задѣвая за столъ, за стулья, бормоталъ и надувалъ щеки, его маленькое лицо съ розовыми щеками становилось похожимъ на пузырь, незамѣтные глаза исчезали, и красненькій носъ прятался между щекъ. Скорбящій голосъ, понурая фигура, безнадежныя слова его—все это вызывало у Климкова досаду, онъ искоса посмотрѣлъ на товарища и недружелюбно замѣтилъ:

— Скоро все устроится по-другому, такъ что теперь жаловаться уже не къ чему.

— Но вѣдь не хотятъ у насъ этого!—воскликнулъ Вѣковъ, взмахнувъ руками и останавливаясь противъ Евсея.—Понимаете?

Евсей обезпокоенный повернулся на стулѣ, желая возразить что-то, но не могъ найти словъ и сталъ, сопя носомъ, завязывать ботинки.

— Саша кричитъ—бейте ихъ! Покажите имъ свободу, чтобы они, говоритъ, испугались ея! Вихревъ револьвером показываетъ, буду, говоритъ, стрѣлять прямо въ глаза, Красавинъ подбираетъ шайку какихъ-то людей и тоже все говоритъ о ножахъ, чтобы рѣзать и прочее. Чашинъ собирается какого-то студента убить за то, что студентъ у него любовницу увелъ. Явился еще какой-то новый, кривой и все улыбается, а зубы у него впереди выбиты—очень страшное лицо! Совершенно дико это все!

Онъ понизилъ голосъ до шопота и таинственно сказалъ:

— Всякій долженъ защищать свое существованіе въ жизни—это понятно,—но желательно, чтобы безъ убійства. А вѣдь если мы будемъ рѣзать, то и насъ будутъ рѣзать!

Вѣковъ вздрогнулъ, склонилъ голову къ окну, прислушался и, поднявъ руку кверху, поблѣднѣлъ.

— Что это?—спросилъ Евсей.

Гулкій шумъ мягкими неровными ударами толкался в стекла, какъ бы желая осторожно выдавить ихъ и налиться въ комнату. Евсей поднялся на ноги, вопросительно и тревожно глядя на Вѣкова, а тотъ издали протянулъ руку к окну, должно-быть, опасаясь, чтобы его не увидали съ улицы, открылъ форточку, отскочилъ въ сторону, и въ ту же секунду широкій потокъ звуковъ, которымъ, видимо, было тѣсно на улицѣ, ворвался, толкнулся въ дверь, отворилъ ее и поплылъ по коридору, властный, ликующій, могучій!

— Радуются!—тихо сказалъ Вѣковъ, вздрагивая.

— Поглядите, что тамъ?—посовѣтовалъ Евсей, быстро накинувъ на себя пальто.

Но Вѣковъ уже выглядывалъ изъ форточки и поминутно быстро ворочая шеей, говорилъ, торопясь и обрывисто:

— Народъ идетъ,—красные флаги,—множество народу,—безсчетно,—разнаго званія! Все спутано въ одну толпу,—офицеръ даже! И попъ Успенскій... безъ шапокъ... Мельниковъ съ флагомъ! Мельниковъ нашъ,—смотрите-ка!

Евсей подскочилъ къ форточкѣ, взглянулъ внизъ, там текла, заполняя всю улицу, густая толпа: въ глазахъ у него засверкала сплошная масса лицъ, они свѣтились, точно звѣзды Млечнаго Пути. Надъ головами людей рѣяли флаги, подобн красным птицамъ, и оглушенный кипящимъ шумомъ Климковъ видѣлъ въ первыхъ рядахъ толпы высокую, бородату фигуру Мельникова—онъ держалъ обѣими руками коротко древко, взмахивалъ имъ, и порою матерія флага окутывал ему голову красной чалмой. Изъ-подъ шапки у него выбились темныя пряди волосъ, онѣ падали на лобъ и щеки, м

шались съ бородой, и мохнатый, какъ звѣрь, шпіонъ, должно-быть, кричалъ—ротъ его былъ широко открытъ.

— Куда они идутъ?—пробормоталъ Климковъ, обернувшись къ товарищу.

— Радуются!—повторилъ тотъ и сталъ смотрѣть на улицу, упираясь лбомъ въ стекло.

Оба молчали, внимательно пропуская мимо своихъ глазъ пестрый потокъ людей, ловя чуткими ушами въ глубокомъ морѣ шума громкіе всплески отдѣльныхъ возгласовъ.

Вѣковъ покачалъ головою и сказалъ:

— Какая сила, а? Жили люди каждый отдѣльно и вдругъ двинулись всѣ вмѣстѣ,—ка-акое неестественное событіе!

— Поумнѣли, значитъ—одолѣютъ жизнь!—съ улыбкой сказалъ Евсей. Въ этотъ часъ онъ вѣрилъ именно такъ.

— А нашъ Мельниковъ,—видѣли вы?

— Онъ всегда стоялъ за народъ!—объяснилъ Евсей поучающимъ голосомъ и отошелъ отъ окна, чувствуя себя близкимъ къ цѣли, бодрымъ и новымъ.

— Теперь все пойдетъ хорошо—вѣдь никто не хочетъ, чтобы имъ командовалъ другой человѣкъ! Всякій желаетъ жить, какъ ему надобно, тихо, мирно, въ хорошихъ порядкахъ!—солидно говорилъ онъ, разсматривая въ зеркалѣ свое острое лицо. Оно нравилось ему сегодня, спокойное, почти веселое. Желая усилить новое и пріятное чувство довольства собой, онъ подумалъ—чѣмъ бы поднять себя повыше въ глазахъ товарища, и таинственно сообщилъ:

— А знаете—Маклаковъ бѣжалъ въ Америку!

— Вотъ какъ!—безучастно отозвался шпіонъ.—Что же, онъ холостой человѣкъ...

„Зачѣмъ я сказалъ?“ — упрекнулъ себя Евсей, потомъ съ легкой тревогой и непріязнью попросилъ Вѣкова:

— Вы объ этомъ не говорите никому, пожалуйста!

— О Маклаковѣ? Хорошо. Мнѣ надо итти въ охрану. Вы не пойдете?

— Нѣтъ. Выйдемъ вмѣстѣ.

На улицѣ Вѣковъ вполголоса, съ унылымъ раздраженіемъ, замѣтилъ:

— Глупъ народъ, все-таки! Вмѣсто того, чтобы ходить съ флагами и пѣснями, онъ долженъ бы, ужъ если почувствовалъ себя въ силѣ, требовать у начальства немедленнаго прекращенія всякой политики. Чтобы всѣхъ обратить въ людей, и насъ и революціонеровъ,—выдать кому слѣдуетъ, и нашимъ и ихнимъ, награды и строго заявить—политики больше не допускается! Будетъ, поиграли въ прятки!

Онъ вдругъ быстро перешелъ за уголъ, не простясь съ Климковымъ. Евсей шелъ, какъ человѣкъ, которому сегодня некуда спѣшить, и думалъ:

„У меня есть полтораста рублей, къ торговлѣ расположеніе я имѣю и немного знаю это дѣло. Дѣло—свободное. Скоро я получу еще двадцать пять рублей“.

По улицѣ возбужденно метался народъ, всѣ говорили громко, у всѣхъ лица радостно улыбались, и хмурый осенній вечеръ напоминалъ собою свѣтлый день Пасхи.

То въ концѣ улицы, запавѣшенной сумракомъ, накрытой сѣрой тучей, то гдѣ-то близко люди запѣвали пѣсню и гасили ее громкими криками:

— Да здравствуетъ свобода!

И всюду раздавался смѣхъ, звучали ласковые голоса.

Это нравилось Климкову, онъ вѣжливо уступалъ дорогу встрѣчнымъ, смотрѣлъ на нихъ одобрительно, съ легкою улыбкой удовольствія, и продолжалъ рисовать свое будущее сѣренькими теплыми красками.

Изъ-за угла выскочили, тихо посмѣиваясь, двое людей, одинъ изъ нихъ толкнулъ Евсея, но тотчасъ же сорвалъ съ головы шапку и воскликнулъ:

— Ахъ, извините, пожалуйста!

— Ничего,—любезно отвѣтилъ Климковъ.

Передъ Евсеемъ стоялъ Грохотовъ. Чисто выбритый и точно смазанный масломъ, онъ весь сіялъ улыбками, и его сладкіе глазки играли, бѣгая по сторонамъ.

— Ну, Евсей, вотъ ужъ попалъ я въ кашу! Если бы не мой талантъ... Ты знакомъ? Это Пантелѣевъ, тоже нашъ.

Грохотовъ задыхался, говорилъ быстрымъ шопотомъ и торопливо отиралъ потъ съ лица.

— Понимаешь—иду бульваромъ, вижу—толпа, въ серединѣ ораторъ, ну, я подошелъ, стою, слушаю. Говоритъ онъ этакъ, знаешь, совсѣмъ безъ стѣсненія, я на всякій случай и спросилъ сосѣда: кто это такой умница? Знакомое, говорю, лицо—не знаете вы фамиліи его? Фамилія—Зиминъ. И только это онъ назвалъ фамилію, вдругъ какіе-то двое цапъ меня подъ руки. Господа—шпіонъ! Я слова сказать не успѣлъ. Вижу себя въ центрѣ и этакая тишина вокругъ, а глаза у всѣхъ, какъ шилья. Пропалъ, думаю!

— Зиминъ?—смущенно спросилъ Евсей, оглянувшись назадъ, и пошелъ быстрѣе.

Грохотовъ вскинулъ голову къ небу, перекрестился и продолжалъ еще болѣе торопливо:

— Но Господь надоумилъ меня, сразу я опомнился и

громко такъ кричу: господа, полная ошибка! Я не шпіонъ, а извѣстный подражатель знаменитыхъ людей и звуковъ. Не угодно ли провѣрить на дѣлѣ? Эти, которые схватили меня, кричать—вретъ, мы его знаемъ! Но я уже сдѣлалъ лицо, какъ у оберъ-полицеймейстера, и его голосомъ кричу: „Кто ра-азрѣшилъ собраніе толпы?“ И слышу—Господи!—смѣются уже! Ну тутъ я какъ началъ изображать все, что умѣю—губернатора, отца протоіерея Изверженскаго, пилу, поросенка, муху—хохочутъ! Даже тѣ, которые держатъ меня, засмѣялись, окаянные, выпустили! И начали хлопать мнѣ, аплодировать, честное слово! Пантелѣевъ удостовѣритъ, онъ все видѣлъ!

— Правильно! — сиплымъ голосомъ сказалъ Пантелѣевъ, коренастый человѣкъ въ очкахъ и въ поддевкѣ.

— Да, братъ, аплодировали!—съ восторгомъ воскликнулъ Грохотовъ, застучалъ кулакомъ по своей узкой груди и закашлялся.—Теперь ужъ кончено,—я себя знаю! Артистъ, вотъ онъ—я! Это—опредѣлено! Могу сказать — обязанъ своему искусству жизнью,—а что? Очень просто! Народъ шутить не любитъ!

— Народъ сталъ довѣрчивъ,—замѣтилъ Пантелѣевъ раздумчиво и странно,—и очень смягчился сердцемъ.

— Это вѣрно! Что дѣлаютъ, а?—тихонько воскликнулъ Грохотовъ и уже шопотомъ продолжалъ:—Все открылось, вездѣ на первомъ планѣ поднадзорные, старые знакомые наши! Что такое, а?

— Столяру фамилія Зиминъ?—спросилъ Евсей еще разъ.

— Зиминъ Матвѣй, по дѣлу о пропагандѣ на мебельной фабрикѣ Кнопа,—отвѣтилъ Пантелѣевъ внушительно и строго.

— Онъ долженъ быть въ тюрьмѣ!—сказалъ Евсей недовольно.

Грохотовъ весело свистнулъ.

— Въ тюрьмѣ-ѣ? Ты не знаешь, что изъ тюрьмы всѣхъ выпустили?

— Кто?

— Да народъ же!

Евсей молча прошелъ нѣсколько шаговъ, потомъ спросилъ:

— Позволили?

— Ну да!

— Зачѣмъ же это?

— Вотъ и я говорю: не надо было позволять этого!—сказалъ Пантелѣевъ, и очки задвигались на его широкомъ носу.—Какое у насъ положеніе теперь? Нисколько не думаетъ начальство о людяхъ!

— Всѣхъ выпустили?—спросилъ Климковъ.

— Всѣхъ!

Пантелѣевъ сипло и строго продолжалъ, раздувая ноздри.

— И уже было нѣсколько встрѣчъ, совершенно непріятныхъ и даже опасныхъ, такъ что Чашинъ, напримѣръ, долженъ былъ угрожать револьверомъ, потому что его ударили въ глазъ. Онъ стоитъ спокойно, какъ посторонній человѣкъ, вдругъ подходитъ дама и оглашаетъ: вотъ—шпіонъ! Такъ какъ Чашинъ подражать животнымъ не умѣетъ, то пришлось обороняться оружіемъ. Это, знаете, не всякому доступно, не всѣ ходятъ съ револьверами!

— Рѣшено всѣмъ дать.

— Хотя бы и такъ, ничего хорошаго въ этомъ нѣтъ! Я доподлинно знаю, что оружіе само просится въ дѣло,—оно раздражаетъ руку.

— До свиданья!—сказалъ Евсей.—Я домой пойду.

Онъ пошелъ переулками, а когда видѣлъ, что навстрѣчу идутъ люди, то переходилъ на другую сторону улицы и старался спрятаться въ тѣнь. У него родилось и упорно росло предчувствіе встрѣчи съ Яковомъ, Ольгой или съ кѣмъ-либо другимъ изъ этой компаніи.

— Городъ великъ, людей много,—увѣщевалъ онъ себя, но каждый разъ, когда впереди раздавались шаги, сердце его мучительно замирало, и ноги дрожали, теряя силу.

„Выпустили!—съ унылой досадой размышлялъ онъ.—Ничего не сказали и выпустили. Какъ же мнѣ-то,—развѣ мнѣ все равно, гдѣ они?“

Было уже темно. Передъ воротами полицейской части одиноко горѣлъ фонарь. Евсей поровнялся съ нимъ, и вдругъ чей-то голосъ негромко сказалъ:

— Сюда, потомъ на задній дворъ...

Онъ остановился, испуганно глядя во тьму подъ воротами. Онѣ были закрыты, а у маленькой двери, въ одномъ изъ тяжелыхъ створовъ, стоялъ темный человѣкъ и, видимо, ждалъ его.

— А вы скорѣе!—недовольно приказалъ онъ.

Климковъ согнулся, пролѣзая въ маленькую дверь, и пошелъ по темному коридору подъ сводомъ зданія на огонь, слабо мерцавшій гдѣ-то въ глубинѣ двора. Оттуда навстрѣчу подползалъ шорохъ по камнямъ, негромкіе голоса и знакомый, гнусавый, противный звукъ. Климковъ остановился, послушалъ, тихо повернулся и пошелъ назадъ къ воротамъ, приподнявъ плечи, желая скрыть лицо воротникомъ пальто. Онъ уже подошелъ къ дверкѣ, хотѣлъ постучать въ нее, но она отворилась сама, изъ нея вынырнулъ человѣкъ, споткнулся, задѣлъ Евсея рукой и выругался.

— Чортъ возьми,—кто это?

— Я.

— Кто?

— Климковъ, Евсей.

— Ага! Ну, показывайте дорогу. Что вы стоите, не узнали меня?

Евсей разглядѣлъ горбатый носъ, кудри за ухомъ, выпуклый узкій лобъ и, вздохнувъ, отвѣтилъ:

— Узналъ—Вяхиревъ.

— Ну да...

Климковъ молча зашагалъ во дворъ, гдѣ глаза его уже различали много черныхъ фигуръ. Облитыя тьмою, онѣ возвышались въ ней неровными буграми, медленно передвигаясь съ мѣста на мѣсто, точно большія, неуклюжія рыбы въ темной холодной водѣ. Слащаво звучалъ сытый голосъ Соловьева:

— Это мнѣ не подобаетъ! А вы поймайте мнѣ дѣвочку, дѣвченочку,—я вамъ ее высѣку!

— Все шутитъ старый чортъ!—пробормоталъ Вяхиревъ.— Нашелъ время!

— Бить я не могу, а вотъ посѣчь люблю! Бывало, я племянника—ахъ, какъ сѣкалъ!

Откуда-то изъ-за угла непрерывно, точно вода съ крыши въ дождливый день, и монотонно, какъ чтеніе дьячка въ церкви, лился, подобный звуку кларнета, голосъ Саши.

— И каждый разъ, какъ встрѣтятся вамъ эти, съ красными флагами... бейте ихъ, бейте прежде тѣхъ, которые несутъ флаги, остальные разбѣгутся...

— А какъ нѣтъ?

— У васъ будутъ револьверы! Такъ же, если увидите людей знакомыхъ вамъ по ихъ участію въ тайныхъ обществахъ, тѣхъ людей, за которыми вы слѣдили въ свое время и которые сегодня выпущены изъ тюремъ своеволіемъ разнузданной толпы—немедленно уничтожайте...

— Резонно!—сказалъ кто-то, похожій по голосу на Пантелѣева.—Мы или они!

— А то какъ же?

— Однимъ свободу дали, а другихъ куда? — рѣзко крикнулъ Вяхиревъ.

Евсей отошелъ въ уголъ, прислонился тамъ къ полѣнницѣ дровъ и, недоумѣнно оглядываясь, слушалъ.

„Тѣло“, „тѣльце“, „телятинка“, „мясцо“,—расплывались, какъ густыя масляныя пятна, нелѣпыя слова Соловьева.

Темныя толстыя стѣны разной высоты строго окружали дворъ, надъ нимъ медленно плыли тучи, на стѣнахъ разбро-

санно и тускло свѣтились квадраты оконъ. Въ одномъ углу двора Климковъ видѣлъ невысокое крыльцо, на немъ стоялъ Саша въ пальто, застегнутомъ на всѣ пуговицы, съ поднятымъ воротникомъ и въ низенькой, сдвинутой на затылокъ шапкѣ. Надъ его головой покачивался маленькій фонарь, дрожалъ и коптилъ робкій огонь, какъ бы стараясь скорѣе догорѣть. За спиной Саши чернѣла дверь, нѣсколько темныхъ людей сидѣли на ступеняхъ крыльца у ногъ его, а одинъ, высокій и сѣрый, стоялъ въ двери.

— Вы должны понять, что свобода вамъ дана для борьбы съ революціонерами!—говорилъ Саша, заложивъ руки за спину.

Былъ слышенъ шорохъ подошвъ по камнямъ, сухіе, металлическіе щелчки и новою негромкіе, озабоченные возгласы и совѣты.

— Ты осторожнѣе...

— Заряжать не велѣно!

Безличные во тьмѣ, странно похожіе одинъ на другого, по двору разсыпались какіе-то тихіе, черные люди, они стояли тѣсными группами и, слушая липкій голосъ Саши, беззвучно колыхались, покачивались на ногахъ, точно подъ сильными толчками вѣтра. Рѣчь Саши поглощала всѣ звуки, насыщая грудь Климкова печальнымъ холодомъ и острою враждою къ шпіону.

— Вамъ дано право выступить противъ бунтовщиковъ въ открытомъ бою, на васъ возлагается обязанность защищать обманутаго царя всѣми средствами. И знайте—васъ ждутъ щедрыя милости... Кто еще не получилъ револьвера?.. Подходи!

Раздалось нѣсколько негромкихъ восклицаній

— Я... Мнѣ... Я...

Люди двинулись къ крыльцу, Саша посторонился, сѣрый человѣкъ присѣлъ на корточки.

— Нельзя ли два?—спрашивалъ ноющій голосъ.

— Зачѣмъ?

— Для товарища...

— Пошелъ, пошелъ...

Знакомые Евсею голоса шпіоновъ звучали громче, болѣе смѣло и веселѣе...

— Я бить не стану...

— Мы это слышали! — грубо прозвучалъ сиплый голосъ Пантелѣева.

— Тише!

И кто-то, жадно причмокивая, жаловался ноющимъ голосомъ:

— Мм... патроновъ маловато, надо бы по цѣлой коробкѣ...

— Въ двухъ частяхъ я наладилъ дѣло сегодня!—говорилъ Саша.—Усталъ...

— Интересно будетъ завтра...

— Н-да-а...

Слова и звуки вспыхивали передъ глазами Евсея, какъ большія искры. Освѣщая передъ нимъ завтрашній день, они медленно сушили и сжигали надежду на близость спокойной жизни. Онъ ощущалъ всѣмъ тѣломъ, что изъ тьмы, окружающей его, отъ этихъ людей надвигается сила, враждебная сложившимся мечтамъ, построеннымъ цѣлямъ, что эта сила снова схватитъ его, поставитъ на старую дорогу, приведетъ къ старымъ страхамъ. Въ сердцѣ его тихо закипала ненависть къ Сашѣ, живучая и гибкая ненависть слабаго,—непримиримое, зоркое и мстительное чувство раба, котораго однажды мучили надеждою на свободу. И, ни о чемъ не думая, уже понявъ, что его надежды неизбѣжно должны умереть, онъ наблюдалъ за Сашей, полузакрывъ глаза, и чутко ловилъ каждое его слово.

Люди спѣшно, по-трое и по-двое, уходили со двора, исчезая подъ широкой аркой, зіявшей въ стѣнѣ. Огонь надъ головой шпіона вздрогнулъ, посинѣлъ, угасъ. Саша точно спрыгнулъ съ крыльца куда-то въ яму и оттуда сердито гнусилъ:

— Сегодня въ охрану изъ моего отдѣленія не явилось семь человѣкъ,—почему? Многіе, кажется, думаютъ, что наступили какіе-то праздники? Глупости не потерплю, лѣни—тоже! Такъ и знайте! Я теперь заведу порядки серьезные, я—не Филиппъ! Кто это говорилъ, что Мельниковъ ходитъ съ краснымъ флагомъ? Кто?

— Да вотъ я видѣлъ его...

— Съ флагомъ?

— Да, шелъ и оралъ: Свобода:

— Вы—Вяхиревъ?

— Да, это я.

Теперь, когда высокое тѣло Саши исчезало, смѣшалось съ темною массой людей у крыльца, Евсею показалось, что шпіонъ растетъ, расползается къ нему въ темнотѣ. Климковъ всталъ на ноги и пошелъ къ подъѣзду, шагая какъ по льду, точно боясь провалиться куда-то, а цѣпкій голосъ Саши догонялъ его, обдавая затылокъ жуткимъ холодомъ.

— Ну, этотъ дуракъ первый будетъ бить, я его знаю!—Саша засмѣялся тонкимъ воющимъ смѣхомъ.—У меня на него есть слово—бей за народъ! А кто сказалъ, что Маклаковъ бросилъ службу?

„Все знаетъ, сволочь!“—отмѣтилъ Евсей со спокойствіемъ, удивившимъ его.

— Это я сказалъ, а мнѣ Вѣковъ, онъ слышалъ отъ Климкова.

— Вѣковъ, Климковъ, Грохотовъ, это все дрянь, которой я наступлю на хвостъ,—паразиты, выродки и лѣнтяи! Кто-нибудь изъ нихъ здѣсь?

— Климковъ долженъ быть,—отвѣтилъ Вихиревъ

Саша крикнулъ:

— Климковъ!

Евсей протянулъ руку впередъ и пошелъ быстрѣе, а ноги у него подгибались...

— Климковъ!

Онъ слышалъ, что Красавинъ сказалъ:

— Ушелъ, видно. Вы бы не кричали фамилій-то!

— Прошу не учить меня! Я скоро уничтожу всѣ фамиліи и прочія глупости...

„Это я тебя уничтожу“,—мысленно пригрозилъ ему Евсей, стискивая зубы до боли.

Но, когда онъ вышелъ изъ воротъ, его обняло разслабляющее сознаніе своего безсилія. Онъ давно не испытывалъ этихъ чувствъ съ такой подавляющей ясностью, испугался ихъ тяжести, изнемогая подъ ихъ гнетомъ, попробовалъ ободрить себя.

— Можетъ, еще все обойдется,—не удастся ему...

И не вѣрилъ.

Человѣкъ безвольный, онъ разсматривалъ людей, какъ себя, и зналъ, что Саша легко сможетъ заставить подчиниться своей волѣ всѣхъ, кого захочетъ подчинить.

XXI.

На другой день онъ долго не рѣшался выйти изъ дому, лежалъ въ постели, глядя въ потолокъ, и передъ нимъ плавало свинцовое лицо Саши съ тусклыми глазами и вѣнцомъ красныхъ прыщей на лбу. Это лицо сегодня напоминало ему дѣтство и зловѣщую луну, въ туманѣ, надъ болотомъ.

Пустой, вялый и холодный, онъ отдавалъ себя во власть тоски о своихъ мечтахъ, которыя Саша такъ легко раздавилъ, и, углубляя ненависть къ шпіону, чувствовалъ себя способнымъ укусить его зубами, выколоть ему глаза.

Вспомнивъ, что кто-нибудь изъ товарищей можетъ прійти къ нему, онъ поспѣшно вышелъ изъ дому, быстро пробѣжалъ нѣсколько улицъ, сразу усталъ и остановился, ожидая вагонъ конки. Мимо него непрерывно шли люди, онъ почуялъ, что сегодня въ нихъ есть что-то новое, сдѣлавъ надъ собой уси-

Климковъ вышелъ на дворъ, сунувъ сторожу монету и повторяя съ безсильнымъ упрямствомъ:

— А все-таки это Зарубинъ!

— Какъ хотите! — сказалъ старикъ, встряхивая горбомъ. — Только, если бы такъ, то его узнали бы другіе, вотъ вчера ходилъ агентъ, тоже искалъ кого-то убитаго, а не призналъ вашего-то, хотя почему его не признать?

— Какой агентъ? — спросилъ Евсей.

— Полный, лысый, ласковый по голосу.

— Соловьевъ! — догадался Евсей, тупо глядя, какъ тѣло Зарубина укладываютъ въ бѣлый некрашеный гробъ.

— Не лѣзетъ! — пробормоталъ одинъ изъ парней.

— Согни ноги-то.

— Крышка не закроется...

— Бокомъ, — клади бокомъ, ну!

— А вы не охальничайте, ребята — спокойно сказалъ старикъ.

Парень, державшій голову трупа, сапнулъ носомъ и сказалъ:

— Это сыщикъ, дядя Ѳедоръ!

— Мертвый человѣкъ — никто! — поучительно замѣтилъ горбатый, подходя къ нимъ.

Парни замолчали, продолжая втискивать упругое, смуглое тѣло въ узкій и короткій гробъ.

— Да вы, дурачье, возьмите другой гробокъ! — сердясь, воскликнулъ горбатый.

— Чай, все равно! — сказалъ одинъ изъ парней, а другой хмуро добавилъ:

— Не великъ баринъ.

Евсей пошелъ со двора, унося въ душѣ горькое, унижающее чувство обиды за Якова. И вслѣдъ ему — онъ ясно слышалъ это — горбунъ говорилъ парнямъ, убиравшимъ трупъ:

— Тоже что-то нехорошо. Пришелъ, говоритъ: знаю!.. Можетъ, онъ этого дѣла хозяинъ? Ребята!

И почти одновременно два голоса отвѣтили:

— Тоже шпіонъ, видно.

— Намъ-то что?

Климковъ быстро вскочилъ въ пролетку, крикнувъ извозчику:

— Скорѣе!

— Куда теперь?

Не сразу и тихо Евсей сказалъ:

— Прямо.

Въ головѣ у него тупо стучали обидныя мысли.

— Какъ собаку зароютъ его, — никому не нуженъ. И меня такъ же...

Вскрѣчу ему двигалась улица, вздрагивали, покачиваясь, дома, блестѣли стекла, шумно шли люди, и все было чуждо.

— Сегодня уничтожу Сашку, — сейчасъ пойду и застрѣлю...

А черезъ минуту онъ уже былъ принужденъ убѣждать себя:

— Это — надо! Мнѣ вѣдь все равно!

Отпустивъ извозчика, онъ вошелъ въ ресторанъ, въ которомъ Саша бывалъ рѣдко, — рѣже, чѣмъ въ другихъ, — остановился передъ дверью комнаты, гдѣ собирались шпіоны, и сказалъ себѣ:

— Сразу, какъ увижу, — выстрѣлю!

Тихонько, дрожащею рукою, онъ постучалъ въ дверь и, ощупывая въ карманѣ револьверъ, застылъ въ холодномъ ожиданіи.

— Это кто? — спросили изъ-за двери.

— Я, — сказалъ Евсей.

Тогда дверь немножко пріотворилась, въ щели мелькнулъ глазъ и красноватый, маленькій носъ Соловьева.

— А-а-а, — удивленно протянулъ онъ. — А былъ слушокъ, что тебя убили!

— Нѣтъ, не убили! — сердито отозвался Климковъ, снимая пальто.

— Я вижу. Запри дверь! Да. Говорили, что, будто, шелъ ты съ Мельниковымъ...

Онъ внимательно жевалъ ветчину, это мѣшало ему говорить, жирныя губы медленно выпускали равнодушныя слова и чмокали.

— Значитъ, не вѣрно, что ты съ Мельниковымъ ходилъ?

— Почему не вѣрно? — спросилъ Евсей.

— Да вотъ, — живехонекъ ты, а ему плохо! Видѣлъ я его вчера...

— Гдѣ?

Шпіонъ назвалъ больницу, въ которой Евсей только-что былъ.

— Зачѣмъ онъ тамъ? — безучастно освѣдомился Климковъ.

— А — такая исторія, ударилъ его казакъ шашкой по головѣ, и лошади потоптали. Какъ это случилось и почему — неизвѣстно. Самъ онъ лежитъ безъ памяти, докторъ сказалъ — не встанетъ.

Соловьевъ налилъ маленькую рюмку какой-то зеленой водки, посмотрѣлъ ее на свѣтъ, прищуривъ глазъ, выпилъ и спросилъ Евсея:

— Гдѣ же это ты скрываешься, а?

— Я не скрываюсь.

— Скрывался, все равно...

Гдѣ-то въ коридорѣ упала тарелка, Евсей вздрогнулъ и спомнилъ, что позабылъ вынуть револьверъ изъ кармана альто, всталъ на ноги.

— Саша очень на тебя зубы точитъ.

Въ глазахъ Евсея проплылъ злой и красный дискъ луны, круженный облакомъ пахучаго лиловаго тумана, ему вспонился гнусавый, всегда командующій голосъ, желтые пальцы остлявыхъ рукъ.

— Онъ не придетъ сюда?

— Не знаю, — а что̀?

Лицо у Соловьева лоснилось, онъ, видимо, былъ чѣмъ-то ень доволенъ, улыбался чаще, чѣмъ всегда, въ голосѣ его учала небрежная ласка барина, и все это было противно всею.

Метались, разбивая одна другую, несвязныя думы.

„Мельникова жалко. Значитъ, — этотъ жирный не хотѣлъ изнать Якова? Почему?“

— Вы Зарубина видѣли?

— Это какого? — поднявъ рови, спросилъ Соловьевъ.

— Вы знаете! Онъ тамъ въ больницѣ лежалъ, — вы его дѣли...

— Да, да, да, — какъ же! Видѣлъ.

— А почему вы не сказали тамъ, что знаете его? — строго росилъ Евсей.

Старый шпіонъ приподнялъ лысую голову и съ удивлеемъ, насмѣшливо спросилъ:

— Ка-акъ?

Евсей повторилъ вопросъ, но уже мягче.

— Это дѣло не твое, милый мой, ты такъ и знай! Жалѣючи тую глупость, я тебѣ скажу, что намъ дураки не нужны, м ихъ не знаемъ, не понимаемъ, не узнаёмъ. Это тебѣ надо мнить нынѣ и присно и на всю жизнь. Пойми и привяжи якъ веревкой!

Маленькіе глазки Соловьева свѣтились холодно, какъ двѣ еребряныя монетки, и голосъ обѣщалъ злое, жестокое. Шпіонъ озилъ короткимъ толстымъ пальцемъ, жадныя, синеватыя бы сурово надулись, но это было не страшно.

„Все равно, — думалъ Евсей, — всѣ они — одна шайка, — всѣхъ надо!“

Онъ быстро подскочилъ къ своему пальто, выхватилъ изъ мана револьверъ, направилъ дуло на Соловьева и глухо кнулъ:

— Ну!

Старикъ, точно большая куча грязи, колыхнулся и сполз съ кресла на полъ, одной рукой онъ схватилъ ножку стол другую протянулъ къ Евсею и громкимъ шопотомъ забо моталъ:

— Не... не надо, — милостивый государь, — не троньте

Климковъ нажималъ пальцемъ курокъ все туже, туже, отъ усилія у него холодѣла голова, шевелились волосы.

— Ухожу я, — я женюсь завтра, — ухожу! Никогда буду... — шуршали и ползали въ воздухѣ тяжелыя слова. Н подбородкѣ шпіона блестѣлъ жиръ, и салфетка на груди е дрожала.

Револьверъ не стрѣлялъ, Евсею было больно пальцу, и ужас властно охватывая его съ головы до ногъ, стѣснялъ дыхан

— Могу дать вамъ денегъ! — быстрѣе зашепталъ С ловьевъ, — ничего не скажу, — замолчу навсегда, — я понимаю

Климковъ размахнулся, бросилъ револьверъ въ шпіон схватилъ пальто, побѣжалъ. Его догнали два слабыхъ крик

— Ай, ай...

И точно піявки впились ему въ затылокъ, окрыляя бѣшен силой безумнаго ужаса.

Они гнали его долго, и все время ему казалось, что сза него собралась толпа людей, безшумно, не касаясь ногам земли, идетъ, бѣжитъ за нимъ, протягивая къ его шеѣ д сятки длинныхъ, цѣпкихъ рукъ, касаясь ими волосъ. О играла имъ, издѣвалась, исчезая и снова являясь, онъ нан малъ извозчиковъ, ѣхалъ, спрыгивалъ съ пролетки, бѣжалъ снова ѣхалъ, она же все время была близко, невидимая тѣмъ болѣе страшная.

Стало легче, когда онъ увидалъ передъ собой темную, узорну стѣну деревьевъ и голые сучья, протянутые ввстрѣчу къ нем Онъ быстро нырнулъ въ ихъ толпу, крѣпко стоявшую землѣ, и пошелъ среди нея, странно двигая руками сза себя, какъ бы желая плотнѣе сдвинуть деревья за сво спиной. Спустился въ оврагъ, сѣлъ тамъ на холодный п сокъ, снова всталъ и пошелъ вдоль оврага, тяжело дыш потный и пьяный отъ страха. Но скоро увидалъ впере просвѣтъ, осторожно прислушался, безшумно сдѣлалъ е нѣсколько шаговъ, выглянулъ — передъ нимъ тянулось полот желѣзной дороги, за насыпью снова стояли деревья, но о были рѣдкія, мелкія, и сквозь ихъ сѣти просвѣчивала сѣр крыша какого-то зданія.

Онъ быстро пошелъ назадъ, вверхъ, по руслу оврага, в задъ, гдѣ лѣсъ былъ гуще и темнѣе.

— Поймають, — толкала его холодная увѣренность. — Они ъ, должно-быть, ищутъ, — бѣгутъ!

По лѣсу блуждалъ тихій медленный звонъ, онъ раздавался ѣ-то близко, шевелилъ тонкія вѣтви, задѣвая ихъ, и онѣ чались въ сумракѣ оврага, наполняя воздухъ шорохомъ, а дъ ногами сухо потрескивалъ тонкій ледъ ручья, вода его мерзла, и ледъ покрывалъ бѣлой пленкой сѣрыя, сухія ямки.

Климковъ сѣлъ, нагнулся, положилъ въ ротъ кусокъ льда тотчасъ же вскочилъ на ноги, вскарабкался на крутой скатъ рага, снялъ ремень, подтяжки и началъ связывать ихъ, абоченно разсматривая сучья надъ головой и безъ жалости себѣ соображая:

— Пальто не надо снимать. Тяжелѣе — скорѣе.

Онъ торопился, пальцы дрожали, и плечи его невольно днимались кверху, точно желая спрятать шею, а въ головѣ гливо билось:

— Не успѣю, — опоздаю...

Мимо опушки лѣса промчался поѣздъ, деревья недовольно удѣли и задрожала земля, между сучьевъ появился бѣлый ръ или дымъ, онъ подкрадывался по воздуху, таялъ, какъ то подглядывалъ за человѣкомъ и прятался отъ глазъ его. Прилетѣли синицы. Бойко посвистывая, онѣ замелькали въ ныхъ сѣтяхъ сучьевъ, ихъ торопливая суета ускоряла женія холодныхъ, непослушныхъ пальцевъ Евсея.

Закинувъ ремень петлей за сучокъ, Климковъ потянулъ внизъ, было крѣпко. Тогда онъ, такъ же поспѣшно, сталъ ать другую петлю, скрутивъ подтяжки жгутомъ, и, когда было готово, вздохнулъ...

— Теперь надо помолиться...

Но слова молитвъ не приходили на память. Онъ задумался нѣсколько секундъ; слова, вспыхивая, тотчасъ же угасали, складываясь въ молитву.

— Раиса знала мою судьбу, — неожиданно вспомнилъ онъ сунувъ голову въ петлю, тихо, просто и безъ трепета въ ди сказалъ:

— Во имя Отца и Сына и Святого Духа...

Толкнувъ ногами землю, онъ подпрыгнулъ вверхъ и согнулъ ноги въ колѣняхъ. Его больно дернуло за ушами, удало въ голову какимъ-то страннымъ, внутреннимъ ударомъ, ошеломленный, онъ всѣмъ тѣломъ упалъ на жесткую лю, перевернулся и покатился внизъ, цѣпляясь руками корни деревьевъ, стукаясь головой о стволы и теряя сознаіе.

когда очнулся, то увидалъ, что сидитъ въ оврагѣ и на

груди у него болтаются оборванныя подтяжки, брюки лопнул сквозь матерію жалобно смотрять до крови исцарапанны колѣни. Все тѣло ныло, особенно болѣла шея, и холодъ точ сдиралъ кожу съ него. Запрокинувшись назадъ, Евсей п смотрѣлъ на обрывъ: тамъ, подъ бѣлымъ сучкомъ березы, в воздухѣ качался ремень тонкой змѣей и манилъ къ себѣ.

„Не могу! — мысленно съ отчаяніемъ говорилъ Евсей.- Ничего не могу!“

Онъ заплакалъ мелкими слезами безсилія и обиды, леж на землю спиной и сквозь слезы видѣлъ надъ собою одн тонное мутное небо, исчерченное сухими узорами черны сучьевъ.

Лежалъ долго, страдая отъ холода и боли, кутался пальто, и передъ нимъ, помимо его воли, проходила цѣпь дымно-темныхъ колецъ его странная, безсмысленная жизн Она шла порывисто, безжалостно растаптывала полумертву душу, добивая ее тяжкими ударами воспоминаній, и, позволяя вспыхнуть въ сердцѣ ни одной искрѣ надежд вдавливала его въ землю.

Въ груди надорванно дрожала и гудѣла какая-то упыл струна, ея печальное пѣніе растекалось по костямъ, и м ленькое, сухое тѣло, насыщенное болѣзненнымъ трепетом сжимаясь въ холодѣ сумерокъ въ беззащитный комокъ, в плотнѣе жалось къ землѣ, твердой и сильной.

Нѣсколько разъ поѣзда, проходившіе мимо рощи, наполня ее визгомъ и грохотомъ, облаками пара и лучами свѣта; э лучи скользили по стволамъ деревьевъ, точно ощупывая их желая найти кого-то между ними, и торопливо исчезали, быстр дрожащіе и холодные.

Когда они нашли Евсея, коснулись его, онъ съ трудо поднялся на ноги и пошелъ въ сумеркахъ рощи вслѣдъ ними. У опушки остановился и, прислонясь къ дереву, ста ждать, слушая отдаленный, сердитый шумъ города. Уже бы вечеръ, небо посинѣло, надъ городомъ тихо разгоралось матов зарево. Тамъ зажгли огни, встрѣчая ночь.

Вдали родился воющій шумъ и гулъ, запѣли, зазвенѣ рельсы, моргая красными очами, въ сумракѣ бѣжалъ поѣзд а сумракъ быстро плылъ за нимъ, становясь все гуще темнѣе. Евсей торопливо, какъ только могъ, взошелъ на пу опустился на колѣни, потомъ улегся поперекъ пути на бо спиною къ поѣзду, положилъ шею на рельсъ и крѣпко куталъ голову полою пальто.

Нѣсколько секундъ ему было пріятно ощущать жгуч прикосновеніе желѣза. оно укрощало боль въ шеѣ но рель

дрожалъ и пѣлъ громче, тревожнѣе, онъ наполнялъ все тѣло ноющимъ стономъ, и земля, тоже вздрагивая мелкою дрожью, какъ будто стала двигаться, уплывая изъ-подъ тѣла, отталкивая его отъ себя.

Поѣздъ катился тяжело и медленно, но уже оглушалъ лязгомъ сцѣпленій, равномѣрными ударами колесъ на стыкахъ рельсъ, его тяжелое дыханіе ревѣло и толкало Климкова въ спину, и все вокругъ Евсея и въ немъ тряслось, бурно волновалось, отрывало его отъ земли.

Онъ не могъ болѣе ждать, вскочилъ на ноги, побѣжалъ вдоль рельсъ и закричалъ высокимъ визгливымъ голосомъ:

— Я — виноватъ, — я все буду — я буду — буду!

По гладко отшлифованному металлу рельсъ скользили, обгоняя Климкова, красноватые лучи огня, они разгорались все ярче, двѣ красныя полосы желѣза казались раскаленными и стремительно текли вдоль по бокамъ Евсея, направляя его бѣгъ.

— Я буду! — визжалъ онъ, размахивая руками.

Что-то жесткое и широкое толкнуло его въ задъ, онъ ткнулся на шпалы между красными струнами рельсъ, и желѣзный суровый грохотъ раздавилъ его слабый визгъ.

1908.

ГОРОДОКЪ ОКУРОВЪ.

Волнистая равнина вся исхлестана сѣрыми дорогами, и пестрый городъ Окуровъ посреди нея—какъ затѣйливая игрушка на широкой, сморщенной ладони.

Изъ густыхъ лѣсовъ Чернораменья вытекаетъ лѣнивая рѣчка Путаница; извиваясь между распаханныхъ холмовъ, она подошла къ городу и раздѣлила его на двѣ равныя части: Шиханъ, гдѣ живутъ лучшіе люди, и Зарѣчье—тамъ ютится низкое мѣщанство.

Разрѣзавъ городъ, рѣка течетъ къ юго-западу и теряется въ ржавомъ Ляховскомъ болотѣ; ощетинилось болото темнымъ ельникомъ, и уходитъ мелкій лѣсъ густымъ, широкимъ строемъ въ сѣровато-синюю даль. А на востокѣ, по вершинамъ холмовъ, маячатъ въ блѣдномъ небѣ старые, побитые грозами деревья большой дороги въ губернію.

Кромѣ города, на равнинѣ, у опушки Черной рамени приткнулось небольшое село Воеводино да двѣ деревни: къ сѣверу—Обносково, а къ востоку—Балымеры, Бубновка тожъ; вотъ и все вокругъ Окурова.

Обиліе водъ въ краю насыщаетъ лѣтомъ воздухъ теплой влагой и пахучей духотой: небо тамъ блѣдное и мутное, точно запотѣло, солнце—тускло, вечернія зори—зловѣще багряны, а луна на восходѣ велика и красна, какъ сырое мясо.

Осенью надъ городомъ недѣлями стоятъ сѣрыя тучи, поливая крыши домовъ обильнымъ дождемъ, бурные ручьи размываютъ дороги, вода рѣки становится рыжей и сердитой: городокъ замираетъ, люди выходятъ на улицы только по крайней нуждѣ и, сидя дома, покорно ждутъ перваго снѣга, играютъ въ козла, дурачки, въ свои козыри, слушаютъ чтеніе Пролога, Минеи, а кое-гдѣ и гражданскихъ книгъ. Снѣгъ падаетъ густо и обильно, тяжкими хлопьями, заваливая улицы города едва не до крышъ домовъ. По ночамъ на равнинѣ

аунывно воютъ волки; звѣзды крупны, синеваты и холодны, . зловѣщая Венера зелена, точно камень изумрудъ.

Городокъ имѣетъ форму намогильнаго креста: въ комлѣ— женскій монастырь и кладбище, вершину—Зарѣчье—отрѣзала Путаница, на лѣвомъ крылѣ—сѣрая отъ старости тюрьма, на правомъ—ветхая усадьба господъ Бубновыхъ, большой, блупленный и оборванный домъ: стропила на крышѣ его обна- жены, точно ребра коня, задраннаго волками, окна забиты осками, и сквозь щели ихъ смотритъ изнутри дома тьма и устота.

На Шиханѣ числится шесть тысячъ жителей, въ Зарѣчьѣ коло семисотъ. Кромѣ монастыря, есть еще двѣ церкви: овый, чистенькій и бѣлый соборъ во имя Петра и Павла и ревняя деревянная церковка Николая Мирликійскаго, о пяти азноцвѣтныхъ главахъ-луковицахъ, съ кирпичными контр- орсами по бокамъ и приземистой колокольней, подобной ринолину и недавно выкрашенной въ синій и желтый цвѣта.

Мѣщане въ городѣ юркіе, но сытенькіе; занимаются они орговлей краснымъ и другимъ товаромъ на сельскихъ ярмар- ахъ уѣзда, скупаютъ пеньку, пряжу, яйца, скотъ и сѣно ля губерніи; жены и дочери ихъ вяжутъ изъ разноцвѣтныхъ ерстей туфли, коты, шарфы, фуфайки и дорожные мѣшки— то рукодѣліе издавна привила имъ монастырская школа, гдѣ очти всѣ онѣ учились грамотѣ. Городъ славится вязаньемъ, осылаетъ его къ Макарію на ярмарку, и, должно-быть, эта абота развила у жителей любовь къ яркой окраскѣ домовъ.

Главная улица Порѣчная, или Бережокъ, вымощена круп- ымъ булыжникомъ; весною, когда между камней пробьется олодая трава, голова Сухобаевъ зоветъ арестантовъ, и они, ольшіе и сѣрые, тяжелые, молча ползаютъ по улицѣ, вы- ывая траву съ корнемъ.

На Порѣчной стройно вытянулись лучшіе дома—голубые, расные, зеленые, почти всѣ съ палисадниками, бѣлый домъ редсѣдателя земской управы Фогеля, съ башенкой на крышѣ, расно-кирпичный съ желтыми ставнями—головы, розоватый— тца протоіерея Исаіи Кудрявскаго и еще длинный рядъ вастливыхъ, уютныхъ домиковъ — въ нихъ квартировали ласти: войсковой начальникъ Покивайко, страстный любитель ѣнія, — прозванъ Мазепой за большіе усы и толщину; по- атной инспекторъ Жуковъ, хмурый человѣкъ, страдавшій за- осмъ; земскій начальникъ Штрехель, театралъ и драматургъ; справникъ Карлъ Игнатьевичъ Вормсъ и развеселый докторъ 'яхинъ, лучшій артистъ мѣстнаго кружка любителей комедіи драмы.

Только почтмейстеръ Кубаревъ, знаменитый цвѣтоводъ, да казначей Матушкинъ жили на Стрѣлецкой—эта улица, одним концомъ разрѣзая Порѣчную, выходила на берегъ рѣки, а другимъ уперлась въ базарную площадь у воротъ монастыря.

Въ городѣ много садовъ и палисадниковъ,—кленъ, рябина, сирень и акаціи скрывали лица домовъ, сквозь зелень привѣтливо смотрѣли другъ на друга маленькія окна съ бѣлыми занавѣсками, горшками герани, фуксіи, бегоніи на подоконникахъ и птичьими клѣтками на косякахъ.

Жили на Шиханѣ благодушно и не очень голодно—предуказаніямъ начальства повиновались мирно, старину помнили крѣпко, но, когда встрѣчалась надобность, гибко уступали и новымъ требованіямъ времени: такъ, замѣтивъ избытокъ дѣвицъ, мѣщанство рѣшило строить прогимназію.

— Всѣхъ дѣвокъ, видно, замужъ не выдашь—стало-быть, пусть идутъ на службу въ учительницы.

Говорилось тоже, что хорошо бы и гимназію имѣть: деревня годъ отъ году все бѣднѣетъ, жить торговлей становится трудно, ремесло кормитъ все хуже, въ губерніи учить дѣтей—дорого, а учить ихъ надобно: доктора, адвокаты и вообще ученый народъ живетъ сытно.

По праздникамъ молодежь собиралась въ полѣ за монастыремъ играть въ городки, лапту, въ горѣлки, а отцы и матери сидѣли у ограды на травѣ и, наблюдая за игрой, вспоминали старину.

Заѣзжіе фокусники и разные странствующіе „артисты“ собирали въ „Лиссабонѣ“ полный залъ, спектакли мѣстнаго кружка любителей тоже посѣщались усердно, но особенно были любимы свѣтскіе концерты мѣстнаго хора, которыми угощалъ горожанъ Мазепа зимою въ „Лиссабонѣ“, а лѣтомъ на городскомъ бульварѣ.

Рыжій глинистый обрывъ городского берега былъ укрѣпленъ фашинникомъ, а вдоль обрыва городъ устроилъ длинный бульваръ, густо засадивъ его тополемъ, акаціями, липой; въ центрѣ бульвара голова и Покивайко выстроили за свой счетъ красную бесѣдку, съ мачтой на крышѣ, по праздникамъ на мачтѣ трепался національный флагъ. Двѣ лѣстницы спускаются отъ бесѣдки по обрыву, подъ нимъ лѣтомъ стояли купальни: полосатая—голубая съ бѣлымъ—Фогеля, красная—головы и сѣрая, изъ выгорѣвшихъ на солнце тесинъ—„публичная“. Отъ купаленъ на рѣку ложатся разноцвѣтныя пятна, и рѣка тихо полощетъ ихъ кисею.

Другой берегъ, плоскій и песчаный, густо и нестройно покрытъ тѣсною кучей хижинъ Зарѣчья; черныя отъ старости,

съ клочьями зеленаго мха на прогнившихъ крышахъ, онѣ стоятъ на пескѣ косо, криво, безнадежно глядя на рѣку маленькими больными глазами; кусочки стеколъ въ окнахъ, отливая опаломъ, напоминаютъ бѣльма.

Среди измятой временемъ, расшатанной половодьемъ толпы мѣщанскихъ домишекъ торчитъ красная кирпичная часовня во имя Александра Невскаго: ее построилъ предокъ вымершихъ помѣщиковъ Бубновыхъ на томъ мѣстѣ, гдѣ его, когда онъ, по гнѣвному повелѣнію Павла I, ѣхалъ въ ссылку въ Тобольскъ, догналъ курьеръ съ приказомъ новаго царя немедля возвратиться въ Питеръ. Часовню эту почти на треть высоты заметало соромъ и пескомъ, кирпичъ ея мѣстами выломанъ во время дракъ и на починку печей, и даже желѣзный, когда-то золоченый крестъ согнутъ. Больше никакихъ примѣтныхъ зданій въ слободѣ не было, если не считать „Фелицатина раишка", стоявшаго въ сторонѣ отъ нея и выше по теченію рѣки

Ежегодно въ половодье рѣка вливалась въ дворы Зарѣчья, заполняла улицы—тогда слобожане влѣзали на чердаки, удили рыбу изъ слуховыхъ оконъ и съ крышъ, ѣздили по улицамъ и по рѣкѣ на плотахъ изъ дверей, снятыхъ съ петель, ловили дрова, унесенныя водою изъ лѣса, воровали другъ у друга эту добычу, а по ночамъ обламывали перила моста, соединявшаго слободу съ городомъ.

Весною, лѣтомъ и осенью зарѣчные жили сборомъ щавеля, земляники, охотой и ловлею птицъ, дѣлали вѣники, потомъ собирали грибы, бруснику, калину и клюкву—все это скупало у нихъ городское мѣщанство. Человѣка три — въ ихъ числѣ Сима Дѣвушкинъ—дѣлали птичьи клѣтки и садки; семейство Пушкаревыхъ занималось плетеніемъ неводовъ, Стрѣльцовы работали изъ корневища березы шкатулки и укладки съ мудреными секретами. Семеро слобожанъ работало на войлочномъ заводѣ Сухобаева, девять человѣкъ валяло сапоги.

Войлочники и валяльщики сапогъ пили водку чаще и больше другихъ, а потому пользовались общимъ вниманіемъ и уваженіемъ всѣхъ слобожанъ. Иногда, по праздникамъ, лучшій мастеръ по войлоку и одинъ изъ сильнѣйшихъ бойцовъ слободы, Герасимъ Крыльцовъ, вдругъ начиналъ нещадно бить почитателей своихъ, выкрикивая, точно кликуша:

— Спаиваете вы меня, анаѳемы! Погибаю черезъ васъ— ухъ!

Но противъ него выходилъ красавецъ и первый герой Вавила Бурмистровъ и, засучивая рукава, увѣщевалъ его:

— Стой. Гараська! Ты какъ можешь злодѣй, избивать

христіанскій народъ, который меня любитъ и уважаетъ, а Тебѣ чего жалко? Ну, держись!

Побѣжденный Герасимъ плакалъ:

— Не денегъ, братцы, жалко, жизни—жизни жалко моей!

Между городомъ и слободою издревле жила вражда: сытое мѣщанство Шихана смотрѣло на зарѣчанъ, какъ на людей никчемныхъ, пьяницъ и воровъ, зарѣчные усердно поддерживали этотъ взглядъ и называли горожанъ „грошелюбами", „пятакоѣдами".

Съ Михайлова дня зачинались жестокіе бои на льду рѣки: бои шли всю зиму, вплоть до Масляной недѣли, и, хотя у слобожанъ было много знаменитыхъ бойцовъ, городъ одолѣвалъ численностью, наваливался тяжестью: зарѣчные всегда бывали биты и гонимы черезъ всю слободу вплоть до песчаныхъ бугровъ—„Кобыльихъ ямъ", гдѣ зарывали дохлый скотъ.

Чаще всего изъ города въ Зарѣчье являлась полиція: съ обысками, если случалась кража, ради сбора казенныхъ повинностей, описи слободскихъ пожитковъ за долги и для укрощенія частыхъ дракъ; всякіе же иные люди приходили только по ночамъ, дабы посѣтить „Фелицатинъ раишко"

„Раишко"—бывшая усадьба господъ Воеводиныхъ—ветхій, темный и слѣпой домъ занималъ своими развалинами много мѣста и на землѣ и въ воздухѣ. Съ рѣки его закрываетъ густая стѣна ветелъ, осинъ и березъ, съ улицы — каменная ограда съ крѣпкими воротами на дубовыхъ столбахъ и тяжелой калиткой въ лѣвомъ полотнищѣ воротъ. У калитки, съ вечера до утра всю ночь, на скамьѣ, сложенной изъ кирпича, сидѣлъ большой, рыжій, неизвѣстнаго званія человѣкъ, прозванный зарѣчными—Четыхеръ.

До Четыхера сторожемъ былъ младшій братъ Вавилы Бурмистрова—Андрей, но онъ не могъ нести эту должность болѣе двухъ зимъ: въ холода зарѣчное мѣщанство волчьей стаей нападало на развалины дома, отрывая отъ нихъ все, что можно сжечь въ печи, и многое ломали не столь по необходимости, по нуждѣ, сколько по страсти разрушать,—по тому печальному озорству, въ которое одѣвается тупое русское отчаяніе. Приходилось грудью защищать хозяйское добро—противъ друзей и даже родного брата: на этомъ дѣлѣ и покончилъ Андрей свою жизнь—ему отбили печенки.

Умирая, онъ хрипѣлъ:

— Фелицата,—за тебя стоялъ,—прощай!

Она плакала, закрывая лицо бѣлыми руками, потомъ, съ честью похоронивъ защитника, поставила надъ его могилою хорошій дубовый крестъ и долго служила панихиды объ упо-

коенія раба Божія Андрія, но тотчасъ же послѣ похоронъ съѣздила куда-то, и у воротъ ея „раишка“ крѣпко сѣлъ новый сторожъ: длиннорукій, квадратный, молчаливый; онъ сразу внушилъ безстрашнымъ зарѣчанамъ уваженіе къ своей звѣриной силѣ, побѣдивъ въ единоборствѣ богатырей слободы Крыльцова, Бурмистрова и Зосиму Пушкарева.

Широкій, двухъэтажный, съ антресолями, колоннами и террасою, воеводинскій домъ развалился посрединѣ двора, густо заросшаго бурьяномъ. Вокругъ дома лежали остатки службъ — Фелицатино топливо, надъ развалинами печально качались вершины деревьевъ парка. „Раишко“ помѣщался во второмъ этажѣ, его три окна почти всегда были прикрыты рѣшетчатыми ставнями, надъ нимъ,—какъ носъ надъ подбородкомъ старика — нависла крыша, обломанная тяжестью снѣга.

Скрытая за стѣною въ глубинѣ двора жизнь „Фелицатина раишка“ была недоступна наблюденіямъ зарѣчныхъ людей. Лѣтомъ горожане являлись съ рѣки, подъѣзжая въ лодкахъ къ парку или крадучись берегомъ по кустамъ, зимою они проѣзжали слободской улицей, кутаясь въ башлыкахъ или скрывая лица воротниками шубъ.

Знали, что у Фелицаты живутъ три дѣвицы: Паша, Розочка и Лодка, что изъ хорошихъ людей города наиболѣе часто посѣщаютъ „раишко“ помощникъ исправника Нѣмцевъ, потому что у него хворая жена, податной инспекторъ Жуковъ, какъ человѣкъ вдовый, и докторъ Ряхинъ—по веселости характера.

Знали также, что, когда къ Фелицатѣ съѣзжалось много гостей, она звала на помощь себѣ женщинъ и дѣвицъ слободы; знали, кто изъ нихъ ходитъ къ ней, но относились къ этому промыслу женъ и дочерей хладнокровно, деньги же, заработанныя ими, отнимали на пропой.

Бородатые лѣсные мужики изъ Обносковой, Балымеръ и другихъ селъ уѣзда, народъ смирный и простодушный, даже днемъ опасались ѣздить черезъ слободу, а коли нельзя было миновать ее—ѣздили по-трое, по-четверо. Если же на улицѣ слободы появлялся одинокій возъ, ввстрѣчу ему не торопясь выходили озабоченные и любопытные слобожане, тѣсно окружали мужика, спрашивали:—„что, дядя, продаешь?“ и, осматривая товаръ, крали, а если мужикъ кричалъ, жаловался—колотили его слегка.

Лѣтними вечерами зарѣчные собирались подъ ветлы, на берегъ Путаницы, противъ городского бульвара и, лежа или сидя на пескѣ, завистливо смотрѣли вверхъ: на красномъ

необѣ четко вырѣзаны синеватыя главы церквей, сѣрая, точно изъ свинца литая каланча, съ темной фигурой пожарнаго на ней, розовая, въ лучахъ заката, башня на крышѣ Фогелева дома. Густая стѣна зелени бульвара скрывала хвастливыя лица пестрыхъ домовъ Порѣчной, позволяя видѣть только крыши и трубы, но между стволовъ и вѣтвей слобожане узнавали горожанъ и съ лѣнивой насмѣшкой разсказывали другъ другу событія изъ жизни Шихана: кто и сколько проигралъ и кто выигралъ въ карты, кто вчера былъ пьянъ, кто на недѣлѣ билъ жену, какъ и за что. Знали всѣ городскіе романы и торговыя сдѣлки, всѣ ссоры и даже намѣренія горожанъ.

Узнавалась жизнь Шихана черезъ женщинъ, ходившихъ на поденщину: полоть огороды, мыть полы въ городскихъ учрежденіяхъ, продавать ягоды и грибы на базарѣ и по домамъ.

Обо всемъ, что̀ касалось города, Зарѣчье говорило сатирически и враждебно; про свою жизнь разсуждало мало, лѣниво; больше всего любили бесѣды на темы общія, фантастическія и выходившія далеко за предѣлы жизни города Окурова.

Любили пѣніе. Лѣтомъ каждый разъ, когда на городскомъ бульварѣ распѣвалъ хоръ Мазепы, Зарѣчье откликалось ему голосами своихъ пѣвцовъ Вавилы Бурмистрова и Артюшки Пистолета, войлочника.

Слободской поэтъ Сима Дѣвушкинъ однажды изобразилъ строй души зарѣчныхъ жителей такими стихами:

Позади у насъ—лѣса,
Впереди—болото.
Господи! Помилуй насъ!
Жить намъ—неохота.
Скучно, тѣсно, голодно —
Никакой отрады!
Многіе живутъ лѣтъ сто —
А—зачѣмъ ихъ надо?
Можетъ, было бъ веселѣй,
Кабы вдоволь пищи...
Ну, а такъ—живи скорѣй
Да и—на кладбище!

* * *

Первой головою въ Зарѣчьѣ былъ единодушно признанъ Яковъ Захаровъ Тіуновъ.

Высокій, сухой, жилистый—онъ заставлялъ ждать отъ него суетливыхъ движеній, бойкой рѣчи, и было странно видѣть его неспѣшную походку, солидныя движенія, слышать спокойный, глуховатый голосъ.

Жизнь его была загадочна: подросткомъ лѣтъ пятнадцати

пъ вдругъ исчезъ куда-то и лѣтъ пять пропадалъ, не давая о себѣ никакихъ вѣстей отцу, матери и сестрѣ, потомъ вдругъ былъ присланъ изъ губерніи этапнымъ порядкомъ, полубольной, безъ праваго глаза на темномъ и сухомъ лицѣ, съ выбитыми зубами и съ котомкой на спинѣ, а въ котомкѣ двѣ толстыя, въ кожаныхъ переплетахъ книги, одна — „Объ изобрѣтателѣхъ вещей“, а другая — „Краткое Всемірное Позорище, или малый Ѳеатронъ“.

Въ то время отецъ и мать его уже давно померли, сестра, продавъ хижину и землю, куда-то уѣхала — Яковъ Тіуновъ поселился у повивальной бабки и знахарки Дарьюшки, прозванной за ея болтливость Волынкой. Неизвѣстно было, на какія средства онъ живетъ: самъ онъ явно избѣгалъ общенія съ людьми, разговаривалъ сухо и неохотно, и не могъ никому смотрѣть въ лицо, а все пряталъ свой глазъ, прищуривая его и дергая головой снизу вверхъ. По вечерамъ одиноко шлялся въ полѣ за слободой, пристально разглядывая землю темнымъ окомъ и, какъ всѣ кривые, держа голову всегда наклоненною немного на бокъ.

По разсказамъ Дарьюшки, дома кривой читалъ свои большія книги и порою разговаривалъ самъ съ собою; слободскія старухи назвали его колдуномъ и чернокнижникомъ, молодыя бабы говорили, что у него совѣсть не чиста, мужики нѣсколько разъ пытались допросить его, что̀ онъ за человѣкъ, но—не добились успѣха. Тогда они стребовали съ кривого полъ-ведра водки, захотѣли еще, а онъ отказалъ, его побили, и черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ снова ушелъ „въ проходку“, какъ объяснила Волынка.

Вернулся Тіуновъ сорокапятилѣтнимъ человѣкомъ, съ сѣдыми вихрами на остромъ, дынею, черепѣ, съ жиденькой, бѣдоватой бородкой на костлявомъ лицѣ, точно въ дыму кончемъ, и на этотъ разъ его одинокое темное око смотрѣло на людей, не прячась, серьезно и задумчиво.

Онъ снова поселился у Волынки и сталъ являться всюду, гдѣ сходились люди: зимой—въ трактирѣ Синемухи, лѣтомъ на берегу рѣки. Оказалось, что онъ хорошо поправлялъ изломанные замки, умѣлъ лудить самовары, перебирать старые ружья и даже чинить часы. Слобода, конечно, не нуждалась въ его услугахъ, если же и предлагала иногда какую-нибудь работу, то платила за нее угощеніемъ. Но городъ давалъ Тіунову кое-какіе заработки, и онъ жилъ менѣе голодно, чѣмъ другіе слобожане.

Жизнь его проходила размѣренно и аккуратно: утромъ бабы, сидя у мужей, говорили:

— Встанай, лежебокъ: Сеньмой часъ въ исходѣ—вонъ уж кривой въ городъ шагаетъ!

И всѣ знали, что изъ города онъ воротится около шес вечера. По праздникамъ онъ ходилъ къ ранней обѣднѣ, по томъ пилъ чай въ трактирѣ Синемухи, и вплоть до поздне ночи его можно было видѣть всюду на улицахъ слободы ходитъ человѣкъ не торопясь, задумчиво тыкаетъ въ песок черешневой палочкой и во всѣ стороны вертитъ головой, всѣх замѣчая, со всѣми предупредительно здороваясь, умѣя отв тить на всѣ вопросы. Рѣчь его носитъ оттѣнокъ книжный. это усиливаетъ значеніе ея.

Когда бойкая огородница Фимка Пушкарева, больно поб тая какимъ-то случайнымъ другомъ сердца, прибѣжала к Тіунову прятаться и, рыдая, стала проклинать горькую бабь долю, кривой сказалъ ей ласково и внушительно:

— А ты, Серафима, чѣмъ лаять да выть, подобно собак человѣчій образъ свой береги, со всякимъ звѣремъ не якшайс выбери себѣ одного кого — поласковѣе да поумнѣе—и жи съ нимъ! Не дѣвушка, должна знать: мужчинѣ всякая баб на часъ жена, стало-быть, сама исхитрись сдержку пост вить ему, а не стели себя подъ ноги всякому прохожем уважь Божье-то подобіе въ себѣ!

Слова эти запомнились женщинамъ слободы, они созда кривому славу человѣка справедливаго, и онъ сумѣлъ и лучить за нихъ немало добрыхъ бабьихъ ласкъ.

Но, какъ и раньше, въ лунныя ночи онъ ходилъ по п лямъ вокругъ слободы и, склонивъ голову на плечо, борм талъ о чемъ-то.

Собираясь подъ ветлами, думающіе люди Зарѣчья стали Тіунову разные мудрые вопросы.

Начиналъ всегда Бурмистровъ,—онъ чувствовалъ, что кр вой затѣняетъ его въ глазахъ слобожанъ, и, не скрывая сво непріязни къ Тіунову, старался чѣмъ-нибудь сконфузить е

— Эй, Тіуновъ! Вѣрно это — будто ты къ фальшивы деньгамъ прикосновенность имѣлъ и за то пострадалъ н прасно?

— Деньги — онѣ всѣ фальшивыя, — спокойно отвѣчае кривой, нацѣливаясь глазомъ въ глаза Вавилы.

Бурмистровъ смущенъ и уже немножко горячится.

— Это какъ же? Ежели я вылью цѣлковый изъ олова стекломъ и ртутью его обработаю, а казна — изъ сереб что же будетъ?

— Два цѣлковыхъ и будетъ!—глуховато говоритъ Тіуновъ. И серебру и олову — одна цѣна въ этомъ разѣ. Бумажн

ресть, а кровать невуче скрипѣла, и отъ этого было душно, тошно, жутко. Пользуясь тишиной, въ комнатѣ бѣгали и шуршали проклятыя мыши, шорохъ разрывалъ тонкую сѣть думъ о Яковѣ, Сашѣ, и сквозь эти разрывы Евсей видѣлъ мертвую спокойно ожидающую пустоту вокругъ себя, и съ нею настойчиво хотѣла слиться пустота его души.

Рано утромъ онъ уже стоялъ въ углу большого двора у желтой конурки съ крестомъ на крышѣ. Сѣдой, горбатый сторожъ, отпирая дверь, говорилъ:

— Ихъ тутъ двое — одного признали, а другого нѣтъ, и сейчасъ его повезутъ въ могилу, непризнаннаго-то.

Потомъ Евсей увидѣлъ сердитое лицо Зарубина. Оно только посинѣло немного, но не измѣнилось. Ранка на мѣстѣ шрама теперь стала черной. Маленькое, ловкое тѣло его было нагo и чисто, онъ лежалъ кверху лицомъ, вытянутый, какъ струна, и, сложивъ на груди смуглыя руки, какъ будто спрашивалъ, сердитый:

— Ну что?

А рядомъ съ нимъ былъ положенъ темный трупъ, весь изорванный, опухшій, въ красныхъ, синихъ и желтыхъ пятнахъ. Кто-то закрылъ лицо его голубыми и бѣлыми цвѣтами, но Евсей видѣлъ изъ-подъ нихъ кость черепа, клокъ волосъ, слѣпленныхъ кровью, и оторванную раковину уха.

— Этого нельзя узнать — головы-то нѣтъ почти, а узнали его; вчера пришли двѣ барышни, вотъ цвѣты принесли, прикрыли цвѣтами человѣческое безобразіе. А другой — неизвѣстно кто...

— Я знаю! — твердо сказалъ Евсей. — Онъ — Яковъ Зарубинъ, служилъ въ охранномъ отдѣленіи.

Сторожъ взглянулъ на него и отрицательно покачалъ головой.

— Нѣтъ, это не онъ. Намъ полиція тоже говорила — Зарубинъ, и контора наша охрану спрашивала, оказалось — не онъ!

— Я же знаю! — тихо и обиженно воскликнулъ Евсей.

— А изъ охраны сказали — не знаемъ, не служилъ такой.

— Неправда! — воскликнулъ Евсей тоскливо и растерянно.

Со двора вошли двое молодыхъ парней, и одинъ спросилъ сторожа:

— Который неизвѣстный?

— Вотъ этотъ.

Горбунъ ткнулъ пальцемъ на Зарубина и сказалъ Евсею:

— Видите?

„Это шпіонъ. Бей его!“. Должно произойти то же самое, что было у Зарубина съ бѣлокурымъ человѣкомъ. Если люди не возьмутся за Сашу такъ серьезно, какъ они взялись вчера за переодѣтаго революціонера, Евсей дастъ имъ примѣръ, онъ первый выстрѣлитъ, какъ это сдѣлалъ Зарубинъ, но онъ попадетъ въ Сашу. Онъ будетъ цѣлиться въ животъ ему.

Климковъ почувствовалъ себя сильнымъ, смѣлымъ и заторопился, ему хотѣлось сдѣлать дѣло сейчасъ же. Но воспоминаніе о Зарубинѣ мѣшало ему, спутывая убогую простоту задуманнаго. Онъ невольно повторилъ свою мысль:

— Это я его отмѣтилъ для смерти!

Онъ не упрекалъ, не обвинялъ себя, но ему казалось, что какая-то нить связываетъ его съ черненькимъ сыщикомъ, и нужно что-то сдѣлать, пусть эта нить оборвется.

— Не простился я съ нимъ. А гдѣ его найдешь теперь?

Надѣвъ пальто, онъ ощупалъ въ карманѣ револьверъ, обрадовался, снова почувствовалъ притокъ силы, рѣшимости и вышелъ на улицу твердыми шагами.

Но, чѣмъ ближе подходилъ онъ къ охранному отдѣленію, тѣмъ замѣтнѣе таяло и линяло настроеніе бодрости, расплывалось ощущеніе силы, а когда онъ увидѣлъ узкій, тупой переулокъ и въ концѣ его сумрачный домъ въ три этажа, ему вдругъ неодолимо захотѣлось найти Зарубина, проститься съ нимъ.

— Я его обидѣлъ, — смущенно объяснялъ онъ себѣ это желаніе, быстро повертывая куда-то въ сторону отъ своей цѣли. — Надо его отыскать.

И въ то же время онъ смутно чувствовалъ, что не можетъ ускользнуть отъ того, что схватило его за сердце и давитъ, влечетъ за собой, молча указывая единственный выходъ изъ страшной путаницы.

Задача дня не мѣшала темной и властной силѣ расти и насыщать его сердце, какъ сейчасъ помѣшало этой задачѣ внезапно вспыхнувшее желаніе найти трупъ маленькаго шпіона.

Искусственно раздувая это желаніе, опасаясь, что и оно исчезнетъ, Евсей нѣсколько часовъ разъѣзжалъ на извозчикѣ по полицейскимъ частямъ, съ напряженной дѣловитостью разспрашивая о Зарубинѣ, и только вечеромъ узналъ, гдѣ его трупъ. Ѣхать туда было уже поздно, и Климковъ отправился домой, тайно довольный тѣмъ, что день прошелъ.

Мельниковъ не явился ночевать, Евсей пролежалъ всю ночь одинъ, стараясь не двигаться. При каждомъ движеніи пологъ надъ кроватью колебался, въ лицо вѣялъ запахъ сы-

молчу все. Спросишь о чемъ-нибудь — одинъ скажетъ одно, другой другое, третій еще что-нибудь, а ну васъ къ чорту, думаю! Словъ у васъ много, а вѣрныхъ нѣтъ.

— Да, — сказалъ Евсей, чтобы отвѣтить.

„Надо что-нибудь сдѣлать! — думалъ онъ, оборонялсь, и вдругъ рѣшилъ: — Сначала я — Сашку". И, не желая представить, что̀ будетъ потомъ, спросилъ Мельникова:

— Куда пойдемъ?

— На службу пойдемъ, — равнодушно отвѣтилъ шпіонъ.

— Я не хочу! — заявилъ Евсей сухо и твердо.

Мельниковъ почесалъ бороду, помолчалъ, отодвинулъ отъ себя посуду и, положивъ локти на столъ, заговорилъ раздумчиво и вполголоса:

— Служба наша стала трудная, всѣ стали бунтовать, а которые тутъ настоящіе бунтовщики? Разбери-ка!..

— Я знаю, кто первый подлецъ и злодѣй! — пробормоталъ Климковъ.

— Это ты про Сашку? — освѣдомился шпіонъ.

Евсей не отвѣтилъ, потихоньку начиная сплетать планъ дѣйствій, а Мельниковъ сталъ одѣваться, громко сопя носомъ и спрашивая:

— Значитъ, вмѣстѣ живемъ?

— Да...

— Вещи свои сегодня перевезешь?

— Не знаю.

— А ночевать здѣсь будешь?

Подумавъ, Евсей отвѣтилъ:

— Здѣсь.

А когда шпіонъ ушелъ, Климковъ вскочилъ на ноги, испуганно оглянулся и затрясся подъ хлесткими ударами подозрѣній.

„Вдругъ онъ меня заперъ снаружи, а самъ пошелъ сказать Сашкѣ! Сейчасъ придутъ, схватятъ меня, — надо бѣжать въ окно..."

Бросился къ двери — она была не заперта. Тогда, успокаиваясь, онъ мысленно сказалъ, съ горечью убѣждая кого-то:

— Ну, развѣ можно такъ жить? Никому не вѣришь, никого нѣтъ...

Потомъ онъ долго сидѣлъ за столомъ, не двигаясь, напрягая весь свой умъ, всю хитрость, чтобы построить врагу безопасную для себя ловушку, и наконецъ составилъ планъ. Нужно чѣмъ-нибудь выманить Сашу изъ охраны на улицу, итти съ нимъ и, когда встрѣтится большая толпа народа, крикнуть: —

А его товарищъ помолчалъ и потомъ сказалъ глухо и медленно:

— Вотъ я иной разъ такъ же вою.

Климковъ зарылся головой въ подушку, крѣпко сжимая зубы, чтобы сдержать настойчивую потребность криковъ и жалобъ.

XXII.

Проснулся съ какимъ-то тайнымъ рѣшеніемъ, оно туго опоясало его грудь невидимой широкой полосой и давило его. Онъ чувствовалъ, что концы этого пояса держитъ кто-то настойчивый и угрюмо ведетъ его къ неизвѣстному, неизбѣжному; прислушивался къ этому желанію, осторожно ощупывалъ его неловкою и трусливою мыслью, но и въ то же время не хотѣлъ, чтобы оно опредѣлилось. Мельниковъ, одѣтый и умытый, но не причесанный, сидѣлъ за столомъ у самовара, лѣниво, точно волъ, жевалъ хлѣбъ и говорилъ:

— Ты хорошо спишь. А я вздремнулъ немного, ночью проснулся, — вдругъ тѣло рядомъ! Помню, что Таньки нѣтъ, а про тебя — забылъ! Тогда показалось мнѣ, что это тотъ лежитъ. Пришелъ и легъ, — погрѣться захотѣлось.

Онъ засмѣялся глупымъ смѣхомъ и, должно-быть, самъ сконфузился его.

— Однако это не шутка, — спичку я зажигалъ, смотрѣлъ на тебя. Нездоровъ ты, по-моему, лицо у тебя синее, какъ...

Онъ оборвалъ рѣчь кашлемъ, но Евсей догадался, какое слово не сказалъ его товарищъ, и скучно подумалъ:

„Раиса тоже говорила, что я удавлюсь“.

Эта мысль испугала его, ясно намекая на то, чего онъ не хотѣлъ понять. Тогда онъ началъ упорно вызывать какое-то желаніе, которое помогло бы ему обмануть себя, скрыть неизбѣжное и уже рѣшенное, и спросилъ:

— Который часъ?

— Одиннадцатый.

— Рано еще! — тихо замѣтилъ Климковъ.

— Рано! — подтвердилъ хозяинъ, и оба замолчали. Потомъ Мельниковъ предложилъ ему:

— Давай жить вмѣстѣ, — а?

— Я не знаю, — отвѣтилъ Евсей.

— Чего?

— Что будетъ, — сказалъ Климковъ, подумавъ.

— Ничего не будетъ. Ты смирный, говоришь мало, и я тоже не люблю говорить. Вотъ если скучно, то говорю, а то

скоро сорваться и безконечно летѣть въ бездонную, нѣмую глубину.

— Вотъ хорошо!—сказалъ Мельниковъ.—А то мнѣ одному скучно.

Евсей съ тоской посовѣтовалъ ему:

— Вотъ ты бы Сашку убилъ!

— Ну тебя!—отмахнулся Мельниковъ.—Что̀ ты думаешь—я это люблю, убивать? Мнѣ потомъ два раза говорили тоже повѣсить, студента, ну, я отказался. Наткнешься опять на какого-нибудь, такъ, вмѣсто одного, двоихъ будешь помнить. Они вѣдь представляются, убитые,—они приходятъ!

— Часто?

— Разно. Когда часто, каждую ночь. Отъ нихъ чѣмъ оборонишься? Богу молиться я не умѣю, забылъ молитвы-то. А ты?

— Я молитвы помню.

Вошли въ какой-то дворъ, долго шагали въ глубину его, спотыкаясь о доски, камни, мусоръ, потомъ спустились куда-то по лѣстницѣ. Климковъ хватался рукой за стѣны и думалъ, что этой лѣстницѣ нѣтъ конца. Когда онъ очутился въ квартирѣ шпіона и при свѣтѣ зажженной лампы осмотрѣлъ ее, его удивила масса пестрыхъ картинъ и бумажныхъ цвѣтовъ; ими были облѣплены почти сплошь всѣ стѣны, и Мельниковъ сразу сталъ чужимъ въ этой маленькой, уютной комнатѣ, съ широкой постелью въ углу за бѣлымъ пологомъ

— Это все сожительница моя мудрила,—говорилъ онъ, раздѣваясь.—Ушла, сволочь, одинъ жандармъ, вахмистръ, сманилъ. Непонятно мнѣ—вдовый онъ, сѣдой, а она—молодая, на мужчину жадная, однако—ушла! Это ужъ третья уходитъ. Давай, ляжемъ спать.

Легли рядомъ, на одной постели, она качалась подъ Евсеемъ волнообразно, опускаясь все ниже, у него замирало сердце отъ этого, а на грудь ему тяжко ложились слова шпіона:

— Одна была—Ольга...

— Какъ?

— Ольга. А что̀?

— Ничего

— Маленькая такая, худая, веселая. Бывало, спрячетъ шапку мою или что̀ другое,—я говорю: Ольга, гдѣ вещь? А она—ищи, ты вѣдь сыщикъ! Любила шутить! Но была распутная, чуть отвернешься въ сторону, а она ужъ съ другимъ. Бить ее боязно было—слаба. Все-таки за косы дралъ,—надо же какъ-нибудь...

— Господи!—тихо воскликнулъ Климковъ.—Что̀ же я буду дѣлать?

будутъ по закону, при священникѣ, крестъ дадутъ цѣловать, такъ что ты не стѣсняйся!“ Я говорю: что же, если съ дозволенія начальства, и меня за это простятъ, то я его повѣшу, только я вѣдь не умѣю.—„Мы, говоритъ, тебя научимъ, у насъ, говоритъ, есть одинъ знающій человѣкъ, его параличъ разбилъ и самъ онъ не можетъ“. Ну, учили они меня цѣлый вечеръ, въ карцерѣ было это, насовали въ мѣшокъ тряпья, перевязали его веревкой, будто шею сдѣлали, и я его на крючокъ вздергивалъ, научился. А утромъ рано дали мнѣ выпить полбутылки, вывели меня на дворъ, съ солдатами, съ ружьями, вижу—помостъ выстроенъ, висѣлица, значитъ, разное начальство передъ ней. Кутаются всѣ, сжатся—тогда тоже осень была, ноябрь. Вхожу я на помостъ, а доски шатаются, скрипятъ подъ ногами, какъ зубы. Отъ этого стало мнѣ непріятно, говорю: дайте еще водки, а то я боюсь. Дали. Потомъ привели его...

Мельниковъ снова началъ глухо кашлять, хватая себя за горло, а Евсей, прижимаясь къ нему, старался итти въ ногу съ нимъ и смотрѣлъ на землю, не рѣшаясь взглянуть ни впередъ ни въ сторону.

— Вижу—молодой, крѣпкій, стоитъ твердо, все волосы поглаживаетъ такъ со лба на затылокъ. Сталъ я надѣвать на него саванъ и, видно, щипнулъ его, или задѣлъ какъ, онъ и говоритъ мнѣ тихонько, безъ сердца: „Осторожнѣе, братъ“. Да. Попъ крестъ ему даетъ, а онъ:—„Не безпокойтесь, говоритъ, я не вѣрую“. И лицо у него такое, какъ будто ему извѣстно все, что будетъ послѣ смерти и сейчасъ, и завтра, и всегда—навѣрное извѣстно! Кое-какъ задушилъ я его, трясусь весь, руки онѣмѣли, ноги не стоятъ, страшно стало отъ него, что спокойно онъ все это,—господиномъ надъ смертью стоитъ...

Мельниковъ замолчалъ, оглянулся и пошелъ быстрѣе.

— Ну?—спросилъ Евсей шопотомъ.

— Ну, удушилъ и все. Только съ того времени, какъ увижу или услышу—убили человѣка—вспоминаю его всегда. По-моему, онъ одинъ зналъ, что вѣрно. Оттого и не боялся. И зналъ онъ, главное, что завтра будетъ. Чего никто не знаетъ... Вотъ что, Евсей, пойдемъ ко мнѣ ночевать, а? Пойдемъ, пожалуйста!

— Ладно!—тихо сказалъ Климковъ.

Онъ былъ радъ предложенію, онъ не могъ бы теперь итти къ себѣ одинъ, по улицамъ, въ темнотѣ. Ему было тѣсно, тягостно, точно не по улицамъ шелъ, а тихонько ползъ подъ землей, она давила ему спину, грудь, бока и голову, молча обѣщая впереди неизбѣжную, глубокую яму, куда онъ долженъ

— Мнѣ потому жутко, знаешь ты, что, когда я сидѣлъ въ тюрьмѣ, былъ тамъ одинъ случай...

— Постой,—сказалъ Евсей.—Не мѣшай!

Сквозь мягкую массу шума побѣдоносно пробивался тонкій, сверлящій ухо голосъ:

— Слышали? Богиня, говоритъ онъ. А между прочимъ, у насъ, русскихъ людей, одна есть богиня—Пресвятая Богородица Марія Дѣва! Вотъ какъ говорятъ эти кудрявые молодчики, да!

— Вонъ его!

— Молчать!

— Нѣтъ, позвольте! Ежели свобода, то каждый имѣетъ право...

— Видите? Они, кудрявые, по улицамъ ходятъ, народъ избиваютъ, который за государеву правду противъ измѣны возстаетъ, а мы, русскіе православные люди, даже говорить не смѣй. Это—свобода?

— Будутъ драться! — сказалъ Климковъ, вздрагивая — Убьютъ котораго-нибудь. Я уйду!

— Эхъ, какой ты,—ну, идемъ! Чортъ съ ними—что тебѣ?

Мельниковъ бросилъ на столъ деньги, двинулся къ выходу, низко наклонивъ голову и какъ бы скрывая свое примѣтное лицо.

На улицѣ, во тьмѣ и холодѣ, онъ заговорилъ, подавляя свой голосъ:

— Когда сидѣлъ я въ тюрьмѣ—было это изъ-за мастера одного, задушили у насъ на фабрикѣ мастера, такъ вотъ и я тоже сидѣлъ. Говоритъ мнѣ: каторга; всѣ говорятъ,—сначала слѣдователь, потомъ жандармы вмѣшались, пугаютъ,—а я молодой еще былъ и на каторгу не хотѣлось мнѣ. Плакалъ, бывало...

Онъ началъ кашлять бухающими звуками и замедлилъ шагъ.

— Разъ приходитъ помощникъ смотрителя тюрьмы Алексѣй Максимычъ, хорошій старичокъ, любилъ онъ меня, все сокрушался.—„Эхъ, говоритъ, Ляпинъ,—моя фамилія настоящая Ляпинъ,—эхъ, говоритъ, братъ, жалко мнѣ тебя, такой ты несчастный есть...“

Рѣчь его задумчиво и ровно разстилалась передъ Евсеемъ мягкою полосой, а Климковъ тихо спускался по ней, какъ по узкой тропѣ куда-то внизъ, во тьму, къ страшной и жутко интересной сказкѣ.

— Приходитъ. „Хочу, говоритъ, тебя, Ляпинъ, спасти для хорошей жизни. Дѣло твое каторжное, но ты можешь его избѣжать. Только нужно тебѣ для этого человѣка казнить. Человѣкъ этотъ—осужденный за политическое убійство, вѣшать его

тѣло бѣлокураго человѣка и недоумѣнно оглядывался на шумную публику, мигалъ, точно спросонья. Все было несвязно, изумарно. Мельниковъ неохотно пилъ пиво, молчалъ и почесывался.

Недалеко отъ нихъ за столомъ сидѣли трое, всѣ, видимо, приказчики, молодые, модно одѣтые, въ пестрыхъ галстукахъ, съ характерной рѣчью. Одинъ изъ нихъ, кудрявый и смуглый, взволнованно говорилъ, поблескивая темными глазами:

— Пользуются одичалостью разныхъ голодныхъ оборванцевъ и желаютъ показать намъ, что свобода невозможна по причинѣ множества подобныхъ дикихъ людей. Однако позвольте—дикіе люди не вчера явились, они были всегда и на нихъ находилась управа, ихъ умѣли держать подъ страхомъ законовъ! Почему же сегодня имъ дозволяютъ всякое безобразіе и звѣрство?

Онъ побѣдоносно оглянулъ залъ и отвѣтилъ на свой вопросъ съ горячимъ убѣжденіемъ:

— Потому, что желаютъ показать намъ—вы за свободу, господа? Вотъ она, извольте! Свобода для васъ—убійства, грабежи и всякое безобразіе толпы.

— Слышишь?—сказалъ Евсей, торжествуя.—Развѣ это не Сашкинъ планъ?

Горячій голосъ оратора возбуждалъ въ душѣ тихое тлѣніе надежды:

— А можетъ-быть, не одолѣетъ Сашка?

Мельниковъ угрюмо взглянулъ на него и не отвѣтилъ.

Кудрявый поднялся со стула и продолжалъ, плавно поводя рукой со стаканомъ вина въ ней.

— Неправда и—протестую! Свобода нужна честнымъ людямъ не для того, чтобы душить другъ друга, но чтобы каждый могъ защищать себя отъ распространеннаго насилія нашей беззаконной жизни. Свобода—богиня разума, и довольно уже пили нашу кровь! Я протестую! Да здравствуетъ свобода!

Публика закричала, затопала ногами.

Мельниковъ взглянулъ на кудряваго оратора и пробормоталъ:

— Какой дуракъ!

— Онъ вѣрно говоритъ!—возразилъ Евсей, сердясь.

— А ты почему знаешь?—равнодушно спросилъ мліонъ и медленными глотками сталъ пить пиво.

Евсею захотѣлось сказать этому тяжелому человѣку, что онъ самъ дуракъ, слѣпой звѣрь, но Мельниковъ поднялъ голову и, глядя въ лицо Климкова темными, страшно вытаращенными глазами, заговорилъ гулкимъ шопотомъ:

я сегодня, не могу ѣсть, вотъ ужъ третьи сутки. И спать тоже.—Онъ тихо вздохнулъ и докончилъ съ угрюмымъ равнодушіемъ:—Меня бы надо уложить на покой, вмѣсто Якова.

— Все губитъ Сашка!—сквозь зубы проговорилъ Евсей.—Всѣхъ насъ онъ погубитъ!

Они шли по улицѣ, ничего не замѣчая, и говорили каждый о своемъ подавленными голосами, оба точно пьяные.

— Гдѣ вѣрное?—спрашивалъ Мельниковъ, протягивая впередъ руку, какъ бы щупалъ воздухъ.

— Вотъ видишь—убили двухъ,—говорилъ Евсей, напряженно ловя непослушную мысль.

— Сегодня, надо думать, много убили. Слѣпые всѣ.

— Зачѣмъ Сашка устроилъ это?

— Я тоже не люблю его.

— Вотъ кого надо убить!—воскликнулъ Евсей съ горькою злостью.

Мельниковъ долго молчалъ, потомъ вдругъ погрозилъ въ воздухъ кулакомъ и сказалъ рѣшительно, громко:

— Будетъ! Взялъ я грѣховъ на себя довольно. За Волгой есть у меня дядя, древній старикъ,—вся моя родня на землѣ. Пойду къ нему! Онъ—пчелякъ. Молодой былъ—за фальшивыя бумажки судился.

И, снова помолчавъ немного, шпіонъ тихонько засмѣялся.

— Что ты?—досадливо спросилъ Евсей.

— Все забываю—еще три года назадъ дядя-то померъ.

Незамѣтно дошли до знакомаго трактира; у двери Евсей остановился и, задумчиво посмотрѣвъ на освѣщенныя окна, недовольно пробормоталъ:

— Опять люди. Не хочется мнѣ итти туда.

— Пойдемъ, все равно!—сказалъ Мельниковъ и, взявъ его за руку, повелъ за собой, говоря:

— Мнѣ одному скучно будетъ. И боязливъ я сталъ. Не того боюсь, что убьютъ, коли узнаютъ сыщика, а такъ, просто—жутко.

Они не пошли въ комнату, гдѣ собирались товарищи, а сѣли въ общей залѣ въ углу. Было много публики, но пьяныхъ не замѣчалось, хотя рѣчи звучали громко и ясно слышалось необычное возбужденіе. Климковъ по привычкѣ началъ вслушиваться въ разговоры, а мысль о Сашѣ, не покидая его, тихо развивалась въ головѣ, ошеломленной впечатлѣніями послѣднихъ дней, но освѣжаемой постоянными приливами ѣдкой ненависти къ шпіону и страха передъ нимъ.

— Погубитъ онъ меня, погубитъ!

Вспоминалъ сердитое лицо мертваго Зарубина, растоптанное

„Вотъ какъ они!“—тупо думалъ Евсей, слѣдя за красными узорами на камняхъ. Въ темно-красномъ дрожащемъ туманѣ передъ глазами Евсея явилось волосатое лицо Мельникова, негромко и устало прогудѣлъ его голосъ:

— Вотъ—убили.

— Да. Скоро какъ.

— Утромъ тоже одного убили.

— За что?

— Говорилъ. Стоялъ на тумбѣ и говорилъ съ народомъ. Чапинъ въ животъ ему выпалилъ...

— За что?—повторилъ Евсей.

— Обманываютъ они! Подложный манифестъ! Народу ничего нѣтъ!

— Это все Сашка выдумалъ—сказалъ Климковъ тихо и убѣжденно.

Мельниковъ тряхнулъ головой, поглядѣлъ на свои большія руки и какимъ-то пьянымъ голосомъ пробормоталъ:

— Кто-нибудь всегда обманываетъ! Яшка—померъ?

Онъ вошелъ въ вагонъ, наклонился и, легко поднявъ Зарубина, положилъ его на лавку, лицомъ кверху

— Померъ. Вонъ куда попало...

Евсей искалъ на лицѣ Зарубина шрамъ отъ удара бутылкой, но не находилъ его. Теперь надъ правымъ глазомъ шпіона была маленькая красная дырка, Климковъ не могъ оторвать отъ нея взгляда, она какъ бы всасывала въ себя его вниманіе, возбуждая острую жалость къ Якову.

— У тебя пистолетъ есть?—спросилъ Мельниковъ.

— Нѣтъ.

— Вотъ, возьми Яшкинъ.

— Не хочу, не надо мнѣ.

— Теперь всѣмъ это надо!—просто сказалъ Мельниковъ и опустилъ револьверъ въ карманъ пальто Евсея.—Да, вотъ былъ Яшка и нѣтъ Яшки!

„Это я его отмѣтилъ для смерти!“ — думалъ Климковъ, разсматривая лицо товарища. Брови Зарубина были строго нахмурены, въ тусклыхъ глазахъ замерла и свѣтилась какая-то серьезная забота, его черные усики топорщились на приподнятой губѣ, онъ казался раздраженнымъ, и можно было ждать, что изъ полуоткрытаго рта взволнованно польется быстрая рѣчь.

— Идемъ!—сказалъ Мельниковъ.

— А онъ,—они какъ же?—спросилъ Евсей, съ усиліемъ отрывая глаза отъ Зарубина.

— Полиція приберетъ, убитыхъ подбирать нельзя—законъ это запрещаетъ! Пойдемъ куда-нибудь—встряхнемся. Не ѣлъ

— Бей!

Торопливо трижды выстрѣлилъ револьверъ, забухали глух удары, кто-то заныл протяжно и жалобно, точно ребенок

— О-ой, поженька!

И кто-то хрипло, съ натугой выкрикивалъ:

— А-а, по башкѣ-то его...

А тонкій истерическій голосъ восторженно звенѣлъ:

— Рви его, голубчики, дави его! Будетъ, прошло их времечко, теперь мы ихъ,—теперь нашъ чередъ!

И всѣ крики вдругъ покрылъ громкій, полный тоскливаг презрѣнія возгласъ:

— Идіоты!

Евсей, пошатываясь отъ слабости въ ногахъ, вышелъ н площадку и увидѣлъ съ нея темную кучку людей. Согнув спины, взмахивая руками и ногами, натужно покряхтывая устало хрипя, они дѣловито возились на мостовой, как большіе, мохнатые черви, таская по камнямъ уже раздавлен ное и оборванное тѣло бѣлокураго юноши, били въ нег ногами, растаптывая лицо и грудь, хватали за волосы, з ноги и руки и одновременно рвали въ разныя стороны. Полу голое, облитое кровью, оно мягко, какъ тѣсто, хлопалось о камни, съ каждымъ ударомъ все болѣе теряя сходство с фигурою человѣка, эти люди озабоченно трудились надъ нимъ, а худенькій мужичокъ, стараясь раздавить черепъ, наступалъ на него ногой и вопилъ:

— Ага-а, пришло время...

Уже кончали дѣло, одинъ за другимъ отходили съ мостовой на тротуары, рябой парень вытиралъ руки овчинной полушубка и хозяйственно спрашивалъ:

— Кто взялъ пистолетъ?

Теперь голоса звучали утомленно, неохотно. Но на тротуарѣ, въ маленькой группѣ людей у фонаря былъ слышенъ смѣхъ. Обиженный голосъ доказывалъ:

— Врешь—я первый! Какъ онъ упалъ—тутъ я его сапогомъ въ морду...

— Первый извозчикъ Михайла навалился, а потомъ я!

— Михайлѣ пуля въ ногу попала...

— Ежели не въ кость, такъ ничего!

Эти, отвѣдавъ вкуса крови, видимо стали смѣлѣе, они оглядывались по сторонамъ несытыми глазами съ жадностью и увѣреннымъ ожиданіемъ.

Среди улицы лежалъ безформенный темный бугоръ, отъ него по впадинамъ между камней, не торопясь, растекалась кровь.

Среди толпы вьюномъ вился маленькій Яковъ Зарубинъ, отъ онъ подбѣжалъ къ Мельникову и, дергая его за рукавъ, началъ что-то говорить, кивая головой на вагонъ. Климковъ быстро оглянулся на человѣка въ шапкѣ, тотъ уже всталъ и шелъ къ двери, высоко поднявъ голову и нахмуривъ брови. Евсей шагнулъ за нимъ, но на площадку вагона вскочилъ Мельниковъ, онъ загородилъ дверь, втиснувъ въ нее свое большое тѣло, и зарычалъ:

— Шапку долой!

Человѣкъ круто повернулся и пошелъ къ другому выходу, тамъ стоялъ Зарубинъ и высокимъ голосомъ кричалъ:

— Вотъ этотъ, въ шапкѣ! Я его знаю! Онъ бомбы дѣлаетъ,—берегись, ребята!

Въ рукѣ Зарубина блестѣлъ револьверъ, онъ взмахивалъ имъ, точно камнемъ, и совалъ впередъ; на площадку лѣзли люди съ улицы, навстрѣчу имъ толкались пассажиры вагона, дама визгливо рыдала:

— Шапку, что вы!

Всѣ визжали, ревѣли, давили другъ друга и таращили безумно прыгающіе глаза на человѣка въ шапкѣ.

— Я буду стрѣлять, прочь!—громко сказалъ онъ, подвигаясь къ Зарубину. Сыщикъ попятился назадъ, но его толкнули въ спину, онъ упалъ на колѣни, опираясь одной рукою въ полъ, вытянулъ другую. Испуганно хлопнулъ выстрѣлъ, другой, зазвенѣли стекла, на секунду всѣ крики точно затихли, а потомъ твердый голосъ презрительно сказалъ:

— Мерзавцы!

Воздухъ и стекла снова вздрогнули отъ выстрѣла, а Зарубинъ громко крикнулъ:

— У!

И стукнулся головой о полъ, точно кланяясь въ ноги кому-то.

Стало просторнѣе, тише. Климковъ, забитый въ уголъ, скорчившійся на лавкѣ, равнодушно подумалъ:

„Могло меня убить“.

Мысль скользнула и исчезла, не разбудивъ во тьмѣ его души ни страха ни радости. Онъ устало оглянулся, человѣкъ въ шапкѣ стоялъ на площадкѣ вагона, къ нему, мимо Евсея, шагалъ Мельниковъ, а Зарубинъ лежалъ внизъ лицомъ на полу и не двигался.

— Я васъ перестрѣляю — идите прочь! — сухо и громко раздалось на площадкѣ, но Мельниковъ перешагнулъ черезъ Якова, схватилъ бѣлокураго юношу поперекъ тѣла, бросилъ его на мостовую и дикимъ голосомъ, изступленно закричалъ:

А въ вагонѣ было тихо, всѣ стояли, снявъ шапки, и, мол блѣдные, смотрѣли на толпу, обнимавшую ихъ волнистым грязнымъ кольцомъ. Но переодѣтый человѣкъ не снялъ шапк Евсей взглянулъ на его строгое лицо, подумавъ: „Фо ситъ“, — и сталъ смотрѣть на улицу сквозь стек криво усмѣхаясь. Онъ хорошо чувствовалъ ничтожество эти безпокойно-прыгающихъ людей, онъ ясно понималъ, что и хлещетъ изнутри темный страхъ, это онъ толкаетъ и носи ихъ изъ стороны въ сторону, и съ нимъ они борются, оп ня себя громкими криками и желая доказать себѣ, что о ничего не боятся. Они бѣгали вокругъ вагона, какъ ст собакъ, только-что выпущенныхъ съ цѣпи, полные неосмы ленной радости, не успѣвшіе освободиться отъ привычна страха, и видимо не могли рѣшиться пойти вдоль широко свѣтлой улицы—не умѣли собрать себя въ одно тѣло, суетили орали и тревожно оглядывались вокругъ, чего-то ожидая.

Вотъ около вагона стоитъ худенькій, остробородый муж чокъ въ рваномъ полушубкѣ, онъ закрылъ глаза, подня лицо кверху и, разинувъ голодный ротъ съ желтыми зубам кричитъ тонкимъ голосомъ:

— До-оло-ой,—не надо-о...

Отъ напряженія и страха по щекамъ у него текутъ слез на лбу блеститъ потъ; переставая кричать, онъ сгибаетъ ше недовѣрчиво оглядывается, приподнявъ плечи, и, снова з крывая глаза кричитъ, точно его бьютъ:

— Дово-ольно-о!

„Вотъ и я такъ же сталъ бы“,—подумалъ про себя Евсе Ему было смѣшно смотрѣть на мужика и въ то же вре жалко и себя и его.

Онъ видѣлъ знакомыя, всегда сумрачныя лица дворинков усатую рожу благочестиваго и сердитаго Климыча, церко наго сторожа, голодные глаза подростковъ-хулигановъ, уд вленныя рожи какихъ-то робкихъ мужичковъ и среди ни нѣсколько фигуръ, которыя всѣхъ толкаютъ, всѣмъ указ ваютъ, насыщая эти безвольныя, слѣпыя тѣла своей воле своей больной злостью. Онъ хорошо понималъ, что всѣ э мелкіе люди такъ же, какъ и самъ онъ, живутъ въ тѣсном плѣну страха и не имѣютъ силы вырваться изъ него—приде къ нимъ сильный и овладѣетъ ими, придетъ сильнѣйшій волею его они опрокинутъ старое вмѣстилище страха д новаго. Теперь, отдѣленный отъ нихъ стеклами, онъ ра глядывалъ ихъ со стороны и сверху, его глаза обнима многое, все было до тошноты ясно ему, сердце сосала тос и злость.

ловѣкъ.—Да вы лучше взгляните на защитниковъ стараго ѳрядка. Вотъ они идутъ!

Вагонъ заскрипѣлъ, завизжалъ, остановился, и когда смолкъ здражающій шумъ его движенія, стали слышны безпокойные громкіе крики:

— Ур-ра-а-а...

Изъ-за угла улицы впереди вагона выбѣжало много мальишекъ, они крикливо разсыпались по мостовой, точно брошеные сверху, а за ними поспѣшно и нестройно, чернымъ клиомъ, выдвинулась въ улицу толпа людей съ трехцвѣтными лагами надъ нею, и раздались тревожные крики:

— Ур-ра! Стой, ребята!

— Долой конституцію!

— Не желаемъ!

— Ур-ра-а!

Люди толкались, забѣгая одинъ впередъ другого, размахили руками, кидали въ воздухъ шапки, впереди всѣхъ, наонивъ голову, точно быкъ, шелъ Мельниковъ съ тяжелою алкой въ рукахъ и національнымъ флагомъ на ней. Онъ отрѣлъ въ землю, ноги поднималъ высоко и, должно-б ть, большой силою топалъ о землю—при каждомъ ударѣ тѣло о вздрагивало и голова качалась. Его ревъ густо выдѣлялся ъ нестройнаго хаоса жидкихъ, смятенныхъ криковъ обиліемъ ающихъ звуковъ.

— Не хотимъ обмана!

За нимъ, подпрыгивая и вертя шеями, катились по мовой какіе-то темные и сѣрые растрепанные люди, они днимали головы и руки кверху, глядя въ окна домовъ, пакивали на тротуары, сбивали шапки съ прохожихъ, снова дбѣгали къ Мельникову и кричали, свистѣли, хватались утъ за друга, свиваясь въ кучу, а Мельниковъ, размахивая агомъ, охалъ и гудѣлъ, точно большой колоколъ:

— Долой крамолу-у! Обманщиковъ долой.

„Пьяный, что ли?“—холодно подумалъ Климковъ.

— Стой!—высоко поднимая флагъ и голову, командовалъ іонъ.—Пой-й!

И изъ его широкаго рта хлынулъ дикій и тоскливый ревъ:

— Бо-о...

Но тотчасъ же въ воздухѣ безпорядочно и хищно, какъ а голодныхъ птицъ, заплескались возбужденные крики, пились въ голосъ шпіона и покрыли его торопливой, дной массой.

— Шапки долой-й! Православные! По-старому! Долой изму!

и готовъ благодарно молиться, но окна бить изъ патріотизм и скулы сворачивать людямъ,—зачѣмъ же?

— Варварство, звѣрство въ такіе дни!—сказала полна дама.—Ахъ, этотъ народъ, сколько въ немъ ужаснаго!

А изъ угла раздался увѣренный и твердый голосъ:

— Все это дѣло полиціи, увѣряю васъ!

— Да зачѣмъ же?

Всѣ на минуту замолчали.

„А я знаю!"—подумалъ Климковъ.

Изъ-за угла увѣренно сказали:

— Изготовляютъ контръ-революцію по-русски. Вы при смотритесь—кто командуетъ патріотическими манифестаціями Переодѣтая полиція, агенты охраны.

Евсей, слушая эти слова, незамѣтно разглядывалъ молодо лицо, сухое и чистое, съ хрящеватымъ носомъ, маленьким усами и клочкомъ свѣтлыхъ волосъ на упрямомъ подбородкѣ Человѣкъ этотъ сидѣлъ, упираясь спиной въ уголъ вагона закинувъ ногу на ногу, онъ смотрѣлъ на публику умным взглядомъ голубыхъ глазъ и говорилъ, какъ имѣющій власт надъ словами и мыслями, какъ вѣрующій въ ихъ силу.

Одѣтый въ короткую теплую куртку и высокіе сапоги, он былъ похожъ на рабочаго, но бѣлыя руки и тонкія морщин вдоль лба выдавали его.

„Переодѣтый!—подумалъ Евсей.—Пусть, мнѣ все равно!"

Онъ съ большимъ вниманіемъ сталъ слѣдить за громкой твердой рѣчью бѣлокураго юноши, разсматривая его умные прозрачно-голубые глаза и соглашаясь съ нимъ. Но вдруг съежился, охваченный какимъ-то острымъ предчувствіемъ— на площадкѣ вагона, рядомъ съ кондукторомъ онъ раз смотрѣлъ сквозь стекло черный выпуклый затылокъ, опущен ныя плечи, узкую спину. Вагонъ трясло, и знакомая Евсея фигура гибко двигалась, удерживаясь на ногахъ.

— Яшка Зарубинъ!

Климковъ безпокойно взглянулъ на молодого человѣка, тот снялъ шляпу и, поправляя бѣлокурые волнистые волосы говорилъ:

— Покуда въ рукахъ нашего правительства есть солдаты полиція, шпіоны, оно не уступитъ народу и обществу своих правъ безъ боя, безъ крови, мы должны помнить это!

— Неправда, сударь мой! — закричалъ костлявый чело вѣкъ,—государь далъ полную конституцію, далъ, да, и вы не смѣете...

— Кто же это устраиваетъ избіенія на улицахъ и кто кричитъ — долой конституцію? — холодно спросилъ молодой

ле, сталъ присматриваться къ нимъ и быстро понялъ, что лов е—это хорошо знакомая ему тревога. Люди озирались вокругъ недовѣрчиво, подозрительно, они смотрѣли другъ на друга уже не такими добрыми глазами, какъ за послѣднее время, голоса звучали тише, въ словахъ сверкала злость, досада, печаль. И говорилось о страшномъ.

Около него стали двое прохожихъ, и одинъ изъ нихъ, низенькій, толстый и бритый, спросилъ другого:

— Сколько убито, говорите?

— Пять. Шестнадцать ранено.

— Казаки стрѣляли?

— Да. Мальчикъ убитъ, гимназистъ.

Евсей взглянулъ на говорившаго, сухо освѣдомился:

— За что?

Человѣкъ съ большой черной бородой пожалъ плечами и отвѣтилъ неохотно и негромко:

— Говорятъ—пьяные были они, казаки.

„Это Сашка устроилъ!"—увѣренно сказалъ себѣ Климковъ.

— А на Спасскомъ мосту толпа избила студента и бросила въ воду,—сообщилъ бритый, отдуваясь.

— Какая толпа?—снова и настойчиво спросилъ Евсей.

— Не знаю. Какіе-то патріоты.

Чернобородый пояснилъ:

— Сегодня съ утра по улицамъ ходятъ небольшія кучки такихъ-то оборванцевъ съ трехцвѣтными флагами, носятъ съ собой портреты царя и избиваютъ прилично одѣтыхъ людей...

„Сашка!"—повторилъ Евсей про себя.

— Говорятъ—это организовано полиціей и охраной...

— Конечно!—вскричалъ Климковъ, но тотчасъ же крѣпко сжалъ губы, покосился на чернобородаго и рѣшилъ отойти прочь. Въ это время подошелъ вагонъ, собесѣдники Евсея направились къ нему, онъ подумалъ:

„Надо и мнѣ сѣсть, а то догадаются, что я сыщикъ,—дожидался вагона вмѣстѣ съ ними, а не поѣхалъ!"

Въ вагонѣ публика показалась Климкову болѣе спокойной, чѣмъ на улицѣ.

„Все-таки закрыто, хотя и стеклами", — объяснилъ себѣ Климковъ эту перемѣну, прислушиваясь къ оживленной бесѣдѣ пассажировъ.

Высокій человѣкъ съ костлявымъ лицомъ жалобно говорилъ, разводя руками:

— Я тоже государя люблю и уважаю, я ему душевно благодаренъ за манифестъ и готовъ кричать „ура", сколько угодно,

рубль есть, значитъ и — деревянный али глиняный —можно сдѣлать. А вотъ ежели ты сапогъ изъ бересты склеишь,—это ужъ обманъ! Сапогъ есть вещь, а деньги—дрянь!

Говоритъ онъ увѣренно, глазъ его сверкаетъ строго, и всѣ люди вокругъ него невольно задумываются.

Колченогій печникъ Маркъ Ивановъ Ключниковъ, поглаживая голый свой черепъ и опухшее желтое лицо, сипло спрашиваетъ:

— Вотъ, иной разъ думаю я—Россія! Какъ это понять—Россія?

Тіуновъ, не задумываясь, изъясняетъ:

— Что̀ жъ — Россія? Государство она, безсомнѣнно, уѣздное. Губернскихъ-то городовъ — считай — десятка четыре, а уѣзныхъ тысячи, поди-ка! Тутъ тебѣ и Россія.

Помолчавъ, онъ добавилъ:

— Однако хорошая сторона, только надо это понять, чѣмъ хороша, надо посмотрѣть на нее, на Русь, пристально...

— Не на этомъ ли тебѣ глазъ-отъ вышибло?—спрашиваетъ Бурмистровъ, издѣваясь.

Ключниковъ моргаетъ заплывшими глазами и думаетъ о чемъ-то, потирая переносицу.

Переваливаясь съ боку на бокъ, Вавила находитъ еще вопросъ:

— Вотъ—ты часто про мѣщанъ говоришь! — строго начинаетъ онъ.—А ты знаешь—сколько насъ, мѣщанства?

— Вы суть звѣзды мелкія, сосчитать насъ, — поди-ка,—и немысленно.

— Врешь! Годовъ шесть тому назадъ считали!

— Стало-быть, кто считалъ — онъ знаетъ. А я не знаю. Трудно, чай, было итогъ намъ подвести? — добавляетъ онъ съ легонькимъ вздохомъ и тонкой усмѣшкой.

— Отчего?

— Оттого, главное, что дураки—они самосѣвомъ родятся.

Бурмистровъ, имѣя прекрасный случай придраться къ Тіунову, обиженно кричитъ:

— Я развѣ дуракъ?

Но Ключниковъ, Стрѣльцовъ и скромный Зосима Пушкаревъ, по прозвищу „Валеный чортъ“, успокаиваютъ красавца.

А успокоивъ, Ключниковъ, расковыривая пальцемъ дыру на колѣнѣ штанины, озабоченно спрашиваетъ:

— Ну, а, примѣрно, Москва?

— Что̀ жъ Москва?—медленно говоритъ кривой, закативъ темное око свое подъ лобъ. — Вотъ, скажемъ, на ногахъ у

тебя опорки, рубаха — годъ не стирана, штаны едва стыдъ прикрываютъ, въ брюхѣ—какъ въ карманѣ—соръ да крошки, а шапка была бы хорошая, скажемъ—бобровая шапка! Вотъ те и Москва!

Отдуваясь и посапывая, Ключниковъ обводитъ кривого взглядомъ, точно гадальнаго пѣтуха на Святкахъ мѣловой чертой, и лѣниво говоритъ:

— А вѣдь, пожалуй, вѣрно это!

Лежатъ они у корней ветелъ, точно куча сора, намытаго рѣкой, всѣ въ грязныхъ лохмотьяхъ, нечесаные, лѣнивые, и почти на всѣхъ лицахъ одна и та же маска надменнаго равнодушія людей многоопытныхъ и недоступныхъ чувству удивленія. Смотрятъ полусонными глазами на мутную воду Путаницы, на рыжій обрывъ городского берега и въ бѣлесое, скучное окуровское небо надъ бульваромъ.

Влажный воздухъ напоенъ теплымъ запахомъ гніющихъ травъ болота, — люди полны безнадежной скукой. Темный глазъ кривого оглядываетъ ихъ, мѣряетъ; Тіуновъ вертитъ головою такъ же, какъ въ тотъ часъ, когда онъ подбираетъ старые, побитые молью мѣха.

Молчаливый Павелъ Стрѣльцовъ спрашиваетъ Тіунова всегда о чемъ-нибудь, имѣющемъ практическое значеніе.

— А что̀, Яковъ Захарычъ, ежели водку чаемъ настоять—будетъ съ этого мадера?

— Не будетъ!—отвѣчалъ Тіуновъ спокойно и рѣшительно.—Мадеру настаиваютъ—ежели по запаху судить—на солодскомъ корнѣ...

— Врешь ты, кривой! — говоритъ Бурмистровъ. — Никто ничего не знаетъ, а ты—врешь!

— Не вѣрь,—совѣтуетъ кривой.

— И не буду! Мнѣ—ото всѣхъ твоихъ словъ — плѣсенью пахнетъ. Ну, какая безпокойная тоска все это!

Вздыхаютъ, плюютъ на песокъ, позѣвывая крутятъ папироски. Вечеръ ласково стелетъ на берегъ теплыя тѣни ветелъ. Со стороны „Фелицатина раишка“ тихо струится заманчивая пѣсня.

Ой ли милые мои,
Разлюбезные мои...-

тонкимъ голосомъ выводитъ Розочка, а Лодка сочно и убѣдительно подхватываетъ:

А пригоже ль вамъ, бояре,
Мимо терема итти?..

— Любитъ эта Розка по крышамъ лазить! — замѣчаетъ Стрѣльцовъ.—Отчего бы?

— Съ крышъ дальше видно,—объясняетъ Тіуновъ.

Въ мягкую тишину вечера тяжко падаетъ Фелицатинъ басовой, хозяйскій голосъ:

— Розка!

— Ну?

— Чай пить иди!

Ключниковъ, чмокая губами, говоритъ:

— Хорошо бы теперь почайничать!

— Не сходя съ мѣста, — добавляетъ Зосима Пушкаревъ.

Бурмистровъ, обращаясь къ Стрѣльцову, укоряетъ его:

— Еще въ позапрошломъ году хотѣлъ ты чайникъ завести, чтобы здѣсь чай пить—ну, гдѣ онъ?

Круглое лицо Павла озабоченно хмурится, острые глазки быстро мигаютъ, и, шепелявя, онъ поспѣшно говоритъ:

— Я, конечно, его сдѣлаю, чайникъ! Со свисткомъ хочется мнѣ, чтобы поставилъ на огонь и—не думай! Онъ ужъ самъ позоветъ, когда вскипитъ,—свиститъ онъ: въ крышкѣ у него свистокъ будетъ!

И вдругъ, осѣненный новою мыслью, радостно объявляетъ:

— А то — колокольчикъ можно приспособить! На ручкѣ— колокольчикъ, а внутри, на водѣ — кружокъ, а въ кружкѣ— палочка—такъ? Теперь — ежели крышку чайника прорѣзать, палочку,—можно и гвоздь,—лучше гвоздь,—пропустить сквозь дыру—ну, вода закипитъ, кружокъ закачается—тутъ гвоздь и начнетъ по колоколу барабанить—эка!

— Ну и башка!—изумленно говоритъ Зосима, опуская длинныя желтыя рѣсницы на огромные, мутные глаза.

За рѣкой, на бульварѣ, появляются горожане: сквозь деревья видно, какъ плывутъ голубыя, розовыя, бѣлыя дамы и дѣвицы, сѣрые и желтые кавалеры, слышенъ звонкій смѣхъ и жирный крикъ Мазепы:

— Рэгэнтъ? Та я жъ—позовить его!

Зарѣчные люди присматриваются и громко сообщаютъ другъ другу имена горожанъ.

— Исправникъ вышелъ!—замѣчаетъ Бурмистровъ, потягиваясь, и ухмыляется.—Хорошо мы говорили съ нимъ намедни, когда меня изъ полиціи выпускали. „Какъ это, говоритъ, тебѣ не стыдно бездѣльничать и буянить? Надо, говоритъ, работать и жить смирно!“—„Ваше, молъ, благородіе! Дѣдъ мой, бурмистръ зарѣченскій, работалъ и отецъ работалъ, а мнѣ ужъ надобно за нихъ отдыхать!“—„Пропадешь ты“, говоритъ...

— И по-моему,—говоритъ Ключниковъ, зѣвнувъ,—долженъ ты пропасть изъ-за бабъ, какъ братъ твой Андрей пропалъ...

— Андрей—отъ побоевъ!—говоритъ Зосима.—И вину сильно прилежалъ...

Бурмистровъ осматриваетъ всѣхъ гордымъ взглядомъ и вѣско замѣчаетъ:

— Не отъ вина и не отъ побоевъ, а—любилъ онъ Фелицату! Кабы не любилъ онъ ее—на что бы ему противъ всѣхъ въ бой ходить?

Берегомъ, покачиваясь на длинныхъ ногахъ, шагаетъ высокій, большеголовый парень, безъ шапки, босой, съ удилищами на плечѣ и корзиною изъ бересты въ рукахъ. На его тонкомъ, сутуломъ тѣлѣ тяжело виситъ рваное ватное пальто, шея у него длинная, и онъ странно киваетъ большой головой, точно кланяясь всему, что̀ видитъ подъ ногами у себя.

Павелъ Стрѣльцовъ, суетясь и волнуясь, кричитъ ввстрѣчу ему:

— Симъ! Иди скорѣй!

И, стоя на колѣняхъ, ждетъ приближенія Симы, глядя на его ноги и словно считая медленные, невѣрные шаги.

Лицо Симы Дѣвушкина круглое, туповатое, робкіе глаза безцвѣтны и выпучены, какъ у овцы.

— Ну, чего сочинилъ? Сказывай!—предлагаетъ Стрѣльцовъ.

И Ключниковъ, ласково улыбаясь, тоже говоритъ:

— Барабань, ну!

Шаркая ногой по песку и не глядя на людей, Сима скороговоркой, срывающимся голосомъ читаетъ:

Боже—мы Твои люди,
А въ сердцахъ у насъ—злоба!
Отъ рожденья до гроба
Мы другъ другу—какъ звѣри:
Съ нами, Господи, буди!
Не Твои ли мы дѣти?
Мы тоскуемъ о вѣрѣ,
О Тебѣ, нашемъ Свѣтѣ...

— Ну, брось, плохо вышло!—прерываетъ его Бурмистровъ.

А Тіуновъ, испытующе осматривая поэта темнымъ окомъ, мягко и негромко подтверждаетъ:

— Священные стихи не вполнѣ выходятъ у тебя, Дѣвкинъ! Священный стихъ, главное, пѣвучій:

Боже,—милостивъ буди ми грѣшному.
Подай, Господи, милости Божіей...

Вотъ какъ священный стихъ текётъ! У тебя же выходитъ трень-брень, какъ на балалайкѣ!

Стрѣльцовъ, отрицательно мотая головой, тоже говоритъ:

— Не годится...

Сима стоитъ надъ ними, опустя тяжелую голову, молча шевелитъ губами и все роетъ песокъ пальцами ноги. Потомъ онъ покачивается, точно готовясь упасть, и идетъ прочь, загребая ногами.

Глядя вслѣдъ ему, Тіуновъ негромко говоритъ:

— А все-таки складно! Такой съ виду—блаженный какъ бы! Вотъ узнай, что̀ скрыто въ корнѣ человѣка!

— Говорятъ, будто бы на этомъ можно деньги зашибить?—мечтательно спрашиваетъ Стрѣльцовъ.

— А почему нельзя? Памятники даже ставятъ нѣкоторымъ сочинителямъ: Пушкину въ Москвѣ поставили,—хотя онъ при дворѣ служилъ, Пушкинъ! Державину въ Казани—тоже придворный, положимъ!

Кривой говоритъ задумчиво, но все болѣе оживляется и быстрѣе вертитъ шеей.

— Особенно въ этомъ дѣлѣ почитаются вотъ такіе, какъ Дѣвушкинъ этотъ — низкаго происхожденія люди. Былъ при Александрѣ Благословенномъ грушникъ Слѣпушкинъ, сочинитель стиховъ, такъ ему государь золотой кафтанъ подарилъ да часы, а потомъ Вонапарту хвастался: вотъ, говоритъ, господинъ Бонапартъ, у васъ — безпорядокъ и кровопролитное междоусобіе, а мои мужички стишки сочиняютъ, даромъ что крѣпостные!

— Это онъ ловко срѣзалъ!—восхищается Ключниковъ.

Бурмистровъ сидитъ, обнявъ колѣна руками, и, закрывъ глаза, слушаетъ шумъ города. Его писаное лицо хмуро, брови сдвинуты, и крылья прямого, крупнаго носа тихонько вздрагиваютъ. Волосы на головѣ у него рыжеватые, кудрявые, а брови темныя, изъ-подъ рыжихъ пушистыхъ усовъ красиво смотрятъ полныя малиновыя губы. Рубаха на груди разстегнута, видна бѣлая кожа, поросшая золотистою шерстью: крѣпкое, стройное и гибкое тѣло его напоминаетъ какого-то мягкаго и лѣниваго звѣря.

— Ерунда все это! — не открывая глазъ, ворчитъ онъ.—Стихи, памятники—на что они мнѣ?

— Тебѣ бы только Лодку!—говоритъ Ключниковъ, широко улыбаясь.

Зосима Пушкаревъ оживленно восклицаетъ:

— Ну жъ она ему и пара! И красива—ухъ! Не хуже его, Вавилы-то, ей-Богу...

— Почему—ерунда?—тихо спрашиваетъ кривой, дѣйствуя глазомъ, точно буравомъ.—Если стихъ соотвѣтствуетъ своему предмету — онъ очень сильно можетъ за сердце взять! Напримѣръ—Волга, какъ о ней скажешь?

Протянувъ руку впередъ и странно разрубая слога, онъ тихо говоритъ своимъ глухимъ голосомъ:

Во-лга, Во-лга, вес-ной много-водною
Ты не такъ за-ливаешь поля,
Какъ великою скорбью народною...

— Понимаете?

Какъ великою скорбью народною
Переполнилась наша земля!

— Русская земля! Вотъ—правильные стихи! Широкіе!

— Это ты откуда взялъ? — спрашиваетъ печникъ, подвигаясь къ нему.

— Въ Москвѣ, въ тюремномъ зàмкѣ, студенты пѣли...

— Ты тамъ сидѣлъ?

— А какъ же!

— За фальшивки?

— Нѣтъ! Вѣдь это такъ, шутка, что я фальшивками занимался; меня за бродяжничество сажали и по этапамъ гоняли. А разъ я попалъ по знакомству: познакомился въ трактирѣ съ господиномъ однимъ и пошелъ ночевать къ нему. Господинъ хорошій. Ночевалъ я у него ночь, а на другую—пришли жандармы и взяли насъ обоихъ. Онъ, оказалось, къ политикѣ былъ причастенъ.

— Чтò такое политика эта? — удивленно спрашиваетъ Стрѣльцовъ.—Вонъ, сказываютъ, у одной мѣщанки въ городѣ сына, солдата, посадили...

— У Маврухиной это!

— Помѣшалась она, говорили бабы..

— Политика—разно понимается,—спокойненько объясняетъ Гіуновъ. — Одни говорятъ: надобно всю землю крестьянамъ отдать; другіе—нѣтъ, лучше всѣ заводы рабочимъ, а третьи—отдайте, дескать, все намъ, а мы ужъ раздѣлимъ правильно! Всѣ, однако, заботятся о благополучіи людей...

— Ну, а насчетъ мѣщанъ какъ?

Бурмистровъ, обернувшись къ Стрѣльцову, строго замѣтилъ:

— А мѣщанъ политика не касается!

Кривой, поджавъ губы, промолчалъ.

Съ рѣки поднимается сырость, сильнѣе слышенъ запахъ гніющихъ травъ. Небо потемнѣло, надъ городомъ, провожая солнце, вспыхнула Венера. Свинцовая каланча окрасилась въ мутно-багровый цвѣтъ, горожане на бульварѣ шумятъ, смѣются, ясно слышенъ хриплый голосъ Мазепы:

— Да пэрэстаньте!

Вдругъ раздается хоровое пѣніе марша:

Какъ-то разъ, передъ толпою
Соплеменныхъ горъ...

— Погодите! — грозя кулакомъ, говоритъ Бурмистровъ.— Придетъ Артюшка—мы вамъ покажемъ соплеменныхъ!

И оретъ:

— Артюшка-а!

Павелъ Стрѣльцовъ неожиданно и съ обидою въ голосѣ бормочетъ:

— Вотъ тоже сахаръ возьмемъ — отчего изъ березоваго сока сахаръ не дѣлать? Сокъ—сладкій, березы—много!

Ему никто не отвѣчаетъ

— Также и ленъ, — почему только ленъ? А можетъ, и осока и всякая другая трава годится въ дѣло? Надо все испробовать!

Заложивъ руки за спину, посвистывая, идетъ Артюшка Пистолетъ, рыболовъ, птичникъ, охотникъ по перу и пушинѣ. Лицо у него скуластое, монгольское, глаза узкіе, косые, во всю лѣвую щеку — глубокій шрамъ: онъ приподнялъ уголъ губъ и положилъ на лицо Артюшки безсмѣнную кривую улыбку пренебреженія.

— Зачастили?—говоритъ онъ, кивая головой на городъ.— Ну, перебьемъ?

Бурмистровъ встаетъ, потягивается, выправляя грудь, оскаливаетъ зубы и командуетъ:

— Начинай! Эхъ, соплеменные—держись!

Въ сырой и душный воздухъ вечера врываются заунывныя ноты высокаго свѣтлаго голоса:

Ой, да ты кукушка-а...

Артемъ стоитъ, прислонясь къ дереву, закинувъ руки назадъ, голову вверхъ и закрывъ глаза. Онъ ухватился руками за стволъ дерева, грудь его выгнулась, видно, какъ играетъ кадыкъ и дрожатъ губы кривого рта.

Вавила становится спиной къ городу, лицомъ — къ товарищу и густо вторитъ хорошимъ, мягкимъ баритономъ:

Ой ли птица безпріютная-а,
Про-окукуй мнѣ лѣто красное!

Вавила играетъ пѣсню: отчаянно взмахиваетъ головой, на высокихъ, скорбныхъ нотахъ прижимаетъ руки къ сердцу, тоскливо смотритъ въ небо и безнадежно разводитъ руками, всѣ его движенія ладно сливаются со словами пѣсни. Лицо у него ежеминутно мѣняется: оно и грустно и нахмурено, то сурово, то мягко, и блѣднѣетъ и загорается румянцемъ.

Онъ поетъ всѣмъ тѣломъ и, точно пьянѣя отъ пѣсни, качается на ногахъ.

Всѣ, не отрываясь, слѣдятъ за его игрою, только Тіуновъ неподвижно смотритъ на рѣку — губы его шевелятся и бородка дрожитъ, да Стрѣльцовъ, пересыпая песокъ съ руки на руку, тихонько шепчетъ:

— Вотъ, тоже, песокъ. Что̀ такое песокъ, однако?

Изъ сумрака появляется сутулая фигура Симы, на плечахъ у него удилища, и онъ похожъ на какое-то большое насѣкомое съ длинными усами. Онъ подходитъ безшумно и, ставъ на колѣни, смотритъ въ лицо Бурмистрова, открывъ немного большой ротъ и выкатывая бездонные глаза.

Сочный голосъ Вавилы тяжко вздыхаетъ:

Эхъ, да вы ль, пути-дороги темные...

* * *

Когда разразилась эта горестная война—на первыхъ порахъ она почти не задѣла вниманія окуровцевъ. Горожане увѣренно говорили:

— Вздуемъ!

Покивайко, желая молодецки выправить грудь, надувалъ животъ, пряталъ голову въ плечи и фыркалъ:

— Японцы? Разумному человѣку даже смѣшно самое это слово!

Фогель лѣниво возражалъ:

— Ну, не скажите! Они все-таки...

Но Покивайко сердился:

— А що воно таке—высетаки?

И съ ехидной гримасой на толстомъ лицѣ завершалъ споръ всегда одной и той же фразой:

— Скэптицизмъ? Я вамъ кажу — лучше человѣку безъ штановъ жить, чѣмъ со скэптицизмомъ...

Долетая до Зарѣчья, эти разговоры вызывали тамъ равнодушное эхо:

— Накладемъ!

И долго несчастія войны не могли поколебать эту вязкую и мертвую увѣренность.

Только одинъ Тіуновъ вдругъ весь подобрался, вытянулся, и даже походка у него стала какъ будто стремительнѣе. Онъ возвращался изъ города поздно, приносилъ съ собою газеты, и почти каждый вечеръ въ тратирѣ Синемухи раздавался негромкій, убѣждающій голосъ кривого:

— Кто воюетъ? Россія, Русь! А воеводы кто? Нѣмцы!

Озирая слушателей темнымъ взглядомъ, онъ перечислялъ

имена полководцевъ и поджималъ губы, словно обиженный чѣмъ-то.

— Какіе они нѣмцы? — неохотно возражали слушатели. — Чай, лѣтъ сто русскій хлѣбъ ѣли!

— Рѣпой волка накормишь? Можешь? — серьезно спрашиваетъ Тіуновъ.—Вы бы послушали, что въ городѣ канатчикъ Кожемякинъ говоритъ про нихъ! Да я и самъ знаю.

— Ущемилъ, видно, тебя однажды нѣмецъ, вотъ ты его и не любишь!

Развивались событія, нарастало количество бѣдъ, горожане все чаще собирались въ „Лиссабонъ", стали говорить другъ другу сердитыя дерзости и тоже почему-то начали хмуро поругивать нѣмцевъ; однажды дошло до того, что земскій начальникъ Штрехель, пожелтѣвъ отъ гнѣва, крикнулъ головѣ и Кожемякину:

— А я вамъ скажу, что безъ нѣмцевъ вы были бы грязными татарами! И впредь прошу покорно при мнѣ...

Дергая круглыми плечами, Покивайко сталъ передъ нимъ и сладостно возопилъ:

— Да сердце жъ вы мое! Боже мои милый! Нѣмцы, татары, або мордвины — да не все ли жъ равно намъ, окуровцамъ? Развѣ жъ мы такъ-таки ужъ и не имѣемъ своего поля? А ну-те, пожалуйте, прошу...

И осторожно отвелъ желчнаго Штрехеля за карточный столъ.

Въ Зарѣчьѣ несчастія войны постепенно вызывали спутанное настроеніе тупого злорадства и смутной надежды на что-то.

— Посмотрѣть бы по картѣ, какъ тамъ все расположено! — предлагалъ озобоченно Павелъ Стрѣльцовъ.—Море тамъ, вотъ его бы пустить въ дѣйствіе...

— Шабашъ! — осторожно загудѣлъ Тіуновъ, когда узнали о печальномъ концѣ войны. — Ну, теперь тѣ будутъ Сибирь заглатывать, а эти—отсюда навалятся!

Онъ тыкалъ пальцемъ на западъ и, прищуривая глазъ, словно нацѣливался во что-то, видимое ему одному.

Вавила Бурмистровъ сталъ задумываться; онъ долго исподволь прислушивался къ рѣчамъ кривого и однажды, положивъ на плечо ему ладонь, въ упоръ сказалъ:

— Ну, Яковъ, не раздражай души моей зря—говори прямо: какія твои мысли?

Тіунову видимо не хотѣлось отвѣчать, движеніемъ плеча онъ попробовалъ сбросить руку Вавилы, но рука лежала тяжело и крѣпко.

— Отступись! — съ трудомъ вывертываясь, сказалъ онъ тихонько.

Бурмистровъ привыкъ, чтобы его желанія исполнялись сразу, онъ нахмурилъ свои темныя брови, глубоко вздохнулъ и тотчасъ выпустилъ воздухъ черезъ ноздри — звукъ былъ такой, какъ будто зашипѣла вода, выплеснутая на горячіе уголья. Потомъ молча, движеніями рукъ и колѣна, посадилъ кривого въ уголъ, на стулъ, сѣлъ рядомъ съ нимъ, а на столъ положилъ свою большую, жилистую руку въ золотой шерсти. И молча же уставилъ въ лицо Тіунова ожидающій, строгій взглядъ.

Завсегдатаи трактира тѣсно окружили ихъ и тоже ждали.

— Ну, — сказалъ Тіуновъ, оглядываясь и сухо покашливая,—о чемъ же станемъ бесѣдовать мы?

— Говори, что̀ знаешь!—опредѣлилъ Бурмистровъ.

— Я на всю твою жизнь знаю, тебѣ меня до гроба не переслушать!

— Ничего, авось ты скорѣй меня подохнешь! — отвѣтилъ Вавила, и всѣмъ стало понятно, что, если кривой не послушается — красавецъ изобьетъ его.

Но Тіуновъ самъ понялъ опасность; рѣшительно дернувъ головой кверху, онъ спокойно началъ:

— Ладно, скажу я вамъ нѣкоторыя краткія мысли и какъ онѣ дошли до моего разума. Будучи въ Москвѣ, былъ я, промежду прочимъ, торговцемъ—продавалъ подовые пироги...

И началъ подробно разсказывать о какомъ-то иконописцѣ, вдовомъ человѣкѣ, который весь свой заработокъ тратилъ на подаяніе арестантамъ. Говорилъ гладко, но вяло и неинтересно, осторожно выбиралъ слова и словно боялся сказать нѣчто важное, что̀ люди еще не могутъ оцѣнить и недостойны знать. Посматривалъ на всѣхъ скучно, и глуховатый голосъ его звучалъ подзадаривающе лѣниво.

— Ты, однако, меня не дразни! — сказалъ Вавила сквозь зубы. — Я кроткій, но коли что-нибудь противъ меня—сержусь я тогда!

Кривой помолчалъ потомъ строго воззрился на него и вдругъ спросилъ:

— Ты — кто?

— Я?

— Да, ты?

Озадаченный вопросомъ, Бурмистровъ улыбнулся, оглядѣлъ всѣхъ и натянуто захохоталъ.

— Ты — мѣщанинъ? — спокойно и съ угрозою вновь спросилъ кривой.

— Я? Мѣщанинъ! — Вавила ударилъ себя въ грудь кулакомъ.—Ну?

— А знаешь ты, что̀ такое соотвѣтствующій человѣкъ? — спрашивалъ Тіуновъ, понижая голосъ.

— Какой?

Кривой тихо и раздѣльно повторилъ:

— Со-отвѣтствующій?

Бурмистровъ не могъ болѣе чувствовать себя въ затруднительномъ положеніи: онъ вскочилъ, опрокинулъ столъ, скриннувъ зубами, разорвалъ на себѣ рубаху, затопалъ, затрясся, схватилъ Тіунова за воротъ и, встряхивая его, оралъ:

— Яковъ! Не бунтуй меня! Молчи!

Эти выходки были всѣмъ знакомы: къ нимъ Вавила прибѣгалъ, когда чувствовалъ себя опрокинутымъ, и онѣ не возбуждали сочувствія публики.

— Брось дурить, кликуша! — сказалъ Зосима Пушкаревъ, охватывая его сзади подъ мышки толстыми ручищами.

— Словно беременная баба, въ самомъ дѣлѣ! — презрительно и строго говорилъ Пистолетъ, и лицо у него становится еще болѣе кривымъ. — Только тебѣ и дѣла — звѣремъ быть! Дай послушать серьезный человѣчій голосъ!

Бурмистровъ почувствовалъ себя проигравшимъ игру, сокрушенно мотнулъ головой и, какъ бы сильно уставшій, навалился на столъ.

А Тіуновъ, оправляя чуйку, осторожно выговаривалъ, слово за словомъ:

— Мы всѣ — мѣщане. Будемъ, для понятности, говорить по-азбучному, просто. Чему мы, примѣрно, соотвѣтствуемъ? По-азбучному сказать: какое намъ мѣсто и дѣло отведено на землѣ государевой? Вопросъ!

Никто не отвѣтилъ на этотъ вопросъ.

— Купецъ ли, дворянинъ ли и даже мужикъ, — самый низкій слой земного жителя,—всѣ имѣютъ соотвѣтственность тому-другому дѣлу. А наше дѣло—какое?

Ораторъ вздохнулъ и, посмотрѣвъ на слушателей, побѣдно усмѣхнулся.

— Ученыхъ людей, студентовъ, которые занимаются политикой, спрашивалъ, двухъ священниковъ, офицера—тоже политическій,—никто не можетъ объяснить—кто есть въ Россіи мѣщанинъ и какому дѣлу—мѣсту соотвѣтствуетъ!

Ключниковъ толкнулъ Вавилу въ бокъ

— Слышишь?

— Пошелъ къ чорту!—пробормоталъ Вавила.

— Но вотъ,—продолжалъ Тіуновъ,—встрѣтилъ я старичка,

пишетъ онъ исторію для насъ и пишетъ ее тринадцать лѣтъ: бумаги исписано имъ съ полпуда, ежели на глазъ судить.

— Кожемякинъ?—угрюмо спросилъ Вавило.

— Вотъ, говоритъ, тружусь, главнѣйше, для мѣщанства,— не отвѣтивъ, продолжалъ кривой, — для него, говоритъ, такъ какъ неописуемо обидѣли его и обошли всѣми дарами природы. Будетъ, говоритъ, показано мною, сколь русскій народъ, мѣщане злоплѣненное сословіе и вся судьба мѣщанской жизни.

Бурмистровъ снова спросилъ:

— Ты читалъ?

— Нѣтъ, не читалъ. Но—я знаю нѣкоторыя краткія мысли оттуда. Вотъ, напримѣръ, мы: какія наши фамаліи? По фамиліямъ—мы выходимъ отъ стрѣльцовъ, пушкарей, тіуновъ— отъ людей нужныхъ, и всѣ мы тутъ—люди кровнаго русскаго ряда, хотя бы и черныхъ сотенъ!

— Чего ты хочешь? — сурово спросилъ Вавила въ третій разъ.

Потирая руки, Тіуновъ объявилъ:

— Какъ чего? — Соотвѣтственнаго званію мѣста — больше ничего!

Онъ окинулъ всѣхъ просіявшимъ окомъ и, замѣтивъ, что уже на многихъ лицахъ явилась скука, продолжалъ живѣе и громче:

— Не желательно развѣ мнѣ знать, почему православное коренное мѣщанство позади поставлено, а въ первомъ ряду— Фогеля, да Штрехеля, да разные бароны?

Павелъ Стрѣльцовъ охнулъ и вдругъ взвился, закричалъ и захлебнулся.

— Вѣрно-о! Да, — дай мнѣ ходу, да я — Господи! всякаго барона въ дѣлѣ обгоню...

Его крикъ подчеркнулъ слова Тіунова, и всѣ недовѣрчиво, съ усмѣшками на удивленныхъ лицахъ посмотрѣли другъ на друга какъ бы нѣсколько обновленными глазами. Стали вспоминать о своихъ столкновеніяхъ съ полиціей и земской управой, заговорили громко и отрывисто, подшучивая другъ надъ другомъ, и, ласково играючи, толкались.

Были рады, что кривой кончилъ говорить и что онъ далъ столь интересную тему для дружеской бесѣды.

А Вавила Бурмистровъ, не поддаваясь общему оживленію, отошелъ къ стѣнѣ, закинулъ руки за шею и, наклоня голову, слѣдилъ за всѣми исподлобья. Онъ чувствовалъ, что первымъ человѣкомъ въ слободѣ отнынѣ станетъ кривой. Вспоминалъ свои озорныя выходки противъ полиціи, безчисленныя дер-

зости, сказанныя начальству, побои, принятые отъ городовыхъ и пожарной команды,—все это дѣлалось ради укрѣпленія за собою славы героя и было дорого оплачено боками, кровью.

Но вотъ явился этотъ пройдоха, застучалъ языкомъ по своимъ чернымъ зубамъ и отодвигаетъ героя съ перваго мѣста куда-то въ сторону. Даже Артюшка—лучшій другъ—и тотъ, отойдя въ уголъ, стоитъ одинъ, угрюмый, и не хочетъ подойти, перекинуться парой словъ. Бурмистровъ былъ сильно избалованъ вниманіемъ слобожанъ, но требовалъ все большаго и, не удовлетворенный, странно и дико капризничалъ: разрывалъ на себѣ одежду, ходилъ по слободѣ полуголый, валялся въ пыли и грязи, бросалъ въ колодцы живыхъ кошекъ и собакъ, билъ мужчинъ, обижалъ бабъ, оралъ похабныя пѣсни, зловѣще свистѣлъ, и его стройное тѣло сгибалось подъ невидимою людямъ тяжестью. Во дни такихъ подвиговъ красивое, законченное лицо становилось плоскимъ, нѣкоторыя черты какъ бы исчезали съ него, на губахъ являлась растерянная, глуповатая улыбка, а глаза, воспаленные безсонницей, наливались мутной влагой и смотрѣли на все злобно, съ тупой животной тоской. Но—стоило слобожанамъ подойти къ нему, сказать нѣсколько ласковыхъ словъ и похвалъ его удали—онъ вдругъ весь обновлялся, точно придорожная пыльная береза, омытая дождемъ послѣ долгой засухи, снова красивые глаза вспыхивали ласковымъ огнемъ, выпрямлялась согнутая спина, сильныя руки любовно обнимали знакомыхъ, Вавила, не умолкая, пѣлъ хорошія пѣсни, готовъ былъ въ эти дни принять бой со всѣми за каждаго и даже былъ способенъ помочь людямъ въ той или другой работѣ.

Сейчасъ онъ видѣлъ, что всѣ друзья, увлеченные бесѣдою съ кривымъ, забыли о немъ, стоитъ онъ одинъ, прислонясь къ стѣнѣ, и — никто не замѣчаетъ его, не заговариваетъ съ нимъ. Не однажды онъ хотѣлъ пустить въ кучу людей стуломъ, но обида, становясь все тяжелѣе, давила сердце, обезсиливала руки. И, постоявъ нѣсколько минутъ,—онѣ шли медленно, — Бурмистровъ, не поднимая головы, тихонько ушелъ изъ трактира.

На другой день утромъ онъ стоялъ въ кабинетѣ исправника, смотрѣлъ круглыми глазами на красное, въ сѣдыхъ бакахъ, сердитое лицо Вормса, билъ себя кулакомъ въ грудь противъ сердца и, захлебываясь новымъ для него чувствомъ горечи и паденія куда-то,—разсказывалъ:

— Мы, говоритъ, мѣщане,—русскіе, а дворяне—нѣмцы, и это, говоритъ, надо перемѣнить...

Вормсъ, пошевеливъ сѣрыми бровями, спросилъ:

— Какъ?

— Что̀?

— Перемѣнить—какъ?

— До этого онъ не дошелъ!

Исправникъ поднялъ къ носу указательный палецъ, посмотрѣлъ на него, понюхалъ зачѣмъ-то и недовольно наморщилъ лобъ.

— А другіе?—спросилъ онъ.

— Другіе? — повторилъ Бурмистровъ, понижая голосъ и оглядываясь. — Другіе — ничего! Кто же другіе? Только онъ одинъ разсуждаетъ..

— А печникъ? Тамъ есть печникъ! Есть?

— Онъ—ничего!—хмуро сказалъ Вавила.

— Все?

— Все.

Исправникъ отклонилъ свое сухое тѣло на спинку кресла и, размѣренно стукая пальцемъ по столу, сказалъ:

— Всѣ вы тамъ—пьяницы, воры, и всѣхъ васъ, какъ паршивое стадо, слѣдуетъ согнать въ Сибирь! Ты—тоже разбойникъ и скотъ!..

Говорилъ онъ долго и сухо, точно въ барабанъ билъ языкомъ. Бурмистровъ, заложивъ руки за спину, не мигая, смотрѣлъ на столъ, гдѣ аккуратно стояли и лежали странныя вещи: борзая собака желтой мѣди, стальной кубикъ, черный, с короткимъ дуломъ револьверъ, голая фарфоровая женщина, костяная чаша, подобная человѣчьему черепу, а въ ней — сигары, масса папокъ съ бумагами, и надо всѣмъ возвышалась высокая, на мраморной колоннѣ, лампа съ квадратным абажуромъ.

Исправникъ, грозя пальцемъ, говорилъ:

— Ты у меня смотри!

Потомъ, сунувъ руку въ карманъ, дѣловито продолжалъ:

— Ты теперь долженъ тамъ слушать и доносить мнѣ об всемъ, что̀ они говорятъ. Вотъ—на̀, возьми себѣ цѣлковый потомъ еще получишь — бери!

Протянувъ открытую ладонь, Вавила угрюмо сказалъ:

— Я вѣдь не изъ-за денегъ...

— Это все равно!

— Вовсе не все равно!

— Что̀!?

Опираясь на ручки кресла, исправникъ приподнялъ свое тѣло и наклонилъ его впередъ, точно собираясь перепрыгнуть черезъ столъ.

Бурмистровъ уныло опустилъ голову, спросивъ:

— Итти мнѣ?

— Ступай!

Былъ конецъ августа, небо сѣяло мелкій дождь, на улицахъ шептались ручьи, дулъ порывами холодный вѣтеръ, тихо шелестѣли деревья, падалъ на землю желтый листъ. Гдѣ-то каркали вороны отсырѣвшими голосами, колокольчикъ звенѣлъ, бухали бондари по кадкамъ и бочкамъ. Бурмистровъ, смѣшно надувъ губы, шлепалъ ногами по жидкой грязи, какъ бы нарочно выбирая мѣста, гдѣ ея больше, гдѣ она глубже. Въ лѣвой рукѣ онъ крѣпко сжималъ серебряную монету — она казалась ему неудобной, и онъ ее несъ, какъ женщина ведро воды—отведя руку отъ туловища и немного изогнувшись на правую сторону.

На мѣстѣ вчерашней злобы противъ кривого, въ груди Вавилы образовалась какая-то холодная пустота, память его назойливо щекотали обидныя воспоминанія:

Въ городѣ престольный праздникъ Петра и Павла, по бульвару красивыми стаями ходитъ нарядное мѣщанство, и тамъ, посреди него, возвышаются фигуры начальствующихъ лицъ. Громко играютъ мѣдныя трубы пожарныхъ и любителей.

А посрединѣ улицы, мимо бульвара, шагаетъ онъ, Вавила Бурмистровъ, руки у него связаны за спиною тонкимъ ремнемъ и болятъ, во рту — соленый вкусъ крови, одинъ глазъ заплылъ и ничего не видитъ. Онъ спотыкается, задѣвая ушибленною ногою за камни,—тогда городовой Капендюхинъ дергаетъ ремень и рѣжетъ ему туго связанныя кисти рукъ. Гдѣ-то за спиной раздается вопросъ исправника:

— Кто?

— Зо слободы, ваше благородые, Бурмистроу!

— За что?

— Та буйство учинывъ на базари.

И голосъ исправника горячо шипитъ:

— Дать ему тамъ, сукиному сыну!

— Злушаю, ваше благородые!

Дали. Двое стражниковъ усѣлись на голову и на ноги, а третій отхлесталъ нагайкой.

— Ты мнѣ за это цѣлковый платишь? — остановясь подъ дождемъ, пробормоталъ Вавила.

Одна за другой вспоминались обиды, уводя человѣка куда-то мимо трактировъ и винныхъ лавокъ. Оклеивая всю жизнь темными пятнами, онѣ вызывали подавляющее чувство физической тошноты, которое мѣшало думать и, незамѣтно для Вавилы, привело его къ дому Волынки. Онъ даже испугался, когда увидѣлъ себя подъ окномъ комнаты Тіунова, разинулъ

ротъ, точно собираясь крикнуть, но вдругъ рѣшительно отворилъ калитку, шагнулъ и, увидѣвъ на дворѣ старуху-знахарку, сунулъ ей въ руку цѣлковый, приказавъ:

— Тащи двѣ, живо! Хлѣба, огурцовъ, рубца—слышишь?

А войдя въ комнату Тіунова, сбросилъ на полъ мокрый пиджакъ и заметался, замахалъ руками, застопалъ, колотя себя въ грудь и голову крѣпко сжатыми кулаками.

— Яковъ—на! Возьми,—вотъ онъ я! Дѣйствительно—вѣрно! Эхъ — человѣкъ! Кто я? Пылинка! Листъ осенній! Гдѣ мнѣ дорого, гдѣ мнѣ жизнь?

Онъ — игралъ, но игралъ искренно, во всю силу души: лицо его поблѣднѣло, глаза налились слезами, сердце горѣло острой тоской. Онъ видѣлъ кривого какъ сквозь туманъ — Яковъ Захаровъ казался ему большимъ, грузнымъ и прочнымъ, какъ старая, обломанная ветла, одна, на городскомъ берегу, надъ крутымъ обрывомъ.

Онъ долго выкрикивалъ свое покаяніе и жалобы свои, не слушая, не желая слышать, что̀ говорилъ Тіуновъ; онъ, увлеченный игрою, самъ любовался ею откуда-то изъ свѣтлаго уголка своего сердца.

Но наконецъ утомился, и тогда предъ нимъ отчетливо встало лицо кривого: Яковъ Захаровъ, сидя за столомъ, положилъ свои острыя скулы на маленькія, всегда сухія ладони и, обнаживъ черные верхніе зубы, смотрѣлъ въ глаза ему съ улыбкой, охлаждавшей возбужденіе Вавилы.

— Ты что̀? — спросилъ онъ, отодвигаясь отъ кривого.— Сердишься, а?

Тіуновъ длительно вздохнулъ.

— Эхъ, Вавила, хорошая у тебя душа все-таки!

— Душа у меня—для всего свободна!—воскликнулъ обрадованный Бурмистровъ.

— Зря ты тутъ погибаешь! Шелъ бы куда-нибудь судьбы искать. Въ Москву бы шелъ, въ губернію, что ли!

— Уйти? — воскликнулъ Вавила, подозрительно взглянувъ на темное, задумчивое лицо. „Ишь ты, ловокъ!“ — мелькомъ подумалъ онъ и снова сталъ поджигать себя: — Не могу я уйти, нѣтъ! Ты знаешь, любовь — цѣпь! Уйду я, а — Лодка? Развѣ еще гдѣ есть такой звѣрь, а?

— Возьми съ собой.

— Ее? Не пойдетъ!

Бурмистровъ горестно ударилъ кулакомъ по столу такъ, что зашатались бутылки.

— Я уговаривалъ ее: „Глафира, идемъ въ губернію! Поступишь въ хорошее заведеніе, а я туда котомъ пристроюсь“.—

„Нѣтъ, говоритъ, милый! Тамъ я буду, можетъ, десятая, а здѣсь я—первая!“ Вѣрно—она первая!

— Пустяки все это!—тихо и серьезно сказалъ Тіуновъ.

Вавила посмотрѣлъ на него и качнулъ головой, недоумѣвая.

— Ты меня успокой все-таки! — снова заговорилъ онъ.— Что̀ я сдѣлалъ, а?

— Это насчетъ доноса?—спросилъ кривой.—Ничего! Привязаться ко мнѣ трудно: противъ государя императора ничего мною не говорено. Да и не привяжутся! Брось это!

— Вотъ душа!—кричалъ Бурмистровъ, наливая водку.— Выпьемъ за дружбу! Эхъ, не воленъ я въ чувствахъ сердца!

Выпили, поцѣловались, Тіуновъ крѣпко вытеръ губы, и бесѣда приняла спокойный, дружескій характеръ.

— Ты сообрази,—не торопясь, внушалъ кривой,—отчего твое сердце, подобно маятнику, качается туда-сюда, обманывая всѣхъ, да и тебя самого? Отъ нетвердой земли подъ тобою, братокъ, оттого, что ты человѣкъ ни къ чему не прилѣпленный, сирѣчь—мѣщанинъ! Надо бы говорить—мѣшанинъ, потому—все въ человѣкѣ есть, ну все—смѣшано, переболтано...

— Вѣрно!—мотая головой, восклицалъ Вавила.—Ахъ, ну и вѣрно же, ей-Богу! Все во мнѣ есть!

— А стержня—нѣту! И всѣ мы такіе, смѣшанные изнутри. Кто насъ ни гни—кланяемся и больше ничего! Нѣтъ никакихъ природныхъ правъ, и потому—христопродавцы! Торговать, кромѣ души, нечѣмъ. Живемъ пакостно: въ молодости землю обезчестивъ, подъ старость на небо лѣземъ, по монастырямъ, по богомольямъ шатаясь...

— Вѣрно! Жизнь беззаконная!

— Законъ, говорится, что̀ конь: куда захочешь, туда и поворотишь, а руку протянуть нельзя намъ къ этому закону, вотъ что̀, братокъ!

Гладкая рѣчь Тіунова лентой вилась вокругъ головы слободского озорника и, возбуждая его вниманіе, успокаивала сердце. Ему даже подумалось, что спорить не о чемъ: этотъ кривой, чернозубый человѣкъ славѣ его не помѣха. Глядя, какъ вздрагиваетъ раздвоенная бородка Якова Захарова, а по черепу, отъ глазъ къ вискамъ, змѣйками бѣгаютъ тонкія морщины, Бурмистровъ чувствовалъ въ немъ что-то интересное и жутко задѣвающее умъ.

— Гляди вотъ,—говорилъ Тіуновъ, направляя глазъ въ лицо Вавилы,—ты на меня донесъ...

Вавила передернулъ плечами, точно отъ холода.

— А я тебѣ скажу открыто: возникаетъ Россія! Появило народъ всѣхъ сословій, и всѣ размышляютъ: почему инород ные получили надъ нами столь сильную власть? И это зна читъ—просыпается въ народѣ любовь къ своей странѣ, к русской милой землѣ его!

Прищуривъ глазъ, кривой налилъ водки, выпилъ и налил еще.

— А долго ты пить можешь?—съ живымъ любопытством спросилъ Бурмистровъ.

Бывалый человѣкъ спокойно отвѣтилъ:

— Пока водка есть—пью, а какъ всю выпью, то перестаю.

Этотъ отвѣтъ вызвалъ у Вавилы взрывъ рѣзваго весель онъ хохоталъ, стучалъ ногами, кашлялъ и кричалъ:

— Эт-то ловко!

Просидѣли до поздняго вечера, и съ той поры Бурмистров сталъ всѣмъ говорить, что Яковъ Захаровъ—умнѣйшій чел вѣкъ на землѣ. Но, относясь къ Тіунову съ подчеркнутым уваженіемъ, онъ чувствовалъ себя неловко передъ нимъ вспоминая о доносѣ, размышлялъ:

„Молчитъ кривой дьяволъ! Видно, ищетъ своей минут когда бы ловчѣе осрамить меня...“

При этой мысли кровь въ груди у него горячо вскипал онъ шумно отдувался, расширяя ноздри, какъ породист конь, и, охваченный тревожнымъ, темнымъ предчувствіем невѣдомой бѣды,—шелъ въ „раишко“ къ Лодкѣ, другу свое сердца и складочному мѣсту огорченій своихъ.

* * *

Лодка—женщина лѣтъ двадцати трехъ, высокая, дородна съ пышною грудью, круглымъ лицомъ и большими сѣро-синя цвѣта, наивно-наглыми глазами. Ея густые каштановые воло гладко причесаны, тщательно раздѣлены прямымъ пробором и спускаются на спину толстой, туго заплетенной косой. Т жесть волосъ понуждаетъ Лодку держать голову прямо, з даетъ ей видъ надменный. Носъ у нея не по лицу мал остръ и хрящеватъ, темно-красныя губы небольшого р очерчены строго, она часто облизываетъ ихъ кончикомъ язы и онѣ всегда блестятъ, точно смазанныя масломъ. И гла ея тоже блестятъ пріятною улыбкою человѣка, довольна своею жизнью и знающаго себѣ цѣну.

Ходитъ она уточкою, вперевалку, и даже когда сидит то ея пышный бюстъ покачивается изъ стороны въ сторон въ этомъ движеніи есть нѣчто раздражающее угрюмаго пьяни Жукова; часто бываетъ, что онъ, присмотрѣвшись налиты

кровью глазами къ неустаннымъ колебаніямъ тѣла Лодки, свирѣпо кричитъ:

— Перестань, дьяволъ! Сиди смирно!

Рыжая щетина на его круглой головѣ и багровыхъ щекахъ встаетъ дыбомъ, и глаза мигаютъ словно отъ испуга.

— Малина съ молокомъ!—называетъ, восхищаясь, Лодку веселый докторъ Ряхинъ, и осторожно, со смущенной улыбкой на костлявомъ лицѣ, отдаляется отъ нея. Онъ тяготѣетъ къ неугомонной пѣвуньѣ, гибкой и сухонькой Розкѣ, похожей на бойкую черную собачку: кудрявая, капризная, съ маленькими усиками на вздернутой губѣ и мелкими зубами, она обращается съ Ряхинымъ дерзко, называя его въ глаза „зелененькимъ шкелетикомъ“. Она всѣмъ даетъ прозвища: Жуковъ для нея „Ушатъ Помоевичъ“, уныло-злой помощникъ исправника Нѣмцевъ „Уксусъ Умирайлычъ“.

Третья дѣвица, рыжая, коротенькая Паша, молчалива и любитъ спать. Позѣвывая, она тягуче воетъ. У нея большой ротъ, неровные, крупные зубы. Косо поставленные, мутно-зеленые глазки смотрятъ на всѣхъ обиженно и брезгливо, а на Четыхера—со страхомъ и любопытствомъ.

Сорокалѣтняя, рослая и стройная Фелицата Назаровна Воеводина относится къ дѣвицамъ хорошо, покровительствуетъ ихъ сердечнымъ дѣламъ, вмѣшивается въ ссоры и умѣетъ безобидно примирить. Лицо у нея хорошее, доброе, въ глазахъ, всегда какъ бы полупьяныхъ, свѣтится странная, полувеселая улыбка. Она и сама еще не прочь угодить гостямъ: чудесно пляшетъ русскую, ловко играетъ на гитарѣ, умѣетъ пѣть романсы о любви. Голосъ у нея небольшой, но очень гибкій и слащавый, онъ точно патока обливаетъ людей, усыпляя въ нихъ всѣ чувства, кромѣ одного. Причесывается Фелицата, спуская волосы на уши, любитъ хорошо одѣваться, выписываетъ модный журналъ, а когда пьяна—обязательно читаетъ дѣвицамъ и гостямъ стихи: „По небу полуночи ангелъ летѣлъ“. При всемъ этомъ дѣла ея идутъ хорошо: извѣстно, что за три года она положила въ сберегательную кассу при казначействѣ тысячу семьсотъ рублей.

Когда Бурмистровъ подходитъ къ воротамъ „Фелицатина раишка“—обезьяноподобный Четыхеръ ударомъ толстой и кривой ноги отворяетъ передъ нимъ калитку.

— Здравствуй, чортъ!—говоритъ Вавила, косясь на длинныя ручищи привратника, сунутыя въ карманы короткаго полушубка.

— Здорово, дуракъ!—равнодушно и густо отвѣчаетъ Четыхеръ.

Бурмистровъ дважды пробовалъ драться съ этимъ человѣкомъ, оба раза былъ жестоко и обидно побитъ и съ той поры, видя своего побѣдителя, наливался тоскливою злобою.

Съ нею онъ и шелъ къ Лодкѣ. Женщина встрѣчала его покачиваясь, облизывая губы, ея сѣровато-синіе глаза темнѣли, улыбаясь пьяной и опьяняющей улыбкой. Томнымъ голосомъ, произнося слова въ носъ, она говорила ему:

— Ужъ я ждала, ждала...

— Ждала!—сурово и не глядя ей въ лицо, отзывался Бурмистровъ.—Я третьяго-дня былъ!

Она молча прижималась къ нему, дыша прерывисто и жарко.

— Али смѣшала съ кѣмъ?

— Тебя-то?—тихо спрашивала она.

Наигравшись съ нимъ, она угощала красавца пивомъ, а онъ, отдыхая, жаловался:

— Вотъ—тридцать годовъ мнѣ, сила есть у меня, а мѣста я себѣ не нахожу такого, гдѣ бы душа не ныла!

— А ты ходи ко мнѣ почаще!—предлагала Лодка, сидя на постели и все время упорно глядя въ глаза ему.

Онъ хмурился, моталъ головой и скучно говорилъ:

— Велика радость—ты! Для меня всѣ бабы—пятачокъ пучокъ. Тобой сытъ не будешь!

— Али я тебя не кормлю, не даю тебѣ, сколько могу?

— Я не про то, дура! Я про душу говорю! Что̀ мнѣ твои полтинники?

Бесѣдовали лѣниво, оба давно привыкли не понимать одинъ другого, не дѣлали никакихъ усилій, чтобы объяснить другъ другу свои желанія и мысли.

— Чего тебѣ надо?!—равнодушно покачиваясь, спрашивала Лодка.

Бурмистровъ закрывалъ глаза, не желая видѣть, какъ вызывающе играло ненасытное тѣло женщины и качаются спущенныя съ кровати голыя ноги ея, желтыя и крѣпкія, как рѣпа.

— Чего надо?—бормоталъ онъ.—Ходу, дороги надо!

— Иди!—двусмысленно улыбаясь, отвѣчала она.—Кто мѣшаетъ?

— Всѣ! И ты тоже!

Въ комнатѣ пахнетъ гніющимъ перомъ постели, помадой пивомъ и женщиной. Ставни окна закрыты, въ жаркомъ сумракѣ безтолково маются и гудятъ большія черныя мухи. В углу, передъ образомъ Казанской Божьей Матери, потрескивая, теплится лампада синяго стекла, точно мигаетъ больной глазъ, искаженный тихимъ ужасомъ. Въ духотѣ томятся дв

тѣла, потныя, горячія. И медленно, тихо звучатъ пустыя слова, точно послѣднія искры догорѣвшаго костра.

Но чаще Бурмистровъ является красиво растрепанный, въ изорванной рубахѣ, съ глазами, горящими удалью и тоской.

— Глафира!—оретъ онъ, бія себя въ трудь.—Вотъ онъ я,—твой кусокъ! Звѣрь жадный, нà, ѣшь меня!

Тогда глаза Лодки вспыхиваютъ зеленымъ огнемъ, она изгибается, качаясь, и металлически, въ носъ, жадно и радостно поетъ, какъ нищій, увѣренный въ богатой милостынѣ:

— Миленькій мой, заму-учился! Родненькій мой братикъ, обиженный всѣми людьми, иди-ка ты ко мнѣ, приласкаю тебя, приголублю одинокаго...

— Глафира!—впадая въ восторгъ, кричалъ Вавила.—Возьми ты сердце мое—возьми его—невозможно ему дышать—ну, нечѣмъ же, нечѣмъ!

Въ этотъ часъ онъ особенно красивъ и самъ знаетъ, что красивъ. Его сильное тѣло хвастается своей гибкостью въ крѣпкихъ рукахъ женщины, и тоскливый огонь глазъ зажигаетъ въ ней и страсть и сладкую бабью жалость.

— Нѣту воли мнѣ, нѣтъ мнѣ свободы!—причитаетъ Вавила и вѣритъ себѣ, а она смотритъ въ глаза ему со слезами на рѣсницахъ, смотритъ заглатывающимъ взглядомъ, горячо дышитъ ему въ лицо и обнимаетъ, какъ влажная туча истощенную зноемъ землю.

Случалось, что послѣ такой сцены Бурмистровъ, осторожно поднимая голову съ подушки, долго и опасливо разсматривалъ утомленное и блѣдное лицо женщины. Глаза у нея закрыты, губы сладко вздрагиваютъ, слышно частое біеніе сердца, и на бѣлой шеѣ, около уха, трепещетъ что-то живое. Онъ осторожно спускаетъ ноги на полъ—ему вдругъ хочется уйти поскорѣе и тихо, чтобы не разбудить ее.

Иногда это удавалось, но чаще женщина, вздрогнувъ, вскакивала, спрашивая строго и пугливо:

— Ты что̀ хочешь?

— Ухожу,—кратко говорилъ онъ, не глядя на нее.

Она слѣдила сѣрымъ взглядомъ полинявшихъ глазъ, какъ онъ одѣвается.

— Когда придешь?

— Приду—увидишь!

— Ну, прощай!

— Прощай!

И бывало такъ, что вдругъ онъ чувствовалъ бѣшеную злобу къ этой женщинѣ, щипалъ ее и сквозь зубы говорилъ:

— Кабы не ты, дьяволъ мой,—эхъ! Былъ бы я свободенъ совсѣмъ...

Сначала она смѣялась, вскрикивая:

— Щекотно, ой!

Но когда, раздражаемый ея криками, смѣхомъ и сопротивленіемъ, онъ начиналъ бить ее—Лодка, ускользая изъ его рукъ, бѣжала къ окну и звонко звала:

— Кузьма Петровичъ!

Являлся Четыхеръ. Но всегда заставалъ мирную картину: Бурмистровъ съ Лодкой стояли или сидѣли обнявшись, и женщина говорила, нагло и наивно улыбаясь:

— Ай, простите насъ, Кузьма Петровичъ, дурю я все, по глупости моей! Выпейте стаканчикъ, не угодно ли? Пожалуйте, вотъ и закусочка!

Четыхеръ молча выплескивалъ водку или пиво въ свою пасть, осматривалъ Бурмистрова и, значительно крякнувъ, выдвигался за дверь, а Вавила, покрытый горячей испариной, чувствовалъ себя ослабѣвшимъ и ворчалъ:

— Дура! Шутокъ не понимаешь!

Она, смѣясь, облизывала губы, вздыхала и, вновь обнимая его, заглядывала ему въ глаза вызывающимъ взглядомъ.

Когда Вавила разсказалъ ей о Тіуновѣ и его рѣчахъ, Лодка, позѣвывая, замѣтила:

— Вотъ и Коля телеграфистъ такъ же говоритъ: быть по скорости бунту! Нѣмцевъ тоже боится, а докторъ—не вѣритъ!

— Смутьяны!—заворчалъ Вавила.—Бунтовъ захотѣли съ жиру да со скуки!

Лодка равнодушно предложила:

— Хочешь, я Нѣмцеву скажу про кривого?

— Что̀ скажешь?

Заплетая косу и соблазнительно покачиваясь, Лодка отвѣтила:

— Не знаю! Ты научи.

Подумавъ, Вавила скучнымъ голосомъ молвилъ:

— Нѣтъ, не надо. Не касайся этого—что̀ тебѣ? Да и я вѣдь такъ только, съ тобой говорю, а вообще—наплевать на все!

Черезъ минуту онъ, вздохнувъ, добавилъ:

— Можетъ, кривой-то правду говоритъ насчетъ мѣщановъ. И про бунтъ тоже. Конечно, глупость это—бунты, ну, а я бы все-таки побунтовался—эхъ!

— Ужъ ты у меня!—запѣла Лодка, обнимая его.

— Н-да-а, я бы показалъ себя!—разгораясь, восклицалъ Бурмистровъ.

...Однажды, подъ вечеръ, три подруги гуляли въ саду: дка съ Розкой ходили по дорожкамъ между кустовъ одизшей малины, а Паша, забравшись въ кусты и собирая ѣлѣвшія ягоды, громко грызла огурецъ.

Розка съ жаромъ читала на память неприличные стихи. дка качалась, пріятно облизывая губы, порою торопливо рашивала: „Какъ? Какъ?“—и удивлялась:

— Вотъ такъ память у тебя!

— Онъ меня какъ скворца учитъ!—объясняла Розка.— садитъ на колѣнки, возьметъ за уши, да прямо и въ ротъ въ глаза и начитываетъ, и начитываетъ!

Вздохнувъ, Лодка задумчиво молвила:

— Докторамъ всѣ тайности извѣстны! Ахъ, и смѣлый онъ тебя—ничего не боится!

— Ничего. А то вотъ какіе стишки еще...

Снова раздался ея торопливый говорокъ. Когда онѣ проили мимо Паши, рыжая дѣвушка, сонно взглянувъ на хъ, проворчала:

— Эки пакостницы!

— А ты жри, знай!—отозвалась Розка на ходу, точно мнемъ кинула.

— Да-а,—вздрогнувъ, задумчиво протянула Лодка.—Какой ь смѣлый...

Надъ малинникомъ гудѣли осы и пчелы. Въ зелени ветелъ атошно прыгали молодые воронята, а на верхнихъ вѣтъ солидно умѣстились старыя вороны и строго каркали, блюдая жизнь дѣтей. Изъ города доплывалъ безнадежный ъ колокола къ вечерней службѣ, гдѣ-то озабоченно и мѣрно ктѣлъ паръ, вырываясь изъ пароотводной трубки, на рѣкѣ ьки шлепали, и плакалъ ребенокъ.

— Любишь, какъ укропъ пахнетъ?—тихо спросила Лодка ругу, но та, не отвѣчая на вопросъ, съ гордостью разска-ала:

— Ему—все одинаково, ничего онъ не боится! Ты слушай... глядываясь, она тихонько начала:

— „Однажды Богъ, возставъ...“ Смотри-ка, Симка за нами глядываетъ!

рищуривъ глаза, Лодка посмотрѣла.

— И правда! Вотъ, тоже стишки умѣетъ сочинять.

— Ну ужъ!—пренебрежительно мотнувъ головой, восклик-ла Розка.—Юродивый-то!

— Пойдемъ къ нему?

— Пойдемъ, посмѣемся!—согласилась Розка.

ъ проломѣ каменной стѣны сада стоялъ длинный Сима

съ удочками въ рукѣ и бездоннымъ взглядомъ, упорно, прямо, не мигая, точно слѣпой на солнце, смотрѣлъ на дѣвицъ. Они шли къ нему, слащаво улыбаясь, малина и бурьянъ цапали ихъ платья, подруги, освобождаясь отъ цѣпкихъ прикосновеній, красиво покачивались то вправо, то влѣво, порою откидывали тѣло назадъ и тихонько взвизгивали обѣ.

— За рыбой?—ласково спросила Лодка.

Не шевелясь, Сима отвѣтилъ:

— Да.

— Рано сегодня!

— Скоро начнется самый клевъ,—объяснилъ юноша, не сводя пустыхъ глазъ съ лица дѣвушки.

Розка, ущипнувъ подругу, спросила:

— Слышалъ стишки?

Сима утвердительно кивнулъ головой.

— Получше твоихъ-то,—задорно сказала черненькая дѣвица.

— Нѣтъ,—негромко отвѣтилъ Дѣвушкинъ.

Это разсердило Розку.

— Скажите!—съ досадой воскликнула она.—Какой фертъ! Да ты совсѣмъ и не умѣешь сочинять-то! Мя-мя-мя—только и всего у тебя!

— Я хочу, чтобы какъ молитва было,—тихо сказалъ Сима, обращаясь къ Лодкѣ.

Каждый разъ, когда эта женщина видѣла юношу, наглый блескъ ея взгляда угасалъ, зрачки расширялись, темнѣли, измѣняя свой сѣро-синій цвѣтъ, и становились неподвижны. Въ груди ея разливался щекотный холодокъ, и она часто облизывала губы, чувствуя во всемъ тѣлѣ тревожную сухость. Сегодня она ощущала все это съ большей остротою, чѣмъ всегда.

„Некрасивый какой!“—заставила она себя подумать, пристально разсматривая желтоватое голодное лицо, измѣряя сутулое тѣло, съ длинными, какъ плети, руками и неподвижными, точно изъ дерева, пальцами. Но взглядъ ея утопал въ глазахъ Симы, уходя куда-то все дальше въ ихъ свѣтлую глубину; безпокойное тяготѣніе заставляло ее подвигаться вплоть къ юношѣ, вызывая желаніе дотронуться до него.

Онъ не однажды говорилъ ей свои стихи, и, слушая его тихій и быстрый, размѣренный говорокъ, она всегда чувствовала смущеніе, сходное съ досадой, не знала, что сказать ему, и, вздыхая, молчала. Но каждый разъ, помимо воли свое спрашивала:

— Сочинилъ стиховъ?

— Да,—отвѣтилъ Сима, наклоняя голову.

— Уйду я, ну васъ къ лѣшему!—воскликнула Розка, окидывая ихъ насмѣшливымъ взглядомъ.—Ты, Глафира, поцѣловала бы его разочекъ, да и пусть идетъ...

Засмѣявшись, она отошла въ кусты, звонко напѣвая:

И я ль страдала, страданула,
Съ моста въ рѣчку сиганула...

— Ну что̀ же, скажи?—вздохнувъ, предложила Лодка

Онъ поднялъ голову, благодарно улыбнулся ей, на щекахъ у него вспыхнули розовыя пятна, пустые глаза налились какою-то влагою. Лодка отодвинулась отъ него.

Пресвятая Богородица,
Мати Господа Всевышняго!
Обрати же взоръ Твой ласковый
На несчастную судьбу дѣтей!

Челюсть у него дрожала, и говорилъ онъ тихо, невнятно. Стоялъ неподвижно и смотрѣлъ въ лицо женщины исподлобья, взглядомъ робкаго нищаго. А она, сдвинувъ брови, отмѣчала мѣру стиха легкими кивками головы, ея правая рука лежала на камняхъ стѣны, лѣвая теребила пуговицу кофты.

Въ темныхъ избахъ дѣти малыя
Гибнутъ съ холода и голода,
Ихъ грызутъ болѣзни лютыя,
Глазки дѣтокъ гаситъ злая смерть!
Рѣдко ласка отца-матери
Дитя малое порадуетъ,
Ихъ ласкаютъ—только мертвенькихъ,
Любятъ—по пути на кладбище...

— Будетъ!—сказала Лодка, еще дальше отступая отъ него.

Сима взглянулъ въ лицо ей и уныло замолчалъ, ему показалось, что она сердится: щеки у нея побѣлѣли, глаза стали темно-синими, а губы крѣпко сжались. Сима сталъ виновато объяснять:

— Это я потому, что у Стрѣльцовыхъ Лиза померла. Долго очень хворала, а мать все на поденщину ходитъ—сердилась на нее, на Лизу: мѣшаешь жить, кричала. А умерла, такъ она третьи сутки плачетъ теперь, Марья-то Назаровна!

— Знаю я это!—почти съ досадой, но не громко сказала женщина.—Хоронила я дѣтей,—двое было...

Она оглянулась: розовый сумракъ наполнялъ садъ, между вѣтвями деревьевъ, бѣдно одѣтыхъ осеннею листвою, сверкало багровое солнце.

— Идемъ со мной!—вдругъ приказала она Симѣ; юноша

положилъ удилища и покорно тронулся съ мѣста, неловко поднимая ноги. Она же шла быстро и, какъ бы прячась отъ кого-то, нагибалась къ землѣ. Привела его въ темный уголъ сада и тамъ, указавъ на кучу мелкаго хвороста, шепнула ему:

— Сядь!

И, когда онъ сѣлъ, обняла его за шею, тихо и торопливо спрашивая:

— Вѣдь ты любишь меня, любишь?

— Да,—отвѣтилъ Сима, вздрогнувъ.

— Ну, и я тебя люблю!—быстро сказала она.

Онъ, испуганно взглянувъ въ лицо ей, отодвинулся.

— Это—это ужъ неправда,—вы нарочно...

— Ахъ, Господи!—тихонько воскликнула женщина.—Ей же Богу! Вотъ—перекрестилась, видишь?

Тогда онъ взвылъ, рванулся къ ней и, сунувъ голову въ колѣни ея, бормоталъ, радостно всхлипывая:

— Я вѣдь давно-о! Я васъ такъ люблю...

Отталкивая его, она шопотомъ говорила:

— Ну, скорѣе,—ахъ, да скорѣе же...

Сима не понималъ ея словъ, она грубо схватила его, поспѣшно отдалась и—сразу спокойно сказала, вздыхая глубоко и ровно:

— Ну вотъ! Теперь ты будешь ходить ко мнѣ—будешь? Я скажу дворнику, чтобы пускалъ тебя!

Движеніемъ локтя она отстранила его отъ себя и встала, высокая и красивая.

— Ты знаешь—у меня мужъ есть?—спросила она, испытующе глядя въ его ошеломленное и пьяное лицо.

— Знаю!—прошепталъ Сима.

— И любовникъ тоже есть...

Онъ смотрѣлъ въ лицо ей, растерянно улыбаясь, пошатывался и молчалъ.

— Ну? Какъ же ты теперь будешь?—любопытно спросила она.

— Я скажу ему...

Лодка вздрогнула, выпрямилась.

— Что̀ скажешь? Кому?

— Павилѣ. Ничего!—успокоительно и радостно проговорилъ юноша.—Я ужъ самъ, вы не бойтесь...

Что-то ласковое, почти материнское мелькнуло въ глазахъ Лодки.

— Не смѣй,—строго сказала она.—Дурачокъ, развѣ это можно!?

И, положивъ тяжелыя руки на плечи юноши, ласково продолжала:

— Онъ убьетъ тебя, дурашка ты! Ты—молчи!

Повернула его и, легонько подталкивая, шептала:

— Ну, уходи теперь! Иди, прощай! Смотри же, молчи! Помни—убьетъ!

Онъ пытался обернуться къ ней—ему хотѣлось обнять ее, но, когда онъ обернулся, она уже быстро и не оглядываясь шла прочь отъ него. Юноша неподвижно стоялъ надъ кучей полугнилого мусора, дремотно улыбался и смотрѣлъ влажнымъ взглядомъ въ кусты, гдѣ какъ облако растаяли мягкія бѣлыя юбки.

Лодка шла такъ быстро, точно боялась, что кто-то непріятный остановитъ ее. Подпрыгивая по лѣстницѣ, вбѣжала въ свою комнату, заперла дверь на ключъ, схватилась за спинку кровати и глубоко вздохнула.

Въ полутьмѣ комнаты скорбно мигалъ синій глазъ лампады, вокругъ образа Богоматери молитвенно качались тѣни.

Женщина долго смотрѣла въ уголъ, потомъ безшумно опустилась на колѣни—точно прячась за высокой спинкой кровати—и, сложивъ руки на груди, громко, льстиво зашептала:

— Пресвятая Богородица, помилуй рабу твою, окаянную грѣшницу Глафиру! Мати Господа Вышняго, помилуй!

* * *

Слава Симы Дѣвушкина перекинулась черезъ рѣку: земскій начальникъ приказалъ привести къ нему поэта, долго слушалъ его стихи, закрывъ глаза и мотая головой, потомъ сказалъ:

— Надо учиться тебѣ, ты малограмотенъ! Читать любишь?

Утомленный чтеніемъ и напуганный строгимъ лицомъ земскаго, Сима молчалъ.

Штрехель погладилъ бритыя щеки ладонями, внимательно разглядѣлъ нескладное тѣло стоявшаго у притолки и заговорилъ снова:

— Надо читать, братецъ мой! Пушкина надо читать! Знаешь Пушкина?

— Нѣтъ.

— Какъ?—удивился земскій.—А помнишь въ школѣ:

Встаетъ заря, идетъ разносчикъ,
На биржу тянется извозчикъ...—

Это и есть—Пушкинъ! Ты гдѣ учился?

— Въ церковно-приходской.

— Ага, да! Но—Пушкина надо знать! Я тебѣ выпишу его

книги, у меня нѣтъ сейчасъ, я выпишу изъ губерніи. Что, у тебя здоровье слабое?

— Слабое,—эхомъ отозвался поэтъ.

— Надо лѣчиться! Ты ходи по праздникамъ гулять въ Черемухинскій боръ, тамъ—сосны, а это очень полезно для тебя. Ну, спасибо!

Далъ Симѣ полтинникъ и ласково проводилъ его до прихожей.

Отецъ Исаія Кудрявскій тоже одобрялъ стихи Симы.

— Похвально, Симеонъ, похвально!—говорилъ онъ, помахивая благообразной головой.—Очень одобряю. И направленіе мысли и простота штиля—весьма трогаетъ душу! Трудись, юноша, не зарывай въ землю Богомъ даннаго таланта и съ помощію Симеона Богопріимца—молитвенника твоего—поднимешься, гляди, изъ мрака до высотъ. Вино испиваешь?

— Нѣтъ,—сказалъ Сима, вздохнувъ,—вредно мнѣ!

— Такъ! Это тоже похвально!—произнесъ отецъ Исаія, а когда поэтъ подошелъ подъ благословеніе сунулъ ему въ руку три большихъ пятака и объяснилъ:—Это тебѣ на нужды твоя и за труды по чтенію сочиненій, кои—повторю—весьма и весьма заслуживаютъ всяческихъ похвалъ!

Приглашали Симу и другіе образованные люди города: онъ торопливо и робко говорилъ стихи, глотая слога и цѣлыя слова, и уходилъ, одаренный двугривенными и гривенниками.

Даже торговцы базара иногда зазывали его въ лавки и, внимательно прослушавъ, награждали пятаками или алтыномъ. Нѣкоторые, помоложе, совѣтовали:

— Ты бы, парень, веселое выдумалъ чего-нибудь, а то ужъ скучно больно! Веселое-то—можешь?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Сима печально и виновато.

— Это жаль!

Докторъ Ряхинъ, заставивъ поэта прочитать стихи, воскликнулъ, усмѣхаясь:

— Вотъ еще одна жертва ненужная!

А потомъ записалъ нѣсколько стихотвореній, обѣщая куда-то послать ихъ, но при этомъ сказалъ, потирая свои сухія руки:

— Длиннѣйшій мой юноша! Все это, можетъ-быть, и недурно, только—едва ли своевременно, да! Ничего не обѣщаю, но непремѣннѣйше пошлю въ разныя мѣста.

Онъ денегъ Симѣ не далъ.

Дѣвушкинъ началъ прятаться отъ людей, ходилъ въ городъ

все рѣже и только когда ужъ не могъ избѣжать этого. Ясно видѣлъ, что никому не нравится, что все смотрятъ на него съ любопытствомъ и нѣтъ людей, которые привлекали бы его сердце. Его длинная фигура, съ неуклюжею головою на уродливо тонкой шеѣ, желтое, костлявое лицо и пустые глаза, его робость, скрипучій, срывающійся голосъ и неподвижныя, лишнія руки, весь онъ не возбуждалъ въ людяхъ симпатіи.

Наконецъ случилось нѣчто, оттолкнувшее отъ него горожанъ: однажды податной инспекторъ Жуковъ удилъ рыбу неподалеку отъ Симы и вдругъ обратился къ нему съ приказаніемъ:

— Эй, чучело! Напиши-ка мнѣ стихи, я тебѣ трешницу дамъ—слышишь? Знаешь Розку? Ну, вотъ про нее напиши что-нибудь этакое, съ перцемъ! Понялъ? Завтра вечеромъ приди къ Фелицатѣ и прочитай—я скажу, чтобы тебя пропустили!

Сима не отвѣтилъ ему и, просидѣвъ еще минуты двѣ, ушелъ, незамѣтно для Жукова. Онъ не любилъ этого толстаго рыжаго человѣка съ маленькими глазками и огромными ушами. Зналъ, что Жуковъ великій похабникъ, что съ похмелья онъ любитъ мучить людей и животныхъ, и что всѣ окрестные мужики ненавидятъ инспектора. Послѣ того, какъ Сима сблизился съ Лодкой, Жуковъ сталъ еще болѣе непріятенъ ему: порою представлялъ себѣ, какъ толстыя, красныя руки этого человѣка тянутся къ тѣлу его подруги, тогда въ груди юноши разливался острый холодъ, ноги дрожали, онъ дико выкатывалъ глаза и мычалъ отъ горя и тоски.

Онъ сочинилъ о Жуковѣ длинные стихи, часто бормоталъ ихъ про себя и однажды сказалъ Лодкѣ. Она долго и зло смѣялась, много цѣловала Симу и говорила:

— Такъ его, свинью! Хорошо!

А черезъ нѣсколько дней послѣ этого Симу встрѣтилъ письмоводитель податного, картежникъ Иванюковъ, и завопилъ:

— Ага-а! Тебя-то мнѣ и надо! Ужъ я тебя, шило, искалъ, искалъ! Идемъ къ податному, онъ тебя требуетъ!

— Не хочу,—сказалъ Сима, отходя прочь.

Но Иванюковъ схватилъ его за рукавъ рванаго пальто и громко спросилъ:

— А въ морду, сударь, хотите получить?

И вотъ Сима очутился передъ лицомъ Жукова—инспекторъ, лежа на диванѣ, хрипло говорилъ ему, улыбаясь во все лицо свое:

— Что же ты, скотъ, написалъ стихи, читаешь ихъ вездѣ, а я ничего не знаю, а? Вѣдь это я тебѣ заказалъ?

Сима весь налился страхомъ, злостью и тоской, и неожиданно для себя, незнакомымъ себѣ, высокимъ, взвизгивающимъ голосомъ онъ началъ:

— Его благородію Жукову Евсею, — передохнувъ, онъ объяснилъ, покачиваясь на ногахъ и точно плавая въ туманѣ:—Отчество я потому выкинулъ, что оно не ложится въ стихъ—Ліодоровичъ—такъ и не зовутъ никого!

— Что-о?—удивленно спросилъ Жуковъ.—А ты читай, дубина!

Сима началъ:

Правду разсказать про васъ
Я никакъ не смѣю,
Потому вы за нее
Сломите мнѣ шею...

Ну, и глупъ!—проворчалъ Жуковъ.

Будь я ровня вамъ, тогда
Я бы—не боялся
И безъ всякаго труда
Надъ вами посмѣялся.

Жуковъ поднялъ голову и началъ кашлять, тяжко спуская ноги съ дивана,—его движеніе испугало Симу, онъ тоже остановился и кашлянулъ.

— Ну что̀ же?—хрипя и отплевываясь, проворчалъ Жуковъ.

Сима медленно выговорилъ:

Стыдно мнѣ смотрѣть на васъ,
Стыдно и противно...

Податной вытаращилъ глазки и, шевеля пальцами, протянулъ негромко:

— Что̀-о?

Поэтъ, вздрогнувъ, согнулся, быстро выскочилъ изъ комнаты и почти три недѣли прятался гдѣ-то. Послѣ онъ разсказывалъ слобожанамъ, что Жуковъ закричалъ ему—убью! и бросилъ въ него сапогомъ.

Эта сцена стала извѣстна въ городѣ.

— Захвалили парнишку, онъ и зазнался!—говорили на Шиханѣ.—Они, слободскіе, одинъ другого озорниковатѣе, ихъ привѣчать—опасно.

Но въ семи тысячахъ жителей Окурова и Зарѣчья былъ одинъ человѣкъ, относившійся къ поэту серьезно: каждый разъ, когда Сима, получивъ отъ Лодки спѣшно дѣловую ласку, выходилъ изъ „раишка“—у воротъ его останавливалъ квадратный Четыхеръ.

— Ты?—спрашивалъ онъ, хотя зналъ и видѣлъ, чье длинное тѣло робко и неловко вылѣзаетъ изъ калитки.

— Ну-ка, сядь!—предлагалъ онъ.

И, когда Сима садился рядомъ съ нимъ на лавкѣ—онъ, положивъ на плечо или колѣно поэта широкую ладонь, тихонько просилъ:

— Ну-ка, скажи стишки!

Сима говорилъ, а Четыхеръ, вздыхая, украдкой крестился и снова просилъ:

— Ну-ка еще!

Юношѣ нравилось читать свои сочиненія этому человѣку, и онъ для него читалъ особенно: не торопясь, мягкимъ шопотомъ, старался придать любимымъ словамъ особую значительность и порою таинственно толкалъ слушателя, подчеркивая этимъ толчкомъ слово или строчку, которыя ему казались особенно важными.

Здѣсь, подъ воротами стараго дома, когда-то наполненнаго иной жизнью, Сима какъ будто чувствовалъ, что онъ хоронитъ свои мысли безъ обиды и съ честью, что встрѣчаютъ ихъ не холодное любопытство и жалость, отрицающія его душу, а нѣчто иное, возбуждавшее въ немъ маленькую, пріятную гордость.

Изъ глубины все еще важныхъ развалинъ дворянскаго дома порою долетали визги дѣвицъ, теноръ Коли телеграфиста, колокольный голосъ Ваньки Хряпова, сына ростовщика, бойкія пѣсни Фимки Пушкаревой, звонъ гитары,—но всѣ эти звуки тоскливой и пьяной жизни не мѣшали Симѣ и его слушателю.

— Ну-ка еще!—просилъ Четыхеръ, разглядывая изъ-подъ мохнатыхъ рыжихъ бровей серебристое сіяніе Млечнаго Пути, радостное горѣніе звѣздъ, медленный ходъ мѣднаго круга луны или тихій бѣгъ облаковъ—смотрѣлъ Четыхеръ, слушалъ и, двигая плечомъ, незамѣтно крестился.

Тяжко спали изжеванныя и обкусанныя нищетою, оборванныя дикимъ озорствомъ темныя избушки слободы, тѣсно окружая усадьбу Воеводиныхъ—точно куча мелкаго мусора большую изломанную игрушку. Сима плотно прижимался къ дереву воротъ и не уставая читалъ.

Но иногда поспѣшныя, милостивыя и тепленькія ласки его возлюбленной поднимали въ груди юноши тошное ощущеніе обиды, онъ вспоминалъ торопливыя слова женщины, дѣловыя движенія ея тѣла и съ унылою горечью думалъ:

„Хоть бы разъ одинъ дала мнѣ полюбоваться собой! Другіе-то...“

Читать ему не хотѣлось, голосъ звучалъ вяло, сердце не входило въ слова.

— Ну ладно, спасибо!—говорилъ Четыхеръ и совалъ въ руку три копейки или пятакъ.

— Но надо же!—говорилъ Сима, отдергивая руку.

— Ну-ка, а ты—бери! Я вѣдь одинъ. Мнѣ хватитъ!

Боясь обидѣть Четыхера, Сима бралъ монету и шелъ въ поле.

Вечерами на закатѣ и по ночамъ онъ любилъ сидѣть на холмѣ около большой дороги. Сидѣлъ, обнявъ колѣна длинными руками, и, нѣмотствуя, чутко слушалъ, какъ мимо него спокойно и неустанно течетъ широкая пѣвучая волна жизни: стрекочутъ хлопотливые кузнечики, суетятся, бѣгаютъ мыши-полевки, птицы летятъ ко гнѣздамъ, ходятъ тѣни между холмовъ, шепчутъ травы, сладко пахнетъ одонцемъ, мелиссой и бодягой, а въ зеленовато-голубомъ небѣ разгораются звѣзды.

Однажды, въ лунную ночь, предъ нимъ незамѣтно явился Тіуновъ и спросилъ, постукивая палочкой по сапогу:

— Что—стишки выдумываешь?

— Да,—сказалъ Сима, смущенный.

Крутя головой, Тіуновъ обвелъ его взглядомъ и ласково одобрилъ:

— Такъ! Ну, сочиняй, Богъ тебѣ въ помощь!

И пошелъ тихонько прочь. Онъ показался Симѣ добрымъ и нужнымъ сегодня—юноша всталъ и поплелся за нимъ.

Кривой обернулся, подождалъ и вновь окинулъ Симу взглядомъ.

— Какъ же это ты сочиняешь, интересно мнѣ?

Юноша обрадовался, охотно и легко онъ сталъ говорить.

— Сначала—я думаю. Я даже всегда думаю, Яковъ Захаровичъ. Отъ этого, надо быть, испортилось у меня сердце—стѣсненіе въ немъ всегда и тоска. А иной разъ—забьется оно, какъ птица, и вдругъ—остановится.

— Такъ! — сказалъ кривой, усердно тыкая палочкой въ голову своей тѣни, косо лежавшей у ногъ его.—А о чемъ же, малый, ты думаешь?

— Обо всемъ, Яковъ Захаровичъ! — виновато сказалъ юноша.—Кто встрѣтится или вспомнишь кого—человѣка ли, собаку ли... Птицы тоже...

— Такъ, такъ!

Тіуновъ почесалъ переносицу и тихонько двинулся впередъ. Сима шелъ рядомъ, разсказывая.

— Кромѣ птицъ—всѣ толкутся на одномъ мѣстѣ. Идетъ человѣкъ, наклоня голову, смотритъ въ землю, думаетъ о чемъ-то... Волки зимой воютъ—тоже вѣдь и холодно и голодно

нмъ! И, поди-ка, всякому страшно—все только одни волки вокругъ него! Когда они воютъ, я словно пьяный дѣлаюсь—терпѣнья нѣтъ слышать!

Луна свѣтила сзади нихъ, тѣни ползли впереди, одна—покороче, другая—длиннѣе, обѣ узкія. Одна—острая, двигалась впередъ ровными толчками, другая—то покрывала ее, то откидывалась въ сторону, и снова обѣ сливались въ безформенное темное пятно, судорожно скользившее по землѣ.

Спотыкаясь, Сима объявилъ:

— У меня даже стишокъ сочиненъ про волковъ!—пріостановился и началъ читать:

Ходятъ волки по полямъ да по лѣсамъ,
Воютъ, морды поднимая къ небесамъ.
Я волкамъ—тоской моей,
Точно братьямъ—кровно сроденъ,
И не нуженъ, не угоденъ
Никому среди людей!
Тяжело на свѣтѣ жить!
И живу я тихомолкомъ,
И боюся—сѣрымъ волкомъ—
Громко жалобу завыть!

Тіуновъ взмахнулъ палочкой, поглядѣлъ въ небо, въ даль и себѣ подъ ноги.

— А веселое—не склоненъ сочинять?—спросилъ онъ, вздыхая.

Сима, тоже оглянувшись, отвѣтилъ виновато:

— Про податного Жукова сочинилъ, да плохо вышло. Артюшка поетъ:

Какъ живутъ у насъ въ Зарѣчьѣ
Худы души человѣчьи...

Это я же составилъ! А то еще про городъ...

— Что—про городъ?

— А вотъ!—юноша снялъ съ головы старенькіи картузъ, зачѣмъ-то распялилъ его передъ лицомъ и началъ тихонько:

Эхъ, попѣлъ бы я веселыхъ пѣсенъ!
Да кому ихъ въ нашемъ мѣстѣ нужно?
Городъ для веселья—глухъ и тѣсенъ,
Всѣ живутъ въ немъ злобно и недужно.
Въ городѣ у насъ—какъ на погостѣ—
Для всего готовая могила.
Братцы мои! Злую склоку бросьте,
Чтобы жить на свѣтѣ легче было!

Замолчалъ.

— Все?

Кривой нацѣлился глазомъ въ лицо юноши и, усмѣхаясь, спросилъ:

— Како же тутъ веселье? Дурачокъ!

Помолчавъ, онъ повторилъ:

— Эхе-хе, дурачокъ!

Юношу не обидѣло грустное и ласковое восклицаніе, онъ даже улыбался, говоря:

— Вѣдь я не сказалъ, Яковъ Захаровичъ, что это—веселое.

— Не сказалъ развѣ?

— Нѣ-ѣтъ!

— Такъ! Ну, инъ ладно!

Слѣва отъ нихъ, въ темномъ сельникѣ болота, гулко крикнулъ пугачъ—тишина всколыхнулась и снова застыла, какъ масло. Далеко впереди середь поля вспыхнулъ тихій огонь и сталъ быстро разгораться, вздрагивая и краснѣя.

— Вонъ,—сказалъ кривой,—видать, мужики изъ Балымеръ въ ночномъ, свѣтецъ разложили. Свѣжевата ночка-то!

— Стихами, Яковъ Захаровичъ, мнѣ легче думать, а простыя слова труднѣе складываются у меня. Мнѣ все хочется, чтобы стихи-то какъ молитвы были, а какъ это надо дѣлать—не знаю! Ежели длинный стихъ, то будто молитвеннѣе выходитъ,—а такъ ли? Вотъ еще стихи, про городъ тоже:

Снова тучи сѣрыя мчатся надъ болотами.
Разлилася въ городѣ тишина глубокая,
Люди спятъ, измучены тяжкими заботами,
И виситъ надъ сонными небо одноокое...

— Какое небо-то?—удивленно спросилъ Тіуновъ.

— Одноокое,—смущенно отвѣтилъ Сима и отодвинулся отъ спутника, виноватымъ голосомъ объясняя:—оно вѣдь всегда одноглазое: днемъ солнце, а ночью—луна только.

— Кривое, стало-быть, какъ я?—сказалъ Тіуновъ, посмѣиваясь.—Это ничего, ловко! Только—звѣзды забыты тобой.

— При полной-то лунѣ—какія звѣзды?

— М-м... вѣрно, маловато ихъ! Да! Потомъ вотъ, тучи говоришь, и—луна?

— Это бываетъ! Бѣгутъ тучи, а между нихъ—луна, и все небо вздрагиваетъ, будто ломается...

Тіуновъ замолчалъ, а Сима тихонько прибавилъ:

— Я назвалъ небо-то одноокимъ—забылъ про васъ, ей-Богу!

— Ничего!—сказалъ кривой.

— Дальше у меня такъ идутъ стихи:

Въ небѣ тучи гонятся за слѣпой луной,
Полемъ тихо крадется чья-то тѣнь за мной...

— Все ты да ты!—вдругъ заговорилъ Тіуновъ.—Ты, да да сватья,—только и знатья! Да голодное житье, да смерть! Юношѣ очень хотѣлось разсказывать Тіунову свои стихи, кривой, видимо, не хотѣлъ слушать: помахивая палочкой, ъ тихонько шагалъ и говорилъ:

— Все это, конечно, дѣйствуетъ въ жизни—и бѣдность ть и смерть, а людей, однако, не одолѣваетъ! И дѣдушка й голодалъ и отецъ голодалъ, а и самъ я не больно сытно иву. И они—померли, и я помру—вѣрно!

Вспоминая свои стихи, Сима не отвѣтилъ.

— Ну, помру и—ни синь пороха послѣ меня не остатся!—убѣдительно говорилъ Тіуновъ.—Злодѣй помретъ—оди скажутъ: ахъ, какой злодѣй былъ! Добрый помретъ—бромъ помянутъ. Бываетъ—и собаку дохлую жалко люмъ. Кошекъ тоже часто вспоминаютъ: хорошъ, дескать, ѣрь былъ, умный, или тамъ—ласковый, мышей ловко хвалъ. А помрутъ Яковъ Тіуновъ, Семенъ Дѣвушкинъ,—и кто ничего не скажетъ! Были мы, али нѣтъ—это всѣмъ е равно. Вотъ ты бы о чемъ подумалъ, малый, объ этомъ тъ! Да! Подумай! Дѣло—важное! Ты—человѣчекъ одинойй, а одинокіе-то люди и есть самые лучшіе, вѣрные слуги ру.

Сима молчалъ. Ровная и мягкая рѣчь кривого не мѣшала утнымъ мыслямъ юноши искать нужныхъ словъ.

— А ты будь нуженъ людямъ не столь въ горѣ, сколько радости, ты ихъ съ радостью полюби! Горе, малый, дерево! Въ немъ—какъ арестанты въ сѣрыхъ халатахъ свобъ—всѣ людишки одинаковы: ни дворяне ни мѣщане не тичны. А ты—въ радость иди, покажи людямъ радость—ицу рѣдкую, птицу райскую—вотъ! Вотъ у тебя есть даръ ова, скажемъ—талантъ, ты его серьезно полюби! Надо, атъ, все полюбить: инструментъ, которымъ работаешь,—лото, напримѣръ,—и его полюби тоже. Оно тебя пойметъ, ть и желѣзо, а полюбитъ твою руку, и—оно тебѣ въ работѣ льно можетъ помочь.

Полемъ идутъ двое,
Старый съ молодымъ...

адывалось въ головѣ Симы. Онъ спотыкался и простиралъ ередъ прямыя, длинныя руки:

Передъ ними—тѣни
Стелются, какъ дымъ...

Въ сумракѣ души, въ памяти, искрами вспыхивали разныя ова, кружились, какъ пчелы, одни исчезали, другія соеди-

нялись живою цѣпью, слагали пѣсню,—Симѣ было жутко приятно, тихая радость ласкала сердце.

— Вотъ, гляди!—задумчиво текла рѣчь кривого:—живу въ Россіи люди, называемые—мѣщане. Кто ихъ несчастнѣе подумай? Есть—цыгане, они все бродяжатъ, по ярмарка мужиковъ лошадями обманываютъ, по деревнямъ куръ вор ютъ. Можетъ, они и не дѣлаютъ ничего такого, ну, ужъ та говорится про нихъ. А мѣщане, хоть больше на одно мѣстѣ трутся—но тоже самые безполезные въ мірѣ жител

Юноша, глядя впередъ бездоннымъ взглядомъ круглы глазъ, шаркалъ ногами по землѣ, и ему казалось, что о легко поднимается въ гору.

Старый молодому
Что-то говоритъ,
Впереди далеко
Огонекъ горитъ...

Вдали, надъ темной гривой Чернораменскаго лѣса подн лась тяжелая туча и гасила звѣзды. Огонь костра взыгра ярче, веселѣе...

— Мнѣ, малый, къ пятому десятку года идутъ, и столь я видѣлъ—въ соборѣ нашемъ всего не сложишь, на что ве великъ храмъ! Жилъ я разно, но больше—нехорошо жил И вотъ, послѣ всего, человѣческое мое сердце указывает дуракъ, надобно было жить съ любовью къ чему-нибудь. безъ любови—не жизнь! И нѣтъ человѣка! А полюбить н когда не поздно.

Сима, улыбаясь, сочинялъ:

Узкою тропинкою
Тѣсно имъ итти,
Покрываютъ тѣни
Ямы на пути.
Оба спотыкаются.
Попадая въ ямы,
Но идутъ тихонько
Дальше все и прямо.
Господи Владыко!
Научи Ты ихъ,
Какъ дойти средь ночи
До путей Твоихъ!

Онъ остановился и радостно вскричалъ, схвативъ криво за рукавъ:

— Яковъ Захаровичъ, а я сейчасъ еще стихи сочинил ей-Богу, вотъ только сейчасъ! Слушайте!

Когда онъ сказалъ стихи свои, кривой ткнулъ въ лицо е темный свой глазъ и одобрительно замѣтилъ:

— Ну вотъ! Ишь ты вѣдь...

— Ахъ, Господи!—тихонько воскликнулъ Сима.—Это та-
ія, знаете, радость, когда сочинишь что-нибудь, даже пла-
ать хочется...

— И хорошо. Именно это міру и надобно—радость! А
ора намъ повернуть—эко, сколь мѣста отхватали!

Повернули. Итти стало свѣтлѣе—тѣни легли сзади, пошли
ниже другъ къ другу.

— Главное, малый,—раздавался въ тишинѣ ночи спокой-
ый голосъ Тіунова,—ты люби свою способность! Самъ ты
ія себя—вещь не важная, а способность твоя—это ужъ
ру подарокъ! Насчетъ Бога—тоже хорошо, конечно! Однако
пословицу помни: Богъ-то Богъ, да и самъ не будь плохъ.
главнѣйше—люби! Безъ любви же человѣкъ дуракъ!

Ихъ догоняла предвѣстница осени, тяжелая черная туча,
дѣвая поле и болото бархатомъ тѣни, а навстрѣчу имъ
сково свѣтилъ полный кругъ луны.

— Эхъ, Семенъ, Семенъ!—вздрагивалъ глуховатый голосъ
унова.—Сколько я видѣлъ людей, сколько горя постигъ че-
вѣческаго! Любятъ люди горе, радость—вдвое! И скажу
бѣ отъ сердца слово—хорошъ есть на землѣ русскій на-
дъ! Дикій онъ, конечно, замордованный и весьма несча-
енъ, а—хорошъ, добротный, даровитый народъ! Вотъ—ты
тляди на него пристально и будешь любить! Ну, тогда,
атъ, запоешь!

Сима улыбался, толкая кривого острымъ плечомъ.

Помолчавъ, Тіуновъ убѣдительно прибавилъ:

— Хорошъ народъ! И—аминь.

* * *

Рыжая дѣвица Паша несла въ „раешкѣ", кромѣ специаль-
го труда, еще обязанности горничной: кухарка будила ее
ньше всѣхъ, и Паша должна была убирать залъ—огром-
ю, какъ сарай, комнату съ пятью стрѣльчатыми окнами;
а изъ нихъ были наглухо забиты и завѣшаны войлочнымъ
ашенымъ ковромъ.

Потолокъ зала пестро расписанъ гирляндами цвѣтовъ,
нихъ запутались какія-то большеголовыя, зеленыя и
лтыя птицы и два купидона: у одного слиняло лицо, а у
угого выкрошились ноги и часть живота.

Матрена Пушкарева, кухарка, сообщила Пашѣ, что пото-
къ расписывалъ плѣнный французъ въ двѣнадцатомъ году,
почти каждое утро Паша, входя въ залъ съ вѣникомъ и
тяпками въ рукахъ, останавливалась у дверей и, задравъ
тову вверхъ, серьезно разсматривала красочный узоръ по-

толка, покрытый пятнами сырости, трещинами и копот
лампъ.

Иногда Матрена окликала ее:

— Ты что̀, лѣшая, опять вытаращила буркалы? Убир
скорѣе, встаютъ ужъ всѣ...

Улыбаясь, Паша отвѣчала:

— Сейча-асъ! Ужъ больно французъ этотъ ловокъ! И ка
онъ писалъ, тетя? Не иначе—лежа надо было писать ему, а

Матрена сердилась.

— Тебѣ бы все лежа жить! Погоди, околѣешь—пролежи
толстомясая, до косточекъ бока-то твои!

— И гдѣ-то онъ теперь, французикъ бѣдненькій?—вздых
мечтала Паша.

Часто бывало такъ, что, любуясь работой француза, д
вушка погружалась въ дремотное самозабвеніе, не слыша
злыхъ криковъ хозяйки и подругъ: тогда онѣ, сердитыя
похмелья, бросались на нее, точно кошки на ворону, и т
пали дѣвицу, вытирая ея тѣломъ пыль и грязь зала.

Когда Пашу били, она не сопротивлялась, а только пы
тѣла, закрывъ глаза; уставали бить ее—она плакала и
ловалась не сразу: сначала посмотритъ, гдѣ и какъ на н
разорвана одежда, потомъ уходитъ на дворъ и тамъ нач
нитъ густо, басомъ, выть и ругаться.

На ея ревъ съ улицы въ калитку высовывалась огромн
голова Четыхера, онъ долго слушалъ жалобы Паши мол
наконецъ онѣ ему, видимо, надоѣдали—тогда привратни
пренебрежительно убѣждалъ ее:

— Ну-ка, перестань, ты! Безстыдница! Орешь тутъ, а лю
слышатъ! Эй! Люди-то слышатъ, молъ!

— Чай, больно!—успокаиваясь, объясняла Паша.

Четыхеръ разумно говорилъ:

— Для того и бьютъ.

Однажды ночью, во время кутежа, пьяный Нѣмцевъ
Ванька Хряповъ грязно обидѣли Пашу, она вырвалась о
нихъ, убѣжала на дворъ и тамъ, прислонясь у воротъ,
выла.

— Опять плачешь?—спросилъ Четыхеръ, пріотворивъ
литку.

— Дяденька!—воскликнула дѣвица сквозь рыданія.—Ч
я за несчастная? Господи!

— Ну-ка, перестань!—посовѣтовалъ Четыхеръ.

А она не переставала.

Четыхеръ послушалъ ея вопли еще нѣсколько времени
сказалъ, тяжко вздыхая:

— Ну, и голосъ же! Ахъ, ты, чтобъ те сдохнуть! Инъ подь сюда.

Вывелъ ее на улицу, оглянулся, посадилъ на лавку, сѣлъ рядомъ съ ней и началъ уговаривать.

— Ну—молчи! Сиди. Вотъ—ночь-то какая теплая. И никого нѣтъ. Кто тебя обидѣлъ?

Всхлипывая, Паша стала разсказывать, какъ ее обидѣли, но Четыхеръ брезгливо остановилъ:

— Ну ладно! Не люблю я пакостей этихъ. Молчи, знай!

Она покорно замолчала, прислоняясь къ нему плечомъ—человѣкъ попробовалъ отодвинуться отъ нея—некуда было. Тогда, сунувъ длинныя руки между колѣнъ своихъ, онъ наклонился и, не глядя на нее, забормоталъ:

— Чу, Маркушина собака воетъ, слышишь? Держатъ пса на цѣпи не кормя, почитай, это—чтобы песъ-отъ злѣе былъ. Видишь, какъ хорошо ночью на улицѣ-то? Народу совсѣмъ никого нѣту... То-то! Вонъ—звѣзда упала. А когда придетъ конецъ міру—онѣ снѣгомъ, звѣзды-то, посыпятся съ неба. Вотъ бы дожить да поглядѣть...

Говорилъ онъ долго. Порою его глаза, невольно косясь направо, видѣли ноги дѣвицы, круглый ея локоть и полуприкрытую грудь. Онъ чувствовалъ, что ея тяжелое тѣло все сильнѣе тѣснитъ его—Четыхеру было тепло, пріятно; не разжимая колѣнъ, онъ вытянулъ изъ нихъ правую руку, желая обнять Пашу, и вдругъ услыхалъ сонный храпъ.

— Али спишь?—удивленно и тихонько спросилъ онъ.

Не отвѣтила.

— Ну-ка!—сказалъ Четыхеръ, пошевеливъ плечомъ.

Она, сладко чмокнувъ губами, спокойно и глубоко вздохнула. Человѣкъ посмотрѣлъ въ лицо дѣвушки, осыпанное рыжими прядями растрепанныхъ волосъ—ротъ Паши былъ удивленно полуоткрытъ, на щекахъ блестѣли еще не засохшія слезы, руки безсильно повисли вдоль тѣла.

Четыхеръ усмѣхнулся и, качая головою, проворчалъ:

— Эка дура! Вотъ дурёха-то!

И крѣпкій ея сонъ и дѣтская безпомощность тѣла вызвали у него радостное, доброе удивленіе. Поглядывая на нее сбоку и успѣшно побѣждая непроизвольныя движенія своихъ длинныхъ рукъ, онъ долго, почти до свѣта, смирненько сидѣлъ около нея, слушая, какъ въ домѣ ревѣли и визжали пьяные люди, а когда въ городѣ, на колокольнѣ собора пробило четыре часа, разбудилъ ее, говоря:

— Ну-ка, иди ко мнѣ въ сторожку! Эй, иди-ка! А то сейчасъ полѣзутъ эти всѣ...

— Какъ это я заснула?—удивленно оглядываясь, спрашивала Паша.

— А такъ—закрыла глаза, да и спишь.

— Ахъ, Ты, Господи...

— Ну, иди знай...

Отворивъ калитку передъ ней и проводивъ глазами бѣлую фигуру ея до поры, пока она не скрылась въ его комнатенкѣ, рядомъ съ кухней, привратникъ громко хлопнулъ створомъ и, широко разставивъ ноги, долго смотрѣлъ въ землю, покачивая головой.

Эта ночь ничего не измѣнила въ отношеніи Паши и Четыхера, но скоро дѣвушку опять побили.

Однажды, послѣ сильнаго кутежа, Лодка проснулась въ полдень полубольная и злая: мучила изжога сухую кожу, точно ржавчина ѣла, и глазамъ было больно. Спустивъ ноги на полъ, она постучала пяткой въ половицу, подождавъ, постучала еще сильнѣе, а затѣмъ начала колотить по полу ногами яростно, и глаза у нея зловѣще потемнѣли.

Когда явилась Паша, она швырнула башмакомъ въ голову ей, дико ругаясь, изорвала на ней кофту и столкнула дѣвушку съ лѣстницы.

Снова Паша плакала, и снова явился Четыхеръ—видимо, только-что проснувшійся, растрепанный и суровый

— Ну, чего?—спросилъ онъ.

— Графира меня...

— За что?

— Да развѣ я знаю, Господи...

— Господи!—передразнилъ онъ густой голосъ дѣвушки.—Дура!

И тономъ хозяина приказалъ:

— Иди, умой рожу-то!

Шмыгая носомъ, она пошла въ домъ, а Четыхеръ, вытянувъ руку впередъ и тыкая пальцемъ вслѣдъ Пашѣ, сумрачно объявилъ:

— Я вамъ покажу—драться!

Сильнымъ ударомъ ноги отшвырнулъ далеко прочь какой-то черепокъ и рѣшительно пошелъ въ кухню, гдѣ шумно спорили Фелицата съ кухаркой. Открывъ дверь, онъ заполнилъ ее своимъ квадратнымъ тѣломъ и, прерывая рѣчь хозяйки, сказалъ:

— Вотъ что̀—Пелагею вы зря бьете...

— Ты что̀, Кузьма?—усталымъ голосомъ спросила хозяйка, не понявъ его словъ.

— Я говорю—пошто Пелагею бьете?—повторилъ Четыхеръ, схватившись руками за косяки

И дородная Матрена Пушкарева и сама Фелицата Назаровна Воеводина удивленно вытаращили глаза: почти три года человѣкъ смирно сидѣлъ у воротъ, всегда молчаливый, всѣмъ послушный, ни во что не вмѣшиваясь, но вотъ—пришелъ и, какъ имѣющій власть, учитъ хозяйку.

— Бить нельзя. Она—какъ ребенокъ. Глупая она.

Фелицата Назаровна негромко и разсыпчато засмѣялась, вскинула голову и подошла къ нему. Сегодня ея волосы были причесаны вверхъ короной, увеличивая ростъ хозяйки; широкій красный капотъ, браслеты и кольца на рукахъ, лязгъ связки ключей у пояса, мелкіе, оскаленные зубы—все это принудило дворника опустить и руки и голову.

— Ты кто здѣсь?—ехидно спросила Фелицата.

Онъ, открывъ ротъ, промычалъ что-то несвязное.

— Пошелъ вонъ!—приказала хозяйка, взмахнувъ рукой.

Четыхеръ тяжело повернулся, пошелъ и слышалъ, какъ она сказала:

— Ишь, ты, батюшка! Не выспался, видно!

Остановясь на крыльцѣ, онъ схватилъ рукою перила лѣстницы, покачалъ ихъ—дерево дряхло заскрипѣло. А въ кухнѣ умильно скрипѣлъ рабій голосъ Матрены:

— Ка-акъ онъ выкатился, а ба-атюшки! Хи-хи!

— У меня просто!

— Ну, ужъ и храбрая вы, ахъ!

— Я, матушка моя, дворянка.

— Ужъ и правда, что генеральша!

— Дворяне никого не боятся! Мнѣ стоитъ сказать одно слово Нѣмцеву—такъ этотъ лѣшій и невѣсть гдѣ будетъ! Гамъ въ городѣ разные шопоты шепчутъ о всякихъ пустякахъ, видно, и сюда вѣтеръ что-то доноситъ. Вотъ онъ и осмѣлѣлъ. Ну, меня, голубчикъ, не испугаешь—нѣтъ!

Четыхеръ оглянулся, замычалъ, точно больной быкъ, и пошелъ по двору, кривыми ногами загребая бурьянъ, гнилые куски дерева, обломки кирпичей—точно пахалъ засоренную, заброшенную землю.

А Лодка умылась, не одѣваясь, выпила чашку крѣпкаго чая и снова легла, чувствуя сверлящіе уколы гдѣ-то въ груди: какъ будто къ сердцу ея присосалась большая черная піявка, пьетъ кровь, растетъ и, затрудняя дыханіе, поднимается въ горлу.

Передъ нею неподвижно стояли сцены изъ прожитой, утомительной ночи: вотъ пьяный Жуковъ, съ дряхлымъ, прыщеватымъ тѣломъ—хочетъ плясать, грузно, какъ мѣшокъ муки, падаетъ навзничь и, простирая руки, испуганно хрипитъ:

— Поднимите меня! Скорѣй!

Раздражительный Нѣмцевъ прыгаетъ русскую передъ Фелицатой, стукая по полу костлявыми пятками, и визгливо повторяетъ:

— Эхъ-ну! Послѣдніе деньки наши! Раздѣлывай, дворянка!

Докторъ, позеленѣвшій отъ множества выпитаго имъ вина, все дразнилъ Розку, доводя ее до злыхъ слезъ, и шутилъ какія-то страшныя шутки. А телеграфистъ Коля почему-то расплакался, стучалъ кулаками по столу и оралъ:

— Мертвецы, мертвецы вы!

Его обливали водой, терли за ушами спиртомъ, потомъ онъ уснулъ, положивъ голову на колѣни Фелицаты. И даже Ванька Хряповъ, всегда веселый и добродушный, былъ пасмуренъ и все что-то шепталъ на ухо Серафимѣ Пушкаревой, а она, слушая его, тихонько отирала слезы и нѣсколько разъ поцѣловала Ивана въ лобъ особеннымъ поцѣлуемъ, смѣшнымъ и печальнымъ.

Веселились необычайно, безъ расчета: швырили деньгами такъ, словно всѣ вдругъ разбогатѣли; привезли дорогого вина, держались съ дѣвицами болѣе грубо, чѣмъ всегда, и всѣ говорили другъ другу что-то нехорошее и непонятное.

Тяжело было съ ними и боязно. Хозяйка шопотомъ предупредила Лодку и Розку:

— Поменьше пейте сами-то. Гости сегодня нехороши въ себѣ.

Темныя облака воспоминаній навалились на Лодку душной тяжестью, она разглядывала ихъ, хмурясь, и понимала, что городскіе люди чувствуютъ какую-то опасность.

Дверь тихо отворилась—женщина приподняла голову—въ комнату, ласково улыбаясь, смотрѣло блѣдное лицо Симы.

— Не спишь?

Лодка недовольно пріоткрыла глаза, тихо отвѣтивъ:

— Нездоровится мнѣ.

Онъ осторожно, на пальцахъ ногъ, подошелъ къ ней, склонился, заглядывая въ глаза.

— Можно мнѣ посидѣть у тебя?

И, когда она утвердительно кивнула головой, Сима тихо примостился на краю кровати, положилъ бѣлую руку Лодки на колѣно себѣ и сталъ любовно гладить ладонью своею горячую, пушистую кожу отъ локтя до кисти.

— Вчера, сидя на большой дорогѣ, еще стихи сочинилъ—сказать?

— Про Богородицу?—сквозь зубы спросила Лодка.

— Нѣтъ, такъ—про жизнь. Сказать?

— Ну, скажи,—вздохнувъ, разрѣшила женщина.

Господи—помилуй!
Мы—Твои рабы!—

началъ Сима шопотомъ.

Лодка поучительно замѣтила:

— Все ты про одно и то же! Это не больно трудно всегда про одно говорить!

Сима усмѣхнулся и, покорно опустивъ голову, замолчалъ.

— Ну что же?—закрывъ глаза, спросила Лодка.

Онъ снова забормоталъ скороговоркой чуть слышно:

Господи—помилуй!
Мы—Твои рабы!
Гдѣ же взять намъ силы
Противъ злой судьбы
И нужды проклятой?
Въ чемъ мы виноваты?
Мы Тебѣ—покорны,
Мы съ Тобой—не споримъ,
Ты же смертью черной
И тяжелымъ горемъ
Каждый день и часъ
Убиваешь насъ!

— Что ты все жалуешься?—перебила его Лодка, непріязненно хмурясь.—Ты бы лучше мнѣ сочинилъ хоть какіе-нибудь любовные стишки, а то—Господи да Господи! Что ты—дьячокъ, что ли? Любишь, а стишковъ не догадаешься сочинить!

Сима пересталъ гладить ея руку и отрицательно замоталъ головой.

— Не умѣю я про женщинъ...

— Любить—научился, ну, и этому научись,—серьезно сказала женщина.

Приподнялась, сѣла на постели и закачалась, обнявъ колѣна руками, думая о чемъ-то. Юноша печально осматривалъ комнату: все въ ней было знакомо и все не нравилось ему: стѣны, оклеенныя розовыми обоями, бѣлый, глянцевый потолокъ съ трещинами по бумагѣ, столъ съ зеркаломъ, умывальникъ, старый, пузатый комодъ, самодовольно выпятившійся противъ кровати, и ощарпанная, закоптѣвшая печь въ углу. Сумракъ этой комнаты всегда — днемъ и ночью—былъ одинаково душенъ.

— Врешь ты! — задумчиво и медленно начала говорить Лодка.—Врешь, что не умѣешь про женщинъ. Вонъ какъ про Богородицу-то сочинилъ тогда:

Чтобъ міръ избавить ото зла,
Ты Сына міру отдала.

Да!—Она вдругъ какъ-то злобно оживилась и, щелкнувъ языкомъ, прищурила глаза.—Да-а, а они, сукины дѣти, образованные и про Нее пакостные стихи составляютъ! Ухъ, свиньи!

Сима искоса посмотрѣлъ на ея обнаженную грудь и безпомощно задвигалъ руками, словно онѣ вдругъ помѣшали ему.

— Ты бы послушалъ, какіе про Нее стишки знаетъ мужеискъ мой пятишенный, пострѣлъ этотъ гнилой! И докторъ тоже, дрянь рвотная! Ну ужъ—да-а! Они не боятся ничего, ученые эти,—сволочи!.. Имъ и святая женщина,—ахъ, ужъ я бы ихъ!

Она вытянула ноги, легко опрокинула Симу на колѣни себѣ и наклонилась надъ нимъ, почти касаясь грудью его лица. Юношѣ были сладостно и неудобно—больно спинѣ: длинное тѣло его сползло на полъ, онъ шаркалъ ногами по половицамъ, пытаясь удержаться на кровати, и—не могъ.

— Упаду сейчасъ,—смущенно сказалъ онъ.

— Ой, неуклюжій! Ну?

Помогла ему сѣсть, обняла и, ласково заглядывая въ глаза, попросила:

— Сочини, а?

— Чего?

— Смѣшное.

— Да что же смѣшное есть?—тихо спросилъ юноша.

— Про меня что-нибудь. Вѣдь про Жукова—сумѣлъ? Или—про Фелицату? А то...

Остановилась, помолчала и долго испытующе смотрѣла въ свѣтло-бездонные глаза, а потомъ, закрывъ ихъ мягкою ладонью, сказала, вздыхая:

— Нѣтъ, ты не можешь! Ты у меня робкій. А они—они про все могутъ смѣшное говорить!

— Про Бога—нельзя!—напомнилъ тихонько Сима.

Снова помолчавъ, Лодка грубо толкнула его въ бокъ и сказала капризнымъ голосомъ:

— Не щекотай! Руки холодныя, не тронь!

Юноша приподнялъ голову—ея рука соскользнула со лба его. Онъ посмотрѣлъ глазами нищаго въ лицо ей и, печально улыбаясь, проговорилъ:

— Не любишь ты меня. Не нравлюсь я тебѣ.

Закинувъ руки за голову и глядя въ потолокъ, женщина разсуждала сама съ собой:

— Если бъ я умѣла, такъ я бы ужъ сочиняла всегда одно смѣшное, одно веселое! Чтобы всѣмъ стыдно было. Обо всемъ бы—ухъ!

Сима повторилъ, касаясь рукою ея груди:

— Не любишь ты меня.

— Ну, вотъ еще что выдумалъ!—спокойно сказала она.— Какъ же не люблю? Вѣдь я денегъ не беру съ тебя.

И, подумавъ, прибавила, играя глазами:

— Я всѣхъ мужчиновъ люблю—такая должность моя!

Юноша вздохнулъ, спустилъ ноги на полъ и сѣлъ, жалобно говоря:

— Кабы ты хоть немножко любила меня — объ этомъ надо бы сказать Вавилѣ-то! А то—стыдно мнѣ передъ нимъ...

Она обезпокоилась, гибко вскочила, обняла Симу и внушительно стала убѣждать его:

— Ты этого и не думай, ни-ни! Слышишь? Я только тебя люблю. А Вавила... онъ, видишь, такой, —онъ человѣкъ единственный...

Она закрыла глаза и вся потянулась куда-то.

— Я съ нимъ—отчего? — спокойнѣе и увѣреннѣе продолжала она. — Отъ страха! Не уступи-ка ему — убьетъ! Да! О, это онъ можетъ! А тебя я люблю хорошо, для души — понялъ?

Все крѣпче обнимая худое, нескладное тѣло, она заглядывала въ глаза юноши темнѣющимъ взглядомъ, а между поцѣлуями разсудительно доказывала:

— Мнѣ за любовь эту чистую много грѣха простится — я знаю! Какъ же бы я не любила тебя?

Сима трепеталъ подъ ея поцѣлуями, точно раненый журавль, горѣлъ жаркимъ огнемъ и, закрывъ глаза, искалъ губами ея губъ.

Женщина еще болѣе торопливо, чѣмъ всегда, отдавалась ему, безъ волненія, безъ радости и желанія, дѣловито говоря:

— Ты не безпокойся!

И послѣ ласково и вкрадчиво шептала:

— Попробуй, Симушка, сочини что-нибудь такое, чтобы люди забоялись тебя! Ты будь смѣлѣе. Вѣдь обо всемъ можно сказать, что хочешь—вонъ, смотри-ка, образованные-то какъ говорятъ! И всѣ уважаютъ ихъ. А они и архангеловъ даже осмѣяли, ей-Богу!

Глаза ея были широко открыты, въ нихъ сверкали зеленоватыя искры, лицо горѣло румянцемъ, дышала она часто, и груди ея трепетали, какъ два бѣлые голубя.

Юноша гладилъ дрожащей рукой щеку ея, смотрѣлъ въ наивные глаза и, снова разгораясь, слушалъ ласковый шопотъ:

— Мнѣ тебя любить — одна моя заслуга... Вѣдь я же знаю, что великая грѣшница я всей жизнью моей...

* * *

А городъ дѣйствительно былъ весь наполненъ осторожнымъ шопотомъ—шептались и обыватели и начальство, только одинъ Коля телеграфистъ говорилъ громко и день ото дня становился все болѣе дерзкимъ въ рѣчахъ.

Франтоватый, юркій, худенькій, онъ, храбро вздернувъ острый носъ въ пенсне кверху, метался по городу и всюду сѣялъ тревожные слухи, а когда его спрашивали: — „Да почему ты знаешь?“ — многозначительно отвѣчалъ: — „Ужъ это вѣрно-съ!“ и молодцевато одергивалъ свою щегольскую тужурку.

Докторъ Ряхинъ, покашливая, убѣждалъ его:

— А вы, батя, не волновались бы? Вы разсуждайте философски: человѣкъ не можетъ ни ускорять событій ни задерживать ихъ, какъ не можетъ онъ остановить вращеніе земли, развитіе прогрессивнаго паралича или, напримѣръ, этотъ идіотскій дождь. Все, что должно быть—будетъ, чего не можетъ быть—не будетъ, какъ вы ни прыгайте! Это, батя, доказано Марксомъ, и—значитъ—шабашъ!

— Но, Алексѣй же Степановичъ!—восклицалъ Коля, вытягиваясь куда-то къ потолку. — Должны же люди что-нибудь дѣлать?

— Указано имъ—плодитесь, множьтесь и населяйте землю, все остальное приложится вамъ! И, ей-Богу, миленькій, ни на что болѣе сложное, чѣмъ это простое и пріятное занятіе, не способны они, люди, и вы, дорогой, въ ихъ числѣ!

— Господи! Какой же вы мрачный человѣкъ въ рѣчахъ вашихъ!

— Такова позиція человѣка уѣзднаго, ибо—какъ сказано во всѣхъ географіяхъ—населеніе русскихъ уѣздныхъ городовъ сплошь состоитъ изъ людей, занимающихся пьянствомъ, карточной игрой и мизантропіей. А вы дрыгаете ножкой — къ чему? Вамъ конституціи хочется? Подождите, миленькій, придетъ и конституція и всякое другое благополучіе. Сидите смирно, читайте Льва Толстого, и—больше ничего не нужно! Главное—Толстой: онъ знаетъ, въ чемъ смыслъ жизни—ничего не дѣлай, все сдѣлается само собой, къ счастью твоему и радости твоей. Это, батя, замѣчательнѣйшій и необходимѣйшій философъ для уѣздныхъ жителей.

— Вы говорите совсѣмъ какъ Тіуновъ!—уныло воскликнулъ Коля.

— Тіуновъ? Ага, переплетчикъ!

— Онъ, собственно, часовщикъ.

— Весьма вѣроятно, и часовщикъ. Уѣздный житель все дѣлаетъ, но ничего не умѣетъ.

— Фу, Боже мой!—вздыхалъ огорченный юноша и уходилъ, чувствуя себя ощипаннымъ.

Докторъ, снѣдаемый какимъ-то тайнымъ недугомъ, былъ мало понятенъ Колѣ, но привлекалъ его шутовской ироніей рѣчи, возбуждавшей въ головѣ юноши острыя, дерзкія мысли. Ему нравилась и внѣшность доктора, напоминавшая тонкій хирургическій инструментъ въ красивомъ футлярѣ, нравилось умѣнье Ряхина завязывать галстукъ пышнымъ бантомъ, его мягкія рубашки, ловко сшитые сюртуки, остроносые ботинки и округлыя движенія бѣлыхъ ловкихъ рукъ. Онъ любилъ видѣть, какъ на блѣдномъ лицѣ вздрагиваютъ тонкія губы жаднаго рта, играютъ насмѣшливо прищуренные глаза. Иногда докторъ возбуждалъ въ Колѣ тоску своими насмѣшками, но чаще эти рѣчи наполняли юношу нѣкоторой гордостью: повторяя ихъ знакомымъ, онъ вызывалъ общее удивленіе, а это позволяло ему чувствовать себя особеннымъ человѣкомъ,— очень интеллигентнымъ и весьма остраго ума.

Но и послѣ охлаждающихъ разговоровъ съ докторомъ Коля чувствовалъ и видѣлъ всюду въ городѣ тревожное, хмурое любопытство: всѣ безпокойно ожидали чего-то, трое обывателей, выписавъ наиболѣе шумную газету, приняли озабоченный видъ политиковъ, ходили по базару спѣшно, встрѣчаясь, жестоко спорили часа по два, собирая вокругъ себя почтительно-внимательную толпу слушателей.

Коля вмѣшивался въ споръ:

— Дальше невозможно жить такъ, какъ жили до сей поры.

— Отчего же?—серьезно и удивленно спрашивали нѣкоторые обыватели.

— Отъ глупости!—объяснялъ Коля, ловя пенсне, соскакивавшее съ переносицы.

— Позволь, отъ чьей же это глупости?

— Отъ всероссійской! Отъ вашей!—кричалъ юноша, вспоминая фразы Ряхина.

Иные обижались.

— Однако ты, парень, осторожнѣе! Что̀ за слова такія?

Мелкіе люди города слушали Колю съ вожделѣніемъ, разспрашивали его подробно, но ихъ вопросы носили узко-практическій характеръ, юноша не умѣлъ отвѣтить и, боясь скомпрузиться, убѣгалъ отъ такихъ бесѣдъ.

Въ общемъ городъ начиналъ жить, точно собираясь куда-то, и мужья, на предложенія женъ купить то или другое въ виду зимы, отвѣчали неопредѣленно:

— Погоди! Еще неизвѣстно, что̀ будетъ.

Властные люди города стали часто собираться вмѣстѣ,

тайно бесѣдуя о чемъ-то, и наконецъ обывателямъ стало извѣстно, что отецъ Исаія скажетъ за поздней обѣдней проповѣдь, которая объяснитъ всѣ тревоги и разсѣетъ ихъ; что Шехтель устроитъ въ „Лиссабонѣ“ какой-то особенный спектакль, а исправникъ потребуетъ изъ губерніи трехъ полицейскихъ, если же можно, то и солдатъ.

— Солда-атъ!—воскликнулъ, мигая, всегда пьяный портной Минаковъ и вдругъ сообразилъ:— Понимаю. Ага-а!

Онъ долго мучилъ публику, не говоря, что именно понято имъ, и наконецъ сообщилъ:

— Рѣшено, стало-быть, оборотить насъ въ заштатный городъ!

Большинство усомнилось въ этомъ, но многіе говорили:

— Что жъ, только слава, что городъ мы, а всего и мощенато у насъ одна улица да вотъ базарная площадь.

Вечеромъ Минаковъ, сидя въ грязи противъ церкви Николая Чудотворца, горько, со слезами жаловался:

— Угодничекъ Божій, милостивый! Прекратили насъ — кончено!

А городовой Капендюхинъ, стоя надъ нимъ, утѣшалъ портного:

— А ну, Егоръ, не реви, якъ баба! Еще, можетъ, ничего не будетъ.

Слухи о томъ, что начальство хочетъ успокоить горожанъ подтвердились: исправникъ вызвалъ Колю и, должно-быть, чѣмъ-то сконфузилъ его — бойкій телеграфистъ перестал бѣгать по улицамъ.

Къ Минакову явился Капендюхинъ и сурово объявилъ ему:

— А ну, Егоръ, идемъ у полицію.

— Зачѣмъ?

— А чтобъ тебѣ дурныхъ слуховъ не пускать.

Арестовали какого-то странника, исчезли Вавила Бурмистровъ и печникъ Ключаревъ.

Любители драмы и комедіи стали готовиться къ спектаклю, но въ ихъ суетѣ и бѣготнѣ было что-то показное, подчеркнутое—горожане ясно видѣли это.

За обѣдней въ воскресенье соборъ былъ набитъ биткомъ; окуровцы, обливаясь потомъ, внимательно слушали красивую проповѣдь отца Исаіи: онъ говорилъ объ Авессаломѣ и Петрѣ Великомъ, о мудрости царя Соломона, о двѣнадцатомъ годѣ и Севастополѣ, объ уничтоженіи крѣпостного права, о зависти иностранныхъ державъ къ могуществу и богатству Россіи, также и о томъ, что легковѣріе—пагубно.

Расходясь по домамъ, обыватели соображали:

— Видать, что и взаправду будутъ перемѣны,—по пустякамъ въ церкви не позволятъ говорить!

Жуткая тревога усиливалась, вниманіе къ словамъ другъ друга росло. Собирались кучками и догадывались:

— Иностранецъ этотъ, онъ всегда соображаетъ, какъ Россію уязвить—отчего бы?

Кто-то внушительно разъяснилъ:

— Главное—тѣсно ему: разродился въ несмѣтномъ количествѣ, а жить—негдѣ! Ежели взять земную карту, то сразу видно: отодвинули мы его вездѣ къ морскимъ берегамъ, трется онъ по берегамъ этимъ, и ничего ему нѣту, окромя песку да соленой воды. Народъ—голый...

— Въ такомъ разѣ, конечно, и русскому позавидуешь.

Раздался голосъ Тіунова:

— Рѣшено призвать къ дѣламъ исконныхъ русскихъ людей—объявлено было про это давно ужъ!

Обыватели спрашивали другъ друга:

— Это кто говоритъ?

— Кривой изъ слободы.

Солидные люди, отмахиваясь, шли прочь.

— Есть кого слушать!

— Подмѣчайте, православные, хорошихъ людей, которые поразумнѣе, почестнѣе...

Бондарь Кулугуровъ, огромный бородатый старикъ, спросилъ:

— Гдѣ они у насъ?

Его поддержали:

— Н-да, этакихъ чего-то не знатно.

— Кто къ пирогу?

— Пора.

— Пустое затѣяно!—говорилъ бондарь, вытягиваясь во весь ростъ.—Ты пойми, слобожанинъ, что̀ намъ съ того, коли гдѣ-то, за тысячу верстъ, нѣкакіе люди—ну, скажемъ, пускай умные—сядутъ про наши дѣла говорить? Чего издали увидятъ? Нѣтъ, ты мнѣ тутъ вотъ, на мѣстѣ дай права̀. Дома мнѣ ихъ дай, чтобъ я вору, головѣ Сухобаеву, по всѣмъ законамъ сопротивляться могъ, чтобъ онъ меня окладомъ не душилъ—вотъ чего позволь! А что̀ на краю земли-то, насъ не касаемо!

Глаза у бондаря были узкіе, они казались маленькими щелками куда-то въ безпокойную, глубокую тьму, гдѣ всегда кипѣло неукротимое волненіе и часто вспыхивалъ зеленый гнѣвный огонь. И руки у него были тоже безпокойныя—странно мотались, точно стремясь оторваться отъ большого тѣла,

шумно хлопали ладонями одна о другую, сцѣплялись кривыми пальцами и терлись, и рѣдко движенія ихъ совпадали со словами старика.

— Эхъ, почтенный!—началъ-было Тіуновъ, сверкая глазомъ.

— Вотъ-те и эхъ!—отразилъ бондарь и, круто повернувшись, пошелъ прочь, а за нимъ отошли и другіе.

— Православные, — обратился кривой къ оставшемуся десятку человѣкъ. — Я говорю въ томъ наклоненіи, что мы, мѣщанство...

Но кривой плохо выбралъ время: каждаго человѣка въ этотъ часъ ждалъ дома пирогъ—его пекутъ однажды въ недѣлю, и горячій—онъ вкуснѣе. А еще Тіуновъ забылъ, что передъ нимъ люди, издавна привыкшіе жить и думать одиноко — издревле отученные вѣрить другъ другу. На улицу, къ міру, выходили не для того, чтобы подѣлиться съ нимъ своими мыслями, а чтобы урвать чужое, схватить его и, принеся домой, истереть, измельчить въ головѣ, между привычными, тяжелыми мыслями о будняхъ, которыя медленно тянутся изъ года въ годъ; каждый обывательскій домъ былъ темницей, гдѣ пойманное новое долго томилось въ тѣсномъ и темномъ плѣну, а потомъ, обезсиленное, тихо умирало, ничего не рождая. Такъ сѣмя цвѣтка, занесенное вѣтромъ въ болото, сгниваетъ тамъ безслѣдно, не имѣя силъ разрастись, расцвѣсти и улыбнуться небу яркой улыбкой.

Осталась съ кривымъ старуха Маврухина—красные глаза ея, залитые мутной влагой, смотрѣли въ лицо ему, чего-то ожидая, и Тіунову неловко было уйти отъ нихъ.

— Что̀, бабуня?—тихо спросилъ онъ.

— Сынокъ мой ѣдетъ, чу!—сообщила мать.

— Куда онъ?

— Къ Царю Небесному...

— Ишь ты!—печально усмѣхаясь, сказалъ Тіуновъ.

— Нашли, слышь, дорогу-то туда!

Старуха тряслась и невѣрными движеніями рукъ кутала дряхлое, разбитое горемъ и временемъ тѣло въ грязныя лохмотья.

— Прощай, бабуня,—сказалъ кривой, отходя.

Она, улыбаясь, осталась одна на площади, передъ большимъ, свѣтлымъ храмомъ.

Тыкая въ землю палочкой, Тіуновъ не спѣша шелъ въ слободу, жевалъ губами, чмокалъ и, протянувъ передъ собой лѣвую руку, шевелилъ пальцами, что-то, видимо, высчитывая, и думалъ:

— О, Господи! Сколько на землѣ стало матерей этихъ изу-
ѣченныхъ, — сколько материнскихъ сердецъ раздроблено,
азорвано! Кто за сіе отвѣчать будетъ?

* * *

Понедѣльникъ былъ тихій, ясный; за ночь морозъ подсу-
иль грязь улицъ, — городокъ стоялъ подъ зеленоватымъ
уполомъ неба празднично-чистенькій—точно женихъ-мѣща-
инъ за поздней обѣдней.

Гулко и мѣрно бухали бондари, набивая обручи, за рѣкой
ыхтѣла пароотводная трубка Сухобаевскаго завода, гдѣ-то
ороплиро и озабоченно лаяла собака, точно отвѣчая задан-
ый урокъ.

Но уже съ утра по улицамъ города поплелся, какъ увѣч-
ый нищій, слухъ о порчѣ телеграфа.

Какъ всегда, въ девять часовъ къ почтовой конторѣ под-
атилась монастырская бричка съ дородной и ласковой ма-
ерью Левкадіей и смѣшливой, краснощекой послушницей
авлой на козлахъ: у закрытыхъ дверей конторы стоялъ
здоусый Капендюхинъ, съ трубкой въ зубахъ и грозно
двинутыми бровями. Покряхтывая, мать Левкадія вылѣзла
ъ брички и остановилась у крыльца, удивленная необыч-
ымъ выраженіемъ давно и хорошо знакомаго ей, добро-
ушнаго лица.

— Здравствуй, Нифонтъ! Богъ милости прислалъ!

— Благодарствуйте,—отвѣтилъ городовой такимъ тономъ,
ъкъ будто говорилъ:

— Ну нѣтъ, меня не обманешь!

И, надувъ щеки, взглянулъ въ небо.

— Ну-ка, открой дверь-то!—попросила монахиня.

Капендюхинъ посмотрѣлъ на нее сверху внизъ и спросилъ:

— А зачѣмъ?

— Какъ это—зачѣмъ?—обиженно сказала монахиня.—Вѣдь
же за почтой пріѣхала и двѣ депеши у меня...

— Почты никакой не будетъ!

Старушка взволновалась.

— О, Господи, спаси и помилуй,—что ты? И вчера не
ло! Неужто грѣхъ какой-нибудь въ дорогѣ?

Капендюхинъ внушительно поднялъ руку и остановилъ ее:

— Вы, мать Леокадія, слуховъ не пускайте! Вамъ уже
азано—почты вовсе не будетъ, и—все тутъ!

— А депеши?—робѣя и немножко сердясь, спросила ста-
ха, девятый годъ безъ помѣхи исполнявшая на почтѣ
онастырскія дѣла.

— Телеграфа нѣтъ.

— Нѣтъ?

Капендюхинъ наслаждался знаніемъ своей тайны, и от полноты удовольствія его усатое лицо смѣшно надулось. Он долго мучилъ любопытство монахини, возбуждая въ ней тр вогу, и наконецъ какъ-то вдругъ вдохновенно объяснилъ:

— Спортился главный телеграфъ у Петербургѣ. Комет знаете, ходитъ тамъ, такъ вотъ та комета задѣла башн откуда всѣ проволоки—да вы же знаете телеграфъ, что м говорить, вы же разумная женщина!

Мать Левкадія растерянно и недовѣрчиво посмотрѣла н него снизу вверхъ и—разсердилась уже до слезъ.

— Я, батюшка мой, не женщина, а монахиня, да-а, смѣяться надо мною— грѣхъ тебѣ!

Сконфузивъ городового, она уѣхала, а черезъ нѣсколь минутъ о событіи уже знали на базарѣ, праздное любопытств было возбуждено, и торговцы, одинъ за другимъ, пошл смотрѣть на почту. Они останавливались посреди улиц задравъ головы, разсматривали уставленные цвѣтами окн квартиры почтмейстера и до того надоѣли Капендюхину ра спросами о событіи, что онъ разсердился, изругался, вынул записную книжку и, нѣсколько разъ облизавъ карандаш написалъ въ ней:

„Его благородыю ваше благородые пришелъ народъ лезет меня осаживаетъ ругаетъ и пускаетъ слухи. Не могу спр вится тишину порядокъ нарушаютъ Капендюхи“.

Потомъ онъ неожиданно схватилъ за шиворотъ сына бо даря Селезнева, озорника Гришку, и, дѣлая видъ, будто д ретъ его за уши, шепнулъ мальчику:

— Бѣги у полицію, на̀, отдай помощнику записку—пята дамъ, живо!

Смѣтливый Гришка вырвался и исчезъ, какъ пуля, сопр вождаемый хохотомъ и гайканьемъ обывателей.

Но скоро они принуждены были задуматься: изъ-за уг улицы появился полицейскій надзиратель Хипа Вопіяльскі а его сопровождало двое солдатъ съ ружьями на плеча и два стражника верхомъ.

Весь городъ зналъ скромнаго и робкаго Архипа съ дѣтств всѣ помнили его псаломщикомъ у Николая Чудотворца, наз вали его Хипой и въ свое время много смѣялись шут преосвященнаго Агаѳангела, измѣнившаго фамилію его отц милѣйшаго дьячка Василія Никитича Коренева, въ смѣшн просвище „Вопіяльскаго“, потому что Кореневъ, въ каком то прошеніи, поданномъ владыкѣ, нѣсколько разъ употреби слово „вопію“.

И вотъ этотъ застѣнчивый, неспособный человѣкъ шагаетъ съ обнаженной шашкой въ рукѣ и кричитъ издали устрашающимъ голосомъ:

— Ра-азойдись, эй!

Даже самъ Капендюхинъ былъ видимо пораженъ страннымъ зрѣлищемъ, подтянулся и, пряча трубку въ карманъ, заворчалъ:

— Эге! То-то же! Это—не шутка!

Ошарашенные обыватели полѣзли вонъ изъ улицы, стражники, покачиваясь на старыхъ костлявыхъ лошадяхъ, молча сопровождали ихъ, кое-кто бросился бѣжать, люди посолиднѣе разсуждали:

— Это противъ кого же они?

— Н-да, пугаютъ!...

— Что̀ такое, братцы мои, а?

Ничего не понимая, шутили, надѣясь скрыть за шутками невольную тревогу, боясь показаться другъ другу глупыми или испуганными. Но нѣкоторые уже соображали вслухъ:

— Позвольте, это какъ же? Вотъ я, примѣрно, письмо послалъ, требованьице на товаришко, куда же оно дѣнется?

— А мнѣ бы не-сего̀дня-завтра деньжатъ надобно получить въ губерніи...

Уже давно съ болотъ встали густыя тучи и окутали городъ сѣрымъ пологомъ. Казалось, что дома̀ присѣли къ землѣ и глазами оконъ смотрятъ на хозяевъ своихъ не то удивленно, не то съ насмѣшкой, тусклой и обидной. Кое-гдѣ раздавались сухіе удары бондарей:

— Тум-тум-тумъ! тум-тумъ!

Короткій день осени старчески сморщился, улицы наполнились скучной мглой, и въ ней незамѣтно, какъ плѣсень, росли темные, вязкіе слухи, пугливыя думы.

— У казначейства, слышь, тоже солдаты поставлены...

— Ну?

— Вотъ сейчасъ Памфилъ-сапожникъ сказалъ.

— А давеча, утречкомъ рано, слободского Вавилу Бурмистрова, бойца, изъ полиціи къ исправнику на домъ провели, слышь...

— Ну, эти слободскіе...

— Можетъ-быть, въ Петербургѣ этомъ опять что-нибудь такое вышло, какъ тогда зимой?..

— Въ родѣ бунта?

— Ну да!

— Да вѣдь насъ это тогда никакъ не коснулось.

— Конечно! И узнали-то спустя долгое время...

Кто-то задумчиво соображалъ:

— Въ слободѣ кривой есть...

— Слесарь-то?

— Угу! Знающій человѣкъ будто бы...

— А то тутъ горбатенькій въ земствѣ служитъ, тоже, слыш боекъ...

— Безногаго нѣтъ ли?

— Нѣмого тоже хорошо спросить.

— Не я тому виноватъ, что умные-то люди уроды больш

Громко и неискренно хохотали и снова пробовали шутит но шутки складывались плохо, въ сердце незамѣтно пр сачивалось что-то новое и требовало отвѣта. И когда смотрѣ въ поле, то всѣмъ казалось, что холмы выросли, приподн лись и теперь тѣснѣе, чѣмъ раньше, окружаютъ городиш

Съ поля налеталъ холодный вѣтеръ, принося мелкую пы отдаленнаго дождя. Въ окнахъ домовъ уже вспыхивали желт огни. По времени надо бы къ вечернѣ звонить, а колоко было неслышно, городъ облегла жуткая тишина, только в теръ вздыхалъ и свистѣлъ, летая надъ крышами домов молча прижавшихся къ сырой и грязной землѣ.

Часть обывателей собралась въ нижней, черной залѣ „Ли сабона", другіе ушли въ трактиры базара—до поздней но сидѣли тамъ, чего-то ожидая. И напряженно сплетали пед умѣнія дня съ обрывками давнихъ слуховъ, которые памя почему-то удержала.

— Главное—японецъ этотъ!

— Намедни Кожемякинъ говорилъ, будто нѣмецъ тоже...

— Кожемякинъ, старый чортъ, онъ больше насчетъ баб знающъ...

— Ну нѣтъ, онъ всѣ исторіи насквозь знаетъ...

— Что̀ жъ онъ?

— Петръ, говоритъ, Великій навезъ, говоритъ, этого нѣм

— Вретъ! Петръ, онъ голландца, а нѣмцевъ Екатери навезла.

— Сколько много, братцы мои, этихъ навозныхъ люд у насъ?!

Неуклюжая, непривычная къ работѣ мысль безпомощ тыкалась всюду, какъ новорожденный котенокъ, еще слѣп

— Живемъ гдѣ-то на болотѣ, и ничего намъ неизвѣстно!- угрюмо говорилъ бондарь Кулугуровъ, наблюдая за движ ніями своихъ рукъ зелеными глазками.

— Н-да-а! А вѣдь, дѣйствительно, много иностранцев противу насъ поставлено!

— Противъ тебя—палку въ землю воткни—и довольн Сто лѣтъ не шелохнешься.

— Ты храберъ!

— Брось, ребята! Кому ее надо, храбрость вашу?

Почти никто не напился пьянъ, домой пошли тѣсными компаніями, говорили на улицѣ, понижая голоса, и нерѣдко останавливались, прислушиваясь къ чему-то. Шумѣлъ вѣтеръ голыми сучьями деревьевъ, моросилъ дождь, лаяли и выли озябшія, голодныя собаки.

Не велика была связь города съ жизнью родной страны, и когда была она—не замѣчали ея, но вотъ вдругъ всѣмъ стало ясно, что порвалась эта связь, нѣтъ ея. Раньше о томъ, что на землѣ есть еще жизнь, другіе города, иные люди, напоминало многое: ежедневно въ девять часовъ утра въ городъ, звеня колокольцомъ, влетала почтовая тройка изъ губерніи, съ полудня вплоть до вечера по улицамъ ходилъ, прихрамывая, разносчикъ писемъ Калугинъ, по вечерамъ въ трактирахъ являлась губернская газета, въ „Лиссабонѣ“ даже двѣ. И вдругъ—все остановилось: остался среди лѣсовъ и болотъ маленькій городокъ, и всѣ люди въ немъ почувствовали себя забытыми, одинокими на землѣ.

Даже телеграфныя проволоки стали гудѣть не такъ озабоченно и густо, какъ прежде,—прикладывая ухо къ столбамъ, обыватель находилъ, что шумъ работы телеграфа измѣнился, онъ едва слышенъ, да и этотъ шумъ рожденъ вѣтромъ.

Какой-то школьникъ замѣтилъ:

— Чай, онѣ, проволоки-то, и всегда отъ вѣтра гудутъ!

— Толкуй! Не знаютъ съ твое-то, чертенокъ!

Неуклонно создавалось настроеніе нервозное, подозрительное и тоскливое. Людьми овладѣла лѣнь, работать не хотѣлось, привычный ежедневный трудъ какъ бы потерялъ смыслъ.

— Живемъ гдѣ-то за всѣми предѣлами!—ворчалъ Кулугуровъ, расхаживая по базару съ толстой палкой въ рукахъ.

— Что же начальство наше?

— Н-да, сокрылось чего-то...

— Думаетъ!

— Это—пора!

— Нѣтъ, первое тутъ, братцы мои, дѣламъ остановка!

— Еще бы! Ни отправить ни получить!

Въ глазахъ дѣловыхъ людей ихъ маленькія дѣла съ каждымъ часомъ вырастали во что-то огромное, затѣнявшее всю жизнь, и этому смыслу жизни откуда-то грозила непонятная и явная опасность.

Прошелъ слухъ, что исправникъ вызывалъ трактирщиковъ и предупредилъ ихъ, что, можетъ-быть, придется закрыть трактиры.

— Еще чего выдумаютъ!—сердито закричалъ старый бондарь.—На улицѣ, что ли, торчать намъ? Не лѣто, чай!

— Дома сиди!—предложили ему.

— Развѣ въ этакое смутное время можно по домамъ расползаться? Надобно сообща жить, грудой!

И, сердясь все болѣе, онъ кричалъ, широко разѣвая большой ротъ и тряся сѣдой бородой:

— Нате-ка! Кто-то гдѣ-то тамъ распорядился и—ни слуха ни духа ниоткуда! Въ родѣ какъ мы теперь сполна отданы въ плѣнъ нашему начальству—дѣлай съ нами, что хочешь, и пожаловаться некуда! Нѣтъ, эти шутки надо разобрать!

Рѣчи его еще болѣе раздували тревогу окуровцевъ.

Ходилъ по улицамъ Тіуновъ и, помахивая палочкой, ко всему прислушивался, нацѣливаясь темнымъ окомъ то въ одно, то въ другое лицо, разсматривая всѣхъ, точно цыганъ лошадей на конной ярмаркѣ.

Его спрашивали:

— Что случилось—не слыхалъ?

— Не знаю. Заминка какая-то въ дѣлахъ, а что—не понять!—отвѣчалъ онъ, отходя и пожимая губы.

Его сухой одноглазый ликъ тоже казался опрокинутымъ, и вся одежда на немъ странно измялась, заершилась, точно человѣкъ этотъ только-что съ трудомъ пролѣзъ сквозь какое-то узкое мѣсто.

Мелькало больное лицо Кожемякина, его печальные глаза и желтая, дрожащая рука, теребившая бѣлую бороду.

Вся жизнь городка остановилась предъ невидимой и неощутимой преградой, люди топтались на одномъ мѣстѣ день, два, ходили къ отцу Исаіѣ за какими-то совѣтами, но священникъ оказался боленъ; вспомнили о предсѣдателѣ земской управы—онъ уѣхалъ въ губернію.

Разбились по группамъ, сообразно интересамъ своимъ, смотрѣли другъ на друга подозрительно, враждебно и не столько слушали, сколько подслушивали другъ друга.

На третій день по городу съ утра заговорили, что на базарѣ, въ трактирѣ Сѣмянникова, будетъ дано объясненіе всему, и обыватели быстрыми ручьями, шумя и волнуясь, стеклись на базаръ.

Въ трактирѣ, у стѣны, на столѣ стоялъ горбатый статистикъ Шишмаревъ и, размахивая руками, кричалъ:

— Россія поняла, наконецъ...

Его большая голова вертѣлась во всѣ стороны, голосъ срывался, глаза налились испугомъ, на щекахъ блестѣли капли пота или слезъ. Трактиръ былъ полонъ, трещали стулья

и столы, съ улицы тѣснился въ дверь народъ, то и дѣло звенѣли жалобно разбитыя стекла, и Сѣмянниковъ плачевно кричалъ тонкимъ голосомъ:

— Не позволю! Кто мнѣ за имущество заплатитъ?

Нѣсколько голосовъ настойчиво взывали къ Шишмареву:

— Эй, послушайте, надолго это установлено—безъ почты чтобы?

— Вы дѣло, вы о дѣлахъ говорите, почтенный!

— Онъ про Россію дябитъ все, горбатая кикимора!

— Чего онъ въ дѣлахъ понимаетъ?

Площадь базара стала подобно котлу—и люди кружились на ней, точно крупинки гречи въ закипающей водѣ. Небо накрыло городъ сѣрой тяжелой шапкой, заволокло дали и сѣяло какую-то мелкую сырость пепельно-свѣтлаго цвѣта.

У трактира громко ссорились.

— Не лѣзь!

— Цыцъ!

— Тише!—орало десять голосовъ сразу.

— Идея свободы, солидарности и прогресса...—выкрикивалъ Шишмаревъ.

Съ улицы жители напирали въ дверь, лѣзли въ открытыя окна, съ выбитыми ставнями, и тревожно требовали:

— Громчѣе!

— Горбатый, не слыхать

— Давай его на улицу!

— Выходи сюда!

— Эй, выводи его!

— И вотъ, наконецъ,—надрывался статистикъ,—всѣ классы общества...

Было уже много людей, опьяненныхъ возбужденіемъ, оно разгоралось, какъ лѣсной пожаръ, замелькали въ толпѣ отуманенные глаза, полупьяныя, злыя улыбки. Въ толпѣ, словно налимъ, извивался портной Минаковъ, негромко внушая:

— Это, братцы мои, рѣчи опасныя!—и, хитро улыбаясь, подмигивалъ глазомъ.

А впереди него, расталкивая всѣхъ, метался Вавила Бурмистровъ; засучивъ рукава рубахи, весело и радостно сверкая глазами, онъ оралъ на всю улицу:

— Къ раздѣлкѣ! Вотъ она! Пришелъ день, эхма!

Солидные люди пока все еще оставались спокойными зрителями сумятицы; останавливая Вавилу, они спрашивали:

— Ты чего кричишь?

— Чего? — грозно повторялъ боецъ и, вдругъ просіявъ радостью, обнималъ вопрошавшаго крѣпкими руками.—Милый,

али нехорошо, а? На дыбѣ встаютъ люди—вѣрно? Пришелъ день! Слышалъ—свобода? Хочу—живу, хочу—нѣтъ, а?

Обыватели, насильно улыбаясь, спрашивали:

— Въ чемъ—свобода?

— Братья!—захлебываясь и барабаня кулаками въ грудь, пѣлъ Бурмистровъ.—Душа получаетъ свободу! Играй душа, и—кончено!

— Пьяный!—говорили другъ другу солидные люди, отходя отъ него, и хмурились.

Женщины, разглядывая красавца, поджимали губы, плотно кутались въ свои старенькія шали и, лицемѣрно опуская глаза, шептали:

— Безстыдникъ какой!

А Минаковъ, съ темными пятнами на лицѣ, все нырялъ за Вавилой и неустанно вполголоса внушалъ:

— Эти самыя рѣчи—ой-ой-ой!

Изъ двери трактира, какъ дымъ изъ трубы, густо лѣзъ на улицу потный разогрѣтый обыватель, подталкивая горбуна—горбунъ былъ похожъ на мячъ, плохо сшитый изъ тряпья и разорванный.

— Тащи столъ!

Солидные люди, не желая смѣшиваться съ толпой, отходили къ заборамъ и прижимались къ нимъ—они смотрѣли сиротами города.

— Какой, однако, скандалъ развели!

— Ни тебѣ полиціи, никого...

— Вчера хоть стражники ѣздили!

Базуновъ, церковный староста отъ Николы, самый крупный торговецъ города, говорилъ вкрадчивымъ и плачущимъ голосомъ:

— Позвольте—какъ же это, братцы? Вдругъ является неизвѣстнаго званія всѣмъ чужой человѣкъ и—разсуждаетъ, а? А у насъ дѣла торговыя и другія разныя, и мы—въ сторонѣ, а? Кѣмъ, однако, держится городъ, а?

— Что же это? — спрашивалъ Кулугуровъ, никого не слушая. — Жили-жили и—на-ка-ся, отброшены, одни, и при этомъ начатъ такой безпорядокъ, какъ же это, а?

— Слободскіе пришли—вонъ тамъ ихъ съ полсотни, поди-ка..

Надъ толпой у двери качалась голова Шишмарева, его большой ротъ открывался и отчаянно кричалъ:

— Мы должны дружно и смѣло...

Рѣчь его заглушали вопросы:

— Кто остановку-то приказалъ?

Но тѣло горбуна вздрогнуло, онъ высоко взмахнулъ руками

и исчезъ, а на его мѣстѣ явился Бурмистровъ съ взлохмаченными кудрями, голой грудью—красивый и страшный.

— Народъ! — взревѣлъ онъ, простирая руки. — Слушай, вотъ—я! Дай мнѣ—совѣсти моей—ходу!

Стало какъ будто тише, спокойнѣе, и, точно крикъ ночной зловѣщей птицы, дважды прозвучалъ чей-то тонкій голосъ:

— Эки дѣла! Эки дѣла!

— Говоритъ намъ—мнѣ и Минакову—помощникъ исправника Нѣмцевъ: иди, говоритъ, ребята, слушай, кто что̀ скажетъ, и докладай мнѣ! Ежели, говоритъ, что̀ опасное...

— Ишь ты!—насмѣшливо крикнулъ кто-то.

— Православный народъ!—кричалъ Бурмистровъ. — Что̀ есть опаснѣе нашей жизни? И вотъ пришелъ день! Пусть каждый схлестнется со своей судьбой—одинъ на одинъ—безъ помѣхи, вѣрно? Разрушена тѣснота наша, простирайся, народъ, какъ хочешь! Вставай супротивъ судьбы...

— Ну, братцы мои, это дѣйствительно что опасныя рѣчи!—тревожно говорилъ Базуновъ въ толпѣ у забора. — Какъ начнетъ ихъ братья, слободскіе, схлестываться...

Раздались яростные крики:

— Гони его!

— Сдерни со стола-то!

— Зачѣмъ гнать? Будетъ! Надоѣли намъ они, гоненія эти!

Солидные люди стали расходиться по домамъ, осторожно и подавленно перекидываясь тихими восклицаніями.

— Однако!

— Н-да-а...

— Этакъ, ежели каждый начнетъ...

— Чего ужъ тутъ!

— Что̀ такое, братцы, а?

А Кулугуровъ громко кричалъ:

— Отброшены мы и позабыты...

Стороной, держась вдали отъ людей, тихо шли Тиуновъ и Кожемякинъ, оба съ палочками въ рукахъ.

— Ну что̀, всѣхъ дѣлъ мастеръ?—невесело улыбаясь, спрашивалъ канатчикъ.

— Что̀ жъ, Матвѣй Савельичъ! Вотъ—сами видите.

Стукая палочкой по своему сапогу, кривой вполголоса, медленно и фигурно говорилъ:

— Правильно изволили вы намедни сказать, что народъ—не помнящій родства...

— И наслѣдства лишенный!—вздыхая, добавилъ Кожемякинъ.

— Никакого прямого теченія не образуется въ немъ..

— Давили, видишь ты, давили, да какъ бы ужъ и вовсе вздавили душу-то живую, одни оплетки остались...

— А главное—понять невозможно, что̀ значитъ забастовка эта и чьего она ума...

— Н-да, дружокъ!

— Есть у меня соображеньице одно...

— Пойдемъ чайку попить ко мнѣ...

И, не торопясь, они идутъ по улицѣ, прочь отъ взволнованныхъ людей, оба степенные, задумчивые.

Люди отходили отъ толпы, но она не таяла, становилась все шумнѣе, оставшіеся на базарѣ терлись другъ о друга, и это нагрѣвало ихъ все болѣе. Явились женщины, ихъ высокіе голоса, вливаясь въ общій шумъ, приподнимали его и обостряли отношенія: шумъ пѣнился, точно крѣпкая брага, становился все пьянѣе, кружилъ головы. Общая тревога не угасала, недоумѣніе не разрѣшалось—среди этихъ людей не было силъ создать одну мысль и одно чувство; угловатые, сухіе и праздные, они не сливались въ живую разумную силу, освѣщенную единствомъ желанія.

И не о чемъ было говорить, кромѣ близкихъ и хорошо знакомыхъ, будничныхъ дѣлъ.

Женщины вынесли на улицу домашнее: косые взгляды, ехидныя улыбки, и многое давнее, полузабытое, снова начинало тлѣть и куриться, ежеминутно вспыхивая то тамъ, то тутъ злыми огоньками.

— Нѣтъ, матушка моя, нѣ-ѣтъ! Ты мнѣ за это отвѣтишь!

Говорили о трехъ вилкахъ пластовой капусты, украденныхъ съ погреба, о томъ, что Ванька Хряповъ не хочетъ жениться на Лизѣ Матушкиной, и что казначей исхлесталъ дочь плетью.

Незамѣтно избили Минакова, онъ шелъ по улицѣ, упираясь въ заборы руками, плевался кровью, всхлипывалъ и ныл:

— Господи-и! За что-о?

Свистя и взвизгивая, носился по городу вѣтеръ, раздувалъ шумъ и, охлаждая сбитыхъ въ толпу, возбужденныхъ людей, вытѣснялъ ихъ съ улицы въ дома и трактиры.

Гулко шумѣли деревья, зловѣще выли и лаяли обезпокоенныя собаки.

* * *

Во тьмѣ, осторожно ощупывая палочкой землю, шагалъ Тіуновъ и молчалъ, а рядомъ съ нимъ, скользя и спотыкаясь, шелъ Бурмистровъ, размахивая руками, свистѣлъ и оралъ.

— Много ль ты понимаешь, кривой!

Боясь, что Вавила ударитъ его, Тіуновъ покорно отвѣтилъ:

— Мало я понимаю.

А боецъ взялъ его за плечи, съ упрекомъ говоря

— И никого тебѣ не жаль — вѣрно?

Кривой промолчалъ, вглядываясь въ огни слободы тонувшіе гдѣ-то внизу, во тьмѣ

— Вѣрно! — тверже сказалъ Вавила. — Я — лучше тебя! Мнѣ сегодня всѣхъ жалко, всякій житель сталъ теперь для меня — свой человѣкъ! Вотъ ты говоришь — мѣщаны, а мнѣ ихъ жаль! И даже нѣмцевъ жаль! Что̀ жъ нѣмецъ? И нѣмецъ не каждый день смѣется. Эхъ, кривой, одноглазая ты душа! Ты что̀ про людей думаешь, а? Ну, скажи?

Не хотѣлось Тіунову говорить съ человѣкомъ полупьянымъ, а молчать — боялся онъ. И, крякнувъ, осторожно началъ:

— Что̀ жъ люди? Конечно, всѣмъ плохо живется...

— Ага-а! — слезливо воскликнулъ Вавила

— Ну, однако въ этомъ и сами они не безъ вины же...

— Во-отъ! — всхлипывая, крикнулъ Бурмистровъ. — Сколько виновато народу противъ меня, а? Всѣ говорили — Бурмистровъ, это кто такое? А сегодня — видѣли? Я всѣхъ выше и говорю, и всѣ молчатъ, слушаютъ, ага-а! Поняли? Я требую: дать мнѣ сюда на столъ стулъ! Поставьте, говорю, стулъ мнѣ, желаю говорить сидя! Дали! Я сижу и всѣмъ говорю, что̀ хочу, а они гдѣ? Они меня — ниже! На землѣ они, пойми ты, а я — надъ ними! И оттого стало мнѣ жалко всѣхъ...

Шли по мосту. Черная вода лизала сваи, плескалась и звенѣла въ тишинѣ. Гулко стучали невѣрные шаги по расшатанной, измызганной настилкѣ моста.

— Стало мнѣ всѣхъ жалко! — кричалъ Вавила, пошатываясь. — И я говорю честно, всѣмъ говорю одно — дайте человѣку воли, пусть самъ онъ видитъ, чего нельзя! Пусть испробуетъ всѣ ходы самъ — эхъ! Спѣлъ бы я теперь пѣсню — вотъ какъ! Артюшки нѣтъ...

Онъ остановился въ темнотѣ и заоралъ:

— Артюха-а!

Тіуновъ быстро шагнулъ впередъ и, согнувшись, трусцой побѣжалъ къ слободѣ.

— Артюха-а! — слышалъ онъ позади хрипящій зовъ, задыхался и прыгалъ все быстрѣе, подобравъ полы, зажимая палочку подъ мышкой.

— Кривой! Захарычъ!

Тіуновъ по звуку понялъ, что Вавила уже далеко, на минутку остановился, отдышался и сошелъ съ моста на песокъ

слободы, — песокъ хваталъ его за ступни, тянулъ куда-то внизъ, а тяжелая, густая тьма ночи давила глаза.

Бурмистровъ, накричавшись до надсады въ горлѣ, иззябъ, нѣсколько отрезвѣлъ и обиженно проворчалъ:

— Ушелъ, кривой дьяволъ. Хорошо!

Онъ быстро началъ шагать посрединѣ моста, доски хлюпали подъ ногами, и вдругъ остановился, думая:

„А если онъ въ воду упалъ?“

Подошелъ къ перилам, заглянулъ въ черную, блестящую полосу подъ ногами, покачалъ головой.

— У-у!

И, махнувъ рукою, запѣлъ:

Мырамы-орное твое личико
И ахъ, да и поцѣлуемъ я ль ожгу...

— Ушелъ, кривой! Пренебрегаешь? — ворчалъ онъ, прерывая пѣсню.

Эхъ, и безъ тебя я, моя милая,
Вовсе жить на свѣтѣ — нѣтъ, не могу.

Въ памяти Бурмистрова мигали жадные глаза горожанъ, всѣ они смотрѣли на него снизу вверхъ, и было въ нихъ что-то подобное огонькамъ восковыхъ свѣчъ въ церкви предъ образомъ. Играло въ груди человѣка долго жданное чувство— его игра опьянила, усиливала тоскливую жажду суеты, шума, движенія людей...

Онъ шлепалъ ногами по холодному песку, и хотя почти совсѣмъ отрезвѣлъ, но кричалъ, махалъ руками и, нарочно распуская мускулы, качался подъ вѣтромъ изъ стороны въ сторону, какъ гибкій прутъ.

Кое-гдѣ въ окнахъ слободы еще горѣлъ огонь. „Фелицатинъ раишко“ возвышался надъ хижинами слобожанъ темной кучей, точно стогъ сѣна надъ кочковатымъ полемъ. И во тьму не проникало изъ оконъ дома ни одной полоски свѣта.

— Пойду къ ней, къ милой Глашѣ, другу! — рѣшилъ Бурмистровъ, вдругъ согрѣтый изнутри.—Разскажу ей все. Кто, кромѣ нея, меня любитъ? Кривая собака — убѣжала...

Онъ безнадежно махнулъ рукой и, глядя на воеводинскій домъ, соображалъ:

— Никого нѣтъ. Попрятались всѣ.

Когда Вавила подошелъ къ воротамъ, ввстрѣчу ему, какъ всегда, поднялся Четыхеръ, но сегодня онъ сталъ противъ калитки и загородилъ ее.

— Пропускай, ну! — грубо сказалъ Вавила.

— Занята Глашка, — отвѣтилъ Четыхеръ.

— Врешь?

Дворникъ промолчалъ.

— Вѣдь никого нѣтъ?

— Стало-быть, есть.

Препятствіе возбуждало Бурмистрова. Онъ всѣмъ тѣломъ вспомнилъ мягкую, теплую постель и вздрогнулъ отъ холода.

— Жуковъ, что ли? — угрюмо спросилъ онъ.

И вдругъ ему показалось, что Четыхеръ смѣется, онъ присмотрѣлся — плечи квадратнаго человѣка дрожали, и голова тоже тряслась.

— Ты чего? — заревѣлъ онъ и, забывъ, что дворникъ сильнѣе его, взмахнулъ туго сжатымъ кулакомъ. Но запястье его руки очутилось въ крѣпкихъ пальцахъ Четыхера.

— Ну-ка, не бѣсись, не ори, дуракъ! — спокойно и какъ будто даже весело сказалъ Кузьма Петровичъ. — Ты погоди-ка. Я пущу тебя, песъ съ тобой! Ну — только уговоръ: тамъ у нея Дѣвушкинъ..

— Кто? — спросилъ Вавила, выдернувъ руку и отшатнувшись.

— Ну — кто! Говорю, Сима, Дѣвушкинъ Семенъ.

— Симка? Дѣвкинъ? — повторилъ Бурмистровъ и до горла налился холоднымъ изумленіемъ.

— Ежели ты его тронешь, — вразумительно говорилъ Четыхеръ, — гляди — плохо тебѣ будетъ отъ меня! Для прилику, для страха — ударь его разъ, ну — два, только — слабо! Слышь? А Глашку — хорошенько, се вздуй, какъ надо, она сама дерется! По холодной-то мордѣ ее, звѣрюгу! А Семку — тихо! Ну, ступай!

Онъ отворилъ калитку, но Бурмистровъ стоялъ передъ нею, точно связанный, наклоня голову и спрятавъ руки за спину.

— Ну-ка, иди! — сказалъ Четыхеръ, подталкивая его.

Онъ высоко поднялъ ногу, какъ разбитая лошадь, ступилъ во дворъ и, добравшись въ темнотѣ до крыльца, сѣлъ на окрую лѣстницу и задумался.

— Милый ты мой, одинокій ты мой! — вспомнились ему пѣучія причитанія Лодки.

Нехорошее, обезсиливающее волненіе, наполняя грудь, кружило голову, руки дрожали, и было тошно.

„Вретъ Четыхеръ! — заставилъ онъ себя подумать. — Вретъ!“

Онъ мысленно поставилъ рядомъ съ Лодкой неуклюжаго парня, уродливаго и смѣшного, потомъ себя — красавца и силача, котораго всѣ боятся.

„Чай, не колдунъ Симка?“ — вяло подумалъ Бурмистровъ; оскалив зубы, онъ взглянулъ въ пустые глаза Симы, и

вдругъ ему показалось, что въ безлюдномъ взглядѣ юноши есть что-то жуткое, отпинающее.

Вавила тряхнулъ головой, всталъ и, хорошо зная дорогу, пошелъ наверхъ, сильно топая ногами по ступенямъ, дергая перила, чтобы онѣ скрипѣли, кашляя и вообще стараясь возможно больше и грознѣе шумѣть. Остановясь у двери, онъ пнулъ въ нее ногой, громко говоря:

— Отворяй!

Раздался спокойный голосъ Лодки:

— Кто это?

— Отвори!

Во рту Бурмистрова было сухо, и языкъ его двигался съ трудомъ.

— Ты, Вавила?

Онъ налегъ плечомъ на филенку двери, безъ труда выдавилъ ее. Когда тонкія дощечки посыпались къ ногамъ Лодки, она быстро сняла крюкъ съ пробоя и отскочила въ сторону, крича:

— Ты что̀ это, а? Ты что̀?

Бурмистровъ на секунду остановился въ двери, потомъ шагнулъ къ женщинѣ и широко открытыми глазами уставился въ лицо ей — блѣдное, нахмуренное, злое. Босая, въ рубашкѣ и нижней юбкѣ, она стояла прямо, держа правую руку за спиной, а лѣвую у горла.

— Глафира! — хрипло и медленно заговорилъ Вавила, качая головой. — Что̀ жъ ты, дьяволъ, а?

Его рука, вздрагивая, сама собою поднималась для удара, глаза не могли оторваться отъ упорнаго кошачьяго взгляда неподвижно и туго, точно струна, вытянувшейся женщины. Онъ не кончилъ словъ своихъ и не успѣлъ ударить — подъ кроватью сильно зашумѣло, потомъ высунулась растрепанная голова Симы. Юноша торопливо крикнулъ:

— Погоди, Вавила...

Лодка злобно взвизгнула и бросилась вонъ — Бурмистрову показалось, что она ударила его чѣмъ-то тяжелымъ и мягкимъ сразу по всему тѣлу, въ глазахъ у него заиграли зеленые и красные круги, онъ безсмысленно взглянулъ въ темную дыру двери и, опустивъ руки вдоль тѣла, сталъ разсматривать Симу: юноша тяжело вытаскивалъ изъ-подъ кровати свое полуголое длинное тѣло, онъ былъ похожъ на большую ящерицу.

— Ты — прости! — торопливо, вздрагивающимъ голосомъ бормоталъ онъ. — Вѣдь она — изъ жалости ко мнѣ, ей-Богу! А я — кто меня, кромѣ нея? Ты, Вавила, хорошій человѣкъ...

Вавила таращилъ глаза точно ослѣпленный, и, все ниже

наклонясь къ Симѣ, протягивалъ руку къ нему, а когда юноша сѣлъ на полъ, онъ схватилъ его за тонкую шею, приподнялъ, поставилъ передъ собой и заглянулъ въ глаза. Сима захрипѣлъ, царапая ногтями крѣпкую руку, душившую его, откидывалъ голову назадъ и странно, точно дразнясь, двигалъ языкомъ; глаза его выкатывались изъ орбитъ. Вавила ударилъ лѣвой рукой „подъ душу“ Симѣ, сжалъ его шею всѣми десятью пальцами, пальцы сжимались все крѣпче, подъ ними хрустѣли хрящи, руки Симы повисли вдоль тѣла и шарили по бокамъ, точно отыскивая карманы. Онъ становился все тяжелѣе. Бурмистровъ нѣсколько разъ встряхнулъ юношу, отрывая его отъ пола, и, разжавъ пальцы, отбросилъ его отъ себя. Сима мягко упалъ подъ ноги ему, хлопнувъ ладонью о половицу и больно ударивъ тяжелой головой большой палецъ на ногѣ Вавилы. Бурмистровъ приподнялъ ногу, покачнулся и, схватясь одеревянѣвшими пальцами за спинку кровати, свалился на постель.

Когда вошелъ Четыхеръ, а за нимъ въ двери явились длинныя бѣлыя фигуры Фелицаты, кухарки и дѣвицъ — онъ сидѣлъ неподвижно, закусивъ губу, и тупо разсматривалъ голову Дѣвушкина на полу у своихъ ногъ.

— Ты что сдѣлалъ, песъ? — спросилъ Четыхеръ.

Бурмистровъ взглянулъ на него, вскочилъ и прыгнулъ впередъ, точно цѣпная собака, но дворникъ оттолкнулъ его ударомъ въ грудь. Вавила попятился и, запнувшись за ноги трупа, сѣлъ на полъ.

Женщины выли, визжали; Четыхеръ что-то кричалъ, вытягивая къ Бурмистрову длинную руку, потомъ вдругъ всѣ, кромѣ дворника, исчезли.

На столѣ, вздрагивая, догорала свѣча, по сѣрой скатерти осторожно двигались тѣни, все тѣснѣе окружая мѣдный подсвѣчникъ. Было тихо и холодно.

Вавила поднялся съ пола, сѣлъ на кровать, потирая грудь, и негромко спросилъ:

— Неужто — до смерти?

— Я тебѣ, песъ дикій, говорилъ: ее — бей, а его не тронь! — укоризненно сказалъ Четыхеръ.

— Никого я не билъ! — проворчалъ Вавила.

Не спуская съ него глазъ, дворникъ нагнулся, пощупалъ тѣло Симы и сказалъ, выпрямляясь:

— Не дышитъ, будто? Водой бы его, что ли? — и, разводя руками, продолжалъ удивленно: — Ну и дуракъ ты, собака! Какого парня, а? Середь васъ, шалыгановъ, одинъ онъ былъ Богу угодный! Связать тебя!

Упираясь руками въ кровать, Бурмистровъ сидѣлъ и молчалъ. Дворникъ подвинулся къ нему, взялъ со стола свѣчу, освѣтилъ лицо, увидалъ на лбу его крупныя капли пота, остановившіеся глаза и нижнюю челюсть, дрожавшую мелкою дрожью.

— Что̀, дуракъ, боишься? — спросилъ онъ, ставя свѣчу на столъ. — Еще съ ума сойдешь — хорошо будетъ!

Онъ прислушался — въ домѣ стояла плотная, непоколебимая тишина, съ улицы не доносилось ни звука. Потомъ онъ долго и молча стоялъ среди комнаты, сунувъ руки въ карманы и глядя исподлобья на Бурмистрова,—тотъ сидѣлъ неподвижно, согнувъ спину и опустя голову.

На лѣстницѣ раздались тихіе шаги — кто-то шелъ во тьмѣ и сопѣлъ.

— Это кто?

— Я, — тихо отвѣтилъ голосъ Паши.

— Ну?

— Нѣту полицейскихъ!

— Въ городъ надобно бѣжать.

— Пошли.

— А доктора?

— Позовутъ.

— Ну, ладно!

Черезъ нѣсколько минутъ Паша тихонько сказала:

— Куда мнѣ дѣваться, дядя Кузьма? Мнѣ боязно!

— Сядь на лѣстницу и сиди! Я — тутъ!

— Съ кѣмъ ты говоришь? — вдругъ тихонько спросилъ Бурмистровъ.

— А тебѣ какое дѣло?

— Ты бы со мной поговорилъ...

— Больно нужно! — проворчалъ Четыхеръ, но тотчасъ же строго спросилъ: — Пошто человѣка убилъ?

— А я знаю? — какъ сквозь сонъ отвѣтилъ Вавила. — Нечаянно это! Такъ ужъ — попалъ онъ подъ колесо, ну, и... Что̀ мнѣ — онъ? Ты вѣрно говорилъ — ее надо бы...

— Ага-а! — протянулъ Четыхеръ. — Ну, убивать я не совѣтовалъ — врешь! Побей—сказалъ, а больше ничего.

Бурмистровъ завозился на постели, тяжко вздыхая, и тихо предложилъ:

— Ты бы вынесъ его за дверь?

— Какъ же! Ишь ты! — сурово и торопливо воскликнулъ Четыхеръ. — Развѣ это можно трогать до полиціи?

— Шла бы эта полиція, что ли, ужъ...

— Что̀, мучитъ совѣсть-то?

— Нѣтъ!—не сразу отвѣтилъ Бурмистровъ,—а такъ какъ-то... ѣдь вѣрно, онъ былъ не вредный человѣкъ...

Четыхеръ сѣлъ на полъ у порога и, выглянувъ за дверь, просилъ:

— Спишь?

— Нѣту! — отвѣтила Паша.

— А ты спи! Курица!

Огонь свѣчи затрещалъ, задрожалъ и погасъ.

— Ну, вотъ тебѣ еще, чортъ-те, — проворчалъ Четыхеръ.

Вавила сѣлъ на постели, подобравъ подъ себя ноги, скрестилъ руки на груди, а пальцами вцѣпился въ плечи свои. нъ чувствовалъ дрожь во всемъ тѣлѣ, стучалъ зубами и окряхтывалъ.

— Затворить бы дверь...

— Чего? — спросилъ Четыхеръ и, не получивъ отвѣта, грюмо молвилъ: — Ты, гляди, не вздумай бѣжать, али что! ы сиди смирно!

— Безсмысленный человѣкъ — куда я побѣгу? Хошь — амъ пойду въ полицію?

— Ладно! Сиди, знай...

— Ты думаешь — радъ я, что все это случилось? — бормоалъ Вавила, видимо боясь молчанія. — Зачѣмъ Глашка сдѣала это?

— Озорники вы тутъ всѣ!

— Погубилъ я свою жизнь!

Четыхеръ спокойно отозвался:

— А ты думаешь что? Конечно, погубилъ!

Снова оба замолчали. Тьма линяла за дверью, въ коридорѣ уже смѣнилъ сѣроватый сумракъ.

Нехотя, но громко заскрипѣли ступени — кто-то медленно однимался по лѣстницѣ.

— Это кто? — спросилъ Четыхеръ.

— Охотникъ! — тихо отвѣтила Паша.

Въ двери надъ головой Четыхера вспыхнуло пламя спички, свѣтивъ кривое лицо Артюшки Пистолета — дворникъ тяжело риподнялся на ноги и сказалъ съ удовольствіемъ:

— Во-онъ какъ, ружье принесъ...

— Я въ лѣсъ шелъ, — громко объяснилъ Артюшка, — Матрена Пушкарева кричитъ — иди къ намъ! Гдѣ Вавила?

— Я тутъ! — отозвался Бурмистровъ скучнымъ гоосомъ.

— Что, братъ?

Вавила заворочался, раздраженно говоря:

— Кузьма, къ чему тутъ темнота? Огня надобно!

Въ порѣдѣвшей тьмѣ было видно, какъ онъ взмахивает руками, стоя на колѣняхъ посрединѣ кровати.

— Вотъ, Артюша, достигла меня судьба, черезъ бабу д стигла, какъ и слѣдовало...

— Замололъ! — презрительно воскликнулъ Четыхеръ. — Пашуха, подь-ка и впрямь, тащи огня! — И дѣловито об ъяснилъ Артюшкѣ: — Однимъ-то намъ и при огнѣ боязн было бы...

А Бурмистровъ продолжалъ, обиженно и поспѣшно:

— Я вѣдь зналъ, что просто съ ней не кончишь — так оно и вышло! А ужъ Семенъ, онъ-то, ей-Богу, не знаю как попалъ, онъ совсѣмъ посторонній! Это правильно сказал Кузьма — надо было Глашку убить!

— Ничего я не сказалъ! — грубо прикрикнулъ Четыхер подвигаясь къ нему.

— А у воротъ?

— Кто слышалъ? Гдѣ свидѣтели?

— Я слышалъ! Нѣ-ѣтъ, ты погоди!..

— Эка, повѣрятъ тебѣ!

Они оба начали злиться и взвизгивать — но тутъ вмѣшалс Пистолетъ. Спокойно и вѣско, своимъ высокимъ, чистым голосомъ онъ заговорилъ:

— Брось, Вавила! Виноватъ, ну и виноватъ, и конецъ дѣлу Какая тамъ судьба и баба? И никто ничему не училъ теб ты зря людей не путай въ свои дѣла. Тебѣ, самъ знаеш все равно мѣста тутъ не было и привязки не было ни к чему, ну, а бабу эту — ты такъ выдумалъ, для форсу...

Неслышно явилась Паша, сунула въ дверь руку съ за жженной лампой—Четыхеръ принялъ лампу, поднялъ ее над головой и освѣтилъ поочередно Бурмистрова на постели, с прижатыми къ груди руками и встрепанной головой, изл манное тѣло Симы на полу, а около печи Артюшку. Он стоялъ, положивъ ладони на дуло ружья, и лицо его улыба лось кривой безсмѣнной улыбкой.

— Видно, не споемъ мы съ тобой никогда больше?—вопро сительно молвилъ Бурмистровъ, глядя на товарища жадным глазами.

Артюшка сплюнулъ сквозь зубы и, видимо желая утѣшит его, продолжалъ, задумчиво и устало, какъ человѣкъ, при шедшій откуда-то издалека.

— Ты молчи! Что тамъ? Конечно, Симу жаль, однако— какая его жизнь была? Душа-то его, поди-ка, спасибо поет что освободили ее...

— Да!—сказалъ Четыхеръ.—Озорники вы всѣ тут

— И тебя жаль,—однотонно говорилъ Пистолетъ, не глядя а Бурмистрова.—Ну, особо худого нѣтъ и для тебя! кабы мѣниться можно, я бы за тебя пошелъ въ Сибирь, право, его же? Тамъ охота дѣйствительно что серьезная, а здѣсь олько дробь-порохъ зря тратишь! Людей тамъ тоже, слышь, емного, а это чего ужъ лучше!

— Вѣрно!—позѣвывая, сказалъ Четыхеръ.

— Други вы мои, эхъ!—тихо воскликнулъ Бурмистровъ.— Жалко мнѣ себя все-таки. Судить будутъ... и всѣ эти церемоніи! Ужъ гнали бы прямо!

Снова, не торопясь, потекла утѣшительная рѣчь Пистолета:

— Ты же церемоніи любишь. Плохо тутъ жить — вотъ о емъ думай. Вѣрно вѣдь Сима-то сочинилъ: „жить намъ—некота". Ну, конечно, всякій старается выдумать себѣ чтоибудь—на этомъ и шабашитъ!

— Чисто онъ стихи сочинялъ, — вспоминалъ Четыхеръ, глядя на трупъ, и незамѣтно перекрестилъ себѣ грудь.

— Сочинишь, въ такомъ мѣстѣ болтаясь!—странно двигая зувѣченной щекой, сказалъ Артюшка и вздохнулъ.—Мнѣ вотъ адцать семь лѣтъ, а тоже иной разъ такое въ голову лѣтъ—бѣда! Даже боязно! Я оттого, правду сказать, и живу ъ сторонкѣ отъ людей, одинъ, что опасаюсь часто, какъ бы его не сдѣлать...

— Да-а!—согласился Четыхеръ.—Сидишь-сидишь у воротъ чью-то, да вдругъ и подумаешь—ахъ, вы, чтобъ васъ громъ побило!

Онъ держалъ лампу въ рукахъ и вертѣлъ винекъ, то еньшая, то увеличивая огонь; это вызывало странные приливы и отливы сѣрыхъ тѣней на стѣнахъ, на потолкѣ, на полу.

— Что вы—словно панихиду поете?—уныло пробормоталъ урмистровъ.

Артюшка, глядя на Четыхера виновато, точно Сима, улыбался и все говорилъ:

— А то иной разъ самъ себѣ старикомъ покажешься, ругъ словно сто лѣтъ прожилъ и все знаешь, что и завтра детъ и черезъ годъ, право.

— Въ городѣ, слышь, чего-то шумятъ? — задумчиво молилъ Четыхеръ.

— Н-да, шумятъ, былъ я тамъ вчера и третьяго-дни: кричитъ всѣ, а что такое? И Вавила кричалъ—свобода, дескать, адобна и чтобы каждый самъ за себя. Это—есть! Этого—олько хочешь! Только мнѣ никуда такая свобода. Я драться е хочу — за что мнѣ драться? Мой интересъ, чтобы тихо ало, это я люблю...

Онъ кивнулъ головою на трупъ.

— Это, что ли, свобода? Нѣтъ. Чего дѣлать будемъ свободой? Вотъ гдѣ гвоздь. Павлуха Стрѣльцовъ—онъ радъ,- заведу, говоритъ, себѣ разные пачпорта и буду одинъ м сяцъ по дворянскому пачпорту жить, другой по купеческом

— Онъ тоже въ родѣ Семена, покойника, — сказалъ Чет херъ.

Пистолетъ подумалъ и согласился:

— Похожъ, пожалуй!

А Бурмистровъ поднялъ голову, поглядѣлъ на нихъ и ме ленно выговорилъ:

— Все это такъ, Артюша...

— Ничего ты не понимаешь, — лѣниво и спокойно зам тилъ Артюшка.

Вавила кивнулъ головой и повторилъ:

— Все это вѣрно, братцы!..

Всѣ трое замолчали.

Снова по лѣстницѣ кто-то осторожно поднимался. Пист летъ поднялъ голову и нюхнулъ воздухъ.

— Кузьма!—тихо позвала Розка.

— Эй?

— Нейдетъ полиція.

— Ну?

— Не идутъ.

— Какъ же?

— Я не знаю.

— Не идетъ — не надо! — сказалъ Бурмистровъ строго обиженно.—Я и самъ до нея дойду.

— Полиція обязана прійти, коли убійство сдѣлано! — н хмурившись, заявилъ Четыхеръ.—Я порядки знаю — въ и жарной командѣ служилъ...

— Что это вы съ огнемъ? — удивленно спросила Розк заглядывая въ дверь.—Вѣдь свѣтло ужъ!

Четыхеръ недовѣрчиво посмотрѣлъ на нее, погасилъ лам желтый свѣтъ смѣнился кисейно-сѣрымъ утромъ.

— И вѣрно, что свѣтло, — сказалъ Четыхеръ, помялся тяжко отдуваясь, предложилъ:—надобно итти, Вавила, нече тутъ!

— Идемъ!—не двигаясь, согласился Бурмистровъ.

— Ты дай-ка, я тебѣ руки свяжу!—предложилъ дворник распоясываясь.

Вавила всталъ съ постели, не глядя, перешагнулъ чере трупъ, подошелъ къ дворнику и, повернувшись спиной к нему, заложилъ руки назадъ. Но Четыхеръ снова запахнул

полушубокъ, крѣпко подтянувъ животъ кушакомъ; лицо у него перекосилось, онъ почмокалъ губами.

— Ну, инъ не надо! И такъ не убѣжишь.

— Не убѣжитъ,—тихо подтвердилъ Пистолетъ.

— Не убѣгу! — сказалъ Бурмистровъ. — Только бы ее не встрѣтить!

— Гдѣ тамъ?—ворчалъ дворникъ.—Она, чай, куда-нибудь въ погребъ забилась, дрожитъ. Ну, айда!

Сходя съ лѣстницы, онъ сопѣлъ, сморкался и говорилъ, вздыхая:

— И Семена жалко — покой его Богъ! и тебя, дурака, жалко! Эхъ, ты, курина вошь!

Сверху лѣстницы раздался громкій и тревожный шопотъ:

— Дяденька Кузьма!

Наклонясь надъ перилами, Паша показывала руками, как завязываютъ узлы.

— Ну, ладно, курица!—отмахнулся отъ нея Четыхеръ.

А на улицѣ сказалъ своему арестанту, усмѣхаясь:

— Пашка-то, курицына дочь, требуетъ, чтобы я тебя связалъ!

— Что̀ я ей сдѣлалъ худого?—глухо спросилъ Вавила.— Пальцемъ никогда не тронулъ.

— Это она не противъ тебя, она за меня боится!—объяснилъ Четыхеръ самодовольно и, обратясь къ Артюшкѣ, добавилъ:—Та же дите! Безъ помощи, безъ разума живетъ. Сирота. Ей бы въ монастырѣ жить надобно, а она—вонъ гдѣ!

— Кто знаетъ, кому что̀ надо?—усомнился Пистолетъ.

Онъ шелъ рядомъ съ Вавилой, но не смотрѣлъ на него. Ружье держалъ подъ мышкой внизъ дуломъ, руки въ карманахъ потертой, короткой куртки изъ толстаго синяго драпа. На головѣ былъ кожаный картузъ съ большимъ козырькомъ, который закрывалъ глаза и бросалъ на лицо темную тѣнь, а на ногахъ—суконныя онучи и лапти.

Долго шли молча, только подъ ногами похрустывалъ, ломаясь, тонкій утренній ледокъ. Было холодно. Стекла маленькихъ оконъ смотрѣли на улицу мутно и сонно—слобода еще спала.

— Ну, — сказалъ Пистолетъ, остановясь, — дальше я не пойду съ вами. Мнѣ—въ лѣсъ. Я вѣдь зашелъ такъ только... посмотрѣть—можетъ, невѣрно? Оказалось—вполнѣ вѣрно! Значитъ—прощай, что ли, Вавила?

Бурмистровъ, вопросительно глядя на него, протянулъ руку— Артюшка взялъ ее, дернулъ вправо, влѣво и, круто повернувшись, пошелъ прочь, не оглядываясь.

Бурмистровъ исподлобья проводилъ его долгимъ взглядомъ потомъ, оглянувшись, шагнулъ съ тротуара на середину улицы.

— Куда?—крикнулъ на него Четыхеръ, какъ пастухъ на барана.

— Видишь, куда!—сердито отвѣтилъ Вавила.

— Совсѣмъ какъ арестантъ желаешь?—миролюбиво сказалъ Четыхеръ, помолчавъ. — Осудился, стало-быть, передъ собой-то?

Бурмистровъ, пошатываясь, шагалъ вдоль улицы. Иногда нога его, проламывая слой льда, тонула въ грязи, но онъ шелъ прямо, не обходя лужъ, затянутыхъ тусклою сѣрою пленкою.

Когда они вошли на мостъ, съ горы на нихъ взглянулъ рядъ пестрыхъ домовъ—окна ихъ были прикрыты ставнями, и казалось, что лучшая улица города испуганно зажмурила глаза.

Потомъ ихъ обогнала собака; не спѣша, поджавъ хвостъ, она пошла впереди, встряхивая шерстью и качаясь на кривыхъ ногахъ.

— Уть ты!—сказалъ ей Вавила, негромко и беззлобно.

Она посмотрѣла на него однимъ глазомъ, точно Тіуновъ, остановилась и, подумавъ секунду, воровской тихой походкой пошла куда-то въ сторону, еще туже поджавъ хвостъ.

Въ перебой пѣли кочета, встрѣчая осеннее утро.

* * *

Выскочивъ изъ комнаты, Лодка молча нырнула внизъ, быстро выбѣжала на дворъ, но по двору пошла осторожно, боясь ушибить или уколоть во тьмѣ босыя ноги. Сырая ночь холодно коснулась ея груди и плечъ; протянувъ руку впередъ, Лодка подвигалась къ воротамъ и уже хотѣла позвать Четыхера, какъ вдругъ ее остановила ясно вспыхнувшая мысль:

— Нехорошо какъ, что Симка, а не другой кто! Смѣяться будутъ надо мной изъ-за него,—ахъ, ужъ и будутъ!

Хлопнула калитка, по землѣ зашаркали тяжелые шаги.

— Это вы, Кузьма Петровичъ?

— Ага-а, сбѣжала!—насмѣшливо отозвался Четыхеръ, подвигаясь къ ней.

— Идите скорѣе—онъ тамъ убьетъ Симу-то. Зачѣмъ вы его пустили?

Четыхеръ вдругъ схватилъ ее за рубаху и потащилъ куда-то, глухо выкрикивая:

— А чтобы онъ тебя отхлесталъ хорошенько, вотъ зачѣмъ! Какъ ты Пашку...

Но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ ударить ее, Лодка вырвалась изъ его рукъ, отскочила въ сторону, взвизгнувъ:

— Фелицата Назаровна!

— Ладно!—тихо сказалъ Четыхеръ, исчезая.—Я тебя достигну!

Въ домѣ хлопали дверями, былъ слышенъ тревожный голосъ хозяйки, и точно кто-то плясалъ, дробно стуча ногами по полу.

Женщина, вздрагивая отъ холода, придерживая руками изорванную рубаху и спадавшую юбку, тихонько двигалась къ крыльцу, въ груди у нея разгоралась обида, смѣняя испугъ.

„Надо уйти, поскорѣе уйти",—торопила она себя, прислушиваясь. Жуткое желаніе знать, что случилось наверху, остановило ее у лѣстницы, а сверху уже прыгала Розка, вскрикивая:

— Ай-ай! Господи!

И ее догонялъ плачущій голосъ хозяйки:

— Скорѣе, голубушка, доктора! А ты, Паша, за полиціей скорѣй!

Лодка безшумно скользнула въ уголъ коридора, подождавъ, когда подруги выбѣжали на дворъ, прошла въ комнату Фелицаты, сбросила тамъ изорванное бѣлье и на минуту неподвижно замерла, точно готовясь прыгнуть куда-то.

— Надо уйти!

Увидала въ зеркалѣ свое отраженіе и, вздрогнувъ, начала поспѣшно одѣваться въ платье хозяйки, небрежно разбросанное по комнатѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ она шла по улицѣ слободы, рѣшивъ спрятаться у Серафимы Пушкаревой, шла—и въ головѣ у нея вспыхивали одна за другой обидныя и протестующія мысли о томъ, что вотъ нужно прятаться отъ Вавилы, что Четыхеръ можетъ разрывать на ней одежду и грозить побоями ей, что надъ ней будутъ смѣяться изъ-за связи съ Дѣвушкинымъ.

— Ахъ, Господи!—мысленно восклицала она.—Я не слуга вамъ нанятая! Я — ничья, свободная женщина. Что это такое? Какъ вы смѣете? Я могу любить и попа и чорта—это мое дѣло! Я—хочу, я и плачу! да! Мнѣ платить—мнѣ и плакать, и страдать—все мнѣ! Ступайте прочь!

Мелькомъ, между мыслями о себѣ, она подумала и о томъ, что Вавила, при его силѣ, могъ серьезно ушибить Симу. Это заставило ее пойти медленнѣе, она плотнѣе закуталась теплою

шалью и еще яснѣе почувствовала, что впереди ее ждетъ множество непріятностей и огорченій, и некуда отъ нихъ скрыться.

— О, Господи! Богородица Дѣва...

Не замѣтивъ, она миновала проулокъ, гдѣ жили Пушкаревы, остановилась у чьихъ-то воротъ, послушала, какъ робко и жалобно стелется по воздуху сторожевой колокольный звонъ въ городѣ, у Николы.

Темными буграми стояли дома слободы; между ними по улицѣ упрямо и ровно бѣжалъ сырой потокъ вѣтра, со стороны болотъ; гдѣ-то шуршали вѣтки деревьевъ о стѣну или крышу, и негромко, должно-быть, во снѣ, тявкала собака.

— Пойду лучше въ городъ, къ Зиновеѣ. А то къ этому, къ свиньѣ,—вдругъ рѣшила Лодка, чувствуя что-то боевое и смѣлое.

Она быстро направилась къ мосту, и ей уже казалось, что это самое умное—пойти ночевать къ Жукову: онъ не однажды приглашалъ ее къ себѣ, къ нему не посмѣетъ прійти Вавила, и полиція — въ случаѣ чего — постѣснится безпокоить ночью важнаго человѣка.

— Только ночевать!—зачѣмъ-то напомнила себѣ она, зябко вздрагивая.

Но, подвигаясь впередъ, противъ вѣтра, она вспоминала инспектора, его жалкое, безпомощное тѣло, склонность всегда чего-то пугаться, грубость, за которой, она знала, скрывается отсутствіе характера, вспоминала всѣ его дрянныя противныя привычки и брезгливо ежилась, но въ то же время въ ней росло и крѣпло какое-то новое, еще неясное рѣшеніе, заставляя ее добродушно-лукаво улыбаться.

Подойдя къ крыльцу дома, она сильной рукой дернула за ручку звонка и, когда изъ-за двери сиплый старушечій голосъ тревожно спросилъ—„кто это? кого надо?“—Лодка отвѣтила громко и властно:

— Евсея Ліодоровича надо видѣть!

Старуха начала разспрашивать, кто и зачѣмъ такъ поздно пришелъ,—Лодка отвѣчала ей сурово и сердито топала ногами.

— Ужъ извините! — отворивъ дверь и кланяясь, сказала старуха.—Ночью-то депеши только носятъ. А теперь—вонъ что̀ идетъ и осторожность нужна.

— Ну, молчи, корга!—отвѣтила гостья

Жуковъ встрѣтилъ Лодку въ прихожей, со свѣчой въ рукѣ; на плечахъ у него висѣло ватное пальто, въ зубахъ торчала, дымясь, толстая папироса. Онъ радостно таращилъ глаза и говорилъ, растягивая слова:

— Это—комплиментъ! Какъ ты надумала? И разодѣта—ну-у-у!

— Соскучилась!—бойко сказала женщина, окидывая хозяина и комнату дѣловымъ взглядомъ.

— Ну, иди, иди сюда! Петровна, самоваръ, живо!

Взявъ Лодку за руку, онъ велъ ее по комнатамъ, сгребая ногами половики и путаясь въ нихъ, а она облизывала губы, осматривалась и дышала какъ-то особенно ровно, глубоко.

— Садись вотъ на диванъ! А я лампу зажгу. Да-а, хорошо, что ты пришла, чортъ! Понимаешь—больше недѣли сижу, какъ сычъ въ дуплѣ; скучища зеленая, хоть вой! А, чортъ, палецъ ожегъ!

Онъ никогда не говорилъ такъ много, и Лодка смотрѣла на него съ удивленіемъ, въ немъ чувствовалось что-то новое, неровное, а старое и знакомое какъ будто выпало изъ него. Всегда грубый, подозрительный и недовѣрчиво ухмылявшійся, сегодня онъ былъ не похожъ на себя, мягокъ, говорилъ тихо и со страннымъ вниманіемъ поглядывалъ на окна.

— Что на улицахъ—тихо?

— Тихо. Ночь вѣдь.

— Н-да! Это ничего, ночь! Теперь какіе-то такіе дни пришли короткіе, что шумъ не убирается въ нихъ и остается на ночь. Вчера, ужъ около полуночи, вдругъ—въ окна стучать начали, да, да! Сначала въ одно, потомъ въ другое. Я лежу и думаю—а вдругъ влѣзутъ, чортъ ихъ возьми!

Лампа у него гасла, когда онъ вставлялъ стекло въ горѣлку, но это не раздражало его — все тише, словно извиняясь въ чемъ-то, онъ разсказывалъ:

— Выйдешь на улицу—вездѣ какія-то нахальныя рожи! Всѣ кричатъ, смотрятъ октябремъ, — да вѣдь теперь и есть октябрь! Нехорошо все!

Онъ зажегъ лампу, вытеръ запачканныя руки о полы пальто и пошелъ куда-то въ уголъ, съ трудомъ двигая тяжелыя ноги, въ ночномъ бѣльѣ и большихъ войлочныхъ туфляхъ.

— Эти маленькіе городишки—точно мышеловки, ей-Богу!—тихо говорилъ онъ.—Попадетъ въ такой городъ человѣкъ и—капутъ ему! И капутъ!

Въ комнатѣ пахло ромомъ, табакомъ и прокислыми огурцами. Всѣ вещи казались сдвинутыми съ мѣста, и даже бѣлая изразцовая печь съ лежанкой тоже любопытно высунулась на середину комнаты и осматривала ее блестящимъ желтымъ глазомъ отдушника.

— Ты смотришь, гдѣ кровать?—говорилъ Жуковъ, стоя въ углу передъ шкапомъ и звеня стекломъ стакановъ.—Кро-

вать рядомъ. Я сплю здѣсь, на диванѣ. Кровать у меня хорошая, двуспальная...

— Вы что тамъ дѣлаете?—спросила Лодка, подходя къ нему.—Нужно на столъ собрать? Дайте сюда—что это?

— Это? Погоди—кажется, ромъ, а можетъ-быть, коньякъ. Сейчасъ попробую. Старуха бьетъ бутылки, переливаетъ изъ двухъ въ одну...

Вытащивъ пробку, онъ поднесъ бутылку ко рту—женщина отняла вино.

Послѣ попробуете!

О?

Послѣ. Сначала соберемъ все, какъ слѣдуетъ, благородно на столъ, потомъ сядемъ, будто мужъ и жена.

Приставивъ ко лбу ладонь, онъ смотрѣлъ на нее изъ-подъ козырька и неопредѣленно говорилъ:

— Какъ ты однако,—что это ты?

— Ничего! — увѣренно и ласково сказала Лодка.—Просто посѣтила васъ гостья, молодая женщина, а вы—прицѣливаетесь, какъ бы сразу напиться...

Жуковъ засмѣялся неожиданно-громко.

— Женщина! — кричалъ онъ сквозь смѣхъ. — Да, чортъ, ты—женщина!

Собирая на столъ чайную посуду и бутылки, она ощупывала глазами всѣ углы, мимоходомъ постучала пальцами по чернильницѣ изъ какого-то бѣлаго металла, стоявшей на конторкѣ, незамѣтно взвѣсила на рукѣ чайныя ложки и время отъ времени неодобрительно качала головой.

Жуковъ сидѣлъ на диванѣ, слѣдилъ за ней, жмуря глаза, поглаживая усы и чмокая толстыми губами.

— Нехорошо у васъ!—строго замѣтила Лодка.

— Нехорошо,—не то соглашаясь, не то спрашивая, повторилъ податной инспекторъ.

— Хламъ вездѣ, пыль, не прибрано—ай-ай!

— Это все старуха, это ужъ она.

— А еще образованный вы! — корила его Лодка. — Развѣ образованный человѣкъ долженъ въ такомъ безпорядкѣ жить?

Жуковъ сморщилъ лобъ и попросилъ:

— Бро-ось! Я, право, радъ, что ты пришла! Все-таки—не одинъ. Собираюсь кота завести—нѣтъ нигдѣ хорошаго кота!

Она сѣла рядомъ съ нимъ и, когда онъ обнялъ ее, сказала, хмуро разглядывая его лицо:

— Что это ужъ какъ вы старѣете, батюшки?

— Скучно, Глаша!

— Смотрите-ка, мѣшки-то какіе сдѣлались подъ глазами!

— Перестань ты! Это ничего, мѣшки. Я тутъ пилъ не множко, вотъ они и сдѣлались. Да! Я вотъ все думаю: какъ дешевъ человѣкъ въ Россіи! И какъ не нуженъ никому, сй-Богу!

Сокрушенно и задумчиво качая головой, Лодка перебила его рѣчь:

— Ахъ, Евсей Ліодоровичъ, Евсей Ліодоровичъ! Не могу я забыть, какъ вы тогда упали и какъ испугались! Вѣдь вы это помереть испугались?

Жуковъ дернулся всѣмъ тѣломъ, заглушенно крикнувъ:

— Ты что̀? Чего тебѣ?

— Мнѣ? Ничего! — удивилась она, ласково гладя его отекшее лицо мягкой, теплой ладонью.

— Зачѣмъ ты ноешь? — проворчалъ онъ. — Пришла — и сиди,—сиди, этого, какъ это? Какъ слѣдуетъ, однимъ словомъ. А то—ступай, откуда пришла!

— Господи! Чай, вѣдь мнѣ жалко васъ, — не обижаясь, воскликнула женщина. — Вижу я, что здоровье у васъ все хуже да и хуже...

Онъ отрицательно замоталъ головой.

— Врешь!

— Отчего—вру?

— Не знаю. Никого, ничего не жалко тебѣ, врешь.

Онъ говорилъ твердо, и Лодка, смутясь, прикрыла глаза. Но инспекторъ, посмотрѣвъ на нее, смягчился.

— Мнѣ, братъ, и безъ тебя скучно,—то-есть, если, конечно, ты веселая, такъ не скучно, а такъ...

И вдругъ замолчалъ, помигалъ глазами и сталъ смѣяться хлипкимъ смѣхомъ:

— Разучился говорить, чортъ ее возьми совсѣмъ...

Старуха внесла самоваръ, посмотрѣвъ на гостью круглыми и черными, какъ у мыши, глазами, исчезла, сердито фыркая и толкая колѣнями мебель по дорогѣ.

— Ну, давай, что ли, чай пить? — хрипѣлъ Жуковъ. — Н-да-а! Игралъ на віолончели, — такая большая скрипка,— тоже разучился. Жена, бывало, очень любила слушать,—жена у меня хорошая была!

— Значитъ—не вѣрите вы мнѣ?—спросила женщина, усаживаясь за столъ.

Онъ налилъ въ стаканы вино, молча усмѣхнулся дряблой усмѣшкой и сказалъ:

— Пей!

— Что̀ же невѣрнаго въ томъ, что я васъ жалѣть могу?— настаивала Лодка.—Вотъ, вижу, человѣкъ одинокій, больной, и смерть отъ васъ не за горами—вѣдь такъ?

Податной инспекторъ шумно поставилъ пустой стаканъ на столъ, схватился рукой за спинку стула, глаза его страшно выкатились, лицо посинѣло.

— Т-ты!—крикнулъ онъ придушеннымъ злостью голосомъ и брызгая слюной.—Ты,—ты зачѣмъ? Ты кто?

Она не испугалась. Пила вино маленькими глотками, облизывала губы и, покачиваясь, смотрѣла въ лицо Жукова ласково и нагло.

— Ш-ш! Вы не бойтесь, не сердитесь, лучше послушайте, пока трезвый...

— Не хочу! Не смѣй!

— Да что это, какой...

Онъ еще нѣсколько разъ грубо крикнулъ на нее, но Лодка ясно видѣла безпомощность этой груды испорченнаго мяса и, чувствуя, какъ оно наливается страхомъ передъ нею, становилась все болѣе спокойной, дѣловитой и ласковой.

— Я давно про васъ думаю, Евсей Ліодоровичъ,—слащаво и немножко въ носъ говорила она.—О болѣзняхъ вашихъ, одинокомъ вашемъ житьѣ и какъ вы скоро старѣете...

— Перестань, говорю.

Онъ хотѣлъ сказать строго, но сказалъ устало, сморщился, тяжело вздохнулъ и выпилъ еще стаканъ.

— Родныхъ у васъ нѣту...

— Врешь, есть!

— А кто?

— Племянникъ есть.

— Гдѣ?—подозрительно спросила Лодка.

— Въ Казани. Студентъ. Что?

Жуковъ торжествующе захохоталъ, разваливаясь на стулѣ, и снова налилъ себѣ вина.

Но Лодка, сомнѣваясь, качала головой и, пытливо глядя въ глаза ему, сказала:

— Никогда вы ничего не говорили про студента!

— А все-таки есть! Да!

— Ужъ не знаю...

— Есть!

Онъ ударилъ ладонью по колѣну, побѣдоносно сопя и фыркая.

Лодка хмуро помолчала и вдругъ, освѣтясь изнутри какою-то новою веселою мыслью, начала тихонько смѣяться, прищуривъ глаза, сверкая мелкими зубами.

— Ага!—почему-то воскликнулъ Жуковъ.—Что?

— Ну, есть студентъ, хорошо! — заговорила она игриво и свободно.—Только—какая же польза въ студентѣ? Студентъ—

пе женщина! Какой отъ него уходъ, какая забота? Мѣшать еще будетъ вамъ молодой-то человѣкъ, стыдно вамъ будетъ передъ нимъ...

Она кокетливо покачнулась къ Жукову, а онъ опустилъ глаза, подобрался, съежился.

— Да еще и опасно ему жить здѣсь.

— Почему это?—пробормоталъ Жуковъ.

Лодка откинулась на спинку кресла и, положивъ руки на столъ, вдохновенно объяснила:

— А вотъ вы говорите, что сердится народъ—вотъ поэтому! Да, да,—что̀ вы такъ смотрите на меня? Въ окошки-то стучать къ вамъ, ага! Вѣдь на кого сердятся? На васъ, образованныхъ людей! Я знаю!

— Ты врешь!—тихо сказалъ Жуковъ, глядя на нее круглыми глазами. И, что-то вспомнивъ, онъ серьезно добавилъ, поднявъ палецъ:—Какъ ты смѣешь говорить это? Ты уважать должна меня! Ты — кто? Чортъ знаетъ кто!

— Я? — воскликнула Лодка. — Нѣтъ, ужъ извините! Я—я въ Бога вѣрую, я не похабница, я надъ Пресвятой Богородицей не смѣялась!

Въ груди ея вспыхнула холодная, но жгучая злость, и медленно, отыскивая наиболѣе вѣскія, грубыя слова, она начала бросать ими въ лицо Жукова.

— Нѣтъ ужъ, уважать васъ мнѣ не за что! Конечно, какъ вы ученый человѣкъ, то, конечно, вы сила. А кто смѣется надъ архангеломъ Гавріиломъ? Вы смѣетесь, ученые,—докторъ, Соля и вы. Не правда? И первые похабники тоже вы! Вѣдь если теперь выйти на базаръ и сказать людямъ, какіе вы книжки читаете — что̀ будетъ, Евсей Ліодоровичъ?

Жуковъ, тяжело ворочая шеей, смотрѣлъ на нее, оглядывался вокругъ и молчалъ. Передъ нимъ все задвигалось и поплыло въ полѣ зрѣнія: являлся шкапъ, набитый бумагами, чайной посудой и бутылками, письменный столъ, закиданный разорванными пакетами, конторка, диванъ, съ пледомъ и подушкой, и—два огромные глаза—темныя окна съ мертвыми стеклами. Онъ сбросилъ съ плечъ пальто и, мигая глазами, мутно соображалъ:

— Что̀ она говоритъ? Если бъ пришелъ этотъ, — Иванюковъ, вдвоемъ мы бы выгнали ее вонъ... А она тогда — на базаръ... тогда?..

Въ бѣлыхъ изразцахъ печи сверкалъ отдушникъ и тоже какъ будто кружился, бросая желтые лучи.

Женщина, вспоминая множество обидъ, нанесенныхъ ей этимъ человѣкомъ и другими, все говорила, чувствуя въ груди

неизсякаемый приливъ силы и безстрашія. Разлившееся по стулу жидкое тѣло съ каждой минутой словно все болѣе расплывалось, теряя очертанія человѣческой фигуры. Глаза Лодки стали свѣтлыми, и голосъ звенѣлъ все яснѣе.

— Есть тутъ благочестивая одна старушка, Зиновея. Если, потерявъ на время стыдъ, разсказать безъ утайки, что вы въ Благовѣщенье съ Нашей дѣлали...

— Брось! — попросилъ Жуковъ, съ усиліемъ протягивая ей стаканъ.—На, пей! Или ты ужъ пьяная?

— Ахъ, нѣтъ, извините, я не пьяная! — сказала Лодка, оттолкнувъ его руку и вставая изъ-за стола.

— Что тебѣ нужно?—въ десятый разъ спросилъ Жуковъ, тоскуя и чувствуя, что вино не пьянитъ его.

— Что нужно? Ничего мнѣ не нужно. А такъ, захотѣлось посчитаться. Зиновею всѣ знаютъ, ей всѣ повѣрятъ...

Подумавъ, она почти искренно прибавила:

— Право, жаль васъ! Такой ужъ вы несчастный! И умрете скоро къ тому же.

— Лодочка!—сложивъ руки, завылъ Жуковъ.—Ну, не надо, не говори больше, ну, я же...

— Упадете навзничь и—кончено!

Онъ протянулъ къ ней руку, хотѣлъ что-то сказать, но губы его вздрогнули, глаза закрылись, и изъ-подъ рѣсницъ потекли слезы.

Нѣсколько долгихъ секундъ она молча смотрѣла на него, потомъ подошла, взяла руки его, положила ихъ на бедра себѣ и, крѣпко схвативъ его за уши, запрокинула голову податнаго такъ, что красный кадыкъ его высунулся сквозь жиръ острымъ угломъ.

— Года ваши небольшіе еще,—раздѣльно говорила она,—сорокъ пять, чай? А ужъ какой вы некрасивый! А я—и въ слезахъ хороша!

— Ну, зачѣмъ, зачѣмъ ты это?—хрипя и задыхаясь, говорилъ онъ, вертя головой, чтобы освободить уши изъ ея рукъ.

Она сѣла на колѣни къ нему, Жуковъ глубоко вздохнулъ, прижался щекой къ ея груди и сталъ упрекать ее:

— Ф-фу, какъ нехорошо! Какая ты озорница! Ну—зачѣмъ? Пришла—спасибо! Я тебѣ—врагъ? И про все это, какъ мы шалили, зачѣмъ говорить?

А самъ дрожащими пальцами разстегивалъ ея платье и, касаясь горячаго, свѣжаго тѣла, чувствовалъ, какъ живая возбуждающая сила наполняетъ его грудь, уничтожая страхъ.

— Милая Глаша! Будемъ жить друзьями, право, а? Немножко друзьями? Ладно? Племянникъ—чепуха!

— Я знаю! — сказала она, выскальзывая изъ его рукъ. — Ну, ванцьки пора. Ужъ скоро, чай, свѣтать будетъ. Вставай!

Онъ поднялся, заискивающе ухмыляясь, и, кивая головой на дверь въ сосѣднюю комнату, заворчалъ, какъ старая, избитая собака:

— Тамъ, туда, хе-хе! Огонь возьми.

Въ спальнѣ, раздѣваясь, она спросила его:

— Старушка эта обкрадываетъ тебя, а?

— Хе-хе! — отвѣтилъ Жуковъ, вытирая мокрымъ полотенцемъ свои заплаканные глаза.

Лодка, голая, любовно гладила свое чистое тѣло ладонями и, качая красивою головою, брезгливо фыркала:

— Ухъ, какой безпорядокъ вездѣ, ну ужъ образованный! Пыль, грязь, ай-ай!

Инспекторъ смотрѣлъ на нее и жирно хихикалъ, потирая руки.

Онъ скоро заснулъ. Лодка повернулась, чтобы погасить свѣтъ — со стѣны на нее смотрѣлъ большой портретъ женщины: продолговатое сухое лицо, съ очками на носу и бородавкой у лѣвой ноздри.

„Какая уродская!“ — подумала Лодка, прикручивая фитиль.

Портретъ медленно утопалъ въ тьмѣ.

„Жена или мать? Навѣрное — жена“...

И погасивъ лампу, Лодка высунула языкъ портрету.

Сумракъ, пропитанный запахомъ лѣкарствъ, вина и мыла, облилъ стѣны, потолокъ, вещи и мертвенно застылъ, не становясь свѣтлѣе съ теченіемъ времени.

Подъ его сѣрою пеленою красное лицо Жукова потемнѣло, какъ у покойника, и еще болѣе опухло. Носъ инспектора храпѣвалъ, тонко посвистывая, жесткіе волосы рыжихъ усовъ запали въ ротъ и шевелились, колеблемые храпящимъ дыханіемъ, небритыя щеки ощетинились, нижняя губа отвалилась, обнаживъ крупные, лошадиные зубы. Вся голова Жукова напоминала уродливый огромный репей, глубоко вонзившійся въ подушку толстыми колючими усиками.

— О, Господи! Пресвятая Богородица, прости-помилуй! — мысленно сказала Лодка, охваченная тоскою и отвращеніемъ.

Потомъ, кутаясь въ одѣяло, подумала утомленно:

„А тотъ звѣренышъ навѣрное въ арестантской ночуетъ...“

И задремала, соображая:

„Старуху надо прогнать. Возьму Клавдейку Стрѣльцову. Она — хроменькая, она — нищенка...“

* * *

...Ей приснилось, что она стремглавъ бѣжитъ куда-то под гору, тора все круче, и все быстрѣе невольный бѣгъ Лодки; она не можетъ остановиться и громко кричитъ, чувствуя, что вотъ сейчасъ упадетъ, расшибется на смерть.

Обливаясь холоднымъ потомъ, открыла глаза — Жуковъ грубо и сильно трясъ ее за плечо.

— Ну, и дрыхнешь ты! Совсѣмъ мертвая.

— Отстань! Много ли я спала...—сердито сказала она, не видя его лица.

Инспекторъ, кашляя и харкая, упрямо говорилъ:

— Вставай, вставай! Скоро одиннадцать, люди могутъ прійти, знакомый зайдетъ, а тутъ — здравствуйте! — этакая гостья...

Она приподняла голову, посмотрѣла на него, медленно облизывая губы, — лицо Жукова показалось ей страшнымъ: было оно какое-то желтое и синее, а глаза, налитые кровью, казались двумя ранами. Полуодѣтый, онъ стоялъ у кровати, оскаливъ зубы, и тыкалъ въ ротъ себѣ зубной щеткой.

„Гонитъ?“—подумала женщина, вздрогнувъ.

— Заднимъ крыльцомъ пройди, а не черезъ парадное слышишь?

Лодка, закутавшись одѣяломъ, поднялась и сказала:

— Уйди...

Ей хотѣлось сказать какое-то другое слово, но горло сжала судорога обиды.

Инспекторъ, не торопясь, ушелъ въ сосѣднюю комнату, гдѣ было свѣтло, чисто прибрано и шумѣлъ самоваръ.

„Старушка очень довольна будетъ! — безсвязно думала женщина, одѣваясь.—Выгналъ...“

Ей казалось, что все ея тѣло ноетъ и жалуется, точно его избили во снѣ чѣмъ-то тяжелымъ и мягкимъ, не оставляющимъ иныхъ слѣдовъ, кромѣ тягостной и неукротимой боли въ груди.

„Выгналъ!—мысленно повторяла она.—Такъ!“

Руки у нея дрожали — взяла съ умывальника стаканъ, а онъ выскользнулъ изъ пальцевъ и упалъ на полъ, разбившись въ дребезги.

— Н-ну? — крикнулъ Жуковъ, появляясь въ двери. — Проснись!

„Точно кучеръ на лошадь! — подумала Лодка и стала собираться поспѣшнѣе. — Ладно! — мысленно угрожала она хозяину и недовѣрчиво оглядывалась.—Гонишь, гнилой песъ? Меня? Старушкѣ будетъ пріятно. Пусть! А стеколъ въ окнахъ — я тебя лишу. Да!“

Она закутала голову шалью, такъ, что остались незакры

тыми только злые глаза, вышла въ сосѣднюю комнату и тамъ сказала, не глядя на Жукова:

— Ну, прощайте, Евсей Ліодоровичъ...

Ухмыляясь, онъ протянулъ ей руку съ зеленой бумажкой; она осторожно вытянула деньги изъ толстыхъ пальцевъ.

— Благодарю васъ.

— Довольно?

— Хватитъ.

— Иди налѣво, черезъ кухню,—до свиданья!

У двери въ кухню она глубоко вздохнула, еще плотнѣе закутала лицо, отворила дверь и бросилась черезъ кухню, какъ сквозь огонь, выбѣжала на дворъ, на улицу и быстро пошла по тротуару, сжавъ зубы, сдерживая біеніе сердца.

Передъ нею неотступно плыло красное лицо съ оскаленными зубами, тряслись дряблыя щеки, утыканныя рыжимъ волосомъ.

„Сначала, — прищуривъ глаза, подумала она, — пойду я къ Зиновеѣ. Ужъ она прозвонитъ все, что ни скажешь, по всему городу! Да, ужъ она... Она вездѣ ходитъ. Подожди, голубчикъ, нѣ-ѣтъ, ты подожди!“

Мысленно бесѣдуя съ Жуковымъ, она шла твердо и увѣренно.

„Ужъ стеколъ я тебя, другъ, лишу...“

Ненадежная, выжидающая тишина таилась въ городѣ, только гдѣ-то на окраинѣ работалъ бондарь: мѣрно чередовались въ холодномъ воздухѣ три и два удара:

— Тум-тум-тумъ... Тум-тумъ...

* * *

Бурмистровъ валялся на нарахъ арестантской, тупо глядя въ стѣну, всю исчерченную непонятными узорами, замазанную грязью. Не первый разъ былъ онъ тутъ, не однажды его били въ этой конурѣ, и навѣрное въ грязи ея стѣнъ есть его кровь.

Онъ жилъ въ полусонномъ состояніи общей разслабленности и отупѣнія: думалось ему съ трудомъ, онъ никакъ не могъ построить мысли свои въ правильный рядъ, онѣ пересѣкали одна другую, заслоняли и вдругъ проваливались куда-то въ темную глубину души, гдѣ притаилась жадная тоска и откуда по всѣмъ жиламъ острою отравою растекалась злая горечь.

О Симѣ онъ почти не думалъ, но иногда въ памяти его вспыхивали прозрачные глаза юноши, онъ смотрѣлъ въ глубину ихъ съ жуткимъ любопытствомъ и смущенно убѣждалъ покойника:

— Чудакъ — туда же! Ну — гдѣ тебѣ? Я ли не человѣкъ противъ тебя?

И порою ему казалось, что все это дурной сонъ—не могъ юродивый парнишка занимать его, Вавилино, законное мѣсто на груди Лодки.

Но, вспоминая неутомимое тѣло Глафиры, пѣвучій носовой звукъ ея рѣчей и заглатывающій взглядъ синихъ пьяныхъ глазъ, онъ сжималъ кулаки, скрипѣлъ зубами и готовъ былъ ревѣть отъ обиды. Точно пила рѣзала ему грудь, онъ обливался пòтомъ отъ возбужденія, бродилъ по арестантской, шатаясь, какъ слѣпой, и скороговоркою, сквозь зубы, говорилъ:

— Не я ли тебя, сволочь, любилъ, а? Кто, кромѣ тебя, дорогъ былъ мнѣ, окаянная душа?

Ему казалось, что такъ оно и было: онъ любилъ Глафиру честно и крѣпко, и вся жизнь его, всѣ дни были полны этой любовью. Ради нея онъ торчалъ въ городѣ, ничего не желая, не ища лучшей доли, для нея онъ укрѣплялъ за собою всячески, чѣмъ можно, славу перваго смѣльчака и бойца слободы.

Ему нравилось видѣть себя въ такой позѣ, и онъ ожесточенно повторялъ:

— Всю жизнь ради тебя! Ну, хорошо! Погоди!

И снова еще сильнѣе раздувалъ самъ себя, точно мячъ, чтобы, ударившись о настоящее, подпрыгнуть надъ нимъ.

Уставалъ отъ этихъ усилій и вдругъ, безпомощно оглянувъ комнату, чувствовалъ себя загнанною лошадью въ грязномъ стойлѣ.

„Всѣ меня забыли, никто не приходитъ,—думалъ онъ, стоя передъ желѣзной рѣшеткой окна.—Схлестнулся со своей судьбой...“

Изъ окна виденъ былъ дворъ полицейскаго правленія, убранный истоптанною желтою травою, среди двора стояли, поднявъ оглобли къ небу, пожарныя телѣги съ бочками и лѣстницами. Въ открытыхъ дверяхъ конюшенъ покачивали головами лошади. Одна изъ нихъ, сѣрая и костлявая, все время вздергивала губу вверхъ, точно усмѣхалась своимъ мыслямъ усталой усмѣшкой. Надъ глазами у нея были глубокія ямы, на лѣвой передней ногѣ—черный бинтъ, и было въ ней что-то вдовье, что-то лицемѣрное.

Надъ дверью сѣновала, для отвода болѣзней отъ лошадей, былъ прибитъ гвоздями скелетъ птицы, на конькѣ крыши торчалъ чисто вымытый дождями рогатый черепъ козла, выше него неустанно качались голыя вершины деревьевъ.

Люди по двору ходили озабоченно и угрюмо, на лошадей кричали негромко, видно было, что всѣ торопились куда-то.

Вавила открывалъ форточку—въ камеру вливались крѣпкіе запахи навоза, дегтя, кожи, и отовсюду изъ города доносился

страшный гулъ, точно кто-то разорилъ всѣ вороньи гнѣзда въ садахъ, или гдѣ-то далеко летитъ птичья свадьба.

„Шумятъ!“—завистливо думалъ Бурмистровъ и тяжко вздыхалъ, вспоминая себя среди толпы людей. Каждый разъ, когда онъ вспоминалъ это событіе, оно выступало передъ нимъ все болѣе значительно, красиво и манило его снова къ людямъ, въ шумъ и суету.

Онъ плевалъ въ стѣну голодной горячей слюной и, снова вспоминая Лодку, мысленно грозился:

„Ладно, собака!“

Вспоминалъ Тіунова, хмурился, думая:

„Чай, съ утра до вечера нижетъ слово за словомъ, кривой чортъ! Опутываетъ людей-то... Погоди и ты...“

Но мысль о Симѣ, о судѣ, о Сибири сваливала его на нары, и онъ снова погружался въ оцѣпенѣніе.

Въ полдень третьихъ сутокъ заключенія въ камеру вошелъ Капендюхинъ, не затворивъ дверь, сѣлъ на нары и, толкнувъ Вавилу въ бокъ, освѣдомился:

— Лежишь?

— Скоро, что ли, допрашивать меня будутъ? — сердито спросилъ Бурмистровъ.

— Не знаю этого, братику!—сказалъ Капендюхинъ, вздохнувъ.

Его усы растрепались, обвисли, брови были высоко подняты, на лицѣ городового неподвижно лежало выраженіе печали и обиды.

— Теперь ужъ, друже, не до тебя! — медленно говорилъ онъ, уставивъ въ стѣну большіе оловянные глаза.—Ты знаешь, чего вышло?

И' не ожидая отвѣта, сообщилъ, качнувъ головой:

— Свобода всѣмъ вышла!

— Кому?—равнодушно спросилъ Бурмистровъ.

— А всѣмъ жителямъ.

Городовой вынулъ изъ-за обшлага шинели кисетъ, изъ кармана трубку и, посапывая, началъ набивать ее табакомъ.

— Да! Вышла-таки! Сегодня у соборѣ молебенъ будетъ. Всѣмъ все прощено!

Вавила посмотрѣлъ на него, медленно приподнялся и сѣлъ рядомъ.

— Кто объявилъ?

— Государь императоръ, значитъ, кому же больше?

— Всѣмъ?

— Я жъ говорю...

— И мнѣ?

— А и тебѣ! Почему же и не тебѣ? Если всѣмъ, то и тебѣ.

— Меня — судить надо! — вяло и угрюмо сказалъ Бурмистровъ.—Свобода! Нашли время, когда объявить, черти! Все равно теперь—судъ мнѣ будетъ. Свобода!

Онъ вопросительно прислушивался къ своимъ словамъ и недоумѣвалъ: бывало, говоря и думая о свободѣ, онъ ощущалъ въ груди что-то особенное, какія-то неясныя, но сладкія надежды будило это слово, а теперь оно отдавалось въ душѣ безцвѣтнымъ слабымъ эхомъ и, ничего не задѣвая въ ней, исчезало.

Городовой курилъ, плевалъ въ стѣну и спокойно говорилъ:

— Теперь такое начнется — ухъ! Сбѣсились всѣ! Теперь каждый каждому всѣ обиды напомнитъ—эге!

Вавила всталъ на ноги и, выпячивая грудь, сказалъ:

— Что̀ жъ, выпускай меня!

— Подожди! — отрицательно мотнувъ головой, отвѣтилъ Капендюхинъ.—Я жъ не могу, не приказано мнѣ. Я зашелъ по дружбѣ, просто такъ. Было время—приказывали мнѣ сажать тебя у полицію, то я сажалъ. Человѣку приказываютъ—онъ дѣлаетъ, а Богъ всегда говоритъ — это не такъ! Вотъ прикажутъ мнѣ: иди, выпускай Бурмистрова, то я пойду и скажу: а ну, Бурмистроу, ступай себѣ! Развѣ этого не бывало?

— А какъ же Дѣвушкинъ-то?—спросилъ Вавила, недовѣрчиво глядя на городового.

— Это — твое дѣло. Мнѣ — что̀? Я жъ ему не братъ, не отецъ. Я за него не могу взыскивать.

— Ну, и выпускай меня! — рѣшительно проговорилъ Бурмистровъ, подвигаясь къ двери.

Не останавливая его, городовой выколачивалъ пепелъ изъ трубки и безнадежнымъ голосомъ говорилъ:

— Куда ты торопишься? Вотъ чудакъ! Лежалъ-лежалъ, вдругъ вскочилъ. А куда?

Если бы Капендюхинъ попробовалъ остановить Вавилу, Вавила навѣрное ушелъ бы изъ камеры, но, не встрѣтивъ сопротивленія, онъ вдругъ ослабѣлъ и, прислонясь къ стѣнѣ, замеръ въ недоумѣніи, отъ котораго кружилась голова и дрожали ноги. Городовой, растирая пальцемъ пепелъ у себя на колѣнѣ, лѣниво говорилъ о томъ, что обыватели озорничаютъ, никого не слушаются, порядокъ пропалъ.

— Такое идетъ, какъ будто всѣ, и мужчины и бабы, плѣшивые стали, ей-Богу! У всѣхъ явилось какое-то одно, какъ у арестантовъ. Или выстегалъ ихъ кто-то прутьями и люди

не могутъ сидѣть, бѣгаютъ-бѣгаютъ, а все потому, что начальство уже устало заботиться о людяхъ: а ну васъ, свиньи, съ бѣсу, нате вамъ свободу! Вотъ, живите, а я посмотрю съ-за уголка, что будетъ...

Онъ разсердился, надулъ щеки и вышелъ, хлопнувъ громко дверью

Бурмистровъ посмотрѣлъ на дверь, подошелъ къ ней, ударилъ ногой — дверь тяжело отворилась. Онъ выглянулъ въ темный коридоръ, сурово крикнувъ:

— Эй, вы! Заприте!

Никто не отвѣтилъ. Вавила, оскаливъ зубы, съ минуту стоялъ на порогѣ каземата и чувствовалъ, словно кто-то невидимый, но сильный, сбнявъ его, упрямо толкалъ впередъ. Притворивъ дверь, онъ не торопясь пошелъ по коридору, дорога была ему извѣстна. У него вздрагивали уши; съ каждымъ шагомъ впередъ онъ ступалъ все осторожнѣе, стараясь не шумѣть, и ему хотѣлось итти все быстрѣе; это желаніе стало непобѣдимымъ, когда передъ нимъ широко разлетнулся пожарный дворъ

Нѣсколькими прыжками онъ добѣжалъ до конюшенъ, влѣзъ по лѣстницѣ на крышу, прыгнулъ съ нея въ чей-то огородъ, идя на корточкахъ, оглянулся вокругъ, вскочилъ и помчался куда-то черезъ гряды, усѣянныя мерзлыми листьями капусты картофельной ботвы.

Усталый и запыхавшійся, онъ ткнулся въ уголъ между какихъ-то сараевъ, сталъ на колѣни — за заборомъ, точно телеграфныя проволоки въ вѣтреный день, глухо и однообразно гудѣли потревоженные голоса людей.

Бурмистровъ оглянулся, взялъ изъ кучи щепокъ толстый обломокъ какой-то жерди, вытянулся впередъ и приложилъ лицо къ щели забора: въ тупикѣ за нимъ стояло десятка полтора горожанъ—все знакомые люди.

Стояли они тѣсной кучкой, говорили негромко, серьезно, среди нихъ возвышалась огромная сѣдая голова Кулугурова. Всѣ были одѣты тепло, нѣкоторые въ валенкахъ, хотя снѣга еще не было. Они топтались на кочкахъ мерзлой грязи жухлаго бурьяна, вполголоса говоря другъ другу:

— Ладно, говорю, ты спи! — разсказывалъ Кулугуровъ, мерцая глазами.—И только это легла моя старуха, бухъ! въ навень,—камнемъ, видно, кинули.

— Ихъ двѣ шайки основалось, — докладывалъ Базуновъ сторожнымъ и какъ бы что-то нащупывающимъ голосомъ,— Пожемякинъ да кривой со слободы — это одна, а телеграфистишка съ горбатымъ изъ управы земской...

— Да, да, вотъ эти!

— Они-и...

— Что же дѣлать будемъ, а?

Бурмистровъ вздрагивалъ отъ холода. Часто повторяемы вопросъ—что дѣлать?—былъ близокъ ему и держалъ его в углу, какъ собаку на цѣпи. Эти зажиточные люди были не любимы имъ, онъ зналъ, что и они не любятъ его, но сегодн въ его груди чувства плыли подобно облакамъ, сливаясь в неясную, свинцовую массу. Порою въ ней вспыхивалъ какой-т синій, болотный огонекъ и тотчасъ угасалъ.

Когда же онъ услышалъ, что Тіунова ставятъ рядомъ с Кожемякинымъ, его уколола въ сердце зависть, и онъ горьк подумалъ:

„Присосался, кривой чортъ!“

И тотчасъ же сообразилъ:

„Кабы онъ, дьяволъ, не покинулъ меня тогда на мосту- ничего бы и не было со мной!“

Народа въ тупикѣ прибавлялось, разговоръ становился все болѣе тревожнымъ, все менѣе яснымъ для Бурмистрова.

Кто-то говорилъ густымъ и торжественнымъ голосомъ, точн житіе читая:

— Ходитъ по городу старушка нищая Зиновея и неи вѣстная никому женщина съ ней—женщина-то, слышь, явн лась изъ губерніи, и разсказываютъ онѣ обѣ, будто разны образованные люди...

— Слободскіе идутъ!

— Идутъ, идутъ!

— У собора, чай, сотенъ пять народу.

— Слободскіе—это бѣда!

— Одинъ Вавила Бурмистровъ, боецъ-то пхъ, на деся человѣкъ наскандалить можетъ...

Вавила невольно пугливо откинулся отъ забора, но — ем было пріятно слышать мнѣніе горожанъ о немъ. И на секунд въ немъ явилось острое желаніе прыгнуть черезъ заборъ, прям въ середину кучи этихъ людей—эхъ, посыпались бы они кто куд

Онъ улыбнулся, закрылъ глаза, его мускулы сами собо напрягались.

За заборомъ горожане гудѣли, какъ пчелиный рой:

— Въ томъ соображеніи, что Господь Богъ, святая наш церква и православное духовенство едины есть народу з щитники-ходатели, то рѣшили они, эти ученые, чтобы, зн читъ, церкви позакрыть...

— Кожемякинъ вчера успокаивалъ, что ничего-де худо не будетъ...

— Да-а! Какъ же!

— А свобода эта, всѣмъ данная,—ничего?

— Начнется отъ нихъ, свободныхъ, городу разореніе!

— Того и жди!

— Всѣ дѣла остановились—какіе могутъ быть убытки, а? Да будь-ка я на мѣстѣ головы, да я бы,—ахъ, Господи!—гонцовъ бы вездѣ послалъ...

— Что̀ же, братцы, дѣлать?

„Боятся, черти!"—соображалъ Вавила, оскаливъ зубы.

Тревога обывателей была пріятна ему, она словно грѣла его изнутри, насыщая сердце бодростью. Онъ внимательно разсматривалъ озабоченныя лица и ясно видѣлъ, что всѣ эти солидные люди—безпомощны, какъ стадо овецъ, потерявшее козла-пастуха.

Но самъ онъ тоже ощущалъ себя безпомощнымъ, это чувствованіе странно соединяло его съ нелюбимыми людьми, упрямо тянуло къ нимъ, разжигая въ груди какую-то неясную надежду.

И вдругъ въ немъ вспыхнулъ знакомый, пьяный огонь—взорвало его и метнуло черезъ заборъ; точно пылающая головня упалъ онъ въ толпу, легко поджигая сухія сердца.

— Православный народъ! — кричалъ онъ, воздѣвая руки кверху и волчкомъ вертясь среди напуганныхъ людей.—Вотъ онъ я, Бурмистровъ,—бейте! Милые—эхъ! Понялъ я—желаю открыться, дайте душу распахнуть!

Отъ него шарахнулись во всѣ стороны, кто-то съ испуга больно ударилъ его по боку палкой, кто-то завылъ. Вавила кинулся на колѣни, вытянулъ впередъ руки и безстрашно взывалъ:

— Бей, ребята, бей! Теперь свобода: вы—меня, а васъ—они, всѣ эти, которые...

Онъ не зналъ, которые именно, и остановился, захлебнувшись словами.

— Стой! — крикнулъ Кулугуровъ, взмахивая рукой. — Не тронь его, погоди!

— Я ли, братцы, свободѣ не любовникъ былъ?

Обыватели осторожно смыкались вокругъ него, а Бурмистровъ, сверкая глазами, ощущалъ близость побѣды и все болѣе воодушевлялся.

— Что̀ она мнѣ, свобода? Убилъ я и свободенъ? Укралъ и свободенъ?

— Вѣрно!—крикнулъ Кулугуровъ, топая ногами.—Слушай, народъ!

Кто-то злобно и вѣско сказалъ:

— Да-а, слушай, онъ самъ, чу, третьяго-дня, что ли, и впрямь человѣка убилъ!

— Да вѣдь онъ о томъ и говоритъ! — оралъ старый бондарь.

— Видали?—подпрыгивая, кричалъ Базуновъ.—Вотъ она—свобода! Разбойникъ, а и то понялъ! Во! Во-отъ она, русская совѣсть, ага-а!

— Кому повѣримъ?—вторилъ Кулугуровъ.

Вавила немножко испугался и заигралъ съ жаромъ, съ тоской и отчаяніемъ.

— Вѣрно—убилъ я! Убѣжалъ развѣ? Нѣту! Судите—вотъ я! Кого я убилъ?

Ему снова захлестнуло языкъ, сжало горло, онъ схватился руками за грудь и нѣсколько страшныхъ секундъ молчалъ, не зная, что̀ сказать.

Вокругъ глухо бормотали:

— Кается—чисто!

— Отъ души, видать!

— Простой народъ, онъ завсегда Бога помнитъ! А эти разные образованные, они вонъ, слышь, и надъ Богомъ издѣваются...

— Ну все-таки, убійство ежели.

— Кого я убилъ?—крикнулъ Вавила.—Выученника Тіунова, кривого смутьяна...

Онъ самъ удивился своимъ словамъ и снова на секунду замолчалъ, но тотчасъ понялъ выгоду неожиданной обмолвки, обрадовался и вспыхнулъ еще ярче.

— За что я его? За поганые его стихи, ей-Богу, братцы! За богохульство! Я знаю—это кривой его выучилъ, фальшивый монетчикъ! Не стерпѣло сердце обиды Богу, ну, ударилъ я Симку, единожды всего, братцы! Такая рука,—я ничего не скрываю,—такая сила дана мнѣ отъ Господа! И—тоже—гдѣ убилъ? У распутной дѣвки! Тамъ ли хорошему человѣку мѣсто?

Мѣщане угрюмо смотрѣли на него, а Кулугуровъ убѣдительно говорилъ, покрывая крики Вавилы:

— Мы въ этомъ не судьи, насъ эти дѣла разбойныя не касаются! А что онъ противъ свободы—это мы можемъ принять.

— Нѣтъ, кривой-то, а? — злобно воскликнулъ кто-то. — Вездѣ!

— Смутьянишко, дьяволъ.

— Запомнить бы Вавилины-то рѣчи!

— Старушку бы эту нищую и женщину съ ней тоже бы заставить — пусть разскажутъ про антихристовы затѣи эти...

Чей-то тревожный голосъ крикнулъ:

— Глядите-тко, сколько ихъ къ собору прётъ! Сомнутъ они насъ, ей же Богу! Братцы!

— И мы туда!—загремѣлъ Кулугуровъ.—Али мы не граждане въ своемъ городѣ? И ежели всѣ насъ покинули безъ защиты, какъ быть? Биться? Вавилъ, айда съ нами, скажи-ка имъ тамъ все это, насчетъ свободы, ну-ка! Куда она ведетъ и какъ!

Онъ засучилъ рукава пиджака по локоть и сразу нѣсколькими толчками сбилъ, соединилъ всѣхъ въ плотную, тяжелую кучу. Бурмистрова схватили сзади подъ руки и повели, внушая ему:

— Ты—прямо говори...

— Не бойсь, поддержимъ!

— Полиціи тамъ нѣтъ..

— Мы тебѣ защиту дадимъ...

— Ничего! Ну, ударилъ разъ...

— Вѣдь за Бога сталъ...

— Насчетъ кривого-то хорошенько...

Вавила точно на крыльяхъ летѣлъ впереди всѣхъ, умиленный и восторженный; люди крѣпко обняли своими тѣлами его тѣло, похлопывали его по плечамъ, щупали крѣпость рукъ, кто-то даже поцѣловалъ его и слезливо шепнулъ въ ухо:

— На пропятіе идешь, эхъ!

— Пустите!—говорилъ Вавила, встряхивая плечами

Малосильное мѣщанство осыпалось съ него, точно листъ съ дерева, и похваливало:

— Ну, и здоровъ же!

И снова прилѣплялось къ возбужденному, потному тѣлу.

Бурмистровъ понялъ свою роль и, размахивая голыми руками, оралъ:

— Я ихъ открою! Всѣхъ!

Онъ никогда еще не чувствовалъ себя героемъ такъ полно и сильно. Оглядывалъ горящими глазами лица людей, уже влюбленныхъ въ него, поклонявшихся ему, и гдѣ-то въ груди у него радостно сверкала жгучая мысль:

— Вотъ она, свобода! Вотъ она!

Клиномъ врѣзались въ толпу людей на площади и, расталкивая ихъ, быстро шли къ паперти собора. Ихъ было не болѣе полсотни, но они знали, чего хотятъ, и толпа разступалась передъ ними.

— Гляди!—сказали Бурмистрову.—Вонъ они!

На паперти, между колоннъ, точно пряталась кучка людей,

и кто-то изъ нихъ, размахивая бѣлымъ лоскуткомъ, кричалъ непонятныя, неясныя слова.

Сквозь гулъ толпы доносились знакомые окрики Стрѣльцова, Ключникова, Зосимы...

„Наши здѣсь!“—подумалъ Вавила, улыбаясь пьяной улыбкой; ему представилось, какъ сейчасъ слобожане хорошо увидятъ его.

Онъ вскочилъ на паперть, широко размахнулъ руками, отбрасывая людей въ стороны, обернулся къ площади и закричалъ во всю грудь:

— Православные! Всѣ вы... собрались, стоите... и вотъ я говорю, я! Я!

Ввстрѣчу ему хлынулъ густой, непонятный гулъ, но—Вавила всей кожей своего тѣла почувствовалъ, что шумъ этотъ враждебенъ ему, отрицаетъ его. Вся площадь была вымощена человѣческими лицами, земля точно ожила, колебалась и смотрѣла на человѣка тысячами очей.

Въ груди Бурмистрова что-то оборвалось, на сердце пахнуло жуткимъ холодомъ: поднявъ голосъ, онъ напрягся и съ отчаяніемъ завылъ, закричалъ, но снова, еще болѣе сильно и мощно, сотнями грудей, вздохнула толпа:

— Долой! Не надо!

И рядомъ съ нимъ, гдѣ-то сбоку, спокойно текла увѣренная рѣчь, ясно звучали вѣскія слова:

— Кого же ставятъ они противъ правды? Вы знаете, кто этотъ человѣкъ...

Еще разъ внутри Бурмистрова туго натянулась какая-то струна—и со стономъ лопнула.

— Вретъ!—крикнулъ онъ въ огромное живое лицо передъ собой; обернулся, увидалъ сухую руку, протянутую къ нему, темный глазъ, голый, дынею, черепъ, бросился, схватилъ Тіунова, швырнулъ его куда-то внизъ и взревѣлъ:

— Бей!

— Нашихъ бьютъ! — взвыло окуровское мѣщанство.

И закружились, заметались люди, точно соръ осенній, схваченный вихремъ. Большинство съ воемъ кинулось въ улицы, падали, прыгали другъ черезъ друга, а около паперти закипѣлъ жаркій, тѣсный бой.

— Ага-а!—ревѣлъ старый бондарь Кулугуровъ, взмахивая зеленымъ обломкомъ тетивы церковной лѣстницы.—Свобода!

Вавила билъ людей молча, слѣпо: крѣпко стиснувъ зубы, онъ высоко взмахивалъ рукою, ударялъ человѣка въ лицо и, когда этотъ падалъ, не спѣша искалъ глазами другого.

Люди не сопротивлялись, бѣжали отъ него, сами падали

подъ ноги ему. Вавила не чувствовалъ ни радости ни злобнаго удовольствія бить ихъ. Скоро его обняла тягостная усталость, онъ сѣлъ на землю и вытянулъ ноги, оглянулся: сидѣлъ за соборомъ, у тротуарной тумбы, противъ чьихъ-то красныхъ, запертыхъ воротъ.

Неподалеку стояла кучка людей, человѣкъ десять, и среди нихъ оборванный, встрепанный Кулугуровъ, отирая большой ладонью разбитое лицо, громко говорилъ:

— Попало ему, кривому дьяволу, довольно-таки!

На пестрыхъ главахъ церкви Николы Мирликійскаго собралась стая галокъ и оглушительно кричала. Бурмистровъ взглянулъ на нихъ, глубоко вздыхая.

Онъ какъ будто засыпалъ, его давила усталость, онъ тупо смотрѣлъ въ землю и двигалъ ногой, растирая о камни чью-то измятую шапку.

— Всѣхъ разогнали пока что̀!—кричалъ бондарь.—Такъ-то вотъ! Ну, айда!

Онъ высморкался пальцами и пошелъ къ Вавилѣ, сопровождаемый товарищами.

— Куда меня теперь?—тихо и угрюмо спросилъ Бурмистровъ, когда они подошли и окружили его.

— Что̀, ушибли тебя?—не отвѣчая, освѣдомился бондарь.

— Куда меня?

Но раньше, чѣмъ кончить свой вопросъ, Вавила почувствовалъ, что его крѣпко держатъ за руки, поднимаютъ съ земли.

— А вотъ, значитъ,—серьезно говорилъ Кулугуровъ,—какъ ты, первое, повинился намъ въ убійствѣ, а второе, драку эту началъ—ну, отведемъ мы тебя въ полицію...

Кто-то, угрожая, добавилъ:

— Мы тебѣ, другъ, не потатчики, нѣтъ!

Вавила взглянулъ на него и промолчалъ.

Пошли. Бурмистровъ смотрѣлъ въ землю, видѣлъ подъ ногами у себя лоскутья одежды, изломанныя палки, потерянныя калоши. Когда эти вещи были близко—онъ старался тяжело наступить на нихъ ногой, точно хотѣлъ вдавить ихъ въ мерзлую землю; ему все казалось, что земля сверкаетъ сотнями взглядовъ, и что онъ идетъ по лицамъ людей.

И какъ сквозь сонъ слышалъ гудѣніе встревоженнаго города и солидную рѣчь бондаря.

— А бой въ семъ году рано начали—до Михайлова-то дня еще недѣли двѣ время...

Какъ-то вдругъ повалилъ снѣгъ, и все скрылось, утонуло въ его тяжелой, ровной кисеѣ.

— Удавлюсь я тамъ, въ полиціи!—глухо и задумчиво сказалъ Вавила.

— Еретикъ — всегда еретикомъ останется! — отвѣтили ему откуда-то со стороны.

— Не хочу,—не пойду!—вдругъ остановясь, крикнулъ Бурмистровъ, пытаясь стряхнуть уцѣпившихся за него людей и чувствуя, что не удастся это ему, не сладитъ онъ съ ними.

Они начали злобно дергать, рвать, бить его, точно псы отсталаго волка, выли, кричали, катались по землѣ темною кучею, а на нихъ густо падали хлопья снѣга, покрывая весь городъ бѣлымъ покровомъ долгой и скучной зимы.

Во мглѣ снѣжной пурги черными пятнами мелькали галки.

И все работалъ неутомимый человѣкъ, гдѣ-то на Пѣтуховой горкѣ, должно-быть; онъ точно на весь городъ набивалъ тѣсный, крѣпкій обручъ, упрямо и увѣренно выстукивая:

— Тум-тум-тумъ... Тум-тумъ...

1910.

Оглавленіе

V тома.

стр.
Разсказъ Филиппа Васильевича 3
Исповѣдь 17
Жизнь ненужнаго человѣка 167
Городокъ Окуровъ 376

D041036711M
Duke University Libraries